РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

1 (252)

Январь–Февраль–Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

МОСКВА 2005 «НАУКА»

Журнал издается в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем
и Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова

Редакционный совет

академик РАН *М.Л. Гаспаров* (председатель),
акад. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*,
д.и.н. *В.К. Афанасьева*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*,
акад. РАН *Т.В. Гамкрелидзе*, д.и.н. *А.А. Губаев*,
акад. АН Грузии *Г.Г. Гиоргадзе*, акад. РАН *В.В. Иванов*,
член-корр. РАН *Н.Н. Казанский*, д.и.н. *В.И. Кузищин* (зам. председателя),
член-корр. НАН Украины *С.Д. Крыжицкий*,
д. филол. н. *В.А. Лившиц*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*,
д.и.н. *И.Л. Маяк*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*,
акад. РАН *В.И. Молодин*, член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
член-корр. РАН *М.Б. Пиотровский*,
акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, д. филол. н. *А.А. Россиус*,
д.и.н. *И.С. Свенцицкая*, член-корр. РАН *С.А. Старостин*,
акад. РАН *И.М. Стеблин-Каменский*, д.и.н. *И.С. Чичуров*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор)

А.Ю. Алексеев, Е.В. Антонова, Д.Е. Афиногенов, Л.С. Баюн, А.А. Вигасин,
В.А. Головина (зам. главного редактора),
М.А. Дандамаев (зам. главного редактора), *М.М. Дандамаева, А.И. Иванчик,*
С.Г. Карпюк (зам. главного редактора), *Г.А. Кошеленко,*
В.И. Кузищин, Ю.Н. Литвиненко (зам. главного редактора), *Е.В. Ляпустина,*
Л.П. Маринович, А.И. Павловская, А.В. Подосинов,
С.Ю. Сапрыкин (ответственный секретарь), *А.В. Седов, А.Л. Смышляев,*
М.К. Трофимова, В.И. Уколова, д.и.н. *Н.А. Фролова, Э.Д. Фролов*
Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

D. Afinogenov, A. Alekseev, Ye. Antonova, L. Bayun, M. Dandamayev, M. Dandamayeva,
E. Frolov, N.A. Frolova, V. Golovina, A. Ivantchik, S. Karpyuk, G. Koshelenko,
V. Kuzishchin, Ye. Lyapustina, Yu. Litvinenko, L. Marinovich, A. Pavlovskaya,
A. Podosinov, S. Saprykin, A. Sedov, A. Smyshlyaev, M. Trofimova,
V. Ukolova, A. Vigasin
Head Editorial Office *I. Malkova*

© Российская академия наук, 2005 г.
© Редколлегия журнала "Вестник древней истории" (составитель), 2005 г.

© 2005 г.

А. А. Немировский

«ПРОСТРАННЫЕ АННАЛЫ» МУРСИЛИСА II – ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ УСЛОВНОСТЬ?

Как известно, от Мурсилиса II, хеттского государя второй половины XIV в. до н.э., до нас дошло множество анналистических фрагментов. Уже первые их исследователи, Э. Форрер и А. Гетце, обнаружили, что одни и те же события правления Мурсилиса излагаются в разных фрагментах (при общем следовании единой событийной канве) с существенными текстуальными и содержательными различиями. Таким образом, указанные фрагменты принадлежат не одному, а нескольким самостоятельным произведениям анналистического характера. В частности, таблица KBo III 4 представляет собой законченный текст, описывающий события первых десяти лет правления Мурсилиса, в течение которых он по обету Богини города Аринны победил всех врагов, выступавших против хеттов при его воцарении (KBo III 4, I 28–29; IV 47–48). Некоторые другие фрагменты принадлежат копиям того же текста, получившего в литературе название «Десятилетних анналов». Все остальные тексты, т.е. фрагменты, описывающие события первых десяти лет Мурсилиса иным образом, нежели «Десятилетние анналы», а также фрагменты, относящиеся к последующим годам его правления, были условно отнесены А. Гетце к одному и тому же произведению – так называемым «Пространным анналам»[1] (дошедшим в нескольких фрагментированных копиях).

Такое предположение, будучи само по себе наиболее простой «рабочей гипотезой», ни в какой мере, однако, не является для нас обязывающим. От одного и того же ассирийского царя дошло зачастую несколько вполне самостоятельных анналистических произведений, частично пересекающихся по содержанию и покрывающих различные периоды его правления или все это правление целиком; кроме того, одно и то же, по сути, произведение может существовать в нескольких достаточно несхожих версиях[2]. Сам Мурсилис, как отмечалось, оставил по меньшей мере два перекрывающихся по охвату описания отдельных отрезков своего правления. В этих условиях не было бы ничего удивительного, если бы фрагменты, относимые А. Гетце к так называемым «Пространным анналам» Мурсилиса, в действительности принадлежали бы разным произведениям (или разным версиям одного произведения). По неизвестным причинам ни сам А. Гетце, ни, насколько нам известно, другие хеттологи не учитывали этого соображения при исследовании текстов AM[3]. Между тем, как представляется,

[1] В таком виде они и были опубликованы в предпринятом им сводном издании анналистики Мурсилиса (*Goetze A.* Die Annalen des Mursilis. Lpz, 1933; Darmstadt, 1967; далее – AM).

[2] Как, например, так называемые «Анналы Ашшурбанипала», чьи новые и новые версии (отличающиеся по набору и компоновке фактов) продолжали составляться «по мере поступления» новых событий его царствования.

[3] Во всяком случае, в последних сводных работах по хеттской истории (*Klengel H.* Geschichte des Hethitischen Reiches. Leiden, 1998. S. 185–187, 192 f.; *Bryce T.* The Kingdom of Hittites. Oxf., 1998. P. 234 f.)

эти тексты дают нам все необходимые основания для вполне определенного решения указанной проблемы. Речь идет о таблицах KBo V 8 и KBo II 5, которые, как твердо установил А. Гетце, относятся к поздним годам правления Мурсилиса (по истечении его первого десятилетия)[4]. В рамках общепринятого членения анналистических фрагментов Мурсилиса они уже по одному этому должны относиться к одним и тем же «Пространным анналам»; А. Гетце атрибутировал их таким образом с полной уверенностью, тем более что на обеих таблицах сохранился одинаковый колофон – «такая-то таблица мужественных деяний (LU-annas) Мурсилиса». Эта идентичность заглавий текстов, к которому относятся наши фрагменты, удостоверяет, на первый взгляд, что это и есть один и тот же текст (resp. «Пространные анналы»). В действительности, однако, LU-annas, «Мужественные деяния» – это стандартное название хеттских царских анналов вообще, столь же неконкретизирующее, как само латинское «анналы», так что «Мужественными деяниями Мурсилиса» могли одинаково называться любые, сколь угодно различные анналистические тексты этого царя и их варианты. Таким образом, одинаковый колофон «Мужественные деяния» сам по себе не является препятствием к тому, чтобы относить несущие его фрагменты к разным текстам Мурсилиса (или к разным версиям одного и того же текста).

Для дальнейшего исследования нам необходимо будет наглядно представить оба текста в сравнительном изложении с указаниями лакун; такое представление осуществлено на таблице[5].

Поскольку текстуальных совпадений в KBo V 8 и KBo II 5 нет, А. Гетце, заранее отнесший их к одним и тем же «Пространным анналам», должен был однозначно считать их последовательными фрагментами. При таком подходе очередность KBo V 8 и KBo II 5 устанавливается легко. Как заметил А. Гетце, оба текста описывают походы в одни и те же области – Каласму, во-первых, и каскские земли, включая Таккувахину и Тахантатипу, во-вторых. При этом KBo V 8 описывает свой каскский поход как первое проникновение хеттов в соответствующие области (I 37 sqq.), а сообщая о мятеже в Каласме, приводит его предысторию и прослеживает положение Каласмы начиная со времен Тудхалиаса III (IV 5 sqq.), т.е., очевидно, вводит Каласму в повествование в

и в новейшем, неопубликованном и систематически обновляемом варианте каталога хеттских текстов (CTH), размещенном Б. Коллинз в Интернете (адрес www.bu.edu/asor/HITTITE/CTHHP.html, последнее обновление в феврале 2000 г.), все анналистические тексты Мурсилиса, кроме «Десятилетних анналов», отнесены к «Пространным», а соотнесение и датировка фрагментов даны либо прямо по изданию А. Гетце, либо по: *Houwink Ten Cate Ph.H.J.* Mursilis Northwestern Campaigns – Additional Fragments of His Comprehensive Annals // JNES. 1966. 25. P. 162–190. В свою очередь, этот исследователь ни в чем не изменил относительный порядок размещения фрагментов, предложенный А. Гетце. С тех пор, насколько нам известно, интересующий нас аспект текстологии АМ не подвергался новому изучению.

[4] Оба текста, в значительной мере разрушенные, сообщают о походах Мурсилиса II против касков и Каласмы. «Десятилетние анналы» и фрагменты, касающиеся первого десятилетия правления Мурсилиса, в совокупности позволяют подробно и практически полностью воссоздать события названного десятилетия, но ничего похожего на эти походы или связанного с ними не упоминают. Таблицы KBo V 8 и KBo II 5 в свою очередь не содержат ничего общего с известной нам историей первого десятилетия Мурсилиса и при этом сами охватывают по нескольку лет каждая, так что совместить представленный в них фактический ряд с событиями этого десятилетия оказывается совершенно невозможным. Наконец, в KBo V 8, II 40–41 упоминается двадцатилетний срок, прошедший со времени воцарения Мурсилиса (см. ниже).

[5] Каждый абзац на схеме отвечает тематически единому отрывку связного повествования, либо лакуне, либо разрушенному отрывку. Таким образом, границы абзацев отвечают восприятию текста современным исследователем, а не разделению самих таблиц на параграфы, осуществленному древним писцом при помощи разделительных линий (указанное членение для наших задач безразлично). Хронологические указания подчеркнуты.

KBo II 5	KBo V 8
I 1–15 Операция в Питталахсе. «Год мне стал мал» (стал близок к окончанию). Отход в Истахару. Получение известия о начале враждебных действий со стороны Апарруса, правителя Каласмы. Отход в Хаттусу.	I 1–42 «[Когда] год…, я пошел на Таггасту». Разгром Таггасты и ее союзников, затем Исталуппы и Каппуппувы, затем Таккувахины и Тахантатипы. «Так как на эти страны (до сих пор ни один) хеттский царь не ходил, то я там (надолго) задержался (ser sakuwantariyanun)». Враждебная Страна реки Куммесмаха, узнав об этом, посылает помощь людям Таккувахины.
(*Лакуна в ~40 сткк. Как видно из дальнейшего, на нее должен падать по меньшей мере один рубеж лет*).	(*Лакуна в ~30 сткк.*)
II 1–52 «Когда весна пришла, я пошел к войску на Красной реке…». Поход в каскские земли. Последовательный разгром каскских стран: Таггасты, Исталуппы, Каппупувы, еще ряда областей, Тахантатипы и Таккувахины. Затем упомянута Страна реки Куммесмаха.	II 1–7 Возвращение и зимовка в Анкуве (Конец года). II 8–40 Исторический пролог к кампании по окончательному наведению порядка в Пале (и Тумманне).
II 53–62 Поход неизвестного военачальника (военачальников?) в Сеху и Арвану.	*Ок. 60 сткк. Практически полностью разрушенный текст и лакуны. Сначала речь, несомненно, идет о наведении порядка в Пале и Тумманне /а/.*
III 1–28. Текст разрушен (начиная со стк. 8 – целиком, за исключением нескольких слов). *III 12: упоминается Нуванцас.* III 29–37 Разгром Апарруса в стране Саппа местным хеттским начальником Тархинисом. *(Как видно из дальнейшего (III 38 f.), здесь должен идти рубеж лет).*	III 4–43 Действия против неких Питтапараса и Питагаталлиса. Упоминаются Сапиддува, река Дахара, Алтанна, Эллурия, Кассу. (*Как известно по «Деяниям Суппилулиумаса», все они располагаются в Тумманне или рядом с ней*) */б/*. (*Лакуна в ~30–35 сткк.*)
III 38–60 – IV 1–28. (*Непрерывное, хорошо сохранившееся изложение*). «Когда весна пришла, …я пошел в страну Каласма против Апарруса» */г/*. Разгром Лалхи, Исхуппы. «Год мне стал мал, настала зима». Возвращение в Хаттусу. Пока Мурсилис зимой пребывает в Хаттусе, наместник Саппы Тархинис снова разбивает Апарруса. «Зима еще не кончилась», как в Каласме началось межоусобие. Хутупиянцас, «что Палой и Тумманной управлял», двинулся на Каласму и подчинил ее, наконец, хеттам (*Конец таблицы*).	IV 1–22 «Я пошел в Каласму». *Историческая ретроспекция*: Сообщается, что Каласма подчинялась деду и отцу Мурсилиса, а потом ему самому, но в какой-то момент «начала вражду с ним» и не выставляла ему войска, а затем не изъявила ему покорности во время прохождения Мурсилиса через Тумманну. Из-за уже взятой обильной добычи (*захваченной, очевидно, в Тумманне, см. предшествующие пассажи /в/*) Мурсилис не углубляется, однако, в Каласму сам, но посылает туда Нуванцаса, а сам идет прямо в Паххуву. Нуванцас, разгромив Каласму, Лалху и Миттуву, присоединяется к Мурсилису в Паххуве. «И я пошел в Хаттусу и начал большое Шестилетнее празднество» (*Конец таблицы*).
КОЛОФОН: «13 таблица мужественных деяний (LU-nannas) Мурсилиса [Великого царя] (Еще) не конец (всего текста)».	КОЛОФОН: «8 таблица мужественных деяний (LU-annas) [Мурсилиса], Великого царя [Еще не ко]нец (всего текста)».

/а/ Как видно из того, что предшествующие этому сегменту строки содержат историческую преамбулу к такому наведению порядка, а в следующих после этого сегмента строках III 4–43 описывается разгром областей Тумманны, см. след. прим.

/б/ Таким образом, в этом сегменте продолжается описание той самой кампании по усмирению Тумманны, преамбула к которой содержалась в II 8–40.

/в/ Итак, по-видимому, движение в Каласму, описанное в IV 1 sqq. являлось продолжением и завершением кампании по усмирению Палы и Тумманны, заявленной в II 8–40. Весь сегмент KBo V 8, II 8 – IV 22 описывает, тем самым, одну эту кампанию (исключая вставку ретроспективного обзора отношений с Каласмой в IV 1 sqq.). Подчеркнем, что эта кампания могла пройти и не в один год, хотя это не особенно вероятно.

/г/ Обратим внимание на то, что поход, описанный в KBo II 5, III 38 sqq., был с самого начала направлен непосредственно на Каласму и других целей не имел, а поход, описанный в KBo V 8, IV 1–22, судя по упоминанию уже взятой добычи, был направлен сначала куда-то еще (очевидно, в Палу и Тумманну, которые и были его главными целями), а Каласму лишь затронул на своей завершающей фазе.

первый раз. Напротив, описанные в KBo II 5 походы на тех же касков и Каласму никак не комментируются. Таким образом, в рамках одного и того же повествования текст KBo V 8, вне всяких сомнений, должен был бы предшествовать тексту KBo II 5[6]. Этот вывод и воспроизводится всеми исследователями.

Хронологическое приурочение этих фрагментов к тем или иным годам правления Мурсилиса осуществляется, напротив, по-разному. Согласно KBo V 8, IV, описаннное здесь движение войск Мурсилиса в Каласму и Паххуву и возвращение его оттуда в Хаттусу увенчалось так называемым Шестилетним (т.е. проводящимся каждые шесть лет) празднеством. Как известно из другого текста (фрагмент «Пространных анналов», KBo IV 4, IV 41), Шестилетнее празднество уже проводилось на 10-м году правления Мурсилиса; тогда Шестилетнее празднество, упомянутое на исходе KBo V 8, остается помещать позднее, на 16-й или 22-й годы его правления (так как вообще все события, описанные в KBo V 8, приходятся на более позднее время, чем первые десять лет правления Мурсилиса, описанные в его «Десятилетних анналах», см. выше). Один из средних пассажей KBo V 8 (преамбула к усмирению Мурсилисом Палы и Тумманны, восставших еще при Суппилулиумасе) содержит фразу: «(34) Когда же (mahhanmazakan) я воссел на трон моего отца, (35) то которые враги во множестве (36) собрались, прежде чем я их (37) повоевал, прежде чем я их (38) разбил и их управил, (39) то piran para, как (kuittaiazakan) (40) я воссел на трон моего отца, (41) двадцать лет... (*несколько побитых знаков*) прошло[7]» (KBo V 8, II 34–41). По контексту это указание может лишь описывать момент, от которого отсчитывается наведение самим Мурсилисом порядка в Пале и Тумманне.

Piran para (досл. нечто вроде «перед после», «перед (считая) от момента») можно понимать в данной фразе двояко: «до (и) после моего воцарения (считая от начала восстания Палы и Тумманы при Суппилулиумасе, о котором говорилось чуть выше) в общей сложности (к моменту покончившего с этим восстанием карательного похода на Палу и Тумману, о котором пойдет речь в следующих пассажах) прошло около 20 лет»[8] или «перед тем, как я управился с врагами ("перед" = перед этим = перед тем, как я повоевал, разбил и управил врагов; "перед" имеет здесь подхватывающе-втягивающее значение по отношению к предыдущему), (считая) от момента (para) моего воцарения, прошло около 20 лет»[9]. В первом случае получится, что усмирение Палы и Тумманы началось заведомо за несколько лет до 20–21-го года Мурсилиса (так как упомянутые там 20 лет включают и последние годы Суппилулиумаса, и правление Арнувандаса II, и только после этого – отрезок правления Мурсилиса, прошедший до начала усмирения Палы и Тумманны); тогда Шестилетнее празднество, завершающее изложение KBo V 8 и подытоживающее это усмирение, – это Шестилетнее празднество 16-го года[10]. При втором переводе получится, что около 20 лет до начала усмирения Мурсилисом Палы и Тумманны

[6] AM. S. 6.

[7] Подчеркнем, что эти «20 лет» могут быть округленными, тем более что мы не знаем, какое слово стояло между «20 лет» и «прошло».

[8] Так считал Э. Форрер, а вслед за ним – Х. Оттен, Г. Гютербок и Ф. Хувинк Тен Кате (см. *Houwink Ten Cate Ph.H.J.* Mursilis' North-Western Campaigns. A Commentary // Anatolica. 1965. 1. P. 58 f., с библиографией).

[9] Так считал А. Гетце (AM. S. 6, 155).

[10] Так как начало действий в Пале–Тумманне–Паххуве (завершившихся Шестилетним празднеством KBo V 8) в этом случае отодвигается назад от 20-го года правления Мурсилиса на все время, которое прошло от восстания Палы и Тумманны еще при Суппилулиумасе (когда он пребывал в Сирии) до воцарения Мурсилиса; а тогда от указанного начала действий в Пале–Тумманне до следующего возможного года Шестилетнего празднества (22-го) прошло, пожалуй, больше времени, чем могли бы занять эти действия.

прошло от воцарения самого Мурсилиса, и тогда Шестилетнее празднество, описанное в KBo V 8, однозначно придется на 22-й год.

А поскольку события, изложенные в KBo II 5, при общепринятом отнесении его к тем же «Пространным анналам», что и KBo V 8, разворачивались заведомо *после* событий, описанных в KBo V 8 (см. выше), то их остается помещать после 16-го года Мурсилиса при первом варианте перевода приведенной выше фразы KBo V 8, II 34–41 и после 22-го года – при втором. Оба эти варианта представлены в новейших работах[11].

В свое время мы привели подробные доказательства в пользу того, что перевод вышеприведенного хронологического указания о 20-х годах, предложенный А. Гетце, является единственно возможным[12]. Однако независимо от

[11] Т. Брайс (Op. cit. P. 234 f.), отталкивающийся от интерпретации А. Гетце, помещает, так же как и этот автор, события KBo V 8 на 19-й–22-й годы правления Мурсилиса, а события KBo II 5 – на несколько лет позже (сам А. Гетце предполагал, что они охватывают конец 25-го, 26-й и начало 27-го года – AM. S. 9). Х. Кленгель, принимающий вслед за Оттеном и Тен Кате решение Форрера, помещает события KBo V 8 на 15-й–16/17-й годы правления Мурсилиса, а события KBo II 5 – на его 20-й, 21-й и 22-й годы (*Klengel*. Op. cit. S. 185 f., 192 f.; ср. *Houwink Ten Cate*. Mursilis Northwestern Campaigns – Additional Fragments... P. 162 f.).

[12] *Немировский А.А.* К хронологии правления Мурсилиса II: две хеттологические легенды // Древний Восток и античный мир. 2. М., 1999. С. 25–28. Добавим к этому еще одно соображение: в пассаже KBo V 8, II 34–41 присутствуют два совершенно одинаковых временны́х придаточных предложения («я воссел на престол моего отца»); первое из них введено союзом mahhan (стк. 34; сразу после этого идет включающая соотносительно-союзное слово фраза «которые враги во множестве собрались»), второе – наречно-союзным выражением ((piran) para) kuit (стк. 39). Поскольку бессмысленного удвоения придаточного в пассаже содержаться не может, остается считать, что эти два придаточных относятся к двум разным главным предложениям в пределах того же пассажа. На роли главных предложений для этих придаточных могут претендовать только «враги во множестве собрались» и «двадцать лет прошло» (оставшееся предложение – «я их повоевал и т.д.» – главным для любого из наших придаточных быть не может, так как при этом пассажу вообще нельзя будет дать сколько-нибудь осмысленного перевода). Оба союза, вводящих названные придаточные, имеют временно́е значение общего вида «когда», однако mahhan имеет оттенок временной эквивалентности («когда ~ как только»), а kuit – консекутивный оттенок «после» («когда ~ вследствие того, что//после того, как»; основное значение kuit – каузальное: «так как, поскольку, вследствие того, что»). Коль скоро в одном пассаже задействованы оба эти союза, то, надо думать, эта разница имеет значение, и автор текста руководствовался именно соответствующими оттенками, когда вводил одно из двух одинаковых придаточных одним союзом, а другое – другим (тем более что каузально-консекутивный оттенок вообще неотделим от временно́го значения kuit). При этом в норме хеттское временное придаточное надо считать относящимся к следующему после него предложению. Тем самым придаточное, вводимое союзом mahhan, должно относиться к предложению «враги во множестве собрались» («враги, которые во множестве собрались, когда я воссел на престол = при моем воцарении») – и действительно, из «Десятилетних анналов» мы знаем, что враги во множестве собрались уже при самом воцарении Мурсилиса, так что союз временно́й эквивалентности здесь подходит идеально. Тогда придаточное, следующее после kuit остается подчинять завершающей фразе «двадцать лет... прошло»: «двадцать лет... прошло, ((piran) para) после того, как я воссел на престол». Но консекутивный оттенок kuit хорошо сочетался бы лишь с интерпретацией А. Гетце, где единое союзное выражение с kuit образует только para «после», чья семантика однородна консекутивности и тем самым вполне допускает единое сочетание para «после, вслед, считая от» + (консекутивное) kuit «после того, как» с суммарным значением «в период, следующий после того, как». Итоговый перевод при этом выглядит так: «до (этого = до того, что случилось все вышесказанное)^{piran}, в период, следующий^{para} после того, как^{kuit} я воссел на престол, прошло... 20 лет». Перевод же Э. Форрера–Ф. Хувинка Тен Кате игнорирует консекутивность kuit и ей противоречит, так как в нем piran «до» подчиняет kuit в той же мере, что его подчиняет и para «после» (piran и para здесь – однородные члены, подчиняющие kuit), и перевод имеет вид «до и после kuit...», что получает смысл только при переводе kuit простым «когда», без оттенка консекутивности: с простым «когда» перевод получит относительно приемлемый вид «до^{piran} и после^{para} того, когда^{kuit} я воссел на престол», т.е. «до того, когда я воссел на престол, и после этого (считая от момента восстания Палы, имевшего место еще до моего воцарения) (в совокупности) прошло 20 лет». С консекутивным же «когда = после того, как» сочетание piran... kuit стало бы бессмысленным, давая «до того, как^{piran} после того, как^{kuit} (!) я взошел на престол, и после того, как я взошел на престол para + kuit» и т.д. В любом случае перевод Э. Форрера требует считать, что многие смысловые сегменты не были выражены в тексте, но только подразумевались в нем (без домысливания нескольких таких сегментов этот перевод вообще теряет смысл, см. выше), что говорит против этого перевода.

этого, общепринятый взгляд, по которому KBo V 8 и KBo II 5 представляют последовательные части одного и того же нарратива, порождает существенные проблемы. Прежде всего, оказывается, что Мурсилис дважды совершил (в одной и той же последовательности) по паре походов против касков и Каласмы с Лалхой, причем, действуя против касков, оба раза затрагивал в одинаковом порядке одни и те же области (Таггаста – Исталуппа – Каппуппува – (...) – Тахантатипа и Таккувахина – Страна реки Куммесмаха[13]). Такое повторение, разумеется, нельзя совершенно исключить, но выглядит оно довольно неестественно. Более того, если мы все же примем такой ход событий, то столкнемся с новым затруднением: раз уж в KBo II 5 Мурсилис предпринимает кампании против определенных каскских областей и Каласмы во второй раз (и, значит, в промежутке они успели отложиться от хеттов), то почему он никак не оговаривает этого обстоятельства в тексте? Новохеттские исторические памятники систематически и прямо указывают на повторное проведение царем кампании против определенной области формулой «во второй раз...», а также четко акцентируют внимание аудитории на проблемах лояльности и неверности (особенно повторной), и анналы Мурсилиса не составляют здесь исключения (в том числе рассматриваемые нами фрагменты, ср. сам текст KBo V 8, с его двумя вставными историческими ретроспекциями, о Пале–Тумманне, II 8 sqq., и о Каласме, IV 1 sqq., перебивающими непосредственное изложение деяний Мурсилиса в их последовательности ради того, чтобы специально сообщить, как и когда в этих странах случились восстания – подавление которых, собственно, и описывается). В нашем же случае KBo II 5, перечисляя не менее 8 областей, подвергшихся в рамках общепринятых взглядов повторному личному вторжению Мурсилиса (Таггаста, Исталуппа, Каппуппува, Тахантатипа, Таккувахина, Страна реки Куммесмаха, Каласма и Лалха), нигде не использует указанной формулы и не упоминает никаких прецедентов появления хеттов в этих областях и их восстаний. Считать, что во всех восьми случаях (не говоря о предложениях, вводящих каскский и каласмийский походы в целом) Мурсилис попросту не счел нужным указать, что он появился в соответствующих областях вторично и что это было следствием нового мятежа уже усмиренной ранее области, на фоне общих традиций хеттской анналистики представляется нам крайне затруднительным.

Между тем обе названные проблемы будут сняты, если считать, что KBo II 5 и KBo V 8 принадлежат не одному, но разным нарративам, описывающим одни и те же события правления Мурсилиса II. Параллелизм событий, о которых повествуют эти тексты, бросается в глаза, а все, что мешает приписать им соответствующий параллельный характер – это вполне произвольная, хотя и удобная сама по себе, презумпция принадлежности всех фрагментов, описывающих второе–третье десятилетия царствования Мурсилиса, к одним и тем же «Пространным анналам». Поскольку отказ от этой презумпции применительно к KBo V 8 и KBo II 5 лучше всего удовлетворяет их содержанию и, главное, снимает вопрос о замалчивании повторного характера походов, описанных в KBo II 5, он представляется нам обоснованным, если не неизбежным.

Если принять это предложение, то колонки KBo II 5, II и KBo V 8, I будут описывать один и тот же каскский поход Мурсилиса, а колонки II–IV KBo V 8 должны соответствовать колонкам III–IV KBo II 5 (см. схему). При этом начало событий, описанных в KBo II 5, падает на более раннее, а конец – на более

[13] Такая последовательность присутствует в KBo II 5, II 1–52 и KBo V 8, I 1–42.

позднее время, чем в KBo V 8[14] (несмотря на то что по объему текста KBo II 5 несколько уступает KBo V 8[15]). Таким образом, таблица KBo V 8 принадлежит существенно более подробному нарраттиву, чем таблица KBo II 5[16].

В связи с вышеизложенным укажем еще на две детали, не являющиеся доказательствами параллелизма повествований KBo V 8 и KBo II 5, но хорошо согласующиеся с ним. Во-первых, в KBo V 8, IV 1 sqq. в кратком историческом экскурсе сообщается о мятеже Каласмы, имевшем место, по-видимому, еще до начала палайско-тумманнской кампании, о которой говорит KBo V 8, II–III[17]. Иными словами, мятеж состоялся около времени кампании в Таггасте – Таккувахине (если не ранее). При предложенном нами соотнесении KBo V 8 с KBo II 5 известие о таком мятеже надо было бы, тем самым, искать где-то в начальной части KBo II 5. И действительно, KBo II 5, I как раз сообщает о начале мятежа в Каласме!

Далее, в KBo V 8, IV 1 sqq. описан поход Мурсилиса на Каласму, в котором особенно отличился Нуванцас – единственный из упомянутых здесь хеттских военачальников. В рамках нашего предположения параллельное описание этого похода должно было бы содержаться в KBo II 5. В свою очередь в пределах этого текста такое описание может приходиться только на разрушенный пассаж KBo II 5, III 38 sqq.[18] – и в этом пассаже действительно упоминается Нуванцас (KBo II 5, III 12)!

---

[14] KBo V 8 начинается с похода на Таггасту, KBo II 5 – с предшествующей ему операции в Питталахсе. Далее, KBo II 5 кончается полным усмирением Каласмы силами наместника, а KBo V 8 говорит еще только о походе на Каласму самого царя и не хвалится ее замирением.

[15] Примерно 210 сткк. в KBo II 5 против примерно 260 в KBo V 8 при одинаковой длине строк (15–20 знаков в строке).

[16] Легко заметить, что вся таблица KBo II 5 – это тематически выделенное повествование, стержнем которого является восстание в Каласме: в начале таблицы приводится первое известие о нем, а последний пассаж таблицы кончается его подавлением.

[17] Текст гласит (KBo V 8, IV 5–12, AM. S. 160): «Прежде страна Каласма была в подданстве моего отца и деда, и они отправляли (вспомогательные) войска моему отцу и моему деду для войны, и ко мне тоже они приходили для войны. Но они повели со мной вражду и потому не выставляли / не выставили мне войск. И в то время как я в страну Тумманна пошел / по стране Тумманна шел, то их старейшины потому не явились ко мне. Я сам пошел бы в страну Каласма» (но из-за обременяющей войска добычи двинулся прямо в Паххуву, а углубиться в Каласму послал Нуванцаса). Как видно из последовательности фраз, Каласма «повела вражду» еще до войны Мурсилиса в Пале–Тумманне, а во время этой войны только продемонстрировала эту вражду лишний раз. Да и в самом деле, едва ли Каласма стала бы восставать в тот самый момент, когда Мурсилис двигался близ ее границ, по соседним Пале–Тумманне, в ходе этой войны! Очевидно, Каласма должна была впасть в мятежное состояние еще до всех этих событий, пока карательной кампании самого Мурсилиса во всем этом регионе еще не ожидали (напомним, что Пала и Тумманна находились в состоянии вялотекущей анархии с конца правления Суппилулиумаса, KBo V 8, II 8 ff.).

[18] Безрезультатный поход Мурсилиса на Каласму, описанный в KBo V 8, IV 1–22, в тексте KBo II 5 мог бы отразиться только *ранее* его заключительного пассажа, так как в этом последнем речь идет уже об усмирении Каласмы (см. выше, прим. 14). Непосредственно перед этим заключительным пассажем в KBo II 5 и в самом деле идет речь о некой кампании в Каласме (KBo II 5, III 38 sqq.). Тогда тот поход на Каласму, о котором шла речь в KBo V 8, IV, либо должен совпадать с указанной кампанией, либо автоматически смещается еще ранее, т.е. на отрезок текста до стк. KBo II 5, III 38. Совпадать названные походы, однако, не могут: в кампании, описанной в KBo V 8, IV, Мурсилис почти не заходит в Каласму, страну Лалху громит только его полководец Нуванцас, а по окончании соответствующего года наступает «большое» Шестилетнее празднество. По изложению же KBo II 5, III 38 sqq. Мурсилис опустошает Лалху сам, а при описании конца соответствующего года никакого празднества не упоминается. Правда, расхождения относительно личной роли Мурсилиса могут иметь не фактическую, а стилистическую природу: Нуванцас командовал экспедиционным отрядом, отделившимся от основных сил Мурсилиса, а потом вновь присоединившимся к ним; действия такого отряда специально оговариваются в версии KBo V 8, но вполне обоснованно могли включаться в суммарное, без различения отдельных операций, описание данной кампании Мурсилиса (и тем самым как бы приписываться лично ему) в других версиях, в том числе в KBo II 5. Однако умолчание в KBo II 5, III–IV о таком важном событии, как Шестилетнее

Несовместимых деталей в KBo V 8 и KBo II 5, насколько мы можем судить, нет, несовпадающие (т.е., в рамках наших взглядов, дополняющие друг друга) есть, однако разница между ними никоим образом не превышает различий между описаниями одних и тех же лет правления Мурсилиса в «Десятилетних» и «Пространных анналах». Препятствий к соотнесению содержания наших текстов такая разница, тем самым, не создает.

В заключение нам следует остановиться на моментах, в которых, вообще говоря, можно было бы усмотреть помеху для предложенного нами сопоставления KBo V 8 и KBo II 5. Речь идет прежде всего о начале пассажей KBo V 8, I 1–3 и KBo II 5, II 1–5, описывающих согласно нашей интерпретации один и тот же каскский поход Мурсилиса. Начало соответствующего повествования в KBo II 5 звучит так: «И когда настала весна, я пришел к войску на Красной реке. Тут двинул я войско и пошел на враждовавших со мной касков. И я двинулся и разгромил страну Таггаста» (II 1–5), а в KBo V 8: «... (*разбито; очевидный характер носит восстановление "когда"*) же год... (*разбит предикат*)[19], то какие малочисленные войска при мне были, (к ним) я еще дополнительные войска присоединил и с теми и другими пошел на страну Таггаста» (I 1–3). Вводный временнóй оборот в начале стк. 1 KBo V 8, I A. Гетце по аналогии с KBo II 5, I 6[20] (заметим, совершенно необязательной), предлагает восстанавливать как «[когда] год [(мне) стал мал]», т.е. «при наступлении зимы//зимой». Такая датировка начала похода в KBo V 8, естественно, была бы плохо совместима с указанием KBo II 5 на сбор у Красной реки «весной». Вообще говоря, наше соотнесение можно было бы удержать и при таком чтении текста (см. ниже, прим. 27). Сомнение, однако, вызывает прежде всего само восстановление, предложенное А. Гетце.

Известная хеттская формула «год (мне//тебе) стал мал[21]» имеет смысл «год приблизился к концу, подступило/наступило время зимних холодов (малопригодное для военных действий)»[22]. Она применяется в «Анналах» неоднократно[23], но всегда с одной и той же целью (достаточно однозначно определяющейся ее смыслом) – обосновать прекращение того или иного похода (или кампаний данного года в целом) и возвращение Мурсилиса на зимовку в Хатти. Действительно, уже сама семантика этого оборота предусматривает его употребление именно при сообщениях о досрочном свертывании или спешном ускорении какого-либо процесса из-за недостатка «уменьшающегося» времени. В KBo V 8 такой смысл заведомо исключен: сразу после начальной формулы, включающей слово «год», следует без всяких оговорок описание похода

празднество, объяснять стилистическими различиями было бы невозможно. Наконец, поход в Каласму, описанный в KBo V 8, IV, был, как мы помним, лишь завершающей фазой какой-то иной кампании (по-видимому, усмирения Тумманны), уже давшей Мурсилису богатую добычу к моменту появления на границах Каласмы; между тем каласмийский поход, отображенный в KBo II 5, III–IV, был изначально нацелен на Каласму (см. прим. *в* и *г* к схеме выше). Таким образом, в KBo V 8, IV и KBo II 5, III–IV речь идет о разных кампаниях и разных годах. Тогда, как говорилось, аналог описанию KBo V 8, IV мог бы размещаться в KBo II 5 только перед стк. KBo II 5, III 38, а в соответствующей части этого текста иного места для описания похода в Каласму, кроме KBo II 5, III 1–28, не находится (см. выше сопоставительную схему обоих фрагментов).

[19] ...-ma MU.KAM-za se-ir... Ser – наречное, подчиняющее и приглагольное слово с общим значением «тут», «на».

[20] AM. S. 146. Anm. 1-a. В указанном месте KBo II 5, I 6 находим: ...MU.KAM-za se-ir te-e-pa-u-e-es-ta – «год стал мал».

[21] (-mu//-ta) MU-KAM (-az, -za) ser tepauesta//tepauessanza esta; ссылки см. ниже в прим. 23.

[22] Ср.: «Год мне мал стал, зима (gimant) настала» (AM. S. 190). Напомним, что хеттская «зима» приблизительно совпадает с юлианской и завершает хеттский календарный год.

[23] AM. S. 124 (трижды), S. 138, 180, 190.

Мурсилиса на касков, к тому же, как подчеркивает сам Мурсилис, похода довольно продолжительного[24]. Ни в начале, ни по ходу изложения не встречается ни единого намека на зимнее время похода (т.е. исключительную трудность его условий), зимовку и ее необходимость, стремление как можно быстрее завершить все предприятие и т.д.; формула, содержащая слово «год» и реконструируемая Гетце как «год стал (мне) мал», не завершает и не продолжает, а напротив, начинает описание кампании. Принимать восстановление Гетце в подобных условиях, по нашему мнению, невозможно. Для действительного указания на начало зимнего похода Мурсилис употребил бы другой, не заключающий, а начинающий по своему смыслу изложение оборот[25].

Более того, зимняя кампания Мурсилиса в областях касков крайне маловероятна сама по себе. На период зимних холодов походы Мурсилиса систематически прекращаются; из-за того, что «год стал мал», этот царь даже оборвал успешный поход 10-го года в Хайасу (с которой до того воевал несколько лет), оставив ее незамиренной, и был вынужден планировать новую хайасскую кампанию на следующий год. Между тем в нашем тексте речь идет о продолжительном походе, да еще в земли, куда до того не проникал ни один хеттский царь. Предполагать, чтобы Мурсилис взялся за подобное предприятие в зимнее время, становится еще труднее. Наконец, если бы это все же случилось, то можно не сомневаться, что в таблице, специально посвященной «мужественным деяниям» Мурсилиса, столь беспрецедентный характер похода был бы отражен и подчеркнут в самом описании событий, а не просто подразумевался бы вводным словосочетанием.

Из всего сказанного следует, что начальная фраза KBo V 8 должна восстанавливаться не «[когда] же год [стал мне мал]», а иным образом (вернее всего «[когда] же год [начался]»[26]). Соотносить информацию KBo V 8, I и KBo II 5, II[27] нам тем самым ничего не мешает[28].

Далее, обе таблицы озаглавлены «Мужественные деяния Мурсилиса». Однако, повторим, «Мужественными деяниями» (в переводах иногда просто «Деяниями») могут называться, как видно хотя бы на примере «Деяний Суппилулиумаса», любые хеттские анналы. Тем более это должно было бы относиться к различным версиям одного по существу текста или двум анналистическим

---

[24] «Так как на эти страны (никогда еще) хеттский царь не ходил, то я там задержался» (AM. S. 150).

[25] Например, «еще зима не кончилась...», как он выражается в другом месте «Анналов».

[26] На что указывает прежде всего сам факт дальнейшего развертывания похода. В связи с этим следует отметить, что разные анналистические произведения Мурсилиса оперируют разными формулами ввода новых лет (см. подробно ниже), и появление очередной такой формулы – «когда год начался» – было бы нисколько не удивительно, даже если она не известна по иным фрагментам «Анналов». К сожалению, другие рубежи лет в KBo V 8 не описаны, и окончательно подтвердить эту гипотезу мы не можем.

[27] Обратим еще внимание на то, что в обоих сравниваемых пассажах речь идет о соединении войска из двух частей: в KBo V 8 прямо говорится о таком соединении, а в KBo II 5 сообщается, что Мурсилис прибыл к войску на Красной реке – прибыл, надо думать, не один, а хотя бы с небольшой боевой свитой. А такая свита вполне подходила бы под определение «малочисленные войска» в KBo V 8, к которым Мурсилису пришлось присоединять дополнительные силы.

[28] В свою очередь, такое соотнесение сделает предложенное нами восстановление временного оборота KBo V 8, I практически неизбежным. Впрочем, в свете высказанных соображений, даже если бы в тексте прямо стояло пресловутое «год мне стал мал», указывающее на хеттскую «зиму», нам оставалось бы заключить, что речь идет именно о конце «зимы» = конце хеттского года, и Мурсилис выступил из Хаттусы с упреждением, до наступления «весны»; сам же поход и в этом случае приходился бы в основном на пригодное для военных действий весеннее время. Но тогда информация KBo V 8 становится опять-таки вполне совместимой с сообщением KBo II 5 о появлении Мурсилиса на Красной реке, «когда настала весна».

повествованиям примерно одинакового содержания, какими являются с нашей точки зрения KBo II 5 и KBo V 8.

Итак, KBo V 8 и KBo II 5 следует относить к разным произведениям официальной хеттской литературы, хотя и перекрывающимся или совпадающим по общему содержанию. Поскольку первый из этих текстов существенно подробнее второго, мы вправе говорить об этих произведениях как о «краткой» и «пространной» версиях нарратива, повествующего о поздних (только ли?) войнах Мурсилиса. «Пространные анналы» Гетце оказываются, таким образом, условным наименованием, покрывающим по крайней мере два самостоятельных повествования. Распределение дошедших до нас анналистических фрагментов Мурсилиса по этим повествованиям (не говоря о возможности выявления между ними других самостоятельных текстов) представляет собой особую источниковедческую задачу, при решении которой главную роль, очевидно, должен играть стилистический анализ. Выскажем пока лишь одно соображение по этому поводу. Если в так называемых «Пространных анналах» для введения очередного описываемого года употребляется формула «когда настала весна», то в «Десятилетних анналах» это выражение встречается только один раз, а во всех прочих случаях применяется формула «на следующий год» (MU.KAM-ti). Таким образом, способ введения новых лет может носить в анналистике Мурсилиса текстоpазличительный характер. Между тем в KBo V 8, I 1 мы, по-видимому, столкнулись с еще одной формулой начала года – «[когда] год [начался]». Если согласиться с этим восстановлением (а отождествление каскского похода KBo V 8, с аналогичным походом KBo II 5, начавшимся «весной», практически не оставляет нам иного выбора), то мы получим известное основание для сравнительной атрибуции KBo V 8 и KBo II 5: первый из этих текстов применяет для начала года формулу «[когда] год [начался]», второй – «когда весна пришла». Поскольку именно последняя формула употребляется в большинстве таблиц так называемых «Пространных анналов», KBo II 5 должно быть отнесено к тому же тексту, что и это большинство, а KBo V 8 – к иному произведению.

Теперь укажем, к каким новым моментам в исторической реконструкции правления Мурсилиса позволяют прийти наши выводы. Поскольку тексты KBo V 8 и KBo II 5 описывают одни и те же события, дополняя друг друга, мы можем, синтезируя их данные, восстановить соответствующий отрезок правления Мурсилиса следующим образом (ср. таблицу 1)[29]:

[29] Напомним, что опорными пунктами здесь являются: во-первых, отождествление каскской кампании KBo II 5, II 1–52 с такой же кампанией KBo V 8, I 1–42 sqq.; во-вторых – соотнесение похода Нуванцаса на Каласму из KBo V 8, IV 1 sqq. с упоминающим того же Нуванцаса пассажем KBo II 5, III 1–28. Далее, описание кампании в Пале–Тумманне, известной по KBo V 8, II–III, в KBo II 5 могло бы приходиться лишь на тот же разрушенный пассаж KBo V 8, III 1–28 (а именно на его начальную часть), см. выше сопоставительную схему обоих фрагментов. Такое сжатие материала в KBo II 5 по сравнению с KBo V 8 удивлять нас не должно: выше было установлено, что первое из этих повествований освещает свой материал с гораздо меньшей подробностью, чем второе. Наконец, весь сегмент KBo V 8, II 8 – IV 22, со всеми своими лакунами, описывает, очевидно, одну непрерывную кампанию. В самом деле, первая сохранившаяся его часть (II 8–40) является введением к описанию кампании в Пале–Тумманне, вторая (III 4–43) говорит об операциях как раз на территории Тумманны, а событийный ряд третьей части (IV 1–22) начинается с того, что Мурсилис не вторгается в Каласму из-за слишком обильной добычи; отсюда очевидно, что появлению Мурсилиса на пороге Каласмы непосредственно, без всякой паузы предшествовали военные действия в какой-то другой стране (где он и взял указанную добычу), каковые и было бы естественнее всего соотносить с описанными чуть ранее (в предыдущем сохранившемся пассаже) операциями в Тумманне. Итак, все три уцелевших пассажа, по-видимому, последовательно отражают одно и то же движение войск Мурсилиса. Обычное разнесение операций, описанных в KBo V 8, II 8 – IV 22 по двум или трем годам, восходящее к А. Гетце (у него – три года, AM. S. 6–9, 152–163) надо, по всей видимости, считать неверным.

В конце некоего [20-го, см. ниже] календарного года своего правления Мурсилис, завершив военные действия в Питталахсе, отходит в Истахару и Хаттусу. Той же осенью активные враждебные действия против хеттов начинает правитель Каласмы Апаррус (KBo II 5, I 1–15).

С началом следующего [21-го, см. ниже] календарного года («[когда] год [начался]», KBo V 8, I 1) Мурсилис с небольшой свитой появляется на Красной реке, соединяется с поджидающим его там войском и движется в каскские земли низовий Галиса. Разгромив их и, очевидно, столкнувшись с поддерживавшей их Страной реки Куммесмаха (к востоку от Галиса), Мурсилис вернулся и остановился на зимовку в Анкуве (KBo II 5, II 1–52, KBo V 8, I 1–II 7).

Очевидно, в том же году другие хеттские войска воевали в Сехе и Арване (KBo II 5, II 53–62).

На следующий [22-й[30]] год Мурсилис отправляется с карательным походом в Палу и Тумманну, которые и покоряет. При прохождении войск Мурсилиса через Тумманну, рядом с Каласмой, Апаррус вновь проявляет непокорство, так что по завершении операции в Тумманне Мурсилис идет против него. Однако взятая в Тумманне обильная добыча не позволяет Мурсилису углубляться в Тумманну самому; он движется прямо на Паххуву, а для рейда против Апарруса выделяет особый отряд Нуванцаса. По возвращении в Хаттусу зимой Мурсилис справляет Шестилетнее празднество[31]. Все эти события кратко описаны в разрушенном пассаже KBo II 5, III 1–28 и очень подробно – в оставшейся части KBo V 8 (II 8 – IV 22). Той же зимой Тархинис в первый раз разбивает Апарруса (KBo II 5, III 29–37).

Наконец, на следующий [23-й, см. выше] год Мурсилис сам вторгается в Каласму и, разгромив ее, возвращается на зиму в Хаттусу; той же зимой хеттские военачальники приводят, наконец, Апарруса к покорности (оставшаяся часть KBo II 5, III 38 – IV 28).

Помимо собственно исторических, эта сводная реконструкция подразумевает и некоторые хронологические нововведения: будучи на деле параллельными, а не последовательными по тематически-хронологическому охвату повествованиями, тексты KBo II 5 и KBo V 8 в совокупности покрывают лишь конец одного и три полные следующие года Мурсилиса II вместо семи–восьми лет, которые отводит им общепринятая сейчас хронология (см. прим. 11), располагающая содержание этих табличек последовательно (и, кроме того, растягивающая историческое содержание сегмента KBo V 8, II 8–IV 22 на два–три года).

---

[30] Поскольку в этом году было Шестилетнее празднество, то он мог быть 16-м или 22-м, а тот факт, что хронологическое указание KBo V 8, II 34–41 о прошествии 20 лет должно пониматься согласно интерпретации А. Гетце (= накануне похода в Палу и Тумманну прошло как раз около 20 лет от воцарения Мурсилиса, см. выше), оставляет возможной только датировку 22-м годом.

[31] Таким образом, указание «20 лет... прошло» (приведенное в качестве экспозиции к походу на Палу–Тумманну–Каласму и Паххуву) в рамках нашей реконструкции (по которой весь этот поход уложился в один год, и этим годом был 22-й) надо считать отражающим *округленные* 20 лет (на деле речь шла о 21-м годе; возможно, побитым в тексте словом после «20 лет» было какое-то выражение, значащее «с лишним, с небольшим»??).

MURSILIS II'S «COMPREHENSIVE ANNALS»: JUST A TEXTOLOGICAL CONVENTIONALITY?

A. A. Nemirovsky

Do all fragments of the so-called Mursilis II's Comprehensive Annals really belong to one narrative? Hittite tablets KBo V 8 and KBo II 5 (each one of them describing campaigns of Mursilis II in Kaska Lands on the one hand, and in Pala, Tummanna and Kalasma on the other) are considered by specialists to contain parts of the same narrative, the so-called Mursilis' Comprehensive Annals (in this case the text of KBo V 8 would render earlier events more than those rendered by KBo II 5). A detailed comparison of the texts under discussion shows, nevertheless, that both tablets are largely parallel in content and give account, in partly different ways, of the same events of Mursilis' reign (e.g., Kaska campaign of KBo V 8 I 1 – II 7 = Kaska campaign of KBo II 5 II 1–52; campaign in Tummanna–Kalasma of KBo V 8 II 8–IV 22, where Nuwanzas is mentioned, corresponds to destroyed passages in KBo II 5 III 1–28, where Nuwanzas is mentioned too, and tells about the beginning of Kaasma war, the next phase of which is rendered in KBo II 5 III 29–IV 28). Thus, KBo II 5 and KBo V 8 belong to different versions of Mursilis' Annals, and not to the same narrative.

© 2005 г.

И. Е. Суриков

ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА АТТИЧЕСКИХ ДЕМОВ В ПЕРИОД РАННЕЙ КЛАССИКИ

*(К постановке проблемы)**

В политической системе и политической жизни демократических Афин, начиная с реформ Клисфена, чрезвычайно важное место занимал дем (δῆμος)[1]. Дем может быть определен, хотя и не без оговорок, с одной стороны, как административно-территориальный округ[2], а с другой – как локальная община[3], естественно выросшая или искусственно созданная[4]. В че-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 03-06-80066.

[1] Важнейшие работы общего характера об афинских демах: *Eliot C.W.* Coastal Demes of Attica. A Study of the Policy of Kleisthenes. Toronto, 1962; *Osborne R.* Demos. The Discovery of Classical Attika. Cambr., 1985; *Whitehead D.* The Demes of Attica 508/7 – ca. 250 B.C. Princeton, 1986.

[2] Необходимая оговорка заключается в следующем. Территориальный фактор был главным критерием при определении границ между демами только в момент первоначального формирования их системы при Клисфене. В дальнейшем же этот критерий стал весьма расплывчатым, поскольку на протяжении всей афинской истории последующих веков гражданин являлся, как правило, членом не того дема, в котором он реально проживал, а того, к которому были приписаны его предки в момент клисфеновских преобразований. Иными словами, статика членства в деме сочеталась с динамикой различных миграционных процессов (переселения сельских жителей в город и др.), что со временем должно было порождать немалое количество несовпадений. Но в то же время нам представляется слишком категоричным и утверждение Р. Осборна, что демы «не имели физических границ как таковых» (*Osborne R.* Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.–N.Y., 1996. P. 297). Насколько можно судить, каждый дем все-таки устойчиво ассоциировался не только с группой граждан, но и с определенной территорией, где находились его общественные постройки, святилища, а также продолжало обитать – даже после всех демографических пертурбаций – большинство его членов.

[3] *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 295: «Δῆμος – территориальное и одновременно политическое понятие – обозначает разом и часть земель, и населяющий их народ». Ср. также *Надь Г.* Греческая мифология и поэтика. М., 2002. С. 356 слл. Это характерно для самых ранних периодов; в дальнейшем происходит определенная семантическая бифуркация первоначально синкретического термина, в результате чего выкристаллизовываются два уже не совпадающих значения: δῆμος (дем) как территориальная община и ὁ δῆμος (демос) как народ, гражданский коллектив полиса. Одним из побочных следствий такого положения вещей стало, кстати, широкое распространение в греческом мире личных имен с корнем δημ-, причем уже в архаическую эпоху, когда о политическом, «демократическом» смысле подобного именования вряд ли можно говорить (см. *Карпюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 207). Следует полагать, что эти ранние антропонимы коррелировали скорее с δῆμος, а не с ὁ δῆμος.

[4] Аттические демы (и соответственно демотики – обозначения граждан по демам) зафиксированы в источниках еще до клисфеновских реформ: *Raubitschek A.E.* Dedications from the Athenian Akropolis. Cambr. (Mass.), 1949. P. 467–468; *Jacoby F.* Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949. P. 186 ff.; *Whitehead.* Op. cit. P. 5–16. Демами назывались в то время в Афинах, как и в других ионийских регионах, сельские общины (в дорийском мире применительно к тому же феномену был более употребителен термин «комы», см. *Arist.* Poet. 1448a36). Однако до конца эпохи архаики демы Аттики не составляли основу административного деления государства и, скорее всего, не охватывали его столицу – сам город Афины. Последнее стало плодом деятельности Клисфена. Понятно, что новые городские демы были общинами, созданными искусственно, по образцу демов сельских.

тырехчленной системе «дем – триттия – фила – полис» он являлся, говоря формально, низшим, так сказать, «первичным» звеном. Однако это его кажущееся низким положение не должно вводить в заблуждение. Для реального функционирования афинской демократии дем имел, пожалуй, большее значение, нежели фила или триттия. По своим ключевым параметрам это низшее звено, как ни парадоксально, в наибольшей степени приближалось к высшему, т.е. полису в целом. Дем, как и полис, в полной мере представлял собой политическое единство, чего нельзя сказать о промежуточных структурных единицах.

Клисфеновская фила уже в силу своего дисперсного характера в качестве такого единства выступать не могла. Филы выполняли определенные функции в политической системе (в частности по филам осуществлялись некоторые жеребьевки[5], проводилось голосование во время остракизма[6]; на постаментах статуй героев-эпонимов фил на агоре вывешивались важные объявления[7]), но не более того. Интересно в частности, что выборы должностных лиц, как правило, не осуществлялись путем голосования по филам[8]. Здесь, кстати, выявляется значительное различие между функциями афинских фил и структурно аналогичных им римских триб. Эти последние как раз играли весьма значительную роль в процессе голосования в народном собрании[9]. Далее, деление на триттии в афинском полисе могло использоваться при комплектовании войска[10], при распределении дежурящих в Толосе пританов по «сменам» (Arist. Ath. pol. 44. 1). Однако опять-таки о сколько-нибудь видном месте этих объединений демов в общественно-политической жизни говорить не приходится. Кстати, триттии тоже не всегда были едиными в территориальном отношении; известны случаи,

---

[5] В частности, коллегия 9 архонтов (с секретарем) избиралась путем жеребьевки по филам (*Arist.* Ath. pol. 55. 1). Аналогичным образом обстояло дело с булевтами – членами Совета Пятисот (*Arist.* Ath. pol. 43. 2), с некоторыми другими должностными лицами (ibid. 47. 1–2; 48. 1, 4; 53. 1). Более сложным путем, но тоже принимая за основу чередование фил, проводили жеребьевку диэтетов (*Arist.* Ath. pol. 53. 4).

[6] На время остракофории часть агоры огораживалась деревянными досками, и в этом ограждении оставлялось десять входов, по числу клисфеновских фил (*Philochor.* FGrHist. 328. F 30; Schol. Aristoph. Equ. 855). Об этих входах см. *Raubitschek A.E.* The Gates in the Agora // AJA. 1956. 60. 3. P. 279–282.

[7] Об этих статуях и их функциях см. *Mattusch C.* The Eponymous Heroes: the Idea of Sculptural Groups // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 73–81. Датировка статуй эпонимов второй половиной IV в. до н.э. (*Knell H.* Überlegungen zur öffentlicher Architektur des IV. Jahrhunderts in Athen // Die athenische Demokratie im IV. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 493), очевидно, неверна, коль скоро одна из них (статуя Пандиона) упоминается уже у Аристофана (Pax 1183 cum schol.).

[8] Правда, члены коллегии стратегов первоначально, сразу после клисфеновских реформ, выдвигались от фил (*Arist.* Ath. pol. 22. 2: ἐξ ἑκάστης φυλῆς ἕνα). Но, во-первых, выдвижение от фил и голосование по филам – не одно и то же. Голосовали по кандидатурам стратегов на заседании экклесии, т.е. совокупностью всего гражданского коллектива (о выборах в экклесии см. *Hansen M.H.* The Athenian Assembly in the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. P. 120–123). Во-вторых, даже и практика выдвижения стратегов от фил была впоследствии оставлена (*Arist.* Ath. pol. 61. 1), причем произошло это, судя по всему, довольно рано, не позже времени Перикла (*Fornara Ch.W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. P. 26; *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 203). М. Хансен без серьезных оснований относит эту реформу к середине IV в. до н.э. (*Hansen M.H.* The Athenian Board of Generals // Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen. Aarhus, 1988. P. 69–70), но такая датировка крайне маловероятна. Последняя общая работа о коллегии стратегов в Афинах: *Hamel D.* Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998.

[9] О трибутных комициях в Риме и проводившихся ими голосованиях см. *Staveley E.S.* Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca, 1972. P. 129 ff.

[10] См. наиболее подробно: *Siewert P.* Die Trittyen Attikas und die Heeresreform des Kleisthenes. München, 1982.

когда входившие в них демы даже не граничили друг с другом[11], что, естественно, препятствовало непосредственному общению членов триттии.

В противоположность всему этому политическая роль демов выступает весьма выпукло. Не говорим уже о том, что статус гражданина полиса обусловливался в первую очередь именно членством в деме, поскольку гражданские списки (ληξιαρχικὰ γραμματεῖα) велись по демам; о том, что демотик (т.е. обозначение принадлежности именно к дему, а не к триттии или филе) был неотъемлемым компонентом официального имени каждого афинянина[12]. Еще важнее для нас в контексте данной работы то, что дем по своему устройству представлял почти точную копию полиса[13], был, по сути дела, полисом в миниатюре. Кстати, тем самым Афины в целом парадоксальным образом приобретали некоторые черты федеративного государства, на что, кажется, еще не обращалось внимание. Дем обладал функционировавшим на постоянной основе штатом выборных магистратов во главе с демархом, наделенным довольно значительными полномочиями[14]. И самое главное – в демах регулярно созывались народные собрания (характерно называвшиеся ἀγοραί), на которых принимались псефисмы[15], кипели такие же страсти, как и в «большой» экклесии[16], и, таким образом, существовала своя политическая жизнь, развертывавшаяся параллельно общеполисной.

Более того, для изрядного числа граждан именно этот вид политической жизни был едва ли не единственным, в котором они могли регулярно участвовать. М. Хансен, наиболее детально в мировом антиковедении изучив вопросы, связанные с посещаемостью афинской экклесии[17], пришел к ответственным выводам: примерно треть гражданского населения Аттики ввиду слишком большой удаленности своего места жительства от Афин вообще почти никогда не имела физической возможности участвовать в работе этого высшего органа власти в полисе, а еще треть могла делать это лишь спорадически. Таким образом, участие в общественных мероприятиях дема, в котором они жили, было для этих лиц главным способом проявить свою политическую активность. Можно сказать, что «политика» в рамках дема оказывалась для них даже важнее, чем политика на общегосударственном уровне; выборы де-

---

[11] *Osborne*. Greece in the Making... P. 301.

[12] Правда, изредка встречаются надписи, где отмечается принадлежность граждан к филам. Обычно это списки афинян, погибших в военных действиях. Одна из самых известных надписей такого рода (IG. I². 929) – перечень павших членов филы Эрехтеиды (ок. 460 г. до н.э.). Демотики в памятниках такого рода, напротив, не фигурируют.

[13] Ср. *Hurwit J.M.* The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985. P. 278; *Osborne R.* The Demos and its Divisions in Classical Athens // The Greek City from Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 265 ff.

[14] Лучшей краткой сводкой прерогатив демарха на русском языке по-прежнему остается: *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Ч. 1. Государственные и правовые древности. СПб., 1997. С. 197. Обратим внимание на то, что принцип обязательной коллегиальности высших магистратур, характерный для афинского демократического полиса в целом, на уровне дема не применялся. Не означает ли это, что в рамках демов сохранились, пережив многочисленные перипетии политических реформ и революций, какие-то более архаичные структуры, восходящие едва ли не к гомеровскому периоду (вспомним: «Нет в многовластии блага; да будет единый властитель...» – *Hom.* Il. II. 204) и на полисном уровне давно элиминированные?

[15] Примеры формулировок псефисм, принятых на собраниях демов, см. в кн.: *Rhodes P.J., Lewis D.M.* The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997. P. 32–34.

[16] *Stanton G.R.* The Rural Demes and Athenian Politics // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 217. Очень ясное представление о том, как проводились эти собрания, какие вопросы на них обсуждались, какого рода политические махинации использовались, дает речь Демосфена «Против Евбулида» (*Dem.* LVII. 7 sqq.).

[17] *Hansen*. The Athenian Assembly... P. 8 ff.

марха представлялись событием более значимым, чем, скажем, выборы стратегов, поскольку эти последние были далеко и не влияли напрямую на положение дел в деме, а демарх являлся фигурой, с которой каждому из сельских жителей приходилось считаться всегда.

В последнее время в англоязычной историографии модно оперировать применительно к полисным условиям категорией «face-to-face society». Встречая это выражение, исследователь, естественно, сразу с предельной ясностью понимает, о чем идет речь, но в то же время неизбежно сталкивается со сложностью, связанной с тем, что чрезвычайно затруднительно (да, пожалуй, и просто невозможно) подобрать сколько-нибудь адекватный русский эквивалент. В дальнейшем мы будем пользоваться для характеристики данной реалии термином «малое сообщество» (такой перевод представляется нам, скажем так, наименее неудачным, хотя тоже не идеальным). Следует сразу оговорить, что к полису в целом определение «малого сообщества» или «face-to-face society» применимо далеко не во всех случаях. Скажем, такой полис, как интересующие нас Афины, где во второй половине V в. до н.э. только гражданское население превышало 40 тысяч человек[18], никак не удовлетворяет этим критериям[19]. А вот дем им прекрасно удовлетворяет. Практически все его члены действительно должны были знать друг друга в лицо[20], в результате чего политическая борьба в деме не могла не приобретать предельно (и откровенно) личностный характер.

Коль скоро в аттических демах имела место достаточно активная политическая жизнь, в них неизбежно складывалась политическая элита. Можно, таким образом, говорить о двух слоях или уровнях политической элиты демократических Афин: об элите общеполисной, с одной стороны, и об элите локальной, элите демов – с другой. Если первая привлекает пристальное и оправданное внимание исследователей[21], то вторая и по сей день в полном смысле слова остается в тени. Кто входил в элиту демов, и что источники позволяют сказать об этих лицах? Каково было их происхождение, состояние, политические взгляды, какими механизмами пользовались они для достижения и

---

[18] *Idem.* Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988. P. 25 (Хансен говорит даже о 60 тысячах афинских граждан в канун Пелопоннесской войны, что, на наш взгляд, все-таки несколько завышено).

[19] Бесспорно, одним из требований, предъявлявшихся политическими теоретиками к «идеальному» полису было именно знание всеми его гражданами друг друга в лицо (ср. *Hansen M.H.* The Hellenic Polis // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. Copenhagen, 2000. P. 172). Однако Афины отнюдь не были ни идеальным, ни даже типичным полисом (о нетипичности и даже исключительности афинского полиса см. *Poltgnac F. de.* La naissance de la cité grecque: cultes, espace et société VIIIe–VIIe siècles avant J.-C. P., 1984. P. 85 ss.; *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 75).

[20] На описанном Демосфеном (LVII. 9) собрании дема Галимунт присутствовали 73 демота, при том, что решался важный вопрос о проверке гражданских списков. Правда, дело происходило в IV в. до н.э., когда и численность афинян была меньше, чем в предшествующем столетии, да и гражданская активность массы рядового населения, что бы ни говорили, в целом снизилась (в силу профессионализации политической жизни и поступательного превращения этой сферы деятельности в удел специалистов; см. об этом: *Eder W.* Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Krise oder Vollendung? // Die athenische Demokratie im IV. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 23; *Mossé C.* La classe politique à Athènes au IVème siècle // Ibid. S. 67 ff.). К тому же собрание, о котором идет речь, ввиду своего экстраординарного характера проводилось в Афинах, а не на территории дема, что тоже должно было воспрепятствовать некоторым демотам прибыть на него.

[21] См. из важнейших работ последних лет: *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989; *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit. Stuttgart, 1989; *Mossé.* Op. cit.; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001.

удержания влияния? Как можно охарактеризовать взаимоотношения элиты демов с рядовыми демотами? На все эти вопросы пока нет ответа, потому что они в сущности еще всерьез не ставились. «Второй слой» афинской политической элиты остается «белым пятном» в наших знаниях, он фактически еще не найден, поскольку его никто не искал.

А между тем обнаружить и описать элиту демов необходимо. Это будет способствовать значительно лучшему пониманию феномена афинской демократии в целом, системно-структурных связей внутри нее. Определенные результаты приносит, конечно, и изучение «верхушки айсберга», которое имеет место на нынешнем этапе антиковедческих штудий, но никогда не следует забывать и о той (несравненно большей) части айсберга, которая скрыта от наших глаз. Приведем некоторые соображения, которые, насколько можно судить, свидетельствуют об актуальности исследования политической элиты демов.

Демы являлись (автор надеется, что читатели простят ему чрезмерно современное выражение) в известном смысле «кузницей кадров» для общеполисных структур. Иными словами, многие политики начинали свою карьеру именно в демах, с тем чтобы впоследствии, набравшись опыта и получив определенную известность, перейти на более высокий уровень[22]. Правда, это суждение требует некоторых уточнений. С одной стороны, политические лидеры самого первого ранга, происходившие из знатнейших семей, не нуждались в подобной «раскрутке». Аристид или Кимон, Перикл или Алкивиад выступали на арену общественной жизни сразу как деятели государственного, а не локального масштаба. Впрочем, понятно, что таковых было заведомое меньшинство, причем меньшинство незначительное. Нарративные источники по вполне объяснимым причинам уделяют преимущественное внимание именно их судьбам, но нам совершенно не обязательно воспроизводить ту же аберрацию. С другой стороны, бесспорно, были и такие политики, которые в течение всей своей жизни так и оставались в рамках дема, не стремясь ни к чему большему[23]. Это был, так сказать, высший возможный для них предел. Однако в целом изучение политической элиты демов может способствовать уяснению ее соотношения с элитой всего полиса.

Укажем и еще на одно обстоятельство аналогичного порядка, о котором отчасти уже упоминалось выше. Если дела общеафинские являлись актуальными далеко не для всех граждан (ввиду физической невозможности для многих из них регулярно участвовать в работе экклесии, не говоря о других полисных органах), то дела дема, естественно, были близки каждому. В них чувствовал себя компетентным любой член гражданского коллектива, они воспринимались как нечто свое, родное, как близкая и понятная среда. Соответственно с магистратами дема, с политической элитой дема жители Аттики сталкивались буквально ежедневно, общение такого рода было имманентной частью их повседневной жизни, а элита общеполисная отнюдь не занимала в ней столь же большого места. Стоит упомянуть в данной связи передаваемый античными авторами (наиболее подробно: Plut. Arist. 7; см. также Nep. Arist. 1; Plut. Mor. 186ab; Philostr. Vita Apoll. VII. 21) известный эпизод с Аристидом и крестьянином, имевший место в 482 г. до н.э. Некий неграмотный житель одного из сельских демов во время остракизма подошел к политику, прозванному «Справедливым», и попросил его надписать черепок против него же самого, что Аристид немедленно и сде-

[22] *Whitehead*. Op. cit. P. 313; *Грант М.* Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 98.
[23] Ср. *Osborne*. Demos... P. 87.

лал[24]. При этом выяснилась характерная деталь: оказывается, крестьянин не знал Аристида в лицо, собственно, поэтому он и обратился к нему с такой просьбой (вот, кстати, прямой аргумент против представлений об афинском полисе как о «face-to-face society»). Итак, лидера общегосударственного масштаба рядовой гражданин не узнал; а возможно ли представить, что он не узнал бы своего демарха? Вопрос представляется риторическим.

Именно дем, а не полис в целом являлся для многих членов гражданского коллектива и привычной средой обитания, и главным местом приложения сил и способностей, в том числе и в общественной жизни. Сам город Афины, где вершились общегосударственные дела, – этот «мегаполис» по меркам классической Греции с его всегдашней суетой и теснотой – представлялся им чем-то чуждым и даже вызывал неприязнь[25]. Поэтому крестьяне старались посещать его пореже[26]. Уместно будет процитировать здесь несколько строк труда Фукидида (II. 14–16), посвященных эвакуации жителей сельских демов в Афины, предпринятой в начале Пелопоннесской войны по инициативе Перикла[27]. «Тяжко было афинянам покидать насиженные места, так как большинство их привыкло жить на своих полях (ἐν τοῖς ἀγροῖς). Такой образ жизни, более характерный для них, чем для других эллинов (ἑτέρων μᾶλλον), афиняне вели с давних пор... Афиняне еще и до сих пор называют акрополь «городом» (πόλις). Итак, афиняне долго жили на всей своей земле (κατὰ τὴν χώραν) самостоятельными общинами (αὐτονόμῳ οἰκήσει)... И для всех них – деревенских жителей – предстоящая перемена в образе жизни была равносильна расставанию с родным городом (πόλιν)»[28].

Это свидетельство современника и вдумчивого наблюдателя крайне важно для нас. Из него прямо вытекает, что для деревенских жителей подлинным полисом был их дем. В сущности, лишь перикловская эвакуация впервые привела к настоящему смешению горожан и селян в единый политический организм. Влияние этого события на эволюцию политической жизни в Афинах еще не

---

[24] Мы не касаемся здесь вопроса о том, насколько историчен этот эпизод. В исследовательской литературе встречаются мнения как в пользу его историчности (*Harvey F.D.* Literacy in the Athenian Democracy // REG. 1966. 79. P. 592), так и против нее (*Finley M.I.* Politics in the Ancient World. Cambr., 1983. P. 50). Чрезвычайно интересен один найденный на агоре остракон, на котором какой-то, очевидно, не слишком хорошо владевший искусством письма афинянин тщетно пытался вывести имя Аристида, но эти попытки оканчивались фальстартами, а ниже требуемое имя было написано четким, красивым почерком хорошо грамотного человека. Уж не тот самый ли это остракон? Его публикацию см. *Lang M.L.* Ostraka (The Athenian Agora. 25). Princeton, 1990. P. 36. Как бы то ни было, если даже признать, что перед нами всего лишь занятный анекдот, он все-таки должен был соответствовать историческим реалиям эпохи. Плутарх и другие авторы не стали бы включать в свое повествование заведомо неправдоподобный рассказ, которому читатели попросту не поверили бы.

[25] Ср. самохарактеристику аристофановского Дикеополя (Ach. 33): «испытывающий отвращение к городу и тоскующий по своему дему (στυγῶν μὲν ἄστυ, τὸν δ' ἐμὸν δῆμον ποθῶν)». Релевантными в данной ситуации представляются мысли Г.А. Кошеленко о противоречии между полисными и городскими структурами: *Кошеленко Г.А.* Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 3–27.

[26] Горожане платили им взаимностью. В некоторых надписях начала V в. до н.э. жители сельских демов названы ксенами, т.е. чужеземцами (*Frost F.J.* The Rural Demes of Attica // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 173).

[27] О стратегии Перикла в этот период см. *Allison J.W.* Pericles' Policy and the Plague // Historia. 1983. 32. 1. S. 14–23; *Ober J.* The Athenian Revolution. Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999. P. 72–85.

[28] Мы пользуемся переводом Г.А. Стратановского, в котором, впрочем, нет терминологической точности (и ἄστυ и πόλις переводятся как «город», хотя эти слова далеко не всегда выступают как синонимы).

оценено по достоинству; не исключено, что по итогам данной работы можно будет попытаться сделать какие-то предварительные выводы на сей счет.

В рамках краткой статьи мы, конечно, никак не можем осветить проблематику, связанную с политической элитой аттических демов, во всей совокупности ее аспектов. Наша задача значительно уже: наметить хотя бы в самом первом приближении наиболее перспективные подходы к изучению этого слоя гражданского коллектива. И прежде всего необходимо попытаться попросту идентифицировать его, что уже само по себе сопряжено со значительными трудностями. Такая идентификация, если она окажется успешной, позволит в дальнейшем более или менее ответственно судить об этих лицах и их деятельности уже не с формальной, а с содержательной стороны. Приходится ограничить и хронологические рамки исследования: преимущественное внимание мы уделим афинскому полису первой половины V в. до н.э., периода ранней классики.

Попытаемся обосновать правомерность обращения именно к этому историческому периоду. Во-первых, в истории демократических Афин он занимает особое место[29] и может в полном смысле слова быть охарактеризован как переходный. Он начинается реформами Клисфена, создавшими афинскую демократию, и завершается реформами Эфиальта–Перикла, придавшими ей ее «классическую» форму. И если эти последние реформы действительно со временем повели к преобладанию эгалитарных тенденций в политическом устройстве и вытеснению аристократии из общественной жизни[30], то клисфеновские преобразования сами по себе еще не подорвали ведущих позиций аристократической элиты в полисе[31]. Скорее напротив, во времена Греко-персидских войн политика еще в очень большой степени структурировалась вокруг лидеров знатного происхождения. Так было во всяком случае на общегосударственном уровне.

Во-вторых, в связи с тем, что наше внимание привлекает элита демов, элита локальная, первая половина V в. до н.э. тоже оказывается особенно интересной, поскольку этот хронологический отрезок непосредственно граничит с предыдущей, архаической эпохой. В VI в. до н.э., до Клисфена, во внутриполитической борьбе весьма важное место занимал региональный принцип[32]. Иными словами, противостояли друг другу представители аристократии основных регионов Аттики (Паралии, Педиеи, Диакрии), возглавлявшие крупные группировки своих земляков и сторонников. Большинство знатных родов

---

[29] К общей оценке этого периода истории Афин и его значения см., в числе прочих, следующие работы: *Martin J.* Von Kleisthenes zu Ephialtes: zur Entstehung der athenischen Demokratie // Chiron. 1974. 4. S. 5–42; *Frost F.J.* Tribal Politics and the Civic State // American Journal of Ancient History. 1976. 1. 2. P. 66–75; *Kinzl K.H.* Athens: between Tyranny and Democracy // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. B., 1977. P. 199–223; *Fornara Ch.W., Samons L.J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991; *Lavelle B.M.* The Sorrow and the Pity. A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993 (эта последняя работа, вопреки своему заголовку, посвящена преимущественно политической борьбе в раннеклассических Афинах).

[30] О реформах Эфиальта–Перикла и их влиянии на положение аристократической элиты см. *Суриков.* Из истории греческой аристократии... С. 24–27.

[31] Ср. *Brenne.* Ostrakismos... S. 17: после Клисфена персональный состав правящей элиты остался в целом таким же, каким был и до него.

[32] Ср. концепцию «регионализма», выдвинутую Р. Сили: *Sealey R.* Regionalism in Archaic Athens // Historia. 1960. 9. 2. S. 155–180; *idem.* A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 95 ff. Нам неизвестны работы более позднего времени, авторы которых безоговорочно приняли бы эту концепцию во всех ее деталях, но в то же время, пожалуй, никто из исследователей не избежал в той или иной степени влияния взглядов Сили. Справедливости ради следует отметить, что схожие идеи высказывались в отечественной историографии задолго до Сили: *Лурье С.Я.* К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века // Уч. зап. ЛГУ. № 39. Серия ист. наук. Вып. 4. Л., 1939. С. 73–88.

имело достаточно четкую «привязку» к тому или иному региону, например, Алкмеониды – к Паралии, Писистратиды – к Диакрии, Этеобутады – к Педиее и т.п. (ср. Herod. I. 59; Arist. Ath. pol. 13. 4; Plut. Sol. 29)[33]. Можно уверенно утверждать, что и элита «второго уровня» точно так же идентифицировала себя в региональном аспекте (соответственно местам своих главных резиденций). Клисфеновские реформы покончили с этим политическим «регионализмом». После них мы уже совсем ничего не слышим о Педиее и Диакрии. Паралия сохранилась и даже увеличилась в размерах[34], однако теперь она представляла собой уже не территориально-политическое, а чисто географическое понятие. А что же с элитой аттических регионов? Следует полагать, что она не ушла в небытие. Наиболее видные ее представители стали политиками общеполисного значения, а остальным, наоборот, пришлось «опуститься» на уровень демов. Там-то мы и имеем шанс обнаружить их и их потомков.

В-третьих, – и это представляется особенно важным в контексте настоящего исследования – кажется, теперь в нашем распоряжении есть весьма интересный источник, который содержит (хотя это вроде бы пока еще никем не замечено) информацию по интересующему нас вопросу. Речь идет об остракa – надписанных глиняных черепках, которыми афиняне голосовали в ходе проведения остракизма. На сегодняшний день открыто почти 11 тысяч этих памятников; далеко не все они опубликованы, что, естественно, затрудняет работу с ними. К счастью, в самые последние годы положение значительно улучшилось. Если раньше появлялись лишь разрозненные публикации отдельных комплексов остракa[35], то ныне существует полный каталог имен афинских граждан, фигурирующих на этих «бюллетенях»[36].

Без преувеличения можно сказать, что остракa – настоящий клад для историка-просопографиста. На них упоминаются, по самым скромным и минима-

---

[33] Не вполне ясно, каково было место в этой регионально-политической структуре такого влиятельного рода, как Филаиды (ср. *Hopper R.J.* «Plain», «Shore» and «Hill» in Early Athens // Annual of the British School at Athens. 1961. 56. P. 205–206). По некоторым косвенным данным можно полагать, что теснее всего этот род был связан с Диакрией.

[34] Это, кстати, довольно сильный аргумент в пользу того, что Клисфен, проводя свои преобразования, не забыл позаботиться о преимуществах для собственного рода. Обычно для подкрепления данного (в основе своей вполне верного) тезиса приводят не слишком-то весомые доводы, указывая на то, что Клисфен распределил Алкмеонидов по двум триттиям филы Антиохиды и т.п. (*Lewis D.M.* Cleisthenes and Attica // Historia. 1963. 12. 1. S. 22–40; *Eliot C.W.* Where did the Alkmaionidai Live? // Historia. 1967. 16. 3. S. 279–286; *Bicknell P.J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 1–53; см. соответственно критику подобных построений: *Osborne*. Greece in the Making... P. 299 ff.). Но при этом часто забывают о более важном – о том, что из трех регионов Аттики Клисфен ликвидировал Педиею и Диакрию, но сохранил Паралию, простатами которой издавна считались Алкмеониды. Их связь именно с этой прибрежной областью афинского полиса осознавалась еще во времена Перикла, который назвал одного из своих сыновей Паралом.

[35] Важнейшие из этих публикаций: *Peek W.* Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos, 3). B., 1941. S. 51–87; *Lang*. Op. cit.; *Willemsen F., Brenne S.* Verzeichnis des Kerameikos-Ostraka // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1991. 106. S. 147–156; *Camp J.M.* Excavations in the Athenian Agora: 1994 and 1995 // Hesperia. 1996. 65. 3. P. 233–234; *idem*. Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // Hesperia. 1999. 68. 3. P. 268–274. О прочих публикациях см. *Суриков И.Е.* Из истории находок остракa в Афинах // Из истории античного общества. Вып. 8. Нижний Новгород, 2003. С. 121–131.

[36] Каталог составлен Ш. Бренне. Он существует в двух вариантах: один (*Brenne*. Ostrakismos... S. 87–314) снабжен довольно подробным (впрочем, при этом в значительной мере формальным) просопографическим комментарием, а второй (*idem*. Die Ostraka (487–ca. 416 v. Chr.) als Testimonien // Ostrakismos-Testimonien I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.). Stuttgart, 2002. S. 43–72) скорректирован с учетом новейших находок, но комментарий в нем значительно сокращен.

листским подсчетам, более 150 афинян. Разумеется, лишь незначительное меньшинство из их числа (около 10 человек) было действительно подвергнуто остракизму. Остальные появились на черепках для голосования в известной мере случайно. Никаких конкретных «кандидатур» на изгнание в ходе остракофории, не выдвигалось, и каждый афинский гражданин был волен писать на остраконе по своему усмотрению имя абсолютно любого политического деятеля[37]. Однако же все эти люди должны были играть какую-то, бóльшую или меньшую роль в общественной жизни: остракон – не артефакт частного характера. По своему хронологическому диапазону комплекс афинских остракa практически идеально укладывается в обозначенные выше рамки нашей работы. Подавляющее большинство входящих в него памятников датируется первой половиной V в. до н.э. (480-ми – 460-ми годами); только несколько сот экземпляров можно отнести ко второй половине того же столетия.

Работая с остракa, можно без труда заметить, что все лица, чьи имена на них значатся, достаточно четко делятся на три группы. В первую входят те политики, которые известны также по данным нарративной традиции. Это представители общеполисной элиты, лидеры самого высокого уровня. Фемистокл и Аристид, Кимон и Ксантипп, Гиппарх, сын Харма, и Мегакл, сын Гиппократа, – практически все те, кто господствовал в афинской общественной жизни на интересующем нас временнóм промежутке, упоминаются на черепках для остракизма, и это выглядит вполне естественным.

Ко второй группе относятся те афинские граждане, о которых нарративная традиция сведений не сохранила, но которые тем не менее на основании тех или иных косвенных соображений (в основном ономастического характера) могут быть достаточно четко идентифицированы как представители высшей аристократии. Так, Калликсен, сын Аристонима, безошибочно определяется как член рода Алкмеонидов[38]. Каллий, сын Кратия (с очень большим количеством направленных против него остракa – более 700), принадлежал либо тоже к Алкмеонидам, либо к Керикам (а скорее всего, по различным линиям возводил свое происхождение и к тем, и к другим)[39]; Гиппократ, сын Анаксилея, мог быть Алкмеонидом или Писистратидом[40], а Тисандр, сын Исагора, несомненно, входил в род Филаидов, и отцом его являлся не кто иной, как известный противник реформатора Клисфена[41]. Таким образом, в данном случае перед нами – также представители общеполисной политической элиты, вероятно, несколько менее влиятельные, нежели лица, входящие в первую группу, коль скоро их деятельность не получила отражения в письменных источниках.

Наиболее интересна третья группа, к которой относятся афиняне, абсолютно нам неизвестные и никак не идентифицируемые. По количеству входящих в нее персоналий эта группа весьма значительна и превосходит первые две,

---

[37] Эта точка зрения совершенно справедливо преобладает в историографии: *Reinmuth O.W.* Ostrakismos // RE. Hlbd 36. 1943. Sp. 1676; *Raubitschek A.E.* Athenian Ostracism // Classical Journal. 1953. 48. 4. P. 116; *Tarkiainen T.* Die athenische Demokratie. Zürich–Stuttgart, 1966. S. 111; *Mitchell L.G., Rhodes P.J.* Friends and Enemies in Athenian Politics // Greece and Rome. 1996. 43. 1. P. 26. Иначе считал А. Гомм, который, впрочем, исходил из ошибочного мнения о принадлежности остракизма к категории νόμοι επ' ἀνδρί: *Gomme A.W.* Ostracism // The Oxford Classical Dictionary. Oxf., 1949. P. 630. Уже само огромное количество имен на открытых остракa говорит явно против наличия заранее выдвинутых «кандидатов».

[38] *Stamires G.A., Vanderpool E.* Kallixenos the Alkmeonid // Hesperia. 1950. 19. 4. P. 376–390.

[39] *Shapiro H.A.* Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. 1982. 51. 1. P. 69–73.

[40] *Idem.* Hippokrates Son of Anaxileos // Hesperia. 1980. 49. 3. P. 289–293.

[41] *Phillips D.J.* Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // ZPE. 1990. 83. S. 123 ff. О принадлежности Исагора к роду Филаидов см. *Bicknell.* Studies... P. 84–88.

вместе взятые. Зато она уступает им в другом отношении: если граждане, включаемые нами в первые две группы, нередко упоминаются на большом числе острака (десятках, сотнях или даже тысячах[42]), то для подавляющего большинства представителей третьей группы наблюдается совершенно иная картина: считанные единицы надписанных черепков, порой – один-единственный остракон[43]. Иными словами, никто из этих афинян не подвергался реальной опасности десятилетнего изгнания. И тем не менее находились-таки сограждане, хотя и в небольшом количестве, которые голосовали против них. Кто же такие эти лица, не оставившие никакого следа в истории афинского полиса и даже, судя по всему, мало кому известные, но в то же время, несомненно, каким-то образом связанные с политической жизнью (повторим, остракон – не частная надпись)? Насколько нам известно, никто еще не пытался дать ответ на этот вопрос.

Практически единственным возможным и при этом непротиворечивым вариантом такого ответа представляется следующий: перед нами – политики, действовавшие не на уровне полиса, а на уровне демов и потому известные только своим демотам. Поясним свою мысль. Остракофория, проводившаяся не чаще раза год, была важным и отнюдь не ординарным событием афинской политической жизни. Насколько можно судить, в ней принимали участие не только городские жители – завсегдатаи обычных народных собраний. Сходились в Афины в этот день даже полуграмотные и в целом совершенно чуждые общественной жизни полиса крестьяне из отдаленных демов[44]. Таким образом, в день остракизма политическая активность гражданского коллектива должна была быть значительно выше, чем на «рутинных» заседаниях экклесии[45].

В числе пришедших на остракофорию оказывалось немалое количество граждан, которые, сталкиваясь с необходимостью голосовать против кого-либо из политиков, при этом были совершенно или почти незнакомы с деятельностью политических лидеров общеполисного масштаба, имели о ней смутное или превратное представление (здесь самое время вспомнить вышеупомянутый случай с Аристидом и крестьянином). Тем единственным сегментом политической жизни, который был им в деталях известен, являлась политическая жизнь их дема. От этого-то они и отталкивались при своем волеизъявлении, нанося на черепки имена не Ксантиппа или Фемистокла, а тех, чьи дела им были ближе, к кому у них лично имелись какие-либо претензии, скажем, своего демарха, или иного магистрата дема, или просто представителя элиты этой локальной общины. Подобного рода сведение «местных счетов» на общегосударственном мероприятии, что и говорить, свидетельствует о не слишком высоком уровне политической сознательности: не будем забывать о том, что в начале V в. до н.э. демократия делала свои самые первые, не всегда уверенные шаги, демос еще только постепенно привыкал к ведущей роли в полисе. Похоже, в частности, что многими не вполне осознавалась цель самой процедуры остракизма: ведь

---

[42] С именем Мегакла, сына Гиппократа, известно более 4400 острака, с именем Фемистокла – более 2200.

[43] Ср. *Masson O.* Nouvelles notes d'anthroponymie grecque // ZPE. 1992. 91. S. 112.

[44] Ср. *Finley.* Op. cit. P. 73.

[45] См. *Суриков И.Е.* Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 19. Д. Филлипс утверждает, что остракофорию вряд ли посещало более 10 тысяч человек (*Phillips.* Op. cit. P. 136); мы скорее сказали бы, что число присутствовавших на ней редко бывало *меньше* этой цифры.

наивно было бы полагать, что политик будет изгнан, если против него подадут 4–5, да даже и 40–50 голосов.

Укажем на одно небезынтересное обстоятельство, которое, возможно, свидетельствует в пользу выдвинутой нами гипотезы. На опубликованном Ш. Бренне остраконе против некоего Истмоника из дема Кофокиды[46], датируемом 480-ми – 470-ми годами до н.э., читаем: τὸν δε̄[μο]τευτὸν[47]| hισθμόνικος[48] Κοθοκίδε̄ς – «Истмоник кофокидянин из числа демотевтов». Кого следует понимать под упоминаемыми здесь «демотевтами»? Лексема δημοτευτής[49] до сих пор не встречалась ни в нарративных, ни в эпиграфических источниках и соответственно не фигурирует в словарях. Однако ее «семантическая ниша» достаточно ясна: она принадлежит к группе слов с корнем δημ-. Бренне полагает, что перед нами синоним слова δημότης, «демот, член дема», но нам трудно с ним в этом согласиться как по формальным, так и по содержательным соображениям. Во-первых, зачем афинянину, подававшему этот остракон, было употреблять более редкое (и, добавим, более длинное) выражение, если можно было так и написать τὸν δε̄μοτὸν? Надписи на острака, как правило, тяготели к как можно более кратким формам (вплоть даже до того, что нередко имена, патронимики и демотики просто оставались недописанными): этому способствовали как небольшие размеры черепков-«бюллетеней», так и определенные сложности, связанные с процарапыванием слов на обожженной глине[50]. Во-вторых, что бы могла означать надпись «Такой-то из числа демотов» и с какой целью она могла бы быть нанесена? Демотами являлись все без исключения афинские граждане, поэтому смысл подобного уточнения оказывается нулевым. Все остальные дополнительные приписки на острака (а их не так уж и мало)[51] вполне осмысленны; почему мы должны делать исключение для рассматриваемой здесь? Создается впечатление, что писавший все-таки имел в виду что-то иное.

Грамматически слово δημοτευτής принадлежит к весьма распространенной категории отглагольных существительных на -της, обозначающих действующее лицо (ср. ποιητής < ποιέω, δικαστής < δικάζω, μαθητής < μανθάνω и т.д.). В данном случае в качестве исходного глагола выступает редкий отложительный глагол δημοτεύομαι, который в дошедших до нас текстах (Lys. XXIII. 3; Dem. LVII. 49) обычно переводится «принадлежать к дему, быть демотом». Иными словами, οἱ δημοτευταί = οἱ δημοτευόμενοι. Однако нельзя ли предположить для глагола δημοτεύομαι также и второе, дополнительное значение,

---

[46] *Brenne*. Ostrakismos... S. 77; *idem*. Die Ostraka... S. 86.

[47] Genetivus partitivus. Заполнение лакуны представляется вполне надежным. Единственная возможная альтернатива – τὸν δε[κα]τευτὸν – должна быть, как справедливо указывает Бренне, отклонена по соображениям исторического контекста. Δεκατευτής означает «сборщик десятины» (*Harpocr*. s.v. δεκατευτάς). Десятина взималась с афинян при Писистрате (*Arist*. Ath. pol. 16. 4), но уже в правление его сыновей этот налог был сокращен до одной двадцатой (*Thuc*. VI. 54. 5), а после ликвидации тирании полностью отменен.

[48] По поводу h в надписях на острака см. *Raubitschek A.E.* (H)abronichos // Classical Review. 1956. 6. 3/4. P. 199–200.

[49] Нам представляется, что ударение должно стоять на последнем слоге, хотя у Бренне – δημοτεύτης.

[50] Об этих сложностях см. *Larsen J.A.O.* The Origin and Significance of the Counting of Votes // CPh. 1949. 44. 3. P. 173; *Harvey*. Literacy... P. 592; *Burns A*. Athenian Literacy in the Fifth Century B.C. // Journal of the History of Ideas. 1981. 42. 3. P. 382; *Harris W.V.* Ancient Literacy. Cambridge Mass., 1989. P. 54.

[51] Наиболее репрезентативную на сегодняшний день их сводку см. *Brenne*. Die Ostraka... S. 80–141. Эти приписки имеют, как правило, либо экспрессивный, либо инвективный, либо идентификационный характер.

опираясь на параллель с гораздо чаще встречающимся глаголом πολιτεύω/πολιτεύομαι[52]? Этот последний обозначает «принадлежать к гражданскому коллективу, быть гражданином». Однако начиная с классической эпохи у него появляется (особенно в медиальном залоге) еще одно важное значение – «заниматься государственными делами, участвовать в политической жизни». В частности, субстантивированное причастие οἱ πολιτευόμενοι фактически становится техническим выражением, применявшимся к политической элите полиса[53] и противопоставлявшей ее «частным», неполитизированным гражданам (οἱ ἰδιῶται). Представляется вполне вероятным, что аналогичная эволюция могла иметь место также в случае с глаголом δημοτεύομαι и производными от него формами οἱ δημοτευόμενοι и οἱ δημοτευταί.

Итак, мы предполагаем, что первая строка вышеприведенной надписи представляет собой идентификационную приписку, указывающую на принадлежность афинянина, против которого направлен остракон, к слою демотевтов (οἱ δημοτευταί) – представителей политической элиты дема. Подчеркнем, что это лишь предположение, а не категоричное утверждение; со временем оно может оказаться доказанным или, наоборот, опровергнутым, что в любом случае не повлияет на степень аргументированности принципиальных тезисов, выдвигаемых в данной работе. Тем не менее кажется удобным впредь по ходу изложения пользоваться термином «демотевты» для обозначения интересующего нас слоя афинских граждан, естественно, вполне осознавая определенную условность такого обозначения.

Кстати, на примере Истмоника, фигурирующего на остраконе, о котором шла речь, уже можно попытаться сделать некоторые выводы о социальном статусе демотевтов. Само его имя (переводящееся буквально как «победитель на Истмийских играх») может немало сказать любому исследователю, сталкивавшемуся с проблемами древнегреческой ономастики. Оно явно указывает на то, что семья, к которой принадлежал Истмоник, отличалась определенными амбициями. Эти амбиции распространялись на сферу атлетической агонистики, но вряд ли стоит лишний раз напоминать о хорошо известной истине – теснейшей связи спорта и политической жизни в греческом полисном мире[54]. Побеждая на панэллинских состязаниях, индивид тем самым претендовал на значимое место в полисе, как для себя самого, так и для своей семьи. А с другой стороны, обратим внимание на то, что в данном случае проявляемые амбиции – не самого высокого уровня: истмоник – все-таки не олимпионик. Такая «скромность» более пристала представителям элиты «второго ранга», элиты демов, а не полиса в целом.

В высшей степени интересен и еще один факт. Известны два остракона с именем Истмоника, при этом на одном он назван Истмоником из Кофокидов, а на другом – Истмоником из Скамбонидов. Ввиду исключительной редкости

[52] Глаголы δημοτεύομαι и πολιτεύω/πολιτεύομαι, образованные по одинаковому признаку, вполне соответствуют друг другу: первый из них находится в таком же отношении к δῆμος и δημότης, в каком второй – к πόλις и πολίτης. Встречаются, хотя и крайне редко, формы активного залога от глагола δημοτεύομαι (правда, у очень поздних авторов, например, *Theophyl Simoc.* Hist. VIII. 7. 10; *Theophan.* P. 233 de Boor; *Cedren.* I. P. 678 Bekker). Это позволяет говорить о глаголе δημοτεύω/δημοτεύομαι, что еще больше подчеркивает параллелизм.

[53] *Mossé.* Op. cit. P. 67. Правда, К. Моссе, считая термин «элита» не самым неудачным, предпочитает пользоваться словосочетанием «политический класс» (la classe politique), что, в свою очередь, не очень хорошо звучит по-русски.

[54] См. в наиболее аргументированной форме: *Bengtson H.* Kleine Schriften zur alten Geschichte. München, 1974. S. 190–207. Из отечественных исследований в таких случаях принято ссылаться на ставшую классической работу: *Зельин К.К.* Олимпионики и тираны // ВДИ. 1962. № 4. С. 21–29.

имени Истмоник в Афинах[55] не может быть и речи о том, что перед нами два разных лица. Почему же один и тот же афинский гражданин фигурирует в надписях на острака с двумя разными демотиками? Принадлежать одновременно к двум демам он, понятно, не мог. Значит, кто-то из писавших ошибся, но какая причина могла вызвать подобную ошибку? Следует учесть и то, что Кофокиды – сельский дем, а Скамбониды, напротив, принадлежали к городской триттии и находились практически в центре Афин.

В высшей степени убедительным выглядит в данной связи предположение, высказанное Ш. Бренне[56]: Истмоник, семья которого в период клисфеновских реформ жила в деме Кофокиды и соответственно была к нему приписана, впоследствии переселился на «постоянное место жительства» в город, приобретя там дом[57]. При этом по афинским законам он по-прежнему оставался членом дема Кофокиды, должен был участвовать в его политической жизни, приходя на собрания и иные мероприятия из города, и, судя по всему, принадлежал к его элите. Однако знать об этом могли далеко не все сограждане. Кто-то из голосовавших на остракофории, желая подать свой голос против Истмоника, ошибочно посчитал, что тот приписан к тому дему, в котором живет, и нанес на остракон соответствующий демотик.

Есть еще несколько абсолютно аналогичных примеров. Некий Агасий, сын Арксимаха[58], чье имя встречается в общей сложности на 42 острака[59] (это довольно много для лица, не принадлежащего к числу наиболее влиятельных политических лидеров), на части этих черепков идентифицирован как принадлежащий к дему Лампитры, а другая часть называет его Агасием из Агрилы. Ситуация здесь точно такая же, как с Истмоником: Лампитры – сельский дем, а Агрила – городской. Афинянин по имени Филокид, сын Фидела, упоминаемый на 20 острака[60], на одних фигурирует как демот тех же Лампитр, на других – как член городского дема Колон. Очевидно, все эти лица в политических, коммерческих или каких-то иных целях перебрались из сельской местности в город или его ближайшие окрестности, но при этом продолжали поддерживать связи с демами своих предков. Возможно, к той же группе принадлежит Ахарнион из Ксипеты (3 остракона)[61]. Дем, к которому он приписан, относится к группе городских, но в имени этого гражданина вполне явственна аллю-

[55] Известен из надписи еще один Истмоник, живший ближе к концу V в. до н.э., а также одна–две женщины по имени Истмоника; этим исчерпывается весь афинский материал по данной ономастической единице. См. *Osborne M.J., Byrne S.G.* A Lexicon of Greek Personal Names. V. 2. Attica. Oxf., 1994. P. 239.

[56] *Brenne.* Ostrakismos... S. 171.

[57] Переселение состоятельных и политически активных семей из сельской местности в город было характерно практически для всех периодов афинской истории. Оно имело место в архаическую эпоху (*Суриков.* Из истории греческой аристократии... С. 53–55), зафиксировано также и в IV в. до н.э. (*Hansen.* The Athenian Assembly... P. 63–64; *idem.* The Athenian Ecclesia II. A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 84). Следует полагать, что та же демографическая тенденция сохранялась и в дальнейшем. Однако со времени клисфеновских реформ реальное место жительства не влияло на принадлежность к дему: демотик передавался по наследству и не мог быть изменен.

[58] Не исключено, что это тот самый Агасий, который в 479 г. до н.э., незадолго до Платейского сражения, организовал заговор с целью свержения демократии и сдачи Афин персам (*Plut.* Arist. 13). См. *Harvey F.D.* The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristeides. 13) // Klio. 1984. 66. 1. S. 58–73.

[59] *Brenne.* Ostrakismos... S. 89.

[60] Ibid. S. 269.

[61] Ibid. S. 88.

зия на крупнейший сельский дем Ахарны[62]; скорее всего, именно оттуда происходила его семья.

А теперь дадим перечень тех из политиков, упоминаемых на острака первой половины V в. до н.э., которых можно с наибольшей вероятностью отнести к категории демотевтов. Помимо вышеупомянутых Истмоника, Агасия, Филокида и Ахарниона в этот перечень входят (в алфавитном порядке): Андрон, сын Андрокла, из Гаргетта[63]; Антидорид, сын Федонида; Антикрат, сын Гимерака[64]; Аристехм, сын Тимократа; Аристилл; Аристотель, сын Тимократа; Аркесилай из Гагнунта; Архен; Архий; Боон, сын Касона, из Торика[65]; Бриотент из Колона; Бутал из Эны; Буталион из Марафона; Габрон, сын Патрокла, из Марафона; Гапсифилл, сын Тисия; Гегелох из Эрикии; Гиерокл, сын Герма...[66]; Диитреф, сын Евфена; Дикей, сын Евномиона; Диогнет, сын Эрготима, из Мелиты; Дионисий, сын Корона; Евалк из Проспалта; Евдик, сын Семиона; Евполид из Тор; Евфрастид, сын Эхена; Идонид из Фалера; Исий из Ои; Калликрат, сын Лампрокла; Каннон, сын Сибиртия; Кидрокл, сын Тимократа, из Крии; Клеибул, сын Никодема; Ксанфий; Ксеноклид из Афидны; Лесподий, сын Спудида, из Келы; Ликон; Мелант из Кефисии; Навкрат; Олимпиад, сын Фидела[67]; Олимпих из Гал; Ономаст из Конфилы; Опунтий из Ои; Павсиад с Саламина[68]; Панетий из Агрилы; Панталеонт, сын Гегесия, из Ламптр; Политим из Прасий; Прокл из Евонима; Проксен, сын Тиманакта, из Амфитропы; Симонт, сын Фринея; Феопомп, сын Протия, из Афидны; Феотим, сын Клеена; Филей, сын Деркета; Филипп; Филомел из Пирея; Фитон из Филы; Фрасикл; Фрурарх; Эратилл, сын Каттария; Эретрией; Эхмий, сын Фаррилиона.

Имена перечисленных афинян, повторим, ничего или почти ничего не говорят современным исследователям, но не приходится сомневаться в том, что все они были прекрасно известны их товарищам по демам и, более того, представлялись достаточно влиятельными, чтобы рассматриваться как «кандидаты» на десятилетнее изгнание. Кроме этой мелкой локальной знати[69], вряд ли

---

[62] *Masson*. Op. cit. S. 113.

[63] Семья, к которой он принадлежал, в V в. до н.э. еще малоизвестная, в следующем столетии, насколько можно судить, повысила свое влияние и дала, как минимум, одного видного политика общеафинского уровня – Андротиона, политического противника Демосфена (XXII речь Демосфена направлена против Андротиона) и автора известной «Аттиды» (см. о нем: *Pearson L.* The Local Historians of Attica. Ann Arbor, 1981. P. 76–86).

[64] Патронимик не дописан до конца и, скорее всего, искажен.

[65] На одном остраконе этот Боон охарактеризован как «живущий в Торике» (Θορικῶι οἰκῶν). См. *Brenne*. Die Ostraka... S. 83. Ш. Бренне полагает, что писавший таким образом желал унизить Боона, приравнять его к метеку: формулировка «живущий в таком-то деме», а не «из такого-то дема» употреблялась именно по отношению к метекам, чтобы отличать их от граждан. Однако нам представляется возможным и более простой ход мысли: писавший знал, что Боон проживает в Торике, но не знал (или не был уверен), к какому он приписан дему, и идентифицировал своего «кандидата» как мог.

[66] Части обоих остраконов против этого лица с окончаниями имени и патронимика не сохранились. Для имени возможны и иные восстановления, например, «Гиероклид».

[67] Весьма вероятно ввиду совпадения патронимиков, что это родной брат Филокида, сына Фидела, о котором речь шла выше.

[68] Обратим внимание, что и этот «кандидат» охарактеризован не по месту приписки, а по месту жительства. Саламин – древнейшая и самая ближняя клерухия Афин (иногда ее не вполне точно называют колонией, например: *Касаткина Н.А.* Солон Афинский и остров Саламин // АКРА. Сб. научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 59–70; об отличиях клерухий от колоний «классического» типа см. *Romilly J. de.* Rencontres avec la Grece antique. P., 1995. P. 220) – к началу классической эпохи воспринимался как неотъемлемая часть афинского полиса, но статуса дема тем не менее не имел, и жившие на нем граждане, судя по всему, официально числились в различных демах.

[69] Антиковеды, изучавшие имена на острака, справедливо отмечают аристократический статус их носителей: *Brenne*. Ostrakismos... S. 410; *Карпюк*. Ук. соч. С. 220–221. Но аристократия, как известно, может быть разного уровня.

широко известной всему полису, можно отнести к демотевтам еще одну группу граждан, на этот раз представителей периферийных ветвей по-настоящему могущественных и влиятельных родов. Приведем несколько примеров.

Имя Мегакл в архаических и классических Афинах как бы маркировало собой принадлежность к Алкмеонидам. Встречая носителя данного антропонима, можно быть практически безоговорочно уверенным, что его носитель принадлежит именно к этому роду. Основные, наиболее активные в общественной жизни семьи, входившие в состав Алкмеонидов, к рубежу VI–V вв. до н.э. проживали в трех городских демах – Алопеке, Агриле и Ксипете; соответственно к этим демам они были приписаны Клисфеном и с этими демотиками упоминаются в источниках их самые знаменитые в афинской истории члены. Однако разветвленный род Алкмеонидов включал в себя и другие семьи, которые не претендовали на ведущую роль в общеполисной политике. Эти семьи имели свои резиденции в различных частях сельской Аттики, в особенности в прибрежной зоне – Паралии, которая, собственно, являлась их исконной «вотчиной»[70].

На острака упоминается целый ряд афинян по имени Мегакл. Самый известный из них – Мегакл, сын Гиппократа, из Алопеки, видный политический деятель начала классической эпохи, в 486 г. до н.э. подвергнутый остракизму (Pind. Pyth. VII. 18 sqq.; Andoc. IV. 34; Lys. XIV. 39; Arist. Ath. pol. 22. 5; Harpocr. s.v. 'Αλκιβιάδης)[71]. В его принадлежности к общеафинской элите, к ее самому высокому слою сомнений не возникает. А что с остальными Мегаклами? Для некоторых из них известны демотики: Анагирунт, Анафлист, Ахарны, Эгилия. Все это – сельские демы, причем три из четырех относятся к Паралии. Перед нами явно Алкмеониды, но Алкмеониды, так сказать, «захудалые», что впрочем, не мешало им играть определенную роль в своих локальных общинах (и не более того). Создается впечатление, что интересующий нас род старался иметь своих людей не только на уровне полиса в целом, но и на уровне отдельных демов: это должно было увеличивать эффективность его политической линии. То же можно сказать и о некоторых других аристократических родах. Так, неизвестные из письменных источников, но упоминаемые на острака Эантодор из Агрилы[72], Эсхрей, сын Акесторида[73], Кимон из Рамнунта, скорее всего, имеют какое-то отношение к Филаидам.

Возможны ли на основании имеющегося материала какие-либо ответственные суждения о демотевтах, помимо чисто идентификационных? Нам пред-

---

[70] См. последнюю по времени работу о местах проживания Алкмеонидов в Аттике: *Anderson G.* Alkmeonid «Homelands», Political Exile, and the Unification of Attica // Historia. 2000. 49. 4. S. 387–412.

[71] Об остракизме Мегакла, сына Гиппократа, см. *Bicknell P.J.* Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // L'Antiquité classique. 1975. 44. 1. P. 172–175 (с необоснованным, на наш взгляд, предположением о том, что его подвергали этой мере дважды); *Culasso Gastaldi E.* Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. 1997. 8. 2. P. 253–271 (справедливая критика этой гипотезы); *Суриков И.Е.* Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // ВДИ. 2003. № 2. С. 16–25.

[72] Носитель этого редкого имени должен был принадлежать к какому-то из аттических родов, возводивших свое происхождение к Аяксу (Эанту), а в числе таковых были как раз Филаиды. О. Массон считает, что имя Эантодор следует связать скорее с филой Эантидой (*Masson.* Op. cit. S. 115). Однако носитель этого имени, упомянутый на остраконе, скорее всего, родился до создания клисфеновских фил, одной из которых была Эантида (во время остракофорий 480-х годов до н.э. он должен был уже быть взрослым человеком).

[73] О его принадлежности к кругу Филаидов см. *Brenne.* Ostrakismos... S. 93. Имя Акесторид входит в ономастикон этого рода.

ставляется, что да. Прежде всего укажем на следующую немаловажную закономерность. Выше говорилось о том, что имена, встречающиеся на острака, распадаются на три группы: первые две соотносятся с политиками общеполисного масштаба, а третья, самая многочисленная, – с демотевтами. Демотики известны почти для всех представителей первых двух групп (которые для целей нашего анализа вполне могут быть объединены в одну) и для многих граждан, входящих в третью. При сопоставлении их друг с другом обнаруживается ярко выраженный контраст. Для подавляющего большинства членов первых двух групп (и, следовательно, общеафинской политической элиты) фиксируются городские демы приписки. Едва ли не единственным значимым исключением на хронологическом промежутке, охватывающем первую половину V в. до н.э., является Фемистокл, происходивший из сельского дема (Фреарры). Но этот политик и действительно занимал совершенно особое место в афинской истории, насколько можно судить, существенно опередив свое время; он в течение всей своей карьеры держался несколько особняком от старинной городской знати, как известно, видевшей в нем «чужака» и парвеню[74].

Что же касается группы демотевтов, то в ней мы видим, напротив, значительное преобладание сельских демотиков над городскими. Если взять за основу тот список, который был приведен чуть выше, окажется что 9 афинян входящих в его состав, принадлежали к городским демам и 25 – к сельским (демотики остальных неизвестны). Это обстоятельство позволяет уже делать определенные выводы. Очевидно, власть и авторитет демотевтов были особенно сильны в отдаленной, сельской части Аттики и ослабевали по мере приближения к городу. Последнее вполне поддается объяснению: если для крестьян из какой-нибудь Афидны или Торика, отделенных от Афин несколькими десятками километров[75] и поэтому бывавших там крайне редко, демотевты как бы воплощали собой всю политическую жизнь, то жители городских и пригородных демов неизбежно были гораздо активнее включены в общеполисные структуры – их кругозор был шире и не ограничивался рамками своей локальной общины.

В то же время самим демотевтам (или во всяком случае некоторым из них), как мы видели, было отнюдь не чуждо стремление обосноваться в городе, при этом сохраняя влияние и в своих демах. Это характеризует их как людей достаточно состоятельных и амбициозных. В их ономастиконе, как он выявляется из приведенного выше списка имен, прослеживаются те же амбиции, впрочем, подчеркнем, все же скорее скромные, чем чрезмерные. Ранее это было показано на примере Истмоника с его редким «атлетическим» именем. Характерно, что в целом в именах и патронимиках демотевтов такого рода спортивная семантика представлена в не очень значительном объеме[76]. В частности, такой типичнейший агонально-аристократический элемент, как ἱππ-, в списке

[74] См. об этом: *Суриков И.Е.* Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 8. Специальный выпуск. Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 342–364. Недавно из публикаций острака стало известно, что к сельскому дему (Флия) принадлежал также Миронид – видный полководец, участвовавший в Греко-персидских войнах и первой Пелопоннесской войне (*Berti M.* Note storiche e prosopografiche agli *ostraka* di Μυρωνίδης Φλυεύς dal *Kerameikós* di Atene // Minima epigraphica et papyrologica. 1999. 2. P. 77–109). Но его вряд ли следует относить к политикам первого ранга.

[75] Как известно, от Марафона до Афин 42 с небольшим километра, а это отнюдь не самый отдаленный аттический дем.

[76] Имена Олимпиад и Олимпих не обязательно должны иметь отношение к Олимпийским играм.

практически не представлен[77]. Очевидно, гиппотрофию демотевты не практиковали, а если и участвовали в состязаниях, то в менее затратных (и соответственно менее престижных) дисциплинах.

Некоторые имена из интересующего нас комплекса содержат указания на ксенические связи с другими полисами. Так, «Эретрией» означает буквально «эретриец»[78], а Опунтий явно получил имя от Опунта – главного города Восточной Локриды[79]. Все это говорит о том, что перед нами явно не простолюдины, однако опять же обратим внимание на то, каким конкретным способом в данном случае манифестируется ксения. Если блестящие городские аристократы, входившие в общеполисную политическую элиту, давали детям имена своих столь же знатных ксенов как из греческого, так и из «варварского» мира[80] (таким образом, в частности лидийское царское имя Крез попало в род Алкмеонидов, а фракийское царское имя Олор – в род Филаидов), то демотевты и здесь поступали скромнее, используя не имена индивидов (очевидно, в данном отношении они мало чем могли похвастаться), а названия общин[81], или же просто фиксируя сам факт ксенических отношений (имя Проксен).

Представляется перспективным осуществить общий анализ имеющегося у нас списка имен демотевтов с точки зрения семантики корней, отражающей определенную систему ценностей. Такой анализ приводит к выводу, который вполне согласуются со сделанными выше: демотевты выступают как слой политически амбициозный, но амбиции его умеренны. Встречаются, но не часто, такие корни аристократического характера, как ἀγ-/ἠγ- (Агасий, Гегелох), ἀνακτ- (Тиманакт), ἀριστ- (Аристехм, Аристилл, Аристотель), ἀρχ- (Арксимах, Архен, Архий, Фрурарх), καλλ- (Калликрат)[82], κυδ- (Кидрокл, Филокид), κρατ- (Антикрат, Калликрат, Навкрат, Тимократ), τιμ- (Политим, Тиманакт, Тимократ, Феотим, Эрготим)[83]. Значительно распространеннее, чем остальные, корень κλε-/κλη- (Андрокл, Гиерокл, Кидрокл, Клеен, Клеибул, Ксенокли́д, Лампрокл, Мегакл, Патрокл, Прокл, Фрасикл); не исключено, что этот элемент следует считать особенно типичным именно для демотевтов[84]. Нако-

---

[77] Единственное исключение – Филипп, но это имя было настолько распространенным в Афинах и всем греческом мире, что семантике корней в данном случае вряд ли следует придавать существенное значение. О характере имен с корнем ἱππ- см. *Молчанов А.А., Суриков И.Е.* Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в древнем мире. М., 1999. С. 122 слл.; *Карпюк.* Ук. соч. С. 202 слл.

[78] О связи афинских аристократов с эвбейской Эретрией – городом, процветавшим в эпоху архаики, см. *Суриков.* Остракон Мегакла...

[79] Возможно, к той же категории относится и имя Касон (от острова Касос; см. *Masson.* Op. cit. S. 116).

[80] См. об этом: *Herman G.* Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // CQ. 1990. 40. 2. P. 349–363.

[81] Правда, Филаид Кимон тоже назвал своих сыновей Лакедемонием и Фессалом. Но здесь перед нами – скорее «геополитическая», чем ксеническая ономастика.

[82] Элемент καλλ- (связанный с гомосексуальными отношениями на симпосиях) совершенно справедливо рассматривается С.Г. Карпюком как один из самых показательно-аристократических наряду с ἱππ- (*Карпюк.* Ук. соч. С. 205). Весьма характерно в данной связи, что в группе демотевтов этот элемент практически не представлен (один случай). Демотевты явно не получали в юности в подарок вазы с любовными надписями по формуле ὁ δεῖνα καλός: недостаточно высок для этого был их социальный статус.

[83] Впрочем, корень τιμ- не обязательно имеет аристократическую семантику. Здесь многое зависит скорее от общеономастического контекста: если имена Тиманакт, Тимократ, бесспорно, указывают на знатное происхождение их носителей, то имя Эрготим пристало скорее ремесленнику (ср. гончара, изготовившего «вазу Франсуа»), а имена Политим, Феотим вполне нейтральны.

[84] Может быть, не лишен связи с этим тот факт, что во второй половине V в. до н.э. имена с корнем κλε-/κλη- были чрезвычайно популярны в среде так называемых «новых политиков» (Клеон, сын Клеенета, Клеофонт, сын Клеиппида).

нец, довольно употребителен достойно звучащий, но в политическом отношении абсолютно нейтральный корень εὐ- (Евалк, Евдик, Евномион, Евполид, Евфен, Евфрастид).

Итак, в первой половине V в. до н.э. политические амбиции демотевтов были, повторим, еще не слишком далеко идущими и ориентированными скорее на влиятельное положение в своих демах, чем во всем полисе. Собственно, лидерам локальных общин поневоле приходилось умерять свои властные притязания. Они, даже если и хотели, не могли на равных соперничать с блестящими представителями древних и могущественных родов, которые фактически монополизировали все места в «первом эшелоне» общеафинской элиты, тем более что как раз в это время среди ведущих аристократов появилось необычайно большое количество ярких и неординарных личностей (от Клисфена и Мильтиада до Перикла и Фукидида, сына Мелесия). Демотевты были вынуждены в подобных условиях довольствоваться статусом «вечно вторых», своеобразного афинского ordo equester. На рассматриваемом хронологическом отрезке элита демов еще не являлась (или являлась в очень незначительной степени) резервом для пополнения элиты полиса. Ситуация стремительно и кардинально изменилась в выгодную для них сторону во второй половине столетия, в послеперикловскую эпоху. Но этот сюжет уже выходит за хронологические рамки работы и будет рассмотрен нами в специальной статье.

А пока попытаемся сформулировать некоторые итоговые соображения общего характера. Справедливо отмечалось[85], что в реальной повседневности функционирования афинской демократии два значения слова δῆμος неизбежно должны были смешиваться. В какой-то степени это было даже плодотворно для политического дискурса, поскольку порождало новые, незапрограммированные смыслы устоявшихся понятий. В частности, демократия могла осмысляться не только как «власть народа», но и как «власть демов».

Однако такое положение вещей имело и свою оборотную сторону. Демократическое устройство полиса предполагает в качестве одной из важных предпосылок разрушение внутриполисных вертикальных и горизонтальных связей-зависимостей, «атомизацию» общества, его превращение в совокупность отдельных, не связанных друг с другом индивидов, для которых существенно лишь одно политическое отношение – отношение к государству как целому[86]. При отсутствии этой предпосылки полисная демократия в своей по-настоящему развитой форме не могла сложиться, даже если были налицо другие условия, такие, как привлечение к политическому участию широких масс гражданства (как было в Афинах начиная с реформ Клисфена). В качестве аргумента a contrario можно привести Рим, в котором формированию развитой демократии воспрепятствовала большая прочность традиционных вертикальных связей внутри социума (отношения патроната–клиентелы).

Таким образом, как ни парадоксально, наличие в полисе микросообществ политического характера, наиболее значимым из которых был дем, в определенной степени препятствовало развертыванию всех внутренних потенций демократии; эти микросообщества стояли на пути унифицирующей, интегративной тенденции, выражавшейся в демократизации афинского государст-

[85] *Osborne*. Demos... P. 83.

[86] *Eder*. Op. cit. S. 16–17; *Суриков И.Е.* Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 89–99.

ва[87]. Демы, система, которых была создана Клисфеном в противовес традиционным типам объединений (фратриям и т.п.), чтобы заменить их в политической жизни, довольно скоро и сами стали воспроизводить ту же парадигму, превращаясь в некие «землячества» со своими местническими интересами[88].

Ситуация, при которой для многих афинских граждан, как упоминалось выше, дела дема отодвигали на второй план дела полиса, а демарх был едва ли не более важной фигурой, чем общеполисный магистрат, могла в конечном итоге привести к возрождению регионального патернализма и подорвать результаты демократических преобразований. Чтобы это не произошло, в ходе дальнейшего развития политической системы классических Афин необходимо было найти некий механизм нейтрализации (или удовлетворения) амбиций элиты демов, интегрировать ее в полисные институты, побудить действовать в интересах целого, а не отдельных его частей.

ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: POLITICAL ELITE OF ATTIC DEMES IN EARLY CLASSICAL PERIOD

(*Statement of the Problem*)

I. E. Surikov

Deme was one of the most important structural units of the Classical Athenian state. Its institutions imitated those of the polis, including magistrates and assembly. Since there was political life of some kind in Attic demes, one may speak of political elite of the demes as distinct from the polis elite. In the first half of the 5th c. BC this «second-level» elite was not yet in a position to rival traditional aristocratic leaders like Cimon, Xanthippus or Aristides, but it enjoyed great authority in local communities, especially in rural ones and those remote from the city). For a big part of ordinary citizens their demarchs and other members of the deme elite were more important and indispensable than polis magistrates. The principal point of the article is that many of the politicians mentioned on Athenian *ostraka* of the first half of the 5th c. BC belonged to the deme elite. Their demesmen wrote their names on the potsherds simply because these names were much more familiar to them than those of the first-rank polis politicians. An inscription on an *ostrakon* bearing a name of a certain Isthmonicus gives the author grounds to call the members of this deme elite δημοτευταί. Analysing relevant material of *ostraka*, he ventures some important conclusions about the status of this stratum among the Athenian citizens. Most *demoteutai* belonged to rural demes: apparently, the inhabitants of urban demes were more actively involved in the work of structures of the whole state, and their horizon was not limited to their local communities. On the other hand, some *demoteutai* migrated to the city while trying to retain influence upon their demes. They were men of some ambition, but rather a moderate one. They participated in Panhellenic games, had guest-friends in other cities and gave noble (though not utterly noble) names to their children.

[87] Не можем согласиться с точкой зрения, согласно которой укрепление уз между членами полисных микросообществ, в том числе демов, способствовали сплочению гражданского коллектива в целом (*Строгецкий В.М.* Роль информации и проблема коммуникативных отношений в классическом полисе // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб., 2003. С. 135).

[88] Из одного места у Лисия (XXIII. 3) можно заключить, что члены разных демов имели в Афинах излюбленные места для неформальных сходок (цирюльни, лавки). Так, члены сельского дема Декелея собирались в «цирюльне у гермов» на агоре.

© 2005 г.

Йорг Рюпке

ДИВИНАЦИЯ И ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ЭПОХУ РЕСПУБЛИКИ[1]

ВВЕДЕНИЕ

Но наивысшее и наиважнейшее право в государстве связано с полномочиями (auctoritas) авгуров. Я думаю так не потому, что я сам авгур, но потому, что эта оценка неизбежна. Ведь есть ли что-либо более значительное – если мы спросим с правовой точки зрения – чем возможность отсрочить народные собрания, созванные верховной властью или верховными магистратами с целью голосования или обсуждения, если они уже начались, или возможность их аннулировать, если они уже состоялись? Что является более впечатляющим, чем увидеть прерванным уже начатое обсуждение, если один единственный авгур сказал: «В другой раз»? Что поразительнее возможности постановить, что консулы должны сложить свои полномочия? Что почетнее (religiosius), чем предоставлять или не предоставлять право обратиться к народу или плебсу? Или чем отменить закон, который был принят неправомерным образом, например, Титиев (99 г. до н.э.) решением коллегии, или Ливиевы (91 г. до н.э.) по совету консула и авгура Филиппа? И чем то, что как во внутренних, так и во внешних делах никому не может представиться законным то, что магистрат предпринял без одобрения (auctoritas) авгуров (Cic. Leg. 2. 31)?

Это высказывание Цицерона в De legibus является не программой, но описанием, и – при всей его односторонности – правильным описанием. Дивинация представляет собой центральный элемент многих обществ и их политических систем, а не пережиток эволюционно устаревших ступеней религии. Вследствие этого она особенно подходит для попытки предпринять определение контекста ритуальной сферы, которая охватывает несколько основных жреческих институтов.

Исторические данные, которые будут здесь рассмотрены, с одной стороны, относятся к лучше всего документированной эпохе римской истории – Поздней республике, но, с другой стороны, в традиции остается много неясных деталей. Поэтому неудивительно, что точная реконструкция правил игры прежде всего авгуральной дивинации и ее значения для политической истории первого столетия до н.э. является предметом постоянных споров в антиковедении[2]. Детали

[1] Я благодарю Жана-Мишеля Давида за приглашение в Париж и за возможность представить нижеследующие размышления; коллегу Александра Смышляева за приглашение опубликовать эту статью.

[2] О leges Aelia et Fufia см. Weinstock, 1937, 1937a (запрещение законодательных собраний до выборов; obnuntiatio для трибунов); Sumner, 1963 (датировка 132 г. до н.э.; ограничение obnuntiatio); Astin, 1964 (общая подборка правил). Об ограничении lex Clodia 58 г. до н.э. см. Bleicken, 1957, S. 471 (отмена obnuntiatio); Mitchell, 1986 (obnuntiatio, как и intercessio, привязана к личному появлению того, кто вносит возражение).

этой дискуссии здесь будут в целом опущены, не потому, что я считаю их неважными, но потому, что я думаю, что методические предпосылки не соответствующих своему предмету попыток «точной» реконструкции еще слишком многим обязаны модели «римского конституционного права».

Если обобщить многочисленные попытки исследования форм дивинации в прошлом и в настоящем, то определение официальной, практикуемой в группе дивинации могло бы звучать следующим образом. Дивинация является формой общественного поведения в тревожное время, которая выявляет и формулирует одобрение и несогласие благодаря использованию определенных социальных ролей в сфере интерпретации стандартизированных знамений и их ритуального представления. С этим рабочим определением я и буду далее исследовать античные формы дивинации применительно к проблеме поиска решений в римской республиканской политике.

ДИВИНАЦИЯ В РИМЕ

Обзор

В эпоху Средней и Поздней республик в источниках доминируют две дивинационные системы: ауспиции и продигии. Обе они обозначают не столько определенные техники – область потенциальных знамений и подателей знамений очень широка – сколько определенные структуры, лица и образы действий. Грубо говоря, речь идет в случае с ауспициями прежде всего об «импетративной» дивинации – ставящей вопросы плановым образом и связанной с птицами, – даже если определенную роль играют другие – «облативные», тем самым, как явствует из их названия, не испрошенные знамения: последние отчасти столь сильно институционализированы (и функционализированы), что сами приобретают импетративный характер. Когда римский магистрат официально объявляет о том, что он будет наблюдать небесные явления (de caelo servare), то это подразумевает, что он будет принимать во внимание соответствующие, как правило, негативные, тревожащие знамения.

Продигии – это облативные, не испрошенные знамения, их определяют как чрезвычайные, часто метеорологические или биологические происшествия[3]. Наблюдать их и докладывать о них может каждый (уже Ливий отмечал повышенную чувствительность во время кризиса). Принятие их сенатом и интерпретация религиозными специалистами (понтификами, квиндецемвирами священнодействий – толкователями Сивиллиных книг в Риме), что влечет за собой мероприятия, призванные оказывать помощь в трудных обстоятельствах (procuratio), вводят их в контекст осуществления политического управления. Гаруспики, этрусские специалисты по анализу внутренностей, равным образом привлекающиеся время от времени в качестве консультантов, ощутимо присутствуют в Риме с III в. до н.э., в официальной и частной сфере. Они приобретают все большее значение, не столько благодаря их первоначально лишь эпизодическому сотрудничеству в официальных жертвоприношениях, сколько благодаря их тесным личным взаимоотношениям с представителями высших кругов общества[4]. То же са-

[3] Из последних подробных публикаций о продигиях и их роли в политической системе Римской республики: Rosenberger (1998). Другие важные работы прежде всего обобщающего характера: Wülker, 1903; Luterbacher, 1904; попытка этнической дифференциации (Bloch, 1963) является проблематичной.

[4] Для Поздней республики см. Rawson, 1978.

мое относится и к астрологии, хотя этот процесс становится значимым только в эпоху империи. Астрология не имеет никакого официального статуса, но с конца II в. до н.э. все более проявляется в личных контактах. Поскольку, как свидетельствует Плавт, было известно о существовании неримских оракулов, то в особых ситуациях свои услуги предлагали такие источники, как оракул Фортуны в соседнем Пренесте[5].

Небольшое число эксплицитных источников находится в необычной диспропорции по отношению к квантитативному значению, которое должны были иметь публичные выступления персонажей пророческого типа (vates) в республиканском Риме[6]. Характерной чертой было, как представляется, преимущественно моралистическое наставление; этот маргинальный, с социальной точки зрения источник религиозного авторитета, по-видимому, не пользуется уважением высших слоев общества, однако такие события, как принятие Carmina Marciana во время второй Пунической войны, показывают, насколько широким могло быть воздействие в отдельном случае. Для Поздней республики сохранились переданные в литературных источниках тексты, чьи составители – вполне актуальный и содержательный намек, насколько мы можем сегодня представить, – принимали роль vates (например, Гораций в Эподах)[7]. Кроме того, в самом активном обращении находились сборники оракулов, libri Sibyllini или Etrusci – при Августе при отборе подобных оракулов должны были быстро составиться две тысячи книг[8]. В противоположность этому регламентированное и интенсивное «обращение» продигий, регулярно описываемое анналистическим преданием, со времени Союзнической войны можно уловить лишь в единичных случаях.

Критика упадка ауспиций составляет топос соответствующих источников: согласно этой критике, позднереспубликанская система якобы составляет всего лишь жалкое подобие, упадочную форму изначально очень богатой системы[9]. В действительности речь идет о жизнеспособной системе, которую – с характерной монополизацией принцепсом – продолжает Август; но хотя второй триумвират мог бы стать первой «исполнительной» формой, для непрерывности ауспиций не имелось более никаких существенных факторов[10].

С технической точки зрения нам, как и современникам, позднереспубликанская ауспикация представляется до крайности суженной. Основной формой магистратской ауспикации – правом на spectio, на «наблюдение», обладают лишь высшие должностные лица – является предсказание ex tripudiis: во время не включающей более эмпирические наблюдения процедуры[11] помощник в ответ на запрос магистрата сообщал о жадном клевании принесенных кур как о позитивном знамении. Согласно другому варианту, практикуемому, вероятно, только в самом Риме, магистрат утром, в которое должно было последовать контро-

---

[5] Относительно италийских оракулов см. прежде всего Champeaux, 1989, 1990.

[6] Rawson, 1974, 157 f.; Wiseman, 1992; для эпохи империи это обычное явление: Potter, 1994.

[7] Kugel, 1990.

[8] В интерпретациях вергилиевой Сивиллы, как ее, например, представил Saggiori, 1996, эти факты систематически не учитываются. О позднейших Сивиллах см., например: Parke, 1988; Potter, 1990.

[9] Например: *Cic.* Nat. 2. 9. Ср. Bleicken, 1957, S. 473: пренебрежение obnuntiatio демонстрирует крушение бессодержательных ауспиций. Более осторожна, но только в формулировке, малоубедительная работа Bergemann, 1992, в которой предполагается, что «по крайней мере в отдельных случаях врожденный религиозный интерес отступает на задний план» (S. 95).

[10] Ср. Bleicken, 1990.

[11] Подчеркнуто Шайдом (Scheid, 1996, S. 655).

лируемое действие, занимал наблюдательную позицию, которая позволяла оптическое и акустическое наблюдение за полетом и пением птиц.

Действующие лица

Центральную роль в социологическом анализе дивинации играет описание положения, занимаемого лицом, осуществляющим дивинацию, по отношению к «исполнительной власти», включая вопрос о праве на инициативу[12]. Это касается не только предположительно близких к царю галльских друидов или вавилонских *барум* (жрецов, наблюдающих за внутренностями при совершении жертвоприношения), но также и более независимых греческих оракулов и круга израильских пророков. В Риме, как показывает просопография, существует широкая личная уния сената и религиозных специалистов, называемых sacerdotes. Землер популяризировал для английского языкового пространства[13] метафору Моммзена, характеризующую жречество как «постоянные сенатские комиссии»[14]. Однако, сохраняя эту метафору, ее следует ограничить тремя условиями: *а)* сфера деятельности отдельных жречеств не конгруэнтна, сенат распределяет поручения, но не компетенцию; *б)* имеются источники, демонстрирующие осознание ролевых различий и даже ролевые конфликты[15]; *в)* существуют четкие структурные различия по сравнению с магистратурой: пожизненная должность вместо годового срока, кооптация вместо «народного избрания». Однако неоспорима, в особенности в Позднюю республику, и обратная тенденция, уравнивающая sacerdotes и magistratus[16].

При ключевом слове «ауспикация», естественно, не следует забывать, что здесь, как правило, представитель исполнительной власти и лицо, осуществляющее дивинацию, идентичны и разделены только в особых, специально предусмотренных случаях (например, obnuntiatio, на которой мы еще специально остановимся). Все лица составляют часть высоко-соревновательной аристократии, которая в структуре знати ограничила свое соперничество немногими сферами, а именно теми, которые должны идти на пользу res publica, «общественному благу». Res publica является конкретным общим интересом представителей причастных знатных семей, эта мотивация усиливается посредством дорогостоящей (к примеру, храм) изобразительной системы символов. Не частное состояние или размер клиентелы сами по себе, но занятие «официальных» должностей (cursus honorum), военные успехи на этих постах и публичные инвестиции в игры или строительство приносят престиж, законный и доступный коммуникации символический капитал. Эта картина нормативна, а не дескриптивна. Нормативна в том смысле, что она формулирует правила, которые могут описать поведение и объяснить критику отклоняющегося поведения. Дальнейший анализ как раз покажет, что «общий интерес» является трудно достижимой равнодействующей, ограниченным во времени результатом представления, планов и действий, которые не поддаются распределению по партиям или семейным группам.

---

[12] На последний пункт указал Linderski (1986) в связи с более четким определением отношения отдельного авгура и коллегии.

[13] См., например: DeTreville, 1987; DeMartino, 1985.

[14] Szemler, 1972.

[15] Наилучший пример представляют действия салия Сципиона в начале II в. до н.э.

[16] Scheid, 1985.

Уже в случае с nobiles принцип равенства имеет лишь ограниченный вес; благодаря строго регулируемой очередности голосования, которое протекает по иерархическому принципу: сверху (начиная с самых видных консуляров и цензоров) вниз (заканчивая новыми эдилами и квесторами) – количественный принцип фактически вытесняется принципом значительности. За пределами собранной в сенате «должностной знати» нельзя говорить о демократии, в которой участвуют все: голосования по поводу законодательного предложения магистрата – собрания не обладают никаким правом инициативы – носят характер ритуалов одобрения, выражающих требуемое согласие[17]. Но представляется, что при выборах голосовательные корпорации, составленные по тимократическому принципу – вес голоса драматически понижается с уменьшением имущества – составляют еще не отмеченный решающий фактор: посредством отбора представленного кандидата они производят широкое одобрение карьерного механизма внутри аристократического соревнования. Это не следует недооценивать; стратегии, идущие от «скупки» голосов через судебные процессы вплоть до применения силы, реагируют на это и отмечают границы таких понятий как законность[18].

Возможности и контроль

Ауспициальные процедуры эпохи Поздней республики уже были охарактеризованы как в значительной степени свободные от эмпирического элемента. Это следует еще раз уточнить на техническом уровне. Дивинация, как в Риме, так и в других культурах, часто представляет собой двухступенчатый процесс, который сначала производит или определяет знамения в контролируемом пространстве, чтобы затем, на второй ступени, ограничить многозначность этих знамений. Этот процесс в римской ауспикации радикально упрощен. Категории всех возможных знаков уже заранее, традиционно или в эксплицитном legum dictio – «установлении правил игры», разделены в соответствии с одной единственной смысловой оппозицией: одобрение или отклонение. На этом основании производятся, измышляются или игнорируются знамения почти однозначного характера; интерпретация, как правило, более не является необходимой.

В классических оракулах, связанных с наблюдением за поведением кур (auspicium ex tripudiis), – жадное клевание, при котором отмечалось, что зерно падало на землю, представляло проявление наивысшего одобрения – знамением можно было манипулировать самым широким образом благодаря предшествующим голодовке или кормлению кур, а также благодаря консистенции корма (влажный или сухой). Но это не является необходимым. Публичный контроль не предусмотрен, публичным является в каждом случае только объявление результата. В этом отношении испрашивание знамения может быть сведено к стереотипному диалогу между помощником, который должен наблюдать за курами, и магистратом, который проводит эту процедуру. При этом реальные и вымышленные знамения практически равноценны и в целом для «конечного заказчика» не представляют различия. В соответствии с этим действенность знамения зависит только от восприятия или согласия магистратов: право на проведение ауспиций является непосредственной частью соответствующих полномочий их деятельности. Римская терминология выражает это в биноме

[17] Как ясно определил Flaig в 1995 г. и повторил в 2003 г.
[18] См. об этом: Jehne, 2003.

imperium auspiciumque[19]. Таким образом, «жреческий обман», классический прием интерпретации дивинационного процесса, по нескольким причинам исключается из числа моделей, пригодных для описания ауспикации.

Процедура, связанная с продигиями, осуществляется – при многих схожих элементах, например, временнóм запрете на наблюдение предзнаменования – по другим схемам. Реальность наблюдения является центральным элементом и ее следует доказать. Только после этого многоступенчатый, регламентированный сенатом процесс разрешает принятие, интерпретацию и реакцию. Тот факт, что каждый был потенциальным наблюдателем и участником искупительных ритуалов (procuratio), побуждает к публичности и тщательному политическому обеспечению процесса[20].

РЕЗУЛЬТАТЫ

То, что ауспикация вообще приносит какой-либо результат, в антиковедческих исследованиях скорее подвергается сомнению, чем оспаривается. Она является технической формой, переживающей упадок, религиозной в довольно свободном смысле и к тому же еще часто неэффективной: нередко достаточным бывает obnuntiatio, объявления о препятствующем, срывающем собрание знамении, не производящего заметного впечатления на председателей собрания, которые прямо-таки протаскивают свое законодательство. Самым острым оружием сакрального инструментария остается – в отличие, например, от манипулирования календарем – тупое[21]. Однако анализ этого процесса с применением различных моделей, прежде всего из области политологии, открывает возможность преодоления этих кажущихся противоречий.

Одобрение

Прежде всего следует привлечь простую модель поиска решений[22]. Применение подобной модели напрашивается, если поставить различные формы ауспикации в более широкий контекст политического процесса. При этом обнаруживается, что именно критические, опровергнутые в своих результатах или оспоренные ауспиции являются важными этапами политического процесса принятия решений. Гарольд Лассуэлл различает в целом шесть фаз поиска решений, которые здесь могли бы служить организации известных нам ступеней процесса.

1. *Информирование* (Intelligence): именно сенат во взаимодействии с магистратами, которые ведут переговоры и вносят предложения, устанавливает потребность в принятии решения и определяет общие условия возможного урегулирования. Для этого необходимы также кризисные настроения среди населения, которые могут быть выражены в форме извещения о продигиях. Уже в сенате дискуссия может привести к завершению процесса посредством постановления сената, senatus consultum. Это обычный случай. Заключению, однако, может быть придано большее достоинство благодаря народному постановлению, тем самым посредством придания ему статуса lex, если это признава-

[19] См. Bleicken, 1981.
[20] См. также MacBain, 1982.
[21] Эту позицию представляет также Libero, 1992 в одной из своих недавних монографий; сходную позицию см. Burckhardt, 1988, P. 178–209; иную – Beard, North, Price, 1998, P. 14.
[22] Lasswell, 1956.

лось необходимым, то в отдельных случаях, как кажется, играли роль различные соображения; в республиканское время нельзя обнаружить систематичность[23]. Подготовке lex rogata, «законодательного предложения», служили contiones, проходящие под председательством магистрата, но не принимающие решений народные собрания – исключение составляют принятые по инициативе плебейских трибунов plebiscita, которым lex Hortensia 287 г. до н.э. дала силу закона[24].

2. С этим мы вступаем в фазу *рекомендации* (recommendation). Предложение (rogatio), внесенное, например, консулом, на contiones могло вызвать обсуждение (в особенности несколькими магистраторами-ораторами) с различных точек зрения или получить проявление одобрения или неодобрения со стороны участников собрания[25].

3. Следует фаза *предписания* (prescription), фаза, на которой соответствующими руководящими органами формулируется норма, имеющая обязательную силу. В случае с римским законодательством магистрат, выступивший инициатором, созывает с целью принятия решения народное собрание (comitia), публикуя проект текста, самое меньшее за три рыночных дня (nundinae), тем самым по меньшей мере за 17 дней. Теперь авгуральные инструменты вступают в свою горячую фазу: утром перед собранием председательствующий магистрат предпринимает spectio, «наблюдение», и получает предзнаменования. В случае их успеха другие магистраты до начала комиций могут сообщить (obnuntiare) о препятствующих знамениях, которые могли бы соответственно привести к остановке процесса. Во время самого собрания – но это уже спорно – лишь присутствующие авгуры могут сообщить о предзнаменованиях, которые предполагают его остановку. После остановки в известных нам случаях эпохи Поздней республики выборы полностью прекращались; характерно, что законодательные процессы, несмотря на объявление знамений, не прерывались[26].

4. Однако процесс принятия решений на этом еще не заканчивается. Следующий шаг – invocation – знаменует собой ссылку на новую норму для действия.

5. Приложение (application). Между двумя последними вклинивается со своей стороны необходимость в ауспикации при более масштабном действии магистратов. Она представляет магистрату – но мне неизвестны никакие надежные примеры этого – возможность отступить, сославшись на негативный исход; но это прежде всего открывает другим, и в особенности коллегии авгуров, возможность задним числом констатировать «погрешность» в ауспикации, что могло бы в худшем случае привести к отзыву.

6. Окончание этого процесса составляет общее одобрение или критика новой нормы (appraisal или termination), например, в виде освистывания или аплодисментов, подобно тому, как это может произойти с магистратом в цирке или театре.

Если рассмотреть в этой перспективе различные дивинационные акты, то они могут оказаться петлями противоречий, которые в целом оптимизируют процесс принятия решения в сторону одобрения. При этом посредством символической системы устанавливается то, что уже в высшей степени реально: Auspicium, право на ауспикацию, является очень редким правом, которое по-

[23] См. о данной проблеме Bleicken, 1978.
[24] Об этом см. Rüpke, 1995, S. 274–283.
[25] Flaig, 1995, S. 93–95.
[26] См. Thommen, 1989, S. 246 f. о трибунской obnuntiatio.

лагается только высшим должностным лицам, и плебеи – как явствует из историописания эпохи Поздней республики и времени Августа – смогли его добиться лишь с большим трудом. Непосредственным представителем этого права на действенную коммуникацию с главным политическим богом Юпитером является сенат в лице его патрицианского центра. В случае его роспуска делегированное полномочие (которое может актуализироваться только делегатами – избранными магистратами) «возвращается отцу». В случае отсутствия консулов (из-за преждевременной смерти, отставки или блокады новых выборов) вереница выбранных из сенаторской среды патрицианских интеррексов, «промежуточных царей», исполняющих обязанности в течение пяти дней, поддерживает актуальность ауспиций в – я до крайности модернизирую – исполнительной власти.

Обратной стороной этой формы легитимизации является постоянная необходимость в проведении ауспиций. Магистрат не утверждается на весь срок исполнения обязанностей посредством своего – корректного – избрания, скорее эта легитимизация атомизируется[27] посредством постоянно необходимого обновления – и при этом оказывается непростой. Божественное одобрение – говоря объективным языком – может быть получено лишь от случая к случаю. Уязвимые места магистратской власти, однако, хорошо известны: речь идет главным образом о праве трибунов на intercessio, праве на вето равных по рангу коллег и о – более широко распространенном, но все же ограниченном несколькими основными группами – праве на obnuntiatio, на извещение об отрицательных знамениях. Эти возможности вмешательства определяют образ действий отдельного магистрата в том, что касается одобрения. Систему принятия решений характеризуют не решения большинства, но свобода эксплицитных возражений.

«Выход из игры» («opting out»)

Но если эта система действительно нацелена на получение одобрения, тогда почему столь часто, а точнее в случае принятия законов, возражением регулярно пренебрегают? Здесь вновь помогают политологические теоретические построения и в особенности анализ протекания переговоров, с углубленным учетом факторов внешней политики и окружающей среды[28]. Я мог бы здесь прежде всего указать на различие между *ведением переговоров* и *аргументированием*. Аргументирование следует понимать как «способ коммуникации, в котором выдвигаются эмпирические и нормативные утверждения, претендующие на действительность». Ведение переговоров, напротив, является способом коммуникации, в котором «прагматические требования выдвигаются и обосновываются с претензией на достоверность»[29].

В рамках политического процесса принятия решений в Римской республике ауспиции относятся, согласно моему тезису, к коммуникационному способу *ведения переговоров*. В конкретно-исторической практике ауспиционная процедура не осуществляет никакого прямого влияния на содержание имеющихся в виду действий, но носит, в общем и целом, лишь разрешительный или отклоняющий, точнее запретительный характер. Правда, существует теория signa sinentia (только разрешительных знамений) и adhortantia (побужда-

[27] Gladigow, 1977, S. 20.
[28] Prittwitz, 1996, особенно: Saretzki, 1996.
[29] Saretzki, 1996, S. 33, мои замечания.

ющих знамений)[30], но ее применение не очевидно. Мне не известен ни один пример спорного действия, которое было бы осуществлено с указанием на позитивные ауспиции (напротив, форсированное пренебрежение неоднократно встречается в источниках – естественно, всегда с катастрофическими последствиями).

Различие между ведением переговоров и аргументированием можно хорошо показать на примере второй филиппики Цицерона (она должна относиться к сентябрю 44 г., но была впервые опубликована в ноябре), которую на первый взгляд следует скорее привести как контраргумент. Исходная ситуация состоит в том, что Марк Антоний в качестве консула и руководителя выборов воспрепятствовал избранию Долабеллы (назначенного Цезарем на должность консула-суффекта) на консульство благодаря извещению об отрицательных знамениях с итоговой формулой отсрочки alio die, «в другой раз», на последней фазе процесса выборов (Cic. Phil. 2. 82 f.). Об этом воспрепятствовании, согласно Цицерону, Антоний известил уже 1 января (2. 80), ссылаясь при этом на свои полномочия авгура (2. 83). И критика начинается непосредственно здесь: извещение показывает, что предполагаемые ауспиции вымышлены; Антоний не указал, ни что он услышал, ни что он увидел (2. 83), кроме того, позднее он все же утвердил избрание (2. 84), что соответствовало политическому повороту Антония.

Очевидно – если Цицерон прав в своем обвинении, – что Антоний нарушил свод правил. Но не состоял ли этот свод правил прежде всего в том, чтобы поддерживать фикцию настоящего, эмпирически содержательного наблюдения? Подобный «жреческий обман» ауспиций укрепляет представления с давних пор скептически настроенных высших кругов, для которых традиционная религия была всего лишь средством дисциплинирования широких масс[31].

Но этот пассаж можно прочесть и по-иному. Анализ международного процесса принятия решений и проведения переговоров включает «выход из игры (opting out)» или уход, оставление переговоров (и это часто называется «скачок») ради самого острого оружия и самых крупных проблем в способе коммуникации «ведение переговоров»[32]. Obnuntiatio можно интерпретировать как одно из подобных прерываний переговоров: в очень поздний момент неизбежно обесценивается весь предшествующий коммуникационный процесс, поставленный под вопрос вследствие оставления места переговоров, говоря объективным языком: вследствие цитирования божественного «нет». Для узкого круга, а именно для магистратов текущего года, избранных в предыдущем году, и для коллегии авгуров, учрежденной на много лет, эта форма отхода составляет законное средство: она является экспрессивным действием «без меня», а не интерпретационной задачей для экспертов[33].

Цицерон упрекает Антония в том, что он был не в состоянии сказать, послал ли Юпитер гром или молнию. Alio die говорит само за себя, с чем Цицерон (Leg. 2. 31) сам соглашается в другом месте. Цицерон упрекает Антония в том, что тот не посчитался с некоторыми другими правилами ведения пере-

[30] См. Linderski, 1986.
[31] Так, например: Burckhardt, 1988, S. 186.
[32] Об обязательствах участников см. Prittwitz, 1996, S. 49–51.
[33] Характерно, что самый массивный случай «отхода», политический бойкот Бибула против Г. Юлия Цезаря соединяется с перманентной авгуральной obnuntiatio (*Cic.* Dom. 40; *Suet.* Iul. 20. 1).

говоров. Первого января следовало оказать сопротивление монархическому назначению новых консулов Цезарем («который, как уверяют, не был царем» – 2. 80); находящийся в должности консула Антоний должен был потребовать развертывания процесса, в котором знать выдвигала из своей среды кандидатов и представляла для populus Romanus на выбор(ы). Напротив, Антоний, огласив в качестве авгура сообщение о знамении, сигнализировал выход из политического процесса принятия решений, в который он позднее, в отмену собственного возражения, вновь самовольно вступил.

Для взаимодействия политических институтов Рима характерно то, что прерывание переговоров имело довольно различные последствия в зависимости от предмета. Прежде всего следует отметить то, что obnuntiatio приходилась именно на те моменты, на которых процесс принятия решений покидал пространство знати и выносился на comitia, которые предоставляли наибольшую гласность. Круг лиц, имевших право на obnuntiatio[34] и возможные более широкие последствия возражения наглядно давали понять народу (populus) (и дают понять нам сегодня), что не могло (и не может) идти никакой речи о народном суверенитете. Но функция должна выйти за пределы этого: законы были все же приняты, но выборы отложены.

Далеко идущая функция обнаруживается, если расширить временнóй горизонт. «Пятно» авгуральной погрешности (vitium) продолжает сохраняться и в случае принятия позитивного решения. В любое время коллегия авгуров могла поддержать, оценить и представить возражение на решение сената с целью отмены прежнего народного решения[35]. «Я мог бы здесь далее не продолжать, чтобы не производить впечатление, будто действия Долабеллы как магистрата, которые следует однажды представить нашей коллегии (авгуров), должны быть признаны не имеющими силы», – говорит Цицерон (Phil. 2. 83). В случае с leges rogatae это означает только «разжижение» решений, которые должны были быть наделены как раз более высоким достоинством lex: фактически они стоят на более низкой позиции, на уровне постановлений сената, которые могут быть опровергнуты в любое время. В случае выборов последствия были бы, как дает понять цитата из Цицерона, тяжелыми: если под сомнение берется базовая летитимность, то не одно отдельное решение, но всякое решение, принятое на протяжении всего периода исполнения обязанностей, берется под отягчающее сомнение[36]. Это недопустимо: здесь одобрение не только желательно, но необходимо: именно масштаб власти магистратов, ограниченный лишь в пространственном (например, право на provocatio в Риме), временнóм (годовой срок) и личном (коллегиальность) отношении, в противном же случае огромный, делает аристократическое соперничество в получении одобрения еще и политически эффективным. Правда, альтернативой одобрению является еще и насильственное постановление; в эпоху Поздней республики применение силы все чаще связано с обструкционными стратегиями[37].

---

[34] Вывод, сделанный на основании *App.* Civ. 1. 133 о том, что все граждане имели право на obnuntiatio, является, как отметил Burckhardt (1988, S. 192), неправомочным. Обнунциация в техническом смысле, как представляется, могла быть произведена только магистратами и авгурами; в пределах круга магистратов линия конфликта маркируется посредством запрещения при случае вмешательства низших магистратов.

[35] Linderski, 1986, P. 2162–2168. См. Burckhardt, 1988, S. 193 f. с конкретными примерами.

[36] См. пример: Linderski, 1986, P. 2168–2173.

[37] Эти обстоятельства подчеркивает Flaig, 1995, S. 92.

То, что ауспиции следовало подчинить Юпитеру, не случайно. Юпитер тот бог, который в республиканское время был в особенности подвергнут процессу «демифологизации»: культы и миф, ставившие высшего бога общины в генеалогические, гентильные связи, были в Риме оттеснены на задний план[38]. Магистраты не отказывались от своих «частных» ролей (например, paterfamilias), и они продолжают отправлять свои домашние и гентильные культы. Однако когда во время ауспиций они входили в контакт с Юпитером, они вращались в негентильном, общем пространстве. «Политическая» и военная деятельность верховных магистратов была установлена именно посредством испрашивания ауспиций в специфическом публичном пространстве; здесь ауспиции отчетливым образом отличаются от ряда любых дивинационных актов, которые были связаны со всяким нормальным жертвоприношением и тем самым касались частной сферы точно так же, как и публичной[39].

Пространственная метафора особенно уместна: пространство, открытое посредством испрашивания ауспиций в действительности ограничено в пространственном и временнóм отношении: место и время испрашивания ауспиций должны точно соответствовать месту и времени действия. Alio die означает, что успех вполне возможен завтра. Испрашивание ауспиций на Марсовом поле означает, что магистрат получает полномочия именно для этой, точно обозначенной внегородской деятельности – проведения собрания годного к несению военной службы народа (comitia centuriata). Это официальное пространство, которое предоставляет место для взаимодействия с populus Romanus или в военном отношении: для командования над ним может быть оспорено; в этом оно отличается от публичного пространства, учрежденного в сакральном отношении на постоянный срок – templa, в которых заседает сенат. И эти последние пространства устанавливаются посредством процедуры ауспиций, которая теперь находится непосредственно в руках авгуров. Ауспиции являются важной основой сакральной топографии[40].

Бросается в глаза, насколько ауспикация остается бессодержательной. Функционирование в целом свободно от технических аспектов; объем знания специалистов не поддается правильному определению, но кажется, что об ауспикации драматург Плавт знает больше, чем авгур и автор специальных работ Цицерон. Это соответствует общей эволюции sacerdotes publici со времени Средней республики, которые все более не столько выступают в качестве экспертов, сколько приобретают все более явственные признаки магистратов[41]. Дискуссия относительно libri sacerdotum, письменных документов главных жреческих коллегий, по всей видимости, привела к тому выводу, что мы здесь должны иметь дело не с систематическими нормативными текстами, но с протоколами, которые удостоверяют притязания или предоставляют примеры.

[38] Как очень точно формулируется в тезисах Карла Коха (Carl Koch, 1937), который при этом открывает новые аспекты в проблеме римской «немифологичности» (см. Graf, 1993).

[39] Ср. Burckhardt, 1988, S. 185, который рассматривает содержание Leges Aelia et Fufia преимущественно в контексте ius agendi cum populo/plebi.

[40] Об этом см. Catalano, 1978; Rüpke, 1990, S. 28–57. Ср. Millar, 1998, который подчеркивает «идеологию публичной обозримости» политического процесса принятия решений: это могло бы оказаться плодотворным и для оценки ауспиций и их пространственного плана.

[41] Конструкцию Вейнштока, который первоначальные ауспиции ограничивает авгурами (Weinstock, 1937, S. 1728; центральным доказательством является позднеантичный грамматик: *Donat.* Vita Ter. 547), нельзя признать исторически достоверной.

«Сакральное право» – для этого немецкого понятия, сильно популяризированного Георгом Виссовой, не имеется латинского эквивалента, это не застывшая норма, но ситуационная логика.

Структура ауспиций отражает политический менталитет Римской республики, который – при всей потребности в сильной «исполнительной власти» – стремится к максимальному контролю со стороны всей правящей прослойки, знати. При таких предпосылках вновь выясняется, что важна не дивинационная активная легитимация, но что решающее значение имеет необходимость связать всякое содержательное действие с формальным актом, который потенциально может содержать ошибку (vitium) или может быть сорван (obnuntiatio), но при всеобщем одобрении не проявляет никакой собственной стесняющей динамики. При этом имеется нечто вроде «административной юстиции», в которой всякий акт подлежит проверке со стороны политического пленума, сената, и экспертной комиссии – авгуров, состоящей из высшей аристократии. Лишь возрастающая поляризация и персонализация в эпоху Поздней республики объясняет как функциональный эквивалент рост числа судебных процессов, с помощью которых стремились добиться надежного политического отстранения заслуживающего доверия лица путем вынесения приговора, вносящего его в разряд преступников.

Эта оценка выигрывает в правдоподобии, если принять во внимание общее изменение дивинационной системы при переходе к принципату. Общий контроль со стороны социальной прослойки уступает место монополии на ауспиции одного-единственного лица. Исполнительная, а также оценочная компетенция всех политических носителей решения переходит к экспертам, находящимся в подчинении одного лишь верховного правителя, который теперь имеет повышенную потребность в консультации и легитимации. В этническом и социальном смысле эти эксперты больше не принадлежат к прежней правящей прослойке, будь это теперь восточные астрологи[42] или германские провидицы. Начало этого процесса мы можем наблюдать уже в конце II в. до н.э.: как гаруспик сопровождает Гракхов, так сирийская провидица сопровождает Мария. Однако, впоследствии, с эволюцией в эпоху империи, становится понятной республиканская антипатия по отношению к консультации неримских оракулов: утрата ауспиций означает также утерю публичности: Auspicia amissa, res publica amissa.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Господствующий в публичном пространстве Поздней республики дивинационный процесс – ауспиции, открывает различные перспективы. Они показывают, что эта религиозная символическая система была как отражением центральных ценностей политической системы, так и ее интегральной составной частью. Диалог Цицерона De divinatione, «О предсказании», в котором за первой книгой, утверждающей функционирование и возможность дивинации, следует вторая, которая (в лице самого автора) опровергает и то, и другое[43], отвечал одновременно и процессам и конфликтам, представленным здесь. Но скепсис является правилом греческой философии, а не соответствующей интерпретационной моделью социальной практики в Риме. Хотя ауспиции могут показаться нам бессодержательными, они опираются на традицию: авгураль-

[42] См. Cramer, 1954, P. 82, 144.

[43] Ср. Denyer, 1985, который не принимает всерьез стоическое оправдание дивинации; Beard, 1986; Schäublin, 1989.

ное соревнование между Ромулом и Ремом[44], авгур Атт Навий, которому даже удалось разрезать камень; выставленный на Форуме список авгуров; Augurium salutis, «наивысший augurium», получаемый старейшим авгуром, после чего консул должен был лишь произнести молитву[45]; похвала авгурам со стороны Цицерона: здесь отчетливо представлены образы, которые заменяют доминирование на выставленную напоказ техническую экспертизу.

Подобный престиж символической системы делает ее средством коммуникации в политических процессах принятия решений. Эта символическая система не противостоит политическим институтам, но является их частью[46]. С изменением оценки плебейских трибунов и плебисцитов меняется и вопрос о том, представлены ли здесь носители и объекты ауспиций[47]. «Разжижение» норм посредством авгуральных ограничений – возвратный процесс, который находит применение самому себе: авгуральные «переговорные оптации» становятся объектом законов (leges Aelia et Fufia, lex Clodia), и эти законы, которые уже и сами по себе требуют процедурных правил, становятся объектом авгуральных возражений (lex Clodia)[48]. Они управляют коммуникацией, которая понятна только в их контексте. Не реконструкция абстрактного «государственного права», но его историзация и исследование практической стороны подобных норм открывают новые перспективы с религиозно-исторической точки зрения*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Assmann J., Gladigow B. (Hrsg.), 1995 – Text und Kommentar. Archäologie der literarischen Kommunikation. 4. München.

Astin A.E., 1964 – «Leges Aelia et Fufia» // Latomus. 23. P. 421–445.

Beard M., 1986 – Cicero and Divination: The Formation of a Latin Discourse // JRS. 76. P. 33–46.

Beard M., North J., Price S., 1998 – Religions of Rome. Vol. 1–2. Cambr.

Bergemann C., 1992 – Politik und Religion im spätrepublikanischen Rom. Palingenesia. 38. Stuttgart.

Bleicken J., 1957 – Kollisionen zwischen Sacrum und Publicum: Eine Studie zum Zerfall der altrömischen Religion // Hermes. 85. S. 446–480.

Bleicken J.,1978 – Verfassungs- und Sozialgeschichte des römischen Kaiserreiches. Bd 1–2. Paderborn.

Bleicken J.,1981 – Zum Begriff der römischen Amtsgewalt: auspicium – potestas – imperium. Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, phil.-hist. Kl. 9. Göttingen. S. 255–300.

Bleicken J., 1990 – Zwischen Republik und Prinzipat: Zum Charakter des Zweiten Triumvirats. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, phil.-hist. Kl., 3. Folge, 185. Göttingen.

Bloch R., 1963 – Les prodiges dans l'antiquité classique (Grèce, Étrurie et Rome). P., 1963.

Burckhardt L.A., 1988 – Politische Strategien der Optimaten in der späten römischen Republik. Stuttgart (Historia Einzelschriften, 57).

Catalano P., 1978 – Aspetti spaziali del sistema giuridico-religioso romano. Mundus, templum, urbs, ager, Latium, Italia // ANRW. II. 16, 1. P. 440–553.

Champeaux J., 1989 – Sur trois passages de Tite-Live (21, 62, 5 et 8; 22, 1, 11): Les 'sorts' de Caere et de Faleries // Philologus. 133. P. 63–74.

Champeaux J.,1990 – Sors oraculi: Les oracles en Italie sous la république et l'empire. Roma // MEFRA. 102. P. 271–302.

[44] См. Jocelyn, 1971; Rüpke, 2003.

[45] Об этом см. Liegle, 1942; Linderski, 1986, P. 2254–2256.

[46] Рассуждения Liebeschuetz (1979, p. 17) о независимости дивинационных институтов по отношению к политической системе не находят подтверждения в привлеченных источниках.

[47] См., например: Thommen, 1989, S. 241–248 (со списком трибунских обнунциаций).

[48] Противоположная позиция характерна, например, для Garcia de la Fuente (1973), который считает римскую авгуральную систему крайне систематичной; Linderski (1986) также часто склоняется к «государственно-правовой» формулировке проблем.

* Перевод О.П. Смирновой.

Cramer F.H., 1954 – Astrology in Roman Law and Politics. Philadelphia (Memoirs of the American Philosophical Society, 37).

DeMartino R.M., 1985 – The Roman Nobility and the State Religion in the Late Republic. Diss. Rutgers University (New Brunswick, NJ).

Denyer N., 1985 – The Case Against Divination: An Examination of Cicero's de divinatione // Papers of the Cambridge Philological Association. 31. P. 1–10.

DeTreville D.J., 1987 – Senatus et religio: Aspects of the Roman Senate's Role in the State Religion during the Republic. Diss. Chapel Hill.

Flaig E., 1995 – Entscheidung und Konsens: Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Aristokratie und Plebs // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik / Hrsg. M. Jehne. Stuttgart (Historia Einzelschriften, 96). P. 77–127.

Flaig E., 2003 – Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. Göttingen (Historische Semantik, 1).

García de la Fuente O., 1973 – La observación de las aves en Roma // Helmantica. 24. P. 135–159.

Gladigow B., 1977 – Macht und Religion: Formen der Herrschaftslegitimierung in den antiken Religionen // Humanistische Bildung. 1. S. 1–31.

Gladigow B., 1979 – Konkrete Angst und offene Furcht: Am Beispiel des Prodigienwesen in Rom. Heinrich von Stietencron (Hrsg.) // Angst und Gewalt: Ihre Präsenz und ihre Bewältigung in den Religionen. Düsseldorf. P. 61–77.

Gladigow B., 1990 – Divination // Handwörterbuch religionswissenschaftlicher Grundbegriffe. 2. P. 226–228.

Graf F., 1993 – Mythos in mythenloser Gesellschaft: Das Paradigma Roms (Hrsg.) Stuttgart (Colloquium Rauricum, 3).

Jehne M., 2003 – Volksversammlungen // Sinn (in) der Antike Hrsg. K.-J. Hölkeskamp, J. Rüsen / Mainz.

Jocelyn H.D., 1971 – Urbs augurio augusto condita: Enn. ap. Cic. Diu. 1. 107 (= Ann. 77–96 V^2) // PCPS. ns 17. P. 45–74.

Kugel J.L., 1990 – Poetry and Prophecy: The Beginnings of a Literary Tradition (ed.). Ithaca.

Lasswell H., 1956 – The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis. College Park, University of Maryland.

Libero L. de, 1992 – Obstruktion: Politische Praktiken im Senat und in der Volksversammlung der ausgehenden römischen Republik (70–49 v. Chr.). Stuttgart (Hermes Einzelschriften. 59).

Liebeschuetz J.H.W.G., 1979 – Continuity and Change in Roman Religion. Oxford.

Liegle J., 1942 – L. Aemilius Paullus als Augur maximus im Jahre 160 und das Augurium des Heils // Hermes. 77. S. 249–312.

Linderski J., 1986 – The Augural Law // ANRW. II. 16, 3. P. 2146–2312.

Luterbacher F., 1904 – Der Prodigienglaube und Prodigienstil der Römer: Eine historisch-philologische Abhandlung. ND. [2. Aufl. Burgdorf, 1904] Darmstadt.

MacBain B., 1982 – Prodigy and Expiation: A Study in Religion and Politics in Republican Rome. Bruxelles (Collection Latomus, 177).

Mitchell T.N., 1986 – The Leges Clodiae and Obnuntiatio // CQ. 36. P. 172–176.

Nola A.M. di, 1970 – Divinazione // Enciclopedia delle Religioni. 2. Firenze. P. 718–732.

Parke, H.W., 1988 – Sibyls and Sibylline Prophecy in Classical Antiquity / Hrsg. von B.C. McGing. London.

Parker R., 1985 – Greek States and Greek Oracles // Crux: Essays Presented to G. E. M. de Ste. Croix on his 75th Birthday / Ed. P.A. Cartledge, F.D. Harvey. Exeter (History of Political Thought, 6, 1/2). P. 298–326.

Potter D.S., 1990 – Prophecy and History in the Crisis of the Roman Empire: A Historical Commentary on the Thirteenth Sibylline Oracle. Oxf. (Oxford Classical Monographs).

Potter D.S., 1994 – Prophets and Emperors: Human and Divine Authority from Augustus to Theodosius. Cambr. (Mass.) (Revealing Antiquity, 7).

Prittwitz V. von, 1996 – Verhandeln und Argumentieren. Opladen.

Prittwitz V. von, 1996a – Verhandeln im Beziehungsspektrum eindimensionaler und mehrdimensionaler Kommunikation // Ebd. P. 41–68.

Rawson E., 1974 – Religion and Politics in the Late Second Century B. C. at Rome // Phoenix. 28. P. 193–212.

Rawson E., 1978 – Caesar, Etruria and the Disciplina Etrusca // JRS. 68. P. 132–152.

Rosenberger V., 1998 – Gezähmte Götter: Das Prodigienwesen der römischen Republik. Stuttgart (HABES, 27).

Rüpke J., 1990 – Domi militiae: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart.
Rüpke J., 1995 – Kalender und Öffentlichkeit: Die Geschichte der Repräsentation und religiösen Qualifikation von Zeit in Rom. B. (RGVV, 40).
Rüpke J., 2003 – Acta aut agenda: Text-Performanz-Beziehungen in der römischen Religionsgeschichte // Das Gedächtnis des Gedächtnisses: Zur Präsenz von Ritualen in beschreibenden und reflektierenden Texten / Hrsg. B. Kranemann, ders. Marburg (Europäische Religionsgeschichte, 2). S. 11–38.
Saggiori A., 1996 – La Sibylla Cumana: Un personaggio virgiliano tra mito e storia // SMSR. 62. P. 481–490.
Saretzki Th., 1996 – Wie unterscheiden sich Argumentieren und Verhandeln? Prittwitz. S. 19–39.
Schäublin Ch., 1989 – Weitere Bemerkungen zu Cicero, De divinatione // MH. 46. P. 42–51.
Scheid J., 1985 – Religion et piété à Rome. Paris.
Scheid J., 1996 – Religion und Staat im alten Rom // Politik–Bildung–Religion: Hans Maier zum 65. Geburtstag / Hrsg . Th. u.a. Stammen. Paderborn. S. 653–659.
Sumner G.V., 1963 – Lex Aelia, Lex Fufia // AJPh. 84. S. 337–358.
Szemler G.J., 1972 – The Priests of the Roman Republic: A Study of Interactions between Priesthoods and Magistracies. Bruxelles (Collection Latomus, 127).
Thommen L., 1989 – Das Volkstribunat der späten römischen Republik. Stuttgart (Historia Einzelschriften, 59).
Weinstock S., 1937 – Obnuntiatio // RE. 17. 2. S. 1726–1735.
Weinstock S., 1937a – Clodius and the Lex Aelia Fufia // JRS. 27. P. 215–222.
Wiseman T.P., 1992 – Lucretius, Catiline, and the Survival of Prophecy. Ders. Historiography and Imagination: Eight Essays on Roman Culture. Exeter (Exeter Studies in History). P. 49–67, 133–139.
Wülker L., 1903 – Die geschichtliche Entwicklung des Prodigienwesens bei den Römern: Studien zur Geschichte und Überlieferung der Staatsprodigien. Diss. Leipzig.

DIVINATION AND POLITICAL DECISIONS IN ROMAN REPUBLIC

Jörg Rüpke

The paper analyses public divination practice in late republican Rome. Divination is conceptualized as a form of social action under conditions of insecurity which utilizes defined social roles for the interpretation and ritual manipulation of standardized signs in order to measure and articulate consensus and dissent. An overview of the techniques present in the 2nd and 1st centuries BC sketches the characteristic of *prodigia*, unexpected, often monstrous signs, and *auspicia*, radically standardized and frequently employed signs. A closer analysis concentrates on auspices conducted by augurs and magistrates. The author follows three lines of interpretation. First, employing models of political science, the author reconstructs the role of auspices, and in particular the announcement of adverse signs (*obnuntiatio*), in the process of taking decisions under the senatorial regime. Secondly, the frequent disregard of the announcement of adverse signs in the process of law-giving is interpreted within the framework of different kinds of negotiations, again drawing on models of international relationships. Thus, the quotation of prohibiting signs could be regarded as a form of opting out of the decisional process. Finally, particular attention is given to the timing and staging of public phases of divination, relating religious rituals to the mechanisms of political action and control. In conclusion, the author tries to demonstrate the systems of religious symbols to be a means of communication and an integral part of political institutions of the late republic, thus relating concerns of political history and comparative religion.

ПУБЛИКАЦИИ

© 2005 г.

С. А. Коваленко, А. А. Молчанов

О МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКЕ ФЕОДОСИИ В V–IV вв. до н.э.

Основной целью настоящей статьи является введение в научный оборот новых материалов по монетному делу античной Феодосии, совсем недавно ставших доступными для изучения. Публикуемые ниже монеты хранятся в частных коллекциях и по словам находчиков происходят из окрестностей Феодосии, вероятно, с усадеб или поселений городской хоры. Все монеты (см. каталог) принадлежат к очень редким разновидностям ранней феодосийской бронзы, до недавнего времени представленным лишь единичными экземплярами.

В обобщающей статье Н.А. Фроловой, зафиксировавшей состояние источниковой базы ранней феодосийской нумизматики на 2000 г.[1], было учтено семь бронзовых феодосийских монет типа «голова быка – звезда», одна бронзовая монета типа «человеческая голова вправо – звезда», три монеты с изображением головы Геракла (?) на л.с. и бодающегося быка на о.с. и одна монета типа «голова Афины (?) – протома быка»[2]. В вышедшей в том же году работе О.Н. Мельникова были опубликованы еще четыре новых монеты: две – типа «голова быка – звезда», одна – с головой Афины (?) и протомой быка, одна – с аналогичным изображением лицевой стороны и бодающимся быком на оборотной[3]. Автор также сообщал, что помимо уже опубликованных ему известно о существовании еще семи монет с головой быка и звездочкой, хранящихся в частных коллекциях[4].

В 2002 г. И.В. Шонов опубликовал еще одну феодосийскую бронзовую монету с изображением безбородой мужской головы на лицевой и быка на оборотной сторонах и две монеты типа «голова быка – звезда»[5]. Кроме того, он упомя-

---

[1] *Фролова Н.А.* Чеканка Феодосии конца V–IV в. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. Москва–Магнитогорск, 2000. С. 302–313. Дополнительные данные содержатся в работах: *Фролова Н.А.* Монеты Феодосии (конец V–III в. до н.э.) // VIII Всероссийская нумизматическая конф. Москва, 17–21 апреля 2000 г. Тез. докл. М., 2000. С. 12–14; *Коваленко С.А., Молчанов А.А.* Медные монеты античной Феодосии IV в. до н.э. // XII Всероссийская нумизматическая конф. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тез. докл. М., 2004. С. 23–25.

[2] *Фролова.* Чеканка Феодосии... С. 303–307.

[3] *Мельников О.Н.* Монеты античной Феодосии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Вып. VII. Симферополь, 2000. № 3, 6, 10, 12.

[4] Там же. С. 211.

[5] *Шонов И.В.* О монетной чеканке Феодосии последней четверти V – начала IV в. до Р.Х. // Боспорские исследования. Вып. II. Симферополь, 2002. Рис. 1, *6–8* (тезисное изложение см.: Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сб. научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 280–283). Основные публикации феодосийских монет учтены в коммерческом справочнике: *Станиславский И.М.* Античные монеты Северного Причерноморья VI–I вв. до н.э. М., 2003. С. 147–151.

Рис. 1. *1*, *4–5* – серебряные монеты Феодосии; *2–3* – серебряные монеты Митилены; *6–21* – медные монеты Феодосии

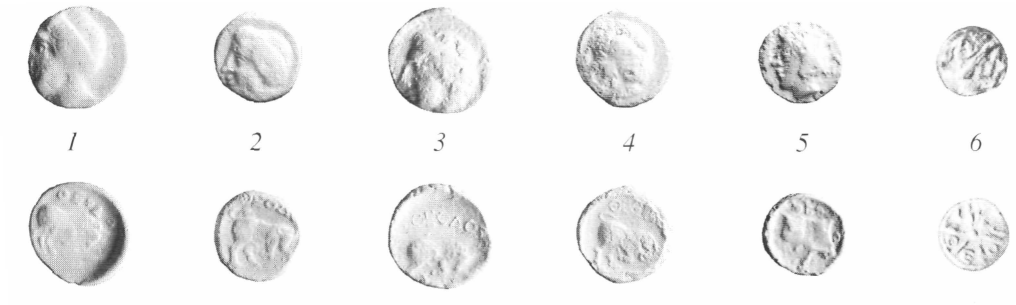


Рис. 2. *1–6* – медные монеты Феодосии

Вестник древней истории № 1 (вклейка к статье С.А. Коваленко, А.А. Молчанова, к стр. 59, 61–62)

Рис. 1. Постамент наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии. Лицевая поверхность

Вестник древней истории № 1 (вклейка к статье В.В. Крапивиной, П.Д. Диатроптова, к стр. 67)

нул об известных ему находках на разных поселениях сельской округи Феодосии 30 экз. монет типа «голова быка – звезда», девяти – типа «человеческая голова влево – бодающийся бык», двух – типа «голова Афины – протома быка»[6].

Каталог ранних выпусков феодосийской бронзы, предлагаемый нами в конце данной статьи, помимо публикуемых нами новых монет включает все аналогичные экземпляры, изданные ранее, и представляет наиболее полный на сегодняшний день свод подобного материала, разобранного, где это возможно, по штемпелям. Создание корпуса нумизматических памятников античной Феодосии автономного периода с неизбежностью встает на повестку дня в связи с появлением неизвестного ранее достаточно обильного материала. При этом существующая систематизация монетного дела Феодосии в свете новых данных уже может быть подвергнута пересмотру.

Чеканку Феодосии открывает серия серебряных монет с изображением на л.с. безбородой мужской головы вправо, на о.с. – головы быка в quadratum incusum вправо и легендой ΘΕΟΔΕΟ. До недавнего времени эта серия была представлена уникальным экземпляром, хранящимся в коллекции Государственного Эрмитажа (рис. 1, *1*– вклейка)[7]. Помещение типа о.с. этой монеты в углубленном квадрате, определенная схематизация изображения головы быка, расположение надписи вдоль обреза quadrati incusi сближают ее с «монетами синдов» и пантикапейским серебром с головой барана на реверсе, что позволило в свое время датировать ее чеканку последней четвертью – концом V в. до н.э.[8] В новейшем исследовании О.Н. Мельникова выпуск этой монеты и, соответственно, начало феодосийской чеканки отнесены к середине 30-х годов V в. до н.э.[9]

Публиковавшие эрмитажную монету исследователи считали ее диоболом[10], хотя ее вес (1.06 г) почти на грамм меньше теоретического веса диобола эгинской системы (около 2 г). Между тем, для младших серебряных номиналов в античности в значительно большей степени, чем для крупного серебра, характерно точное соблюдение весовых норм. Поэтому, наверное, более близок к истине А.Л. Бертье-Делагард, считавший рассматриваемую монету тригемиоболом[11].

---

[6] *Шонов*. О монетной чеканке... С. 327.

[7] *Гиль Х.Х.* Новые приобретения моего собрания // ЗРАО. 1892. Т. V. Вып. 3/4. Табл. IV, *14*; *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.–Л., 1951. Табл. XXXIX, *2*; *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. Табл. II, *21*; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 64. Вторая такая монета обнаружена в 1983 г. при раскопках античного Мирмекия (*Виноградов Ю.А.* Исследование Мирмекия // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 266. Рис. 1). Однако она не была учтена в обобщающих работах В.А. Анохина (1986 г.) и Н.А. Фроловой (2000 г.).

[8] *Зограф*. Ук. соч. С. 162; *Шелов*. Монетное дело Боспора... С. 40; *Анохин*. Монетное дело Боспора... С. 15, 16. Н.А. Фролова относит рассматриваемую монету к типу III своей классификации, ошибочно помещая в начало феодосийской чеканки серебряные монеты с головой Афины (Чеканка Феодосии... С. 303). Она принимает предложенную А.Л. Бертье-Делагардом атрибуцию изображенного на этой монете персонажа как Геракла (*Бертье-Делагард А.Л.* Монетные новости древних городов Тавриды // ЗООИД. 1912. 30. С. 52). Данное предположение имеет сугубо гипотетический характер и основано лишь на факте появления подобного изображения на более поздней феодосийской меди (ср. *Шелов*. Монетное дело Боспора... С. 40. Прим. 2).

[9] *Мельников*. Ук. соч. С. 208. Прим. 1–2.

[10] *Анохин*. Монетное дело Боспора. № 64; *Фролова*. Чеканка Феодосии... С. 309; *Мельников*. Ук. соч. С. 214. № 1. Д.Б. Шелов (Ук. соч. С. 69), очевидно, разделял мнение А.Л. Бертье-Делагарда (см. след. прим.).

[11] *Бертье-Делагард А.Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС. 1913. № 2. С. 72. № 53. Он упоминает еще один экземпляр этого типа (весом 0,93 г).

В 2001 г. были опубликованы еще две монеты этого типа, обнаруженные в 1998 г. при раскопках могильника Пичвнари в Аджарии[12]. Они найдены в одной могиле вместе с пантикапейским диоболом с буквами АПОЛ[13]. Все три монеты пробиты и почти в равной степени несли на себе следы длительного обращения. Примечательно, что монета с легендой АПОЛ, атрибутируемая исследователями как диобол эгинского[14] или персидского[15] весового стандарта, заметно тяжелее (1.52 г) обеих феодосийских монет (1.20 г).

Не известные ранее экземпляры младшего номинала этой же серии феодосийского серебра были недавно опубликованы О.Н. Мельниковым[16]. Типы л.с. и о.с. повторяют изображения на старшем номинале, легенда же читается как ΘΕΟΔ-ΕΟΣ. Автор определяет эти монеты как гемиоболы (известен вес одного экземпляра – 0.23 г), что предполагает необычайно заниженный вес драхмы (2.76 г вместо обычного веса эгинской драхмы в 6–6.05 г), вычисляемый на основании веса гемиобола и невероятный даже при учете определенных весовых колебаний, возможных при монетной чеканке в античности. Более вероятно поэтому предположение, что перед нами тетартемории.

Все известные к настоящему времени и доступные для изучения монеты этой серии (четыре тригемиобола и два тетартемория) имеют на л.с. изображение мужской безбородой головы вправо. На сохранившихся лучше экземплярах из могильника Пичвнари хорошо заметна тения или лента, которой перевязаны волосы персонажа, также с уверенностью можно констатировать отсутствие у него бороды. В том же стилистическом ключе выполнены и изображения на оборотной стороне: голова животного передана в профиль, при этом, однако, видны оба уха быка[17]. Первые монеты Феодосии демонстрируют поразительную типологическую и стилистическую близость к электровым гектам Митилены, чеканка которых датируется 454–427 гг. до н.э. (рис. 1, *2*)[18]. Совершенно одинакова трактовка мужской головы на лицевой стороне гект и феодосийских тригемиоболов – переданные схематичными прядями волосы, неестественно крупное ухо, грубоватые черты лица, большой нос и широко раскрытые глаза. Однотипны головы животных на реверсе: как и на митиленских гектах, на рассматриваемых феодосийских монетах изображался, вероятно, не бык, как принято считать, а теленок, о чем свидетельствует отсутствие рогов на голове[19]. Характерными параллельными или расходящимися штрихами изображена шерсть или складки кожи вдоль нижней части его шеи. Членение легенды на две части и ее расположение на реверсе младшего номинала

---

[12] *Kakhidze A., Iashvili I., Vickers M.* Silver Coins of Black Sea Coastal Cities from the Fifth Century BC Necropolis at Pichvnari // NC. 2001. 161. P. 286. Nos. 6–7. Pl. 52.

[13] Ibid. P. 285. № 4.

[14] *Шелов.* Монетное дело Боспора... С. 67–68; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора середины VI–V в. до н.э. // РА. 1996. № 2. С. 65–66.

[15] *Анохин.* Монетное дело Боспора. С. 23. Табл. III.

[16] *Мельников.* Ук. соч. № 2–2/1.

[17] Необходимо еще раз подчеркнуть, что изобразительные мотивы всех несомненно подлинных монет первой серии отличает единство стиля исполнения. Из их ряда резко выбивается в стилистическом отношении опубликованный И.В. Шоновым экземпляр, на аверсе которого помещено изображение бородатой мужской головы (*Шонов.* О монетной чеканке... Рис. 1, *1*). Очевидно, это подделка новейшего времени, недаром она не имеет точной археологической паспортизации.

[18] *Babelon E.* Traité des monnáies grecques et romaines. Bd II. P., 1907. P. 1. Pl. CLIX, *32–33*; Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung v. Aulock. B., 1959. № 1696; *Bodenstedt F.* Phokäisches Elektron-Geld von 600–326 v. Chr. Mainz, 1976. Taf. 12, *M20*; *idem.* Die Elektronmünzen von Phokaia und Mytilene. Tübingen, 1981. S. 62, 63. Taf. 53, *39*.

[19] Ср., например: *Babelon.* Op. cit. Pl. CLIX, *40*.

первой феодосийской серии – вверху и справа – аналогично положению легенды на серебряных монетах Митилены второй половины V в. до н.э. (рис. 1, *3*)[20]. Учитывая широкий ареал обращения лесбосских электровых монет и параллели между ними и феодосийскими монетами, можно, как кажется, с известной долей уверенности предположить, что именно монеты Митилены послужили иконографическим прототипом для первых монет Феодосии. Начало собственной чеканки здесь, в таком случае, может быть отодвинуто в третью четверть V в. до н.э.[21]

Вторая серия феодосийского серебра представлена монетами с изображением головы Афины в аттическом шлеме на л.с. и головой быка в фас, иногда украшенной гирляндой или лентами – на о.с. (рис. 1, *4–5*). В обобщающей работе Н.А. Фроловой учтено три монеты этой серии – два триобола и один гемиобол[22]. Недавними публикациями О.Н. Мельникова и И.В. Шонова в научный оборот введены новые экземпляры этой серии. О.Н. Мельниковым опубликован обол с изображением головы Афины вправо на л.с., с головой быка в фас и легендой ΘΕΟΔ. на о.с. Вес монеты – 0.92 г[23]. Чрезвычайно интересную подборку ранее неизвестных монет подобного типа дал И.В. Шонов. Среди них: обол (по определению автора, вес 1.09 г), два диобола (веса 1.41 и 1.47 г), тетробол (вес 3.19 г)[24]. Обращает на себя внимание диобол, на о.с. которого изображение головы быка, сопровождаемое, как и на других монетах этой серии, легендой ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ, помещено еще во вдавленный квадрат[25]. На остальных монетах, полностью аналогичных рассматриваемой, тип реверса представлен уже в глубоком вдавленном кружке. Перед нами редкий случай смены техники изготовления оборотных штемпелей на монетном дворе в процессе чеканки одной серии монет. Факт использования quadratum incusum подтверждает предположение Д.Б. Шелова о начале чеканки монет с головой Афины (которые А.Н. Зограф датировал рубежом IV–III в. до н.э.[26]) еще в конце V в. до н.э.[27]

Серия этих монет состояла из двух выпусков, на что справедливо указал И.В. Шонов[28]. Он отметил, что монеты этих выпусков различались поворотом головы Афины на лицевой стороне, но ошибочно отнес к начальному выпуску экземпляры, на которых голова богини повернута влево. Между тем, оба известных триобола с подобным изображением Афины уже имеют на обороте глубокий вдавленный кружок и, несомненно, выпущены позже монет с головой Афины вправо, еще демонстрирующих использование старой техники изготовления реверса. Кроме того, бычья голова на монетах с головой Афины влево украшена гирляндами, отсутствующими на монетах с головой

---

[20] *Мельников*. Ук. соч. № 2–2/1; *Wroth W.* Catalogue of the Greek coins in the British Museum. Troas, Aeolis and Lesbos. L., 1894. Pl. XXXVII, *11*.

[21] В этой связи необходимо напомнить о совместной находке в одной могиле двух феодосийских монет первой серии и диобола серии АПОЛ, чеканка которой относится ко второй–третьей четвертям V в. до н.э. (*Шелов*. Монетное дело Боспора... С. 28): *Kakhidze, Iashvili, Vickers*. Op. cit. P. 285, 286. Степень потертости монеты с АПОЛ лишь чуть сильнее, чем у монет Феодосии. Наличие у всех трех монет отверстий говорит о том, что к моменту попадания в захоронение они вышли из обращения и находились во вторичном использовании.

[22] *Фролова*. Чеканка Феодосии... С. 302 (там же ссылка на все предшествующие публикации этих монет).

[23] *Мельников*. Ук. соч. № 7.

[24] *Шонов*. О монетной чеканке... Рис. 1, *2–5*. С. 328.

[25] Там же. Рис. 1, *3*.

[26] *Зограф*. Ук. соч. С. 162.

[27] *Шелов*. Монетное дело Боспора... С. 40, 41.

[28] *Шонов*. О монетной чеканке... С. 328.

богини вправо (рис. 1, *4*). Таким образом, налицо усложнение изобразительного мотива реверса, определенно имевшее место в ходе его эволюции. Отметим также, что поворот головы изображаемого персонажа вправо использовался и на аверсе монет первой серии феодосийского серебра.

В настоящее время к первому выпуску серии монет с головой Афины можно отнести следующие номиналы: тетробол (вес 3.19 г), диоболы (веса 1.41 и 1.47 г), оболы (веса 0.92 и 1.09 г) и гемиобол (вес 0.25 г) (рис. 1, *5*). Обращает на себя внимание чрезвычайно низкий для гемиобола вес младшего номинала. Наличие обола с весом в 0.92 г и соотношение его веса с весом младшего номинала свидетельствуют о том, что последний являлся не гемиоболом, а тетартеморием, как и в первой серии феодосийского серебра, рассмотренной выше. Монета весом 1.09 г была, скорее всего, тригемиоболом, поскольку слишком тяжела для обола и вместе с тем, как и монеты первой серии, значительно не дотягивает до диобола.

Преобладание во второй серии феодосийского серебра монет с глубоким оттиском круглого штемпеля на оборотной стороне говорит в пользу того, что чеканка этой серии, начавшись в конце V в. до н.э., осуществлялась уже в первые годы следующего столетия. Абсолютно аналогичные по фактуре, с тем же вдавленным кружком реверсного поля серебряные монеты, датируемые первым десятилетием IV в. до н.э., выпускали Херсонес и Фанагория[29]. В Херсонесе в это же время началась чеканка первой бронзовой монеты, типы которой повторяют типы серебра. Во второй серии бронзовых херсонесских монет в качестве изображения лицевой стороны использовался заимствованный из нумизматики Феодосии тип украшенной гирляндами бычьей головы в фас[30].

В самой Феодосии выпуск бронзовой монеты начался с чеканки чрезвычайно редких до недавней поры мелких номиналов с изображением головы быка в профиль на л.с. и звезды – на о.с. (рис. 1, *6–21*). Использование того же типа реверса на херсонесских монетах с головой льва на аверсе уже давно отмечено учеными и позволило сблизить во времени чеканку этих серий в Херсонесе и в Феодосии[31]. Как показывает изучение всех известных феодосийских монет типа «голова быка – звезда», их сходство с херсонесскими монетами не ограничивалось только использованием аналогичного мотива оборотной стороны, но распространялось на метрологические характеристики, а также на способы организации чеканки и контроля над ней.

В серии феодосийских монет с головой быка и звездой выделяются несколько отдельных типов. К первому относятся не известные до сих пор монеты с изображением обращенной влево головы быка в профиль на аверсе и восьмилучевой или шестилучевой звезды без легенды на реверсе (рис. 1, *12–16*). Второй тип включает экземпляры, на которых изображенная в профиль голова быка повернута вправо, а оборотную сторону занимает шестилучевая звезда, легенда при этом отсутствует (рис. 1, *17–20*). Звезда с длинными тонкими лучами сохраняет стилистическое сходство с монетами предыдущего типа. На монетах третьего типа голова быка изображается в трехчетвертном повороте вправо (рис. 1, *21*). На монетах четвертого типа голова быка представлена в профиль вправо, а оборотная сторона дополняется введением легенды

---

[29] *Коваленко С.А.* О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. 1999. XVI. С. 114–116, 119–121; *Анохин.* Монетное дело Боспора. № 77–79.

[30] *Коваленко.* О монетном деле... С. 116.

[31] *Белова Л.Н.* Несколько неизданных херсонесских монет из собрания Эрмитажа // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 149; *Золотарев М.И.* Два типа редких монет Феодосии IV в. до н.э. // ВДИ. 1984. № 1. С. 90, 91; *Коваленко С.А.* О монетном деле... С. 121, 122; *Мельников.* Ук. соч. С. 210, 211.

ΘΕΟΔΕΩ, помещенной между лучами. Известны также монеты, на которых эта легенда развернута до ΘΕΟΔΕΟΣ (рис. 1, *6*). Наконец, к пятому, последнему типу нами отнесены монеты, на которых голова быка на л.с. дана в трехчетвертном повороте вправо, а на о.с. помещена шестилучевая звезда с короткими утолщенными лучами и легендой ΘΕΟΔΕΩ между ними (рис. 1, *7–11*).

Рассматриваемая серия феодосийских монет в значительной степени напоминает структуру херсонесской серии монет с изображениями головы льва и звезды. Как показало поштемпельное изучение херсонесских монет[32], их чеканка была начата выпуском анэпиграфных экземпляров, на лицевой стороне которых голова льва обращена влево, на всех последующих выпусках она повернута вправо. Примечательны и особенности передачи легенды – если на первых монетах она вообще отсутствует, то на последующих может быть представлена одной, двумя или тремя начальными буквами названия города. Показательно отсутствие штемпельных связей между монетами различных выпусков. Это может свидетельствовать не только об определенном контроле над их чеканкой, заключавшемся в строгом учете использовавшихся для производства каждого выпуска штемпелей[33], но и о том, что разные выпуски одной серии могли представлять различные номиналы бронзовых монет.

Метрология феодосийских монет типа «голова быка – звезда» чрезвычайно близка метрологии упомянутой серии херсонесской бронзы. Как показало изучение серии монет Херсонеса с головой льва на аверсе, она включала выпуски халков и гемихалков, причем эти номиналы различались поворотом изображения лицевой стороны и формой легенды (ее отсутствие или неполная форма на гемихалках и полная, традиционная для Херсонеса форма ХЕР – на халках)[34]. Выше мы старались показать, что мельчайшим серебряным номиналом, который чеканился автономной Феодосией в начале IV в. до н.э., был тетартеморий. Логично поэтому предположить, что более мелкие подразделения обола, использовавшиеся в повседневном обиходе, должны были чеканиться в бронзе и представляли собой гемитетартеморий – 1/8 обола, т.е. халк[35]. Косвенным образом это может свидетельствовать, что в Феодосии, в отличие от Херсо-

---

[32] *Коваленко С.А.* Корпус позднеклассических монет Херсонеса Таврического (в печати).

[33] *Он же.* О некоторых вопросах организации работы монетного двора Херсонеса Таврического в позднеклассический период // XI Всероссийская нумизматическая конф. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тез. докл. СПб., 2003. С. 18.

[34] *Он же.* О весовой метрологии бронзовых монет Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. XVII (в печати).

[35] Здесь необходимо еще раз отметить, что широко распространенное в современной отечественной историографии мнение, что обол непременно должен был состоять из восьми халков, является упрощенным. Анализ обширного эпиграфического и нумизматического материала из разных мест свидетельствует о том, что для монетного дела многих полисов Пропонтиды, Фракии, Халкидики, Фессалии, Фокиды, Беотии, Пелопоннеса, островов Эгеиды, Ионии характерно деление обола не на восемь, а на двенадцать халков: *Tod M.N.* Epigraphical Notes on Greek Coinage. II. ΧΑΛΚΟΥΣ // NC. 1946. VI. P. 47–62; *Regling K.* Die Münzen von Priene. B., 1927. S. 122; *Price M.J.* Greek Bronze Coinage c. 450–150 B.C. Its introduction, circulation and value, with particular reference to the series of Corinth. A Dissertation. L., 1967. P. 172, 173, 188; *Jackson A.E.* The Bronze Coinage of Gortyn // NC. 1971. XI. P. 50; *Kinns Ph.* Studies in the Coinage of Ionia. Erythrae, Teos, Lebedus, Colophon, c. 400–300 B.C. A Dissertation. Cambr., 1980. P. 14; *Picard O.* Innovations monétaires dans la Gréce du IV siècle // CRAI. 1989. P. 673, 674; *Westemark U.* Influences from South Italy on Early Macedonian Bronze Coins // Hellas und der griechische Osten. Studien zur Geschichte und Numismatik der griechischen Welt. Festschrift für Peter Robert Franke zum 70. Geburtstag. Saarbrücken, 1996. P. 297; *Kroll J.H.* Hemiobols to Assaria: the Bronze Coinage of Roman Aigion // NC. 1996. 156. P. 55; *Psoma S.* Olynthe et les Chalcidiens de Thrace: études de numismatique et d'histoire. Stuttgart, 2001. P. 141, 144. Деление на восемь халков соответствовало аттической системе и было распространено, помимо Афин, в царствах Лагидов и Селевкидов, а также на Родосе: *Psoma.* Op. cit. P. 131, 145.

неса[36], обол состоял из восьми халков. Халк являлся базовым номиналом во всей системе бронзовой чеканки греческих городов, часто упоминался в надписях и именно с его выпуска во многих городах начиналось изготовление бронзовых монет[37]. Естественно поэтому предполагать, что первые бронзовые монеты Феодосии также являлись халками. Это тем более вероятно, что их средний вес (около 0.80 г) и преобладающий диаметр 10–11 мм очень близки метрологическим данным как херсонесских монет типа «голова льва – звезда», так и мелких бронзовых монет других греческих полисов, уверенно определяемых сегодня как халки[38].

Вместе с тем, в рассматриваемой феодосийской серии имеются монеты, средний вес которых – 0.46 г, что примерно наполовину ниже веса халков. Немного меньше и их диаметр – 8–9 мм. С пониженным весом и диаметром этих монет всегда сочетается отсутствие легенды на реверсе, между тем как на аверсе представлены все варианты изображения головы быка (рис. 1, *12–21*). Последнее обстоятельство позволяет предполагать, что отсутствие или наличие легенды в данном случае было признаком, позволявшим различать разные номиналы одной серии. Возможно, такую же роль играл поворот изображения лицевой стороны, поскольку монеты, на которых голова быка обращена влево, имеют меньший вес. Абсолютно аналогичная система различения номиналов использовалась, как показано выше, в серии херсонесских монет типа «голова льва – звезда». Определение номиналов бронзы меньших, чем халк, как лепт различного количества закрепилось в отечественной историографии с легкой руки В.А. Анохина[39]. Между тем его предположение, основанное на сведениях метролога IV–V вв. Диодора[40], о том, что в Херсонесе халк, как и в Аттике, состоял из семи лепт, не находит подтверждения в нумизматическом материале[41]. Еще Ф. Хульч указывал на некорректность использования позднего свидетельства Диодора для восстановления монетной системы Афин IV–III вв. до н.э.[42] Как совершенно недостоверные оценивал К. Реглинг сведения Диодора, Суды и Фотия о делении халка на семь лепт. Он отметил единственный случай достаточно уверенного отождествления лепты именно как монеты в письменных источниках с исторически засвидетельствованным номиналом: там он приравнивается к половине позднеантичного квадранса, или к 1/8 унции[43]. Половинный, по сравнению с халком, вес рассматриваемых монет позволяет видеть в них фракцию халка и заключить, что в Феодосии, как и в Херсонесе, халк состоял из двух единиц. Назывались ли эти мельчайшие бронзо-

---

[36] *Коваленко*. О весовой метрологии...

[37] *Picard O*. La valeur des monnaies grecques en bronze // RN. 1998. 153. P. 10.

[38] Ibid.; *Kinns*. Op. cit. P. 169, 393, 420; *Ashton R*. Keramos (Some Greek Coins in the British Museum) // NC. 1998. 158. P. 46–48; *idem*. The Coinage of Rhodes 408–c. 190 BC. // Money and Its Uses in the Ancient Greek World. Oxf., 2001. № 57–66; *Psoma*. Op. cit. P. 143, 144; *Westermark U*. Remarks on the Regal Macedonian Coinage ca. 413–359 B.C. // Kraay – Morkholm Essays. Numismatic Studies in Memory of C.M. Kraay and O. Morkholm. Louvain–La-Neuve, 1989. P. 304, 309.

[39] *Анохин В.А*. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 35. См., например: *Туровский Е.Я*. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Севастополь, 1997. С. 51–53; *Демьянчук С.Г., Туровский Е.Я*. Соотношение номиналов херсонесских и ольвийских медных монет в IV в. до н.э. // VIII Всероссийская нумизматическая конф. Москва, 17–21 апреля 2000 г. М., 2000. С. 9, 10; *Мельников*. Ук. соч. С. 217, № 13; *Шонов*. О монетной чеканке... С. 329.

[40] *Hultsch F*. Metrologicorum scriptorum reliquiae. Bd I. Lpz, 1864. S. 156, 330, *12–14*; S. 340, *11–13*.

[41] *Kroll J.H*. Evidence for Identifying the Denominations of Hellenistic Athenian Bronze Coinage // AJA. 1982. 86. P. 273.

[42] *Hultsch*. Metrologicorum scriptorum reliquiae. S. 229.

[43] *Regling K*. Leptos // RE. Bd XII. Hlbd 2. Stuttgart, 1925. S. 2077, 2078. См. также *Price*. Op. cit. P. 173.

вые монеты kollybos, kerma, kermation[44] – не известно. Мы применяем здесь для их обозначения в качестве рабочего названия термин «гемихалк», хотя использование подобного наименования для монет в античных письменных источниках неизвестно. Появление столь малого номинала в ранней бронзовой чеканке греческого полиса – хоть и чрезвычайно редкое, но не исключительное явление. В первых сериях бронзовых монет Херсонеса, датируемых 90–80-ми годами IV в. до н.э., выпускались гемихалки различных типов с весами 0.44–0.58 г[45]. К середине 70-х годов IV в. до н.э. относится начало чеканки подобных монет в Теосе и Колофоне[46], началом того же столетия датируются бронзовые монетки Эфеса (веса: 0.71 г, 0.64 г, 0.58 г, диаметр 8–9 мм), которые Р. Эштон определяет как «гемихалки». К этому же номиналу он относит бронзовые малоазийские монеты примерно того же времени со спорной атрибуцией и близкими метрологическими характеристиками[47]. Сопоставимы по весу с гемихалками и бронзовые унции восточносицилийских и южноиталийских городов последней четверти V в. до н.э.[48]

Выпуск подобных мелких номиналов бронзы, безусловно, был нацелен прежде всего на обслуживание повседневных нужд внутреннего рынка чеканившего эти монеты полиса. Однако топография находок рассматриваемых феодосийских монет может свидетельствовать в пользу того, что они принимались в обращение и в других городах региона. В настоящее время известны находки четырех феодосийских халков серии «голова быка – звезда», сделанные в Херсонесе[49]. По сообщению О.Н. Мельникова, три экземпляра подобных монет происходят из Нимфея, два – из Пантикапея, два – с азиатской части Боспора[50]. С другой стороны, имеются сведения о находке херсонесской монеты серии «голова льва – звезда» в Феодосии[51].

Подобные факты наряду с взаимным использованием изобразительных типов, характерных для монетного дела Херсонеса, Феодосии, Гераклеи, усиливают высказанное в свое время Э. Миннзом предположение о монетном союзе между этими городами[52]. Возможно, его членом была также Фанагория, заимствовавшая для своих монет из Гераклеи тип бодающего быка[53]. Сближение Херсонеса и Гераклеи с Фанагорией и Феодосией, сопровождавшееся заимствованием монетных типов или даже созданием монетного союза, могло

---

[44] О kollybos как подразделении халка см. *Hultsch F.* Griechische und römische Metrologie. B., 1882. S. 228. Anm. 2; S. 230; *Regling K.* Kollybos // RE. Bd XI. Hlbd 1. Stuttgart, 1921. S. 1099, 1100; *Tod M.N.* Epigraphical Notes on Greek Coinage. I. ΚΟΛΛΥΒΟΣ // NC. 1945. V. P. 114, 115; *Kroll J.H.* The Greek Coins // The Athenian Agora. V. XXVI. Princeton, 1993. P. 37, 38; *Grandjean C.* La valeur des monnaies de bronze du Péloponnèse à l'époque classique et hellénistique // RN. 1998. 153. P. 38. О kerma, kermation см. *Hultsch.* Metrologicorum scriptorum reliquiae. S. 295, *2–10*; S. 338, *7–9*; *Babelon.* Traité... I, 1. P. 394; *Grandjean.* Op. cit. P. 38.

[45] *Коваленко.* Корпус позднеклассических монет...

[46] *Kinns.* Op. cit. P. 508, № 34; P. 565, № 35–38; P. 567, № 49.

[47] *Ashton.* Keramos... P. 47. Not. 40.

[48] Леонтины – средний вес унции 0.72 г; Катана – средний вес унции 0.66 г (*Boehringer Chr.* Die fruhen Bronzemünzen von Leontinoi und Katane // Le origini della monetazione di bronzo in Sicilia e in Magna Grecia. Atti del VI Convegno del Centro Internazionale di studi Numismatici. Napoli, 1977. Annali dell' Istituto Italiano di Numismatica. 25 Suppl. Roma, 1979. P. 150, 158); Регий – средний вес младшего номинала меди группы VII – 0.70 г; Фурии – разброс весов медных монет групп VIII–IX – 0.37–0.92 г (*Rutter K.* South Italy and Messana // Ibid. P. 198, 201).

[49] *Белова.* Ук. соч. С. 150; *Золотарев.* Ук. соч. С. 92. Прим. 23; *Коваленко.* О монетном деле... С. 117.

[50] *Мельников.* Ук. соч. С. 211.

[51] *Голенко К.В.* Находка монет у подножия горы Аю-Даг // НЭ. 1963. IV. С. 114. Прим. 33.

[52] *Minns E.H.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 559.

[53] *Шелов.* Монетное дело Боспора... С. 51.

иметь место накануне или непосредственно во время конфликта Феодосии с боспорскими царями[54]. Очевидно поэтому херсонесские и феодосийские бронзовые выпуски, объединяемые изображением звезды на реверсе, должны датироваться не позднее времени захвата Феодосии Левконом I, после которого выпуск автономной городской монеты, а тем более с явными «прогераклейскими» мотивами, вряд ли был возможен. Мнение о том, что это событие имело место в первые годы правления Левкона I[55], все в большей степени подтверждается эпиграфическими и археологическими находками[56].

У нас нет убедительных данных о том, что феодосийские бронзовые монеты с головой быка и звездой начали выпускаться раньше херсонесской серии «голова льва – звезда», и следовательно, изображение звезды было заимствовано херсонесскими монетариями из Феодосии[57]. Пожалуй, наиболее вероятно синхронное появление этих монет, хотя, конечно, в Феодосии объемы и продолжительность данной эмиссии значительно уступали херсонесским. Сам же мотив звезды являлся новым как в нумизматике Херсонеса, так и в монетном деле Феодосии, и в этой связи небезынтересен вопрос о том, какие точки соприкосновения между обоими полисами отражал выбор именно такого изображения.

Ответ на этот вопрос, как кажется, может дать сочетание на херсонесских монетах звезды на реверсе с изображением головы льва на аверсе. Подобная комбинация астрального символа и льва безусловно свидетельствует о связи обоих типов с культом Аполлона[58]. Исключительная популярность такого изобразительного мотива, как львиная голова, в греческой нумизматике делает в значительной степени гадательной попытку определения источника этого изображения на рассматриваемых херсонесских монетах, хотя сам принцип сочетания его со стилизованной розеткой или звездой вызывает в памяти, прежде всего, серебряные монеты Милета[59], широкое распространение которых по

---

[54] О боспоро-гераклейско-феодосийском конфликте см. *Burstein S.M.* The War between Heracklea Pontica and Leucon I of Bosporus // Historia. 1974. Bd XXIII. № 4. P. 401–416; *idem.* Outpost of Hellenism. The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley–Los Angeles–London, 1976. P. 42–45; *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 70–74.

[55] *Шелов Д.Б.* Феодосия, Гераклея, Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3. С. 171; *он же.* Монетное дело Боспора... С. 42; *Блаватский В.Д.* Феодосия VI–IV вв. до н.э. и ее название // СА. 1981. № 4. С. 23; *Сапрыкин.* Ук. соч. С. 74; *Šelov-Kovedjaev F.* Die Eroberung Theodosias durch die Spartokiden // Klio. 1986. Bd 68. № 2. S. 374; *Фролова Н.А.* Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н.э. // ВДИ. 1988. № 2. С. 124; *Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм. М., 1990. С. 370.

[56] См., например, *Блаватская Т.В.* Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 40; *Vinogradov Ju.G.* Olbia und Bosporos im frühen 4 Jh. v. Chr. im Lichte eines neugefundenen Aktendossiers // Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 523, 524; *он же.* Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп // ВДИ. 2002. № 3. С. 5, 10–16; *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 27.

[57] Ср. *Мельников.* Ук. соч. С. 211.

[58] О льве как астрально-солярном символе и священном животном Аполлона: *Keller O.* Die antike Tierwelt 1–2. Lpz, 1909. S. 52; *Imhoof-Blumer F., Keller O.* Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des klassischen Altertums. Lpz, 1889. S. 4. № 12; *Bernhard O.* Der Sonnengott auf griechischen und romischen Münzen // SNR. 1933. Bd 25. № 3. S. 270; *Delatte A.* Sphère magique d'Athénes // BCH. 1913. 37. P. 257; *Steier.* Löwe // RE. Bd XIII. Ht 1. Stuttgart, 1926. S. 983–984; *Kahn H.A.* Die Löwen des Apollon // Kahn H.A. Kleine Schriften zur Münzkunde und Archäologie. Basel, 1975. S. 17–32; *Bevan E.* Representations of Animals in Sanctuaries of Artemis and Other Olympian Deities // BAR International Series. V. 315. Pt I. 1986. P. 233. О связи Аполлона и солярного культа см. *Roscher W.H.* Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Bd I. Pt 1. Lpz, 1884. S. 422, 423; *Farnell L.R.* The Cults of the Greek States. V. 4. Oxf., 1907. P. 136–138; *Bernhard.* Op. cit. S. 257, 258; *Burkert W.* Greek Religion. Harvard, 1985. P. 149.

[59] *Babelon.* Traité... Pl. CXLIX, *2–5*.

всему античному миру и длительность обращения подтверждаются данными кладов[60]. Свидетельством популярности милетских типов является и активное воспроизведение их в чеканке карийских династов первой половины IV в. до н.э.[61] В любом случае подобная параллель может служить в качестве дополнительного аргумента в пользу связи изображений на рассматриваемой серии херсонесских монет именно с анатолийско-ионийским культом Аполлона.

На Боспоре, где культ этого бога был государственным культом, и, как считают, под эгидой храма Аполлона существовала даже симмахия боспорских городов[62], изображение скальпа льва на протяжении V – начала IV в. до н.э. было неизменным типом лицевой стороны монет Пантикапея, устоявшейся эмблемой города. Существование культа Аполлона в Херсонесе Таврическом, возможно, первоначально ионийской апойкии[63], прослеживается с самого начала истории города. Его важность и популярность здесь подтверждаются, помимо находок посвятительных граффити и остатков святилищ, также и тем, что один из пяти известных на сегодня месяцев херсонесского календаря назывался Λύκιος[64]. Херсонеситы регулярно делали богатые дары в святилища Аполлона на Делосе и в Дельфах, как свидетельствуют лапидарные памятники[65]. В основанной Милетом Феодосии отношение к Аполлону было особенным – именно он исполнял там роль верховного полисного божества[66]. Можно поэтому полагать, что появление звезды на феодосийских монетах также должно быть связано с Аполлоном и, прежде всего, с астрально-солярной стороной его культа. Помещение же на л.с. этих монет головы быка вполне отвечало традициям феодосийской нумизматики, в которой его изображение с самого начала занимало важное место.

Вторая серия бронзовых монет автономной Феодосии представлена тремя номиналами. Признаком, позволяющим объединить эти монеты в одну серию, является форма легенды, отличная от монет первой серии и передаваемая на монетах второй серии как ΘΕΟΔΟΣ или ΘΕΟΔΟ[67]. Старшим номиналом второй серии являются монеты с изображением безбородой головы на

---

[60] An Inventory of Greek Coin Hoards. N.Y., 1973. № 1482, 1500.

[61] *Babelon*. Traité... Pl. LXXXIX, *17–20*; Pl. XC, *1*.

[62] *Vinogradov Ju.G.* Die historische Entwicklung der Poleis des nordlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jhr. V. Chr. // Chiron. 1980. Bd 10. S. 69.

[63] *Saprykin S.J.* Chersonesos Taurike: New Evidence on a Greek City-State in the Western Crimea // The Hellenic Diaspora from Antiquity to Modern Times. Vol. I. Amsterdam, 1991. P. 230; *idem*. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination. Amsterdam, 1997. P. 70–71; *idem*. The Foundation of Tauric Chersonesus // The Greek Colonization of the Black Sea-Area (Historia Einzelschriften. № 121). Stuttgart, 1998. P. 235–237. См. также *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 91–129 (с историографией вопроса).

[64] *Суров Е.Г.* Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. № 3. С. 156; *Бабинов Ю.Г.* Религиозные культы и обряды античного Херсонеса (конец V–II в. до н.э.). Дис... канд. ист. наук. М., 1967. С. 86, 87; *он же*. Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического (раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича) // ВДИ. 1970. № 4. С. 75, 76; Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. С. 5, 15–17; *Золотарев М.И.* Эллинистические домашние святилища Херсонеса // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье». Цхалтубо, 1982. С. 34, 35.

[65] *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 246, № 10; С. 258, 259, № 25–27.

[66] *Петрова Э.Б.* Наименования Феодосии и культ Аполлона // Античность: события и исследователи. Казань, 1999. С. 52–56; *она же*. О культах античной Феодосии // Боспорские исследования. Вып. 1. Керчь, 2000. С. 235.

[67] *Мельников*. Ук. соч. С. 211. Мы намеренно не затрагиваем здесь вопрос о возможном изменении названия Феодосии в IV в. до н.э., поскольку это тема для отдельного исследования.

л.с. и бодающегося быка на о.с.[68], определяемые по весу (2.00–2.72 г) как дихалки (рис. 2, *1–4*, см. вклейку). Средний номинал представлен монетами с аналогичным изображением на аверсе и протомой бегущего быка на реверсе (рис. 2, *5*)[69]. Чрезвычайно слабая сохранность всех трех известных на сегодня монет этого типа, обусловившая значительную потерю веса (1.13–1.27 г), не препятствует их атрибуции как халков. На то, что эти монеты выступали в качестве половинного номинала по отношению к дихалкам, указывает использование в качестве мотива оборотной стороны протомы быка, а не целой его фигуры. Наконец, к младшему номиналу этой серии должны быть отнесены, пожалуй, наиболее редкие бронзовые монеты Феодосии с таким же типом лицевой стороны и шестилучевой звездой на оборотной (рис. 2, *6*). По аналогии с монетами первой серии и по весовым характеристикам они могут быть определены как гемихалки. До недавнего времени была известна лишь одна подобная монета из коллекции Л.И. Резника, опубликованная В.А. Анохиным[70]. С нею же (на основании лишь совпадения веса) отождествлялась упомянутая ранее М.И. Золотаревым монета аналогичного типа из собрания Н.Н. Грандмезона[71]. Парадоксальным образом мимо внимания исследователей, специально занимавшихся чеканкой Феодосии, прошел тот факт, что опубликовавший в своей статье три новых экземпляра феодосийских монет серии «голова быка – звезда» М.И. Золотарев на вклейке, где приводились фотографии этих монет, вместо изображения описываемой им в тексте третьей монеты этого типа дал фотографию той самой редчайшей бронзовой монеты с изображением на лицевой стороне головы вправо, а на оборотной – шестилучевой звезды с легендой ΘΕΟΔΟΣ, хранившейся в коллекции Н.Н. Грандмезона и упоминаемой автором на следующей странице[72]. На приведенной фотографии (рис. 2, *6*) на аверсе монеты ясно видна голова вправо (между тем, как, согласно описанию М.И. Золотарева, «изображение аверса совершенно уничтожено окисью»[73]), а на обороте можно восстановить легенду ΘΕΟΔΟΣ (четко видны центральный и нижний изгиб сигмы), которая никогда не встречалась на монетах серии «голова быка – звезда». Сравнение этой монеты с экземпляром из коллекции Л.И. Резника, опубликованным В.А. Анохиным, показывает, что, вопреки мнению О.Н. Мельникова и Н.А. Фроловой, это две разные монеты.

Надо заметить, что публикуемые в настоящей статье новые экземпляры бронзовых феодосийских дихалков и халков второй серии не проясняют, а скорее усложняют вопрос о том, какой персонаж изображался на этих монетах. Их сохранность позволяет поставить под сомнение высказывавшиеся ранее гипотезы, что это могли быть Геракл, Аполлон, Афина, ктист Феодосии или даже богиня Парфенос[74]. Хорошо сохранившиеся изображения демонст-

---

[68] *Бурачков П.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1884. С. 130. № 6. Табл. XVIII, *3*.

[69] *Коваленко.* О монетном деле... Табл. I, *22*; *Мельников.* Ук. соч. С. 216. № 12.

[70] *Анохин.* Монетное дело Боспора. № 83.

[71] *Золотарев.* Два типа... С. 90; *Коваленко.* О монетном деле... С. 122; *Мельников.* Ук. соч. С. 212; *Фролова.* Чеканка Феодосии... С. 307.

[72] *Золотарев.* Два типа... Вклейка, В.С. 90. Лишь Э.Б. Петрова вскользь отметила возможность соотнесения этой монеты с типом «голова Аполлона (?) – звезда» (Наименования Феодосии... С. 52. Прим. 26).

[73] Там же. С. 89.

[74] *Бертье-Делагард.* Монетные новости... С. 52; *Столба В.Ф.* О боспорских монетах с надписью ΘΕΟΔΟΕΟ – ΘΕΟΔΕΩ // Тез. докл. обл. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». Вып. I. Запорожье, 1989. С. 148; *Фролова.* Чеканка Феодосии... С. 303, 304; *Золотарев.* Два типа... С. 90; *Анохин.* Монетное дело Боспора. С. 139. № 82, 83; *Коваленко.* О монетном деле... С. 119.

рируют отсутствие атрибутов (лаврового венка, шлема, ленты и т.д.), которые помогли бы уточнить, кто на них изображен. Прическа в виде валика волос в равной степени могла быть и мужской и женской. Очевидно, лишь дальнейшие исследования богатой загадками истории Феодосии, а также ее культов смогут пролить свет на этот вопрос.

КАТАЛОГ МЕДНЫХ МОНЕТ ФЕОДОСИИ

Эмиссии 385–375 гг. до н.э.

Серия I

Халки

Тип 1

Л.с.: Голова быка вправо. О.с.: Шестилучевая звезда, между лучами Θ-Е-О-Δ-Е-Ω.

1. O1–R1: 0.44 г, 8 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *6*.

Л.с.: Голова быка вправо. О.с.: Семилучевая звезда, между лучами Θ-Е-О-Δ-Е-О-Σ.

2. O2–R2: 1.05 г. Коллекция У. Стенкоба (Sylloge Nummorum Graecorum: The William Stancomb Collection of Coins of the Black Sea Region. L., 2000. № 616).

3. O3–R3: 1.08 г, 10 мм. ГЭ № 33565 (*Белова*. Ук. соч. Табл. 1, *9*). Найдена в Херсонесе.

Тип 2

Л.с.: Голова быка в трехчетвертном повороте вправо.

О.с.: Семилучевая звезда, между лучами Θ-Е-О-Δ-Е-О-Σ.

4. O4–R4: 0.72 г, 9–11 мм. Частная коллекция (*Мельников*. Ук. соч. № 3).

Л.с.: Голова быка в трехчетвертном повороте вправо.

О.с.: Шестилучевая звезда, между лучами Θ-Е-О-Δ-Е-Ω.

5. O5–R5: 0.59 г, 8 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *7*.

6. O?–R5: 1.12 г, 8 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *8*.

7. O?–R5: 0.74 г, 10 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *9*.

8. O?–R5: 0.59 г, 9 мм. ГМИИ № 262787 (*Коваленко*. О монетном деле ... Табл. I, *18*). Найдена в Херсонесе.

9. O6–R6: 0.93 г, 11 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *10*.

10. O6–R7 (Шонов. О монетной чеканке... Рис. 1, *7*).

11. O6–R8: 0.79 г, 11 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *11*.

12. O7–R9: 0.53 г. Коллекция Л.И. Резника (*Анохин*. Монетное дело Боспора. № 76).

13. O8–R10: 10–11 мм. Частная коллекция (*Мельников*. Ук. соч. № 6).

14. O?–R?: 0.57 г; 10 мм. ГИМ № 15058 (*Золотарев*. Два типа... Вклейка, А; *Фролова*. Чеканка Феодосии... Табл. I, *9*). Обломана. Найдена в Херсонесе.

15. O?–O?: 0.31 г, 8 мм. ГИМ № 15059 (*Золотарев*. Два типа... Вклейка, Б; *Фролова*. Чеканка Феодосии... Табл. I, *10*). Найдена в Херсонесе.

Гемихалки

Тип 1

Л.с.: Голова быка влево.
О.с.: Восьми-/или шестилучевая лучевая звезда.
16. O1–R1: 0.33 г, 8 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *12*.
17. O1-R2: 0.49 г, 8 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *13*.
18. O2–R3: 0.39 г, 8 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *14*.
19. O2–R3: 0.54 г, 9 мм. Коллекция Е.Ю. Гончарова. Рис. 1, *15*.
20. O?–R?: 0.53 г, 8 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *16*.

Тип 2

Л.с.: Голова быка вправо.
О.с.: Шестилучевая звезда.
21. O3–R4: 0.42 г, 9 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *17*.
22. O?–R5: 0.48 г, 8 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *18*.
23. O?–R6: 0.41 г, 9 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *19*.
24. O?–R7: 0.56 г, 9 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *20*.

Тип 3

Л.с.: Голова быка в трехчетвертном повороте вправо.
О.с.: Шестилучевая звезда.
25. O4–R8: 0.72 г, 8 мм. Частная коллекция. Рис. 1, *21*.
26. O4–R8 (*Шонов*. О монетной чеканке... Рис. 1, *8*). Обломана.

Серия II

Дихалки

Л.с.: Безбородая голова влево.
О.с.: Бодающийся бык вправо, вверху легенда.
27. O1–R1: 1.60 г, 13 мм, с.о. 6, о.с. ΘΕΟΔΟ. ГЭ № 26341 (*Фролова*. Чеканка Феодосии... Табл. 1, *6*; там же ссылки на все предыдущие публикации). Обломана.
28. O1–R2: 2.71 г, 13 мм, о.с. ΘΕΟ. ГИМ № 12723 (*Фролова*. Чеканка Феодосии... Табл. 1, *7*). Из коллекции А.С. Коциевского.
29. O2–R3: 2.00 г, 13 мм, с.о. 6, о.с. ΘΕ... ГЭ № 26340 (*Фролова*. Чеканка Феодосии... Табл. 1, *5*; там же ссылки на все предыдущие публикации).
30. O3–R4: 2.19 г, 14 мм, с.о. 6, о.с. ΘΕΟΔΟ. Частная коллекция. Рис. 2, *1*.
31. O4–R5: 2.47 г, 12 мм, с.о. 6, о.с. ΘΕΟΔΟΣ. Частная коллекция. Рис. 2, *2*.
32. O4–R5: 2.02 г, о.с. то же (*Шонов*. О монетной чеканке... Рис. 1, *6*).
33. O5–R6: 2.11 г, 14 мм, с.о. 4, о.с. – то же. Частная коллекция. Рис. 2, *3*.
34. O6–R7: 2.72 г, 13 мм, с.о. 6, о.с. – то же. Частная коллекция. Рис. 2, *4*.
35. O7–R8: 1.16 г, 11 мм, о.с. – то же. Коллекция А.Н. Склярова (*Мельников*. Ук. соч. № 12). Обломана.

36. O?–R?: 1.77 г. ГХМ № 4540 (*Гилевич А.М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НиС. 1968. 3. С. 17, 46). Обломана.

Халки

Л.с.: Безбородая голова влево.

О.с.: Протома скачущего быка влево, вверху и справа ΘΕΟΔ-Ο.

37. O1–R1: 1.13 г, 12 мм, с.о. 12. ГМИИ № 35010 (*Голиков А.Г.* Редкие монеты Черноморья // Советский коллекционер. 1925. № 17. С. 5; *Коваленко.* О монетном деле ... Табл. I, *2*). Из коллекции А. Г. Голикова.

38. O2–R2: 1.44 г, 11 мм (*Мельников.* Ук. соч. № 10).

39. O3–R3: 1.27 г, 11 мм. Частная коллекция. Рис. 2, *5*.

Гемихалки

Л.с.: Безбородая голова вправо.

О.с.: Шестилучевая звезда, между лучами Θ-Ε-Ο-Δ-Ο-Σ.

40. 0.70 г, 10 мм (*Золотарев.* Два типа ... с. 89, № 3, вклейка, В). Рис. 2, *6*.

41. 0.70 г. Коллекция Л.И. Резника (*Анохин.* Монетное дело Боспора. № 83).

ON COINAGE IN THEODOSIA IN THE 5th–4th C. BC

S. A. Kovalenko, A. A. Molchanov

The article studies some problems of silver and copper coinage in Theodosia in the second half of the 5th and in the early 4th c. BC. New materials provide the authors with the grounds for dating some coin issues and trying anew to reconstruct the system of face values of early Theodosian silver and copper coins. Some new types of Theodosian copper coins are introduced. The catalogue of Theodosian copper coins of the early 4th c. BC attached to the article is the fullest existing selection of this rare kind of coins.

© 2005 г.

М. Г. Абрамзон

КЛАД ГЕМИДРАХМ АХЕЙСКОГО СОЮЗА ИЗ ДИОСКУРИАДЫ

В фондах Абхазского государственного музея хранится не изданный до сих пор небольшой клад серебряных монет Ахейского союза (АБМ 264/1–9)[1]. Клад был найден во время строительных работ в Сухуми еще в начале XX в. и передан музею местным жителем Туркия. Все девять монет представляют собой гемидрахмы (триоболы), выпущенные в различных центрах Пелопоннеса, входивших в упомянутую лигу (см. вклейку). Состав клада представлен монетами следующих пяти центров:

Ахайя

1. Эгион – 2 экз. (рис. 1, *1–2*) (вклейка)

Арголида

2. Аргос – 1 экз. (рис. 1, *3*)

Аркадия

2. Паллантион – 2 экз. (рис. 1, *4–5*)

Лакония

3. Лакедемон – 2 экз. (рис. 1, *6–7*)

Элида

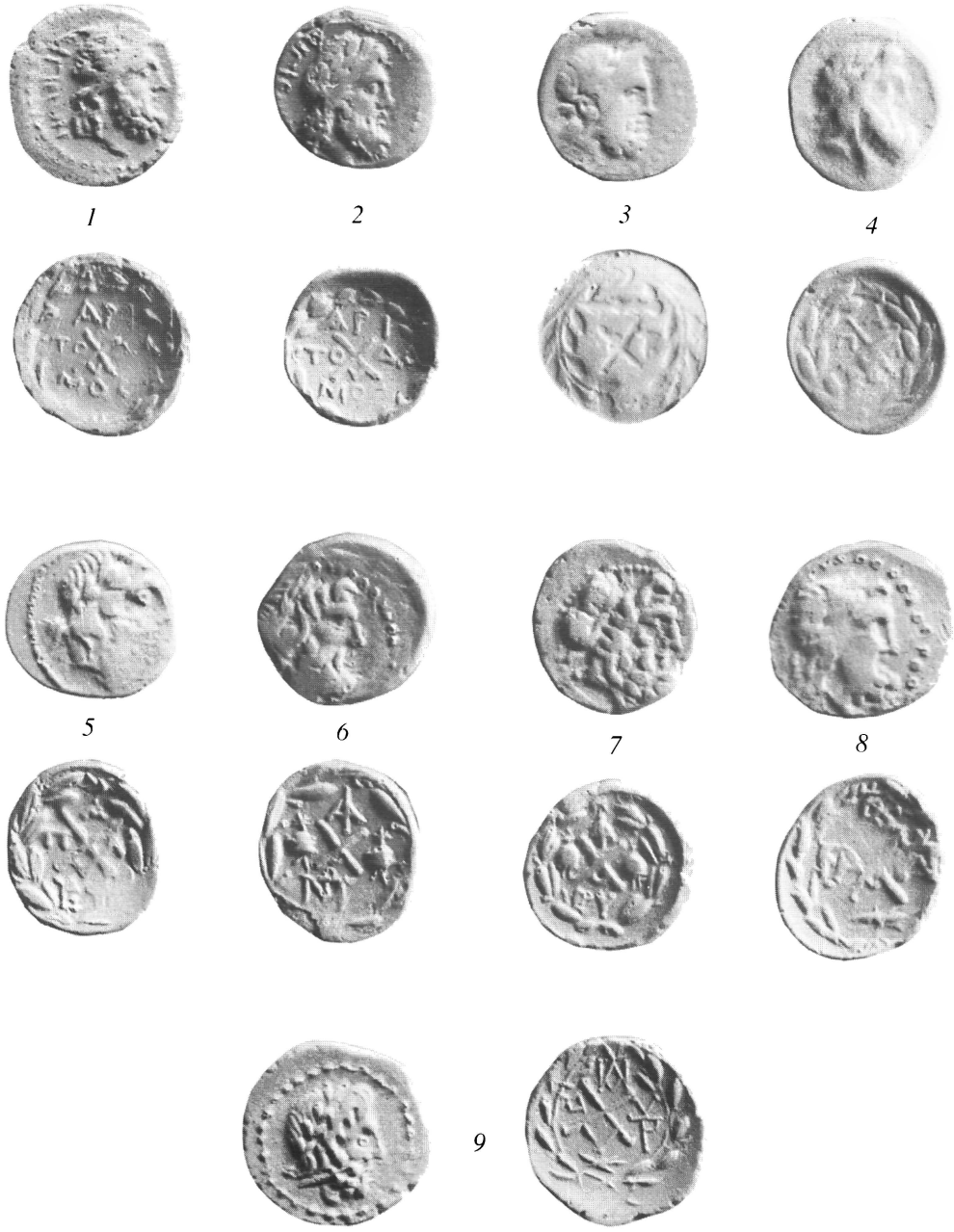
4. Элида – 2 экз. (рис. 1, *8–9*)

Как известно, ранняя союзная чеканка ахейцев началась после поражения спартанцев в битве при Лаконском Левктре в 371 г. до н.э. Ахейские общины (прежде всего Аркадии) объединились для выпуска союзной монеты от имени единого народа. Один из типов гемидрахм этой первой союзной чеканки (с изображением Зевса на аверсе и монограммой ⋋ или ⋋ = «Ахейцы» на реверсе) послужил моделью для типов знаменитого Ахейского союза, возрожденного позднее, спустя почти целое столетие[2].

Ранний Ахейский союз был уничтожен македонянами, однако в период около 280 г. до н.э. он был восстановлен: сначала в него вошли четыре города, среди которых были Патры и Дима, затем некоторые из двенадцати других городов Пелопоннеса (Paus. II. 41; Strabo. VII. 7. 1). Ахейцы свергли македонское иго, а монеты их союзной чеканки составляли теперь главный элемент в денежном обращении в Пелопоннесе в течение почти 130 лет. Множество пелопоннесских городов за пределами Ахайи вошли в состав Ахейского союза; союзники чека-

[1] Автор выражает искреннюю благодарность за предоставленную возможность работать в фондах директору Абхазского государственного музея А.М. Тария, старшему хранителю М.К. Хотелашвили-Инал-ипа, а также хранителю Д.В. Ахба.

[2] *Warren L.* Greek Federal Coinage. L., 1863; *Clerk M.G.* Catalogue of the Coins of the Achaean League. L., 1895; *Head B.* Historia Nummorum. A Manual of Greek Numismatics. Oxf., 1911. P. 416–417; *Gardner P.* A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Peloponnessus / Ed. R. Stuart Poole. L., 1887.



Клад гемидрахм Ахейского союза из Диоскуриады. Увеличено в 2 раза

нили как серебряные, так и бронзовые монеты. А.Н. Зограф насчитывал в чеканке Ахейского союза монограммы и символы (παράσημον) 43 городов-союзников[3]; как считал Б. Хэд, союзные монеты выпускали 44 полиса[4].

Собрания ахейцев происходили в роще Амария или Амариона, где находился священный участок Зевса Амарийского (Strabo. VII. 7. 3–4), которого Павсаний называет Зевсом Гомагирием (Собирателем) (Paus. VII. 24. 1). Поэтому на аверсе серебряных монет ахейцев изображалась голова Зевса Амарийского, покровителя Ахейского союза. Предполагалось, что основная масса серебряных монет ахейцев была выпущена в III в. до н.э., в период после восстановления Ахейского союза. Б. Хэд датировал чеканку Ахейского союза 280–146 годами до н.э., А.Н. Зограф – III–II веками до н.э.[5] По мнению Д. Сира, анализ состава ряда кладов позволяет датировать чеканку полной серии монет ахейцев II веком до н.э., начиная с того момента, как Тит Квинкций Фламинин провозгласил «свободу греческих городов» в 196 г. до н.э.[6] Между тем известны клады, содержащие монеты Ахейского союза, датируемые III веком до н.э. Дата окончания чеканки монет Ахейского союза принята всеми исследователями единодушно – 146 год до н.э., однако серебряные монеты Ахейского союза находились в обращении до 20-х годов I в. н.э.

Топография кладов монет Ахейского союза заставляет предположить, что публикуемый нами клад попал в Диоскуриаду скорее всего морским путем непосредственно из Греции. Во всяком случае, нам не удалось обнаружить никаких данных о находках кладов монет Ахейского союза на территории современной Турции. Напротив, абсолютное большинство всех известных нам подобных кладов происходит именно из Греции. По нашим сведениям, там было найдено всего десять таких комплексов[7]. Еще один клад, в состав которого входили триоболы Ахейского союза, был найден в Израиле. Ниже мы приводим перечень этих кладов.

1. Клад, зарытый около 225 г. до н.э. (найден в 1904 г. в Закинфе); в состав комплекса входят 14 монет Ахейского союза, остальные принадлежат чеканам Гераклеи, Лариссы, Локр Опунтских, Эгей, Элиды, Родоса, Селги[8].

2. Клад из 45 серебряных монет (найден в Греции в 1986 г.), зарытый в период около 200–150 гг. до н.э. В его составе 35 гемидрахм Ахейского союза, а также монеты Аркадской и Этолийской лиг, Мессены, Локр Опунтских, Филиппа II[9].

3. Клад из Мессены, датируемый 200–150 годами до н.э., точное количество монет Ахейского союза неизвестно[10].

4. Клад монет Ахейского союза и Элиды (найден в 1973 г. в Элиде), датируемый 196–30 годами до н.э.[11]

---

[3] *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1957. 16. С. 98.

[4] *Head.* Op. cit. P. 417–418.

[5] Ibid. P. 416; *Зограф.* Ук. соч. С. 90.

[6] *Sear D.R.* Greek Coins and Their Values. Vol. I. L., 1978. P. 275.

[7] См. Coin Hoards. Vol. VIII. Greek Hoards / Ed. U. Wartenberg, M. Jessop Price, K.A. McGregor. RNS (The Royal Numismatic Society). L., 1994 (далее – Coin Hoards VIII). P. 67. № 586; *Thompson M., Mörkholm O., Kraay M.C.* An Inventory of Greek Coin Hoards. N.Y., 1973 (далее – IGCH). 245, 1907; *Touratsoglou I., Tsourti H.* Contribution to the Circulation of the Achaean League Triobols in Mainland Greece and Peloponnese: The Evidence of the Hoards // Αρχαία Αχαία καί Ήλεία. Meletemata. Athens, 1991. 13. P. 171–188.

[8] Coin Hoards VIII. P. 38. № 318; IGCH 245; *Nicolet H., Oeconomidoeu M.* La circulation monétaire dans Peloponnèse et le trésor de Zakynthos (Zante) de 1904 (IGCH 245) // Quaderni Ticinesi di numismatica e antichita classica. 1991. 20. P. 161–185.

[9] Coin Hoards VIII. P. 40. № 338. Pl. XLII, *4–38.*

[10] Ibid. P. 42. № 357; BCH. 1992. № 116. P. 860.

[11] Coin Hoards VIII. P. 43. № 369; BCH. 1974. № 98. P. 619.

5. Клад из Монемвасии (Пелопоннес), зарытый в период около 190–50 гг. до н.э., включал 51 монету Ахейского союза[12].

6. Клад, зарытый в период около 168 г. до н.э., найден в 1993 г. вблизи Вонитсы, Акарнания. В его составе 61 триобол Ахейского союза, а также монеты Македонии, Римской республики, Этолийской, Беотийской и Аркадской лиг, Афин, Сиды, Аргоса и других центров[13].

7. Клад, зарытый около 160 г. до н.э. (найден в 1980 г.; место находки неизвестно; монеты вошли в коллекцию В.П. Уолэйса). В составе комплекса имеется одна гемидрахма Ахейского союза[14].

8. Клад, зарытый около 146 г. до н.э. (найден до 1937 г. в неизвестном месте; возможно, это часть клада IGCH 260). Включал 33 триобола Ахейского союза, 9 монет Мегалополиса и 23 триобола Этолийской лиги[15].

9. Клад, зарытый около 146 г. до н.э. (найден в 1973 г. в Патрах, Ахейя). Включал 88 гемидрахм Ахейского союза, а также монеты Этолийской лиги, Сикиона, Аргоса, Гермиона, Беотии, Локр Опунтских и Мегалополиса[16].

10. Клад, найденный в Греции в 1957 г., включал 4 триобола Ахейского союза и по одной монете Мессены и Лакедемона. Зарыт около 120 г. до н.э.[17]

11. Клад из Бес Ликиаха, около Иерусалима (Израиль), найденный в 1982 г. В нем 332 серебряные монеты – из них 110 триоболов Ахейского союза, остальные принадлежат чеканам Аркадской лиги, Патр, Сикиона, Родоса и Рима. Это самый поздний из всех известных нам кладов, который датируется 10 г. до н.э. – 20 г. н.э. Состав клада свидетельствует о том, что монеты Ахейского союза находились в денежном обращении до эпохи Августа[18].

К сожалению, точные сведения относительно состава клада из Сухуми и обстоятельствах его находки не сохранились. По датировке Б. Хэда самой ранней из монет клада является гемидрахма Эгиона, отчеканенная в 275 г. до н.э., самыми поздними – гемидрахмы Элиды 191 г. до н.э.[19] Если считать, что в Абхазский музей поступил весь комплекс, а также признать верной предложенную Б. Хэдом датировку, то клад можно датировать 275–191 годами до н.э. Если же следовать точке зрения, что основная масса монет Ахейского союза выпускалась в 196–146 гг. до н.э., то и тезаврация клада состоялась соответственно в данный отрезок времени. Во всяком случае, клад не мог быть зарыт позднее 146 г. до н.э. Таким образом, этот единственный известный нам клад монет Ахейского союза, найденный в Восточном Причерноморье, является ценным свидетельством по истории денежного обращения Колхиды в эллинистическую эпоху.

КАТАЛОГ

ЭГИОН (Ахайя), 275 г. до н.э.

1. *Л.с.* Голова Зевса Амарийского в лавровом венке, вправо; сзади AIΓIЄΩN. Точечный ободок.

О.с. Монограмма ⚔; вокруг API/CTO/ΔA/MOC.

Изображение обрамлено лавровым венком.

---

[12] Coin Hoards VIII. P. 44. № 371; BCH. 1991. № 115. Pt II. P. 836.
[13] Coin Hoards VIII. P. 50. № 431. Pl. LI, *11–29*; LII, *1–42*.
[14] Ibid. P. 51. № 436.
[15] Ibid. P. 53. № 453.
[16] Ibid. P. 53. № 454.
[17] Ibid. P. 55. № 473; Sylloge Nummorum Graecorum. France. Bibliotèque Nationale. Cabinet des Médailles. Collection Jean and Marie Delepierre. P., 1983. Hoard index 28. № 1976, 1977, 1997, 2000.
[18] Coin Hoards VIII. P. 64. № 550.
[19] *Head.* Op. cit. P. 417–418.

Вес 2.10 г. Инв. № АБМ 264/3.

Литература: *Gardner P.* A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Peloponnessus / Ed. R. Stuart Poole. L., 1887 (далее – BMC). 10. № 24–25; Sylloge Nummorum Graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum. Vol. III. Greece: Thessaly to Aegean Islands. West Milford, 1982 (далее – SNG III). Phliasia–Laconia, № 235.

2. То же. Вес 2.15 г. Инв. № АБМ 264/7.

АРГОС (Арголида), 228 г. до н.э.

3. *Л.с.* Голова Зевса Амарийского в лавровом венке, вправо. Точечный ободок.

О.с. Монограмма ; вверху палица; справа монограмма . Изображение обрамлено лавровым венком.

Вес 2.35 г. Инв. № АБМ 264/9.

Литература: SNG III, Phliasia–Laconia, № 268.

ПАЛЛАНТИОН (Аркадия), 194 г. до н.э.

4. *Л.с.* Голова Зевса Амарийского в лавровом венке, вправо. Точечный ободок.

О.с. Монограмма ; вокруг ПАΛ; внизу монограмма и трезубец. Изображение обрамлено лавровым венком.

Вес 2.05 г. Инв. № АБМ 264/5.

Литература: BMC. 10. № 124–126; SNG III, Phliasia–Laconia, № 290.

5. То же. Вес 2.35 г. Инв. № АБМ 264/6.

ЛАКЕДЕМОН (Лакония), 192 г. до н.э.

6. *Л.с.* Голова Зевса Амарийского в лавровом венке, вправо. Точечный ободок.

О.с. Монограмма между шапками Диоскуров; вверху ; внизу . Изображение обрамлено лавровым венком.

Вес 2.40 г. Инв. № АБМ 264/4.

Литература: SNG III, Phliasia–Laconia, № 320–321.

7. То же, но EY внизу. Вес 2.30 г. Инв. № АБМ 264/8.

Литература: SNG III, Phliasia–Laconia, № 322.

ЭЛИДА (Элида), 191 г. до н.э.

8. *Л.с.* Голова Зевса Амарийского в лавровом венке, вправо. Точечный ободок.

О.с. Монограмма ; вверху ; слева FA, справа ; внизу молния. Изображение обрамлено лавровым венком.

Вес 2.25 г. Инв. № АБМ 264/1.

Литература: SNG III, Phliasia–Laconia, № 302.

9. *Л.с.* То же.

О.с. Монограмма ; вверху справа или ; слева FA, справа ; внизу молния. Изображение обрамлено лавровым венком.

Вес 2.20 г. Инв. № АБМ 264/2.

Литература: SNG III, Phliasia–Laconia, № 312–313.

A HOARD OF HEMIDRACHMS OF THE ACHAEAN LEAGUE FROM DIOSCURIAS

M. G. Abramzon

The author published a small hoard of hemidrachms of the Achaean League preserved in the Abkhazian State Museum. The hoard includes 2 coins of Aegium, 1 of Argos, 2 of Pallantium, 2 of Lacedaemon and 2 of Elis. The hoard can be dated back either to 275–191 BC (according to B. Head) or to 196–146 BC. In any case the hoard cannot have been made after 146 BC.

© 2005 г.

Светлой памяти Ю.Г. Виноградова посвящается

В. В. Крапивина, П. Д. Диатроптов

НАДПИСЬ НАМЕСТНИКА МИТРИДАТА VI ЕВПАТОРА ИЗ ОЛЬВИИ

В 2002 г. в юго-восточной части Верхнего города Ольвии на территории цитадели римского времени (участок Р-25)[1] был найден постамент белого мрамора (рис. 1, вклейка)[2]. Он был вторично использован в засыпи под уровнем глинобитного пола помещения, датирующегося сопровождающими материалами I веком н.э.

Размеры постамента: длина – 44 см, высота – 28–29 см, ширина – 47 см. Он сохранился практически полностью, немного отбиты верхняя плоскость, а также верхние части лицевой и правой плоскостей. На верхней грани, обработанной шпунтом, на расстоянии 12.2 см от лицевой плоскости и 13.0 см от левой была выбита окружность, залитая свинцом (рис. 2, вклейка). Ее диаметр – 17.5 см, глубина – до 2.5 см, ширина свинцовой заливки – 1.0–1.5–2.0 см. Остальные плоскости постамента заполированы. На нижней, на расстоянии 2.8 см от лицевой и 13.0 см от левой плоскости, сделано прямоугольное углубление, небрежно оббитое вокруг, но обработанное шпунтом, 40.5 × 12.0 см, глубиной 3.0–3.6 см (рис. 3, вклейка). Слева от него выбран угол 13.5 × 13.0 см и на глубину 1.5 см.

На лицевой плоскости отбит верхний левый угол, размеры скола которого 10.0–36.0 × 2.0–13.0 см. Надпись состоит из восьми строк. Размеры эпиграфического поля – 39.0 × 25.5 см, белое поле слева – 3.5 см. Высота букв – 1.8–2.7 см, расстояние между строками – 0.5–1.2 см. Верхняя строка сбита почти полностью, сохранились лишь две последние буквы. Во второй строке сбито примерно две трети слева, две буквы сохранились частично, четыре – полностью. В третьей строке сбиты первые две буквы слева, следующие пять букв повреждены, правая часть сохранилась практически полностью. Остальные пять строк дошли практически полностью, имеются лишь небольшие сколы, которые не затрудняют чтение.

По характеру шрифта надпись относится к эллинистическому времени: окончания гаст снабжены апексами, верхняя и нижняя гасты *сигмы* параллельны, горизонтальные гасты *пи* и *гаммы* слегка выступают за линии вертикальных гаст, *омикрон* по размерам несколько меньше остальных букв, *альфа* имеет ломаную горизонтальную гасту, боковые гасты *каппы* укорочены, горизонтальная гаста *тау* длиннее вертикальной, *тэта* имеет горизонтальную

[1] Раскопки В.В. Крапивиной и А.В. Буйских.

[2] Инвентарный № О-2002/Р-25/1846, хранится в Национальном историко-культурном заповеднике «Ольвия» НАН Украины.

Рис. 2. Постамент наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии. Верхняя поверхность

Рис. 3. Постамент наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии. Нижняя поверхность

черточку, концы которой в ряде случаев доходят до окружности, а в ряде – нет. Буквы вырезаны очень тщательно, при этом их размеры и расстояния между ними в разных частях надписи варьируются. Верхние две строки короче следующих на две буквы справа (и, вероятно, слева): это своего рода «шапка», выделенная ввиду важности титула и имени упомянутого в ней лица.

По палеографическим признакам надпись датируется в довольно широких пределах – II–I вв. до н.э. Однако в нижней строке указана точная дата: ’έτους κσ′ – «в 220 году». Единственная эра, которая реально могла применяться в эпоху эллинизма в Северном Причерноморье, – это эра царей Понта и Вифинии, начинающаяся в 297/6 г. до н.э.[3] Тогда 220 год этой эры соответствует 78/77 году до н.э. Это время правления царя Понта Митридата VI Евпатора, под властью которого находилась и Ольвия. Учитывая датировку и исторический контекст, сохранившиеся во второй и третьей строках остатки слов можно восстановить только как [Μιθραδ]ά̣τ̣ου Ε’υ[πά]τ̣ο̣ρ̣ο̣ς, а всю надпись следует читать следующим образом:

[’Επὶ βασιλέ]ως
[Μιθραδ]ά̣τ̣ου Εὐ-
[πά]τ̣ο̣ρ̣ο̣ς Διογένης
Θυαίου στρατηγὸς
καὶ ἐπὶ τῆς πόλεως
τὴν σχοινιαίαν ἀνέ-
θηκεν Μητρὶ Θεῶν
ἔτους κσ′

Перевод: «При царе Митридате Евпаторе Диоген, сын Тиэя, стратег и градоначальник, куртину городской стены посвятил Матери богов в год 220» (78/77 г. до н.э.).

Возвращаясь к палеографическим особенностям, отметим, что надпись выделяется тщательностью исполнения и монументальностью шрифта. Для прочих ольвийских эпиграфических памятников времени Митридата VI Евпатора характерны курсивные формы ряда букв[4], что полностью отсутствует в нашей надписи.

Имя царя восстановлено в форме Μιθραδάτης, поскольку так оно передано во всех известных нам надписях из Северного Причерноморья[5]. Имя дедиканта Диоген было повсеместно распространено в эллинском мире, зато патронимик Θυαίου является очень редким и в связи с этим позволяет определить происхождение его владельца – представителя Митридата в Ольвии. Имя Θυαίας в настоящее время известно в основном по керамическим клеймам Синопы[6], но в номинативе. В Северном Причерноморье оно засвидетельствовано в качестве патронимика на Боспоре[7], в эпитафии I в. н.э. Б.Н. Граков сопоставляет имя Θυαίας с именем Τυαίης, также встречающимся на Боспоре[8].

---

[3] *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1976. С. 67.

[4] *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. VII–I вв. до н.э. М., 1989. С. 255: IOSPE. I². 35, 192, 201; HO. 35–38, 75.

[5] IOSPE. I². 35, 352; КБН. 31, 979.

[6] *Граков Б.Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929. С. 117, 134, 145, 203.

[7] КБН. 536.

[8] *Граков.* Ук. соч. С. 27; ср. КБН, 227, 228; *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964. S. 684; *idem.* Die Personennamen griechischer Städte der nordlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. S. 385.

Вообще же в лапидарной эпиграфике, даже малоазийской, это имя найти не удалось[9]. Таким образом, можно полагать, что Диоген, сын Тиэя, был уроженцем Синопы. Известно, что в Понтийском царстве, население которого было полиэтничным, важные административные должности занимали греки[10] – в основном выходцы из Амиса, но и Синопа, столица царства, не могла остаться в стороне. Уроженцем Синопы был, например, знаменитый полководец и дипломат Митридата VI Диофант, сын Асклепиадора.

Диоген, сын Тиэя, был одновременно стратегом и градоначальником (στρατηγὸς καὶ ἐπὶ τῆς πόλεως). В эллинистических монархиях стратеги – это, помимо командующих армиями, царские наместники, управлявшие обширными областями государства, наделенные военно-административными полномочиями[11]. Страбон сообщает о стратегах Митридата в Северном Причерноморье, имея в виду, очевидно, командующих армиями (Strabo. VII. 3. 17. 18; 4. 3).

Градоначальники (помимо ἐπὶ τῆς πόλεως эта должность именовалась также στρατηγός (ἐπὶ) τῆς πόλεως, 'ἐπιστάτης, τεταγμένος ἐπὶ τῆς πόλεως) назначались эллинистическими монархами в отдельные города в качестве командующих городскими гарнизонами царских войск и представителей царя в отношениях с полисными властями[12]. В ряде случаев должности стратега и градоначальника объединялись, как и в нашем случае (с различиями в терминологии), в руках одного лица[13]. В то же время известны надписи, где упомянуты одновременно обе должности, принадлежащие разным людям[14].

Значение термина (ὁ)ἐπὶ τῆς πόλεως в публикуемой надписи особых сомнений не вызывает: это наместник Митридата в Ольвии и командуюший гарнизоном понтийских войск, расквартированных в городе. Полномочия Диогена как стратега определить сложнее, поскольку в надписи нет никаких указаний на то, какая территория была ему подвластна. Тем не менее эта территория должна была превышать владения собственно города. Это обстоятельство входит в противоречие с гипотезой Е.А. Молева о том, что после установления власти Митридата на Боспоре весь северопонтийский регион был превращен им в единую в административном отношении провинцию[15].

---

[9] См. A Lexicon of Greek Personal Names. V. I–III B. Oxf., 1987–2000.

[10] *Сапрыкин С.Ю.* Город и царская власть в Понтийском государстве Митридатидов // Античный мир. Византия. К 70-летию проф. В.И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 196.

[11] *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd 1–3. München, 1937, 1944, 1952; *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 184, 185, 190; *Сапрыкин С.Ю.* Структура земельных отношений в Понтийском царстве // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 89, 90, 94, 96; *он же.* Понтийское царство. М., 1996. С. 210, 211, 222, 224.

[12] В греческих городах птолемеевского Египта и заморских владениях Птолемеев: *Polyb.* 5. 39. 3; *Bengtson.* Op. cit. Bd 1. S. 192, 197, 235; Bd 3. S. 128–133, 148, 163–165; OGIS. II. № 735; SEG. XLVI. 1996. № 1737; RE. Hlbd 7. 1931. Sp. 247–249; *Mooren L.* The Aulic Titulature in Ptolemaic Egypt. Brussel, 1975. P. 199, 200, № 0360–0363, 0365, 0366; OGIS. № 102, 113, 134; SEG. XXX. 1980. № 1610, 1638; в Пергамском царстве: OGIS. № 483; SEG. XLIV. 1994. № 1108; SEG. XLVI. 1996. № 1434; *Климов О.Ю.* Полис в системе эллинистического государства. Л., 1982. С. 9; *он же.* Царские должностные лица в полисах Пергамского государства // Вестник ЛГУ. История. Язык. Литература. № 14. Вып. 3. 1982. С. 42–43; в Каппадокии: *Периханян А.Г.* Храмовые объединения Малой Армении. М., 1959. С. 56–57; *Сапрыкин.* Структура земельных отношений... С. 95; в эллинистическом мире в целом: *Jones A.H.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxf., 1940. P. 105; *Климов О.Ю.* Проблема взаимоотношений полиса и эллинистической монархии в зарубежной историографии. Мурманск, 1985 (рук. деп. в ИНИОН). С. 15.

[13] SEG. XLVI. 1996. № 1434, col. A; OGIS. № 254; *Cumont F.* Fouilles de Doura-Europos (1922–1923). P., 1926. P. 441. № 118; P. 450. № 134; *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 254; *Голубцова Е.С.* Полис и монархия в эпоху Селевкидов // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 84.

[14] SEG. XLIV. 1994. № 1108; XLVI. 1996. № 1434, col. B.

[15] *Молев Е.А.* Политическое положение Боспора в составе Понта // Из истории античного общества. Вып. 7. Нижний Новгород, 2001. С. 99.

Божеству посвящается вновь сооруженная (или, скорее, отремонтированная) куртина городской стены. При этом отметим, что термин σχοινιαία, использованный здесь, – это ольвийский вариант общегреческого слова σχοινιά. Аналогии известны только в ольвийских надписях эпохи эллинизма[16]. Надо полагать, что строительство куртины в данном случае велось силами понтийского гарнизона, поэтому особенно интересен факт использования локального ольвийского термина.

Посвящение куртины Матери богов вполне закономерно. Мать богов (Кибела) почиталась как покровительница городов, особенно в эпоху эллинизма[17]. Однако городские укрепления посвящались не только этому божеству. В той же Ольвии известна надпись II в. до н.э., где городская стена (τεῖχος) посвящена Плутону, Деметре, Коре и Демосу[18]. Вероятно, в данном случае Мать богов выбрана по той причине, что это божество было одинаково близко как воинам понтийского гарнизона, уроженцам разных областей Малой Азии – родины этого культа и целого ряда близких к нему культов женских божеств[19], так и жителям Ольвии, где культ Матери богов был известен с раннего времени и особого расцвета достиг в эпоху эллинизма[20]. Кроме того, именно в эпоху Митридата Евпатора в монетной чеканке Ольвии впервые появляется изображение Матери богов в corona muralis[21], что, на наш взгляд, можно связать с сооружением укреплений, посвященных этой богине.

Углубление на нижней поверхности публикуемого постамента (см. выше) свидетельствует, что он был установлен на какую-то плиту, при этом верхняя плоскость, судя по характеру обработки, видна не была. Окружность со свинцовой заливкой служила для установки скорее всего бронзового изваяния, но не исключено, что и мраморного. Вероятно, это была статуя Матери богов. Значительное количество мраморных и известняковых рельефов и скульптур богини эпохи эллинизма найдено в Ольвии[22]. Она обычно изображалась сидящей на троне с тимпаном и чашей в руках и львенком на коленях.

Публикуемая надпись – вторая в ольвийской эпиграфике, где фигурирует имя Митридата Евпатора. Первая – это декрет в честь амисенского кибернета (конец II – начало I в. до н.э.)[23], который относится к начальному периоду вхождения Ольвии в Понтийское царство. Этот декрет исходит от властей ольвийского полиса, а издаваемая надпись составлена от имени представителя Митридата в Ольвии и относится к финальному периоду взаимоотношений с понтийским царем.

---

[16] IOSPE. I². № 32, 180; *Виноградов*. Ук. соч. С. 257.

[17] *Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 147; *Богатова О.В.* Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности. СПб., 1998. С. 17–18.

[18] *Лейпунська Н.О.* Новий напис з Ольвії // Археологія. 1990. № 3. С. 117–122.

[19] RE. Bd XI, 2. 1922. Sp. 2283, 2287; *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 402, 403, 405; *Богатова*. Ук. соч. С. 12–15.

[20] *Русяева*. Ук. соч. С. 144–148.

[21] *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 104; *Русяева*. Ук. соч. С. 146–147; *Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 55. В.А. Анохин считает, что на монетах изображена богиня Тихе, но судя по тому, что на тех же монетах изображены тимпан и кроталы – это явно Кибела, как полагают П.О. Карышковский и А.С. Русяева.

[22] *Русяева*. Ук. соч. С. 146.

[23] IOSPE. I². № 35; *Виноградов*. Ук. соч. С. 251, 254; *Сапрыкин*. Понтийское царство. С. 139, 279; *Шелов Д.Б.* Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 40, 41.

Анализ декрета в честь уроженца Амиса, сына Филократа, кибернета, позволяет сделать вывод, что в Ольвию был прислан гарнизон, который составляли 'Αρμένιοι. Его оказалось недостаточно, и ольвиополиты вновь отправили послов. Вышеупомянутый кибернет в штормовую погоду привез в Ольвию пополнение из арменийцев, царское вспомоществование и послов, взятых на борт в Синопе. Ранее прибывшие «в наши места» и вновь водворяемые расположились совместным лагерем[24].

Сейчас общепризнанно, что 'Αρμένιοι – это жители Малой Армении, а не пригорода Синопы Армены, как предполагал С.А. Жебелев[25]. На основании того, что воины-арменийцы находились на полном царском обеспечении, Е.А. Молев считает, что это были кадровые воины-армяне, защищавшие город от варварских набегов, а не жители греческого города[26]. Он предполагает, что, скорее всего, для доставки воинов в Ольвию был использован обычный средний торговый корабль, который мог принять на борт не более 200 человек[27]. Они присоединились к уже посланным ранее. В целом следует признать, что количество это невелико.

Точная дата установления понтийского протектората над городом неизвестна и определяется исследователями по-разному: от последнего десятилетия II в. до н.э. до 95 г. до н.э.[28] Согласно данным нумизматики, обращение бронзовых монет городов Понта и Пафлагонии в Ольвии распределяется следующим образом: 120–111 гг. до н.э. – менее 1%, 111–105 гг. – около 60%, 105–90 гг. – более 35%, 90–80-е и 80–70-е годы – всего несколько экземпляров[29]. Заманчиво было бы связать наибольший приток понтийских монет в Ольвию со временем ее подчинения Митридату Евпатору. Однако вряд ли зависимость между этими явлениями была столь прямой. Наибольший приток монет мог быть вызван включением Ольвии в сферу экономического влияния Понта, которое предшествовало прямому подчинению города. Например, на Боспоре к концу II – началу I в. до н.э. относится около трети всего количества найденных понтийских монет, а к последним десятилетиям правления Митридата Евпатора – около двух третей[30], что, безусловно, отражает возросшую заинтересованность Понта в Боспоре, однако само по себе не свидетельствует об изменении его статуса.

В последнем десятилетии II в. до н.э. Ольвия находилась в глубоком экономическом и политическом кризисе. Сельские поселения ее округи прекращают существование вскоре после середины II в. до н.э.[31], и город фактически оказался без продовольственной базы. Постоянные набеги варваров заставили обратиться за помощью к понтийскому царю Митридату Евпатору. Но присланного гарнизона оказалось недостаточно и благодаря повторному по-

---

[24] Перевод надписи Ю.Г. Виноградова.

[25] *Жебелев С.А.* Ольвия и Мифрадат Евпатор // Северное Причерноморье. М.–Л., 1953. С. 281 сл.

[26] *Молев Е.А.* Малая Армения и Митридат Евпатор // Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV Международной конф. античников социалистических стран «Эйрене». I. Ереван, 1979. С. 189.

[27] *Он же.* Политическое положение Боспора... С. 99.

[28] Мнение М.И. Ростовцева, относившего первоначально это событие к последнему десятилетию правления Митридата VI Евпатора, давно опровергнуто, историографию вопроса см. *Виноградов.* Ук. соч. С. 251.

[29] *Карышковский.* Ук. соч. С. 103.

[30] Там же.

[31] *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 150.

сольству ольвиополитов численность гарнизона увеличилась и его обеспечение теперь осуществлялось Митридатом.

Усиленный таким образом гарнизон предпринял работы по укреплению оборонительных сооружений города, о чем и свидетельствует публикуемая надпись наместника Митридата Евпатора. Своими силами ольвиополиты, вероятно, сделать это уже не могли. Были разобраны полуразрушенные сооружения центрального теменоса Ольвии. Архитектурные детали, массивные постаменты статуй с посвящениями Аполлону Дельфинию, Зевсу Олимпийскому, Зевсу Элевтерию, Всем богам оказались вторично использованными для укрепления оборонительной стены на центральной возвышенности Ольвии[32]. Прекращение функционирования и частичное разрушение теменоса датируются второй половиной II в. до н.э.[33], однако разобран и использован при сооружении стены он был позднее, в первые два десятилетия I в. до н.э., точнее, до 77 г. до н.э.

Это следует из публикуемой надписи Диогена, представителя Митридата VI в Ольвии, обладавшего, по-видимому, обширными полномочиями, но какими – из надписи не совсем ясно, так же, как не ясно и то, какая территория была ему подвластна. Должность στρατηγὸς καὶ ἐπὶ τῆς πόλεως предполагала подчинение царю не только города, но и всей территории Ольвийского государства и, вероятно, свидетельствовала о наличии у Ольвии какой-то небольшой сельской округи. Из декрета в честь амисенского кибернета также не ясно, где конкретно размещался гарнизон понтийских войск: в самой ли Ольвии или в ее ближайших окрестностях. Что следует понимать под «нашими местами»? Можно полагать, что позднее появившийся в городе царский стратег имел резиденцию в Ольвии.

Каковы были взаимоотношения этого представителя царя с органами власти полиса, не ясно. Данные источников, в основном нумизматических, из Северного Причерноморья и в частности из Ольвии, свидетельствуют, что в 80-х–70-х годах до н.э. Митридат существенно ограничил суверенитет подвластных ему греческих полисов[34]. Это подтверждает и вновь найденная в Ольвии надпись. Если первый документ, связанный с Митридатом, – декрет в честь амисенского кибернета – издан от имени Совета и народа, то второй поставлен лично представителем Митридата VI и датирован временем правления царя. Более того, летосчисление ведется по понтийской эре, а не по именам ольвийских жрецов-эпонимов.

Время составления публикуемой надписи – канун Третьей войны Митридата с Римом, которая началась в 74 г. до н.э. Надо полагать, что усиление работоспособности Ольвии и строительство ее укреплений занимает свое, пусть и скромное, место в процессе подготовки к этой войне. По-видимому, Митридату было важно сохранить Ольвию как опорный пункт на побережье, связывающий подвластные ему греческие государства Крыма с западнопонтийскими греческими городами и Фракией, где влияние Митридата также зафиксировано источниками[35]. В Истрии недавно обнаружена надпись в честь представителя Митридата с титулом στρατηγὸς τῆς πόλεως несколько более раннего

[32] Подробнее см. *Русяєва А.С., Крапівіна В.В.* До історії Ольвії в IV–I ст. до н.е. // Археологія. 1992. № 4. С. 17–34.

[33] См. *Карасев А.Н.* Монументальные памятники Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.–Л., 1964. С. 46.

[34] *Шелов.* Ук. соч. С. 52–53; *Карышковский.* Ук. соч. С. 104–106; *Виноградов.* Ук. соч. С. 259.

[35] *Сапрыкин С.Ю.* Митридат Евпатор и Фракия // Болгарский ежегодник. Т. 1. Харьков, 1994. С. 14–30.

времени[36], чем публикуемая ольвийская надпись. Известно, что в ходе Третьей войны с Римом Митридат разрабатывал планы сухопутного похода в Италию из Северного Причерноморья через Фракию и Балканский полуостров.

Как считает Д.Б. Шелов, поражения войск Митридата от римлян в Малой Азии и Западном Причерноморье привели к тому, что его власть над Ольвией после 71–70 годов до н.э. вряд ли могла сохраняться[37]. Так что, по всей видимости, надпись простояла неповрежденной не более семи лет. То обстоятельство, что титул и имя Митридата были целенаправленно уничтожены (как видим, не полностью), позволяет говорить о негативном отношении к нему по крайней мере части ольвийского населения. Вероятно, это было вызвано ужесточением политики Митридата в отношении полиса и сокращением его свобод.

Однако ольвиополиты, постаравшись уничтожить память о ставшем им ненавистным понтийском царе, сохранили в целостности посвящение чтимому в их городе божеству вместе с именем царского наместника. В таком виде памятник стоял, вероятно, вплоть до нашествия гетов. В восстановленном после гетского разгрома городе память о Митридате Евпаторе никак не прослеживается, в отличие от Боспора, где закрепилась понтийская эра, именуемая применительно к этому государству «боспорской», а титулатура наместников боспорских царей в разных частях государства неизменно включает предлог ἐπί[38].

AN INSCRIPTION OF A GOVERNOR OF MITHRADATES VI EUPATOR FROM OLBIA

V. V. Krapivina, P. D. Diatroptov

A marble pedestal bearing an inscription was found in 2002 on the territory which belonged to Olbia in the Roman period. Its archaeological context is that of the 1st c. AD. The date indicated in the inscription is the year 220 of the Pontic era, i.e. 79/78 BC. at the beginning of the inscription the name and title of Mithradates VI Eupator, King of Pontus, can be restored, followed by a well-preserved text telling that Diogenes, son of Thyaias, strategos and governor of the city, dedicated a curtain of the city wall to the Mother of the Gods. Diogenes' official position implies that he was the king's governor of a vast territory, the borders of which are not known, and of the city itself. His father's name, Thyaias, being usual for Sinope, makes it probable that the governor came from that town. The inscription for the first time definitely shows that the Pontic garrison of Olbia took part in constructing and repairing the city fortifications. This fact proves a certain military and political importance of Olbia in Mithradates' Pontic power.

[36] SEG. XLVII. 1997. № 1125.
[37] *Шелов*. Ук. соч. С. 41.
[38] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 341.

Международный «круглый стол» «Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»

© 2005 г.

Г. Лопес Монтеагудо

ИСПАНО-РИМСКИЕ МОЗАИКИ НА МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В КОНТЕКСТЕ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ

Техника и искусство мозаики имеют в Испании длительную традицию[1], что доказывается находками в иберо-римском слое Кастуло (Андалузия) мозаичных покрытий, изготовленных из округлых по форме камешков (*pebble mosaic*) и находившихся в «местном контексте» VII–IV вв. до н.э., связанном с неохеттским и восточным компонентами. Пять полихромных медальонов эллинистического типа происходят из города Ампуриаса. Это маленькие по размерам *emblemata*, выполненные в мозаичной технике *opus vermiculatum*. В них воспроизведены «подарочные» сюжеты типа *xenia* (натюрморт, куропатка, схватка кальмара и лангусты), а также театральная маска и жертвоприношение Ифигении. Все они, вероятно, были привезены из Рима[2].

Техника *opus signinum* появилась еще в республиканскую эпоху на восточном побережье Испании и в долине Эбро, совпав с эпохой романизации Иберийского полуострова и достигнув, вслед за ней, Бетики и Лузитании, где также засвидетельствовано несколько случаев ее применения. Декоративный «репертуар» совпадает в общих чертах с *signinum* Италийского полуострова. Это меандры-свастики, окружности, составленные из ромбов, шестилепестковые розетты, *hederae*, пельты и дельфины, иногда сопровождаемые надписями на греческом и иберийском языках. Вотивная надпись в честь Эпирета Статора, содержащаяся на одной из мозаик типа signinum из Нового Карфагена, позволяет считать эту мозаику – несмотря на отсутствие на ней какого-либо мифологического

[1] Из исследований последнего времени см. *Ramallo Asensio S.* Talleres y escuelas musivas en la Península Ibérica // Mosaicos Romanos. Estudios sobre iconografía. Actas del Homenaje in Memoriam de Alberto Balil. Guadalajara, 1990. P. 135–180; *Guardia Pons M.* Los mosaicos en la Antigüedad Tardía en Hispania. Estudios de iconografía. Barcelona, 1992; *Durán M.* Iconografía de los Mosaicos Romanos en la Hispania alto-imperial. Barcelona, 1993; *San Nicolás Pedraz M.P.* El mosaico romano en Hispania / Ed. C. Guiral Pelegrín y M.P. San Nicolás Pedraz / Arqueología y Prehistoria. La pintura y el mosaico romanos en Hispania. Madrid, 1998. P. 55–88.

[2] *Balil A.* Arte helenístico en el Levante español // AEspA. 1961. 34. P. 41–52.

сюжета – наиболее древней в своем роде, поскольку она датируется концом II – началом I в. до н.э.[3]

В период ранней Империи (I–II вв. н.э.) получают распространение композиции в черно-белом цвете и технике *opus tessellatum*, находящиеся под весьма сильным влиянием искусства Италийского полуострова, в частности мозаик Остии, – это вполне объяснимый феномен, если принять во внимание те интенсивные торговые связи, которые метрополия поддерживала с испанскими провинциями. В первой половине II в. н.э. в Barcino (совр. Барселона) появились первые черно-белые сюжетные композиции с преобладанием морской тематики, которые в скором времени распространились по всему Иберийскому полуострову.

Мозаичные изображения с морской тематикой относятся к числу наиболее ранних мозаик в Испании, выполненных на мифологические сюжеты. Большое количество их находок и широкая география свидетельствуют о той популярности, которую они приобрели в Испании[4]. Наиболее ранними образцами этой группы являются мозаика с тритонами с площади Сан Мигеля (Барселона) и мозаика с Океаном из виллы Ирлеса (окрестности Эльче). Этими двумя мозаичными панно, выполненными в черно-белой технике, открывается в первой половине II в. н.э. серия изображений Океана и тритонов – двух тем, которые будут воспроизводиться до IV в., подтверждая таким образом факт продолжительности использования классической тематики (вплоть до эпохи поздней античности)[5]. На мозаике Сан Мигеля (Барселона), несомненно, служившей полом-покрытием фригидария одной из римских терм, тритоны с *buccina* и в сопровождении дельфинов расположены в строго геральдической позе, будучи помещенными в прямоугольных фризах, своими длинными сторонами ограничивавших центральную часть композиции с фигурой, вероятно, Океана или Нептуна. Вода изображена с помощью коротких горизонтальных и вертикальных штрихов, подобно тому как она воспроизведена на двух боковых, меньших по размерам фризах, декорированных фигурами морского конька, гиппокампа, сопровождаемого дельфинами. Тритоны, передние ноги которых похожи на конские (по этому признаку они могут быть ошибочно приняты за рыбо-кентавров), составляют одну из наиболее распространенных иконографических характеристик мира римских мозаик[6]. Этот тип изображений является результатом влияния мозаик из помпеянских терм или «репертуара» морского фиаса из Остии, бывших в большой моде начиная с эпохи Траяна и Антонинов (достаточно вспомнить образцы из терм Фьорано, близ Аппиевой дороги – находятся в Музее Ватикана), и Фалероне (хранятся в музее Анконы)[7]. Однако неподвижные позы фигур, изображенных на испанских экземплярах, их более грубая и

---

[3] *Gómez Pallares J.* Edición y comentario de las inscripciones sobre mosaico de Hispania. Inscripciones no cristianas. Roma, 1997. P. 110–113. Другой экземпляр, выполненный в технике *signinum*, происходящий из Нового Карфагена и датирующийся II в. н.э., содержит посвятительную надпись в честь Атаргатис. См. *Ramallo S.* Templos y santuarios en la Hispania republicana // Hispania Romana. Milán, 1997. P. 262–263. Fig. 5.

[4] *Torres Carro M.* Iconografía marina // Mosaicos Romanos. Estudios sobre iconografía (Actas del Homenaje in Memoriam de Alberto Balil). Guadalajara, 1990. P. 107 sqq.

[5] *Neira Jiménez M.L.* Representaciones de nereidas. La pervivencia de algunas series tipológicas en los mosaicos romanos de la Antigüedad Tardía // La Tradición en la Antigüedad Tardía. Antigüedad y Cristianismo. XIV. Murcia, 1997. P. 363 sqq.

[6] *Barral y Altet X.* Les mosaïques romaines et médiévales de la Regio Laietana. Barcelona, 1978. P. 43; *Neira Jiménez M.L.* Mosaicos romanos con nereidas y tritones en ambientes termales de Hispania // Termalismo antiguo. I Congreso Peninsular. Actas. Madrid, 1997. P. 481 sqq.

[7] *Blake E.* Roman Mosaics of the Second Century // MAAR. XIII. Roma, 1936. Láms. 35, *1*; 37, *3*.

Рис. 1. Мозаика с Нептуном из Италики (пров. Севилья), in situ. Фото автора

схематичная – по сравнению с италийскими изделиями этого же времени – работа указывают на происхождение этих мозаик из одной из провинциальных мастерских.

Другие морские персонажи так же скоро получили распространение в мозаичном искусстве Испании – это прежде всего Нептун и нереиды. Нептун представлен в качестве центральной фигуры и в окружении тритонов на мозаике со сценой Триумфа из дома Нептуна (Италика) (см. ниже), а также на мозаике из Мериды[8]. Оба экземпляра позволяют говорить об отходе от жесткого схематизма, характерного для мозаики из Барселоны, и о близости к хорошо продуманным композициям, таким, как мозаики из Терм Нептуна в Остии и других италийских центров эпохи Антонинов. Использование бихромного мозаичного стиля продолжалось в Испании до начала III в. н.э., и одним из наиболее значительных примеров служит мозаика с Нептуном из виллы Салюд (Сабадель), которая демонстрирует иконографию, довольно сильно отличающуюся от традиционной. Нептун представлен в фас, он стоит рядом с тритонессой, поддерживая правой рукой дельфина, и с трезубцем в левой руке. Это изображение имеет аналогии в мозаиках Остии, следовавших тому типу, который использовался в портовой скульптуре греческого и эллинистического времени[9].

В Бетике традиция черно-белой мозаики пустила глубокие корни особенно во II в. н.э., добавив в качестве отличительной характеристики по сравнению с италийскими прототипами несколько полихромных «мазков». Первым примером использования этой новой техники, в которой комбинируются традиции бихромии и полихромии, служит мозаика с Нептуном из Италики (рис. 1). На

[8] *Blanco Freijeiro A.* Mosaicos romanos de Mérida // CMRE. I. Madrid, 1978. P. 29–30. Láms. 8–10.
[9] *Becatti G.* Scavi di Ostia IV. Roma, 1961. Láms. CLXI, CLXXII.

ней фигура божества, занимающего центральное место в композиции и сотрясающего своим трезубцем колесницу, влекомую морскими конями, исполнена в полихромной технике. Этим способом божество выделено среди других морских персонажей – тритонов, дельфинов, рыб и монстров, а все вместе они образуют единую композицию, включая также и обрамление, выполненное в стиле нильского пейзажа, прочно ассоциируемого с божеством Нилом[10]. Эта единая композиция, которая следует примеру остийских мозаик (см., например, мозаики из терм Нептуна из Чизиари и Бутикоза, особенно это касается фигур тритонов и Нептуна, чей образ, в свою очередь, имеет также близкие параллели в мозаиках Ризаро и Палермо), обрамлена каймой, исполненной в эллинистической традиции и включающей элементы нильского пейзажа. Это обрамление обнаружено также на мозаике из Дома Экседры (Италика). Тема с Нептуном была очень популярной в остийском ареале, а в городе Траяна она исполнена в наиболее чистой мозаичной традиции Италии[11].

В Бетике, а вслед за ней в Лузитании получил распространение тот художественный прием, который впоследствии станет характерным для всего испано-римского мозаичного искусства и выделит его из остальных провинций Империи. Имеется в виду включение полихромных тем в черно-белую бихромную мозаику, как это иллюстрируют некоторые экземпляры с так называемой компасной композицией («esquema á compás»), т.е. с расположением элементов композиции как бы следуя стрелке компаса (см. ниже), а также мозаики геометрического стиля из южных зон Пиренейского полуострова. Эти последние демонстрируют заметную композиционную близость к италийским прототипам, но в то же время отличаются от них значительной перегруженностью, являясь такими бихромными геометрическими композициями, которые составлены на основе комбинирования восьмиромбовых звезд, внутри которых иногда помещены полихромные, обычно небольшие по размерам сюжетные сцены. Примеры использования этой новой изобразительной техники предоставляют мозаики с Медузой из Марбельи, Италики, Кармоны и Кордобы; мозаики с Вакхом и Ганимедом из Италики; полихромные эмблемы из *Colonia Patricia Corduba*, на которых Пегас и Эрос в паре с Психеей включены в ортогональную композицию, состоящую из сегментированных окружностей, образованных четырехлепестковыми цветами. Этот композиционный прием часто встречается в столице Бетики и прилегающих к ней зонах в эпоху между первой половиной II – концом III в. н.э.[12] В этой же художественной технике выложена мозаика со сценой похищения Европы из Augusta Emerita (пров. Бадахос)[13].

В мозаике со сценой похищения Европы, хранящейся в Музее римского искусства Мериды (рис. 2), поверхность панно разделена на две бихромные секции. Порог прямоугольной формы, представляет собой большой квадрат, образованный группой малых квадратов, соприкасающихся между собой с помощью двуцветных, черно-белых крестов, они парные и зеркально расположены по отношению друг к другу. Техника, условно говоря, двухцветной «шахматной доски» была впервые засвидетельствована на рынках эпохи Траяна и с тех пор

---

[10] *Blanco A., Luzón J.M.* El mosaico de Neptuno en Itálica. Sevilla, 1974.

[11] *Becatti G.* Alcune caratteristiche del mosaico bianco-nero in Italia // CMGR. I. P., 1965. P. 15 sqq.

[12] *Blanco Freijeiro A.* Mosaicos romanos de Itálica // CMRE. II. Madrid, 1978. P. 26–29, 34–35. № 2, 4, 9. Lams. 8–10, 14, 28; *Blázquez J.M.* Mosaicos romanos de Córdoba, Jaén y Málaga // CMRE. III. Madrid, 1981. P. 25–26, 33–35, 50, 102. № 5, 15, 17, 56. Fig. 9. Láms. 7, 19, 67, 83; *idem.* Mosaicos romanos de Sevilla, Granada, Cádiz y Murcia // CMRE. IV. Madrid, 1982. P. 31–34. № 15. Lám. 11.

[13] *Blanco Freijeiro A.* Mosaicos romanos de Mérida // CMRE. I. Madrid, 1978. P. 28. № 4. Láms. 5, 99.

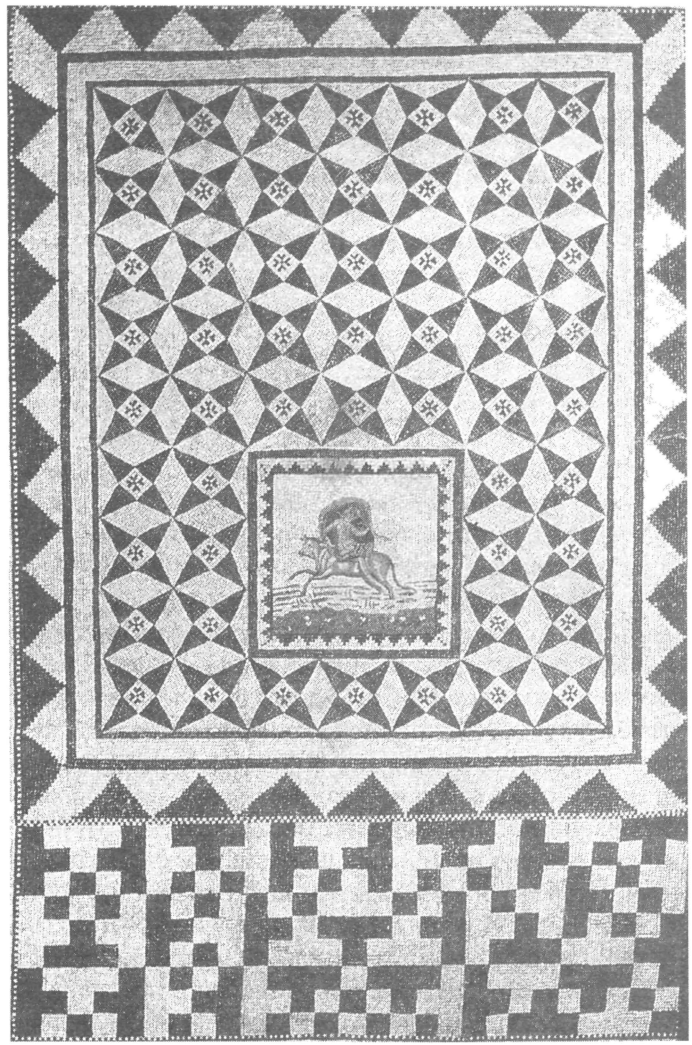


Рис. 2. Мозаика со сценой похищения Европы, из Августы Эмериты (пров. Бадахос). Национальный музей римского искусства Мериды. Фотография музея

довольно часто воспроизводилась в Италии, как об этом можно судить, например, по мозаикам из *insula delle volte dipinte* (Остия)[14]. Другая часть мозаики из Мериды образована ортогональной композицией, которая состоит из четырехугольных звезд, окрашенных в черный цвет и в своей внутренней части содержащих квадраты. Эти квадраты помещены в верхнем ярусе композиции и образованы горизонтальными и вертикальными ромбами, на белом фоне которых видны восьмиугольники, расположенные «секансно» и «тангенсно» по отношению друг к другу. В полихромном медальоне, смещенном по отношению к центру рассматриваемого сегмента мозаики, но занимающем серединное место во всей мозаичной композиции, изображено (в весьма строгой, сдержанной манере) начало морского путешествия, последовавшего непосредст-

[14] *Blake E.* The Pavements of the Roman Buildings of the Republic and Early Empire // MAAR. VIII. Roma, 1930. P. 79. Lám. 8, *4*; *Becatti.* Scavi di Ostia. IV. № 132, 173, 325. Figs. 20, 31. Lám. XXXVI.

венно за похищением Европы. На такую последовательность указывает, прежде всего, фрагмент цветущей лужайки, помещенной в медальоне. Иконографический канон мозаики из Мериды (царевна одной рукой держится за рог быка, а другой поддерживает накидку, раздуваемую ветром над головой), композиция которого навеяна рассказами Лукиана из Самосаты (Dial. mar. XV) и Мосха (II. 125 sqq.), воспроизводится также в италийских мозаичных медальонах начала II в. н. э. типа Тиволи и Детское Село (хранятся в Риме), на монетах из Сидона и Крита эпохи Траяна и особенно часто на светильниках типа VII B из Денева, происходящих из Северной Африки и датирующихся I–III вв. н.э. Художественная манера изображения быка, напористо галопирующего над водной поверхностью и не касающегося ее, относится к разряду наиболее часто встречающихся, и восходит к помпеянскому стилю-II. Она оформляется в качестве канонической не ранее начала II в. н.э.[15]

Другими примерами этого симбиоза, сочетающими черно-белое поле-фон и небольшие полихромные медальоны, служат мозаики из Тарраконской провинции – «Наказание Дирки» из Сагунта, «Три Грации» из Барселоны и «Рождение Венеры» из римской виллы Ла Кинтилья (Мурсия). Мозаика со сценой наказания Дирки – это самая древняя римская мозаика из *conventus tarraconensis*, выполненная на мифологические и аллегорические темы. Основу орнамента мозаичного панно составляет четырехугольник из полос черного и белого цветов. В него помещены небольшой полихромный медальон прямоугольной формы с мифологическим сюжетом и четыре ромба, тоже полихромных, со вписанными в них фигурами трех сатиров и менады. Каждая из фигур сопровождена атрибутикой, соответствующей четырем временам года, а то и другое, вместе взятое, придает основной сцене дионисийский характер[16]. Дирка лежит на полу в позе просительницы и через миг она окажется привязанной к быку братьями-близнецами Амфионом и Зефом. Близкие параллели этой сцены содержатся на мозаиках Аквинкума и Аданы, посвященных этой же теме и датирующихся второй половиной II в. н.э., а также на мозаиках Полы конца III–начала IV в.[17] Прототипом композиции послужила знаменитая группа Фарнезийского быка середины II в. н.э.; свое дальнейшее развитие этот прототип получил, кстати говоря, в помпеянской живописи из Дома Ветиев (стиль-IV), в геммах, на монетах и в светильнике из Суса, который хранится в Музее Эль Бардо[18].

Полихромный медальон мозаики «Три Грации» из Барселоны, подобно мозаикам из Кордобы, может быть включен в число больших бихромных композиций, которые строятся на секансных окружностях, образуемых четырехлепестковыми цветами. Грации представлены обнаженными и танцующими, обнявшись, что обязывало изобразить центральную фигуру спиной к зрителю. Прототип встречается в живописи, скульптуре и рельефах эпохи эллиниз-

[15] *López Monteagudo G., San Nicolás Pedraz M.P.* La iconografía del Rapto de Europa en el Mediterráneo Occidental. A propósito de una lucerna del Museo de Sassari // L'Africa Romana. VIII (Cagliari, Cerdeña 1990). Sassari, 1991. P. 1005–1018; *eaedem.* El mito de Europa en los mosaicos hispano-romanos. Análisis iconográfico e interpretativo // Espacio, Tiempo y Forma. Serie II. Historia Antigua. 1995. 8. P. 381 sqq.; *eaedem.* Astarté-Europa en la Península Ibérica. Un ejemplo de *interpretatio* romana // Homenaje al Profesor Manuel Fernández-Miranda. Complutum. V. I (Extra 6). Madrid, 1996. P. 451–470.

[16] *Balil A.* Mosaico de «El suplicio de Dirce» hallado en Sagunto // Zephyrus. 1978. 28–29. P. 265 sqq.

[17] *Mano-Zissi D.* La question des différentes écoles de mosaïques gréco-romaines de Yougoslavie et essi d'une esquisse de leur évolution // CMGR. 1965. I. P. 287–294. Fig. 14; *Kiss A.* Mosaïques de Pannonie // CMGR. 1965. I. P. 297–303. Fig. 9; *Budde L.* Antike Mosaiken in Kilikien. 1972. II. P. 25–27. Fig. 31; LIMC. «Dirke». P. 638–639.

[18] LIMC III. «Dirke». Láms. 7, 27, 29, 30, 34–38.

ма, и вполне возможно, что источником вдохновения мастера для создания этой новой иконографии послужила эллинистическая лирика, в частности произведения Сервия (Serv. ad Aen. I. 720). Тема Трех Граций из Барселоны, засвидетельствованная также в испанской мозаике кордовской виллы Фуэнте Аламо эпохи Поздней империи[19], восходит к художественной традиции Помпей и отличается от варианта ее трактовки в мозаичных композициях Северной Африки и Востока. Как считает А. Балиль, медальон мозаики воспринимается как исполненный в типично живописном художественном стиле, что укрепляет идею о тесном взаимодействии обеих техник – мозаичной и живописной. Мозаика датируется концом II в. н.э., а более поздняя хронология (конец III – начало IV в.), которая ей также приписывается, указывает лишь на продолжительность использования этого художественного приема[20].

Мозаика «Рождение Венеры», происходящая из римской виллы Лос Сипресес (Ла Кинтилья, пров. Мурсия), представляет собой вариант так называемой компасной композиции (см. ниже). В центральном круге изображен сюжет с Венерой, возлежащей на раковине, которую поддерживают два тритона – старый и молодой. Богиня находится в компании двух эротов, которые держат над ее головой развевающуюся накидку. По углам помещены четыре женских бюста как персонификации четырех времен года. По мнению С. Рамальо, стилистика этой мозаики является италийской по своим корням, но она подверглась, вероятно, также африканским влияниям, и этот симбиоз двух художественных направлений был по-своему осмыслен неким испанским мастером-мозаичистом или какой-либо художественной мастерской полуострова[21].

А. Гарсия-и-Бельидо уже в 1960-х годах высказал догадку о том, что композиция в стиле «a compás» принадлежала к разряду наиболее предпочтительных в испано-римском искусстве, вне зависимости от его географии и хронологии[22]. Эта композиционная схема (изображение в центральной части квадратного панно круга, оконтуренного по сторонам света четырьмя полукружиями, а по углам – четырьмя четвертями окружности) была заимствована из архитектурного стиля, использовавшегося для украшения сводов: ячеистая структура поверхности этих сводов была перенесена на мозаичное панно. Эта техника засвидетельствована с ранних времен на Апеннинском полуострове в бихромном «дизайне» Помпей, Остии и Лучеры[23], оттуда она широко распространилась в западной части Империи и этот же шаблон был хорошо известен в мозаичном искусстве Греции – достаточно назвать мозаики Коса, Корони, Спарты и Кносса[24]. В Испании она использовалась с начала II в. н.э. в мозаиках, выполненных в подражание италийскому художественному стилю. На этих мозаиках изображены геометрические фигуры, растительные орнаменты и ракушечные (Клу-

---

[19] *López Monteagudo G. et alii.* El simbolismo del matrimonio en el mosaico de Fuente Alamo (Puente Genil, Córdoba) y otros mosaicos hispanos inéditos // Latomus. 1988. XLVII. 4. P. 785–816.

[20] *Balil A.* El mosaico de «Las Tres Gracias de Barcelona» // AEspA. 1958. 36. P. 63–95; *Barral y Altet X.* Les mosaïques romaines et médiévales de la Regio Laietana. Barcelona, 1978. P. 44–47. Láms. XV–XVIII, *1*.

[21] *Ramallo S.* Mosaicos romanos de Cartago Nova (Hispania Citerior). Murcia, 1985. P. 95–99. Fig. 17.

[22] *García y Bellido A.* Los mosaicos romanos de la Plaza de la Corredera en Córdoba // BRAH. Madrid, 1965. 165. P. 183–196; *Fernández Galiano D.* Mosaicos hispanos de esquema a compás. Guadalajara, 1980.

[23] *Blake E.* The pavements of the Roman Buildings of the Republic and Early Empire // MAAR. VIII. Roma, 1930. Lám. 22, *4*; *idem.* Roman Mosaics of the Second Century // MAAR. XIII. Roma, 1936. Lám. 33, *1*; *Becatti G.* Scavi di Ostia. IV. Lám. CCXXIV.

[24] *De Matteis L.* I mosaici romani dell'area delle Terme occidentali // CMGR. VII. Túnez, 1999. P. 62. Nota 21. Lám. IX, *1*.

Рис. 3. Мозаика на тему Метаморфоз Овидия из Карранке (пров. Толедо). Археологический музей Толедо

ния и Уксама) мотивы, а также сюжетные композиции. Первоначально использовалась черно-белая гамма, но постепенно она переросла в подлинную полихромию, представленную, например, на относительно поздней по времени изготовления мозаике из Карранке, композиция которой навеяна Метаморфозами Овидия[25] (рис. 3). Частота использования компасной композиции на мозаиках Бетики (почти всегда в дионисийском или морском контексте – имеются в виду мозаики с Волчицей и Близнецами из Альколеи, с Похищением Ганимеда из Италики, с Похищением Европы из Эсихи, с Океаном из Касариче, с Медузой из Марбельи и ее окрестностей, с Волчицей и Близнецами из Вильякаррильо, с эротами из Хаэна, с птицами из Писсоэса, с Селевком и Антом из Мериды) наводит на мысль, как и в случае с октогональной композицией (см. ниже), о том, что все эти мозаики происходят из одной из бетийских мастерских[26].

Полихромная техника, заимствованная, как уже было указано, из эллинистического мозаичного искусства, появилась в Испании довольно рано. Мы уже упоминали медальон с Жертвоприношением Ифигении из Ампуриаса, который датируется I в. до н.э. – I в. н.э. Высоко художественный стиль этой небольшой мозаичной картины (размеры: 0.55 × 0.60 м; в ней уже использован стиль «ombra portata»), ощущение глубины в способе изображения пола и применение четырехцветия, – все это отражает греческий художественный стандарт середины IV в. до н.э. типа того, который характерен полотну Тиманфа[27]. К мозаике из

[25] *Arce J.* Mosaico de «Las Metamorfosis» de Carranque (Toledo) // MM. 1986. 27. P. 365–374.

[26] Ср. *Blázquez.* Mosaicos romanos de Córdoba, Jaén y Málaga. № 23, 39, 52, 56; *Blázquez J.M. et alii.* Hallazgos de mosaicos romanos en Hispania (1977–1987) // Espacio, Tiempo y Forma. 1993. II. 6. P. 221–296. Figs. 27, 40; *López Monteagudo, San Nicolás Pedraz.* El mito de Europa en los mosaicos hispano-romanos. P. 383–438.

[27] *Elvira M.A.* Sobre el original griego de un mosaico emporitano // AEspA. 1981. 54. P. 3–25; *López Monteagudo G.* Narciso y otras imágenes reflejadas en la musivaria romana // CMGR. IX. Roma, 2001 (в печати).

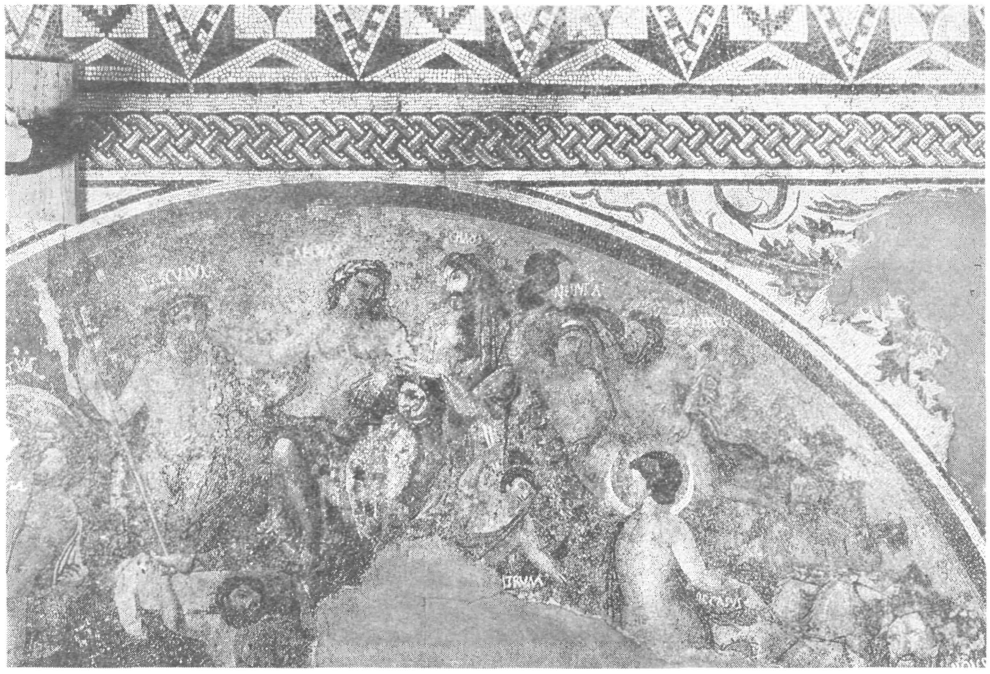


Рис. 4. Мозаика на космогонические сюжеты из Августы Эмериты (пров. Бадахос). In situ. Фотография любезно предоставлена П. Матеос

Ампуриаса следует добавить небольшие настенные мозаичные медальоны (размеры: 0.30 × 0.30 м), выполненные в технике *opus vermiculatum*, происходящие из римской виллы Элс Мунтс (пров. Таррагона), датирующиеся третьей четвертью II в. н.э. и содержащие изображения Муз и, возможно, Аполлона[28]. В этом же стиле выложена и знаменитая мозаика на космогонические сюжеты из Мериды[29].

Эта эмеританская мозаика является уникальной в римском мозаичном искусстве не только в силу использования в ней глубоко философских и космогонических мотивов (изображение трехмерного мира, моря, земли и воздуха, что привело к митраистской интерпретации этого мозаичного сюжета), но и по изяществу исполнения, переданному благодаря применению кубиков из стекла и золота (рис. 4). Вне всякого сомнения, речь идет о наиболее художественном произведении из общего числа мозаик, найденных в Испании и, возможно, что он является произведением мастера – уроженца Востока, предположительно Александрии Египетской. Изобразительный стиль допускает датировку этого шедевра эпохой Антонинов. На мозаичном панно абсидальной формы изображено большое количество фигур, идентифицирующихся по их именам и возглавляемых персонификацей Эона. Занимая центральную часть мозаики, он поддерживает зодиачный круг, по которому в сопровождении *Karpoi* перемещаются времена года. Эона окружают Природа, Вечность, колесницы Солнца (Восхода) и Луны (Заката), имеющие очень близкие параллели в ливийской

[28] *Durán M.* Nuevos mosaicos de la villa dels Munts en Altafulla, Tarragona. Apreciaciones iconográficas // Monte Catano. 2000. 3. P. 33–51.

[29] *López Monteagudo G., Blázquez J.M.* Representaciones del tiempo en los mosaicos romanos de Hispania y del Norte de Africa // Anas. 2000. 13. P. 135–153.

мозаике с Эоном из Силина (Триполитания)[30]. В нижней части изображены персонификации вод – Океан, Нил, Евфрат, Оронт (?), Понт, Фарос, Портос, Навигия, Копии и Покой. В верхней части мозаики воспроизведены Небо во всем своем могуществе (Туча, Туман, Полюс, Гром, Гора и Снег) и четыре главные ветра (Нот, Эвр, Бор и Зефир). Хаос находится в компании Космоса и золотого века, которых символизируют *Caelum* и *Saeculum*, а его трон поддерживается Эфиром. Для А. Альфельди мозаика из Мериды – это вариант рационального, научного изображения мира в сочетании с утопией о его циклическом обновлении и о Золотом Веке. По мнению этой исследовательницы, мозаика является копией одной из эллинистических картин из птолемеевской Александрии, которая воскрешает основную идею золотого века – мира и процветания под всемогущим воздействием сил космоса[31]. К.М.Д. Данбэбин полагает, что мозаика из Мериды принадлежит к художественной традиции, характеризовавшейся расположением фигур во взаимосвязанных пространствах, как это было свойственно, в частности, мозаикам Востока I–II вв. н.э., также следующим живописным моделям, хотя и не относящимся к категории столь сложных по своей композиции, как эмеританская. Автор допускает, что мозаика из Мериды могла быть выполнена сирийским мастером, так как в провинции Сирия найдена большая группа мозаик-картин этого времени – достаточно упомянуть мозаику с Эоном из Шабы-Филиппополя, которая хранится в Музее Дамаска. Этот сирийский мозаичист должен был работать в Испании, о чем свидетельствует использование в его произведении кубиков, изготовленных из местных материалов. К.М.Д. Данбэбин считает возможным вписать эмеританский сюжет, без конкретизации его смысла, во взятый в широком контексте религиозный и философский мир древних[32].

Другие испанские мозаики, которые свидетельствуют о широком распространении полихромии в раннюю эпоху, – это мозаичные панно «Любовные услады» Зевса из Италики (первая половина II в. н.э.) и «Полифем и Галатея» из Кордобы 200-х годов нашей эры. Первое, хранящееся во Дворце графини де Лебриха (Италика), имеет площадью 50 м^2 и является одним из самых прекрасных мозаичных панно Италики не только по своей художественной ценности, но и по тематике. Мозаика демонстрирует образец использования интересной композиционной схемы – квадрат, составленный из девяти больших и восьми малых тангенсно расположенных окружностей, окаймленных двухрядовым плетением-«косой», образующим четыре неправильных по форме, вогнутых прямоугольника[33]. Центральный медальон содержит бюст мужчины, играющего на свирели, которого можно идентифицировать с Аргосом либо с Паном, Аполлоном или Полифемом. В четырех медальонах, расположенных по углам композиции, изображены Времена года. Другие четыре окружности, помещенные в центральной части каждой из сторон композиции, декорированы сценами на мифологические сюжеты, извлеченными из цикла любовных похождений

[30] *Mahjub O. Al.* I mosaici della villa romana di Silin // CIMA. III. Ravenna, 1983. P. 299 sqq.
[31] *Alföldi A.* Aion in Merida und Aphrodisias // MB. 6. Mainz, 1968.
[32] *Dunbabin K.M.D.* Mosaics of the Greek and Roman World. Cambr., 1999. P. 147–150.
[33] Kreissystem IVb, cp. *Salies G.* Untersuchungen zu den geometrischen Gliederungschemata römischer Mosaiken // Bönner Jahrbücher. 1974. 174. S. 1–178. Эта же схема характерна и для другой мозаики из Италики, так называемой мозаики с Галатеей. Она датируется III в. н.э. Ср. *Blanco A.* Mosaicos romanos de Itálica // CMRE. II. Madrid, 1978. P. 54–55. № 42. Lám. 77; *San Nicólas Pedraz M.P.* Sobre el mosaico perdido de Galatea, Itálica (Sevilla) // Arte, Sociedad, Economía y Religión durante el Bajo Imperio y Antigüedad Tardía. Estudios en Homenaje al Prof. Blázquez, Antigüedad y Cristianismo. VIII. Murcia, 1991. P. 531–540.

Юпитера – Леда и Лебедь; Ганимед, предлагающий чашу с ее содержимым орлу Зевса; Даная под золотым дождем и, наконец, корова Ио с изображением месяца на животе. Центральные восьмиугольники содержат другие темы того же Юпитерова репертуара: Европа и бык; Аркад и Каллисто, обращенная в медведицу; сатир, преследующий Анфиопу. Четвертый по счету восьмиугольник украшен аллегорическим образом реки Асоп, дочь которого, Эгина, была похищена Зевсом[34]. Считается, что стиль этой мозаики, как и других мозаичных панно Италики («Рождение Венеры» и «Звездочет»), является более ориентальным, нежели италийским; он, безусловно, появился в Испании через Проконсульскую Африку.

На мозаике с Полифемом и Галатеей, открытой в *Colonia Patricia Corduba* и хранящейся в Алькасаре Христианских Королей андалузской столицы, на фоне реалистичного пейзажа изображена Галатея. Она сидит на причудливо изогнутой спине морского чудовища-*kethos*, который с откровенным вызовом смотрит на гиганта Полифема, сидящего справа. А. Бланко считает, что сюжет кордобской мозаики навеян эллинистической поэзией Диона, Каллимаха, Феокрита – они, подобно Овидию в «Метаморфозах» (Ovid. XIII. 789 sqq.), – очеловечивают в своих произведениях киклопа – пожирателя людей, описанного Гомером (Od. IX. 338 sqq.). С художественной точки зрения способ моделирования фигур отражает живописную манеру оставшегося неизвестным эллинистического оригинала[35].

С III в. н.э. в Испании получают распространение полихромные мозаики на такие мифологические темы, которые на протяжении императорской эпохи сформировали значительный каталог как по количеству образцов, так и по разнообразию композиционных схем. Предпочтительными стали вакхические и гомеровские сюжеты, а также связанные с группой морских божеств, временами года, Музами, похищением Европы, с Орфеем и Венерой. Из-за невозможности остановиться отдельно на каждой из мозаик выделим лишь те, которые в провинциальном искусстве заслуживают специального внимания как отличающиеся по трактовке сюжета от аналогичных мозаик других регионов Империи и как образующие своего рода *hapax* в испанском мозаичном искусстве.

Некоторые из вышеназванных тем засвидетельствованы пока что лишь однократно, как, например, «Жертвоприношение Ифигении» из Ампуриаса. К ним следует добавить также мозаики с изображениями Ахелоя из Осуны (экземпляр утерян), суда Париса из Касариче (Севилья), Приапа из Ла Бобадилья (Малага), свадьбы Кадма и Гармонии из Асуары (Сарагоса), Дедала и Пасифаи (эта мозаика недавно открыта в Люго (Галисия), Актеона и Ипполита из Конимбриги и Улисса с Сиренами из Амейксоала (обе из Португалии), поиска Ариадны Дионисом (из Мериды), пар «Посейдон–Амимона» и «Пирам–Фисба» из Карранке (Толедо), Мелеагра и Аталанты из Карденьяхимено (Бургос), Тезея и Ариадны из Белль-Льока (Жирона). Другие темы повторяются в различных вариациях, как, например, в случае с Венерой или с уже названными Полифемом и Галатеей из Кордобы. В Illici (Севилья) этот последний сюжет

[34] Ср. *López Monteagudo, San Nicolás Pedraz*. El mito de Europa en los mosaicos hispano-romanos. P. 391–394. Fig. 8; *López Monteagudo G*. El mito de Perseo en la musivaria romana. Particularidades hispanas // Espacio, Tiempo y Forma. II. Historia Antigua. 1998. 11. P. 435–491; *San Nicolás Pedraz M.P*. Leda y el cisne en los mosaicos romanos // Espacio, Tiempo y Forma. I. Prehistoria y Arqueología. 1999. 12. P. 347–387; *eadem*. Los amores de Zeus en los mosaicos hispano-romanos // Anales de Arqueología Cordobesa (в печати).

[35] *Blanco A*. Polifemo y Galatea // AEspA. 1959. 32. P. 174 sqq.; *Blázquez J.M*. Mosaicos romanos de Córdoba, Jaén y Málaga. P. 13–17. №1. Figs. 1–2. Láms. 12, 81.

редуцирован до изображения фигуры нереиды, а в Tarraco (Таррагона) воспроизведен эпизод с Полифемом и Улиссом. Из других мифологических сюжетов следует упомянуть «Наказание Дирки» на мозаиках из Сагунта и Эсихи; повествование об Амфиопе, развернутое на трех картинах мозаики с изображением свадьбы Кадма и Гармонии (Асуара, пров. Сарагоса); подвиги Персея (из Коимбры и Таррагоны); любовные утехи Зевса[36]. Эпизоды последней из указанных тем воспроизводятся как самостоятельно («Похищение Европы» из Италики, Мериды и Эсихи, «Похищение Ганимеда» из Италики, Эсихи и Кинтанильи де ла Куэса; «Леда и лебедь» из Кинтанильи де ла Куэса, Комплутума и Карранке), так и «в ансамбле» (мозаики из Италики, Фернана Нуньеса). Последний вариант характерен и для других регионов Империи: вспомним италийскую мозаику из Баккано, африканскую из Эль Джема и – уже на Востоке – мозаику со сценой охоты Менандра из Антиохии[37].

Сюжеты с изображением Венеры в испано-римском мозаичном искусстве хотя и немногочисленны – приблизительно 15 экземпляров, но очень интересны по своему многообразию[38]. Однако среди них отсутствует сюжет «Туалет Венеры», столь частый особенно в мозаиках Северной Африки; это, несомненно, объясняется тем, что в испанских изображениях Венеры просматривается восточное влияние эллинистического происхождения. М.П. Сан Николас указывает, что в испанских мозаиках часто воспроизводится иконографический тип Венеры, который и по атрибутам богини – копьевидный скипетр, *flabellum*, яблоко, конусовидный по форме цветок, гранат и т.д., и по ее обнаженности – может быть прямым образом связан с греческой Афродитой, что подчеркивает эротизм Венеры как богини любви. Изображение этой богини впервые появляется на Иберийском полуострове во II в. н.э. на мозаике «Рождение Венеры» из Картамы (Малага) и воспроизводится, как и весь сюжет, на мозаике из Италики и на уже упоминавшейся мозаике из Кинтильи (Лорка, Мурсия). Прототип встречается в росписях и настенных мозаиках Помпей I в. н.э., хотя параллели испанских мозаик встречаются в Северной Африке, где тема рождения Венеры имела весьма большое распространение, а также на эллинистическом Востоке. Малагская мозаика (рис. 5) характеризуется также интересной радиальной композицией, базирующейся на центральном восьмиугольнике, которая, хотя и не будучи исключительно испанской, поскольку засвидетельствована и в других регионах Империи, тем не менее является уникальной для наиболее восточной части Бетики и ареала, прилегающего к Мериде. Собственно схема документируется четырьмя кордобскими мозаиками – «Триумф Вакха» из Алькобеи, Кордоба (см. ниже), фрагментированная мозаика из серии «Времена года», экземпляры с изображением вакхического сюжета из Коллекции Крус Кондэ и Океана из *colonia Patricia*, а также мозаикой с Вакхом из Италики и Медузой Горгоной из Мериды. Все памятники датируются второй половиной II – началом III в.[39]

---

[36] *Blázquez J.M. et alii.* La mitología en los mosaicos hispano-romanos // AEspA. 1986. 59. P. 101–133; *Royo Guillen J.I.* La villa tardorromana de «La Malena» en Azuara y el mosaico de las Bodas de Cadmo y Harmonia // JRA 1992. 5. P. 148–161; *López Monteagudo G. et alii.* Recientes hallazgos de mosaicos romanos figurados en Hispania // CMGR. VII. Túnez, 1999. P. 509–542.

[37] *López Monteagudo, San Nicolás Pedraz.* El mito de Europa en los mosaicos hispano-romanos. P. 391–394. Fig. 8; *San Nicolás Pedraz.* Leda y el cisne en los mosaicos romanos. P. 347 sqq.

[38] *San Nicolás Pedraz M.P.* La iconografía de Venus en los mosaicos hispanos // CIMA. VI. Guadalajara, 1994. P. 393–406.

[39] Ср. *García y Bellido A.* Los mosaicos romanos de la Plaza de la Corredera en Córdoba // BRAH. Madrid, 1965. 156. P. 183–196; *López Monteagudo G.* El mosaico de las Estaciones de Córdoba // Trabajos de Prehistoria. 1991. 48. P. 365–372; *eadem.* El impacto del comercio marítimo en tres ciudades del interior de la Bética, a través de los mosaicos // L'Africa Romana. XIV (Sassari, 2000). Roma, 2002. P. 595–626.

Рис. 5. Мозаика на тему рождения Венеры из Сертамы (пров. Малага). Археологический музей Малаги. Фотография музея

Мозаика из Италики на аналогичную тему (относится к эпохе Северов) представляет особенно большой интерес, так как при рождении богини присутствуют Уран-Небо и Кронос-Сатурн – это единственный пока что памятник подобного рода в римском мозаичном искусстве. Мы видим Венеру после выхода из морской пены, стоящей перед раковиной, которую поддерживают два морских тритона; богиня обнажена и лишена украшений, за исключением двух жемчужных серег, ее голова окружена нимбом. Другие фигуры, которые принимают участие в композиции, – это четыре ветра, идентифицируемые по их именам, нимфы Амимона и Аретуза, также сопровожденные именами, эроты, времена года, Диоскуры и планетарные божества. Какие-либо прямые параллели этой композиции отсутствуют, хотя для отдельных групп персонажей, образующих ее, они известны. Это дало А.М. Канто основания полагать, что для исполнения сюжета этой мозаики были сознательно избраны такие изобразительные элементы, которые привносили бы дополнительные смысловые оттенки (возможно орфико-митраистского характера) в аллегорическое содержание сцены. Что касается иконографии, то можно говорить о самых различных моделях или прототипах этой мозаики: некоторые из них могут быть африканскими (конкретнее говоря, триполитанскими), другие восточными, наполненными греко-эллинистическими влияниями и восходящими к какой-то сирийской мастерской, и лишь немногие из этих моделей-штампов обнаруживают черты сходства с мозаиками Помпей или Пренесте эпохи эллинизма по способу изображения верхнего неба посредством фигур Сатурна и Урана[40].

[40] *Canto A.M.* El mosaico del Nacimiento de Venus de Itálica // Habis. 1976. 7. P. 293–338.

Рис. 6. Мозаика со сценой суда Париса из Касариче (пров. Севилья). Археологический музей Севильи. Фото автора

Другие эпизоды, связанные с темой Венеры, в испано-римском мозаичном искусстве – это Венера и Адонис из Италики, Аркоса де ла Фронтера (Кадис) и Таррагоны; Венера, Марс и Адонис из Карранке (Толедо); Венера и Купидон из Мериды и Фраги (Уэска); Венера, Эрос и Пан на мозаиках из Италики и Торреона де ла Суда (Сарагоса); Венера и планетарные божества из Италики; суд Париса из Касариче (Севилья). Мозаика со сценой суда Париса (рис. 6) является уникальной в испано-римском мозаичном искусстве и очень редкой для всего мира мозаик Римской империи, сопоставимой тематически лишь с мозаичными панно Коса и Антиохии[41]. В андалузской мозаике, которая хранится в Археологическом Музее Севильи и датируется первой половиной V в. н.э., изображен Парис, сидящий на камне, в убранстве по восточной моде и держащий яблоко в вытянутой правой руке; у него за спиной находится Гермес с кадуцеем, напротив них – группа из трех богинь во главе с Венерой, поза которой (богиня поддерживает обеими руками накидку, оставляя открытой взору красоту своего обнаженного тела) со всей очевидностью указывает на то, что выбор Парисом уже сделан. Иконографический тип обнаженной Венеры, который отмечен также в мозаиках на тему суда Париса из Шершеля и Коса и который отражают письменные источники (Apul. Met. X. 31; Auson. XIX. 64), становится общим начиная с римской эпохи, тогда как в греческом и этрусском искусстве он принадлежал к разряду случайных.

То же самое можно сказать о распространении гомеровской тематики[42], связанной, прежде всего, с эпизодами мифа об Ахилле, которые трактуются с

[41] *Blázquez et alii.* Hallazgos de mosaicos romanos en Hispania. P. 279–281.
[42] *Blázquez J.M.* Mosaicos hispanos de tema homérico // CIMA. Guadalajara, 1994. VI. P. 279–292.

большим сюжетным и иконографическим разнообразием; с уже цитированной сценой «Жертвоприношения Ифигении» из Ампуриаса, с Ахиллом и Пентесилеей из Комплутума (этот последний сюжет является уникальным в испанском мозаичном искусстве), с Ахиллом на Скиросе из римской виллы в Ла Ольмеда и из Сантистебана дель Пуэрто (провинция Хаэн), с Ахиллом, Агамемноном и Брисеидой из Мериды (здесь они служат объектом одной из застольных бесед семи мудрецов), с этой же триадой из Карранке и Эсихи. Тема Ахилла на Скиросе развивается в традиционном иконографическом стиле, хотя архитектурный декор, свойственный испанским сценам (обе они датируются эпохой поздней Империи), позволяет интерпретировать изображенную сцену как воспроизводящую фрагмент театрального спектакля. На мозаике из Сантистебана дель Пуэрто, которая является, возможно, последним воспроизведением данного сюжета в античном искусстве, мифологическая сцена сопровождена надписью: PYRRA/FILIVS/TETIDIS/CIRCE/DEIDAMIA/MOEDIA. ISTE ENIM OMNES VIRGENESQUE SUNT MV / LIERES FILIAE SUNT SOLIS NAM LYSIDES DILIVS PRIAMI. Тема Ахилла при дворе царя Ликомеда, весьма популярная у писателей императорской эпохи, к примеру, у Овидия (Ars Am. I. 689–694), Сенеки (Troy. 123), Эвстафия (Achill. 11, 178, 182, 200–205) и Филострата (Imag. 1), получила большой резонанс на протяжении истории всего классического искусства, потому что, как говорит Павсаний (I. 22. 6), эту тему воспроизвел уже Полигнот в Пинакотеке Афинских Пропилеев и, по мнению Плиния (HN. XXX. 134), – Атеней из Меронеи (IV в. до н.э.).

Иберийский полуостров выделяется из других регионов Империи большим количеством мозаик с изображением Орфея – особенно в районе Лузитании–Мериды, а также в Эсихе, где герой фигурирует в серии эпизодов единой по композиции мозаики, расположенных вокруг сцены триумфа Вакха и в которых изображены также Леда и лебедь, Нарцисс и Диоскуры (в последовательности, установленной Х. Штерном). Особенности трактовки вышеуказанного сюжета делают Иберийский полуостров одним из наиболее богатых ареалов Римской империи с точки зрения разнообразия иконографии фракийского принца[43]. Мифологические темы, которые используются в испано-римском мозаичном искусстве в рамках традиционной иконографии, – это Гила и нимфы из Италики, Кинтаны дель Марко (пров. Леон) и Карранке; труды Геракла из Лирии (пров. Валенсия) и Картамы (пров. Малага); спор Аполлона и Марсия из Кадиса и Сантистебана дель Пуэрто (пров. Хаэн); Беллерофонт и Химера из Торре де Бель Льок (пров. Жирона), Малаги, Усеро, Коимбры и Мериды; Пегас из Кордобы и Аррониса (пров. Наварра); «Туалет Пегаса» из Фуэнте Аламо (пров. Кордоба), Сан Хулиана де ла Вальмуса (пров. Саламанка) и Альменары (пров. Вальядолид); Тезей и Минотавр из Памплоны, Кордобы, Коимбры и Торре де Пальма (Португалия); Эрос и Психея из Кордобы и Фраги (пров. Уэска); Артемида из виллы де Прадо (Вальядолид), Вильямермудо (пров. Паленсия), Комуньон (пров. Алава) и Карранке; Волчица и Близнецы из Альколеи де Кордоба, Вильякаррильо (Хаэн), Бель Льока (в последнем случае троица представлена вместе с группой персонажей, связанных с Реей и Марсом) и Валенсии. К этим темам следует добавить другие мифологические сюжеты, которые не входят в число центральных, но украшают малые «картины»-медальоны,

[43] *Álvarez Martínez J.M.* La iconografía de Orfeo en los mosaicos hispanorromanos // Mosaicos Romanos. Estudios sobre iconografía. Actas del Homenaje in Memoriam de Alberto Balil. Guadalajara, 1990. P. 11–28.

помещавшиеся внутри какой-либо мифологической композиции, с которой они были так или иначе связаны.

В традиционной иконографии Испании хорошо документируется также морской цикл, представленный образами Океана (Антекера, Касариче, Кордоба, Люго, Фаро, Карранке, Кинтанилья де ла Куэса, Дуэньяс, Тетис, Хаэн, Буньэль и Комплутум), Нептуна и его фиаса (Италика, Мерида и Пуиг де Себолья (Валенсия) или отдельных персонажей из числа его свиты, но без него самого: нереид и тритонов из эмеританской виллы Инохаля, из Ла Кокоса (пров. Бадахос), Кадикса, Италики, Сасамона (пров. Бургос), Коимбры и Амейксоаля (Португалия) и т.д.[44]

В испано-римском мозаичном искусстве на мифологические сюжеты следует выделить то предпочтение, которое отдавалось вакхическим темам[45]. Вакх-ребенок верхом на пантере изображен на мозаике II в. н.э. из колонии *Augusta Firma Astigi* (см. ниже); на утерянной мозаике из Сагунта, из Италики (обе относятся к эпохе Северов), на мозаике из виллы Кинта де Лос Карабанчелес (Мадрид), датирующейся V веком. Вакх в состоянии опьянения, поддерживаемый одним из персонажей своей свиты, изображен на мозаике из Комплутума; встреча Диониса и Ариадны в Наксосе воспроизведена на двух позднеантичных мозаиках из Мериды и Баньоса де Вальдеарадос (Бургос). Именно тема триумфа Вакха оказалась наиболее излюбленной в испано-римском мозаичном искусстве – об этом свидетельствуют более 15 его изображений[46].

Следует указать, что в вакхических мозаиках Испании имеются ассоциации и иконографические контаминации между свитами морских божеств и Диониса. Эта особенность не является исключительно испанской, она принадлежит всему римскому мозаичному искусству и особенно сильно обнаружила себя на Италийском полуострове, в чем можно убедиться на примере мозаик из Терм Нептуна или из Дома Диоскуров Остии[47]. Этот иконографический феномен, зафиксированный также на мозаике со сценой триумфа Вакха из Эсихи, на которой повозка божества управляется двумя парами кентавров, подтверждается и мозаичными находками из различных центров Северной Африки, например, из Ачольи, Физдра, Бир Ханы, Шершеля, Гадрумета, Гиппо Регия, Сфакса, Феметры, Фубурбо Майуса и Утики. Наиболее интересным аспектом в мозаике из Эсихи (вторая половина II в. н.э.) является фронтальная позиция колесницы Диониса как вариант неизвестной для испанских мозаик иконографии и как очень редкий для сцен с вакхическими триумфами вообще. Этот прием использован лишь на греческих мозаиках Коринфа и Диона, на тунисской мозаике из Эль Джема (на них повозки управляются тоже кентаврами), а также на мозаике из Антиохии, где вместо кентавров изображены хищники типа тигров[48]. В то же время прием фронтальности в изображении колесниц довольно часто встречается в сценах триумфа Нептуна – тунисские мозаики из Ачольи и Ла Хеббы, италийский экземпляр из Фано, а на Востоке – мозаики из

[44] *Torres M.* Iconografía marina // Mosaicos Romanos. Estudios sobre iconografía. Actas del Homenaje in Memoriam de Alberto Balil. Guadalajara, 1990. P. 107–134.

[45] *Blanco A.* Mosaicos antiguos de asunto báquico. Madrid, 1952; *Blázquez J.M.* Mosaicos báquicos de la Península Ibérica // AEspA. 1984. 57. P. 69 sqq.

[46] *Fernández Galiano D.* El triunfo de Dioniso en mosaicos hispanos // AEspA. 1984. 57. P. 97 sq.; *San Nicolás Pedraz M.P.* Mosaicos y espacio en la villa romana de Fuente Alamo (Córdoba, España) // L'Africa Romana. X (Oristano, Cerdeña 1992). Sassari, 1994. P. 1289–1304.

[47] *Becatti.* Scavi di Ostia. IV. Láms. CXXXI, CLIII.

[48] *López Monteagudo G.* Sobre una particular iconografía del Triunfo de Baco en dos mosaicos romanos de la Bética // Anales de Arqueología Cordobesa. 1998. 9. P. 191–222.

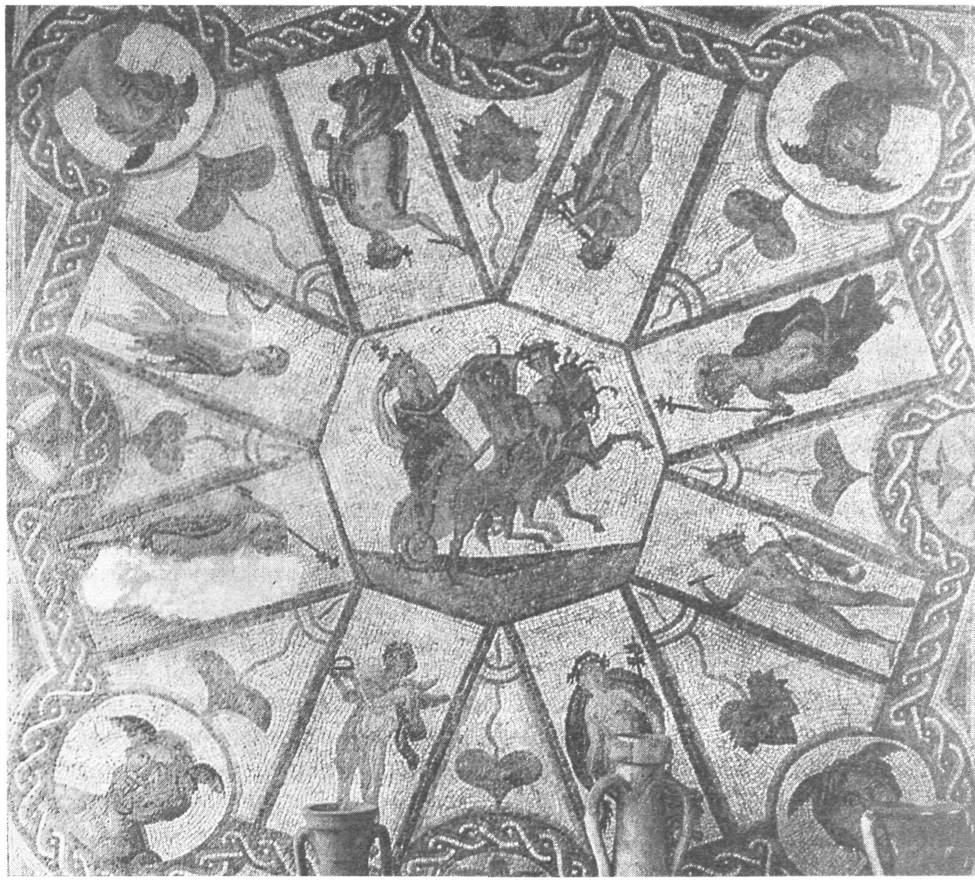


Рис. 7. Мозаика со сценой триумфа Вакха из Альколеи (пров. Кордоба). Археологический музей Кордобы. Фото автора

Селевкии на Евфрате и из Мисис Мисуфестии; эта же фронтальная перспектива характерна для мозаик с «Триумфом Нептуна и Амфитриты» из Утики и Константины[49].

Объединение и контаминация вакхической и морской тематики образуют одну из наиболее бросающихся в глаза особенностей мозаик Бетики II в. н.э. (см. ниже), подобно тому как это свойственно тунисским мозаичным панно из Эль Джема и Терм Траяна из Ачольи, в которых нереиды и тритоны включены в состав свиты Вакха. Эта контаминация коснулась также иконографических деталей, как это явствует, например, из мозаик Италики и Кадикса, где тритоны изображены с чертами лица, очень близкими «облику» сатиров дионисийского кортежа, что подчеркивается наличием таких типично вакхических атрибутов, как рога, *nebris, pedum* и факел[50].

Замена хищников типа тигров кентаврами засвидетельствована на другой мозаике, также происходящей из Бетики, – на мозаичном панно со сценой триумфа Вакха из Альколеи (Кордоба) (рис. 7), датируемом 160–170 годами нашей

[49] *Neira Jiménez M.L.* La tipología del carro en los mosaicos romanos del triunfo de Neptuno // L'Africa Romana. XI (Cartagine 1994). Sassari, 1996. P. 555–576. Láms. I, II, V, VI.

[50] *Torres Carro M.* Iconografía marina // Mosaicos Romanos. Estudios sobre iconografía (Actas del Homenaje in Memoriam de Alberto Balil). Guadalajara, 1990. P. 107 sq.

эры. Панно представляет собой оригинальный вариант расположения фигур, в котором колесница бога, влекомая кентаврами, занимает центральный восьмиугольник, а восемь радиально расположенных прямоугольников украшены фигурами фиасотов (при этом сатиры изображены вперемежку с менадами) и бюстами богов главных ветров, вписанными в окружности, расположенные по углам композиции[51]. Замена тигров на кентавров не является исключительной особенностью испанской иконографии, поскольку использование этого приема засвидетельствовано также – в широких хронологических рамках – как на Западе, так и на Востоке: достаточно назвать италийскую бихромную мозаику из Тенуты Фиорано, североафриканские мозаики из Анчольи и Физдра, греческие мозаичные панно из Диона и Коринфа и на Востоке – мозаики с вакхической свитой из Герассы, Сепфориса, Неа Пафоса и Шейх Соуеда[52]. Иконографический тип колесницы Диониса, влекомой кентаврами, который получил большое признание в первой половине II в. н.э. как в мозаичном искусстве, так и в росписи саркофагов, был навеян, по мнению Л. Фуше, художественной манерой группы мастеров, принадлежавших к школе Афродисия из Карии и подписывавшихся Аристеем и Папием. Они раньше других представили изображение двух кентавров, старого и молодого. Не следует забывать и о мозаиках из виллы Адриана в Тиволи, и о Лукиановом описании (Zeux. 4 sqq.) одной из картин Зевксида с воспроизведенной на ней *theleia hippocentauros*[53].

Другая особенность испанских мозаик на вакхические сюжеты состоит во включении в их композиции сцен борьбы бога с индийцами, как, например, это сделано на мозаиках из Фуэнте Аламо (Кордоба) и Бетики[54] (рис. 8). На этой мозаике с большим реализмом изображена одна из таких битв, победоносно завершенная Дионисом, в которой его сопровождали менады и сатиры. Сюжет борьбы с ними Диониса, пространно прокомментированной Нонном (Dion. 13–24, 26–40) и ранее коротко изложенной Лукианом (Bacch. 2), не часто встречается в римских мозаиках. Известно всего лишь два других изображения этого сюжета: на мозаике из Тускула[55], датируемой не ранее III в. (на которой имеется близкий к испанской мозаике эпизод – пик борьбы, когда Дионис и одна из менад со всем ожесточением ополчились против индийца, пытающегося защитить себя щитом), и на мозаике из Амьена[56] конца II – начала III в. с изображением финала битвы, персонифицированного менадой, сопровождающей индийца со связанными за спиной руками. Истоки этого типа изображений восходят, как кажется, к эллинистической живописи, подобной той, которая украшала храм Диониса на Лесбосе и известна благодаря описанию Лонга (IV. 3). Наиболее близкий прототип этих мозаичных сцен встречается

[51] *Blázquez*. Mosaicos romanos de Córdoba, Jaén y Málaga. P. 40–43. № 21. Láms. 25–30, 85–88.

[52] *López Monteagudo*. Sobre una particular iconografía del Triunfo de Baco. P. 191–222.

[53] *Foucher L.* Le char de Dionysos // CMGR. II. P. 175. P. 55 sqq.; *Turcan F.* Les sarcophages romaines à représentations dionysiaques. P., 1966. P. 505 sq.

[54] *San Nicolás Pedraz M.P.* La iconografía de Dionisos y los indios en la musivaria romana. Origen y pervivencia // Actas del Congreso Internacional sobre «La tradición en la Antigüedad Tardía» (Madrid, 1993). Antigüedad y Cristianismo. Murcia, 1997. XIV. P. 405–420 (в работе приведены все известные параллели); *López Monteagudo G.* The Triumph of Dionysus on two Mosaics in Spain // Assaph. 4. Universidad de Tel Aviv, 1999. P. 35–60.

[55] *Donderer M.* Ein verschollenes römisches Mosaik und die Gattung der Wandemblemata // Mosaïque. Recueil d'Hommages à H. Stern. P., 1983. P. 125. Taf. LXXV, *1*.

[56] *Stern H.* Recueil Général des Mosaïques de la Gaule, I. Province de Belgique. 1. Partie Ouest. X° suppl. à Gallia. P., 1957. P. 61–62. Láms. XXXI, *1*; XXXII.

Рис. 8. Мозаика с вакхической темой из Фуэнте Аламо (пров. Кордоба). In situ. Фотография любезно предоставлена А.Л. Паломо

на аретийской керамике и в росписи саркофагов II в., а продолжительность их использования засвидетельствована двумя пиксидами из слоновой кости, представляющими византийское искусство VI в.

Победу Диониса над индийцами комментировали такие античные авторы эпохи Августа и, шире говоря, I в. н.э., как Сенека, но – вопреки их сведениям о борьбе в собственном смысле слова – в римской мозаичной росписи гораздо более частыми являются сцены, в которых индийцы участвуют в триумфе Диониса в качестве одного из трофеев божества, добытых им во время своего мифического путешествия: достаточно напомнить о мозаиках из Сетифа, Эль Джема, Неа Пафоса, Герасы, Сепфора или о многочисленных саркофагах на

аналогичную тематику[57]. В испанском мозаичном искусстве отсутствуют изображения индийцев, как части добычи Диониса, и лишь на одном римском панно конца II – III в. из Дома Митрея в Мериде есть сцена, которая недавно была интерпретирована как Дионис, получающий дань от трех индийцев, сопровождаемых глашатаем[58].

Мозаика из Фуэнте Аламо интересна еще и тем, что на ней вакхические эпизоды, размещенные один над другим и разделенные посредством непрерывной, сплошной линии, образуют единое панно. Эта двухчастная схема воспроизведена всего лишь один раз, в позднеиспанской мозаике из Баньос де Вальдеарадос (Бургос). На этой мозаике медальоны также образуют вертикальную композицию и водоразделом для них служит прямая пунктирная линия. В верхнем медальоне изображены Дионис и Ариадна в сопровождении вакхического кортежа – это эпизод, следующий непосредственно за встречей на Наксосе, воспроизведенной в уже упомянутой эмеританской мозаике из Анни Бонус. В нижнем ярусе изображен Вакх в сцене триумфа, на колеснице и в сопровождении Ариадны и Пана[59].

За пределами Испании прием комбинации различных эпизодов, равно как и последовательно повествовательный стиль, засвидетельствован на уже упоминавшихся мозаиках Сепфориса начала III в., Герасы середины III в.[60], на киприотском мозаичном панно из Дома Эона (Неа Пафос, вторая четверть IV в.)[61], а также на мозаике из Шейх Зоуеда (Синай) середины IV – середины V в.[62] Если в испанских дионисийских сценах соблюдена известная из нарративных источников хронологическая последовательность, то в последнем из перечисленных случаев сцена Триумфа, будучи также «изложенной» вполне последовательно, сосуществует в едином пространстве с мифологическим сюжетом о Федре и Ипполите. Изображение сюжета как способа последовательного и непрерывного развертывания действия или представление сюжета в виде самостоятельных эпизодов (этот второй вариант в Испании отмечен лишь в двух «дионисийских» мозаиках) свойственны также мозаичному искусству Северной Африки. В ряде мозаик этого региона сцены охоты расположены как последовательно связанные между собой эпизоды[63]. Подобный композиционный прием характерен и для мозаики из Шершеля на тему сельскохозяйственных работ (начало III в.)[64] или для нескольких мозаичных панно конца III – начала IV в. из Шер-

---

[57] *Donderer M.* Dionysos und Ptolemaios Soter als Meleager. Zwei Gamälde des Antiphilos // Festschrift G. Wirth, II. Amsterdam, 1988. S. 781–799; *Foucher L.* Une mosaïque de Thysdrus // Mélanges à la mémoire de Marcel Le Glay. Coll. Latomus. 226. Bruxelles, 1994. P. 70–80. Fig. 17; *Daszewski V.A., Michaelides D.* Guide des mosaïques de Paphos // Nicosia. 1989. P. 24–27. Fig. 12; *Joyce H.* A mosaic from Gerasa in Orange, Texas, and Berlin // Römische Mitteilungen. 1980. 87. S. 307 ff.; *Weiss Z., Talgam R.* The Dionysiac mosaic floor of Sepphoris // CIMA. VI (Guadalajara–Mérida 1990). Guadalajara, 1994. P. 231–237; *Matz F.* Die dionisyschen Sarkophage I–II. B., 1968. II. S. 212 ff.; *idem.* Die dionisyschen Sarkophage IV. B., 1975. № 237–245.

[58] *Altieri J.* Catálogo de la exposición «El legado romano» (Lisboa 1996). Mérida, 1996.

[59] *López Monteagudo G. et alii.* Mosaicos romanos de Burgos // CMRE. XII. Madrid, 1998. P. 13–16. Fig. 2. Láms. 1, 2, 31–33; *López Monteagudo.* The Triumph of Dionysus on two Mosaics in Spain. P. 35–60.

[60] *Joyce H.* A mosaic from Gerasa in Orange, Texas, and Berlin // Römische Mitteilungen. 1980. 87. S. 307 ff.; *Theophilidou E.* Die Musenmosaiken der römischen Kaiserzeit // TZ. 1984. 47. S. 264–266. Фрагменты этой мозаики находятся в музеях Пергама и университета Техаса, а также в посольстве Испании в Дамаске.

[61] *Daszewski V.A.* Dionysos der Erlöser. Mainz, 1985.

[62] *Ovadiah A., Gómez De Silva C., Mucznik S.* The Mosaic Pavements of Sheikh Zouède in Northern Sinai // Tesseare. Festschrift J. Engemann. JAC. Münster, 1991. 18. S. 181–191.

[63] *Dunbabin K.M.D.* The Mosaics of roman North Africa. 1978. P. 48–50.

[64] *Berard J.* Mosaïques inédites de Cherchel // MEFR. 1935. 52. P. 115–142.

шеля и Типасы, на которых на трех расположенных друг под другом ярусах воспроизведена известная легенда об Ахилле[65]. На мозаичном панно 220–230-х годов из Виана (Галлия) сцена опьянения Геракла помещена в нижнем фризе, а созерцающие ее боги – в верхнем[66].

Вследствие сказанного нельзя утверждать, что расположение сюжетов в виде эпизодов является исключительной особенностью испано-римского мозаичного искусства, однако имеющиеся (хотя и немногочисленные пока что) образцы позволяют включить Испанию в это иконографическое направление, развившееся с особой силой в Северной Африке. Представляется интересным тот факт, что в двух вариантах Триумфа, зарегистрированных на испано-римских мозаиках (Эсиха, Кабра, Андэлос, Льедена), присутствует Ариадна, между тем как в североафриканском случае она встречается гораздо реже (Оранж, Сен-Луи и Сабратха), а на Востоке засвидетельствована лишь на мозаике из Герасы.

Из мозаик на дионисийскую тематику следует выделить недавнюю находку в Эсихе. На весьма интересной, с точки зрения иконографии, эсихской мозаике изображен двуликий Вакх – молодой и старый. Он занимает центральный квадрат композиции, составленной из меандров-свастик и четырех театральных масок, которые помещены в квадраты, расположенные по углам панно[67]. Молодого бога, безбородого и с волосами, мы видим с тимпаном, в то время как старого, лысого и бородатого, – с *pedum* (рис. 9). Этот сюжет, будучи единственным в Испании, известен на Италийском полуострове (мозаики из Асколи I в. н.э. и из Луни IV в.), а также на одной из мозаик Дикирха III в. н.э.[68] Этот иконографический «феномен», состоящий в противопоставлении молодого и старого Диониса и довольно распространенный в скульптуре типа *hermae*, чрезвычайно редко встречается в мозаичном искусстве, где желаемый эффект достигается посредством разворота образа на 180°. В мозаичном искусстве двухголовый Дионис, молодой и зрелый, появляется в позднеэллинистический период, хотя керамика свидетельствует о существовании Дионисовых герм еще с V в. до н.э.

В мозаичном деле *Colonia Augusta Firma Astigi* (совр. Эсиха, пров. Севилья) со всей очевидностью проявляет себя еще одна из наиболее заметных особенностей испано-римских мозаик, выполненных на мифологические сюжеты. Вакхический характер, который ощущается во всей иконографической программе колонии – известны три мозаики со сценами Вакхова Триумфа, мозаичное панно с вакхической композицией, возглавляемой изображением «Tigerreiter» и Диониса-ребенка, галопирующего верхом на пантере, а также герма Вакха, – наводит на мысль о том, что культ бога вина глубоко укоренился в этом регионе. Помимо очевидного преобладания в эсихских мозаиках вакхической тематики, которая, как правило, контаминирует ее различные аспекты (подобно тому, как это происходит, например, с сюжетом похищения Европы), для большинства мозаичных панно из домов Эсихи характерно использо-

[65] *Bruhl A.* Mosaïque de la légende d'Achille à Cherchel // MEFR 1931. 48. P. 109–123; *Leschi L.* Une mosaïque achilléenne de Tipasa de Maurétanie // MEFR. 1937. 54. P. 25–41.

[66] *Lavagne H.* Recueil Général des Mosaïques de la Gaule, II. Province de Narbonnaise. 1. Partie Centrale, X° suppl. à Gallia. P., 1979. P. 101–117; *Lancha J.* Recueil Général des Mosaïques de la Gaule, III. Province de Narbonnaise. 2. Vienne, X° suppl. à Gallia. P., 1981. № 307. Fig. XLIV.

[67] *García-Dills S. et alii.* Motivo iconográfico excepcional en un mosaico báquico de Astigi (Écija, Sevilla) // Habis. 2005. 36 (в печати). Благодарю авторов за информацию об этой мозаике.

[68] *Becatti G.* Alcune caratteristiche del mosaico policromo in Italia // CMGR. II. P., 1975. P. 176. Lám. LX, *1*; *Vay I.* I mosaici della *domus* tardoantica di Océano sottostante la catedrale di Luni // AISCOM. Atti del III Colloquio. Bordighera, 1996. P. 35–38. Fig. 10; *Parlasca K.* Die römischen Mosaiken in Deutschland. B., 1959. S. 20. Taf. 24.

Рис. 9. Мозаика с вакхической сценой из Эсихи (пров. Севилья). In situ. Фото автора

вание принципа избирательности в воспроизведении мифологических сюжетов и особой формы «сценографии» мифов. Обычно изображается лишь тот эпизод, который интересен своим аллегорическим содержанием, или осуществляется попытка представить в одной сцене всю мифологическую историю или хотя бы ее бóльшую часть. В качестве примеров следует выделить мозаики с «Tigerteiter» и панно с Похищением Европы[69].

Дионисийскую мозаику, прямоугольную по форме, образуют сцены, расположенные вокруг фигуры Вакха-ребенка, сидящего верхом на пантере (рис. 10). Эта центральная группа отделяется от остальной части композиции серией вакхических атрибутов, помещенных на полу по обеим сторонам главного персонажа, – это ритон, тимпан и кратер, ориентированный по ходу движения пантеры. Слева изображается пасторальная сцена, участником которой является мужской персонаж преклонного возраста, бородатый и седой, сидящий на камне и

[69] *López Monteagudo G.* Los mosaicos romanos de Écija (Sevilla). Particularidades iconográficas y estilísticas // CIMA. VIII (Lausanne, 1997). Lausanne, 2001. P. 130–146.

Рис. 10. Мозаика с Tigerreiter из Эсихи (пров. Севилья). Археологический музей Эсихи. Фото автора

увитый виноградной лозой; левой рукой он поддерживает посох, лежащий на плече, а в правой руке у него кисть винограда, которую он дает козе, стоящей перед ним на задних ногах. В глубине сцены стоят двое мужчин зрелого возраста с жезлами в левой руке и ведут разговор; персонаж справа держит в правой руке кратер, как бы предлагая его своему товарищу. Далее мы видим пару танцующих вакхантов – менаду с подносом, наполненным виноградом, в правой руке и с тирсом в левой, а также сатира с pedum в правой руке и корзиной винограда на левом плече. В правой части панно находится давильня, в которой три винодела, взявшись за руки и держась за веревку, натянутую поверх их голов, чтобы не потерять равновесия, давят виноград, сок которого, брызжа и «фонтанируя», выливается через три отверстия давильни в три шарообразных сосуда. Сцена эта представлена с великолепным реализмом.

Сюжет «Вакх-младенец на пантере или тигре» часто встречается в мозаичном искусстве Северной Африки II–IV вв. (достаточно вспомнить мозаики из Джемиля, Эль Джема, Гадрумета и Сен-Лу)[70]. Их прототип ассоциируется с эллинистическими образцами из Пеллы и Делоса и часто встречается в росписи саркофагов эпохи ранних Антонинов[71]. Остальные группы персонажей, представленных на мозаике из Астиги, составляют часть классического вакхического «каталога». Следует особо отметить, что качество изготовления этой мозаики настолько совершенно, что она больше напоминает живописное полотно, нежели мозаичное панно. Этот уровень мастерства достигнут благодаря тому, что для «выкладки» фигур применялись маленькие по размеру, кубические по форме и разнообразные по цветовой гамме кусочки стеклянной пасты, позволившие достичь всех тех оттенков, которые необходимы, чтобы под-

[70] *Dunbabin*. The Mosaics of Roman North Africa. P. 174–178.

[71] *Petsas Ph*. Mosaics from Pella // CMGR. I. P., 1965. P. 41–56. Fig. 2; *Bruneau P*. Exploration archéologique de Délos, XXIX. Les Mosaïques. P., 1972. P. 242 sqq. Figs. 177, 182–183; *Turcan R*. Les sarcophages romains à représentations dionysiaques. P., 1966. P. 408 sqq.; *Matz*. Die dionisyschen Sarkophage. I. S. 157 ff.

черкнуть возраст и выразительность взгляда, физическую силу и выносливость. Восхищает также великолепная манера изображения рук, волос и динамизма поз персонажей, как бы находящихся в непрестанном движении.

Очевидно, что на мозаике из Эсихи было использовано несколько картонажей, различных по происхождению и совмещенных для того, чтобы создать впечатление полной сюжетной и технической целостности мозаичного панно. Результатом действительно явился шедевр, образованный четырьмя группами изображений, единственным связующим и смысловым элементом которых является аллегория – то, ради чего и разворачивается весь мифологический сюжет мозаики, в действительности играющий во многом второстепенную роль в понимании содержания. В мозаике из Эсихи синтетическим способом объединены различные эпизоды вакхического цикла, за исключением Триумфа, и все они вращаются вокруг фигуры «Tigerreiter», что подчеркивает природу Диониса как бога вина и виноградарства и, вероятно, отражает один из видов деятельности собственника имения, связанного с производством вина и продуктов питания[72]. Не следует исключать и такую характеристику мозаики, как мистериальность ее внутреннего смысла, что могло соответствовать духу владельца дома, посвященного в дионисийский культ. Тщательный анализ композиции мозаики приводит к метафорическому варианту истолкования ее смысла, связанного с вином как с даром, который был преподнесен человечеству Вакхом через последовательную череду его божественных деяний. Вначале бог – в лице пастуха, сидящего на камне, – научил бедняка Икария, первого из смертных, возделывать виноград, и это сделано в полном соответствии с описаниями Силия Италика (Pun. VII. 171–176) и Ахилла Татия (Tat. II. 2); затем он приобщил людей к культуре винопития, сотворил менад и сатиров с фруктами, как аллегорических участников обряда инициаций; цикл заканчивается превращением винограда в вино в давильне. Вся эта многоплановая композиция возглавляется фигурой Вакха-младенца как бога вина и символа дионисийских мистерий.

На мозаике со сценой похищения Европы (рис. 11) героиня изображена в каноническом стиле: схватившись правой рукой за рог животного и левой поддерживая над своей головой накидку голубого цвета, которая под порывами морского ветра натягивается у нее за спиной в виде лука и закрывает ноги, оставив обнаженным тело. Сцена происходит на фоне морского пейзажа, в который включены рыбы и моллюски разных видов, а также – слева и внизу композиции – некое чудовище с львинообразной головой и со змеей на шее, которое высовывается из воды. Все эти элементы пейзажа придают уникальную композиционную целостность сцене похищения Европы, хотя зооморфные персонажи одновременно является и частью тех существ-монстров типа daimones, которые – подобно дельфинам, сиренам, морским конькам или нереидам – населяют море в качестве посредников между Жизнью и Смертью[73].

Сцена похищения Европы, изображенная на мозаике из Эсихи, представляет большой иконографический интерес, так как, хотя группа «бык и сидонская царевна» изображена мчащейся по морю во весь опор, а поза Европы и элементы морского пейзажа и фауны лишь подчеркивают морской характер путешествия, в композиции присутствует и небольшой участок суши. Таким

[72] Соединение «Tigerreiter»'а с Триумфом Вакха на мозаике из Гадрумета и на саркофаге из Балтимора способствует интерпретации бога как культурного героя, победителя сил зла и символа римской *virtus*, которая дарует людям *felicitas*. Ср. *Turcan R.* Les sarcophages romains à représentations dionysiaques. P. 441–472; *Foucher L.* Le culte de Bacchus sous l'empire Romain // ANRW. II. 17. 2. 1981. P. 684–702.

[73] *López Monteagudo G.* El simbolismo de la travesía marina en algunos mitos clásicos // Latomus. 1998. 57. P. 38 sq.

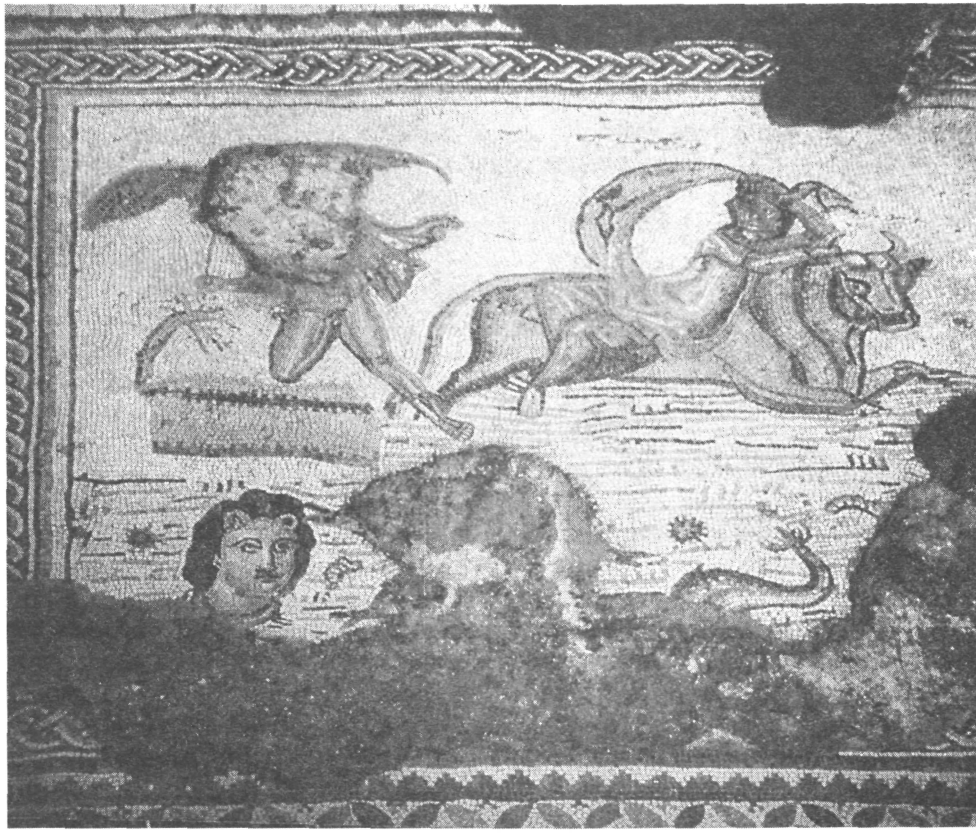


Рис. 11. Мозаика на тему похищения Европы из Эсихи (пров. Севилья). Археологический музей Эсихи. Фото автора

образом, мы как бы оказываемся еще перед одной картиной, в которой посредством нескольких иконографических элементов сделана попытка изобразить если не весь мифологический сюжет, то хотя бы его часть: суша с растущим на ней деревом символизирует место похищения – землю. Однако поза Европы, опирающейся на быка, а не отталкивающейся от него, состояние некоей расслабленности героини, а также характер и степень ее обнаженности (она лишь слегка прикрыта прозрачным гиматием, ниспадающим в районе ног и оставляющим открытым остальное туловище) наполняют сцену тем эротизмом, который был возможен лишь в случае, если любовное влечение быка нашло взаимность. О том, что это произошло в море, свидетельствуют поднявшийся уровень вод и их мощные перемещения, а также животные, обитатели морских глубин, выплывшие на поверхность под воздействием разыгравшейся страсти.

Другая иконографическая новация, не засвидетельствовавнная в римском мозаичном искусстве, состоит в том, что справа от группы «Европа – бык» представлена сцена похищения Ганимеда и таким образом оба сюжета оказались связанными в единую композицию, подобно тому как это имеет место на сосудах из Баграма, где Юпитер превратился в орла и в быка для того, чтобы путем обмана соблазнить Ганимеда и Европу[74]. С такой точки зрения мозаика из Эсихи входит в группу мозаик, посвященных теме любовных похождений и

[74] *Hackin J.* Nouvelles recherches archéologiques à Begram. P., 1954. P. 103–104, 258–259. № 59–60. Fig. 264–265.

услад Юпитера и на медальонах которых содержатся парные любовные эпизоды из жизни божества (см. выше).

Несмотря на определенное сходство мозаик из Эсихи с мозаиками других регионов, особенно Бетики (Кабра, Кордоба и Италика), эти последние, однако, демонстрируют столь разительное иконографическое сходство между собой, с одной стороны, и с эсихским образцом, с другой, что можно говорить о существовании в Эсихе собственной производственной мастерской. Наиболее очевидная особенность ее мозаичистов состоит в манере изображения верхней губы персонажа с помощью штриха или черточки черного цвета. Этот характерный признак (появляющийся, кстати, и на мозаике со сценой похищения Европы из Коса того же времени), взятый в совокупности с другими композиционными и иконографическими характеристиками («компасное» построение сюжета и контаминация вакхического и морского кортежей) (см. выше), сближает между собой эсихские и греческие мозаики, тем самым делая очевидными художественные контакты двух отдаленных друг от друга регионов Средиземноморья, ставшие возможными в свете более широких, торговых взаимоотношений[75]. Если соотнести указанное сходство эсихских и греческих мозаик с их аналогами из других мест Бетики, примыкающих к Гвадалквивиру, то можно установить зоны распространения не только copy-books, но и той идеологии, в которой приоритетной была художественная тематика, соответствовавшая торговым интересам и устремлениям[76].

«Синтетизм» композиции ценится авторами сценографии и других испано-римских мозаик на мифологичесую тематику, в частности недавно открытой мозаики из Lucus Augusti (совр. Люго, Галисия), датирующейся III – серединой IV в. Изображенная на ней сцена представляет большой иконографический интерес, так как объединяет в одну картину несколько различных эпизодов мифа о Пасифае: Дедала, конструирующего в своей мастерской статую коровы, Пасифаю и быка как прелюдию любовного соития и, наконец, некое архитектурное сооружение, напоминающее лабиринт. Изображение лабиринта часто встречается в испанском мозаичном искусстве и следует римским иконографическим канонам, однако сцена в ее люговском варианте имеет в качестве единственной пока аналогии алжирскую мозаику из Макомада. Обе совпадают по времени изготовления и восходят к единому живописному прототипу из Помпей и Геркуланума[77]. Таким образом, мозаика из Люго пополняет ту группу испано-римских мозаик, которые характеризуются лаконизмом художественных приемов, позволяющих выделить произведения мозаичного искусства Испании из мозаик иных регионов Империи.

Другие примеры мозаик с синтетическим вариантом композиции связаны с мифом о Персее[78]. Первая фаза мифа отображена в мозаике «Любовные утехи Зевса» из Италики (первая половина II в. н.э.). На ней мы видим Данаю, которая усыпана золотым дождем, ниспосланным ей с облака Юпитером. Это

[75] *López Monteagudo.* Sobre una particular iconografía del Triunfo de Baco. P. 191 sqq.; *Neira Jiménez M.L.* Paralelos en la musivaria romana de Grecia e Hispania. A propósito de un mosaico de Alcolea del Río y un pavimento de Mitilene // Anales de Arqueología Cordobesa. 1998. 9. P. 223 sqq.

[76] *López Monteagudo.* El impacto del comercio marítimo. P. 595–626.

[77] *San Nicolás Pedraz M.P.* Dédalo en los mosaicos romanos // Espacio, Tiempo y Forma. II / Historia Antigua. 1998. 11. P. 397–434; *eadem.* Mosaico con escena mitológica hallado en Lugo (España) // CIMA. VIII (Lausanne 1997). Lausanne, 2001. P. 147–160.

[78] *López Monteagudo G.* El mito de Perseo en la musivaria romana. Particularidades hispanas // Espacio, Tiempo y Forma. II. Historia Antigua. 1998. 11. P. 435–491; *eadem.* Perseo, vencedor de la muerte // Miscelánea Léxica en memoria de Conchita Serrano. Madrid, 1999. P. 637–644; *eadem.* Perseo, viajero a Occidente. Documentos musivos // L'Africa Romana. XIII (Djerba, Túnez 1998). Sassari, 2000. P. 126–154.

Рис. 12. Мозаика с Медузой, Персеем и Андромедой из Тарракона. Археологический музей Таррагоны. Фото автора

уникальная иконография, имеющая параллели лишь на мозаичном панно из Дома Кабальос в Карфагене. На панели Дома Суртидорес из Коимбры Персей изображен как триумфатор, с мечом-harpé в левой руке, показывающим голову Медузы морскому чудовищу-kethos. Как видим, произошла аллюзия двух эпизодов единого мифа – обезглавливания Медузы и освобождения Андромеды после умерщвления монстра, который ее охранял. На мозаике из Таррагоны (рис. 12) тоже эпохи Северов образ Персея, созерцающего Андромеду и с мертвым чудовищем у своих ног, относится к кругу классической иконографии героя-освободителя девушки, хотя и с обновленными деталями: Персей держит не голову Медузы, а harpé и не подает руку Андромеде, чтобы помочь ей спуститься со скалы. Эта столь редкая иконография – герой, созерцающий красоту девушки еще до ее спасения, – могла быть навеяна ранней поэзией, например, творчеством Эврипида (TGF, fr. 145), а место ее происхождения – район Тарента IV в. до н.э., откуда она могла войти – после своего развития в течение III–II вв. – в помпеянскую живопись[79]. Таким образом, мозаика из Таррагоны – это интересный пример объединения в одной и той же сцене греческих и римских влияний. Три испанских изображения содержат те особенности (как в выборе эпизодов, так и в их иконографической трактовке и смысловой аллегории), которые отличают их (особенно мозаики из Коимбры и Таррагоны) от всех остальных мозаик других регионов Римской империи. К этой испанской коллекции следует прибавить также многочисленные изображения Медузы в прямой связи с мифом о Персее.

Возможно, что одной из наиболее заметных особенностей трактовки мифа о Персее в испано-римском мозаичном искусстве является лаконичность повест-

[79] *Phillips K.M.* Perseo and Andrómeda // AJA. 1968. 72. P. 1–23.

вования, что, однако, не означает отсутствия мифического рассказа как такового. Напротив, с помощью нескольких статичных образов нам излагается весь миф в своей целостности, поскольку, несмотря на лаконизм изображения его персонажей, они содержат в себе всю символику, необходимую для понимания его сути и делающую излишним его детальное изложение. Так испано-римское мозаичное искусство восполняет отсутствие иконографического канона для сцены обезглавливания Медузы воспроизведением тех образов, которые синтезируют в себе этот главный подвиг героя: мы видим Персея в позе победителя с головой Медузы в руке и с горгонейоном в центральной части щита, изображенного с помощью изогнутых линий или двухлопастных чешуек-пластинок (здесь уместно напомнить, что щит Афины был украшен трофеем, добытым Персеем в битве с Медузой). Освобождение Андромеды ассоциируется с образом морского монстра, помещенного у ног Персея на обеих мозаиках, хотя в португальском варианте изображение самой девушки еще отсутствует. Более того, на мозаике из Коимбры образы Персея, победителя медузы, и морского чудовища синтезируют в единой композиции два подвига героя, в то время как на мозаике из Таррагоны объединены два последующих акта – созерцание девушки Персеем и ее освобождение после убийства монстра. Таким образом, можно сказать, что на мозаиках изображаются итоговые, обобщающие сцены, в которых все персонажи и их атрибуты играют одинаково важную роль и в которых ничто не оставлено без внимания.

Синтетичность и аллегорический характер сюжетов испанских мозаик отличают их от аналогичных произведений западной части римского мира и особенно от североафриканских, которые являются более «нарративными» и бедными по своей семантике и служат для иллюстрации мифологического рассказа через образы, не несущие в себе никакого иного смысла, кроме визуального, зрительно воспринимаемого. Очень вероятно, что объяснение этих отклонений от трактовок одной и той же тематики, фиксируемых в сопредельных регионах Империи, связано с культурно-историческим субстратом этих ареалов. В частности, Северная Африка проявила себя как глубоко романизированная зона, в которой мифы служили художественным способом выражения декоративного репертуара, трактовавшегося в сугубо римской манере и оформленного на латыни, тогда как в Испании традиционные контакты с греко-эллинистическим Востоком, которые осуществлялись прежде всего в сфере торговли и политики, находили свое выражение и в мозаичном искусстве – как с точки зрения его иконографии и надписей, выполнявшихся на греческом языке, так и в его символизме и аллегоричности[80].

В заключение укажем, что испано-римское мозаичное искусство не может быть отделено от римского, как это последнее неотделимо от всех остальных видов художественного творчества населения Империи или от политических и экономических событий, которые развивались на широком географическом пространстве, находившемся под римским господством. Испания была той периферийной провинцией, которая вбирала в себя влияния метрополии, абсорбировала их в большей или меньшей степени (в зависимости от эпохи и конкретного ареала) и включала их в свое культурное достояние. Однако Испания поддерживала также тесные связи с другими регионами Римской империи –

[80] *Fernández Galiano D.* Influencias orientales en la musivaria *hispana*, III // CIMA. Ravenna, 1983. P. 411 sqq.; *Blázquez J.M.* La Hispania del Bajo Imperio. Relaciones con Oriente // I Congreso Peninsular de Historia Antigua. Santiago de Compostela, 1988. P. 177 sqq.; *López Monteagudo G.* Personificaciones alegóricas en mosaicos del Oriente y de Hispania: la personificación de conceptos abstractos // La Tradición en la Antigüedad Tardía. Antigüedad y Cristianismo. Murcia, 1997. XIV. P. 335–361.

как социально-экономические, так и культурные. Эти контакты, осуществлявшиеся в ходе торговли, посредством исполнения государственных магистратур или вследствие перемещения представителей искусства и культуры и художественных идей и парадигм, выражали себя в тех или иных предпочтениях при избрании тематики, приемов художественной композиции и способов декорирования мозаичных панно. Один из особенно остро нуждающихся в обсуждении аспект испано-римского мозаичного искусства касается вопроса о взаимовлияниях, которые вылились в два больших течения – истоками они связаны с Италией и Африкой, но к ним вскоре присоединилась и восточная «волна». Можно утверждать, что в мозаичном искусстве Испании конца I – первой половины II в. наблюдалось преобладание италийского влияния и что в это же время (и особенно в III столетии) происходят изменения в пользу североафриканского и восточного художественных канонов. Однако италийское мозаичное искусство не потеряло своего влияния на испанско-португальское на протяжении всей императорской истории. Эта прочная италийская традиция может объяснить близость и сходство некоторых сюжетов, схем и мотивов мозаик Испании и других западных регионов Империи, в частности Галлии: все они имели в качестве отправного пункта художественные произведения Италии.

Испания была открыта всем видам влияния, вкусам и модам, господствовавшим не только на средиземноморском пространстве, но и на Востоке. Достаточно вспомнить, что в столь латинизированной провинции, как Испания, многочисленные мозаики содержат надписи на греческом языке. В то же время испанские провинции выработали собственные приоритеты, отдав их вполне определенным темам, художественным канонам и композиционным парадигмам и, что следует отметить особо, пропитав их собственным modus operandi, т.е. теми особыми методами и приемами, которые, безусловно, отличали эти провинции от всего остального римского мира, хотя и не изолировали их целиком от этого мира. Аналогичные явления имели место в мозаичном искусстве других римских провинций, и это позволяет говорить о существовании различных культурных очагов с более или менее обширными радиусами влияния*.

HISPANO-ROMAN MOSAICS ON MYTHOLOGICAL SUBJECTS IN THE CONTEXT OF ANCIENT MEDITERRANEAN CULTURE

G. López Monteagudo

The art of mosaic in Spain is closely connected with that of Rome and Italy: it absorbed the influence of the centre and formed the local canon under this influence, which was especially strong in the late 1st c. AD and the first half of the 2nd c. AD. In the second half of the 2nd c. AD and in the 3rd c. AD some changes occurred part, connected with the rising interest Spanish mosaic masters took in North African and oriental paradigms.

During the same period the mosaic art of the Spanish provinces was working out its own artistic clichés, standards and *modus operandi*. Analogous processes took place in the art of other western provinces (Lusitania and Gaul). This fact makes it possible to speak of several different schools of mosaic art with quite long radiuses of influence, though the school of Rome never lost its leading role.

* Перевод В.И. Козловской.

© 2005 г.

В. А. Гаибов, Г. А. Кошеленко

КОЧЕВНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

(*Данные письменных источников*)

Изучение истории и культуры кочевых народов Евразии в античную эпоху всегда являлось одной из тех проблем, которые вызывали особый интерес в отечественной науке. В последние годы, с нашей точки зрения, создались особо благоприятные условия для подобных исследований. Мы имеем в виду выход в свет двух томов серии «Археология СССР», которые впервые в истории науки дали подлинную сводку всех имеющихся археологических материалов по этой чрезвычайно важной и столь трудной для понимания проблеме истории[1]. Благодаря публикации этих томов появилась возможность разработки многих глобальных тем по истории кочевых народов Евразии античной эпохи.

В самое последнее время развернулась достаточно оживленная дискуссия, порожденная интересными археологическими открытиями на Среднем Дону и их интерпретацией[2]. В ходе этой дискуссии особое внимание ряда исследователей привлекла проблема соотношения археологических и письменных источников относительно истории скифов и ряда других кочевых народов античной эпохи. Эта проблема в данной дискуссии имеет не только конкретный, но и теоретический характер. Она касается основополагающих вопросов источниковедения. В связи с этим большинство авторов, принявших участие в этой дискуссии, в той или иной степени откликнулись и на статью Л.Т. Яблонского (которая была опубликована еще до начала дискуссии), призывавшего полностью отказаться от использования свидетельств письменных источников при анализе характера кочевых обществ Евразии античного периода[3].

Справедливо было указано рядом участников дискуссии, что отказ от использования письменных источников выглядит несколько экстравагантно и определяется в конечном счете неумением их анализировать. Мы не будем повторять всего, что было сказано по этому поводу. Укажем только на то, что, с нашей точки зрения, в ходе этой дискуссии наиболее удачно проблему соотношения

[1] Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1992; Степная полоса европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М., 1989.

[2] Дискуссия была открыта статьей: *Гуляев В.И.* Дискуссионные проблемы скифологии (По материалам археологии Подонья) // ВДИ. 2002. № 1.

[3] *Яблонский Л.Т.* Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. 2001. № 1. В.И. Гуляев в указанной выше статье (*Гуляев.* Дискуссионные проблемы... С. 148) в определенной степени солидаризуется с Л.Т. Яблонским.

данных письменных и археологических источников обрисовал А.П. Медведев[4]. Не повторяя всего сказанного, отметим только самое основное (с чем мы полностью согласны): в подобного рода исследованиях обязателен раздельный анализ археологических и письменных источников с четким осознанием специфики каждого из видов источников. Сопоставлению подлежат не просто археологические данные и сведения, взятые из письменных источников, но обязательно конечные результаты независимого их изучения[5].

Настоящая статья написана в рамках именно такого подхода. Ее задачей является попытка анализа свидетельств античной письменной традиции о кочевниках Средней Азии времени завоеваний Александра Македонского. На этом этапе исследования мы, естественно, полностью абстрагируемся от археологических материалов. Необходимо указать, что в отечественной науке уже предпринимались аналогичные попытки, но они производились тогда, когда археологические материалы еще полностью отсутствовали[6]. В дальнейшем все большую роль в исследованиях по проблемам истории кочевников Средней Азии стали играть и материалы, полученные в результате археологических раскопок[7].

Необходимость подобного исследования – ориентированного только на анализ письменной традиции – может быть показана с помощью одного, но достаточно яркого, с нашей точки зрения, примера. В целом ряде широко известных исследований и популярных работ[8] при описании военных конфликтов между Александром Македонским и кочевниками, которые фиксируются древними авторами на берегах Сырдарьи в 329 г. до н.э., современные авторы определяют противников македонского царя как саков. Однако даже самый поверхностный анализ показывает, что в источниках, которые описывают конфликт, термин «саки» для обозначения этого народа не был употреблен ни разу[9]. Думается, что основной причиной такой аберрации, характерной не только для исследования этого периода, является давление восходящей еще к прошлому веку историографической традиции.

---

[4] *Медведев А.П.* Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону (Проблемы этнокультурной интерпретации) // ВДИ. 2002. № 3. С. 155.

[5] Там же.

[6] См., например: *Григорьев В.В.* О скифском народе саках. СПб., 1871; *он же.* Поход Александра Македонского в Западный Туркестан // ЖМНП. Ч. 217. Отд. II. 1881.

[7] Началом современного этапа исследования кочевнических обществ Средней Азии, видимо, можно считать работу: *Литвинский Б.А.* «Саки, которые за Согдом» // Труды АН Таджикской ССР. Т. 120. 1960. Подробный анализ современной литературы до 1972 г. см.: *он же.* Древние кочевники «крыши мира». М., 1972. С. 156–173.

[8] История Узбекской ССР. Т. I. Кн. 1. Ташкент, 1955. С. 60; *Пьянков И.В.* Саки (содержание понятия) // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. № 3 (53). 1968; *Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 96; *Will E., Mossé Cl., Goukowsky P.* Le monde grec et l'Orient. T. II. Le IV-e siècle et l'époque hellénistique. P., 1975. P. 286; *Wirth G.* Alexander der Grosse in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Reinbek, 1975. S. 40; *Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 252; *Bosworth A.B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. V. I. Oxf., 1980. P. 10; *Шифман И.Ш.* Александр Македонский. Л., 1988. С. 143; *Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. I. Изд. 2-е. Душанбе, 1989. С. 119.

[9] Особенно ярко это противоречие видно в «Комметарии» Босворта к соответствующим местам в сочинении Арриана, где на одной и той же строке присутствует цитата из оригинального текста, в которой стоит термин «скифы», а в комментарии употреблен термин «саки» (см. *Bosworth A.B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. V. II. Commentary on books IV–V. Oxf., 1995). Все дальнейшие ссылки на «Комментарий» Босворта имеют в виду т. II (кроме специально оговоренных случаев).

Необходимо указать в частности, что до сего времени в западной литературе главным авторитетом относительно маршрутов похода Александра в Средней Азии остается книга Ф. фон Шварца[10], который считается знатоком проблемы, так как несколько лет провел в этом регионе. Ф. фон Шварц (о чем не следует забывать) был просто любителем. Однако только небольшая часть западных исследователей скептически относится к выводам данного автора[11].

С нашей точки зрения, главным недостатком основной массы работ, в которых исследуются проблемы кочевников Средней Азии, и в частности, особенно важного вопроса о зонах их обитания в различные периоды (без решения которого невозможно никакое сопоставление данных письменных и археологических источников) является то, что авторы этих исследований постоянно используют данные письменных источников самого различного времени, хотя заведомо известно, что в течение античной эпохи неоднократно имели место очень значительные по масштабам передвижения кочевых народов Средней Азии, коренным образом менявшие этническую карту этого региона. Кроме того, это особенно опасно потому, что на протяжении веков могло меняться и менялось само содержание тех понятий, которые скрывались за терминами, обозначающими различные этносы, как это было с причерноморскими скифами[12].

Вместе с тем в истории кочевых народов Средней Азии был период, когда для исторически очень короткого отрезка времени (в сущности лишь трех лет) имеется уникальный комплекс нарративных источников, что позволяет сделать своего рода тонкий хронологический «срез», характеризующий ситуацию именно в это время. Этот период – время завоевания Средней Азии Александром Македонским.

События, в которых принимали участие кочевники во время завоеваний Александра Македонского в Средней Азии, в той или иной степени освещены в сочинениях каждого из тех пяти авторов, которые являются основными источниками для изучения этого периода истории: Арриана, Курция Руфа, Плутарха, Диодора, Юстина. Преимуществом всего этого круга источников является то, что все они основаны на ограниченном круге «первичных» источников, которые были созданы или практически одновременно с описываемыми событиями или вскоре после них («Эфемериды» или своего рода «дворцовый журнал», переписка македонского царя, сочинения Каллисфена, Харета Митиленского, Онесикрита, Неарха, Птолемея Лага, Аристобула, Клитарха) людьми или непосредственно участвовавшими в описываемых событиях, или очень близко стоявшими к ним и могущими также получить доступ к ряду документальных материалов[13].

В связи с рассматриваемой нами проблемой необходимо указать на некоторые особенности всех произведений античной традиции о походе Александра.

---

[10] *Schwartz F. von.* Alexander des Grossen Feldzüge in Turkestan. 2 Auf. Stuttgart, 1906. В то же время нам ни разу не встретилось ни одной ссылки, например, на «Историю таджикского народа», в первом томе которой содержится много более современный очерк этого периода, созданный специалистами (История таджикского народа. Т. I. С древнейших времен до V в. н.э. / Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М., 1963).

[11] См. *Engels D.W.* Alexander the Great and Logistics of the Macedonian Army. Berkley–Los Angeles–London, 1978. P. 99.

[12] См. *Погребова М.Н., Раевский С.Д.* Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных // ВДИ. 1993. № 4; *они же.* Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М., 1992.

[13] *Levi M.A.* Introduzione ad Alessandro Magno. Milano, 1977; *Seibert J.* Alexander der Grosse. Darmstadt, 1981. S. 3–24; *Маринович Л.П.* Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 22–35.

Все они пронизаны определенными тенденциями, что приводит постоянно к подчеркиванию одних моментов и затушевыванию других, но поскольку эти тенденции различны у разных авторов, то появляется возможность понять и воссоздать исторические реалии. Все произведения создавались их авторами в расчете на «широкий» круг читателей и поэтому должны рассматриваться не только как сочинения исторические, но и как литературные, что требует и соответствующих методов анализа. Во всех источниках, даже наиболее «рационалистических», в той или иной степени присутствует легендарный материал (например, визит к Александру царицы амазонок), который необходимо отделять от реального. Во всех источниках многочисленные речи, произносимые героями (например, речи скифских послов, обращенные к Александру перед сражением на Танаисе), сочинены самими авторами и ни в коем случае не могут считаться аутентичными. Наконец, необходимо подчеркнуть, что в том сюжете, который мы исследуем, особое место принадлежит проблеме географических «координат» того пространства, в котором разворачивалось действие, поскольку этот регион до походов Александра оставался практически неизвестным греческой науке и «освоение» его проходило в таких условиях, что неизбежны были весьма значительные ошибки, без анализа которых невозможно понять многое в содержании текстов[14].

Из упомянутого нами списка пяти основных авторов наибольшего внимания требуют труды Арриана[15] и Курция Руфа[16], поскольку именно в них содержится львиная доля информации о том, что происходило в Средней Азии. Поэтому мы придаем особое значение проблеме сопоставления их данных. Вместе с тем, исходя из современного уровня изученности источников, мы не отдаем безусловного приоритета свидетельствам Арриана[17]. Современные исследователи показали, что в труде Арриана, поскольку он в значительной мере основан на сочинении Птолемея Лага, имеется целый ряд искажений исторических реалий, порожденных как пристрастиями первого из эллинистических египетских царей, желавшего принизить роль своих соперников (и лиц из их окружения), бывших, как и он сам, участниками похода Александра[18], так и слишком большой зависимостью от официальных документов, исходивших из штаба Александра, в которых, например, практически всегда преувеличивались силы неприятелей и преуменьшались потери македонян[19]. С другой стороны, современные исследователи показали, что сочинение Курция Руфа нельзя недооценивать, как это делалось еще совсем недавно. Во-первых, отчасти подверглась переоценке роль его основного источника – Клитарха, который сейчас считается более

[14] Подробнее см. *Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 27 сл.

[15] Мы пользовались следующими изданиями и переводами Арриана: *Arrian* / With an English Translation by E.I. Robson. Anabasis Alexandri in two Volumes. L.–Cambr. (Mass.), 1961–1966; *Arrian.* Der Alexanderzug. Indische Geschichte / Griechisch und Deutsch von G. Wirt und O. von Hinuber. T. I–II. B., 1985; *Арриан.* Поход Александра / Пер. с древнегреч. М.Е. Сергеенко. М.–Л., 1962.

[16] Мы пользовались следующими изданиями и переводами Курция Руфа: *Q. Curti Rufi.* Historiarum Alexandri Magni Macedonis. Libri qui supersunt. Recognovit Th. Vogel. Lipsiae, 1889; *Quintus Curtius.* With an English Translation by J.C. Rolfe in Two Volumes. L., 1946; Quint-Curce Histories. Texte etabli et traduit par H. Bardon. T. I–II. P., 1948; *Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. Сохранившиеся книги / Пер. под ред. В.С. Соколова. М., 1963.

[17] Как это делалось еще совсем недавно под влиянием, главным образом немецкой историографии XIX века, создавшей своего рода «культ Арриана» (см. *Seibert.* Alexander der Grosse. S. 34; *Маринович.* Время Александра Македонского. С. 60).

[18] *Bosworth A.B.* Arrian and the Alexander Vulgate // Alexandre le Grand. Image et réalité (Entretiens sur l'Antiquité classique. T. XXII). Vandoeneure–Genéve, 1975.

[19] *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1984. С. 98.

достоверным, чем ранее[20], во-вторых, особо была показана ценность Курция Руфа именно для того периода, который нам сейчас наиболее интересен – периода действий Александра в Средней Азии[21].

Фактором, облегчающим наш анализ, является то обстоятельство, что основная часть информации о кочевниках Средней Азии не играла сколько-нибудь серьезной роли в идейных «конструкциях» всех авторов, писавших об Александре Македонском, и соответственно они не были заинтересованы в каких-либо манипуляциях с этой информацией.

С самого начала отметим, что в наших источниках представлены следующие кочевые народы Средней Азии или точнее представлены следующие термины, обозначающие эти народы: скифы, скифы европейские, скифы азиатские, скифы-абии, дахи, массагеты, саки.

Впервые среднеазиатские кочевники упоминаются в текстах античных авторов в связи с описанием битвы при Гавгамелах (1 октября 331 г. до н.э.)[22]. Это было связано с тем, что тогда впервые были призваны силы восточных сатрапов, а также контингенты союзников Дария – кочевых народов Средней Азии[23]. Сведения о составе персидской армии (и соответственно кочевнических контингентов в ее рядах) вполне могут быть достаточно достоверными[24], так как, по свидетельству Арриана, после битвы был захвачен персидский военный архив, включая и диспозицию на битву[25]. Затем кочевники присутствуют, как самые активные участники, во многих событиях среднеазиатских кампаний и в последний раз – уже в рассказе о походе Александра в Индию, как отдельные отряды в составе его армии (Arr. V. 12. 2; Curt. Ruf. VIII. 14. 5; IX. 2. 24).

Рассмотрим свидетельства авторов об отдельных среднеазиатских кочевых народах. Думается, что отправной точкой в нашем исследовании должен быть анализ термина «скифы».

СКИФЫ

В описании событий, непосредственно предшествующих битве при Гавгамелах, Курций Руф говорит о приходе скифов (упоминаются также бактрийцы, инды и несколько военных отрядов ряда других народов: Curt. Ruf. IV. 9. 2). Это же событие описано и Аррианом. Он дает достаточно длинный список тех народов, которые пришли на помощь Дарию, и в этом списке упоминаются саки (Arr. III. 8. 3–6). О саках, по-видимому, специально говорится потому, что они, хотя и пришли совместно с индами, «соседями бактрийцев», самими бактрийцами и согдийцами (которыми руководил Бесс – «сатрап бактрийской земли»), тем не менее их положение внутри государства и армии было особым – «они не подчинялись Бессу, а были непосредственными союзниками Дария» (οὐχ ὑπήκοοι οὗτοι Βήσσου, ἀλλὰ κατὰ συμμαχίαν τὴν Δαρείου) (Arr. III. 8. 3).

[20] *Schachermeyer F.* Alexander der Grosse. Ingenium und Macht. Graz–Salzburg–Wien, 1949. S. 129–131; *idem.* Alexander in Babylon und Reichsordnung nach seinem Tode. Wien, 1970. S. 81–92; *Шахермайр.* Александр Македонский... С. 5, 95–96; *Will, Mossé, Goukowsky.* Le monde grec... P. 249.

[21] *Radet G.* La valeur historique de Quinte-Curce // CRAI. 1924. P. 355–365; *Bosworth A.B.* Alexander and Iranians // JHS. 1982. 100. P. 6; *Маринович.* Время Александра Македонского. С. 60.

[22] *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 264.

[23] *Шахермайр.* Александр Македонский... С. 163–164.

[24] *Bosworth.* A Historical Commentary... P. 297.

[25] Арриан ссылается на Аристобула (III. 11. 3). Ф. Шахермайр (Александр Македонский... С. 164), вопреки ясному указанию Арриана, считает, что основным источником всех сведений был Каллисфен.

Кроме того, в этом описании имеется очень важное указание на то, кем являются, по мнению Арриана, эти саки: «это скифское племя из тех скифов, которые живут в Азии» (Σκυθικὸν τοῦτο τὸ γένος τῶν τὴν Ἀσίαν ἐποικούντων Σκυθῶν). Арриан также сообщает, что ими «предводительствовал Мавак» (ἡγεῖτο δὲ αὐτῶν Μαυάκης) и что они были «всадниками, стрелявшими из лука» (αὐτοὶ δὲ ἱπποτοξόται ἦσαν) (там же).

Таким образом, уже один этот эпизод дает нам отправную точку для понимания соотношений понятий «скифы» и «саки». Скифы – это понятие генеральное, охватывающее ряд народов, следующая ступенька на пути к более конкретному определению народа – азиатские скифы (по умолчанию подразумевается, соответственно, наличие и европейских скифов) и, наконец, самое конкретное определение – саки. Различие между Аррианом и Курцием Руфом следовательно состоит в том, что первый употребил более частный и более конкретный термин, а второй – самый общий из тех, которые могли быть использованы. Вполне вероятно, что подобное словоупотребление Курция Руфа не случайно, что он использовал этот термин намеренно, поскольку в самом описании битвы у него появляется несколько различных народов, которые он тогда же или несколько позднее называет скифскими[26].

В описании построения персидского войска в этой битве Арриан говорит о скифской коннице (οἵ τε Σκύθαι ἱππεῖς) в авангарде левого фланга (вместе с бактрийцами и сотней серпоносных колесниц) (Arr. III. 11. 6). При этом необходимо указать, что эти скифы отличаются автором от даев (дахов), которые совместно с бактрийцами и арахотами входили в состав основных сил левого фланга (Arr. III. 11. 3), а также саков, которые находились на правом фланге (Arr. III. 11. 4). Курций Руф отмечает наличие на левом фланге 1000 дахов, а также массагетов (Curt. Ruf. IV. 12. 6). Описание правого фланга у него очень суммарно. Таким образом, из сопоставления свидетельств этих двух авторов мы можем сделать следующие выводы: левое крыло персидской армии включало, по Арриану, представителей следующих среднеазиатских кочевых народов – скифов и дахов. По Курцию Руфу здесь находились дахи и массагеты. Исходя из этого, мы можем сделать вывод: тот народ, который Арриан называл (используя «генеральный» термин) скифами, у Курция Руфа был определен с помощью наиболее конкретного термина, как массагеты. На основании этого мы можем сделать еще один вывод: античные авторы в тех случаях, когда они не знают точного этнического определения для того или иного среднеазиатского кочевого народа (или в том случае, если они не хотят в силу каких-либо причин его определять точно), пользуются самым общим термином – скифы.

В самом описании битвы[27] особое место у всех авторов занимает прорыв персидской конницы к македонскому обозу. При этом Арриан называет тот

[26] Представляется совершенно неправильной концепция Э.Б. Босворта (*Bosworth*. A Historical Commentary... P. 289), считающего, что термин саки является тем «генеральным» термином, который использовал Арриан для обозначения кочевых народов Средней Азии, а не обозначением конкретного народа. Автор не учел того, что тут же Арриан очень четко определил саков как скифский народ из тех скифов, которые живут в Азии. Кроме того, Э.Б. Босворт не учел и того обстоятельства, что далее в тексте Арриан прямо называет скифов, даев (III. 11. 6) и саков (III. 11. 4) как конкретные этносы. Автор совершенно не прав, когда считает, что дахи и массагеты, упоминаемые позднее, являются «частями» сакского этноса. Причиной этой ошибки, как мы (в более общей форме) отмечали, является постоянное использование источников самого различного времени, что мы видим и в данном случае, где Э.Б. Босворт привлекает свидетельства как Геродота, так и Страбона.

[27] *Seibert*. Alexander der Grosse. S. 127–129; *Marsden E.W.* The Campaign of Gaugamela. Liverpool, 1964.

отряд, который туда прорвался, состоящим из скифов и приданных им бактрийцев (Arr. III. 13. 2–3). У Диодора[28] также упоминается этот прорыв к обозу, и в нем участвуют кадусии и тысяча скифских всадников (Diod. XVII. 59. 5 и 8). Однако в тексте Курция Руфа вместо безличных скифов говорится о конкретных массагетах (Curt. Ruf. IV. 15. 2). Свидетельство Курция Руфа обладает особой ценностью, поскольку Арриан, как показано современными исследованиями[29], в силу ряда причин стремился преуменьшить значение этого успеха персов и поэтому описал его более суммарно, чем Курций Руф, у которого в данном случае не было причин затушевывать истину. Этот эпизод, с одной стороны, еще раз подтверждает наш предыдущий вывод о возможности употребления общего термина вместо конкретного, а с другой, дает нам возможность выяснить еще один метод употребления термина «скифы» античными авторами. Дело в том, что Курций Руф в описании дальнейших действий этого же самого отряда использует иные термины. Говоря о том, что подразделение македонской конницы под командованием Менида ничего не смогло противопоставить этому прорвавшемуся к обозу отряду персидской армии, он на этот раз тот же отряд определяет по-иному: он называет его состоящим из скифов и кавказцев (Curt. Ruf. IV. 15. 12). Наконец, против этого же отряда (теперь он уже называется скифским) выступает еще одно подразделение македонской конницы под командованием Ареты (Curt. Ruf. IV. 15. 13). В развернувшемся бою Арета убивает вождя скифов (Curt. Ruf. IV. 15. 18). Таким образом, мы видим еще один метод использования термина «скифы». Курций Руф начинает рассказ с указания на конкретный этнос, а затем, видимо, не желая повторяться, использует более общий.

Подводя итоги этой части нашего исследования, мы можем с достаточно большой долей уверенности говорить о том, что термин «скифы» античные авторы, описывавшие поход Александра Македонского, употребляли в следующих случаях: *1)* когда имели в виду вообще кочевые племена, населявшие Среднюю Азию и южнорусские степи; *2)* когда они имели в виду несколько народов этого типа и не стремились уточнить, о каких именно конкретных народах шла речь; *3)* когда авторы не знали (или в силу каких-либо причин не хотели сообщить) точное название народа; *4)* когда авторы, назвав уже конкретный народ, в дальнейшем в чисто редакционных целях, стараясь избежать повторений, использовали термин «скифы» вместо конкретного термина.

Рассмотрение последующих событий только укрепляет нас в справедливости данного вывода. После битвы при Гавгамелах среднеазиатские кочевники появляются в текстах в тот момент, когда вслед за завоеванием Месопотамии, Сузианы и Персиды Александр двинулся в Мидию, где находился Дарий. Об этом сообщает, правда, только Арриан. Сначала Александр узнает, что к Дарию прибыли союзники-скифы и кадусии (Arr. III. 19. 3). Чуть позже выясняется, что эта информация – ложная и скифы не пришли на помощь к персидскому царю (Arr. III. 19. 4). К сожалению, никакой дополнительной информации о том, кто конкретно понимался в данном случае под этим общим термином, нет.

Движение войск Александра Македонского к Экбатанам привело к бегству Дария из этого города. Во время этого отступления среди части персидской

[28] Мы пользовались следующими изданиями и переводами труда Диодора: Diodorus of Sicily. With an English Translation by R.M. Geer. V. IX–X. L.–Cambr. (Mass.), 1962–1961; *Диодор*. Историческая библиотека. Кн. XVII // Доп. к кн.: *Арриан*. Поход Александра / Пер. М.Е. Сергеенко. М., 1962.

[29] *Bosworth*. Arrian and the Alexander Vulgate. P. 9–11.

знати, во главе которой стоял сатрап Бактрии Бесс, созрел заговор. Дарий сначала был арестован, а затем убит заговорщиками (июль 330 г. до н.э.)[30]. Бесс со своими соратниками и отрядами верных ему войск бежал в Бактрию. Перед приходом армии Александра в Бактрию ей предстояло еще покорить Гирканию, Арию, Дрангиану, Арахозию и преодолеть горы Парапомисада. В 329 г. армия Александра оказалась на южных рубежах Бактрии. События, которые развернулись здесь, снова потребовали участия воинских контингентов из среды среднеазиатских кочевников. В результате этого они вновь появились на страницах наших источников.

Еще в тот момент, когда Александр находился в пределах Арии, некие персы принесли ему информацию о действиях Бесса: «Бесс надел высокую тиару и персидскую столу, называет себя не Бессом, а Артаксерксом, и говорит, что он царь Азии. К нему собрались персы, бежавшие в Бактрию, много бактрийцев, и он поджидает прихода скифов-союзников» (Σκύθας ξυμμάξους) (Arr. III. 25. 3). Несколько позднее Арриан дает чуть иную информацию. На этот раз он сообщает о тех силах, которые реально были в распоряжении Бесса: он говорит о персах, принимавших участие в аресте Дария, бактрийцах, которых было около 7000, и «даях, народе, живущем за Танаисом» (καὶ Δάας τούς ἐπὶ τάδε τοῦ Τανάϊδος ποταμοῦ ἐποικοῦντας) (Arr. III. 28. 8). Здесь необходимо обратить внимание на то, что из трех упомянутых народов в обоих случаях совпадают два: персы и бактрийцы. Что же касается третьего составляющего элемента, то в одном случае о них говорится как о скифах-союзниках, которые должны прийти, а в другом – как о даях, которые имеются в наличии. Есть все основания полагать, что здесь имелся в виду один и тот же народ. Таким образом, и в данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда термин «скифы» употребляется в качестве заменителя конкретного термина (здесь даи). Однако в тексте Курция Руфа, говорящего о тех же самых событиях, картина несколько иная. Так, в речи Бесса, в которой он обещает своим сторонникам, что к ним на помощь придут различные народы, упоминаются среди прочих и дахи и скифы, живущие за Танаисом (Venturos autem Chorasmios et Dahas Sacasque et Indos et ultra Tanaim amnem colentes Scythas) (Curt. Ruf. VII. 4. 6). Несколько позднее, в тот момент, когда Александр находился в столице Бактрии Бактрах, ему становится известно о том якобы, что на помощь Бессу подходят скифы, живущие за рекой Танаис (Scythas, qui ultra Tanaim amnem colunt, adventare, Besso ferentes opem) (Curt. Ruf. VII. 4. 32). Эта информация содержится только у Курция Руфа. Не известно, было ли это сообщение правдивым или ложным.

Для нашей темы наиболее важны, однако, не эти вопросы, но иные – терминологические. Оставим сейчас рассмотрение вопроса о дахах, отметим только, что они определяются, как «живущие за Танаисом». Для нас важно другое наблюдение: в двух приведенных выше местах Курция Руфа говорится о скифах (явно отличающихся от дахов), имеющих очень четкий определитель – «скифы, живущие за Танаисом» («ultra Tanaim amnem colentes Scythas» и «Scythas, qui ultra Tanaim amnem colunt»). Таким образом, помимо термина «скифы», с употреблением которого мы уже знакомы, Курций Руф использует еще и дополнительный термин – «скифы, живущие за Танаисом», который, кажется, указывает на какой-то определенный этнос.

[30] Дискуссию о дате см. *Seibert*. Alexander der Grosse. S. 139–140.

Еще один скифский этнос присутствует в тех частях текста Арриана и Курция Руфа, которые описывают пребывание Александра Македонского уже на территории собственно Средней Азии. Мы имеем в виду информацию о приходе к нему послов. Арриан рассказывает о приходе послов «от скифов, именуемых абиями» (Σκυθῶν τῶν Ἀβίων καλουμένων). Тут же автор дает краткую справку о них: историческую («их воспел Гомер в своей поэме, назвав справедливейшими людьми»), географическую («они живут в Азии») и этнографическую («независимы – в значительной мере благодаря бедности и справедливости») (Arr. IV. 1. 1).

Одновременно прибыли послы и от другой группы кочевников – европейских скифов (ἐκ τῆς Εὐρώπης Σκυθῶν), о которых Арриан говорит только следующее: «это самое большое племя, живущее в Европе» (οἱ δὲ τὸ μέγιστον ἔθνος ἐν τῇ Εὐρώπῃ ἐποικοῦσι) (Arr. IV. 1. 1). Далее Арриан рассказывает о действиях Александра в связи с прибытием этих послов: «С ними Александр отправил кое-кого из своих "друзей" под предлогом заключения дружбы; настоящая же цель этого посольства была в том, чтобы познакомиться с природой скифской земли и узнать, велико ли народонаселение, каковы его обычаи и с каким вооружением выходит оно на войну» (Arr. IV. 1. 2).

Почти та же самая информация имеется и у Курция Руфа. Согласно его сообщению, к Александру «прибыли послы скифов-амбийцев (legati deinde Ambiorum Scytharum superveniunt), сохранявших свободу со времени смерти Кира, теперь же желавших подчиниться Александру. Их признавали самым справедливым племенем варваров; они брались за оружие, только когда их задевали; по опыту умеренной и справедливой свободы они уравняли между собой простых людей и старейшин. Царь беседовал с ними милостиво и послал к европейским скифам одного из "друзей", по имени Пенда, передать им, чтобы они не переходили без его разрешения границу своей области, реку Танаис (ne Tanaim amnem regionis iniussu regis transirent). Ему же было поручено ознакомиться с характером страны и посетить скифов, живущих на берегах Боспора» (Scythas, qui super Bosporon incolunt, viseret) (Curt. Ruf. VII. 6. 11–12).

Таким образом, в этом наборе сообщений имеется информация о двух различных скифских этносах: скифах-абиях (по Арриану), скифах-амбиях (по Курцию Руфу), которые, бесспорно, представляли один и тот же этнос. Хотя детали информации и расходятся, тем не менее в основе она одна и та же. Оставим пока в стороне проблему абиев[31] и сосредоточим свое внимание на другой группе скифов, упомянутых в этих источниках.

О них говорят и Арриан, и Курций Руф. В чем сходится и в чем расходится их информация? Единственное расхождение в информации о событиях в сообщениях двух авторов состоит в том, что в тексте Арриана очень определенно говорится, что одновременно с посольством от абиев прибыло посольство и от европейских скифов. В тексте же Курция Руфа этот вопрос «смазан» и мо-

[31] Мы не решаемся в данной работе рассматривать вопрос о скифах-абиях, поскольку в античной традиции этот кочевой народ занял совершенно особое место как своего рода воплощение благородной и мудрой бедности, и поэтому практически невозможно отделить реальную основу сведений о нем от чисто литературной традиции. См. *Куклина И.В.* Ἄβιοι в античной литературной традиции // ВДИ. 1969. № 3. Вдобавок ситуацию усугубляет установившаяся в античной литературе связь абиев с представлением об скифе Анахарсисе, которого эта традиция сделала чисто фольклорным персонажем. См. *Куклина И.В.* Анахарсис // ВДИ. 1971. № 3, а также *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 187, 316. См. также *Bosworth.* A Historical Commentary... P. 13–15.

жет создаться впечатление, что второго посольства не было и царь просто воспользовался приходом послов от абиев, чтобы завязать контакты с европейским скифами.

Что касается остальной информации, то она в значительной мере совпадает. У обоих авторов македонский царь посылает к европейским скифам посольство (по Арриану – «кое-кого из своих "друзей"», по Курцию Руфу – «одного из "друзей"», по имени Пенда»). Цель миссии – двойная: *1)* разведывательная («настоящая же цель этого посольства была в том, чтобы познакомиться с природой скифской земли и узнать, велико ли народонаселение, каковы его обычаи и с каким вооружением выходит оно на войну» – по Арриану, «ему же было поручено ознакомиться с характером страны» – по Курцию Руфу); *2)* дипломатическая («под предлогом заключения дружбы» – у Арриана, «передать им, чтобы они не переходили без его разрешения границу своей области, реку Танаис... посетить скифов, живущих на берегах Боспора» – по Курцию Руфу). Таким образом, при совпадении в основных чертах информации у двух авторов, Курций Руф дает более развернутую характеристику дипломатической стороны миссии. Из этой характеристики следует, что границей обитания европейских скифов является река Танаис и что они находятся сравнительно недалеко от Боспора.

Для понимания того, кого имели в виду авторы, необходимо обратиться к дальнейшему изложению событий. Основное, что характеризует этот период, – столкновение именно на берегах реки Танаис[32]. События Арриан представляет следующим образом: «В это время на берега Танаиса прибыло войско азиатских скифов (τῶν ἐκ τῆς Ἀσίας Σκυθῶν); многие прослышали о восстании варваров, живущих за рекой, и собирались и сами напасть на македонян, если восстание окажется действительно серьезным» (Arr. IV. 3. 6)[33]. Скифы не уходили от реки и провоцировали Александра. В раздражении он решил переправиться через реку и напасть на них. Однако знамения были неблагоприятными. Несмотря на это, Александр начал переправу при поддержке огня своих боевых машин: «машины по данному знаку стали метать стрелы в скифов, скакавших на лошадях по берегу. Некоторые были ранены; одному стрела пробила насквозь щит и панцирь и он упал с лошади. Скифы испугались стрел, летящих на такое большое расстояние, и того, что богатырь их убит, и отошли немного от берега» (Arr. IV. 4. 4). Воспользовавшись этим, армия Александра начала переправу. В результате достаточно горячего сражения македонская армия опрокинула скифов. «Их пало около тысячи, в том числе один из их предводителей, Сатрак; в плен взято было человек полтораста» (Arr. IV. 4. 8). В ходе преследования Александр напился плохой воды и заболел. «В скором времени к Александру явились послы от скифского царя (παρὰ τοῦ βασιλέως Σκυθῶν) с извинениями в том, что произошло: действовал ведь не скифский народ в целом (οὐκ ἀπὸ τοῦ κοινοῦ τῶν Σκυθῶν), а шайка разбойников и грабителей; царь же готов исполнить все, что прикажет Александр» (Arr. IV. 5. 1).

---

[32] *Seibert J.* Die Eroberung des Perserreiches durch Alexander den Grossen auf kartographischer Grundlage. Wiesbaden, 1985. S. 132.

[33] По-видимому, справедливо мнение тех исследователей, которые считают, что и у Арриана, и у Курция Руфа в описании этих событий, несмотря на общее сходство, были различные источники: у Арриана – Аристобул и Птолемей, а у Курция Руфа, – возможно, Клитарх, хотя и не обязательно только он. При этом, например, речи скифских послов у Курция Руфа, конечно, не заимствованы из источника, а сочинены самим Курцием в духе стоических концепций. См. *Hammond N.G.L.* Three Historians of Alexander the Great. The So-called Vulgate Autors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambr., 1983. P. 143–144.

В описании Курция Руфа эти же события выглядят следующим образом: «Царь скифов, держава которого простиралась тогда по ту сторону Танаиса (At rex Scytharum, cuius tum ultra Tanaim imperium erat), считал, что город, основанный македонянами на берегу реки [имеется в виду Александрия Эсхата], является ярмом на его шее. Поэтому он послал брата по имени Картазис с большим отрядом всадников разрушить этот город и далеко отогнать македонское войско от реки» (Curt. Ruf. VII. 7. 1). Немедленно вслед за этим идет объяснение географической ситуации: «Танаис отделяет бактрийцев от скифов, называемых европейскими. Кроме того, он является рубежом Азии и Европы» (Bactrianos Tanais ab Scythis, quos Europaeos vocant, dividit. Idem Asiam et Europam finis interfluit) (Curt. Ruf. VII. 7. 2). Далее события развиваются следующим образом. Александр решает напасть на скифов, находящихся на другом берегу, в Европе. Обсуждая с ближайшими помощниками ситуацию, он, наряду с другими соображениями, высказывает и следующее: «пока пришел только один отряд этого племени (скифов), других полчищ еще ждут» (Curt. Ruf. VII. 7. 17). Как и в рассказе Арриана, большое место занимает проблема неблагоприятных предсказаний. Правда, в отличие от Арриана, здесь предзнаменования в конце концов стали благоприятными. Перед началом переправы в лагерь Александра приходят 20 скифских послов. Большое место в рассказе Курция Руфа занимает та речь, с которой старейший из послов обращается к Александру. После этого начинается рассказ о переправе македонского войска. В этом рассказе, в деталях отличающемся от рассказа Арриана, важная роль также принадлежит метательным машинам. Войско скифов (уточняется, что оно было конным) не выдержало удара македонян и бежало. Долгое преследование принесло еще больше потерь скифам (Curt. Ruf. VII. 9. 2–16).

Далее Курций Руф дает описание результатов победы: «Этот поход благодаря молве о столь удачной победе привел к усмирению значительной части отпавшей Азии. Ее население верило в непобедимость скифов; их поражение заставило признать, что никакое племя не сможет сопротивляться оружию македонян...» (Curt. Ruf. VII. 9. 17).

Этот блок информации представляет определенную трудность для интерпретации. Отметим прежде всего то, что совпадает у двух авторов. Оба автора начинают с того, что в сущности дают совершенно одинаковую географическую картину происшедших событий[34], кроме того, они достаточно точно определяют этнос противников Александра: Арриан – как азиатских скифов, Курций Руф – как европейских[35]. В дальнейшем они, как обычно, пользуются сокращенным вариантом наименования, называя их просто скифами. Большинство информации полностью совпадает: оба автора указывают, что вражеские отряды располагались на другом берегу реки Танаис. Точно так же они говорят о царстве скифов (до этого ни у одного кочевого народа, упомянутого нашими источниками, цари и царская власть не фиксируются). Из тех сведений, которые представлены только у одного автора, но не противоречат свидетельствам другого, необходимо отметить следующее: указание Арриана о том, что в данном скифском обществе возможно военное предприятие, которое не является предприятием всего государства, а осуществляется только частью этого общества.

[34] *Seibert*. Die Eroberung des Perserreiches... S. 132–133.

[35] В книге А.С. Шофмана (*Шофман А.С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 131) автор, ссылаясь именно на эти места в тексте Курция Руфа, тем не менее называет этих скифов азиатскими.

Столь же важно, что эта группа, организующая данное предприятие и участвующая в нем, определяется как шайка разбойников и грабителей.

Основное противоречие же, зафиксированное при сопоставлении свидетельств двух авторов, состоит в том, что Арриан называет скифов, с которыми сражался Александр, азиатскими, в то время как Курций Руф – европейскими. Не входя в рассмотрение всех достаточно сложных вопросов, связанных с проблемой границ завоеваний Александра и соотнесения их с границами ойкумены[36], мы отметим только, что, как доказал П. Гуковски, Курций Руф следовал географической схеме Клитарха[37]. Возникновение представлений, свойственных этой схеме, хорошо показал Страбон: «И общеизвестные рассказы, сочиненные для прославления Александра, не находят всеобщего признания; их сочинители думали больше о лести, чем об истине. Так, например, они переносят название "Кавказ" с гор, возвышающихся над Колхидой и Евксинским Понтом, на Индийские горы и лежащее поблизости от них Восточное море» (Strabo. XI. 5. 5)[38].

Именно это уподобление двух совершенно различных горных цепей привело к тем поразительным ошибкам в понимании географической ситуации, которые мы видим (в той или иной степени) у всех авторов, описывавших поход Александра Македонского в Средней Азии. Страбон не прав только в одном, он считал, что искажение географических реалий происходило из желания польстить Александру. Причина в действительности была иной, она была порождена особенностями греческого мифологизированного мышления и массового сознания.

Как известно, в процессе колонизации греки сталкивались с неизвестными им ранее территориями и народами, и существовала необходимость их «освоения» как в чисто физическом, так и в ментальном отношении. Для мифологизированного сознания это означало перенесение на осваиваемые территории зоны деятельности греческих богов и героев, что делало эти страны из незнакомых знакомыми, из враждебных – дружественными[39]. Этот принцип действовал не только в период Великой греческой колонизации, но и в период походов Александра Македонского. Сам Страбон чуть ниже дает примеры этого, показывая, как греки «осваивали» новые территории: путем связывания их с мифами о Геракле и Прометее[40].

Дальнейшим развитием этой схемы стало уподобление среднеазиатских рек рекам Северного Причерноморья, текущим сравнительно недалеко от Кавказа. Так, в частности река Сырдарья (Яксарт) стала восприниматься как река Танаис (Дон), а поскольку, по представлениям древних, именно Танаис был границей между Европой и Азией, то естественным результатом этого уподобления стало представление о том, что кочевники, находившиеся на восточном берегу Сырдарьи, – это европейские скифы[41]. Эта идея, как мы отмечали,

---

[36] *Goukowsky P.* Essai sur les origines du mythe d'Alexandre (336–270 av. J.-C.). V. I. Les origines politiques. Nancy, 1978. P. 149–165. См. также *Пьянков.* Средняя Азия... С. 27–63.

[37] *Goukowsky.* Essai... P. 155–159. См. также *Пьянков И.В.* Средняя Азия... С. 37 сл.

[38] Мы пользовались следующими изданиями и переводами Страбона: *Strabon.* The Géography with an English Translation by H.L. Jones. In eight Volumes. V. V. Cambr. (Mass.)–L., 1975; *Strabo.* Géographie. T. VIII (Livre XI). Text établi et traduit par F. Lassere. P., 1969; *Страбон.* География в 17 книгах / Пер., ст. и коммент. Г.А. Стратановского, под общей ред. С.Л. Утченко, ред. перевода О.О. Крюгер. М., 1994.

[39] *Dougherty C.* The Poetics of Colonization. From City to Text in Archaic Greece. N.Y.–Oxf., 1993.

[40] См. также *Strabo.* XV. 1. 6–8.

[41] *Goukowsky.* Essai... P. 158.

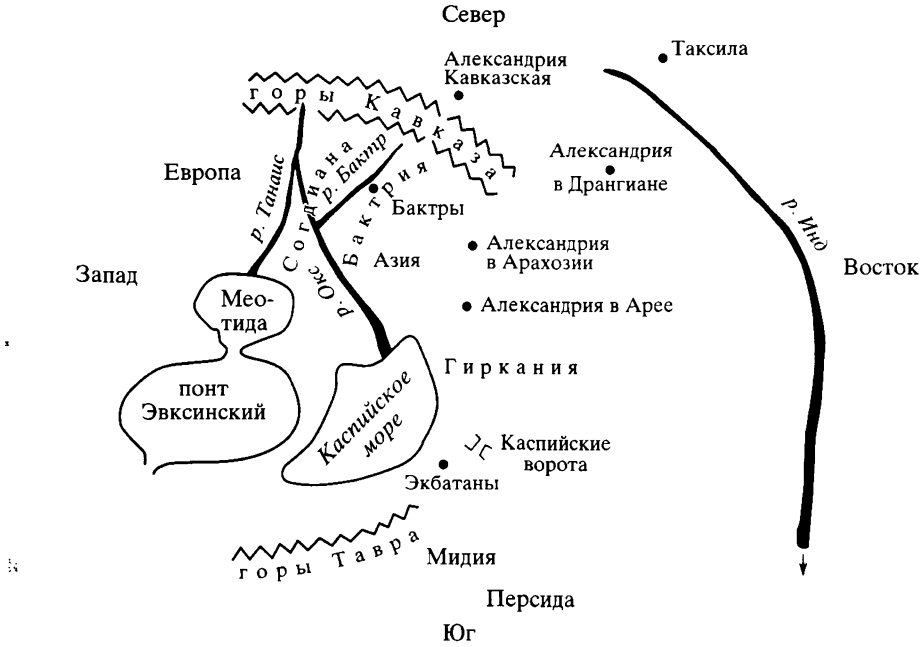


Рис. 1. Географическая схема Клитарха (по П. Гуковски)

наиболее ярко была представлена в труде Клитарха, откуда ее заимствовал Курций Руф. Все эти наблюдения над географическими концепциями времени Александра давно уже делались в науке[42], однако П. Гуковски очень удачно суммировал эти наблюдения и наглядно представил их на карте, которую мы у него заимствуем (рис. 1). Более сложная картина с географическими представлениями Арриана. Он, в частности, больше ориентировался на географические представления Эратосфена, хотя далеко не всегда[43]. В том, что касается реки Танаиса (Сырдарьи), он довольно сильно расходился с Курцием Руфом: «Оттуда он двинулся к реке Танаису. Истоки этого Танаиса, который местные варвары называют еще, по словам Аристобула, Орксантом, находится тоже на горе Кавказ; впадает и эта река в Гирканское море. Должен быть еще другой Танаис, о котором историк Геродот пишет, что это восьмая река у скифов: она вытекает из большого озера, а впадает в озеро еще большее; называется оно Меотийским. Некоторые говорят, что этот Танаис является границей между Европой и Азией; по их мнению, Меотийское озеро выходит из глубины Эвксинского моря, и в это озеро и впадает Танаис, разделяющий Азию и Европу, подобно тому, как море между Гадирами и ливийскими номадами, живущими напротив Гадир, отделяет Ливию от Европы; по их же мнению, Ливия отделена от остальной Азии рекой Нилом» (Ант. III. 30. 7–9). Как мы видим, Арриан (во всяком случае в данном месте) четко различает два Танаиса: Танаис-Дон, который разделяет Европу и Азию, и тот Танаис, на берегах которого оказалась армия Александра. Поэтому для него скифы, с которыми пришлось сражаться Александру, – азиатские.

[42] *Bosworth*. A Historical Commentary... I. P. 377–378.
[43] Ibid. P. 32.

В последующее время скифы упоминаются в рассказах о двух событиях: гибели большого македонского отряда под Маракандой[44] и набеге Спитамена на Бактрию[45]. Однако в обоих случаях мы имеем возможность выявить, какой именно скифский этнос имелся в виду. В первом случае Курций Руф уточняет, что имелись в виду дахи, во втором случае – сам Арриан позднее разъясняет ситуацию, указывая, что речь шла о массагетах.

Следующий сюжет, где вновь говорится о скифах, – прибытие послов[46]. Согласно Курцию Руфу, Александр тогда находился в Мараканде: «Туда приехал к нему Берда, посланный им в свое время к скифам, живущим за Боспором. Он прибыл с послами этого народа. Фратаферн, стоявший во главе Хорезма, объединившись с соседями по области массагетами и дахами, также послал людей уверить царя в своей покорности...». Далее автор рассказывает, что скифы предлагали Александру взять в жены дочь их царя. Если же Александр сочтет ее недостойной этого брака, то послы предлагали, чтобы знатнейшие македоняне вступили в брак со знатными женщинами скифского народа, а их царь сам прибудет к Александру (Curt. Ruf. VIII. 1. 7–9).

Те же самые события отнесены Аррианом к несколько более раннему времени, но описываются в основных чертах аналогичным образом (с добавлением некоторых деталей и с иным именем правителя Хорезма): «К Александру пришло опять посольство от европейских скифов; с ними были и послы, которых он сам отправил к скифам. Скифский царь как раз умер, когда их послал Александр, и теперь царствовал его брат. Посольство должно было сообщить, что скифы готовы сделать все, что скажет им Александр; ему поднесли от скифского царя дары, которые у скифов почитаются самыми драгоценными; царь готов выдать за Александра и свою дочь ради укрепления дружественного союза. Если Александр не удостоит скифскую царевну своей руки, то царь готов выдать за самых верных друзей Александра дочерей скифских сатрапов и прочих могущественных людей скифской земли. Царь и сам придет к Александру, если он ему это прикажет, чтобы от него самого услышать его распоряжения. В это же время пришел к Александру и Фарасман, царь хорасмиев, с конницей в полторы тысячи человек. Фарасман рассказал, что он живет по соседству с племенем колхов и с амазонками, и вызвался, если Александр пожелает, ударив на колхов и амазонок, покорить заодно и племена, живущие у Эвксинского моря, быть ему проводником и заготовить все необходимое для войска» (Arr. IV. 15. 1–4).

Бесспорно, у обоих авторов имеются в виду одни и те же события и рассказы о них совпадают в столь значительном количестве деталей (идентичность рассказа о брачных предложениях и объединение в один блок рассказа о посольстве от скифов и хорезмийцев), что это не может быть случайным и единственное приемлемое объяснение – весь этот сюжет у обоих авторов восходит к одному и тому же источнику – в данном случае к Клитарху[47]. Кроме того, несомненно, что этот сюжет является прямым продолжением того сюжета, который мы рассматривали несколько выше – о посольстве, которое было послано самим Александром[48]. На основании сообщений обоих авторов можно

[44] *Seibert*. Die Eroberung des Perserreiches... S. 132–133.
[45] Ibid. S. 137–138.
[46] Ibid. S. 135; *Daffina P*. Aral, Caspio, Tanais // Rivista degli Studi Orientali. 43. 1968.
[47] *Hammond*. Three Historians... P. 145.
[48] Конечно, в сообщении Курция Руфа имеется небольшое противоречие. В первом случае его посол носит имя Пенда, во втором – Берда, однако, надо думать, что здесь имелся в виду один и тот же человек, а причина различий – в плохом качестве рукописной традиции.

представить реальную картину обмена посольствами: сначала Александр посылает своих послов; в то время, когда они находятся в ставке скифского царя, происходит конфликт на берегах Танаиса; скифский царь присылает свое посольство с извинениями, наконец, приходит еще одно посольство от скифов (в таком случае становится понятным упоминание Арриана о том, что «опять» пришло посольство от скифов) вместе с теми послами Александра, которых он ранее отправил уже к скифам. Отмечается, что это посольство прибыло по поводу смены царей: вместо умершего царя на трон вступил его брат.

В информации наших авторов имеется некоторое расхождение в деталях: Арриан говорит о прибытии послов от европейских скифов, Курций Руф – о посольстве от скифов, живущих за Боспором. Значение последнего указания мы объяснили выше. Для нас же важно в данном контексте следующее: то скифское политическое объединение, которое Арриан ранее называл азиатскими скифами, сейчас определяется, как европейские скифы, что объясняется тем, что в данном случае он основывался на сведениях Клитарха.

Еще один раз информация о среднеазиатских скифах появляется в сообщениях Арриана и Курция Руфа, когда они рассказывают о походе Александра уже в Индии. Арриан сообщает, что накануне битвы с Пором Александр взял часть армии для тайного марша и неожиданной переправы. В состав ее входили в числе других подразделений отряды даев и скифов (Arr. V. 12. 2). Об этом же событии сообщает и Курций Руф: на авангард войска Пора напала конница Александра, а именно скифы и дахи (Curt. Ruf. VIII. 14. 5). Последний раз о скифах говорится в источниках, когда Александр уговаривает своих солдат продолжить поход в Индии. Одним из аргументов в его речи было указание на то, что в составе его армии сражаются скифы и дахи: «О нашей малочисленности надо было думать тогда, когда мы переплывали Геллеспонт; теперь за нами следуют скифы, помощь нам оказывают бактрийцы, среди нас сражаются дахи и согдийцы» (Curt. Ruf. IX. 2. 24). Думается, что в данном случае термин «скифы» употреблен в конкретном значении – здесь и Арриан, и Курций Руф имеют в виду тот конкретный скифский народ, который они ранее называли европейским скифами или скифами, живущими за Танаисом. Поскольку рядом со скифами постоянно упоминаются дахи, т.е. термин совершенно конкретный, то наиболее естественным будет предположение, что и второй термин (скифы) – также конкретный. В таком случае единственный конкретный народ, который может быть так назван, – это европейские скифы (они же скифы, живущие за Танаисом).

Подводя итоги этой части исследования, можно, кажется, утверждать следующее. Методика употребления термина «скифы» у античных авторов, описывавших поход Александра Македонского, достаточно проста. Следуя этой методике, мы установили, что авторы конкретно говорили о двух народах: скифах-абиях и скифах, которые обитали за Танаисом (или европейских скифах); оставив в стороне абиев, мы сосредоточим внимание на последних. Исходя из всей информации, можно обрисовать данное общество следующим образом. Это единственное кочевническое объединение Средней Азии, имевшее государственную организацию. Его границы, насколько можно судить, проходили по Сырдарье. Следовательно, центр этого государственного объединения должен был располагаться где-то севернее или восточнее того места, где разразился конфликт на берегах Танаиса. Судя по тому, сколько времени проходило между двумя посольствами, можно думать, что этот центр располагался доста-

точно далеко. В рассматриваемый период происходила смена царей на престоле. При этом важно, что наследовал умершему царю не его сын, а брат. К сожалению, мы не знаем, было ли это обычной практикой (что очень часто бывает в кочевнических обществах) или фактом экстраординарным. Наши источники говорят о наличии знати в данном обществе и, возможно, наличии территориально-административного деления (упоминания в тексте сатрапов). Армия данного государственного образования состояла из конницы, при этом можно считать, что не вся конница была легковооруженными стрелками из лука. Эпизод на берегах Сырдарьи говорит о том, что некоторые из всадников имели доспех и щит.

Очень важным обстоятельством является то, что в этом обществе возможны были «частные» (т.е. не санкционированные государством) военные предприятия. При этом участники таких предприятий определялись как разбойники и грабители. К сожалению, мы не знаем самоназвания этого народа или того термина, которым его обозначали соседи. Точно так же остается не ясным соотношение этого государственного объединения с дахами, о которых известно, что они тоже обитали за Танаисом.

САКИ

Еще один кочевнический среднеазиатский этнос, который описан на страницах исследуемых нами источников, – саки. Мы еще раз обращаем внимание на то обстоятельство, что современные исследователи очень часто называют те народы, которые в источниках определяются по-иному, саками.

Впервые о них упоминает Арриан незадолго до битвы при Гавгамелах. Они присутствуют в длинном списке тех народов, которые пришли на помощь Дарию (Arr. III. 8. 3–6). Как мы указывали выше, у Арриана дается достаточно важная информация об этом народе: отмечается их политический статус (саки не подчинялись бактрийскому сатрапу, а были союзниками непосредственно царя, указывается имя их предводителя – Мавак); место обитания (Азия); этнографическая характеристика («саки – это скифское племя»); военная специализация (конные стрелки из лука). Курций Руф для обозначения этого контингента употребляет безличный термин «скифы» (Curt. Ruf. IV. 9. 2). В описании построения персидской армии саки упоминаются Аррианом среди тех контингентов, которые стояли на правом фланге (напомним, что Курций Руф этот фланг описывает очень суммарно). Соседями их были воины из Келесирии, мидяне, парфяне (Arr. III. 11. 5).

Еще раз саки упоминаются в тексте Курция Руфа, где сообщается о речи Бесса, в которой он, хвастаясь, говорит о том, что к нему должны прийти на помощь различные народы, в том числе и саки (Curt. Ruf. VII. 4. 6). Однако, если судить по перечислению тех народов, которые были в его распоряжении (см. ниже), сакские подкрепления так и не появились.

В последний раз саки в период походов Александра Македонского упоминаются в период после разгрома скифов на берегах реки Танаис. Курций Руф дает описание результатов этой победы: народы Азии верили в непобедимость скифов и их поражение заставило поверить в непобедимость македонян: «В связи с этим саки направили послов с обещанием, что их племя будет соблюдать покорность Александру (Itaque Sacae misere legatos, qui pollicerentur, gentem imperata facturam). Побудила их это сделать не только доблесть царя, но и его снисходительность к побежденным скифам: всех пленников он отпустил без выкупа, чтобы

тем самым подтвердить, что с отважнейшим из племен он состязался в храбрости, а не в ярости. Итак, милостиво приняв сакских послов, он дал им в спутники Эксципина (в некоторых рукописях – Евксениппа), еще совсем молодого человека...» (Curt. Ruf. VII. 9. 17–19).

Может создаться впечатление, что существует противоречие между сообщениями Курция Руфа и Арриана относительно тех событий, которые произошли после поражения скифов на Танаисе. Арриан говорил о посольстве от царя скифов, пришедшего с извинениями за инцидент, Курций Руф же – о посольстве от саков. С нашей точки зрения, противоречия здесь нет, так как Арриан сообщал о непосредственных результатах конфликта, Курций Руф – наоборот – о некоторой исторической перспективе. Ясно, что должно было пройти достаточно значительное время, прежде чем новость об этом событии стала всеобщим достоянием и были сделаны конкретные шаги руководителями различных политических образований, вытекающие из факта разгрома скифов. Вдобавок, Курций Руф в данном конкретном месте четко различает скифов и саков.

Попытаемся сделать некоторые выводы относительно этого кочевого народа в эпоху Александра Македонского. Отметим прежде всего, что источники связывают саков с территориями западной части Средней Азии. Об этом свидетельствует достаточно определенно тот факт, что в строю они стоят совместно с парфянами и мидянами, так как персидская армия всегда организовывалась по административно-территориальному принципу. В подтверждение этому выводу можно привести также еще одно соображение – саки не принимали никакого участия в той борьбе, которая развернулась в более восточной части среднеазиатского региона. То обстоятельство, что их называли скифским народом, живущим в Азии, также свидетельствует о том (учитывая те наблюдения, которые были сделаны выше относительно границ между Азией и Европой по Клитарху), что зона обитания саков, если ориентироваться на современные географические термины, должна быть ограничена с запада Каспийским морем, с востока – Сырдарьей. В пределах этой территории можно еще более точно указать на их зону обитания: поскольку саки никак не были связаны с событиями, происходившими в Согдиане и Бактрии, то, вероятнее всего, она может быть ограничена на востоке Амударьей.

Особое значение надо придать и свидетельству Арриана о том, что саки находились в составе персидской армии как союзники. Этот институт союзничества достаточно подробно исследовался в последние годы. Он прекрасно объясняет причину отсутствия саков в составе войск Бесса: союзнические отношения окончились со смертью царя Дария. Следующий царь, согласно существующей практике, должен был их возобновить посредством нового договора. Однако вряд ли у Бесса была такая возможность.

Важны также свидетельства о военной специализации саков и, кажется, о наличии у них определенной социальной стратификации и определенной политической системы.

ДАИ (ДАХИ)

Дахи (в тексте Курция Руфа) или даи (в тексте Арриана) впервые упоминаются среди тех народов, которые участвовали в битве при Гавгамелах. Согласно Арриану, они находились на левом фланге (вместе с бактрийской конницей и арахотами) (Arr. III. 11. 3). Свидетельство Курция Руфа в значительной степени совпадает со свидетельством Арриана. Они, по Курцию Ру-

фу, находились на левом фланге: «на левом фланге шли бактрийские всадники, всего тысяча коней, столько же дахов; арахозцы и сузиане составляли четыре тысячи. За ними следовало сто серпоносных колесниц, следом за квадригами шел Бесс с восемью тысячами всадников, тоже бактрийцев» (Curt. Ruf. IV. 12. 6).

В момент начала военных действий уже непосредственно на территории Средней Азии также упоминаются дахи. У Арриана в рассказе о той информации, которую получил Александр, говорится, что Бесс, объявивший себя царем, ожидает прихода скифов-союзников (Arr. III. 25. 3). Дальнейшая информация, дошедшая до македонского царя, доказывает (как мы постарались показать выше), что под этими скифами-союзниками скрывались дахи. В перечислении тех реальных сил, которыми располагал Бесс, упоминаются и дахи: «персы, принимавшие участие в аресте Дария, около 7000 бактрийцев и даи, народ живущий за Танаисом» (Arr. III. 28. 8). Практически та же самая информация имеется в рассказе Арриана об отступлении Бесса из Бактрии в Согдиану: «Бесс, когда ему сообщили, что Александр уже близко, переправился через реку Окс; суда, на которых они переправились, сжег и ушел в согдийскую землю, в Навтаки. За ним последовали Спитамен, Оксиарт с согдийскими всадниками и даи с Танаиса. Бактрийские всадники, узнав, что Бесс решил бежать, разошлись в разные стороны к себе по домам» (Arr. III. 28. 9–10).

Очень близкая информация содержится в сообщении Курция Руфа. Рассказывая о пире, устроенном Бессом, Курций Руф приводит слова последнего, который говорил о том, какие к нему придут сильные подкрепления: хорезмийцы, дахи, саки, инды и обитающие за рекой Танаис скифы (Venturos autem Chorasmios et Dahas Sacasque et Indos et ultra Tanaim amnem colentes Scythas) (Curt. Ruf. VII. 4. 6).

Затем дахи вновь выходят на сцену в описаниях тех событий, которые произошли возле столицы Согдианы. Спитамен смог захватить город Мараканду, и только в цитадели оставался македонский гарнизон, осажденный восставшими. Александр послал отряд из состава своей армии, задачей которого было снятие осады и разгром восставших. Спитамен вывел свои войска из города, но на пути наступавших македонян он организовал засаду, в которую и попал македонский отряд. Современные исследователи считают, что это было самое тяжелое поражение македонян за все время похода Александра на Восток. Естественно, что в этих событиях принимали участие и кочевнические контингенты. Курций Руф дает следующую информацию об этих событиях. Спитамен, «чтобы не оказаться запертым в городе, спрятался в засаде, рассчитывая перехватить неприятеля на дороге, по которой тот, как он знал, должен был пройти. Дорога была лесная, удобная для засады; на ней он спрятал дахов. Они сажают на коней по два вооруженных всадника, которые поочередно внезапно соскакивают на землю и мешают неприятелю в конном бою...» (Curt. Ruf. VII. 7. 30–32). Засада имела полный успех. Македонский отряд был разгромлен, остатки его заняли холм, который был окружен воинами Спитамена, в конечном счете и этот отряд был почти полностью уничтожен: «Пало в этом сражении 2000 пехотинцев и 300 всадников. Это поражение Александр ловко скрыл, пригрозив прибывшим с места сражения казнью за распространение вести о случившемся» (Curt. Ruf. VII. 7. 39).

У Арриана эти же события описаны несколько по-иному[49]. Александр узнал о действиях Спитамена в Мараканде и отправил туда отряд под командованием Андромаха, Менедема и Карана. К ним он прикомандировал переводчика Фарнуха (Arr. IV. 3. 6–7). Спитамен, узнав о приближении македонского отряда, оставил осаду цитадели и ушел на север Согдианы[50]. Ободренный союзом со скифами и набрав еще 600 скифских всадников, он напал на македонян.

Описание битвы полностью расходится с описанием ее у Курция Руфа: согласно Арриану, не было никакой засады, но кочевники действовали подобно тому, как позднее парфяне действовали при Каррах. Всадники-лучники расстреливали пехоту из луков, а атаки конницы отражали, пользуясь своим преимуществом в ней. Македонский отряд отступил к реке Политимет, где находился лес, который мог помешать скифам и где было больше пользы от пехоты. Однако македоняне стали переправляться через реку, и это привело к полному поражению отряда (Arr. IV. 5. 2–8). Правда, Арриан тут же дает еще один вариант сообщения об этих событиях и ссылается при этом на Аристобула. Этот вариант представляет компромисс между тем, что рассказывает Курций Руф, и тем, что рассказывает Арриан. Суть этого варианта состоит в том, что в самый разгар сражения на македонян внезапно напали скифы из засады, спрятавшиеся в зарослях. По этому варианту также почти все воины Александра погибли (Arr. IV. 6. 1–2).

Мы, естественно, не будем рассматривать детали этого сражения. Наша задача ограничивается выяснением того, какое место в них занимали кочевники и кто именно из них[51]. Аристобул (в передаче Арриана) говорит только о скифах, без всякого уточнения. Сам Арриан также пользуется термином «скифы», изредка заменяя его термином «варвары». Однако в его рассказе имеется один нюанс: в описании действий Спитамена различаются те воины, с которыми он начал осаду цитадели Мараканды, и то пополнение, которое он получил на северной окраине Согдианы и которое определяется термином «скифы». Однако словоупотребление автора таково, что нельзя думать, что «первичные» воины Спитамена не могут быть скифами. Во всяком случае, в описании битвы никаких различий нет, и все воины Спитамена называются скифами. У Курция Руфа имеется только два варианта определений для воинов Спитамена: варвары и дахи. При этом у него полностью отсутствует тот сюжет, который занимает столь важное место в рассказе Арриана – отступление к окраинам оазиса и появление новых скифских подкреплений. У него дахская засада имела место в то время, когда македонский отряд еще только шел к Мараканде.

Таким образом, термины, которые употребляют Арриан и Аристобул, не дают оснований для предположения о разноэтничности армии Спитамена. Есть все основания полагать, что она состояла из дахов, как писал Курций Руф. Те термины, которые использовали Арриан и Аристобул (скифы и варвары), как мы показали выше, не несут специфической этнической нагрузки, и использо-

[49] Причина расхождений между Аррианом и Курцием Руфом состоит в том, что первый использовал в качестве основного источника Птолемея, а второй – Клитарха (*Hammond*. Three Historians... P. 143).

[50] В данном месте текст Арриана, возможно, испорчен. Дискуссию о том, куда направился Спитамен, см. *Seibert*. Die Eroberung des Perserreiches... S. 133.

[51] Б.Г. Гафуров (Таджики... С. 96) без ссылки на источники говорит о том, что поражение македонянам нанесли согдийцы и скифы.

вание их объясняется или тем, что они не знают точно, какой из «скифских» этносов принимал участие в событиях, или не придают этому значения.

Подводя итог, мы можем сказать следующее: согласовать эти версии достаточно сложно. Если взять за основу версию Курция Руфа, то ситуация выглядит достаточно простой: основу отрядов Спитамена составляли дахи и эта картина ничего не добавляет к тому, что мы о них знали на основе предыдущего анализа. Если же взять за основу Арриана и попытаться согласовать его данные со свидетельствами Курция Руфа, то одним из возможных выводов будет такой: дахи населяли не только территории за Танаисом, но находились в силу каких-то причин и к северу от Согдианы, поскольку именно там Спитамен смог получить подкрепление. К сожалению, никаких оснований для того, чтобы предпочесть какой-либо из этих вариантов, у нас нет.

В событиях 328 г. до н.э. основное участие принимали массагеты (см. ниже). Только однажды практически случайно в тексте появляются дахи – в рассказе о преследовании Кратером отрядов массагетов, разгромивших отряд Аттина (события происходили в Согдиане): «Весть об этом несчастье быстро дошла до Кратера, и он со своей конницей прибыл на помощь. Но все массагеты уже ускакали: зато была перебита тысяча дахов. С их гибелью закончилось сопротивление всей области» (Et Massagetae quidem iam refugerant, Dahae mille oppressi sunt, quorum clade totius regionis finita defectio est) (Curt. Ruf. VIII. 1. 6). Это сообщение позволяет, как нам кажется, отметить следующее обстоятельство: отряд в 1000 всадников-дахов действовал на территории Согдианы без какой-либо координации с отрядами массагетов и, видимо, без контактов со Спитаменом. С другой стороны, именно дахи составляли основную силу сопротивления македонянам на этом этапе в Согдиане.

Дахи присутствуют в рассказе Курция Руфа о посольстве, которое прибыло к Александру, когда он находился в Мараканде (подробнее см. выше). Для нас сейчас интересно то, что в этом сообщении говорится о наличии определенной связи между дахами и Хорезмом и территориальной близости между ними: «Фратаферн, стоявший во главе Хорезма, объединившись с соседями по области массагетами и дахами, также послал людей уверить царя в своей покорности» (Phrataphernes quoque, qui Chorasmiis praeerat, Massagetis et Dahis regionum confinio adiunctus, miserat, qui facturum imperata pollicerentur) (Curt. Ruf. VIII. 1. 7–9). Видимо, то же самое событие в самой краткой форме отражено у Юстина: «К Александру снова вернулась его воинственность, и он заставил подчиниться своей власти хорасмов и дахов» (Revocato igitur ad bella animo Charasmos et Dahis in deditionem accepit) (Just. XII. 6. 17)[52].

У Курция Руфа дахи упоминаются также в рассказе о гибели Спитамена. В этом рассказе убийцей Спитамена, скрывавшегося у дахов, была его жена. Однако, видимо, более справедлив вариант Арриана, лишенный столь романтических подробностей.

Еще раз о среднеазиатских кочевниках речь идет в сообщениях Арриана и Курция Руфа, когда они рассказывают о военных действиях Александра уже в Индии, из упоминаний ясно, что отряды дахов и скифов входили в состав армии македонского царя на этом этапе похода. Накануне битвы с Пором Алек-

[52] Мы пользовались следующими изданиями и переводами текста Юстина: Iustinus Trogi Pompei Historarum Philippicarum Epitoma. Recensuit Iustus Ieep. Lipsiae, 1876; *Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / Пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского. Под ред. М.Е. Грабарь-Пассек // ВДИ. 1954. № 3.

сандр взял часть армии для тайного марша и неожиданной переправы. В состав ее входили: агема «друзей», гиппархии Гефестиона, Пердикки и Деметрия, отряды конных бактрийцев, согдиан и скифов, даев, конных лучников, щитоносцев из фаланги, отряды Клита и Кена, лучников и агриан (Arr. V. 12. 2)[53]. Из этой информации ясно, что отряд даев (дахов) представлял собой конницу. Об этом же событии сообщает и Курций Руф: на авангард войска Пора напала конница Александра, а именно скифы и дахи (Curt. Ruf. VIII. 14. 5). Последнее упоминание о них мы находим в источниках, где говорится о том, как Александр уговаривал своих солдат продолжить поход в Индии. Одним из важных аргументов в его речи было указание на то, что в составе его армии сражаются скифы и дахи: «О нашей малочисленности надо было думать тогда, когда мы переплывали через Геллеспонт: теперь за нами следуют скифы, помощь нам оказывают бактрийцы, среди нас сражаются дахи и согдийцы» (Curt. Ruf. IX. 2. 24).

Подводя итоги, мы можем с определенной долей уверенности предполагать, что одним из тех среднеазиатских кочевнических этносов, которые принимали активное участие в той военно-политической борьбе, которая происходила в Средней Азии в годы похода Александра Македонского, были дахи (даи). У нас нет никаких сведений о существовании у них государственного образования, подобного тому, которое фиксируется у «европейских» скифов. Дахи с военной точки зрения, кажется, представляли собой легковооруженных конных стрелков. Основная зона их обитания, насколько мы можем судить, – территории за Сырдарьей. В то же самое время упоминания о соседстве с Хорезмом, видимо, может быть истолковано, как указание на то, что они располагались далее к северу по сравнению с царством европейских скифов (или скифов, обитающих за Танаисом). Возможно, что именно в это время началось их движение на запад, если справедлива наша интерпретация событий, происшедших возле Мараканды.

Сообщение о том, что они являлись союзниками Бесса, может быть истолковано в том смысле, что они вошли с ним в те отношения, в каких саки находились с Дарием III. Участие их в походе Александра в Индию после выражения ими покорности царю также может служить указанием на установление подобных отношений и с македонским владыкой.

МАССАГЕТЫ

Во время похода Александра Македонского массагеты, подобно другим среднеазиатским кочевникам, впервые появляются на страницах сочинений античных авторов при описании построения персидских войск при Гавгамелах. Согласно Курцию Руфу, массагеты (две тысячи всадников) замыкали войска левого фланга (Massagetae duobus milibus agmen eius claudebant – Curt. Ruf. IV. 12. 7). В описании битвы Курций Руф очень большое место уделяет прорыву персидской кавалерии к македонскому обозу и в связи с этим очень много пишет о действиях конницы массагетов, совершенно не уделяя внимания действиям других кочевнических среднеазиатских контингентов. Как мы показали выше, перво-

[53] Иногда считается, что дахи, о которых говорится в данном месте текста Арриана, уже ранее упоминаются им (*Arr.* III. 24. 1; IV. 24. 1) как особое подразделение (таксис) конных стрелков, но без указания на их этнос (наиболее активно в последнее время эту идею отстаивает Дж.Р. Гамильтон (см. *Hamilton J.R.* Alexander's Iranian Policy // Zu Alexander d. Gr. Festschrift G. Wirt zum 60. Geburtstag am 9.12.86 / Hrsg. von W. Will unter M.J. von Heinrichs. Bd I. Amsterdam, 1987. S. 476). Эта точка зрения не может быть принята не только по тем соображениям, которые высказал Босворт (*Bosworth.* Alexander and Iranians... P. 12), но и на том основании, что в данном месте у Арриана они упоминаются как отдельные подразделения.

начально он говорит о том, что всадники-массагеты (Massagetas equites) нападают на левое крыло армии Александра, прорываясь к обозу (Curt. Ruf. IV. 15. 2). И далее он подробно говорит о действиях этого подразделения, правда, в соответствии с обычной практикой, определяя воинов его более «генеральным» термином скифы (Curt. Ruf. IV. 15. 12–13). Поражение этот отряд терпит только тогда, когда против него были посланы сариссоносцы и их командир Арета убивает вождя скифов (Curt. Ruf. IV. 15. 18)[54].

Арриан те же самые события на левом фланге персидской армии связывает с действиями скифов и приданных им бактрийцев (Arr. III. 13. 2–3), а Диодор – с тысячей скифских всадников и кадусиев (Diod. XVIII. 59. 5 и 8). Одной из причин успеха скифской (т.е. в данном случае массагетской) конницы Арриан называет то, что у них и всадники, и лошади были покрыты доспехом (Arr. III. 13. 4).

В 328 г. до н.э. произошло несколько основных событий, в которых принимали участие среднеазиатские кочевники. Александр Македонский пытался завязать контакты с неназванными более точно в источниках скифами, послав к ним Кена и Артабаза. Причиной этого были сведения о том, что Спитамен скрывается у скифов (Arr. IV. 16. 3). К сожалению, сведения об этой миссии имеются только у Арриана. Никаких уточнений о том, какие именно скифы имеются в виду, в источнике не содержится. Однако в описании следующих событий имеется прямое указание на то, что в данном случае македоняне пытались завязать контакты именно с массагетами: «Пока Александр был занят этим, Спитамен и несколько согдиан, бежавших с ним вместе в землю скифов-массагетов, набрали конный отряд в 600 массагетов и подошли к одной крепостце в Бактрии» (Arr. IV. 16. 4). После захвата этой крепости отряд Спитамена подошел к самим Зариаспам, но не решился напасть на сам город. Они отошли, захватив большую добычу. Небольшая группа «друзей» Александра, случайно находившаяся в этом городе, с небольшим отрядом бросилась в погоню за участниками набега. Напав на ничего не подозревавших скифов, они нанесли им поражение и отняли добычу, но, в свою очередь, подверглись нападению отряда Спитамена и практически все были уничтожены (Arr. IV. 16. 6–7). Узнав об этом, Кратер со своими войсками срочно двинулся на массагетов, которые отступали в сторону пустыни. Настигнув отряд Спитамена на краю пустыни (со Спитаменом оставалось примерно 1000 массагетов), они завязали с ним битву. Нанеся отряду поражение, македоняне, однако, не решились преследовать уцелевших, которые укрылись в пустыне (Arr. IV. 17. 1–2). Видимо, эти же события, хотя и несколько по-иному, отражены у Курция Руфа[55]. Он сообщает, что «изгнанные бактрийцы с 800 массагетскими всадниками опустошали ближайшие села» (Curt. Ruf. VIII. 1. 3). Правитель этой области Аттин с 300 всадниками выступил против них, но попал в засаду в лесу, и весь его отряд был уничтожен (Curt. Ruf. VIII. 1. 4–5). Весть об этом быстро достигла Кратера, который со своим конным войском прибыл к месту событий. Кратеру не удалось настигнуть массагетов, но «зато была перебита тысяча дахов» (Curt. Ruf. VIII. 1. 6) (о дахах см. выше).

Основные действующие лица этого круга событий – массагеты, которые у Арриана называются либо скифами, либо массагетами, а у Курция Руфа –

[54] Б.Г. Гафуров (Таджики... С. 93) без всяких оснований называет этот отряд кочевников сакским.

[55] Его источник в данном эпизоде, по мнению современных исследователей, – Клитарх (или какой-то другой автор, установить которого не представляется возможным), источниками же Арриана были Птолемей и Аристобул (*Hammond*. Three Historians... P. 145).

только массагетами. Конечно, очень трудно идентифицировать район их действий, но, видимо, здесь идет речь о северо-западных окраинах Бактрии[56].

О массагетах идет речь и в рассказе Курция Руфа о посольстве, которое прибыло к Александру (подробнее см. выше). Для нас в данном контексте интересно то, что здесь говорится, видимо, о соседстве массагетов и Хорезма (как и о соседстве Хорезма и дахов) (Curt. Ruf. VIII. 1. 7–9). Исходя из того, что дахи, согласно нашим выводам, располагались к востоку и юго-востоку от Хорезма, можно полагать, что массагеты должны находиться к юго-западу от него, что достаточно хорошо согласуется с тем выводом, к которому мы пришли, анализируя предыдущую информацию.

Следующий эпизод, в котором участвовали эти кочевники, вновь связан со Спитаменом. Спитамен и его приверженцы увидели, что вся Согдиана оказалась под военным контролем македонян и решили нанести удар по отряду Кена. По словам Арриана, они прибыли в Габы («неприступное место на границе между согдийской землей и скифами-массагетами»)[57] и убедили около 3000 скифских всадников вторгнуться вместе с ними в Согдиану (Arr. IV. 17. 4). Далее Арриан объясняет, почему это удалось сделать столь легко: «скифы эти жили в крайней бедности; не было у них ни городов, ни оседлого жилья; бояться за свои блага им было нечего, и потому склонить их на любую войну ничего не стоило» (Arr. IV. 17. 5). Однако в битве с отрядом Кена сторонники Спитамена потерпели поражение. Многие согдийцы и бактрийцы, не веря в возможность продолжать борьбу, оставили Спитамена и сдались македонянам. Массагеты же после поражения разграбили обоз тех бактрийцев и согдийцев, с которыми они вместе сражались, и ушли в пустыню. Спитамен ушел вместе с ними. Однако узнав о намерении Александра вторгнуться на их территорию, массагеты предпочли убить Спитамена и тем заслужить милость македонского царя (Arr. IV. 17. 6–7).

У Курция Руфа, однако, события описываются несколько по-иному[58]. Согласно его рассказу, Спитамен в пустыне скрывался у дахов. Убивает его собственная жена, уставшая от скитаний и бегства (Curt. Ruf. VIII. 3. 1–15). Узнав об убийстве Спитамена, дахи выдают Александру и Датаферна, сообщника Спитамена, а сами сдаются (Curt. Ruf. VIII. 3. 16). В сущности, описание этого эпизода представляет единственный случай прямого противоречия в наших источниках относительно среднеазиатских кочевников. Все исследователи, занимавшиеся этим вопросом, согласны с тем, что версия Курция Руфа, как подчеркнуто романтическая, уступает прагматической версии Арриана с точки зрения достоверности[59]. Однако это не объясняет, почему возникло это противоречие. Можно высказать следующее предположение: есть, кажется, основания считать, что массагеты и дахи были соседями. Ранее мы говорили о том, что какие-то группы дахов, возможно, уже находились в это время в районах к северу от Согдианы. С другой стороны, наши предыдущие наблюдения показывают, что масса-

[56] Обычно считается, что это столкновение произошло тогда, когда отряд Кратера возвращался после завершения своей миссии в Маргиане (*Seibert*. Die Eroberung des Perserreiches... S. 139).

[57] Предложено несколько идентификаций этого местечка. С нашей точки зрения, наиболее правильная гипотеза: Габы находились где-то в районе Бухары (*Engels D.W.* Alexander the Great and the Logistics of Macedonian Army. Los Angeles, 1978. P. 141; *Seibert*. Die Eroberung des Perserreiches... S. 141).

[58] Причина расхождения, как обычно, состоит в использовании различных источников: Клитарха – Курцием Руфом и Птолемея и Аристобула – Аррианом (*Hammond*. Three Historians... P. 147).

[59] *Шахермайр*. Александр Македонский. С. 210; *Hammond*. Three Historians... P. 147.

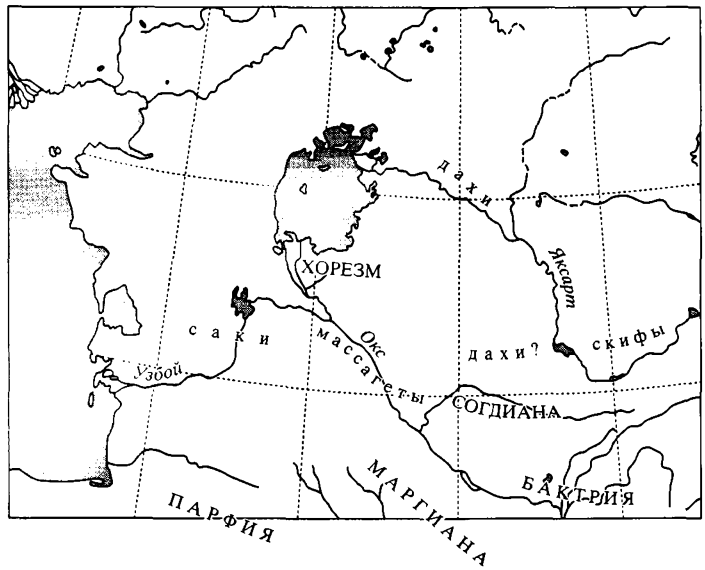


Рис. 2. Зоны обитания кочевников Средней Азии в эпоху Александра Македонского

геты должны располагаться где-то на юге (или юго-западе) от Хорезма, вероятнее всего, – вдоль Амударьи. Сообщение Арриана о Габах также хорошо укладывается в эту схему. Таким образом, согласно нашим расчетам, и массагеты, и некоторые группы дахов обитали к северу от Согдианы (первые в западной части этого региона, вторые – в восточной). Вероятно, их соседство стало причиной ошибки в сообщении Курция Руфа. В силу этих соображений можно думать, что и общее «окружение» основного события – убийства Спитамена – более достоверно у Арриана, чем у Курция Руфа, и, следовательно, можно полагать, что последними союзниками Спитамена являлись массагеты.

Попытаемся резюмировать свидетельства наших источников относительно массагетов. Они, так же как саки и дахи, не обладали государственной организацией, хотя определенные указания на наличие общих политических институтов имеются (решение массагетов выдать Спитамена явно принималось каким-то управляющим органом). Особого внимания заслуживают упоминания об особой бедности массагетов, что делало их склонными к различного рода авантюрам. Вместе с тем в источниках имеется прямое указание на доспехи, защищающие как всадника, так и коня, что, видимо, может быть истолковано как указание на наличие среди массагетов и воинов-катафрактариев. Зона обитания массагетов в рассматриваемое время – территории к югу и, возможно, юго-западу от Хорезма и к северу от Согдианы, вероятно, вдоль восточного берега Амударьи.

Подводя некоторые общие итоги, мы можем, кажется, следующим образом резюмировать результаты нашего исследования (рис. 2). Античные авторы, описывавшие кочевников Средней Азии в период завоеваний Александра Македонского, знали следующие кочевнические этносы в данном регионе: саков, массагетов, дахов, «европейских скифов» («скифов, обитающих за Танаисом»). Территорией обитания саков в это время являлась западная часть Средней Азии, видимо, от Каспийского моря до Амударьи. Зоной кочеваний массагетов

были, как нам кажется, территории к югу от Хорезма, по всей видимости, по обоим берегам Амударьи. Дахам принадлежали земли вдоль северного течения Сырдарьи, не исключено также, что некоторые группы дахов появились и на территориях к северу от Согдианы. То политическое объединение кочевников, которое занимало восточный берег Сырдарьи в ее среднем течении, в античных источниках называется царством «европейских скифов», или «царством скифов, которые за Танаисом». К сожалению, мы не можем предложить никакого объяснения тому факту, что это политическое объединение не имеет в античных источниках никакого этнического обозначения. Необходимо, однако, подчеркнуть, что только оно этими источниками определяется как царство.

Сознавая дискуссионность предложенной нами схемы, мы тем не менее считаем, что она имеет несколько большее право на существование чем схемы, созданные ранее, поскольку она построена на основе группы источников, освещающих достаточно короткий исторический период. Мы также полагаем, что исследования должны быть продолжены – в обоих хронологических направлениях. Думается, что для нескольких периодов можно подобрать группы примерно одновременных источников, которые дают более адекватную картину, нежели сопоставление источников различного времени. Для более раннего периода такими источниками могут быть ахеменидские официальные надписи, тексты Геродота и Ктесия Книдского. Для более позднего – примерно I в. н.э. – тексты Страбона, Плиния Старшего и Помпония Мелы. Мы, конечно, сознаем, что анализ их информации будет более сложен, чем тот, который только что предложен, так как в них (в силу самой их природы) должны соединяться более древние сведения с более поздними, однако, полагаем, что данное обстоятельство не является непреодолимым препятствием для исследования.

Кроме того, мы на данном этапе работы не проводим сопоставления данных письменных источников с археологическими материалами, хотя прекрасно сознаем, что подобное сопоставление могло бы значительно способствовать прояснению ситуации: мы предполагаем посвятить данной проблеме отдельное специальное исследование.

NOMADS OF CENTRAL ASIA IN THE TIME OF ALEXANDER THE GREAT
(*According to the Written Sources*)

V. A. Gaibov, G. A. Koshelenko

The authors think that the study of ancient nomads of the Central Asia (and particularly of the territories occupied by them) is handicapped by the use of sources belonging to different periods. Meanwhile, their exists a vast complex of ancient written sources which make it possible to describe the situation of a very precise period under Alexander the Great, just about three years.

At that time the Sacae inhabited some areas in the western part of Central Asia, obviously, from the Caspian See to the Amu Darya. The Massagetae lived, as it seems, in the lands southward of Khwaresm, probably on both banks of the Amu Darya. The Dahae populated the lands along the northern reaches of the Syr Darya, some groups of them perhaps appearing to the North of Sogdiana. The political alliance of the nomads occupying the eastern bank of the Syr Darya in its middle reaches was called in ancient sources «the kingdom of the European Scythians» or «the kingdom of the Scythians who are across the Tanais». This unusual name is to be explained by the fact that some of the ancient authors who wrote about them believed that the Syr Darya was the Tanais and divided Europe from Asia.

The authors can not find any explanation of the fact that the sources gave no ethnic name to this political union. It must be stressed, though, that only this union was called kingdom by the sources.

Светлой памяти Ю.Г. Виноградова посвящается

© 2005 г.

Н. В. Ефремов

РОДОССКО-ВИЗАНТИЙСКАЯ ВОЙНА 220 г. до н.э.[1]

В XX книге своей истории Диодор Сицилийский характеризует следующими словами основные принципы политики Родоса: ἡ πόλις ἡ τῶν Ῥοδίων ἰσχύουσα ναυτικαῖς δυνάμεσι καὶ πολιτευομένη κάλλιστα τῶν Ἑλλήνων περιμάχητος τοῖς δυνάσταις καὶ βασιλεῦσιν ἦν, ἑκάστου σπεύδοντις εἰς τὴν αὐτοῦ φιλίαν προσλαμβάνεσθαι, προορωμένη δὲ πόρρωθεν τὸ συμφέρον καὶ πρὸς ἅπαντας κατ' ἰδίαν συντιθεμένη τὴν φιλίαν τῶν πρὸς ἀλλήλους τοῖς δυνάσταις πολέμων οὐ μετεῖχεν. διόπερ συνέβαινεν αὐτὴν τιμᾶθαι μὲν ὑφ' ἑκάστου βασιλικαῖς δωρεαῖς, ἄγουσαν δὲ πολὺν χρόνον εἰρήνην μεγάλην ἐπίδοσιν λαβεῖν πρὸς αὔξησιν[2]. Именно сохрание добрых отношений с соседями способствовало, по словам Диодора, процветанию островного государства. Со времен диадохов, которые в большей или меньшей мере обошли Родос своим вниманием, если не считать знаменитой осады Деметрия Полиоркета, остров сохранял на протяжении десятилетий строгий нейтралитет и вплоть до начала Второй Македонской войны не был вовлечен ни в один долгосрочный конфликт.

Перманентный нейтралитет при добровольном самоисключении из большой политики оставался лучшей гарантией сохранения собственного суверенитета. Не подлежит сомнению, что такая позиция была хорошо продуманным политическим маневром, отвечала требованиям времени, расстановке политических сил и прежде всего возможностям самого Родоса, вряд ли бывшего в состоянии противостоять эллинистическим монархиям в открытом противоборстве. Однако это вовсе не означало полную самоизоляцию острова от политической жизни региона. Выбор был один: если Родос действительно намеревался не только выжить в вихре непрекращавшихся конфликтов и войн, которые охватили эллинистический мир, но и далее проводить свою самостоятельную политику, то нейтралитет, пусть на какое-то время, должен был быть принесен в жертву актуальным целям. Подобная ситуация не заста-

[1] За критические замечания я хотел бы поблагодарить Ю.Г. Виноградова и Х. Хайнена, которые прочли статью в ее рукописном немецком варианте, избавив меня от целого ряда ошибок и заблуждений. Уже после написания статьи я ознакомился через посредничество Ю.Г. Виноградова с чрезвычайно важными для исследуемой темы работами О.Л. Габелко, который переслал мне оттиски своих статей: *Габелко О.Л.* Некоторые особенности царской власти в Вифинии // ВДИ. 1995. № 3. С. 161 слл.; *Gabelko O.* Zur Lokalisierung und Chronologie der asiatischen Besitzungen von Byzanz // Orbis Terrarum. 1996. 2. S. 121 ff.; *Габелко О.Л.* Конфликт Родоса и Вифинии с Византием // Античность: миры и образы. Казань, 1997. С. 26 слл.; *он же.* Дионисий Византийский о некоторых особенностях политической истории региона Боспора Фракийского // Античность: история и историки. Казань, 1997. С. 34.

[2] *Diod.* XX. 81. 2; ср. 46; *Polyb.* XXX. 5. 6 ff. Как верно было отмечено, это сообщение Диодора является заимствованием из родосского источника и воспроизводит ситуацию конца III–начала II в. до н.э; см. *Schmitt H.H.* Rom und Rhodos. München, 1957. S. 54 f.; *Hauben H.* Rhodes, Alexander and the Diadochi from 333/332 to 304 B.C. // Historia. 1977. XXVI. P. 318 ff.; *Berthold R.M.* Rhodes in the Hellenistic Age. Ithaca–London, 1984. P. 57 f., 63 ff.; *Ager S.L.* Rhodes. The Rise and Fall of a Neutral Diplomat // Historia. 1991. XL. P. 10 f.; *Gabrielson V.* The Naval Aristocracy of Hellenistic Rhodes. Aarhus, 1987. P. 21, 71, 73, 97, 99.

вила себя долго ждать. Во Второй Сирийской войне Родос отошел от традиционной проптолемеевской линии и занял сторону Селевкидов. В этом видят попытку сохранения политического равновесия в регионе, которое могло быть нарушено в случае победы Птолемеев[3].

Существенные изменения внешняя политика Родоса претерпевает в последней трети III в. до н.э. – с 220 г. остров начал активно участвовать в политических событиях региона. Чем же был обусловлен такой резкий поворот от нейтралитета и традиционно дружественных отношений со всеми к прямому вмешательству в происходящее? Ответ на этот вопрос следует искать в политическом климате эпохи. Египет к тому времени потерял свою роль гаранта стабильности в «равновесии сил», коим он являлся на протяжении полувека[4]. Царство Селевкидов, пережив потрясения «войны братьев», по сути гражданской войны, находилось в упадке и даже неожиданные успехи в войне против Пергама были практически сведены на нет в итоге восстания Молона[5]. Не заставило себя ждать и появление на политической арене третьей силы, имеющей традиционные интересы в регионе – Македонии[6]. Ослабление «великих держав», десятилетиями определявших политическую расстановку сил, привело к образованию вакуума, который стали заполнять менее значительные государства.

Следствием такого процесса явилась полная дестабилизация установившегося с эпохи диадохов порядка с монархическим патронатом над греческими полисами, а сами последние стали обьектом захватнических устремлений молодых монархий. Требовались незамедлительные меры по защите полисов, и именно здесь проявляется роль родосцев. В рассматриваемый период на Родосе получает развитие идея о мессианской роли островного государства в качестве «поборника свободы греков». Новая линия становится основным направлением родосской внешней политики[7]. Это вовсе не означает, что Родос непосредственно участвовал в военных конфликтах того времени. Он видел свою задачу прежде всего в функции гаранта порядка в Восточном Средиземноморье, правовой защите греческих полисов в борьбе против пиратов с целью обеспечения безопастности судоходства, прибегая к крайним мерам лишь тог-

---

[3] Lind. Temp. Chron. = FGrHist. 532. F. 37; *Polyaen.* V. 18; *Front.* III. 9. 10 (сомнительно); ср. IG. XI. 4. 1128 = Syll[3]. 455; *Blinkenberg Chr.* Lindos. Fouilles d'Acropole. II. 1. Inscriptions. Berlin–Copenhagen, 1941. P. 48 ff. № 88; *Gelder H. van.* Geschichte der alten Rhodier. Den Haag, 1900. S. 110; *Rostovtzeff M.I.* Gesellschafts- und Wirtschaftsgeschichte der hellenistischen Welt. Darmstadt, 1984. S. 226 (далее – GWHW); *Habicht Chr.* Gottmenschentum und griechische Städte. Stuttgart, 1970. S. 110; *Fraser P.M.* Ptolemaic Alexandria. Vol. 1. Oxf., 1972. P. 163 ff.; *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. T. I. P., 1979. P. 236 f.; *Berthold.* Op. cit. P. 89 ff.; *Ager.* Rhodes... P. 15; *Reger C.* Regionalism and Change in the Economy of Independent Delos, 314–167 B.C. Berkeley, 1994. P. 264 f. № 35. Эти события датируются между 262 и 246 гг. до н.э.; см. *Seibert J.* Die Schlacht bei Ephesos // Historia. 1976. XXV. S. 45 ff.

[4] О политическом вакууме в Эгеиде см. *McShane R.B.* The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964. P. 95. Дефиницию термина «равновесие сил» см. GWHW. Kap. IV; *Braunert H.* Hegemoniale Bestrebungen hellenistischer Großmächte in Politik und Wirtschaft // Historia. 1964. XIII. S. 81, 91 ff., 104; *Bengtson H.* Griechische Geschichte. München, 1964. S. 399 ff.; *Schmitt H.H.* Polybios und das Gleichgewicht der Mächte // Polybe / Ed. F.W. Walbank, P. Pedech et al. Genève, 1973. P. 72 ff. (с литературой).

[5] *Polyb.* V. 48; *Meloni P.* L'usurpazione di Acheo sotto Antioco III, re di Siria // RAL. 1949. 4. P. 535 ff.; 1950. 5. P. 161 ff. Ср. *Will.* Op. cit. II. P. 17 ff.

[6] О македонских интересах в Эгеиде см. *Buraselis K.* Das hellenistische Makedonien und die Ägäis. München, 1982. Passim; *Sherwin-White S.M.* Ancient Cos. Göttingen, 1979. P. 115 ff.; *Walbank F.W.* Sea-power and the Antigonids // Philipp II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / Ed. D. Borza. Lanham–London, 1982. P. 224, 235.

[7] *Polyb.* XXVII. 4. 7; *Schmitt.* Polybios... S. 83; *Davies J.K.* Cultural, Social and Economic Features of the Hellenistic World // CAH. VII. 1. 1984. P. 273.

да, когда иные средства уже не действовали[8]. Подобная функция не была нова, являясь наследием традиций классических Афин и отчасти раннеэллинистических государств.

Сообщения о войне с Византием очень отрывочны, и лишь счастливая случайность сохранила для нас соответствующие части труда Полибия[9]. Три события стоят последовательно в хронологической цепи, отражая позицию Родоса: конфликт с Византием, помощь Синопе, осажденной понтийским царем Митридатом, и война на Крите. Из них лишь конфликт на Крите получил подробное освещение в исследованиях[10]. Возникает вопрос: имеют ли эти три факта непосредственную связь с новой линией Родоса или же позиция островного государства определялась в каждом случае его конкретными интересами? Ответ на него кроется, очевидно, в проблеме оценки тогдашней родосской политики вообще. В анализе конфликта с Византием необходимо в таком случае выяснить наряду с непосредственно связанными с войной вопросами о причинах, целях и участии отдельных сторон, какую роль играли экономические интересы в позициях противников. Можно ли рассматривать это событие как «торговую войну»?

В качестве причины конфликта указаны финансовые требования (διαγώγιον или παραγώγιον)[11], выдвинутые византийцами в отношении греческих государств, торговавших с Понтом. Решение не было принято спонтанно, и у Полибия мы без труда находим подтверждение. С момента основания Византий, окруженный фракийскими племенами, был вынужден вести с ними постоянную борьбу[12]. Такое

---

[8] О родосском морском праве см. *Ashburner W.* «Νόμος Ῥοδίων Ναυτικός» – The Rhodian Sea-Law. Oxf., 1909; *Kreller H.* «Lex Rhodia» // Zeitschrift für Handelsrecht und Konkurenzrecht. 1921. 85. S. 257 ff. О роли Родоса в борьбе против пиратов см. Syll³. 1225; *Diod.* XX. 81. 3; *Strabo.* XIV. 2. 5; *Omerod H.A.* Piracy in the Ancient World. Liverpool, 1924. P. 127 ff.; *Ziebarth E.* Beiträge zur Geschichte des Seeraubes und Seehandels im alten Griechenland. Hamburg, 1929. S. 27; *Rostovtzeff M.* Rhodes, Delos and Hellenistic Commerce // CAH. VIII. 1930. P. 635 f.; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. P. 72; *Schmitt.* Rom und Rhodos. S. 43 ff.; *Casson L.* Mediterranean Communications // CAH. VI. 1994. P. 560. О родосских интересах в сохранении свободы мореходства и мира в Средиземноморье см. *Gelder.* Op. cit. S. 423 ff.; *Casson L.* The Grain Trade of the Hellenistic World // TAPA. 1954. 85. P. 171 f.; *idem.* Ancient Trade and Society. Detroit, 1984. P. 73 f.; *Berthold.* Op. cit. P. 47 f.; *Préaux C.* Le monde hellénistique. P., 1978. P. 489 ff. По мнению исследователей (см., например: *Beyer-Rothoff B.* Untersuchungen zur Außenpolitik Ptolemaios' III. Bonn, 1993. S. 233 ff.), эллинистические монархи добровольно сложили с себя дорогостоящие обязанности по охране порядка и безопастности на море, переложив их на плечи малых государств, прежде всего Родоса.

[9] *Polyb.* III. 2. 5; IV. 37. 8; 38–44; 45–52; StV. III. 514; 516. Источники, использованные Полибием, были, очевидно, родосскими и византийскими; см. *Ullrich H.* De Polibii fontibus Rhodiis. Lpz, 1898. P. 22; *Hiller von Gaertringen F.* Rhodos // RE. 1931. Suppl. V. Sp. 785 f.; *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxf., 1957. 486 ff., 506; *Will.* Op. cit. II. P. 45 f. О войне см. *Niese B.* Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd II. Gotha, 1899. S. 383 ff.; *Gelder.* Op. cit. S. 115; *Schmitt H.H.* Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Großen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964. S. 181 f.; *Berthold.* Op. cit. P. 93.

[10] *Polyb.* IV. 53 ff.; *Walbank.* A Historical Commentary. P. 507 ff.; *Cardinali G.* La guerra di Litto // RFIC. 1905. 33. P. 519 ff.; *Van Effenterre P.* La Crète et le monde grec de Platon à Polybe. P., 1968, P. 158 ff., 185 ff., особенно P. 253 f.; *Chaniotis A.* Die Verträge zwischen kretischen Poleis in der hellenistischen Zeit. Stuttgart, 1996. S. 36 ff.

[11] *Polyb.* IV. 47. 3 (παραγώγιον); 52. 5 (διαγώγιον). О терминологии см. *Andreades A.* Geschichte der griechischen Staatswirtschaft. Bd I. München, 1931. S. 148; *Welles C.B.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934. P. 351 f., а также ссылки в LSJ. P. 392, 1307.

[12] *Polyb.* IV. 45. 1. О конфликтах начала IV в. сообщают *Diod.* XIV. 12; *Xen.* Anab. VII. 2. 32. Ср. *Nevskaja W.P.* Byzanz in der klassischen und hellenistischen Epoche. Lpz, 1955. S. 31, 95 f. Византий граничил непосредственно с Одрисским царством; ср. *Thuc.* II. 97; *Nevskaja.* Op. cit. S. 32. В противовес этому А. Фол (*Fol A.* Die Politik des odryssischen Königs Kotys' I. und die ägäischen Städte Griechenlands im 4. Jahrhundert v. u. Z. // Hellenische Poleis / Hrsg. E.Ch. Welskopf. Bd 2. B., 1974. S. 997), предполагает, что Византий был включен в Одрисское царство уже после 413 г. См. далее: *Peter U.* Die Münzen der thrakischen Dynasten. B., 1997. S. 33, 35, 52.

положение не являлось исключением, ибо было характерно и для многих других полисов, граничивших с варварами[13]. С течением времени натиск местных племен усилился, приобретя перманентный характер. Тому способствовало ослабление эллинистических монархий, контролировавших указанные регионы, что делало невозможным проведение регулируемой центральной властью политики в отношении варваров[14]. Греческие полисы не могли в одиночку противостоять все возрастающему натиску и вынуждены были откупаться. Обычным явлением становятся дары племенным вождям и знати[15]. Однако подобные мероприятия не давали и не могли дать долгосрочных гарантий безопасности из-за постоянно увеличивающегося количества варваров. Не успев заключить договор с одними, полисы наживали себе новых врагов[16].

Тактика фракийцев в отношении Византия не была направлена на захват полиса, а являлась своего рода шантажом. Непрекращавшиеся набеги на сельскохозяйственную округу вели к тому, что поля оставались невозделанными и возникала угроза голода[17]. Война по такой схеме стала традицией, с которой смирились противоборствующие стороны[18]. Одна из них находила удовлетворение в повторяющихся грабительских набегах и получении контрибуций, другая рассматривала ее как неизбежное зло. При этом существовали определенные правила вымогательства денег, что, очевидно, признавалось и фракийцами. Упомянутая Полибием постоянная и тяжелая война[19] едва ли может рассматриваться как действительно непрерывные военные действия. Можно с уверенностью говорить о длительных периодах мирного сосуществования. Отметим, что Полибий пишет в прошедшем времени, в то время как в 220 г. политическая ситуация была совершенно иной.

Сложившаяся схема сосуществования между Византием и фракийскими племенами изменилась после того, как последние были побеждены и порабощены кельтами Комонтория, и границы нового царства Туле придвинулись к

---

[13] Постоянно возрастающая экспансия фракийцев отмечается с III в.; см. Syll³. 708; SEG. XXIV. 1095 (Истрия); IGBR. I. 195; 388; BE. 1950. 141 (Месембрия); GDI. 3089 = *Kalinka E.* Antike Denkmäler aus Bulgarien. Wien, 1906. S. 83. № 94 (Каллатис); *Vinogradov J.* Zur Klassifizierung der griechisch-barbarischen Abhängigkeitsverhältnisse der vorrömischen Zeit im pontischen Raum // Akten des Intern. Hellenismus-Kolloquiums 9.–14. März 1994 zu Berlin. Tübingen, 1996. S. 428 ff. Не иначе обстояло дело и в Малой Азии, см. OGIS. 765. 18 ff. (Приена); 339. 49 ff. = I. Sestos (IK 19). 1 (Сестос); 748; *Holleaux M.* Études d'épigraphie et d'histoire grecque. T. II. P., 1938. P. 101 f. № 16 ff. (Кизик); Krauss // I. Sestos (IK 19). S. 15 ff.; ср. *Herod.* I. 168.

[14] Так, например, в Сесте: I. Sestos (IK 19). 1. 16 ff., 54 ff.

[15] *Thuc.* II. 97; ср. *Krauss* // I. Sestos (IK 19). S. 14 f. Около 255 г. Гераклея купила себе мир у галатов, заплатив им 5000 золотых, плюс 200 дополнительно каждому вождю; см. *Memn.* // FGrHist. 434. F. 24; ср. Syll³. 410. 11 ff. (Эритра); *Ehrhardt N.* Konstanten in den politischen Beziehungen zwischen Thrakern und Griechen auf dem Balkan // Eos. 1988. 76. 2. S. 289 ff.; *Peter.* Op. cit. P. 52, 184; *Vinogradov.* Zum Klassifizierung... S. 428 ff.

[16] *Polyb.* IV. 45.

[17] Полибий (IV. 45. 6) описывает состояние византийцев как «муки Тантала». Подобную тактику варвары применяли против Истрии: SEG. XXIV. 1095; ср. I. Sestos (IK 19). 1. 54 с комментарием на с. 15, 46; *Vinogradov.* Zum Klassifizierung... S. 434 f. Таким же образом действовал лидийский царь Алиат в борьбе против Милета; ср. *Herod.* I. 17; Ю.Г. Виноградов (*Vinogradov.* Zum Klassifizierung... S. 429 ff., 434 ff.) классифицирует эти формы зависимости как «das tributäre Protektorat» или «Tributäre Abhängigkeit durch Gewalt». Фракийцы пользовались дурной славой как воры и грабители: *Dion. Byz.* F. 48; StV. III. 556; BE. 1953. P. 133; *Robert L.* // Gnomon. 1959. XXXI. P. 710. Not. 2. Не иначе обстояло дело и с вифинцами: *Welles.* Op. cit. P. 122. Not. 13; GWHW. S. 1215, Not. 335. С другой стороны, царь Зиаэл восхвалялся за заслуги в борьбе против пиратов: Syll³. 456. 34 = *Ziebarth.* Op. cit. Anh. I 68.

[18] Ср. *Polyb.* IV. 45. 9.

[19] *Polyb.* IV. 45. 2, 5.

землям полиса[20]. До этого момента византийцы конфликтовали лишь с разрозненными отрядами фракийцев, теперь же греки очутились лицом к лицу с агрессивным варварским государством. Поначалу галаты придерживались привычной тактики вымогательства и грабительских походов за добычей[21]. Но постепенно положение стабилизировалось, поборы стали взиматься регулярно и в определенных размерах[22]. Несмотря на высокие требования кельтов, такое положение вещей было приемлемым для византийцев, так как их партнером по переговорам стал вместо непредсказуемой толпы племенных вождей один единственный правитель, и это определяло отныне и на протяжении почти шестидесяти лет взаимоотношения сторон[23].

Иную ситуацию мы наблюдаем в последней четверти III в., и Полибий дает объяснение этому факту. Не только требуемая сумма денег (80 вместо прежних 10–33 талантов), но прежде всего превращение скрытых поборов, взимаемых в форме подарков, в ежегодные платежи явилось истинной причиной, побудившей византийцев к их мерам[24]. Высокие денежные требования варваров несомненно перекрывали потенциальные возможности Византия, который и без того испытывал затруднения, вызванные постоянными платежами галатам. Около 230 г. византийцы предприняли попытку реформы с целью улучшения своих финансов[25]. Бывшая до тех пор в хождении аттическая весовая система была заменена на принятую в птолемеевском Египте финикийскую. Монеты по аттическому стандарту надчеканивались контрамаркой, подтверждающей их текущий курс, и постепенно изымались из оборота, что приносило немалые прибыли[26]. Несмотря на это, полису все же не удалось своими силами решить финансовые проблемы, а возросшие требования варваров могли привести к хозяйственному упадку. Во избежание этого было решено, что не только византийцы, но и прочие полисы, торгующие с Понтом Евксинским, должны взять на себя бремя платежа контрибуций. О войне против варваров византийцы даже не помышляли, так как надежда на поддержку со стороны была слишком слабой, а воспоминания о прежних войнах оставались еще свежими.

Сначала было решено отослать посольства к эллинским полисам с просьбой помочь выплатить контрибуцию. Прецеденты тому уже были. Когда в 279 г. византийская территория была опустошена галатами, полис обратился к своим со-

---

[20] *Polyb.* IV. 45. 10. О кельтах во Фракии см. *Oberhummer H.* Tylis // RE. 1948. Bd VIIA 2. Sp. 1712; *Nachtergael G.* Les Galates en Grèce et les Soteria de Delphes. Bruxelles, 1977. P. 169; *Werner R.* Thraker und ihre Nachbarstämme. Die Beziehungen der Thraker zu Skythen, Illyrern und Kelten. // Hellas und der griechische Osten. Festschrift für P.R. Franke / Hrsg. W. Leschhorn, A.V.B. Miron, A. Miron. Saarbrücken, 1996. S. 282. Anm. 15. S. 287; *Walbank.* A Historical Commentary... 498 ff.; *Strobel K.* Die Galater. B., 1996. Bd 1. S. 233 f., 239; *Peter.* Op. cit. P. 161 f., 206 (с литературой).

[21] *Polyb.* IV. 46. 2 f.; *Dion.* Byz. F. 58; *Memn.* // FGrHist. 434 F. 11 (19). 2; *Werner.* Op. cit. S. 287 f. Anm. 30 f.

[22] Ср. *Polyb.* IV. 46. 3.

[23] *Strobel.* Op. cit. S. 234. Anm. 357.

[24] *Polyb.* IV. 46. 4. Заметка Полибия о времени начала платежа несколько запутанна (ἕως εἰς Καύαρον, ἐφ' οὗ κατελύθη μὲν ἡ βασιλεία, τὸ δὲ γένος αὐτῶν ἐξεφθάρη πᾶν, ὑπὸ Θρακῶν ἐκ μεταβολῆς ἐπικρατηθέν). Если предположить, что платеж взимался с неопределенного времени и до падения Кавара, то это идет вразрез с дальнейшим повествованием, в котором как раз требования этих платежей вызвали введение византийцами транзитных сборов – *Polyb.* IV. 46. 5.

[25] *Thompson M.* A Countermarked Hoard from Büyükçekmece // ANS. Museum Notes. 1954. VI. P. 11 ff.; *Seyrig H.* Monnaies hellénistiques de Byzance et de Calcédoine // Essays presented to St. Robinson / Ed. C.M. Kraay, G.K. Jenkins. Oxf., 1968. P. 185 ff., 191 f.; *Mørkholm O.* Some Reflections on the Production and Use of Coinage in Ancient Greece // Historia. 1982. XXXI. 3. P. 298 ff. Подобные меры предприняли также калхедонцы. Уже Б. Хед (*Head B.V.* Historia nummorum. L., 1911. P. 267) подчеркивал, что обилие контрамарок на монетах Византия связано с тяжелыми контрибуциями, уплачиваемыми галатам. Ср. *Schönert-Geiss E.* Die Münzprägung von Byzantion. Berlin–Amsterdam, 1970. Bd 1. S. 60 ff. (с устаревшей хронологией).

[26] *Schönert-Geiss.* Die Münzprägung... S. 62 f.

юзникам и получил от них щедрую финансовую поддержку[27]. Но и тогда никто, очевидно, и не думал оказывать военную помощь. Около 253 г. Антиох I предпринял попытку захвата города, которая провалилась после того, как гераклеоты прислали 40 военных кораблей[28]. Времена, однако, переменились: что раньше рассматривалось в качестве общей угрозы, стало внутренним делом византийцев, которые в лучшем случае могли рассчитывать лишь на финансовое содействие[29]. Обращаясь за помощью, византийцы вряд ли надеялись на поддержку в форме пожертвований, как в случае с Родосом после постигшего его землетрясения[30]. Введение таможенного сбора в проливах было уже, вероятно, решено, и оставалось только убедить греков в неизбежности своих действий как временного мероприятия[31]. Византийское посольство особенно подчеркивало роль полиса в связи с его географическим положением и заслуги в общегреческом деле борьбы против варваров. Несомненно, что прежде всего сами византийцы извлекали выгоду из местоположения города, но «многими прибылями обязаны им также другие. Поэтому византийцы могут по праву в качестве общих благодетелей всех греков надеяться не только на благодарность, но и на общую поддержку эллинов в случае опасности со стороны варваров»[32]. Уже в V в. Византий являлся важнейшим перевалочным пунктом для зерна, поступавшего из Северного Понта[33]. Роль полиса заключалась прежде всего в посреднической торговле и охране морских коммуникаций в регионе[34]. Для эпохи эллиниз-

---

[27] В этом году им помогает Птолемей и «все греки»; см. *Memn.* // FGrHist. 434. F. 11.1; *Dion. Byz.* II. 34; *Habicht.* Gottmenschentum... S. 117 f., 120 f. Тогда же Филетер Пергамский оказал помощь Кизику; см. CIG. 3660 = OGIS. 748; *Robert L.* Études anatoliennes. P., 1937. S. 199. № 15; *Strobel.* Op. cit. S. 239. Anm. 379.

[28] *Memn.* // FGrHist. 434. F. 15.

[29] Полибий (IV. 46. 5) указывает однозначно: δεόμενοι σφίσι βοηθεῖν καὶ συγχορηγεῖν εἰς τοὺς περιεστῶτας καιρούς. Ср., однако, *Austin M.M.* The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest. Cambr., 1981. P. 179. Not. 4. № 96.

[30] О землетрясении см. *Polyb.* V. 88. 1; 90. 4; *Diod.* XXVI. 8. 1; *Strabo.* XIV. 2. 5; *Plin.* NH. 34. 41; Chron. Pasc. I (331 Bonn); *Euseb.* Chron. II. 122 f. (с неверной датировкой); *Walbank.* A Historical Commentary... P. 618. Олло (*Holleaux.* Op. cit. I. P. 452 ff.) датировал его 226 годом, в то время как эпиграфическое свидетельство из Иасоса относит его к 228 г.; см. *Pugliese Caratelli J.* Supplemento epigrafico di Iaso // ASAA. 1967/68. 29/30. P. 445 ff. № 2; ср. *Guarducci M.* Epigrafia greca. T. 2. Roma, 1995. P. 120. Помощь Родосу объясняется его экономической ролью: *Berthold.* Op. cit. P. 93 (с литературой).

[31] Ср. *Polyb.* IV. 38. 11; Ростовцев (GWHW. S. 533) предполагает, что введение налога было согласовано между византийцами и предводителями кельтов с целью дать возможность полису выплатить контрибуцию. Такое предположение вряд ли возможно. Скорее это была собственная инициатива византийцев, ибо для Кавара не играло роли, из какого источника он получит деньги.

[32] *Polyb.* IV. 38. 10; 45. 9; *Miltner F.* Die Meerengen Frage in der griechischen Geschichte // Klio. 1935. 28. S. 1 ff.; *Braund D.* Fish from the Black Sea // Food in Antiquity / Ed. J. Wilkens. Exeter, 1992. P. 168. О выгодном географическом положении Византия см. *Herod.* IV. 144; *Polyb.* IV. 38. 1, 8; *Strabo.* VII. 6. 2; *Tac.* Ann. XII. 63; *Dio.* LXXV. 10; *Zosim.* II. 30. 2; *Prokop.* Aed. I. 5; *Oberhummer H.* Byzantion // RE. 1897. Bd III. 1. Sp. 1116 ff.; *Mommsen Th.* Römische Geschichte. München, 1977. Bd 1. S. 691. Принято считать, что в этой части своего труда Полибий использовал византийские источники. В самом деле соответствующие главы написаны в провизантийском стиле и восходят к местной исторической традиции. Однако нельзя исключить, что историк имел в виду и более поздние нападения варваров. См. *Walbank.* A Historical Commentary... P. 488.

[33] *Nevskaja.* Op. cit. S. 39, 86 со ссылкой на IG. I^2. 57 = $Syll^3$. 75. Ср. *Vélissaropoulos J.* Les nauclères grecs. Genève–Paris, 1980. P. 183 f.

[34] Важнейшей статьей торговли была рыба: P. Cairo Zen. 59177. 5; 59292. 366; PSI. 513. 24; *Strabo.* VII. 6. 2; *Dion. Byz.* F. 1. 11 ff., 16 f., 21, 27, 63; *Arist.* Pol. IV. 4. 1. (129 1b); *Tac.* Ann. XII. 63; *Plin.* NH. IX. 50 f.; *Philostr.* Imag. I. 13; *Ael.* AH. IX. 42; *Gell.* NA. VI. 16. 5; *Athen.* III. 44; VII. 113; VII. 137; *Herodian.* III. 1. 5. Ср. *Nevskaja.* Op. cit. S. 40 ff.; *Erxleben E.* Das Verhältnis des Handels zum Produktionsaufkommen in Attika im 5. und 4. Jh. v. u. Z. // Klio. 1975. 57. 2. S. 368; *Mehl A.* Der Überseehandel von Pontos // Stuttgarter Kolloquium zur historischen Geographie des Altertums / Hrsg. E. Olshausen. Bd 1. Bonn, 1987. S. 123. Браунд (*Braund.* Op. cit. P. 162, 166, 169) подчеркивает, что не вся рыба, вывезенная из Византия, происходила оттуда. О византийских торговцах см. *Vélissaropoulos.* Op. cit. P. 47.

ма в целом характерен подъем торговой активности благодаря тому, что свобода мореплавания приобрела более прочные гарантии, а Эллада по-прежнему нуждалась в традиционных товарах[35]. Успех или неудача торговых предприятий определялись во многом позицией византийцев. Этот факт и подчеркивает Полибий, взяв его, очевидно, из местного источника, приводящего аргументацию послов Византия к грекам[36].

Спрашивается, кто скрывается под οἱ Ἕλληνες, к которым обратились византийцы? Какой либо официальный орган из представителей отдельных полисов вряд ли возможен[37]. Для этого времени засвидетельствован только общеэллинский союз Антигона Досона[38]. Однако представляется маловероятным, чтобы византийцы, нарушив субординацию и минуя македонского царя, обратились напрямую к его вассалам. Кроме того, Македония имела собственные интересы в регионе, и византийцы лучше, чем кто-либо, понимали, к каким последствиям может привести подобная просьба.

Выражение Полибия может быть истолковано как ссылка на города, торговавшие с Причерноморьем[39]. Под термином «Понт» вряд ли скрывается только его северное побережье. Хорошо засвидетельствованы торговые связи Греции с Колхидой, Синопой и Амисом, а также городами Западного Причерноморья[40]. М.И. Ростовцев выделял шесть групп торговых городов в регионе: *1)* геллеспонтийская группа – Сест, Абидос, Лампсак; *2)* пропонтийская – с Кизиком во главе; *3)* Боспор Фракийский с Калхедоном и Византием; *4)* южное побережье с Гераклеей Понтийской, Синопой и Амисом; *5)* западный берег с Аполлонией, Каллатисом, Одессом, Томами и Истрией; *6)* северопонтийские города[41]. Упоминания о каких-либо выступлениях полисов региона против торгового эмбарго византийцев отсутствуют. Напротив, возникает впечатление, что происходящее выходит за сферу их интересов.

Справедливо задаться вопросом: были ли понтийские полисы вообще в состоянии оказать политическое давление, не говоря уже о прямой военной помощи? В конце IV в. боспорский владыка Евмел проводил глобальную региональную политику, рассматривая Понт географически и политически как еди-

---

[35] *Hopper R.J.* Handel und Industrie im klassischen Griechenland. München, 1982. S. 102; *Kloft H.* Die Wirtschaft der griechisch-römischen Welt. Darmstadt, 1992. S. 140. Ср. *Polyb.* IV. 38. 6. О понтийских рабах см. *Finley M.I.* The Black Sea and Danubian Regions and the Slave Trade in Antiquity // Klio. 1962. 40. P. 51 ff. О зависимости полисов от внешних поставок см. *Neesen L.* Die griechische Polis – nur ein Import- und Konsumzentrum? // MBAH. 1985. IV. 1. S. 55 f.

[36] *Polyb.* IV. 38. 3. Следующий пассаж (6), где Полибий перечисляет понтийские товары, мог быть заимствован из византийского источника. Окончание же абзаца (7) принадлежит самому Полибию.

[37] Выражение οἱ Ἕλληνες встречается довольно часто; см., например, указатели к OGIS и Syll³.

[38] В качестве членов Союза засвидетельствованы ахейцы, эпироты, фокейцы, беотийцы, акарнанцы, опунтийские локры и находящиеся под властью Македонии Эвбея и Фессалия; см. *Polyb.* IV. 9. 4; XI. 5. 4; StV. III. 446; *Ager S.L.* Interstate Arbitration in the Greek World, 337–90 B.C. Berkeley, 1996. P. 65 ff. № 14; *Heuss A.* Stadt und Herrscher im Hellenismus. Lpz, 1937. S. 160 ff.; *Walbank F.W.* Philip V. Cambr., 1940. P. 16; *idem.* A Historical Commentary... P. 256; *Will.* Op. cit. I. P. 389 ff.

[39] *Polyb.* IV. 38. 6, 10; *Niese.* Op. cit. II. S. 384. Anm. 4; *Walbank.* A Historical Commentary... I. P. 500: Родос, Кизик, Хиос, Синопа и, возможно, Афины.

[40] О Колхиде см. *Tsetskhladze G.R.* Kolchis im System des antiken Handels // MBAH. 1992. XI. 1. S. 80 ff.; *idem.* Griechen in der Kolchis // MBAH. 1993. XII. 1. S. 56 ff. Выводы автора следует, однако, использовать весьма осторожно, поскольку он, с одной стороны, пользуется устаревшей хронологией, а с другой – исходит из ошибочного положения о прямых торговых контактах практически с любым центром, чьи товары прослеживаются археологически.

[41] GWHW. S. 458; ср. *Брашинский И.Б.* Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ. 1970. № 2. С. 133–137.

ное целое[42]. После его смерти дело его предается забвению. Не в последнюю очередь это явилось следствием существенных политических изменений. Одрисское царство, государство Туле (277–212 гг.), Малая Скифия, царства Фракии, одновременно или последовательно сменяясь, определяли характер происходящего в западной части региона[43]. На северном берегу изменения были еще глубже. Политическое равновесие между греками и скифами, столетиями определявшее их взаимоотношения, рушится в результате экспансии сарматских племен. Политические перемены вели к хозяйственному упадку с ухудшением торговой конъюнктуры. Начиная с этого времени все чаще встречаются упоминания о διαφοραί и ταραχαί, вызванных внутренними потрясениями, среди которых наиболее часто фигурирует σιτοδεία[44]. В то же время наблюдается перемещение центров торговой активности в Малую Азию, Сирию и Египет[45]. Скифия и Боспор во времена Полибия не являются более зерновыми кладовыми для Греции, уступив эту роль Египту, Сицилии и другим областям античного мира[46].

---

[42] *Diod.* XX. 25: Βυζαντίους μὲν γὰρ καὶ Σινωπεῖς καὶ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων τῶν τοῦ Πόντου οἰκούντων τοὺς πλείστους διετέλεσεν εὐεργετῶν. Ср. *Нейхардт А.А.* К вопросу о политике Евмела на Понте Евксинском // Древний мир. М., 1962. С. 595 сл.; *Федосеев Н.Ф.* Благодеяния Евмела // Античные полисы Северного Причерноморья и местное население. Севастополь, 1995. С. 163 сл.

[43] Ср. *Höck A.* Das Odryssenreich in Thrakien // Hermes. 1895. 26. P. 76 ff.; *Tomaschek W.* Die Alten Thraker. Bd 1. Wien, 1893. S. 91; *Kazarow G.I.* Thrace // CAH. VIII. 1930. P. 535, 537 f., 559 f.; *Oberhummer H.* Tylis // RE. 1948. Bd VIIA 2. S. 1712; *Walbank.* A Historical Commentary... I. P. 499; *Werner R.* Geschichte des Donau-Schwarzmeer-Raumes im Altertum // Abriss der Geschichte antiker Randkulturen / Hrsg. W.-D. von Barloewen. München, 1961. S. 111 ff.; *idem.* Thraker... S. 273 ff., 281 ff.; *Fol.* Op. cit. S. 993 ff.; *Nachtergael.* Op. cit. P. 169; *Oppermann M.* Thraker zwischen Karpatenbogen und Ägäis. Leipzig–Jena–Berlin, 1984. S. 76 ff., 146 ff., особенно S. 149 f.

[44] Syll[3]. 495; 731; IOSPE. IV. 68. 24 ff.; IGBR. 390. 14. Ср. *Stefan A.* Die Getreidekrisen in den Städten an den westlichen und nördlichen Küsten des Pontos Euxeinos in der hellenistischen Zeit // Hellenische Poleis / Hrsg. E.Ch. Welskopf. B., 1974. Bd 2. S. 649 ff., а также *Pippidi D.M.* Contributii la istoria veche a Romîniei. Bucureçti, 1958. P. 13 ff.; *idem.* Die Agrarverhältnisse in der griechischen Städten der Dobrudscha in vorrömischer Zeit // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes / Hrsg. J. Irmscher. B., 1961. S. 97 ff.; *idem.* Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit. B., 1962. S. 11 ff.; 75 ff.; *Карышковский П.О.* Истрия и ее соседи на рубеже III–II вв. до н.э. // ВДИ 1971. № 2. С. 36 сл.; *Vinogradov J.G.* Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebiet // Actes du VIIe Congrès intern. d'épigraphie grecque et latine. Constantza, 1977. Buçuresti, 1979. P. 306 ff.

[45] GWHW. S. 459.

[46] Ср. *Garnsey P.* Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Cambr., 1989. P. 13: «the system of food supply frequently broke down under the combined impact of sporadic tribal incursions and normal climatic irregularities». В том же духе: *Ленцман И.* О хлебной торговле Делоса // ВДИ. 1946. № 2. С. 93; *Gajdukewič V.F.* Das Bosporanische Reich. Berlin–Amsterdam, 1971. S. 49 ff. Иначе: *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье. Л., 1963. С. 163 – автор подчеркивает, что указание Полибия следует понимать суммарно, а Страбон (VII. 4. 6) подтверждает еще для времен Митридата Евпатора, наряду с денежными контрибуциями, значительные поставки зерна из региона ко двору царя. С Брашинским соглашается Кэссон (*Casson.* The Grain Trade... P. 182): в 171 г. афиняне поставили римской армии 100 000 модиев зерна (*Liv.* XLIII. 6. 2 f.) «and it's likely that this grain came from the Black Sea». При этом не учитывается, однако, что обязательства по зернопоставкам могут не означать его значительное количество в данном регионе. О поставках зерна из Египта см. *Hohlwein N.* Le blé d'Egypte // Études de Papyrologie. 1938. T. 4. P. 91 ff.; *Roebuck C.* Economy and Society in the Early Greek World. Chicago, 1984. P. 30 ff.; *Habermann W.* Die athenischen Handelsbeziehungen mit Ägypten, Karthago und Kyrene während des 5. Jahrhunderts v. Chr. // MBAH. 1986. 5. 2. S. 96 ff.; *Beyer-Rothoff.* Op. cit. S. 267 f. О зерне из Фессалии: *Casson.* Ancient Trade... P. 87. Not. 11; из Эвбеи: *Herod.* V. 77; Финикии и Кипра: *Köster K.* Die Lebensmittelversorgung der altgriechischern Polis. B., 1939. S. 23. Anm. 31; *Casson.* Ancient Trade... P. 88. Not. 13; из Сицилии: *Hüttl W.* Verfassungsgeschichte von Syrakus. Prag, 1929. S. 20. Л. Кэссон (Ancient Trade... P. 70) называет для Афин три основных центра снабжения зерном в эллинистический период: Сицилию, Египет с Киреной и Причерноморье. О Кирене см. SEG. IX. 2; *Danoff Chr.* Pontos Euxeinos // RE. 1962. Suppl. IX. S. 1140 ff.; *Pekáry Th.* Die Wirtschaft der griechisch-römischen Antike. Wiesbaden, 1979. S. 78; *Hopper.* Op. cit. S. 99 ff.

Южнопонтийских полисов Гераклеи, Синопы и Амиса византийская проблема касалась лишь отчасти[47]. Непосредственно это могло затронуть Кизик, Лампсак, Абидос и Сест[48]. Из них Кизик находился в своего рода симмахии с Филетером Пергамским (схожее состояние предполагается также для Вифинии), остальные же, вероятно, просто не хотели понять сути византийских действий[49]. Надежда на получение помощи от соседних полисов была, таким образом, химерой. Византийцам это было несомненно ясно. До тех пор, пока собственные интересы соседей не оказывались под угрозой, они вели себя довольно пассивно. Из географических соображений можно предположить, что, кроме Византия, в конфликт были вовлечены и другие города Фракийского Боспора, прежде всего Калхедон. Тесные контакты двух городов были обусловлены их соседским положением и нашли отражение в их истории[50]. Возможно, что в Калхедоне существовала влиятельная провизантийская группировка[51].

Среди наиболее заинтересованных сторон следует назвать полисы континентальной Греции, Малой Азии, а также птолемеевский Египет[52]. Политика Греции в регионе определялась прежде всего продовольственными интересами. Нехватка зерна была постоянной в Элладе[53]. Поставки со стороны, не в последнюю очередь из Причерноморья, призваны были решить эту проблему. Для IV в. мы располагаем наряду с археологическим материалом также письменными источниками. В одном таком часто цитируемом отрывке читаем: εἰς τὸν Πόντον ὁ οἶνος εἰσάγεται ἐκ τῶν τόπων περὶ ἡμᾶς, ἐκ Πεπαρήθου καὶ Κῶ καὶ Θάσιος καὶ Μενδαῖος καὶ ἐξ ἄλλων πόλεων παντοδαπός[54]. Вина, упомяну-

[47] О Синопе см. *Polyb.* IV. 56. 1–9; о Гераклее: *Meyer E.* Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zürich–Leipzig, 1925. S. 111 f.; *Will.* Op. cit. I. P. 246. Амис входил по крайней мере с 260-х годов в Понтийское царство; см. *Максимова М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М., 1956. С. 176; ср. *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996, С. 55 сл., 65 сл.

[48] См. *Hasluck W.* Cyzicus. Cambr., 1910. P. 171; *Ruge W.* Kyzikos // RE. 1921. Bd XII. Sp. 228 f.; GWHW. S. 459 f., 533.

[49] OGIS. 748; *Welles.* Op. cit. № 52. 65; GWHW. S. 461, 1214. Anm. 330. Об отношениях с Атталидами см. *Polyb.* XXII. 20; *McShane.* Op. cit. P. 36 f., 87 f., 127. Not. 124; P. 163, 171. Not. 73; P. 191. Not. 49. Азиатские владения Византия граничили с территорией Кизика: *Strabo.* XII. 8. 11; ср. *Polyb.* IV. 45. 7; 50, 4; *Tac.* Ann. XII. 63; *Dio. Chrys.* XXXV. 25; *Herodian.* III. 1. 5; *Walbank.* A Historical Commentary... I. P. 504 f.; *Strobel.* Op. cit. S. 193. Anm. 151. О позиции городов Геллеспонта см. *Nevskaja.* Op. cit. S. 153.

[50] После поражения ионийского восстания калхедонцы и византийцы совместно основали Месембрию во Фракии: *Herod.* VI. 33; *Ps. Skymn.* 741 f. О связях обоих полисов в V–IV вв. см. *Diod.* XII. 82. В III в. они, видимо, находились в симмахии друг с другом; см. *Seyrig.* Op. cit. P. 183, 185 ff.; *Schönert-Geiss.* Op. cit. S. 78 ff., S. 148 ff. № 1252–1301. Taf. 59 ff.; *Robert L.* Villes d'Asie Mineure. 2 ed. P., 1962. P. 65. Not. 6. О территории Калхедона см. *Strobel.* Op. cit. S. 193. Anm. 151.

[51] В конце III – начале II в. Тенедос и Фокея признали асилию Калхедона. В соответствующем документе они называют калхедонцев: φίλοι τε καὶ εὐνοι [[διὰ προγόνων] τῆι [πό]λει ὑμῶ[ν] (Фокея), или даже: [φίλ]οι ἔοντες κ[αὶ] οἴκειοι καὶ σύμμαχοι ἐκ παλαίων χρόνων (Тенедос); см. I. Kalchedon. 5. 1, 14, 19 ff.; *Rigsby K.J.* Territorial Inviolability in the Hellenistic World. Berkeley, 1996. P. 63 f. Конечно, нельзя понимать буквально выражения типа διὰ προγόνων или ἐκ παλαίων χρόνων; обращение к калхедонцам как οἴκειοι καὶ σύμμαχοι означает скорее мифическое родство и более или менее тесные отношения друг с другом, чем реальные союзнические отношения. Однако подобные отношения сложились раньше, а не к моменту провозглашения асилии.

[52] О проблеме конкуренции в хлебной торговле между Египтом и Боспором см. *Gajdukewič.* Op. cit. S. 76 ff.; *Шургая И.Г.* Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1973. 138. С. 51 сл.

[53] Ср. IG. II². 1. 398; 401; *Ziebarth.* Op. cit. S. 74. О хлебной торговле северопричерноморских полисов см. *Rostovtzeff M.* The Bosporan Kingdom // CAH. VIII. 1930. P. 574 ff.; *Kocevalov A.* Die Einfuhr von Getreide nach Athen // RhM. 1932. XXXI. S. 321 ff.; *Гайдукевич В.Ф.* Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ. 1966. № 1. С. 47 сл.; *Pekáry.* Op. cit. S. 28.; *Hopper.* Op. cit. S. 102; *Engels.* Op. cit. S. 116 f.; *Garnsey.* Op. cit. P. 14, 154 ff.

[54] *Demosth.* XXXV. 35.

тые здесь, были наиболее дорогими и предпочтимыми, в то время как прочие сорта названы обобщенно[55]. Не следует также забывать ввозимое в Понт оливковое масло из Аттики. Именно на вовлеченные в торговлю с Понтом полисы в первую очередь должны были быть переложены финансовые тяготы, и поэтому их позиция была так важна для византийцев. Но в материковой Греции бушевала Союзническая война, которая касалась и Эгеиды; параллельно велись военные действия в Иллирии и Селевкидском царстве[56]. Расстановка сил была, таким образом, не в пользу Византия. Полисы относились к различным сферам влияния или были вовлечены в локальные конфликты.

Можно допустить, что византийцы сначала обратились с просьбой о помощи к своим традиционным союзникам Кизику, Гераклее Понтийской, Эфесу, Самосу, возможно, Книду и Родосу, а также другим государствам, вовлеченным в понтийскую торговлю[57]. Однако их апелляция натолкнулась на непонимание, а подчас открытый отказ со стороны греков, и помощь не была оказана[58]. Не стоял вопрос о самом существовании города, и этот факт, возможно, позволял третьей стороне сохранять пассивный нейтралитет. В этой связи византийцы могли представить сложившуюся ситуацию с введением таможенных пошлин как вынужденную меру[59], как логический ответ на пассивность друзей и союзников, их нежелание или неспособность оказать поддержку форпосту эллинизма. Такая картина действий византийцев очень тенденциозна и, возможно, восходит к локальной историографии. Что кроме радикальных мер могло заставить греков стать на сторону Византия?

Подобные меры засвидетельствованы для понтийской торговли и ранее. Для самого Византия возможность вмешательства, а то и прямого разбоя, проистекала из выгодного географического положения[60]. В 362 г. византийцы, калхедонцы и кизикцы захватили афинские корабли с зерном[61]. По той же причине несколькими годами позже разразилась война между Афинами и Филиппом II Македонским из-за захвата последним афинских кораблей, шедших из Понта[62]. Попытки блокады черноморских проливов предпринимались и много позже, например во время войны между Пергамом и Понтом (181 г.) или Пергамом и Вифинией (155/4)[63]. Географические преимущества положения Византия в свя-

---

[55] *Athen.* I. 23b, 29d; IV. 129d; *Pollux.* Onom. VI. 15; *Grace V.* Standart Pottery Containers of the Ancient Greek World // Hesperia. 1949. Suppl. VIII. P. 186. Pl. 10, *1*; *Брашинский И.Б.* Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой // НЭ. 1962. III. С. 45 сл.; *Doulgéri-Intzessiloglou A., Garlan Y.* Vin et amphores de Péparéthos et d'Ikos // BCH. 1990. 114. P. 361 ff. О Фасосе см. *Garlan Y.* Vin et amphores de Thasos. P., 1988.

[56] *Niese.* Op. cit. II. S. 361 f.

[57] О Гераклее см. FGrHist. 434. F. 7. 11; *Niese.* Op. cit. II. S. 138; *Merle H.* Geschichte der Städte Byzantion und Kalchedon. Kiel, 1916. S. 55; *Werner.* Op. cit. 288. Anm. 3.

[58] *Polyb.* IV. 46. 6; В.П. Невская (*Nevskaja.* Op. cit. S. 153. Anm. 5) считает, что помощь была оказана; Полибий говорит определенно: большинство греков отказало в помощи, что подрузамевает и тех, кто реально помог византийцам.

[59] *Polyb.* IV. 46. 6.

[60] *Herod.* VI. 26; *Ps. Arist.* Oec. II. 1346. (3b) 30. Клеомен, сатрап Египта, напротив, обложил вывоз зерна большим налогом: Ibid., 1352a. (33a) 15 ff.

[61] *Demosth.* XLV. 64; L. 4 ff., 17; *Ps. Arist.* Oec. II. 1346 (3b). 29 f.; 1347b (10). 24f.; *Aen. Tact.* 12; P. Oxy. 303.

[62] *Just.* IX. 1; ср. *Demosth.* X. 34. 11. 5 (= *Harding Ph.* From the End of the Peloponnesian War to the Battle of Ipsos. Cambr., 1993. № 95B); *Braunert H.* Das Mittelmeer in Politik und Wirtschaft der hellenistischen Zeit. Kiel, 1967. S. 8. В 330/29 г. гераклейцы задержали афинские суда с зерном; см. *Schwenk S.J.* Athens in the Age of Alexander. The Dated Laws and Decrees of the «Lykourgan Era», 338–322 B.C. Chicago, 1985. P. 233 f. № 67.

[63] *Polyb.* XXVII. 7. 5; *Holleaux M.* Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques. P., 1921. P. 90; *Ziebarth.* Op. cit. S. 28. Anh. I. 83; GWHW. S. 610 f.; *Habicht Chr.* Über die Kriege zwischen Pergamon und Bithynien // Hermes. 1956. 84. S. 107.

зи с черноморской торговлей стали очевидными еще в древности. Во времена Алкивиада афиняне соорудили на азиатской стороне у Хризополя таможенную станцию для взимания пошлин с проходящих через проливы судов. Порядок призвана была охранять эскадра из 30 кораблей и специальная коллегия геллеспонтофилаков[64]. С каждого корабля, проходившего проливы, взималась пошлина в размере 10% стоимости груза[65]. В начале IV в. Фрасибул передал взимание этих пошлин византийцам, которые перенесли таможню в свой город[66]. Во времена Демосфена гавани фракийского Херсонеса давали ежегодно 200 талантов[67]. Однако налоги, взимавшиеся в период I и II Афинской архе, были для второй половины III в. анахронизмом. Условия торговли, несомненно, регламентировались международным правом, не являлись только личным делом византийцев, и посему заинтересованные государства стремились зафиксировать его важнейшие положения. Эти документы были выставлены на стелах в Гиероне у входа в пролив[68].

Война разразилась не сразу. С момента введения таможенных сборов до прямой конфронтации прошло какое-то время, в течение которого византийцы могли беспрепятственно получать свои сборы. Изначально, видимо, не существовало твердого представления о величине взимаемых платежей, и лишь после того как эти суммы оказались несоразмерными, заговорили о непереносимости такого состояния и обратились к родосцам[69].

Какой оценки заслуживает при этом роль Родоса? Первое, что приходит на ум, это его собственные экономические интересы[70]. Имеются основания предполагать, что были предприняты какие-то шаги против действий византийцев, а просьба о помощи со стороны предоставляла дополнительную возможность выставить себя защитником общих интересов. Два положения являются, таким образом, определяющими в поведении Родоса: собственные денежные потери и призыв других полисов[71]. Именно значение Родоса как ведущей морской державы было определяющим для решения выбрать его проводником общих интересов. Эта оценка Полибия (προεστάναι τῶν κατὰ θάλατταν) не может, однако, рассматриваться сквозь призму родосской гегемонии, как это было десятилетия спустя, а скорее в моральном смысле, в качестве намека на роль острова в охране свободы мореходства[72]. Просьба греков о посредничестве вряд ли является выдумкой родосской историографии в целях защиты своей позиции в конфликте. Сравнение с позднейшими событиями на Крите мало уместно, так как в последнем случае были затронуты политические интересы Родоса и дело касалось государств, находившихся с ним в правовой симмахии. В случае с Византием отношения были иными. К Родосу – сильной морской державе – обращается «третья Греция» в связи с нарушением существующих правовых норм. Именно вхождение острова в число важнейших государств Восточного Средиземноморья, его общепризнанная посредническая роль, хозяй-

---

[64] *Xen.* Hell. I. 1. 22; CIA. I. 40; *Nevskaja.* Op. cit. S. 94.

[65] *Xen.* Hell. I. 1. 22; *Polyb.* IV. 46. 6. Ю. Белох (*Beloch J.* Zur Finanzgeschichte Athens // RhM. 1884. XXXIX. S. 40) определял сумму доходов с этого налога в 120 талантов в год.

[66] *Xen.* Hell. IV. 8. 27.

[67] *Demosth.* XXIII. 110.

[68] *Demosth.* Lept. 20. 36; I. Kalchedon. S. 33. № 16 = IOSPE. I². 24; IV. P. 264.

[69] *Polyb.* IV. 47. 1. Ср. *Davies.* Op. cit. P. 273. Not. 83.

[70] GWHW. S. 632, 637; ср. *Avram A.* Zu den Handelsbeziehungen zwischen Kallatis und dem Taurischen Chersonesos // MBAH. 1988. VII. 2. S. 89; *Nevskaja.* Op. cit. S. 151; *Berthold.* Op. cit. P. 94; *Gabrielson.* Op. cit. P. 45; *Габелко.* Конфликт Родоса... С. 26 сл.

[71] *Polyb.* IV. 47. 3. Ср. *Préaux.* Op. cit. P. 333; *Gabrielson.* Op. cit. P. 45.

[72] *Polyb.* IV. 47. 1; *Hiller von Gaertringen.* Op. cit. Sp. 786; *Rostovtzeff.* Rhodes, Delos... P. 625; *Gabrielson.* Op. cit. P. 44f.

ственный расцвет и как следствие этого обширные торговые связи принесли ему богатый политический капитал и уважение среди малых полисов[73].

Уже в раннеэллинистический период Родос вытесняет Афины в качестве ведущей торговой державы[74]. Роль острова прежде всего в транзитной торговле зерном вряд ли возможно переоценить[75]. Меньшее значение придавалось вывозу собственной продукции: вина, плодов фиги, меда и капусты[76]. Объем родосского торгового оборота оценивался в 50 миллионов драхм в год, причем только 2% портовых сборов приносили около 1 миллиона[77]. Несмотря на многочисленные косвенные свидетельства о торговой активности, эпиграфические документы с упоминанием отдельных лиц[78], присутствие Родоса в Северном Причерноморье фиксируется лишь опосредованно. Родосские монеты, насколько известно, до сих пор не найдены, но этот факт сам по себе малозначителен, поскольку то же можно сказать о большинстве торговых партнеров[79]. Неоднократно отмечалось родосское влияние в локальных монетных эмиссиях. Ольвия чеканила по родосскому стандарту, Фанагория использовала типично родосский символ – цветок граната на реверсе своих монет, в то время как Горгиппия переняла изображение родосского Гелиоса для собственного серебра[80]. Много-

---

[73] Большая часть свидетельств, однако, поздняя. Ср. *App.* Mac. 3. 1 f.; 3. 3; Liv. XXVIII. 5. 13; 7. 13 ff.; *Polyb.* XI. 4 ff. Такая роль Родоса находит должное признание. Во время переговоров между римскими легатами и Антиохом III в Лисимахии в 196 г. последний просит посредничества родосцев: *Polyb.* XVIII. 52. 3–4 = *Ager.* Interstate Arbitration... P. 216 f. № 77; ср. GWHW. S. 1485. Anm. 93; *Schmitt.* Rom und Rhodos... S. 54 ff.; *Will.* Op. cit. II. P. 45 ff.; *Berthold.* Op. cit. P. 95 ff.; *Gabrielson.* Op. cit. P. 44; *Ager.* Interstate Arbitration... P. 91. № 26 = I. Priene. T 500 = Syll^3. 13; 52; 63; 74; 94; 109; 117; 119; 121 ff.

[74] *Hiller von Gaertringen.* Op. cit. S. 776 ff.; *Ziebarth E.* Zur Handelsgeschichte der Insel Rhodos // Mélanges G. Glotz. T. 2. P., 1932. P. 910 ff.; *Pekáry.* Op. cit. S. 68 f.; *Berthold.* Op. cit. P. 51 ff.; *Engels.* Op. cit. S. 109 ff.

[75] *Demosth.* LVI. 9, 17; *Diod.* XX. 81. 4; 96. 1–3; *Polyb.* V. 88 f.; *Ps. Arist.* Oec. 1352 A–B; *Ziebarth.* Zur Handelsgeschichte... S. 910 ff.; *Casson.* Ancient Trade... P. 73; *Berthold.* Op. cit. P. 50 f.; *Sippel D.V.* A Reconsideration of the «Eponyms» Inscribed on Rhodian Amphora Stamps // AW. 1985. 11. P. 121. Согласно Страбону (XVII. 1. 9), в гавани Александрии был остров под названием Антиродос. На Делосе родосские купцы были вовлечены в местную торговлю зерном: IG. XI. 4. 1055 = Syll^3. 493; 1116; ID. 442A. 100 ff.; Syll^3. 354. Как зерноторговцы они известны и в других местах: Syll^3. 354 (Эфес); IG. XII. 7. 9 (Аморгос); IG. XII. 5. 1010 (Иос); *Walbank M.B.* Greek Inscriptions from the Athenian Agora // Hesperia. 1980. 49. P. 252 ff. (Афины). Уже для IV в. имеются свидетельства из Памфилии, Киликии и Сирии: *Polyaen.* IV. 6. 16.

[76] *Berthold.* Op. cit. P. 52 f.; *Sippel.* Op. cit. P. 121. Родосское вино славилось прежде всего в Афинах и Риме: *Athen.* I. 31e; *Varr.* Geo. II. 101 f.; *Ps. Aeschyl.* Epit. 5. 2.

[77] Другим важным источником доходов была зависимая Перея, где только Стратоникея и Кавн приносили 720 000 драхм в год: *Polyb.* XXX. 31. 6 f. Дион Хрисостом (XXXI. 35, 100) отмечает, что родосцы богаче любого другого народа; ср. GWHW. S. 1486. Anm. 96; *Berthold.* Op. cit. P. 52; *Sippel.* Op. cit. P. 121.

[78] IOSPE. I^2. 30; *Книпович Т.Н., Леви Е.И.* Надписи Ольвии. Л., 1968. С. 30 сл. № 24. Институт проксении не являлся, однако, связанным только с торговлей: *Marek Chr.* Handel und Proxenie // MBAH. 1985. IV. 1. S. 76 f. Довольно часто рассматривался случай с Посидеем, сыном Посидея, имевшим тесные контакты с Родосом, см. IOSPE. I^2. 77; 670–672; *Соломоник Э.И.* Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962. III. С. 36–38.

[79] *Schönert-Geiss E.* Die Wirtschafts- und Handelsbeziehungen zwischen Griechenland und der nördlichen Schwarzmeerküste im Spiegel der Münzfunde // Klio. 1971. 53. S. 114 f. О распространении родосских монет см. *Head.* Op. cit. P. 639 ff.; *Noe S.* A Bibliography of Greek Coin Hoards. N.Y., 1937. Passim; *Hackens T., Levy E.* Trésor hellénistique trouvé à Délos en 1964 // BCH. 1965. 89. P. 504 ff.; *Hackens T.* La circulation monétaire dans la Béotie hellénistique: Trésors de Thèbes, 1935 et 1965 // BCH. 1969. 93. P. 701 ff.; *Oeconomides M.* Θησαυρός νομισμάτων ἐκ Θεσσαλίς // AE. 1970. P. 13 ff. Они полностью отсутствуют в Сицилии, Италии, Северной Африке и Испании, см. *Davies.* Op. cit. P. 282.

[80] *Schönert-Geiss.* Die Wirtschafts- und Handelsbeziehungen... S. 116. О так называемом родосском стандарте см. *Head.* Op. cit. P. 635 ff.; BMC. Caria. P. C–CVI, 223 f.; *Babelon E.* Traité des monnaies grecques et romaines. T. II. 1. P., 1902. P. 459 ff.; T. II. 2. P. 141 f., 973 ff., 1001 ff., 1037 ff., 1053 ff.; *Regling K.* Die Münzen von Priene. B., 1927. S. 128 ff.; *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage from the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–188 B.C.). Cambr., 1991. P. 9 f., 58, 68, 90 ff., 166.

численные находки родосских товаров в регионе засвидетельствованы уже для древнейших времен, но особенно их число возрастает в эпоху эллинизма, что доказывают клейменые амфоры[81]. При этом понтийский регион не был единственным и важнейшим торговым партнером Родоса. Ими являлись прежде всего Египет, Сицилия, Малая Азия и Сирия[82].

Современная наука отрицает государственный характер торговли в древности[83]. Эта отрасль древней экономики являлась приоритетом частного сектора, в то время как государство заботилось лишь об организации продовольственного снабжения. В нормальных условиях торговля зерном была локальным делом и велась производителями зерна, владельцами усадеб и государством[84]. Иначе было в экстремальных условиях, когда государство брало на себя заботу о снабжении, не полагаясь более на «свободный рынок», насильственно изымало товары[85]. Торговля не была приоритетом избранных, в ней участвовали практически все греческие полисы. Вряд ли можно утверждать о координации торговой политики или ее узконациональном характере. С другой стороны, уже с архаической эпохи наблюдается тенденция в утверждении отдельных полисов (Коринф, Афины, Родос) в качестве торговых центров[86]. Это вовсе не означает, что политика означенных государств подчинялась меркантильным интересам. Определенные черты меркантилизма неоспоримы, прежде всего, когда это касалось доходов городской элиты[87], но в общем и целом государственное хозяйство стояло особняком.

Если речь идет о родосской торговле, то это не означает ее государственный характер, а скорее деятельность вовлеченных в нее частных лиц, в то время как роль государства ограничивалась охраной самих торговцев, гаран-

---

[81] *Bleckmann F.* De inscriptionibus quae leguntur in vasculis Rhodiis. Göttingen, 1907. P. 29 f.; *Rostovtzeff.* Rhodes, Delos... P. 624 f., 629 f.; *Крушкол Ю.С.* Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху // ВДИ. 1957. № 4. С. 110 сл.; *Шелов Д.Б.* Из истории связей эллинистического Боспора с Родосом в эллинистическую эпоху // СА. 1958. XXVIII. С. 333 сл.; *Eftimie V.* Imports of Stamped Amphorae in the Lower Danubian Regions and a Draft Corpus of Amphora Stamps // Dacia. 1959. 3. P. 198 ff. Ср. *Fraser.* Op. cit. II. P. 290 f. Not. 311; *Berthold.* Op. cit. P. 51; *Бадальянц Ю.С.* Торгово-экономические связи Родоса с Северным Причерноморьем в эпоху эллинизма // ВДИ. 1986. № 1. С. 87 сл.; *Gabrielson.* Op. cit. P. 64 ff. Было высказано предположение, что в родосских амфорах перевозились прежде всего чужие товары: *Fraser.* Op. cit. I. P. 167; *Davies.* Op. cit. P. 274; *Duncan-Jones R.* Structure and Scale in the Roman Economy. Cambr., 1990. P. 34. О информативности керамики: *Cook R.M.* Archaic Greek Trade: Three Conjectures // JHS. 1975. 99. P. 154; *Kreuzer B.* Überlegungen zum Handel mit bemalter Keramik im 6. Jahrhundert v. Chr. // Klio. 1994. 76. S. 105. Anm. 13.

[82] См. прим. 53 и *Hauben.* Op. cit. P. 319 f., 334 ff.

[83] *Hopkins K.* Introduction // Trade in the Ancient Economy / Ed. P. Garnsey, K. Hopkins, R. Whittaker. L., 1984. P. XII f.; *Pleket W.* Urban Elites and Business in the Greek Part of the Roman Empire // Ibid. P. 134, 137. Ср. *Panitschek P.* Zur Entstehung des athenischen Handels mit dem Schwarzmeerraum im 6. Jh. // MBAH. 1985. IV. 1. S. 40 f.; *Neesen.* Op. cit. S. 49 ff. (с литературой); *Vélissaropoulos.* Op. cit. P. 26 ff., 91 ff.; *Marek.* Op. cit. S. 77. Иная точка зрения: *Beyer-Rothoff.* Op. cit. S. Passim, особенно S. 229 ff. (о Родосе).

[84] *Plin.* Ep. VIII. 2; *Pleket.* Op. cit. P. 143.

[85] *Tod.* 167; *Finley M.* The Ancient Economy. Oxf., 1975. P. 29, 153; *Pékary.* Op. cit. S. 47 f., 67. Ср. чествование родосского торговца зерном в Эфесе, пунийского – в Истрии и т.д.: *Шифман И.* К восстановлению одной истрийской надписи // ВДИ. 1958. № 4. С. 118 сл.

[86] Об Афинах: *Finley.* The Ancient Economy. P. 160. О Родосе: *Rostovtzeff M.* Alexandrien und Rhodos // Klio. 1937. 30. S. 70 ff.; *Gruen E.S.* Rome and Rhodes in the Second Century B.C. // CQ. 1975. 69. P. 58 ff.; *Berthold.* Op. cit. P. 82; *Starr C.G.* The Influence of Sea Power on the Ancient History. N.Y., 1989. P. 54. Среди даров Родосу после землетрясения 227 г. упомянуты и торговые привилегии: *Polyb.* V. 89. 8; *Walbank.* A Historical Commentary... I. P. 618; *Beyer-Rothoff.* Op. cit. S. 233.

[87] Например, в Коринфе: *Neesen.* Op. cit. S. 58. Anm. 30; *Salmon J.B.* Wealthy Corinth. Oxf., 1997. P. 132 ff.

тией морских коммуникаций и фискальными мероприятиями[88]. Эти моменты и были затронуты в конфликте с Византием. При этом изначально отвергалось понятие свободы мореходства в проливах, официально устоявшееся по меньшей мере со времен Александра Македонского, что являлось правовым нарушением. В этом аспекте рассматриваемый конфликт следует отнести не к разряду «торговых войн»[89], вообще не характерных для античности, а к области политики. Спор шел не о сферах влияния или эмпориях, как в войне между Византием и Каллатисом из-за Том[90]. Никто не стремился к единоличному завоеванию рынка или торговой монополии для своих граждан – речь шла о защите свободы мореходства. Как раз этот пункт являлся центральным в переговорах с родосскими послами, требовавшими отмены платежей[91]. При этом родосцы попытались придать посольству хотя бы внешне международный характер, включив в него своих союзников[92]. Значение Родоса как посредника в конфликтах эллинистического времени было общепризнанным, и существовала надежда, что традиционно добрые отношения с Византием помогут острову в мирном разрешении спора[93]. Византийцы же оценивали ситуацию иначе. Аргументы родосских послов звучали для них неубедительно, пока не были подкреплены конкретными мерами в их пользу. Родосцы со своей стороны также не были готовы на компромиссы, которые привели бы к подрыву основ их политики и потере имиджа. Эти разногласия уже не могли быть решены мирным путем. Сразу же после провала родосской миссии было решено начать военные действия[94].

Несмотря на открытый разрыв с Византием и, возможно, серьезные финансовые потери из-за блокады проливов, родосцы не спешили развязывать войну. С самого начала они намеревались действовать только на море. Поэтому очередное посольство, на этот раз к царю Вифинии Пруссию, должно было побудить его к участию в войне. Вифинский правитель не имел торговых интересов в понтийском бассейне, его цели были обусловлены политическими амбициями, так как он враждовал с византийцами[95]. Эта вражда стала привычной для обеих

---

[88] О государственных интересах в торговле: *Pekáry*. Op. cit. S. 46 ff. (с литературой); *Préaux*. Op. cit. P. 333. О значении Родоса для античной торговли см. *Diod*. III. 34. 7.

[89] Ср., однако: *Gelder*. Op. cit. S. 115; *Ager*. Rhodes... P. 14.

[90] *Memn*. // FGrHist. 434. F. 21; GWHW. S. 463. О значении Том: *Matei Ch*. Notes on the Activity in the Port of Ancient Tomis // MBAH. 1989. VIII. 1. P. 39 ff. О роли Том для Византия: *Niese*. Op. cit. II. S. 137. Датировка этой войны не ясна: Низе (Op. cit. II. S. 136 f. Anm. 2) помещает ее перед войной за вифинское наследство (264/3); Мерле (Op. cit. S. 55) – около 275 г.; Вулич (Kallatis // RE. 1919. Bd X. 2. Sp. 1611) – около 260 г. С последним соглашается Й. Зайберт (Metropolis und Apoikie. Würzburg, 1963. S. 157 f. Anm. 4). По мнению Дж. Витуччи (Il regno di Bithinia. Roma, 1953. P. 30 ff.), Никомед умер около 250 г. Между 255–253 гг. датировал его смерть также В. Тарн (*Tarn W.W*. Antigonus Gonatus. Oxf., 1913. P. 236. Not. 1).

[91] Ср. действия Родоса во время пергамской блокады проливов в войне Пергама против Понта в 181 г.: *Polyb*. XXVII. 7. 5; *Holleaux*. Rome, la Grèce... P. 90; *Ziebarth*. Beiträge... S. 28.

[92] *Polyb*. IV. 47. 2.

[93] После сражения у Книда (394 г.) оба государства входили в симмахию, к которой также принадлежали Эфес, Самос, Книд и Иасос. Этот факт подтверждают монеты с надписью ΣΥΝ(μαχοι); см. *Waddington W.H*. Confédération de l'Asie Mineure et des îles après la bataille de Cnide (A.C. 394) // RN. 1893. 7. P. 223 f.; *Head*. Op. cit. P. 267, 573, 616, 621, 638; *Schönert-Geiss*. Op. cit. S. 31 ff. О датировке см. *Gardner P*. A History of Greek Coinage 700–300 B.C. Oxf., 1918. P. 358.

[94] *Polyb*. IV. 47. 3. Имена послов, упомянутых Полибием, засвидетельствованы на монетах Родоса: BMC. Caria. № 34, 26; *Nevskaja*. Op. cit. S. 154; *Seyrig*. Op. cit. P. 186 f.

[95] *Polyb*. IV. 47. 7; Ср., однако: *Habicht Chr*. Prusias // RE. 1957. Bd XXIII. 1. Sp. 1098. О. Габелко (Конфликт Родоса... С. 27) считает, что экономические причины побудили царя к участию в войне. О взаимной вражде см. *Diod*. XII. 82; XIX. 60; *Plut*. Mor. 302 f.; *Ager*. Interstate Arbitration... P. 142; ср. *Xenoph*. Hell. I. 3. 1 ff.; *Plut*. Alcib. 29. 6 ff.; *Diod*. XIII. 66.

сторон, но так было не всегда. После 280 г. Гераклея, Византий, Калхедон, Кий и Тия входили вместе с Вифинией и Понтом в так называемую «Северную лигу»[96]. Отец Прусия, Никомед I, опасаясь Селевкидов, заключил союз с Птолемеем II, Антигоном Гонатом, полисами Византием, Гераклеей и Кием, назначив их опекунами своего малолетнего сына[97]. Ухудшение взаимоотношений приходится на время правления Прусия. Полибий называет три причины, приведшие к этому: *1)* византийцы постановили почтить царя, выставив его статуи, но постоянно отодвигая сроки, в конце концов не сделали этого; *2)* Прусий был в обиде на византийцев за то, что те способствовали прекращению войны между Ахеем и Атталом; *3)* Прусия возмутило, что византийцы послали своих представителей к Атталу для участия в жертвоприношениях, обойдя своим вниманием его собственные сотерии[98]. Таким образом, личная обида царя и политика византийцев явились истинными причинами вражды. Отношения между вифинцами и Птолемеями были традиционно добрыми[99]. Враждебная антиатталидовская политика была, напротив, постоянным явлением в Вифинии, что и определило не в последнюю очередь позицию Прусия в отношении Византия[100].

Прусий не без причины опасался, что византийцы могут использовать контакты с Пергамом и Ахеем против него самого. Его задачей было не допустить возможного союза между ними[101]. Эти опасения царя, вне всякого сомнения, были очевидны для Родоса в момент отправки посольства. Выбор родосцев не означал какого-либо предпочтения в отношении Вифинии, но определялся известной мудростью: «враг моего врага – мой друг». Этот шаг был вызван, возможно, отказом малоазийских полисов (например Кизика, Гераклеи Понтийской и Синопы) выступить против Византия. В одиночку же родосцы были не в состоянии вести эффективные действия против Византия и поэтому стремились вести войну руками вифинцев, будучи уверенными в возможности прекратить ее в любой момент. Для Прусия открывалась перспектива достижения своих политических целей вопреки общественному мнению греков. Возможно, родосское посольство обсудило с ним не только тактические планы ведения войны, но и определенные стратегические вопросы[102]. Задачи сторон были определены исходя из их военного потенциала: родосцы ведут войну на море, Прусий – на суше[103]. Двусторонний договор заключен, однако, не был.

---

[96] GWHW. S. 22; *Magie*. Op. cit. P. 1193. Not. 28 f.; *Danoff*. Op. cit. S. 1065; *Seibert*. Op. cit. S. 158 f.; *McShane*. Op. cit. P. 32 f.; *Will*. Op. cit. I. P. 138 f.

[97] *Memn*. // FGrHist. 434. F. 14; *Vitucci*. Op. cit. P. 30 f.; *Habicht Chr*. Ziaelas // RE. 1972. Bd X. A 1. Sp. 389 f. Едва успев взойти на трон в 280 г., Никомед I подвергся нападению со стороны Антиоха I: *Habicht Chr*. Zipoetes // RE. 1972. Bd X. A. Sp. 455. О вражде между ними см. *Diod*. XIX. 60; *Plut*. Mor. 302 f.; *Ager*. Rhodes... P. 142. После 280 г. целый ряд полисов Южного Причерноморья и Пропонтиды, а также Вифиния и Понт входили в «Северную лигу»; см. *McShane*. Op. cit. P. 32 f.; *Will*. Op. cit. I. P. 138 f.; *Сапрыкин С.Ю*. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 124 сл.

[98] *Polyb*. IV. 49. 4; ср. 47. 7; *Walbank*. A Historical Commentary... P. 502 f.; *Habicht*. Prusias. Sp. 1088.

[99] См. Syll[3]. 456. 22 ff. = *Welles*. Op. cit. № 25. 22 ff.; GWHW. P. 447 f.; *Habicht*. Ziaelas. Sp. 389 ff., особенно Sp. 393 (с литературой).

[100] *McShane*. Op. cit. P. 97 ff.

[101] *Habicht*. Prusias. Sp. 1088 – автор правильно критикует мнение Мэджи (Op. cit. P. 1196. Not. 36) о том, что Прусий помогал Родосу после землетрясения только исходя из перспективы возможного альянса. Вряд ли византийцы пытались установить контакты с Пергамом и Ахеем еще до начала войны. Иную точку зрения см. *Ager*. Interstate Arbitration... P. 142. Not. 1. О помощи Прусия Родосу см. *Bringmann K., Steuben H. von*. Schenkungen hellenistischer Herrscher an die griechischen Städte und Heiligtümer. Bd 1. B., 1995. S. 246. № 216, 217.

[102] См. *Polyb*. IV. 49. 4.

[103] *Polyb*. IV. 45. 9–47, 7; 49. 1 ff.; StV. III. 514; *Niese*. Op. cit. II. S. 385 f. Anm. 6; *Magie*. Op. cit. P. 1196. Not. 36.

Вплоть до этого момента византийцы, вероятно, не рассчитывали всерьез на открытую конфронтацию. Когда стали очевидны враждебные намерения родосцев и получил известность родосско-вифинский альянс, византийцы также предприняли усилия найти союзников[104]. Попытки найти поддержку в среде греческих полисов привели к фиаско. С появлением Прусия опасность для Византия стала очевидной и пришлось обратиться за поддержкой к соседям – Атталу и Ахею.

Нет никаких упоминаний об обращении Византия к Македонии, Египту или Сирии. В случае с Египтом играли роль его собственные интересы в регионе. Впервые птолемеевский флот появляется в Понте в правление Птолемея Филадельфа[105]. Во время нападения кельтов в 280/79 г. царь проявляет симпатии к Византию, открыто встает на сторону полиса, оказывает щедрую поддержку и даже одаривает город земельными владениями на азиатской стороне. Эти мероприятия послужили предпосылкой к установлению культа Птолемеев в Византии[106]. Причиной такого поведения египтян послужили их политические интересы[107]. После поражений в морских битвах у Коса и Андроса могущество Египта пошатнулось, хотя и не было сокрушено, и после короткой паузы птолемеевское присутствие в Эгеиде было восстановлено[108]. В итоге Третьей Сирийской войны появляются птолемеевские опорные пункты на Геллеспонте и во Фракии[109], и Птолемеи становятся соседями византийцев. Попытка захвата этих владений Антиохом Гиераксом проваливается. К моменту восхождения на трон Антиоха III нет и следа селевкидского присутствия во Фракии, а Ахей был занят другими делами, чтобы действовать на севере[110]. Уже в конце IV–начале III в. завязываются торговые отношения между Египтом и Причерноморьем[111], базы в проливах предоставляли для этого прекрасную возможность. В политическом плане Египет отказывается от глобальных целей, довольствуясь уже достигнутым и поддерживая малые государства Греции и Малой Азии против своих традиционных соперников Сирии и Македонии. В 220 г. Египет и Сирия были слишком заняты своими внутренними проблемами, параллельно наращивая военный потенциал друг против друга и поэтому мало интересовались событиями, разворачивавшимися на Фракийском Боспоре. Кроме того, и сами визан-

---

[104] *Polyb.* IV. 48. 1ff.

[105] *Habicht.* Gottmenschentum... S. 119 (со ссылками); *Reger.* Op. cit. P. 183, 185.

[106] О птолемеевской поддержке см. *Dion. Byz.* // GGM. II. 34. В середине III в. земли Византия в Азии населяли вифинцы, бывшие в своего рода илотской зависимости от города: *Phylarch.* // FGrHist. 81 F. 8; *Nevskaja.* Op. cit. S. 46.

[107] См. *Nevskaja.* Op. cit. S. 155 – автор считает основополагающими торговые интересы Египта.

[108] О сражениях у Коса и Андроса см. *Will.* Op. cit. P. 237 f.; *Buraselis.* Op. cit. S. 108 f., 113 f., 119–141, 144 f., 147–151, 161–164, 167 ff., 173 ff., 178; *Reger C.* The Political History of the Kyklades 260–200 B.C. // Historia. 1994. XLIII. P. 33, 46 f.; *Walbank.* Sea-power... P. 220 ff.

[109] *Huss W.* Untersuchungen zur Außenpolitik Ptolemaios' IV. München, 1976. S. 210 ff.; *Bagnall R.S.* The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt. Leiden, 1976. P. 159 ff.; *Beyer-Rothoff.* Op. cit. S. 47 f., 215, 222 ff.; *Hölbl G.* Geschichte des Ptolemäerreiches. Darmstadt, 1994. S. 30, 50, 60, 67, 272.

[110] *Schmitt.* Untersuchungen... S. 44.

[111] *Rostovtzeff.* Rhodes, Delos... P. 579 f.; *Шургая И.Г.* Импорт Александрии в Северном Причерноморье // ВДИ. 1965. № 4. С. 138–140. О локальной имитации ваз типа Гадра см. *Parlasca K.* Das Verhältnis der megarischen Becher zum alexandrinischen Kunsthandwerk // JdI. 1955. 70. S. 148 f. Уже Птолемей I заботился о преимуществах для своих и милетских судов в проливах, см. *Welles.* Op. cit. P. 75. Not. 8; *Habicht.* Gottmenschentum... S. 117 f. После 278 г. нет, однако, никаких следов политической активности Египта в понтийском регионе. По мнению Хабихта (Gottmenschentum... S. 117, 119), это было следствием мира с Антиохом I.

тийцы не хотели, вероятно, привлечения этих государств в качестве участников конфликта.

Выбор пал на второстепенные державы: Ахея и Аттала[112]. Важную роль играла их географическая близость; кроме того, Византий лишь недавно способствовал прекращению войны между ними и мог надеяться на ответную услугу. В войне против Пергама Ахей зарекомендовал себя как прекрасный полководец, сумев за несколько месяцев восстановить потерянные в «войне братьев» селевкидские владения в Малой Азии и оттеснив Пергам до пределов столицы. Военные успехи, а также юный возраст нового царя Антиоха III привели к тому, что Ахей отделился от последнего, приняв царский титул[113]. Просьба византийцев пришла вовремя, дав благодатную почву для укрепления легитимности самозванного владыки. Поэтому не стоит удивляться его быстрому согласию. В византийцев это вселило новую надежду[114], а с привлечением Ахея конфликт достиг критической черты. Это могло означать лишь дальнейшую эскалацию, войну между коалициями, что не мог не понимать и сам Ахей.

Аттал в свою очередь также был готов оказать помощь, но после неудачной войны против Ахея он не обладал для этого достаточным потенциалом, хотя непосредственная военная опасность уже миновала, иначе византийцы вряд ли могли всерьез рассчитывать на его помощь. Кроме того, они не обратились бы одновременно к Ахею и Атталу, если бы оба все еще воевали друг с другом[115]. Просьба византийцев пришлась и для Аттала вовремя, ибо ставила его, как и Ахея, в один ряд с могущественными малоазийскими правителями. Не забыты были при этом заслуги Византия в прекращении войны с последним, а также культовые связи полиса с Атталидами. Это подтверждают упреки со стороны Прусия. Собственные стратегические интересы Пергама вряд ли могли играть существенную роль. С конца III в. отмечены оживленные связи последнего с Северным Причерноморьем[116], однако они фиксируются только археологическим материалом, что мало говорит о их природе, и поэтому нельзя исключить, что товары поступали в регион через посредство Родоса. В политическом плане нет никаких указаний на антиродосскую позицию Пергама[117]. Ни с Ахеем, ни с Пергамом Византий не заключил при этом союзного договора[118].

Хронология войны не совсем ясна. Как уже отмечалось выше, три события в родосской истории сменяют друг друга: война против Византия, помощь Си-

---

[112] *Polyb.* IV. 48. 1; 49. 2; *Niese.* Op. cit. S. 371, 386. Anm. 2; *McShane.* Op. cit. P. 65; *Hansen E.V.* The Attalids of Pergamon, Ithaca–New York, 1947. P. 38 ff.; *Schmitt.* Polybios... S. 80, 166; *Ager.* Interstate Arbitration... P. 139 f. № 49; *Huss.* Op. cit. S. 95; cp. *Beyer-Rothoff.* Op. cit. P. 157 ff., 182 ff.

[113] *Polyb.* IV. 48. 12 с комментарием: *Walbank.* A Historical Commentary... I. P. 502. О монетах Ахея: *Babelon E.* Les Rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. P., 1890. P. LXXXVII f., 60 f.; *Head.* Op. cit. P. 762.

[114] *Polyb.* IV. 48. 13.

[115] *Schmitt.* Untersuchungen... S. 262. Anm. 2 – автор считает, что византийцы ожидали от Ахея прежде всего поддержку против кельтов, однако военные действия против них в это время не известны. О своего рода «Burgfrieden» пишет также: *Huss.* Op. cit. S. 9; cp. *McShane.* Op. cit. P. 65 и *Ager.* Interstate Arbitration... P. 140, 142 f. № 51. Иная точка зрения: *Hansen.* Op. cit. P. 40; *Habicht.* Prusias. Sp. 1088.

[116] *Горончаровский В.А.* Эллинистический Пергам и Северное Причерноморье: Автореф. дис... Л., 1984. 8 сл.

[117] Иное мнение: *Hansen.* Op. cit. P. 40 f.; *McShane.* Op. cit. P. 95 f. Этим временем датируется масса родосских амфорных клейм из Пергама, что свидетельствует об оживленных торговых связях: *Schuchhardt C.* Amphorenstempel // AvP. 1895. VIII. 2. S. 423 ff.; *Börker Chr., Burow J.* Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon. PF 11. B., 1998. S. 17 ff.; cp. *Hiller von Gaertringen.* Op. cit. S. 835 ff.

[118] Это правильно подчеркивает Шмитт (Untersuchungen... S. 262. Anm. 2); cp. *Walbank.* A Historical Commentary... I. P. 601.

нопе, Литтийская война на Крите[119]. Низе помещает их в указанной последовательности[120]. Бертольд считает, что события вокруг Синопы развернулись раньше конфликта с Византием – летом того же года[121]. Однако последовательность рассказа Полибия подтверждает правоту Низе[122]. Время начала войны с Византием определено довольно точно Х. Шмиттом: Ахей поддерживает Антиоха III в его походе на Восток, прерывает внезапно свою деятельность и возвращается между мартом и октябрем 220 г. из Писидии в Сарды, где провозглашает себя царем[123]. Вскоре после этого византийцы обращаются к нему с просьбой о помощи, однако вмешательство родосцев способствует его исключению из конфликта. Только после этого Родос вступает в войну на Крите[124]. Все означенные события произошли до начала зимы 220/19 г., и поэтому отпадение Ахея датируется не осенью 220 г., а уже ранней весной[125].

Несмотря на свои обязательства, Ахей и Аттал не пришли на помощь Византию. Вероятно, византийцы и сами всерьез не рассчитывали на это, а хотели лишь заручиться их моральной поддержкой, чтобы удержать Прусия от агрессии. Когда же их владения подверглись нападению, они мужественно и самоотверженно оказали сопротивление, надеясь, что Ахей все же придет на помощь[126]. Вряд ли кто-нибудь в Византии мог поверить в то, что полис способен собственными силами справиться с Прусием, который достиг между тем значительных успехов. Вначале он захватил Гиерон и другие укрепления на азиатской стороне[127], затем оставшуюся часть Переи, что означало оккупацию всех византийских владений в Азии[128]. Гиерон издревле являлся яблоком раздора в отношениях между Византием и Калхедоном. Последнему он принадлежал по наследству, но с закатом могущества Калхедона городок становится византийским[129]. Как раз протекторат над этим укрепленным пунктом позволял беспрепятственно установить блокаду проливов[130]. Потеря его показала слабые стороны плана, когда санкции не могли быть подкреплены военными действиями. Отныне не представлялось возможным последовательное проведение каких-либо византийских акций в проливах.

---

[119] Об осаде Синопы понтийским царем Митридатом II см. *Polyb.* IV. 56. 2 f. О Литтийской войне см. прим. 10.

[120] *Niese.* Op. cit. S. 387.

[121] *Berthold.* Op. cit. P. 93 f.

[122] *Polyb.* IV. 37. 8; 38–39; 43–52. 1 (Византий); 53–55 ff. (Крит); 56. 1: περὶ δὲ τοὺς καιροὺς τούτους καὶ Μιθριδάτης ἐξήνεγκε Σινωπεῦσι πόλεμον; IV. 57. 1 (Союзническая война в Греции).

[123] *Schmitt.* Untersuchungen... S. 114 ff.

[124] *Polyb.* IV. 53. 1–2.

[125] Ср. *Walbank.* A Historical Commentary... I. P. 502; *Schmitt.* Untersuchungen... S. 114 ff.; *Niese.* Op. cit. P. 383.

[126] *Habicht.* Prusias. Sp. 1088.

[127] *Polyb.* IV. 50. 2 ff.; *Dion. Byz.* 92. На стороне Прусия сражались союзные с ним галаты; см. *Strobel.* Op. cit. S. 235.

[128] *Polyb.* IV. 50. 2 ff. Об азиатских владениях Византия: *Strabo.* XII. 8. 11; *Niese.* Op. cit. S. 384; *Merle.* Op. cit. S. 50. Anm. 5; *Meyer.* Op. cit. S. 108, 113; *Habicht.* Prusias. Sp. 1089; *Gabelko.* Op. cit. S. 121 ff.; *Korsten Th.* Die Inschriften von Apameia (Bithynien). IK 32. Bonn, 1987. S. 48 – автор отождествляет завоеванные Прусием территории с районом Тригли на южном берегу Пропонтиды, что оспаривает Габелко (Конфликт Родоса... С. 31. Прим. 8).

[129] Этот форт был захвачен Селевком II и лишь незадолго до войны с Родосом выкуплен за большие деньги византийским стратегом; см. *Steph. Byz.* 92; *Dion. Byz.* Anapl. Bosp. 92 (Günderich); *Polyb.* IV. 50. 3; *Walbank.* A Historical Commentary... I. P. 504; *Габелко.* Дионисий Византийский... С. 36. О Гиероне см. *Arr.* PPE. I. 402 f. § 1, 11 f., 25, 90 ff.; *Pind.* Pyth. IV. 203 ff.; *Apoll. Rhod.* II. 531–3; *Herod.* IV. 87. 2; *Polyb.* IV. 39. 6; 43.1 f.; 50. 2; *Pomp. Mela.* I. 101; *Dion. Byz.* 92; I. Kalchedon. S. 98, 133; ср. *Meyer.* Op. cit. S. 108; *Nevskaja.* Op. cit. S. 154.

[130] См. *Polyb.* IV. 50. 3, где подчеркивается важное стратегическое положение Гиерона, дающего византийцам контроль τὰς ἐξ αὐτῆς τῆς θαλάττης ἐργασίας. Имеются в виду зависимое население в Азии и рыбная монополия Византия.

В отличие от Прусия, родосцы вели пассивную войну в Пропонтиде, они даже не намеревались вести прямые военные действия. Собранная ими эскадра под командованием Ксенофанта была незначительной и насчитывала всего 10 судов, из которых 6 были родосскими, а остальные – παρὰ τῶν συμμάχων[131]. Количество кораблей, выставленных союзниками, скорее символично и, вероятно, составляло по одному кораблю от полиса. Мероприятие не могло быть долгосрочным, а являлось скорее демонстрацией силы и сплоченности эгейских государств. Одновременно родосцы проводили морские операции в Эгейском море против Деметрия Фаросского и иллирийских пиратов[132]. Интервенция Пергама против Селевкидов, контрнаступление Ахея, карийская экспедиция Антигона Досона и действия Олимпиха требовали присутствия родосских войск на границах Переи. Кроме того, корабли были необходимы для охраны берегов самого острова и для сопровождения транспортов зерна из Египта. Таким образом, не исключено, что Родос не обладал большими ресурсами для ведения войны против Византия на море. К тому же родосцы стремились избежать слишком высоких расходов по содержанию флота и не хотели явной демонстрации силы, чтобы не провоцировать Ахея и, вероятно, Македонию[133].

Эти половинчатые меры оставляли византийцам возможность снова возобновить переговоры. Именно поэтому родосцы не предпринимали никаких конкретных действий против вражеской территории, ограничившись символической блокадой проливов. Главной задачей эскадры являлось не предотвращение контактов с Ахеем или Атталом, а захват кораблей из Понта. Действия Родоса против Византия демонстрируют приоритет экономических мер перед политическими, стремление без применения силы сломить волю противника. Возможно, такое положение было обусловлено еще и тем, что родосские санкции не получили всеобщего одобрения[134]. Как раз против их саботирующих бойкот судов и должна была оперировать родосская эскадра. Действия такого рода не имели целью привести противника к немедленной капитуляции, а призваны были постепенно деморализовать его. Параллельно открыто предпринимались попытки новых переговоров, после того как вифинцы захватили владения Византия. В то время когда основные силы родосской эскадры стояли на якоре у Сеста, ее предводитель попытался выяснить, не заставил ли византийцев изменить их мнение ход военных действий[135]. Не достигнув желаемого результата, родосское соединение внезапно прервало все свои операции в регионе и вернулось домой.

Чем можно объяснить такую недальновидность родосцев и что обусловило снятие блокады сразу же после провала попытки переговоров? Действия родосского флота вызывают впечатление, что вся акция служила одной цели: побудить византийцев к сговорчивости, не начиная настоящей войны.

---

[131] *Polyb.* IV. 50. 5. Численность родосского флота в это время не известна. В 190 г. он насчитывал максимально 36 кораблей; см. *Berthold.* Op. cit. App. 2; *Lehmann-Hartleben R.* Die antiken Hafenanlagen des Mittelmeeres. Lpz, 1923. S. 146; *Starr.* Op. cit. P. 54; *Beyer-Rothoff.* Op. cit. S. 235; *Gabrielson.* Op. cit. P. 85 ff. Содержание одной триеры стоило 10000 драхм в месяц: Syll^3. 581. О Ксенофанте см. *Walbank.* A Historical Commentary... I. P. 505.

[132] *Polyb.* IV. 16. 6–8; 19. 8; *Gabrielson.* Op. cit. P. 44 f. *Габелко.* Конфликт Родоса... С. 28 – автор не исключает, что акция Деметрия была организована Македонией. Хиллер фон Гертринген (Op. cit. S. 758) датирует этим временем возобновление договора между Родосом и Иосом.

[133] Родос отпраздновал возвращение эскадры, а Ксенофант был почтен статуей: IG. XII. 1. 40; *Hiller von Gaertringen F.* Historische griechische Epigramme. Bonn, 1926. S. 43. № 101; *idem.* Rhodos. Sp. 786.

[134] *Polyb.* IV. 46. 6; *Nevskaja.* Op. cit. S. 153. Anm. 2.

[135] *Polyb.* IV. 50. 5 ff.

Торговое эмбарго против Византия подействовало лишь после захвата Прусием Гиерона. Византийцы не проявляли до сих пор никакой активности на море, и эфемерное присутствие родосских кораблей у Геллеспонта оказалось неэффективным[136]. Главной заботой византийцев оставался Прусий, который по праву рассматривался как основной противник. Царь Вифинии, в свою очередь, опасался вмешательства Ахея[137]. Одной моральной поддержки узурпатора было, однако, недостаточно, а противостоять натиску Прусия в одиночку было бы гибельно и поэтому решено было обратится к живущему в ссылке во Фракии вифинскому претенденту на трон, дяде Прусия Зипоэту[138]. Побудить его к действиям должно было указание на прежние заслуги полиса, когда Зипоэт был опекуном Прусия I[139]. Этот козырь в политической игре был сохранен византийцами, вероятно, не желавшими вмешиваться в раздоры вифинской династии и рассматривавшими войну как временное явление. Попытка развязать гражданскую войну в Вифинии явилась крайним средством обуздания или хотя бы нейтрализации Прусия. Вероятно, Зипоэту была обещана поддержка в династической борьбе, чтобы побудить его к выступлению против Прусия.

События развивались стремительно, ведя к дальнейшей эскалации конфликта, и Прусий имел основания опасаться за свои позиции в Вифинии[140]. Он пытается затруднить высадку своего противника в Малой Азии, и с этой целью не только разрушается Гиерон, но оттуда увозится весь строительный материал[141]. Одновременно родосцы начинают дипломатическую игру с находящимся в египетском плену отцом Ахея Андромахом[142]. До этого момента селевкидский узурпатор не пошевелил и пальцем, чтобы поддержать Византий. С привлечением вифинского претендента на трон возникла новая опасность, что Ахей использует начинающуюся династическую борьбу в своих целях. Именно теперь возможность его вмешательства в конфликт стала наиболее вероятной.

Такую возможность и пытаются предотвратить родосцы. После мастерски проведенных переговоров и некоторых колебаний египтян Андромах был передан родосцам из-за «особого благоволения» к ним[143]. Не трудно угадать, что

---

[136] Путешествие из Родоса до Византия (445 миль) длилось при нормальной погоде 5 дней, увеличиваясь вдвое при плохой (*Casson L.* Ships and Seamanship in the Ancient World. Princeton, 1971. P. 288 f. Tabl. 4 f.; *Gabrielson*. Op. cit. P. 71), что, разумеется, не позволяло вести действенную блокаду проливов прямо с Родоса.

[137] Опасность ввязывания в войну Ахея доказывает родосская акция в Египте с освобождением отца Ахея, см. ниже. Полибий (IV. 50. 1; 51. 1, 8) также называет причиной византийского ὑπομονή в войне надежду на помощь Ахея.

[138] *Polyb*. IV. 50. 1 ff.; 8 f.; 52. 8; *Holleaux*. Études d'épigraphie... III. P. 132. Not. 2; *Walbank*. A Historical Commentary... I. P. 504. О Зипоэте см. *Habicht*. Zipoetes. Sp. 459 f.: сын Никомеда I от второго брака, сводный брат отца Прусия Зиаэла. Ср. *Magie*. Op. cit. P. 1196. Not. 36. О династических претензиях Зипоэта см. *Polyb*. IV. 50. 9; *Habicht*. Prusias. Sp. 1089.

[139] FGrHist. 434. F. 14. 1; *Habicht*. Ziaelas. Sp. 460; *idem*. Prusias I // RE. Sp. 1086 ff.

[140] О беспорядках в Вифинии ничего, однако, не известно; см. *Габелко*. Некоторые особенности... С. 169.

[141] *Polyb*. IV. 52. 8; *Nevskaja*. Op. cit. S. 155.

[142] *Polyb*. IV. 50. 10–51. 6; *Schmitt*. Untersuchungen... S. 166. *Ager*. Rhodes... P. 14 (характеризует участие родосцев как «intercession»). Именно удерживание Андромаха в плену препятствовало тесным отношениям между Египтом и Ахеем. Мак-Шейн (*McShane*. Op. cit. P. 95) предполагал, что Андромах был пленником Аттала, пославшего его в Александрию, поэтому передача пленника родосцам расценивалась как враждебный акт по отношению к Пергаму. См. также *Will*. Op. cit. P. 313; *Huss*. Op. cit. S. 192 f.

[143] *Polyb*. IV. 51. 5. Хиллер фон Гертринген (Rhodos. Sp. 786) связывает с этим статую царской четы на Родосе; см. также *Strack M.L.* Die Dynastie der Ptolemäer. B., 1897. S. 238. № 64 = IG. XII 1. 64.

это означало на самом деле. С одной стороны, Александрия старается удовлетворить просьбу своих старых друзей родосцев, с другой – демонстрирует добрую волю в отношении Ахея. Родосцы не ограничились простой передачей Андромаха Ахею, но удостоили его различными почестями[144]. Их содержание не известно, но можно предполагать, что это были чествования монарха, в данном случае означавшие официальное признание селевкидского узурпатора. Отныне его можно было не опасаться. Самому Ахею такое решение, кроме признания легитимности, позволило избежать конфронтации с Родосом и опасности быть вовлеченным в серьезный конфликт. Его сговорчивости способствовала внезапная смерть Зипоэта по пути из Македонии в Азию[145].

Дипломатические успехи противника еще более ухудшили положение Византия, в то время как нападения Прусия на территорию полиса участились. По свидетельству Полибия, город был слабо укреплен со стороны суши и уязвим для нападений противника[146]. Как раз эту возможность и использовал царь Вифинии, окружив Византий с помощью фракийских наемников[147]. Теперь он мог и без помощи Родоса полностью блокировать проливы. Но Прусий зашел слишком далеко, ибо его действия стали представлять опасность и для кельтов. Доказательством тому служит внезапная дипломатическая активность кельтского правителя, его попытка посредничества между Прусием и Византием[148].

После смерти Зипоэта византийцы снова остались одни. Ни Ахей, ни пергамцы не пришли на помощь, союзные греческие полисы заняли выжидательную позицию, в то время как Прусий и его фракийцы окружили город и отрезали его от внешнего мира. Появление в городе кельтского царя Кавара, ставшего причиной войны, было поэтому как нельзя кстати. Возможно, сами византийцы попросили его об этом[149], но и в его интересах было предотвратить расширение войны. Сначала заключается сепаратный мир между Византием и Прусием[150]. Полибий подчеркивает заслугу кельтского правителя в том, что противные стороны пришли к компромиссу[151]. При этом не упоминается о родосцах. Прусий и ранее не информировал их о своих планах, что лишний раз свидетельствует о незначительности их отношений.

Как только становится известно о миссии Кавара и достигнутом перемирии, родосцы предпринимают шаги, чтобы не выйти из войны с пустыми руками. Спешно высылаются посольство и эскадра из трех триер под командованием Полемокла. Задача этих двух миссий – показать свое стремление к переговорам, в крайнем случае продемонстрировать готовность и в одиночку вести дальнейшую борьбу[152]. Посольство обратилось напрямую к византийцам без посредничества Кавара, что не исключало привлечение его в качестве советника. После прибытия родосцев можно было начинать окончательные переговоры. Требования родосцев были довольно просты, но так как именно они дали по-

---

[144] *Polyb.* IV. 51. 6.

[145] *Polyb.* IV. 51. 7.

[146] *Polyb.* IV. 38. 1; *Walbank.* A Historical Commentary... P. 498 ff.; cp. *Schönebeck H.* Die griechische Stadtmauer von Byzanz // JdI. 1936. LI. S. 37 ff.

[147] *Polyb.* IV. 51. 8; *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. T. 1. P., 1949. P. 378.

[148] *Polyb.* IV. 52. 1.

[149] *Polyb.* IV. 51. 9. Cp. *Ager.* Interstate Arbitration... P. 143 – по мнению автора, готовность Кавара к посредничеству диктовалась кризисом на Фракийском Боспоре.

[150] *Polyb.* IV. 52. 6 ff.; StV. III. 514, 516; *McShane.* Op. cit. P. 65; *Hansen.* Op. cit. P. 40 f.; *Will.* Op. cit. II. P. 45 f.; *Berthold.* Op. cit. P. 94 ff.; *Ager.* Rhodes... P. 13 f.

[151] *Polyb.* IV. 52. 1.

[152] Cp. *Polyb.* IV. 52. 4: τὸ δόρυ καὶ τὸ κηρύκειον.

вод к конфликту, то должны были рассматриваться в первую очередь, в то время как византийско-вифинская проблема заслуживала более подробного обсуждения.

Осенью 220 г., наконец, были заключены соответствующие договоры при условии status quo ante[153]. Первое соглашение касалось родосцев и гласило: «Византийцы не должны взимать налоги ни с кого из плывущих в Понт, и в этом случае родосцы и их союзники обязаны заключить с византийцами мир»[154]. Оно сводило на нет причины, вызвавшие конфликт. Не родосцы, а Прусий явился той силой, которая способствовала прекращению византийской таможенной монополии. Родосцы не приняли непосредственного участия в военных операциях и, кроме малоэффективной морской блокады, не предприняли никаких конкретных шагов против Византия. Их дипломатическая политика, напротив, оказалась весьма действенной. Благодаря добрым отношениям с Птолемеями Родосу удалось мирным путем расколоть коалицию Византия с Ахеем и Атталом[155]. Общая политическая ситуация и нежелание обеих сторон вести войну способствовали мирному решению конфликта. Отныне вплоть до включения региона в состав Римской державы более не предпринимались попытки кассации таможенных сборов в проливах[156].

Прусий же был прямо вовлечен в военные действия, стоившие ему немалых средств и потерь. Не достигнув желаемого, он прекратил войну сразу же после посредничества Кавара, заключив перемирие, которое переросло в «вечный мир» и пакт о ненападении[157]. В терминологии того времени это означало дружбу без симмахии: последняя была невозможна, учитывая участие кельтского посредника в переговорах. Следующие пункты касались односторонних обязательств Прусия, они четко разделяются на две группы: *1)* Прусий отказывался от всех территориальных приобретений, возвращал захваченные укрепления и отпускал пленных без выкупа[158]. Кроме того, подлежали возврату захваченные им в начале войны корабли, сохранявшиеся в арсеналах укреплений снаряды и стройматериалы из Гиерона. Гиерон в этом списке указан особо, по-видимому, из-за его стратегического значения. *2)* Вифинцы, поселившиеся на византийской Перее во время войны, обязаны были покинуть эту территорию[159]. Под вифинцами скорее всего подразумевались катойки или подданные царя, которые, используя благоприятный момент, самовольно заняли византийские владения.

Лучших условий мира для Византия не следовало и ожидать. Не совсем понятны причины, побудившие Прусия к такому мягкому обхождению с практически побежденным противником. Снятие таможенной монополии с проливов едва ли интересовало царя, что нашло отражение в договоре между Родосом и Византием[160]. По мнению Бертольда, Прусий опасался конфликта с Родосом,

---

[153] О датировке см. *Niese*. Op. cit. S. 383. Anm. 5; *Habicht*. Prusias. Sp. 1089 ff.; *Huss*. Op. cit. S. 113.

[154] *Polyb*. IV. 52. 5.

[155] *Kreuter S*. Aussenbeziehungen kretischer Gemeinden zu den hellenistischen Staaten im 3. und 2. Jh. v. Chr. München, 1992. S. 88; cp. *Berthold*. Op. cit. P. 94.

[156] См. *Engelmann H., Knibbe D*. Das Monumentum Ephesenum. Ein Vorbericht // EA. 1986. 8. S. 22; *iidem*. Das Zollgesetz der Provinz Asia // EA. 1989. 14. § 2, 4, 9.

[157] *Polyb*. IV. 52. 6 ff. = StV. III. 516, см. также *Walbank*. A Historical Commentary... I. P. 506 (с литературой). О значении φιλία см. *Hauben*. Op. cit. P. 331 f.

[158] *Polyb*. IV. 52. 7; *Walbank*. A Historical Commentary... P. 507.

[159] *Polyb*. IV. 52. 9; cp. *Walbank*. A Historical Commentary... I. P. 506 f.

[160] *Habicht*. Prusias. Sp. 1090 f.

а также негативной реакции со стороны Митридата и Ахея[161]. Хабихт, напротив, подчеркивает, что договор между Византием и Родосом изолировал Прусия, который поэтому стремился заключить мир любыми средствами. Он показал себя и без поддержки Родоса более сильным противником. Заключив мир первым, именно Прусий способствовал привлечению родосцев к переговорам. Причины его внезапного решения следует искать в посредничестве кельтского правителя[162]. После дипломатических успехов родосцев и Кавара Прусий оказался перед выбором: остаться в глазах греков в роли агрессора и разрушителя мира или сделать широкий жест в отношении побежденного города и предотвратить создание враждебной коалиции против себя. Полное поражение Византия вряд ли входило в планы царя. После заключения договора Византий был формально связан с Вифинией. Сохранить город крепким и цветущим в противовес своим европейским оппонентам более отвечало целям Прусия. К тому же такое решение устраивало всех. Открытым остается вопрос, каким образом были решены проблемы с выплатой контрибуции кельтам. Можно лишь предположить, что сам Кавар перед лицом непомерно возросших внешнеполитических трудностей отказался от своих требований[163].

После заключения мира конфликт был прекращен. Вскоре после окончания войны византийское посольство посетило Афины, где было принято с большими почестями[164]. Уже в следующем году родосцы, византийцы, кизикцы и этолийцы выступили посредниками между Птолемеями и Селевкидами в Четвертой Сирийской войне[165]. Примерно между 220 и 210 гг. этолийские пираты разграбили Калхедон, который, заключив с ними договор об исополитии, добивался признания для себя асилии[166]. При этом нет никаких известий о вмешательстве Родоса. Чем руководствовалось островное государство в тот момент? Не сработали какие-то механизмы регулирования или это был сознательный шаг невмешательства в происходящее в регионе? Представляется весьма вероятным, что такое поведение было обусловлено общей внешнеполитической ситуацией: событиями на Крите, Первой Македонской и Четвертой Сирийской войнами, а также беспорядками в царстве Селевкидов в непосредственной близи от границ родосской Переи. В таких условиях Родос не мог рисковать своими отношениями с Македонией из-за действий этолийцев. Это вовсе не означает, что родосцы не предприняли никаких шагов в Калхедоне, но конфликт был не нужен никому, к тому же речь шла о грабительском набеге, а не блокаде проливов, которые оставались под контролем византийцев.

---

[161] *Berthold*. Op. cit. P. 94; *Strobel*. Op. cit. S. 236.

[162] *Habicht*. Prusias. Sp. 1090 f.; ср. *Magie*. Op. cit. P. 313 – автор предполагает, что условия договора были продиктованы Каваром. Это не подтверждает, однако, § 1, на что указывает Шмитт (StV. III. S. 231). По мнению Хабихта, Кавар мог угрожать переходом своего племени в Азию, а Прусий опасался Ахея или перешедших в Азию эгосагов. Бертольд (Op. cit. P. 90. Not. 45) добавляет к этому угрозу со стороны Аттала I и Митридата III.

[163] *Полибий* (VIII. 24. 1 f.) представляет Кавара как эвергета, охраняющего понтийских торговцев и помогающего Византию в борьбе против фракийцев и Прусия. Вернер (Op. cit. S. 289) полагает, что был заключен византийско-кельтский союз при отказе от контрибуций. Причиной тому послужил натиск фракийцев на кельтов. Несколько лет спустя (212 г.) фракийцы действительно захватили царство Туле и уничтожили все его население, см. *Polyb*. IV. 46. 4; *Werner*. Op. cit. S. 289.

[164] Syll^3. 580.

[165] *Polyb*. V. 63. 4–7; 66. 9; *Will*. Op. cit. II. P. 29 f.; *Huss*. Op. cit. S. 47 ff., 113 f.; *Berthold*. Op. cit. P. 96 f.; *Ager*. Rhodes... P. 14 f.

[166] *Orac. Sibyll*. III. 434/5; I. Kalchedon. 5.

Как правильно отмечалось, наряду с тактическими соображениями важную роль играли долгосрочные цели родосской политики[167]. В случае с Византием родосцы сознательно пытались избежать открытой конфронтации. Конфликт не перерос стадию «холодной войны», ограничившись блокадой проливов. Родосцы хорошо представляли себе, что война – только одно из средств ведения политики и к тому же не самое лучшее[168]. Это положение подтверждает позиция острова в разразившемся чуть позже конфликте Синопы с царем Понта Митридатом II. Властитель, использовав выгодный для себя момент, осадил Синопу, но не воспользовался преимуществами внезапного нападения, что позволило осажденным обратиться за помощью[169]. Дипломатически действия царя были подкреплены династическими браками[170]. Синопцы обратились к Родосу, где сразу нашли поддержку. Решение поддержать Синопу было вызвано ролью, которую город играл в регионе, а также собственными интересами Родоса в понтийской торговле зерном[171].

Родосцам было ясно, что поддержка осажденных повлечет за собой определенные последствия в их отношениях с Понтийским царством. Нападение Митридата на Синопу служило цели проверить обороноспособность города и опробовать свои силы в войне. Уже в конфликте с Византием Родос продемострировал дипломатическое мастерство, показав в то же время нежелание вести войну, что оставляло надежду на аналогичную позицию и в данной ситуации. Вместо прямой военной помощи синопцам была оказана щедрая материальная поддержка. Огромная по тем временам сумма в 140000 драхм (или 23.3 таланта серебром) была предоставлена для закупки 10000 амфор вина, 300 талантов волос, 100 талантов жил для тетивы, 1000 комплектов доспехов, 3000 золотых монет, а также для обслуживания катапульт[172]. Это был не дар, а скорее кредит[173]. Такой вид помощи имел традицию. Родосцы продемонстрировали этим актом свою добрую волю по отношению к Синопе, проводя по примеру эллинистических монархов политику поддержки малых полисов и оставаясь в то же время внешне нейтральными. При этом они не были одиноки, получив поддержку, по крайней мере со стороны Коса и, возможно, других членов «родосской Ганзы», на что указывают предоставленные суммы[174]. Родосских денег было бы недо-

---

[167] *Kreuter*. Op. cit. S. 88.

[168] *Schmitt*. Polybios... S. 74.

[169] *Максимова*. Ук. соч. С. 178.

[170] Его дочери вышли замуж за Антиоха III и Ахея: *Polyb*. V. 43; 74. 5; *Seibert J*. Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden, 1967. S. 58, 60, 118.

[171] *Magie*. Op. cit. P. 183 f., 1074 ff. Not. 18–23; *Berthold*. Op. cit. P. 93 f. О хозяйственно-политическом значении Синопы и Трапезунда для понтийских царей см. *Olshausen E*. Zum Hellenisierungsprozess am pontischen Königshof // AnS. 1974. 5. P. 159; ср. *Walbank*. A Historical Commentary... I. P. 511. По мнению Меля (Op. cit. S. 157 f.), Родос не имел до этого момента связей с Синопой.

[172] *Polyb*. IV. 56. 1–9. Здесь Полибий использует, вероятно, родосский источник; см. *Ullrich*. Op. cit. P. 27, 59, 73; GWHW. S. 1252 f. Anm. 92; *Walbank*. A Historical Commentary... P. 511 f.; *Сапрыкин*. Понтийское царство. С. 64.

[173] Ср. GWHW. S. 1252 f. Anm. 92; *Максимова*. Ук. соч. С. 178; *Walbank*. A Historical Commentary... I. P. 512 со ссылками на прежние родосские кредиты. I. Priene. 37. 65 ff.; Syll^3. 354; 363; IG. XII 7. 9; *Paus*. VII. 2. 10; *Rostovtzeff*. Rhodes, Delos... P. 623. См. также надпись из Аргоса (278–72 v. Chr.), где сообщается о родоском кредите в размере 600 000 драхм: *Vollgraff G*. Novae inscriptiones Argive // Mnemosyne. 1916. 44. S. 220 f. = SEG. XIX. 317 = *Moretti L*. Iscrizioni storiche ellinistiche. T. 1. Firenze, 1967. P. 90 ff. № 40; *Berthold*. Op. cit. P. 82 ff., 93 f. Not. 38.

[174] О Коce см. *Herzog G*. Vörlaufiger Bericht über die koische Expedition // JdI. 1903. 18. S. 198; *idem*. Ein Brief des Königs Ziaëlas von Bithynien an die Koer // AM. 1905. 30. S. 182; *Sherwin-White*. Op. cit. P. 118. Not. 187. О торговых интересах Коса в Причерноморье см. Ant. Pal. XII. 53; *Niese*. Op. cit. S. 387; GWHW. S. 447 f., 1215. Anm. 335. *Максимова*. Ук. соч. С. 178 – автор предполагает, что синопцы обратились также и к другим полисам.

статочно даже для закупки вина. В любом случае для погашения платежей была необходима очень значительная сумма, которую Родос мог предоставить только совместно с союзниками. У Полибия указывается, вероятно, только взнос родосцев.

События, связанные с осадой, причины, приведшие к заключению мира, равно как и его условия, не известны. Можно предположить сепаратное соглашание между Синопой и Понтом в форме status quo ante, как в случае с Византием, параллельно с гарантиями для торговли в районе Евксинского Понта. Этим, возможно, объясняется внезапный всплеск торговой активности Родоса в регионе. После значительного ослабления внутрипонтийской торговли «рынки сбыта» там были во многом вакантны, чем не замедлили воспользоваться Синопа и Родос, переняв пальму первенства в торговле с Северным Причерноморьем[175].

В любом случае Родос был заинтересован в быстрейшем прекращении конфликта, так как он сам уже был вовлечен в новый конфликт, на этот раз на Крите. Обьединение Кносса и Гортины с союзниками привело к возрождению Критского койнона. Политика Родоса на Крите была направлена на поддержку Кносса и борьбу с пиратами, чему, наряду с прямым вмешательством, служили двусторонние договоры с отдельными критскими общинами[176]. Война разразилась после того, как Кносс и Гортина предприняли попытку захвата Литта (ок. 222/1–219 гг.), что раскололо союз[177]. После провала дипломатии Родосу не оставалось ничего, кроме прямой интервенции[178]. Одновременно шла Союзническая война в Греции, в которой также не обошлось без участия критян[179]. Последней фазой конфликта датируются прибытие Филопомена, который, возможно, совместно с Филиппом V поддерживал антикносскую коалицию, и война Родоса и Элефтерны[180].

События 220 г. ясно показали, что период «равновесия сил» прошел. Наступило новое время с перманентным вовлечением полисов в военные конфликты. Центр политической жизни переместился в Эгеиду, где вплоть до 167 г. почти беспрерывно шли войны. Следствием этого явилась перекройка политической карты, не в последнюю очередь за счет греческих полисов. В новой ситуации Родос видел свою роль в сохранении сложившихся отношений посредством проведения политики лавирования. Важнейшая роль при этом отводилась дипломатии. Однако события показали, что такая политика имела успех только при демонстрции силы или по крайней мере готовности к ведению войны. Конфликт с

---

[175] О торговле Синопы см. *Mehl*. Op. cit. S. 103 ff. О количественной оценке родосской торговли с Причерноморьем см. *Бадальянц*. Ук. соч. С. 90 сл.; *Кац В.И.* Методика сравнительной оценки экспорта-импорта товаров в керамической таре из одного производственного центра // Греческие амфоры / Под ред. В.И. Каца, С.Ю. Монахова. Саратов, 1997. С. 207 сл. Из 9707 родосских клейм 4220 (43.47%) датируются 220–180 гг.

[176] *Polyb*. IV. 53. 1 (Кносс); Syll³. 581; StV. III. 581 (Гиерапитна); 582 (Олий). Ср. *Brulé P*. La piraterie crétoise hellénistique. P., 1978. P. 2 ff., 56, 69 ff.; *Kreuter*. Op. cit. S. 65 ff.; *Austin*. Op. cit. P. 560. О связях Родоса и Кносса см. *Van Effenterre*. Op. cit. P. 214. Контакты Линда с Литтом известны уже в V в.: I. Lindos. II.1. 206 f. № 13.

[177] *Polyb*. IV. 54 ff.; *Walbank*. A Historical Commentary... I. P. 507 ff.; *Cardinali*. Op. cit. P. 519 ff.; *Van Effenterre*. Op. cit. P. 158 ff., 185 ff., 253 f.; *Chaniotis*. Op. cit. P. 36 ff.

[178] *Polyb*. IV. 53. 1 f.; 55. 1 f.; *Walbank*. A Historical Commentary... I. P. 507 ff.; *Kreuter*. Op. cit. S. 87; *Gabrielson*. Op. cit. P. 44.

[179] *Walbank*. A Historical Commentary... I. P. 513 ff.; *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* A History of Macedonia. III. Oxf., 1988. P. 371 ff.; *Chaniotis*. Op. cit. S. 37.

[180] *Polyb*. IV. 53. 1 f.; *Paus*. VIII. 49. 7; *Plut*. 7. 1 f.; *Cardinali*. Op. cit. P. 521 f., 525 f.; *Walbank*. A Historical Commentary... I. P. 507 f.; *Errington M*. Philopoemen. Oxf., 1969. P. 28, 33 f.; *Brulé*. Op. cit. P. 33. Not. 4.

Византием продемонстрировал, что Родос стремился не к миру per se, но к миру, из которого он мог извлечь собственную выгоду[181]. Авторитет Родоса, его мощь наряду с проводимой им гибкой политикой сделали остров торговым лидером в Эгейском море, где он сменил в этой роли Птолемеев[182].

THE WAR OF 220 BC BETWEEN RHODES AND BYZANTION

N. V. Jefremow

The article outlines the range of problems relevant for the modern study of Hellenistic history. It analyses some rather obscure accounts of ancient sources on the war between the coalition of Rhodes and Bithyne against Byzantion. This conflict is often considered as a «trade war». The hostilities broke out because of the tax policy started by Byzantion as an answer to the pressure of the Celtic kingdom of Tylis. Before that Rhodes policy was based on neutrality and non-interference. A critical revision of the scanty evidence of written sources in correlation with epigraphic, numismatic and archaeological data, allows the author to undertake a detailed reconstruction of the course of the war. The events around Sinope and the war in Crete (in which Rhodes participated more or less actively) are to be dated to the same time or a little later than the hostilities at Thracian Bosporus. In these three events Rhodes demonstrated new features which were to become characteristic of its policy later on: its care for the security of sea trade and its struggle against the pirates.

© 2005 г.

С. А. Степанцов

АНТИДОНАТИСТСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ КАК ЭКЗЕГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В «РАССУЖДЕНИЯХ НА ПОСЛАНИЕ ИОАННА К ПАРФЯНАМ» АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА

«Рассуждения на Послание Иоанна к Парфянам» (In Epistolam Iohannis ad Parthos tractatus) – это десять гомилий на Первое Послание Иоанна, которые Аврелий Августин произнес перед своей гиппонской паствой в 407 г., причем по крайней мере восемь первых были произнесены в течение пасхальной недели, а девятая и десятая – позже, но все же в пределах пасхального

[181] *Ager*. Rhodes... P. 13; *Gabrielson*. Op. cit. P. 45.

[182] *Polyb*. IV. 47. 1; *Berthold*. Op. cit. P. 98. I. Ilion. 51, сообщающая о посредничестве Родоса, может быть также датирована около 220 г.; см. *Gelder*. Op. cit. S. 117; *Ager*. Rhodes... P. 14. Not. 18.

периода[1]. «Посланием Иоанна к Парфянам» Августин называет Первое Послание Иоанна[2]. Это название, вероятно, возникло в результате ряда недоразумений; впрочем, Августин никак специально не разбирает смысла приводимого им названия.

Десять «Рассуждений...» – признанный шедевр августиновской гомилетики: нигде с большей полнотой не выражено учение Августина о братской любви (caritas, dilectio)[3]. Тема любви господствует в его комментарии к Посланию и подчиняет другие важные его темы: вера, грех и оправдание, антихристы...

С тех пор как работы А.-М. Ла Боннардьер и М.-Ф. Берруара установили год произнесения «Рассуждений на Послание Иоанна к Парфянам» (407), нашла объяснение острота антидонатистских мотивов в этой серии проповедей. Такая же острота антидонатистской полемики характерна для других проповедей Августина, произнесенных до июня 407 г., когда состоялся Карфагенский собор и были приняты законодательные меры против донатистского раскола, но и после этого – до 411 г., даты карфагенской «конференции»[4]. В «Рассуждениях...» эта полемика является не только фоном толкования Первого Послания Иоанна, но, как отметил А. Амман, одним из трех факторов, которые вообще определяют направление экзегезы Иоаннова Послания у Августина (два других фактора: пасхальный период и присутствие новокрещенных[5]). Цель этой статьи – рассмотреть, описать и оценить проявление этого фактора в гомилиях на Первое Послание Иоанна. Сразу оговорюсь: в статье речь пойдет только о влиянии антидонатистских идей на экзегезу Послания, а не о мере справедливости и состоятельности или историческом значении той критики донатизма, которую предпринимает Августин в данной серии проповедей. С исчерпывающей тщательностью эта критика и отражение донатистского раскола в творениях и мысли Августина проанализированы в великолепной обобщающей статье «Donatismus, Donatistae», вошедшей во второй том «Augustinus-Lexikon»[6].

В общих чертах содержание антидонатистской полемики в этой серии проповедей легко определимо и поэтому хорошо известно: по Августину, основ-

---

[1] О датировке данного цикла проповедей в связи с толкованиями Августина на Евангелие от Иоанна 407 годом (или, шире, периодом антидонатистской полемики) см. *La Bonnardière A.-M.* Recherches de chronologie augustinienne. P., 1965. P. 54–62; *Berrouard M.-F.* La date des *Tractatus I–LIV in Iohannis Euangelium* de saint Augustin // Recherche augustinien. 1971. 7. P. 109 s. О порядке произнесения проповедей в течение пасхальной недели см. *Poque S.* Les lectures liturgiques de l'octave pascale à Hippone d'après les traités de saint Augustin sur la première Epître de saint Jean // Revue bénédictine. 1964. 74. P. 217–241. Несколько иные выводы в статье: *Zwinggi A.* Die Perikopenordnungen der Osterwoche in Hippo und die Chronologie der Predigten des Augustinus // Augustinus. 1970. 20. P. 5–34. Далее в статье «Рассуждения на Послание Иоанна к Парфянам» будут называться сокращенно «Рассуждения...» и обозначаться Ep. Io. tr. Цифры после сокращения указывают на номер и параграф «Рассуждения...». Перевод пассажей из «Рассуждений...» был сделан и цитаты приведены по бенедиктинскому изданию, воспроизведенному П. Агаэссом в 75-м томе «Sources chrétiennes» (1961), местами с учетом вариантов, предложенных J. Mountain'ом для нового критического издания в серии Corpus Christianorum (Thesaurus augustinianus. A (1). Turnhout, 1989. P. LVII–LXV).

[2] В данной статье Первое Послание для краткости будет называться просто Посланием. Библейские цитаты даются в буквальном переводе с латинского текста, который цитирует Августин с целью более точной передачи его понимания цитируемых мест.

[3] Лучший анализ этой темы в «Рассуждениях...»: *Dideberg D.* Saint Augustin et la Première Epître de saint Jean. Une théologie de l'agapè. P., 1975.

[4] См. об этом, например: *Lancel S.* Saint Augustin. P., 1999. P. 414.

[5] В предисловии к французскому переводу: La première Epître de saint Jean / Traduction des soeurs Carmélites de Mazille. P., 1986. P. 15.

[6] *Lancel S., Alexander J.S.* Donatismus, Donatistae // Augustinus-Lexikon. 2. Basel, 1996–2002. Sp. 606–638.

ной темой Послания является братская любовь как главное условие существования истинной Церкви; недостаток этой самой любви и, следовательно, любви ко Христу послужил причиной того, что донатисты отпали от вселенской Церкви. Мы попытаемся рассмотреть, как именно, при помощи каких поворотов мысли и экзегетических приемов эта тематика связывается у Августина с толкованием Первого Послания Иоанна, т.е. увидеть экзегетическую роль этой тематики в «Рассуждениях...» и составить представление о том, насколько изъяснение Послания у Августина задано антидонатистской полемикой или, по меньшей мере, окрашено ею[7].

Для достижения поставленной цели мы должны решить следующие задачи: (а) систематически рассмотреть, в связи с толкованием каких стихов Послания Августин развивает антидонатистские темы и какие именно; (б) для каждого из таких мест по возможности выяснить, насколько изначальный смысл того или иного пассажа Послания (как мы его себе представляем) допускает толкование в антидонатистском направлении, то есть, насколько толкователь сохраняет элементы изначального смысла, развивает их или вступает с ними в противоречие в своем изъяснении; (в) проследить экзегетические приемы, которые толкователь применяет для достижения своих целей; (г) сделать выводы о том, как в целом толкование Августина, в тех местах, где оно окрашено антидонатистскими мотивами, относится к Посланию: в какой мере Августин творчески развивает или радикально изменяет смысл толкуемого текста.

1. Ep. Io. tr. 1

1.1. Ep. Io. tr. 1, 8 – толкование на 1 Ин 2:1

Впервые в «Рассуждениях...» эхо донатистского раскола отдается несколько неожиданно в связи со словами 1 Ин 2:1: Si quis peccauerit, aduocatum habemus ad patrem («Если кто согрешит, есть у нас ходатай ко Отцу»). Августин привлекает внимание слушателей к тому, что Иоанн смиренно включает себя в число тех, кто находится в ведении небесного aduocatus. Это дает ему повод сказать и о тех, кого подобное смирение не отличает:

Посмотрите, как сам Иоанн блюдет смирение. Великим и праведным был этот муж, который из груди Господней пил сокровенные таинства[8]. И он, который испивая из груди Господней его божество, изрыгнул: «В начале было Слово, и Слово было у Бога» – этот столь великий муж не сказал: «У *вас* есть ходатай ко Отцу (защитник пред Отцом)», но: «Если кто согрешит – у *нас* есть ходатай». Не сказал «у *вас* есть», и не сказал «у вас есть я», и не сказал: «У вас есть Христос». Нет, показал, что ходатай Христос, а не он, и сказал «у *нас* есть», а не «у *вас*» есть. Он предпочел скорее поставить себя в число грешников, чтобы ходатаем за него был Христос, нежели поставить себя ходатаем вместо Христа – и оказаться среди подлежащих осуждению гордецов. Братья, Иисус Христос праведный – он ходатай за нас перед Отцом, он умилостивление за грехи наши. Кто держался этого, тот не составил ереси; кто держался этого, тот не сотворил раскола. Отчего произошли расколы? Когда люди говорят: «Мы праведные», когда люди говорят: «Мы очищаем нечистых, мы оправдываем нечестивых, мы просим и добиваемся». А что

[7] Самый полный анализ антидонатистских мотивов в Ep. Io. tr., насколько мне известно, содержится в статье *Cassidy E.G.* Augustine's Exegesis of the First Epistle of John // Scriptural Interpretation in the Fathers: Letter and Spirit. Dublin, 1955. P. 201–220 (и особенно 206–210). Недостатком этого анализа мне кажется слишком широкое понимание того, что можно считать антидонатистской полемикой: при таком подходе любое рассуждение Августина о церковном единстве (или даже вообще о любви) оказывается автоматически включенным в антидонатистскую тематику. Впрочем, этот исследователь (именно благодаря пониманию общей важности антидонатистской установки «Рассуждений...») впервые убедительно объяснил присутствие темы гордости и смирения в прологе к первому «Рассуждению...» (с. 206).

[8] Об этой детали см. *Dideberg D.* Saint Jean, le disciple bien aimé // Saint Augustin et la Bible. P., 1986. P. 189 ss.

сказал Иоанн? «*А если кто согрешит, есть у нас ходатай перед Отцом – Иисус Христос праведный*».

Августин не уточняет, кого он имеет в виду; и в самом деле, сказанное им может быть приложено ко многим расколам и ересям. Однако несомненно, что ближайшая цель этого выпада – раскол донатистский. Претензия на исключительное право совершать истинное крещение, которую в данном месте явно подразумевает Августин, вызывает в памяти один из центральных вопросов, возникших в дискуссии с донатистами, – вопрос о действительности крещения.

Насколько мне известно, Августин – первый толкователь 1 Ин, обративший особое внимание на значимость первого лица множественного числа в данном стихе Послания, на подразумеваемое «мы». Для Иоанна, нужно думать, это «мы» было вполне естественным: в самом деле, отчего бы ему в данном месте, говорящем о заступничестве Христа, отделять себя от общности верующих, к которой он обращается в Первом Послании? Заметным, бросающимся в глаза Августин может представить это «мы» только в условиях полемики с теми, кто притязал на свое особенное право выступать истинной христианской общиной и совершать крещение, т.е. с донатистами.

Итак, впервые антидонатистская тематика вступает в действие при толковании 1 Ин, когда речь заходит о стихе, который, насколько можно судить, изначально не подразумевал в употреблении первого лица множественного числа никакой полемики с раскольниками или инакомыслящими. В данном случае просто обнаруживается внимательность Августина к самомалейшим деталям толкуемого текста, которые можно использовать в полемических целях.

1.2. Ep. Io. tr. 1, 12 – толкование на 1 Ин 2:10

Более явное и более значительное упоминание донатистов содержится в Ep. Io. tr. 1, 12, где комментируется стих 1 Ин 2:10: Qui diligit fratrem suum, in lumine manet, et scandalum in eo non est («Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем преткновения»). Содержание «соблазна», «преткновения»[9], которое грозит тем, кто не ходит во свете, Августин раскрывает при помощи стиха Пс 120:6: Per diem sol non uret te, neque luna per noctem («Днем солнце не обожжет тебя, и луна – ночью»). В контексте антидонатистской полемики такое же аллегорическое толкование этого стиха уже привлекалось Августином (например, в En. ps. 120[10]): быть опаленным луной, согласно этому толкованию, значит «соблазняться о Церкви». Вот как используется эта аллегореза в Ep. Io. tr. 1, 12:

Кто впадает в соблазн или создает преткновение? Кто соблазняется о Христе и о Церкви. Кто соблазняется о Христе, те как бы опаляются солнцем, кто о Церкви, те – луной. Но псалом говорит: «Днем солнце не опалит тебя, и луна ночью» (Пс 120:6), то есть: если ты будешь держаться любви, то не впадешь в соблазн (не преткнешься) ни о Христе, ни о Церкви, ни Христа не оставишь, ни Церкви... А кого опалила Церковь, как луна в ночи? Тех, кто произвел расколы. Послушай такое слово, сказанное апостолом: «Кто немоществует, и не немоществую я? Кто претыкается, и не опаляюсь я?» (2 Кор 11:29). Почему же нет преткновения в том, кто любит брата? Потому что кто любит брата, терпит все ради единства, так как братство (fraterna dilectio) состоит в единстве любви. Обидел тебя кто-то, либо плохой, либо кого ты считаешь плохим, либо кого ты воображаешь плохим – и ты оставляешь стольких добрых людей? Хороша же братская любовь, которую являют нам эти (донатисты. – *С.С.*). Обвиняют африканских христиан – и порвали со всей вселенной. Разве не было во вселенной святых? И разве можно было вам осудить всех их, не выслушав? Но о если бы вы любили братьев – тогда не было бы в вас претк-

[9] О значении σκάνδαλον (помеха, повод для преткновения, соблазн) см., например: Evangile de Luc / Texte traduit et annoté par E. Delebecque. P., 1976 (ad v. 17, 1).

[10] Подробный анализ этой экзегезы см. в кн.: *Cameron M.* Augustine's Construction of Figurative Exegesis against the Donatists in the *Enarrationes in psalmos*. Chicago, 1996. P. 383–386.

новения. Слушай, что говорит псалом: «Мир многий любящим закон твой, и нет у них преткновения» (Пс 118:65). Мир многий, как сказано здесь, у тех, кто любит закон Божий, и поэтому нет в них преткновения. Значит те, кто претыкаются, теряют мир. А о ком сказал он, что они не претыкаются и не создают преткновения? О тех, кто любит закон Божий – и стало быть стоят в любви (in caritate positi sunt).

О чем собственно идет речь в этом месте Послания Иоанна? Согласно убедительному разделению де ла Поттери, 1 Ин 2:10 находится в той части Послания, в которой посредством символики света и тьмы раскрываются условия пребывания в общении с Богом, в частности избежание греха, который и есть главное содержание символа «тьмы». В этом контексте соблазн, причина преткновения, спотыкания – повод к совершению греха, легко обходимый, избегаемый тем, кто любит брата и находится «во свете». Таким образом, избежание преткновения благодаря хождению в свете имеет в Послании самый общий смысл избежания греха, но использование аллегорически истолкованной цитаты Пс 120:6 позволяет Августину представить содержание этого греха более конкретно: быть на свету и подпадать под соблазн значит, в его образном истолковании, быть под луной и опаляться ею, т.е. видеть Церковь и не иметь о ней верного суждения. Так иоанновская символика света и тьмы (вообще говоря, Августином воспринятая очень активно[11]), будучи включена в образно-аллегорическое построение, приобретает более частную направленность – противораскольническую, антидонатистскую.

1.3. Ep. Io. tr. 1, 13 – толкование на 1 Ин 2:11

Еще более творчески и одновременно органично Августин использует и развивает образность Послания в следующем параграфе первого «Рассуждения...», когда речь заходит о стихе 1 Ин 2:11: Nam qui odit fratrem suum, in tenebris est, et in tenebris ambulat, et nescit quo eat: quoniam tenebrae excaecauerunt oculos eius («Ибо кто ненавидит брата своего, тот во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила глаза его»). Этот стих Августин оборачивает против донатистов (которых на этот раз называет открыто – pars Donati), опираясь на появившуюся именно в этом стихе деталь образной картины – слепоту. Для этого он привлекает другой излюбленный им образ – гору как символ Церкви; гору, которая выросла из камня-Христа и наполнила собою всю вселенную[12]. Слепота, характерная для раскольников, ненавидящих своих братьев – членов кафолической Церкви, проявляется в том, что они не видят эту гору, хотя эта гора, в отличие от гор материальных, видна отовсюду, а не только из ближайших окрестностей:

Кто может быть более слеп, чем те, кто ненавидят братьев своих? Чтобы вы поняли что они слепы, смотрите – они преткнулись о гору. Говорю о том же самом, чтобы не выпало у вас из памяти. Тот камень, что отсекся от горы без участия человеческих рук – не Христос ли, который явился из иудейского царства без участия мужчины? Не сокрушил ли этот камень все земные царства, то есть всю власть идолов и демонов? Не вырос ли этот камень, и стал горой великой, и она заполнила всю вселенную (Дан 2:34–35)? Разве эту гору надо показывать пальцем подобно тому как людям показывают трехдневную луну? Скажем, когда люди хотят увидеть молодой месяц, говорят: «Вон луна, вот она где», и если там есть такие, что не могут направить туда взгляд, и говорят: «Где?», – им показывают пальцем, чтобы они увидели. Бывает, от стыда, боясь, что их сочтут слепыми, они говорят, что видели то, чего не видели. Разве так нам приходится показывать Церковь, братья мои? Разве она не открыта? Разве она не явлена? Разве она не охватила все народы? Разве не исполняется то, что за столько лет было обетовано Аврааму:

[11] См. например: *Poque S.* Le langage symbolique dans la prédication d'Augustin d'Hippone. Images héroïques. Vol. 1. P., 1984. P. 347–362.

[12] *Lauras A.* Deux images de Christ et de l'église dans la prédication augustinienne // Augustinus Magister. 1. P., 1954. P. 667–675.

что в семени его благословятся все народы (Быт 22:18)? Это было обетовано одному верному, и тысячами верных наполнился мир. Вот гора, наполняющая все лицо земли и город, о котором сказано: «Не может утаиться город, поставленный на горе» (Мф 5:14). А они (донатисты. – *С.С.*) преткнулись о гору. И когда им говорят: «Взойдите!» – они отвечают: «Это не гора» – и скорее разобьются об нее лицом, чем станут искать в ней пристанище. Вчера читался пророк Исаия; кто из вас вчера бодрствовал не только глазами, но и ушами, и не только ушами телесными, но и ушами сердца, тот обратил внимание на слова: «Будет в последние дни явлена гора дома Божия, уготованная на вершине гор» (Ис 2:2). Что может быть столь же явным, как гора? Но и горы бывают неизвестными, потому что они расположены в одной части земли. Кто из вас знает Олимп? Так же и те, кто живет при нем, не знают нашу Гиддабу. Эти горы занимают только часть земли. Не так та гора: она заполнила все лицо земли, и о ней сказано: «Уготованная на вершине гор». Эта гора над вершинами всех гор. «И соберутся, – говорит пророк, – к ней все народы». Кто может заблудиться на этой горе (= заблуждаться об этой горе. – *С.С.*)? Кто разбивает об нее лицо? Кто может не заметить город, поставленный на горе. Но не дивитесь, что не замечают ее те, кто ненавидят братьев: они ходят во тьме, и не знают, куда идут, потому что тьма ослепила глаза их. Они не видят гору – не дивись: у них нет глаз. Отчего у них нет глаз? Оттого что тьма ослепила их. Чем докажем? Тем, что они ненавидят братьев, тем, что, столкнувшись с Африканскими братьями, они отделяются от всей вселенной.

Итак, в данном случае эффектное толкование иоанновского стиха строится у Августина на образности, которую он развивает и изменяет, дополняет новыми элементами, в результате чего высказывание о ходящих во тьме, как и в предыдущем параграфе, осмысляется как высказывание о не видящих (не хотящих видеть) Церковь в ее единстве и соборности («вселенскости»).

2. Ep. Io. tr. 2

2.1. Второе «Рассуждение...», как известно, начинается не с толкования собственно Послания, а с довольно пространного отступления по поводу читанного в тот день зачала из Евангелия от Луки (Лк 24, явление Христа путешествующим в Эммаус), поэтому первое воспоминание о донатистском расколе во втором «Рассуждении...» также связано с этим текстом, в частности со стихом Лк 24:47: Oportebat... praedicari in nomine eius paenitentiam et remissionem peccatorum per omnes gentes, incipiens ab Ierusalem («Подобало... быть проповедану во имя Его покаянию и оставлению грехов по всем народам, начиная от Иерусалима»). Подчеркивая, что, согласно этому обетованию, Церковь должна распространиться по всем народам (per omnes gentes), проповедник продолжает атаку на донатистский сепаратизм в том же направлении, в каком она шла в конце первого «Рассуждения...»: только духовная слепота донатистов мешает им видеть явленную по всему свету Церковь. Он даже возвращается к игре с образами слепоты и горы, к которым теперь добавляет и евангельский светильник (Мф 5:15), а также элементы притчи о плевелах:

Вы слышали, братья, запомните! Пусть никто не сомневается, что Церковь по всем народам, пусть никто не сомневается, что она началась от Иерусалима и наполнила все народы. Мы узнаём поле, где посажена лоза, но когда она разрастется, не узнаём, потому что лоза заняла все поле. Откуда она началась? «От Иерусалима». И куда дошла? «До всех народов». Мало их осталось: почти все она заняла. Между тем, пока она занимает все народы, показались кое-какие ростки, которые земледельцу надо удалить, и они составили ереси и расколы. Но пусть выполотые ростки не завлекут вас в то, чтобы и вам быть выполотыми; лучше наоборот – вы призывайте их всеяться снова. Ведь очевидно, что Христос пострадал, воскрес и взошел на небо; явлена также и Церковь, потому что во имя Его проповедуется по всем народам покаяние и оставление грехов. Откуда она началась? «От Иерусалима». Пусть слышит это тупой, пустой и (как еще назвать его?) – слепой, который не видит столь великой горы, который закрывает глаза перед светильником, поставленным на подставку.

Рассуждение антидонатистского толка далее строится на цитированном стихе Лк 24:47 почти до конца Ep. Io. tr. 2, 4, и в конце концов ход его приводит к повторению стиха 1 Ин 2:11, на котором Августин остановился в Ep. Io. tr. 1.

Процитировав этот стих Послания, проповедник снова говорит о том, что «слепота», о которой здесь идет речь, мешает видеть Церковь, однако на этот раз Церковь выступает у него не под знаком горы, а под знаком скинии, поставленной на солнце – этот образ взят из своеобразно понятого и истолкованного стиха Пс 18:4: Im sole posuit tabernaculum suum («На солнце поставил он скинию свою»[13]). Этот стих он уже цитировал в Ep. Io. tr. 1, 2 – там он служил иллюстрацией к 1 Ин 1:2: uidimus et testes sumus («мы видели и мы свидетели»), утверждением зримости воплощенного Слова: «Где видели они Его? – спрашивал там Августин и отвечал: – В явленности Его. Что значит в явленности? На солнце, то есть при этом свете. А как мог стать видным при свете солнца Тот, кто сотворил солнце? Не иначе как благодаря тому, что Он "на солнце поставил скинию свою"... то есть показал свою плоть в явности этого света». И вот теперь, в конце Ep. Io. tr. 2, 4 Августин указывает на связь и даже мистическое тождество плоти Христа и Церкви: и то, и другое выступает как обозначаемое упомянутой в псалме «скинии»: «Скиния Его – это плоть Его, скиния Его – это Церковь Его; она поставлена на солнце, не в ночи, а во дни. Почему же они не признают ее?». Чтобы ответить теперь на этот вопрос, Августину остается только еще раз процитировать 1 Ин 2:11: «Потому что кто ненавидит брата своего, тот во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила глаза его».

Итак, символика ослепленности, использованная автором Послания в этом стихе, два раза конкретизируется Августином как неспособность видеть (признавать) Церковь: слепота, вызванная отсутствием любви, последовательно подается Августином сначала как неспособность видеть гору, а затем неспособность видеть скинию, поставленную на солнце, и именно с такой конкретизацией образ ненавидящей слепоты легко интерпретируется как признак пребывания в расколе.

2.2. Ep. Io. tr. 2, 4 – толкование на 1 Ин 2:12

Следующее упоминание Доната и его партии находим в четвертом параграфе второго «Рассуждения...», в том месте, где, завершив отступление по поводу прочитанного места из Евангелия от Луки, Августин продолжает последовательное комментирование Послания, в котором он дошел до тех стихов, где Иоанн обращается к христианам: Scribo uobis, filioli, quia remittuntur uobis peccata per nomen eius («Пишу вам, чада, ибо отпускаются вам грехи именем Его»). По объяснению Э. Дельбека, слово τεκνία (filioli), как и дальнейшее παιδία (pueri) – обращение Иоанна ко всей совокупности своих учеников, в то время как πατέρες (patres) и νεανίσκοι (iuuenes) – обращения к разным категориям этой совокупности[14]. Христианские писатели, начиная с Климента Александрийского, обычно понимали под «детьми», «отцами» и «юношами» три разные категории верующих. Для Августина, в частности, «дети», «чада» выступают как обозначение новокрещенных: в его словах сказывается символическая связь «детства» с новым рождением в крещении (именно в крещении, согласно пониманию Августина, «отпускаются грехи во имя Его»). Здесь дает о себе знать присутствие в церкви во время Августиновых «Рассуждений...» новокре-

[13] Об особенностях экзегезы этого стиха у Августина см. *Wolinski J.* «Il a planté sa tente sous soleil» // Saint Augustin et la Bible... P. 99 ss.

[14] Épîtres de Jean. Texte traduit et annoté par É. Delebecque (Cahiers de la Revue biblique. 25). P., 1988. P. 34.

щенных, ритуальным именованием которых, как нельзя более кстати, было слово infantes:

Пишу вам, малые дети (filioli), потому что оставляются вам грехи именем Его. Вы малые дети потому, что оставлением грехов вы получаете рождение. Но чьим именем оставляются грехи? Разве именем Августина? Ну так и не именем Доната. Знаешь, кто Августин и кто Донат, – но и не именем Павла и не именем Петра. Ибо обращаясь к тем, кто разделяет Церковь и пытается сделать части из единства, в лице апостола Павла болезнующая рождением младенцев мать – любовь, раскрывает свою утробу и как бы разрывает словами свою грудь, оплакивает детей, которых – видит она – уносят, зовет вернуться к единому имени тех, кто хотел сотворит себе множество имен, отторгает от любви к себе самой, чтобы они любили Христа, и говорит: «Разве Павел был распят за вас? Или крестились вы во имя Павла?» (1 Кор 1:13). Что он говорит? Я не хочу, чтобы вы были мои, но чтобы со мной; будьте со мной, мы все принадлежим Ему, умершему за нас, распятому за нас. Потому сказано и здесь: «Оставляются вам грехи именем Его», а не именем какого-нибудь человека.

Переосмысление Иоанновой фразы у Августина заключается в том, что толкователь ставит особенное ударение на синтагме «во имя Его», на то, что грехи прощаются во имя Христа, а не кого-то из его представителей. Новых членов церкви, слушающих его проповедь, Августин стремиться предостеречь от возможных соблазнов межпартийной борьбы.

В этом случае также можно утверждать, что августиновская экзегеза неожиданна и основывается на смещении акцента в словах апостола. В данном случае это смещение выделяет не факт прощения грехов, а то, что это прощения происходит только во имя Христа.

3. Ep. Io. tr. 3

3.1. Ep. Io. tr. 3, 4–5 – толкование на 1 Ин 2:18–19

В стихах 1 Ин 2:18–19 речь идет о знамении последнего времени – появлении антихристов, этих смутителей Церкви, которые из нее вышли. Именно тут-то и можно было бы ожидать, что экзегет свяжет упоминаемых в Послании антихристов с теми, кто, в его понимании, поставил себя вне Церкви, – с донатистами. Так он и поступает, как мы видим в четвертом параграфе третьего «Рассуждения...». Прежде всего он уточняет, что вышли из Церкви раскольники и еретики, а затем принимается объяснять, что собственно значит быть антихристом. Истолковав приставку «анти-» как противительную (Latine enim antichristus contrarius est Christo), Августин заявляет, что антихрист – это всякий, кто не находится в теле Христовом или кто находится в нем лишь по видимости, незаконно и временно. Здесь рассуждение не идет уже конкретно о еретиках или раскольниках: они включены в общую категорию mali. Чтобы объяснить, на каком основании они, хотя и по видимости только, но все же находятся в теле Христовом, Августин прибегает к сравнению их с дурными соками в не исцеленном еще теле – образ этот близок по содержанию и структуре к той группе образов, которые С. Пок описала в категории «образов сепарации, заимствованных из ремесленной и сельскохозяйственной техники»[15] и которые Августин использует, когда рассуждает о временном неизбежном смешении добрых и дурных в Церкви (требующем от добрых терпимости) и о конечном их разделении при последнем суде. Употребляет он и другой, более обычный образ «сепарации» – молотьба и веяние.

Все эти образы и связанные с ними рассуждения, как уже сказано, направлены не исключительно на еретиков и раскольников: пока они только утверждают возможность пребывания «злых» (и в числе их – раскольников) вну-

[15] *Poque*. Le langage... P. 150–191.

три Церкви, естественность выхода из нее уже в настоящем веке (особенно при искушениях, испытаниях – tentationes), а также обязательность, неизбежность этого выхода в конце времени. Иоаннова мысль пока еще не заостряется таким образом, чтобы она оказалась направленной именно против донатистов; в данных параграфах просто при помощи параллелей развивается, усложняется и конкретизуется образ «выхода» из Церкви.

3.2. Ep. Io. tr. 3, 7–8

Однако в седьмом параграфе третьего «Рассуждения...» толкователь наконец вынужден поставить вопрос о том, чем доказать, что вышедшие из Церкви донатисты могут быть отнесены к тем антихристам и «лжецам», о которых говорится в Послании. Этот вопрос становится острым, когда приходит время толковать стихи 1 Ин 2:21–22: Omne mendacium non est ex ueritate; quis est mendax nisi qui negat quod Iesus non sit Christus («Всякая ложь не от истины; кто лжец, как не тот, кто отрицает, что Иисус есть Христос?»)? В самом деле, если следовать букве Послания, то отождествить донатистов с антихристами и лжецами, о которых здесь идет речь, можно только если доказать, что они отрицают достоинство Иисуса как Христа. Но донатистов нельзя было упрекнуть собственно в этом: в богословии, по крайней мере в христологии, они не отличались от кафолической Церкви, и вообще они были не еретической сектой в строгом смысле этого слова, но раскольниками. Стало быть, их нельзя было обвинить в той лжи, о которой прямо говорит Иоанн: о воплощении или о мессианстве Иисуса Христа. Значит, если следовать логике буквы Иоаннова Послания, о донатистах нельзя сказать, что они вышли из Церкви? Но этому противоречит само положение вещей. «Если мы пребываем в единстве, что делают в этом городе два алтаря? Что делают здесь разделенные дома и разделенные супружества? Что делает здесь общее ложе и разделенный Христос?» Если верить исправлению Маунтена к следующей фразе (uulnus вместо uult nos), то очевидность разделения для проповедника подобна ране: «Сама эта рана заставляет нас признать то, что истинно: либо они вышли от нас, либо мы от них». Чем же доказать, что вышли из Церкви, отделились донатисты, а не кафолики? А именно тем, по Августину, что последние не отделяют себя от прочей Церкви, от совокупности наследия, достояния Христа (hereditas Christi), которое теперь занимает всю вселенную (orbis terrarum), и не соглашаются примиряться. В подтверждение важности этого момента – вселенскости Церкви как критерия ее истинности – Августин приводит цитату Пс 2:8: Dabo tibi gentes hereditatem tuam et possessionem tuam terminos terrae («Дам тебе народы в наследие (достояние) твое и во владение тебе концы земли»), и в добавок к нему уже не однажды цитированный стих Лк 24:47 (см. выше 2.1), а затем выводит заключение: «Будем уверены в единстве нашего наследия (hereditatis). Кто не в общении с этим наследием, тот вышел вон». Дальнейшая серия выводов, как и следует теперь ожидать, неумолимо приведет к тому, чтобы признать донатистов отрицающими, что Иисус есть Христос: «Итак, если они вышли от нас... то они отрицают, что Иисус есть Христос». Однако, очевидно, чувствуя все же, что вопрос не может быть решен так легко, в восьмом параграфе Августин вернется к нему и снова станет рассуждать о том, какая все-таки из двух партий на самом деле отрицает, что Иисус есть Христос, и чем это доказывается.

Причина затруднения, ощутимого в данном месте толкования, кажется нам очевидной. Хотя мы точно и не знаем, против кого конкретно было направлено предупреждение Первого Послания Иоанна, наиболее вероятно, что врага-

ми адресатов своего Послания он видел отделившихся от христианской общины носителей еретического учения гностического толка, отрицавших, как можно судить из слов Послания, мессианство, божественность или воплощение Иисуса[16]. Оппонентами же Августина были не носители особого, неверного учения о Христе, а община, отделившаяся от Церкви из соображений сохранения собственной (условно говоря) моральной чистоты. Чтобы сделать слова Иоанна приложимыми к ним, критику нужно было направить не на их учение («слова»), а на отношение к Церкви, поведение по отношению к ней («дела»). Поэтому и уточнение, которое Августин для получениея нужного смысла вносит в фразу Иоанна «отрицают, что Иисус есть Христос», – это введение в нее инструментального factis «делами», «на деле». Однако для внесения этого уточнения ему нужна санкция от Писания, т.е. нужно высказывание из Писания, где то же самое было бы сказано открытым текстом: «Если само Писание нам скажет, что отрицание может совершаться не только языком (т.е. на словах. – *С.С.*), но и делами, то, конечно, мы находим множество антихристов, которые устами исповедуют Христа, а нравами (т.е. поступками. – *С.С.*) не согласны с Христом». И как обычно, Августин умело находит такое место в Писании: «Послушай Апостола Павла; когда он говорил о таковых, он сказал: "Они говорят о себе, что знают Бога, но делами отрицают Его" (Тит 1:16)». В самом деле, от «знать Бога» до «признавать, что Иисус есть Христос» – один шаг, и Августин теперь уже не мешкает с выводами: «Итак, мы нашли, что и они антихристы: всякий, кто отрицает Христа *делами* (factis), тот антихрист». В данном случае такие «дела» – это отделение себя от Церкви единой и вселенской, нежелание вернуться к единству с другими христианами в ней.

Эти рассуждения составляют содержание Ep. Io. tr. 3, 8 и отчасти 3, 9. Здесь вполне определяется тот подход к толкованию 1 Ин, который и в дальнейшем по ходу «Рассуждений...» позволит Августину переориентировать слова Иоанна и из предупреждений, направленных против инакомыслия и заблуждения, делать обвинения, направленные против раскола: теперь всякое упоминаемое в Послании «отрицание Христа» он может сводить к отрицанию Христа factis, проявляющееся, в частности, в нежелании восстановить Церковное единство. Впрочем, подобное сведéние не будет для Августина легким и впредь, как видно из Ep. Io. tr. 6, 11–14, в котором эта тема антидонатистской полемики присутствует наиболее ощутимо.

4. Ep. Io. tr. 6

4.1. Ep. Io. tr. 6, 2 – толкование на 1 Ин 3:16–18

В стихах 16–18 третьей главы Послания речь идет о любви как необходимом условии существования Церкви. Любовь эта проявляется, во-первых, в готовности умереть за ближнего (по примеру Христа – sicut ille animam suam pro nobis posuit), а во-вторых, в делах милосердия: Si quis habet facultates mundi, et uiderit fratrem suum egentem, et clauserit uiscera sua aduersus eum, quomodo dilectio Patris manebit in illo («Если у кого-то есть богатства мира, и он увидит брата своего в нужде и затворит милосердие свое от него – как любовь Отца будет пребывать в таком?»)? Казалось бы, смысл этих слов так прост, общая их направленность на созидание взаимной любви и поощрение помощи так очевидна, что специально полемике с донатистами вряд ли есть место при толковании именно этого пассажа. Но это не так. Обобщающий Иоаннову мысль стих

[16] Итоги дискуссии об оппонентах Иоанна в 1 Ин и подробную библиографию вопроса см., например, в кн.: *Гатри Д.* Введение в Новый Завет. СПб., 1996. С. 667–670.

18 гласит: Non diligamus uerbo tantum et lingua, sed opere et ueritate («Будем любить не только словом и речью, но делом и истиной»); и в этой фразе Августин изъясняет слова opere et ueritate так, что смысл у них выходит равным тому самому factis, которым он дополнил от себя 1 Ин 2:22 (см. предыдущий параграф), чтобы придать ему противораскольническую направленность. Иными словами, Августин предлагает понимать любовь «делом и истиной» в смысле: любовь при сохранении церковного единства. Однако для утверждения такого понимания ему нужно сначала показать недостаточность самопожертвования и милосердия самих по себе в качестве проявлений любви.

Конечно, нет более очевидного «дела», чем милостыня (potest esse manifestius opus quam tribuere pauperibus?); но, с другой стороны, многие уделяют бедным от своих щедрот для того, чтобы выставить напоказ свое доброделание, а не из любви к ближнему (quam multi sunt qui iactantiae causa multa tribuunt, multa donant, et non ibi quaerunt nisi laudem humanam et gloriam popularem plenam uentis... multi hoc iactatntia faciunt, non dilectione). Опять же, нет большего «дела», чем принять смерть за братьев (potest esse maius opus quam mori pro fratribus?); но, с другой стороны, и это может быть без любви, но только ради «стяжания имени» (et hoc multi uolunt putari se facere iactantia nominis comparandi, non uisceribus dilectionis). Казалось бы, нет способа удостовериться, что самопожертвование или дела милосердия происходят из истинно любовного расположения. В таком случае остается только отослать слушателей к свидетельству собственной совести: пусть сами они смотрят на расположение, которое побуждает их к поступкам, и помнят слова апостола Павла: Si distribuero omnia mea pauperibus et tradidero corpus meum ut ardeam, caritatem autem non habeam, nihil mihi prodest («Если я раздам все имущество свое бедным и отдам тело свое на сожжение, а любви не имею, нет мне пользы» – 1 Кор 13:3). Но все-таки есть такой пункт, в котором, по Августину, проявится ложное или истинное основание доброго дела: соблюдение церковного единства. Если дело совершается в обход единства, значит оно совершается без любви, на которой зиждется это единство, и именно так происходит с донатистами:

Если бы они полагали души свои за братьев, они не отделяли бы себя от всеобщего братства... Может ли кто-нибудь делать все это без любви? Может. Ибо те, кто не имеет любви, разделили единство (qui non habent caritatem, diuiserunt unitatem). Посмотрите там (среди донатистов. – *С.С.*), и вы увидите, что многие много уделяют бедным; вы увидите, что иные готовы принять смерть, так что, за отсутствием преследователя, сами бросаются в пропасть, – такие, нет сомнения, творят все это без любви.

Таким образом призыв Иоанна к деятельной любви вплоть до готовности к самопожертвованию преобразовывается Августином в призыв к церковному единству, без которого все добрые дела теряют свою значимость, т.е. остаются для него лишь видимостью добрых дел.

Что можем мы сказать о верности Августиновой экзегезы духу Иоаннова Послания в данном месте? Прежде всего хотелось бы заметить, что важность добрых дел и самопожертвования Августин не отрицает никоим образом. Достаточно прочесть первый параграф третьего «Рассуждения...», чтобы убедиться в этом. Но он вынужден внести в толкования два элемента, не очевидных из текста Послания. Сначала он оговаривает условие действенности этих добрых дел: они должны исходить из должного расположения. При этом он сильно меняет логику иоанновского высказывания: если у Иоанна положить душу свою за брата – высшее проявление и доказательство любви, то у Августина наличие любви как мотива жертвы – условие действенности этой жерт-

вы. Но мысль Иоанна дополняется и усложняется не столько этим, сколько тем, что выдвигается совершенно отсутствующий у Иоанна в данном пассаже критерий, по которому определяется наличие любви – стремление к сохранению или восстановлению церковного единства. В этом дополнении и усложнении состоит суть аккомодации смысла данного места Послания к условиям, в которых произносились «Рассуждения...»

4.2. Ep. Io. tr. 6, 11–14 – толкование на 1 Ин 4:1–3

Четвертая глава Послания содержит предупреждение о необходимости «испытывать духи» и верить только тем из них, которые от Бога, а значит, тем, которые исповедуют воплощение Христа. В свете выше цитированных и разбиравшихся пассажей из Ep. Io. tr. 3 (см. выше 3.1 и особенно 3.2) нетрудно было бы предположить, какова будет экзегеза этих стихов у Августина – он потребует исповедания на делах, factis, а значит, при соблюдении единства. Однако на этот раз к подобному решению он приближается с еще более заметной осторожностью, что видно и из его прямого признания в § 12 («Он (=Иоанн) указал нам на некий признак для распознавания, и, пожалуй, он непрост»), а также из того, что, поставив вопрос в § 11, он несколько раз в разных формах повторяет его, долго готовит ответ и дает его только в § 13. Конечно, он без колебаний отождествляет «лжепророков» (устами которых вещают чуждые духи, упомянутые Иоанном) с еретиками и раскольниками. Но ведь многие ереси (из которых здесь, в § 11 Августин упоминает ариан, евномиан, македониан, монтанистов под именем «катафригов» и новациан) не отрицают воплощения Христа; тем более не отрицают его донатисты[17]. После этого замечания он напомнит путь решения подобного затруднения, возникшего при толковании 1 Ин 2:22 в третьем «Рассуждении...»:

Вы уже слышали прежде, как было сказано: «Кто отрицает, что Иисус Христос пришел во плоти, тот антихрист». И тогда мы спрашивали: кто же это отрицает? – потому что ни мы этого не отрицаем, ни они. И нашли мы, что кто-то отрицает это на деле, и привлекли свидетельство апостола, который сказал: «Они говорят о себе, что знают Бога, но делами отрицают его» (Тит 1:16) [13]. Так и теперь посмотрим не по словам, а по делам.

Дальнейшее рассуждение строится так. Христос пришел во плоти ради любви (здесь цитируется Ин 15:13). Значит, кто отвергает эту любовь, тот фактически отказывается принять то, ради чего состоялось воплощение, а значит отказывается и от самого воплощения; любви, в частности, не имеют те, кто разрушает церковное единство, – здесь Августин снова эффектно рифмует caritas и unitas, подчеркивая неразрывность этих понятий: Tu non habes caritatem, quia pro honore tuo diuidis unitatem. И вывод не заставляет себя ждать (§ 14):

Ты отстраняешься от вселенского единства, разделяешь Церковь расколами, разрываешь тело Христово. Он пришел во плоти, чтобы собрать, а ты для того вопиешь, чтобы расточить. Тот, стало быть, дух от Бога, признающий Иисуса Христа, пришедшего во плоти, кто признает Его не на словах, а на делах, который говорит о том не звук испуская, а любовь являя. И тот дух не от Бога, который отрицает, что Иисус Христос пришел во плоти – и он тоже отрицает не языком, а жизнью, не словами, а делами.

Это рассуждение продолжается и в § 14, где Августин обыгрывает один из вариантов латинского текста 1 Ин 4:3, восходящий к вариантному чтению в греческом протографе: omnis spiritus qui soluit (λύει) Iesum Christum вместо qui negat (μὴ ὁμολογεῖ) Christum. Опираясь на многозначность этого soluit, Августин противопоставляет созидательный, объединяющий результат воплоще-

[17] Донатисты не названы здесь более прямо, чем просто «раскольники» (schismatici, § 12), но, конечно, в направленности дальнейшего рассуждения именно против них сомнений не возникает.

ния Христа (Ecclesiam congregauit) разрушительному делу раскола: Ille uenit colligere, tu uenis soluere. Distinguere uis membra Christi, disrumpis Ecclesiam... Soluis Christum et negas eum in carne uenisse.

Итак, снова предупреждение Иоанна против лжеучения претворяется Августином в порицание раскола – какого бы то ни было, основанного на неверном учении о Христе или нет, – при помощи уже примененной в Ep. Io. tr. 3, 7 экзегетической процедуры: апелляции к делам веры, которые состоят и в соблюдении единства Церкви.

5. Ep. Io. tr. 10, 8–10 – рассуждение по поводу 1 Ин 5:1–3

Довольно много места отводится антидонатистской полемике и в последнем, десятом «Рассуждении...», и заканчивается оно, а значит, и вся серия толкований на Первое Послание Иоанна, тоже антидонатистским выступлением. В основном в рамках Ep. Io. tr. 10, 8–10 это выступление связано, хотя и косвенно, с последним из стихов (точнее, полустиший), которые Августин успел разобрать – 1 Ин 5:3а: Haec est enim dilectio Dei, ut praecepta eius seruemus («В том любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его»). Первый шаг к тому, чтобы использовать этот стих в качестве повода для критики донатистского раскола, состоит в том, что Августин расставляет нужные акценты в понимании упоминаемых Иоанном «заповедей». У Иоанна речь идет, очевидно, вообще о всяких заповедях, исполнением которых поверяется любовь к Богу, Августин уточняет: соблюдает заповеди тот, кто соблюдает главную заповедь – о любви к Богу и ближнему. Донатисты нарушают ее тем, продолжает он, что, во-первых, ограничивают ее применение только Африкой, где только и существует их церковь – в то время как «заповедь Твоя широка весьма» (в этом стихе Пс 118:85 широта заповеди для Августина символизирует вселенскость любви). Во-вторых (и это новый для данной серии проповедей аргумент), и ко Христу у них нет должной любви: нельзя ведь любить голову (главу Церкви – Христа) и ненавидеть члены того тела, которое венчается этой головой. Эту мысль Августин проводит и развивает, применяя один из излюбленных своих символических топосов о главе и теле, привлекая к рассуждению и цитату Деян 9:4б, которая часто выступает у него для доказательства того, что нападки на членов Церкви суть одновременно и нападки на ее главу – Христа[18], и из этого заключая, что разделение Церкви есть гонение против нее, а значит и против ее главы.

Данный экзегетический пассаж – показательный пример сведения множества тем Послания к одной главной для Августина теме любви, сведения, которое представляет собой главную экзегетическую тенденцию, проявляющейся в «Рассуждениях...». Но в добавок к этому, это и характернейший случай сужения, конкретизации темы любви применительно к задаче преодоления раскола. Содержание и приемы этого перехода от иоанновского требования соблюдать заповеди к августиновскому требованию соблюдать единство Церкви вполне очевидны и не нуждаются в дальнейшем анализе. Важно лишь отметить еще раз, что этот переход и связанное с ним обличение сторонников донатистского раскола завершают всю серию «Рассуждений...» в том виде, как они нам известны, и таким образом запечатлевают все толкование Первого Послания Иоанна призывом к прекращению разделения. Это лучшее доказательство важности антидонатистской тенденции в толковании на 1 Ин.

---

[18] *Leroy G.* «Saul, Saul, pourquoi me persécutes-tu?». Ac 9, 4b dans la prédication de saint Augustin. Memoire de License. Institut d'Etudes théologiques. Faculté de théologie de la Compagnie de Jésus. Section francophone. Bruxelles, 1986. См. особенно с. 66–68.

* * *

Представленный выше обзор позволяет нам прежде всего судить об удельном весе антидонатистских мотивов в экзегезе 1 Ин у Августина, какой она предстает нам в «Рассуждениях на Послание Иоанна к Парфянам». В явно антидонатистском смысле толкуются по меньшей мере 17 стихов Послания из 90 цитируемых и разбираемых Августином, т.е. почти одна пятая той части Послания, которая нашла отражение в «Рассуждениях...». Антидонатистская тематика развивается или существенно затрагивается в 20 параграфах «Рассуждений...» из 124, т.е. по меньшей мере почти в одной шестой части текста. Если учесть еще и то, что острые выпады того же толка завершают всю эту серию проповедей, посвященных 1 Ин, то можно констатировать, что высказывавшееся общее впечатление о значительной окрашенности «Рассуждений...» антидонатисткой полемикой вполне справедливо: расстановка акцентов при толковании Послания во многом была определена той «атмосферой ненависти и насилия» (по выражению Берруара), которая царила в римской Африке периода церковного раскола.

Рассмотрим еще раз бегло, в каком отношении экзегеза Августина оказывается к смыслу слов Послания (насколько он нам, конечно, доступен).

Из приведенной выше сводки видно, что при толковании двух стихов (1 Ин 2:1 о «заступнике» и 1 Ин 2:12 об «оставлении грехов во имя Его») антидонатисткие темы возникают почти произвольно, без очевидной глубокой укорененности в иоанновском тексте, лишь «по поводу» прочитанных стихов (впрочем, всякое суждение подобного рода обречено быть в значительной мере субъективным).

Интерпретация стихов 1 Ин 2:10–11 идет по пути *сужения* значения «соблазна, преткновения» и «слепоты», о которых говорит Иоанн: «соблазн» подается как соблазн о Церкви, «слепота» – как нежелание ее видеть и признавать; и то и другое сужение значения производится при помощи умелого переосмысления и развития иоанновской символической образности.

При толковании 1 Ин 2:18–19, 21–22 и 4:1–3 в антидонатистском направлении Августин идет по пути переосмысления предупреждений Иоанна, а именно, по пути *перенаправления* его предостережений: смысл обвинений в адрес раскольников приобретают в толковании Августина предостережения против лжеучителей, вышедших из Церкви. Для такого перенаправления потребовалось по-новому представить значение понятия «отрицать Христа», которое, с точки зрения Августина, может быть понято не только в смысле вероучительном, но и практическом: отрицать Христа можно поведением, отношением к его Церкви, отступлением от единства в ней.

При толковании стихов Послания, призывающих к деятельной любви вплоть до самопожертвования (1 Ин 3:16–18), Августину приходится уточнить, что ни добрые дела, ни самопожертвование не свидетельствуют о любви, если отсутствует главное ее проявление – сохранение церковного единства. В данном случае мысль Иоанна значительно *дополняется и усложняется*.

Наконец, при рассуждении на призыв Иоанна являть любовь к Богу соблюдением заповедей (1 Ин 5:3) Августин настаивает на важности соблюдения заповедей по сути, которую он раскрывает как любовь к Богу и ближнему, невозможная без сохранения церковного единства. Таким образом, антидонатистское осмысление этого стиха потребовало *целевой концентрации* его очевидного смысла.

Для того чтобы изъяснение Первого Послания Иоанна приобрело нужную в условиях раскола тенденциозность и для того чтобы эта тенденциозность была последовательной и убедительной, Августину потребовалось применить целый спектр экзегетических приемов разной степени сложности, глубины, тонкости и, если можно так сказать, остроумия. Благодаря этому напряженному толковательному труду «Рассуждения...» и стали одним из самых выдающихся примеров преображения библейского текста в устах Августина-проповедника: даже только на примере проведения антидонатистской тенденции можно увидеть, что его толковательное искусство делает с текстом все то, что обычно превращает текст в сообщение, вводит его в жизнь и делает действенным: оно заставляет проступить в Иоанновом Послании те смыслы, которые на первый взгляд не казались заложенными в нем; очевидным и привычным утверждениям оно сообщает злободневность; общие истины оно делает конкретно направленными указаниями и призывом к действию.

ANTI-DONATIST TENDENCY AS AN EXEGETICAL FACTOR IN ST. AUGUSTINE'S «TRACTATES ON THE FIRST EPISTLE OF JOHN»

S. A. Stepantsov

The author undertakes a systematic analysis of all the passages of St. Augustine's «Tractates on the First Epistle of John» (*In Epistulam Iohannis ad Parthos tractatus*), in which the exegesis is influenced by the anti-Donatist polemics. The study demonstrates a complex of elaborate exegetical procedures which allowed St. Augustine to adjust the teaching of the Epistle to the «atmosphere of hatred and violence» still reigning in Hippo about 407.

Only in two cases (Tr. 1, § 8 and 2, § 4) Augustine's anti-Donatist speculation on the text may be said to be hardly rooted in its original sense, but rather to use the text as a starting point. Elsewhere, the obvious meaning is modified in various ways.

The meaning of «scandal» (or «cause for stumbling») and «walking in darkness» is *specified* as «being scandalised about the Church» (or «hitting oneself against the Church») and «incapability to see the Church» (Tr. 1, § 12 and 2, § 4 on 1 John 2:10–11) respectively.

John's warnings against false doctrine are *redirected* against the schism, the sense of false doctrine being thus *enlarged* in a way to include not only misleading words about Christ, but also mischievous works against his Church (Tr. 3, § 4–5, 7–8 and 6, § 11–14 on 1 John 2:18–19, 21–22 and 4:1–3).

John calls for charity and self-denial as manifestations of love, but Augustine points out that the most obvious manifestation of true love for one's brothers is keeping peace within the Church; therefore, if the unity and peace are violated, there is no love, and works of mercy and acts of self-denial, being manifestations not of love, but of something else (e.g. of vain glory), are not valid. In this way John's call for compassion and selflessness is *developed* and *supplemented* to become a demand for unity (Tr. 6, § 2 on 1 John 3:16–18).

Finally, commenting on John's words that love for God is seen in keeping his commandments, Augustine reminds that the essence of these commandments consists in brotherly love (implying the unity of the Church, which the Donatists violate). The procedure used here may be regarded as a *concentration* of the original meaning (Tr. 10, § 8–10 on 1 John 5:1–3).

The «Tractates...», even considered in one aspect, that of anti-Donatist interpretation, show Augustine at his best not only as a champion of *caritas* and *unitas*, but also as a mature master of homiletic exegesis.

© 2005 г.

И. Л. Маяк

ТЕОДОР МОММЗЕН КАК ИСТОРИК

Как известно, Т. Моммзен был исключительно одаренным человеком и ярко проявил себя во многих сферах деятельности – в качестве активного политика и талантливого журналиста, школьного учителя и университетского профессора, кабинетного ученого и организатора науки[1]. При такой разноплановости Моммзен оказался еще чрезвычайно плодовитым автором. Ему принадлежит более 1500 печатных работ[2].

Немалую часть своей служебной карьеры он провел на посту профессора римского права. Однако в начале педагогической работы в женской школе г. Альтоны, а также в берлинский период университетской профессуры, начиная с 1856 г., он читал лекции по истории Рима. В зрелые годы Моммзен осознавал себя филологом, понимая историю как часть филологической науки. Это признание, по свидетельству Юлиана Кулаковского, он сделал в 1879 г. на дружеской пирушке со своими учениками[3]. И все же правомерно говорить о Моммзене именно как об историке, поскольку результаты всех его разнообразных штудий, проходивших параллельно, в конечном счете влились в тома «Римский истории», создавшей ему широчайшую массу читателей и почитателей.

Симптоматично, что уже первые его труды были написаны пером историка. Так, докторская диссертация 1843 г.[4] была посвящена именно истории римских коллегий и объединений сакрального, ремесленного и судебного характера, их возникновению и функционированию вплоть до императорской эпохи, а не только правовому регулированию их деятельности. Вскоре, в 1844 г., Моммзен издал еще одну историческую работу – исследование римских триб[5]. На нем следует остановиться особо.

Начав с этимологии слова *tribus*, связанного с *distribuere* = *dispertiri*, и определив его значение как «часть», Моммзен отверг возможность его принадлежности этрусскому языку (как полагали во времена О. Мюллера). На основе сопоставления этого слова с умбрским и родственным ему оскским *tota*, он показал италийское происхождение *tribus* со значением «дистрикт, округ». На римской почве – это Сервиевы трибы. Моммзен исследовал их локализацию, число, их социальные и политические функции. Его интересовали изменения в жизни триб в связи с историческим развитием римской конституции – соотношение триб и центурий, установленное демократической реформой III в. до н.э., и изменения в нем в условиях дальнейшей демократизации Рима во II в. до н.э., выразившейся, в частности, в переходе к голосованию с помощью табличек. Эти наблюдения Моммзена заняли прочное место в науке.

---

[1] См. *Ростовцев М.* Теодор Моммзен (1817–1903) // Мир Божий. 1904. № 2. С. 1–12; также: ВДИ. 2004. № 1. С. 228–235; *Иванов Вяч.* О Моммзене // Весы. 1904. № 11. С. 46–48; также: ВДИ. 2004. № 2. С. 202–203; *Wickert L.* Theodor Mommsen. Eine Biographie. 4 Bd. Frankfurt am Main, 1959–1980.

[2] *Zangemeister K.* Theodor Mommsen als Schriftsteller. B., 1905.

[3] *Кулаковский Ю.* Памяти Т. Моммзена // ЖМНП. 1904. Январь. С. 39–61, особ. 59; также: ВДИ. 2004. № 2. С. 189–202, особ. 201.

[4] *Mommsen Th.* De collegiis et sodaliciis Romanorum. Kiehl, 1843.

[5] *Idem.* Die römischen Tribus in administrativer Beziehung. Altona, 1844.

В монографии о трибах разработан также вопрос о центурии как войсковой и политической единице римского гражданства. Попутно автор коснулся проблем ius suffragii, cives sine suffragio и hospitium publicum в эпоху ранней и поздней Республики и констатировал в трибе черты общины, соответствующие сперва условиям республиканской эпохи, а затем – императорской.

В этом раннем исследовании отразились важнейшие принципы, свойственные научному творчеству Моммзена. Это – полное владение античной традицией и использование надписей, в чем он был первопроходцем. Изложение – строго научное, с приведением текста источника и его анализом с учетом научной литературы. Моммзен отдает должное Б.Г. Нибуру, но дискутирует с ним, равно как и с другими авторитетами (Мадвигом, Грауэром, Гушке и др.). Не случайно наблюдения и выводы, сделанные в этой первой компактной и очень насыщенной монографии, были включены впоследствии самим автором в его «Римское государственное право» (особенно в третий том), а также до сих пор служат основой множества исследований и учитываются в самых авторитетных специальных энциклопедиях, в первую очередь, в обновляющихся томах «Реальной энциклопедии классической древности» Паули–Виссовы.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть то, в чем с самого начала проявилась творческая манера Моммзена как историка: глубокое знание материала разных ветвей античной традиции и введение в качестве полноценного источника данных эпиграфики.

Одновременно с изданием «Римских триб» вышли в свет «Оскские штудии», а в 1850 г. – «Южноиталийские диалекты»[6]. В настоящее время эти работы в значительной мере по материалу уже устарели, но не во всем. В частности, современные ученые отмечают исключительное знание Моммзеном надписей и языка древней Сардинии. Для Моммзена же эти труды были подготовительным этапом в работе эпиграфиста, поскольку основывались на изучении разнообразных надписей, и показывали вектор его исследований. Нельзя не отметить в этой связи, что эпиграфика именно усилиями Моммзена стала важной частью исторической науки и вспомогательных учебных дисциплин.

Если проследить за тем, как выходили в свет труды Моммзена в дальнейшем, то очевидна *одновременность* создания им статей, книг и прочих публикаций, в которых он выступает то как эпиграфист, то как нумизмат, то как правовед, то как историк. В самых общих чертах это выглядит следующим образом. В 1851 г. он издает работу об упадке монетного дела в эпоху Римской империи[7], в 1852 г. – латинские надписи из района Неаполя, а в 1854 г. – надписи, найденные в Швейцарии[8]. В том же году появляется первый том его «Римской истории». Продолжая трудиться над ее вторым и третьим томами, выходившими в 1855–1856 гг., Моммзен готовит специальную работу о римском монетном деле[9], а также исследует правовые аспекты отношений между Цезарем и Сенатом (1857 г.). В 1858 г. он издает в Берлине «Римскую хронологию вплоть до Цезаря», в 1863 г. –анкирскую версию Res gestae divi Augusti[10]. Тогда же начинается многолетняя эпопея издания свода латинских надписей (CIL).

В 1868 г. увидело свет подготовленное Моммзеном издание Дигест Юстиниана; в 1870-е годы проходит титаническая работа Моммзена над созданием его великого творения – «Римского государственного права» (работа эта продолжалась и в 1880-е годы)[11]. Параллельно, с 1872 г. по его инициативе в дополнение к CIL начинают выхо-

---

[6] *Idem.* Oskische Studien. B., 1845 (Nachträge. 1846); *idem.* Die unteritalischen Dialekte. Lpz, 1850.

[7] *Idem.* Über den Verfall des römischen Münzwesens in der Kaizerzeit. Lpz, 1851.

[8] Inscriptiones regni Neapolitani Latinae. Lpz, 1852; Inscriptiones Confoederationis Helveticae. Zürich, 1854.

[9] *Mommsen Th.* Geschichte des römischen Münzwesens. B., 1860.

[10] О жанре и характере этого документа, истории его находки и его изучения не потеряли значения сообщения Н.А. Машкина в его книге: Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.–Л., 1949. С. 311–328.

[11] *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. 3. Aufl. Bd I–III/1. Lpz, 1887; Bd III/2. Lpz, 1888 (первые два тома вышли первым изданием в 1871–1874 гг.).

дить выпуски «Ephemeris epigraphica». В 1884 г. Моммзен осуществляет новую публикацию Res gestae divi Augusti, а в 1885 г. появляется пятый том его «Римской истории», выдержавшей при жизни автора в общей сложности девять переизданий, которые подвергались некоторым дополнениям. («Римская история» не раз переводилась на все европейские языки, включая русский.) Наконец, в 1899 г. увидело свет «Римское уголовное право»[12].

Однако этот сухой краткий перечень трудов Моммзена был бы далеко не полным, если не упомянуть еще и о монументальных сборниках его статей. Прежде всего, необходимо задержать внимание на двухтомнике «Римские исследования»[13]. В него вошли статьи Моммзена, публиковавшиеся на протяжении 1859–1861 годов в разных изданиях (лишь одна из работ не была опубликована ранее). Статьи названного сборника очень разнообразны по содержанию. Первый том «Римских исследований» включает в себя рассмотрение проблем истории раннереспубликанского и республиканского Рима, а также эпохи Августа.

В специальной статье Моммзен разработал вопрос о римских собственных именах[14] в сопоставлении с именами других индоевропейских народов, прежде всего с древними греками. Более полного и оригинального освещения вопроса, включая труд В. Шульце[15], до появления книги Э. Перуцци[16] в мировой науке не было. Но и до сих пор выводы Моммзена не потеряли своего значения.

В известной мере продолжением данной темы является следующий этюд Моммзена, посвященный римским патрицианским родам[17]. В нем затронуты важнейшие вопросы социальной истории – существование одноименных патрициев и плебеев, пути обретения патрициата; восстановлены имена понтификов, авгуров, принцепсов сената, ординарных и чрезвычайных магистратов с определением их патрицианской или плебейской принадлежности, а также условий transitio ad plebem. Названные вопросы увязываются Моммзеном с плебейско-патрицианской борьбой, обусловленной неравноправием плебеев. Этому он уделяет внимание в статье «Правовые особенности патрициев и плебеев в собраниях и советах граждан» (RF. I. S. 129–284). Исследование ведется на уровне республиканских патрицианско-плебейских центуриатных и куриатных собраний и, наконец, трибутных комиций. Рассматриваются и особые плебейские сходки и их постановления[18]. Специально останавливается Моммзен на патрицианском сенате республиканского времени, а также патрицианско-плебейском совете. На основе этой исторической данности Моммзен считает возможным судить и о гражданстве и сенате доисторического времени, но лишь в общих чертах. В том же томе «Римских исследований» помещен очерк, посвященный изучению патрицианского рода Клавдиев, политика которых позволяет видеть в ряде их представителей предшественников Гракхов и Цезаря.

Касается Моммзен и таких важных категорий, как гостеприимство и клиентела, рассматривая их как реализацию права индивидов и общин на защиту. Он устанавливает наличие внутри гостеприимцев важного класса, очень близкого по своему положению клиентам. Это латины. Эманципация плебеев, по его мнению, имела двоякую цель: в отношении клиентов – подрыв принуждения со стороны патронов, в отношении пользовавшихся исотелией клиентов (как метэков, не имевших еще прав гражданства) – признание законности браков, равное участие в голосовании и доступ к должностям и почестям. Как видно, тематика первого тома в значительной мере совпадала с представленной в ранее появившихся томах «Римской истории», но статьи сборника

[12] *Idem.* Römisches Strafrecht. Lpz, 1899.
[13] *Idem.* Römische Forschungen. Bd I–II. B., 1864, 1879 (далее – RF).
[14] *Idem.* Die römischen Eigennamen // RF. I. S. 1–68.
[15] *Schulze W.* Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. B., 1904.
[16] *Peruzzi E.* Origini di Roma. V. I. La famiglia. Firenze, 1970.
[17] *Mommsen Th.* Die römischen Patriziergeschlechter // RF. I. S. 69–127.
[18] В развитие этой темы см. *Taylor L.R.* The Centuriate Assembly before and after the Reform // AJPh. 1957. 78.

значительно отличаются от нее по жанру: они носят характер глубоких исследований материала источников.

Второй том «Римских исследований» вышел в 1879 г. Он представляет собой собрание отдельных этюдов весьма разнообразного содержания. Это небольшие самостоятельные исследования, тематика которых также нашла отражение и в «Римской истории», и в «Римском государственном праве». Эти очерки прежде были напечатаны Моммзеном в качестве статей, преимущественно в основанном им журнале «Hermes».

В очерке о «Настоящей и ложной Акке Ларенции», рассказы о которой ученый называет «сказками», устанавливается тем не менее стремление античных авторов выделить в них рациональные зерна. Конечно, трудно требовать от Моммзена, не имевшего возможности учесть данные археологии и эпиграфики[19], появившиеся почти сто лет спустя после его смерти, более правильной оценки изучаемых им вариантов традиции. Но его тщательный анализ сообщений античных авторов и *их первоисточников* представляется до сегодняшнего дня поучительным, даже образцовым, и его целесообразно использовать для сопоставления текстовых и иного вида новых источниковых данных.

Остаются ценными, даже подтверждаются новыми материалами[20]выводы, сделанные Моммзеном в статье о Ромуловом померии. То же следует сказать и об очерках, посвященных Великим и Римским играм (RF. II. S. 23–41, 42–57). Для нашей современной науки, небогатой разработками проблем культурной истории древних римлян, они имеют очень большое значение.

Образцовый опыт палеографического исследования представлен в трех статьях Моммзена, касающихся *1)* капитолийских таблиц магистратских фаст; *2)* рукописи VIII или IX в. из Веронской библиотеки капитуляриев, содержащей консульские фасты с именами пар консулов с 439 по 486 г. (от основания Города) и с одним консульским именем с 487 по 494 г.; *3)* новых, найденных в 70-е годы XIX в. на месте храма Юпитера Лациарского в Монтекаво фрагментов таблиц с календарем Латинских празднеств. Сами фрагменты – императорского времени, но освещают, вероятно, III век до н.э.

В том же втором томе «Римских исследований» помещены работы, посвященные изучению традиции о Кориолане (RF. II. S. 113–152), а также «трем демагогам раннереспубликанского времени» – Сп. Кассию, Марку Манлию и Сп. Мелию (Ibid. S. 153–220). В рассказах о них и их деяниях ученый видит мало достоверного, считая прежде всего Ливия ответственным за следование младшим анналистам. Можно сказать, что исключительный авторитет Моммзена фактически дал толчок развившемуся позже гиперкритицизму. Необходимо вместе с тем отметить, что передовая современная наука, учитывающая новые источниковые данные, во многом отошла от упомянутых моммзеновских характеристик[21]. Поэтому названные выше блестяще написанные этюды Моммзена сохраняют значение в качестве образца внимательного изучения вариантов античной традиции, но не в части сделанных из нее выводов.

Сугубо источниковедческие цели преследует Моммзен в статье «Фабий и Диодор» (RF. II. S. 221–290). В ней утверждается, что греческий автор использовал главным образом самого достоверного из римских анналистов, т.е. Фабия Пиктора, в то время как Ливий довольствовался поздней анналистикой. (Впрочем, в современной науке отношение к младшим анналистам отнюдь не однозначно.) В свете таких представлений о характере анналистической традиции рассматривает Моммзен и «Галльскую катастрофу», особенно хронологию событий (RF. II. S. 279–281).

Очень интересен этюд, в котором определяется соотношение численности военнообязанного населения, граждан и италийских союзников, пехотинцев и всадников (RF. II. S. 382–406). Моммзен основывается здесь на данных Полибия, Диодора, Ливия, Ев-

---

[19] Ср. *Peruzzi E.* Civiltà greca nel Lazio preromano. Firenze, 1998. P. 5–17, 19–22.

[20] *Carandini A.* La nascita di Roma. Torino, 1997. Tav. XXV–XXXVII.

[21] *Capanelli D.* Appunti sulla «rogatio agraria» di Spurio Cassio // Legge e società nella repubblica romana. I. Napoli, 1981. P. 3–50; *Serrao F.* Lotte per la terra e per la casa a Roma dal 495 al 441 AC // Ibid. P. 51–180; *De Martino F.* Storia economica di Roma antica. Firenze, 1980. P. 14–15.

тропия, Орозия и Плиния, использовавших в свою очередь сведения Ливия, восходящие к Фабию и характеризующие состояние римских воинских сил в 225 г. до н.э. Из этого материала Моммзен попутно сделал еще и вывод о преобладании на юге Италии скотоводческих хозяйств, надолго удержавшийся в научной литературе, впрочем, оспоренный в 40-е годы XX в. с помощью данных, полученных благодаря применению аэрофотосъемки[22].

Кроме небольшой заметки, касающейся условий передачи imperium магистрату в куриатных комициях, что скорее относится к юридической технике, во II том «Римских исследований» включены еще две статьи исторического характера. Одна посвящена процессам против Сципиона Африканского (RF. II. S. 415–510), другая – миру с Антиохом (Ibid. S. 511–545). В первой из них Моммзен выясняет ход судебного процесса против победителя Ганнибала, уточняет технические вопросы и границы власти полководца в распоряжении военной добычей, а также социально-политические условия (в данном случае – наличие партии), при которых проходило дело Сципиона Африканского Старшего. Тут же Моммзен развивает мысль о создании демократической монархии в Риме, у истоков которой стояли Гракхи. Вторая статья носит исключительно источниковедческий характер. Моммзен признает, что мир с Антиохом и походы Гн. Манлия Вульсона известны благодаря наиболее достоверной и «чистой», неискаженной части дошедшей до его времени традиции. Но именно это побуждает ученого показать, как поздняя анналистика оказывала влияние, не обязательно негативное, даже на такую традицию.

Содержание «Римских исследований» ясно показывает, что Моммзен в то время продолжал работу над «Римской историей», три тома которой уже увидели свет, и фактически готовил материалы для планировавшегося четвертого и изданного много позже пятого тома. Но, разумеется, не только собственно исторические штудии выявляли в лице Моммзена великого историка. Достаточно открыть тома «Римского государственного права», чтобы убедиться, какой огромный материал исторических источников, прежде всего античной традиции, был им мобилизован для исследования избранного предмета.

Показательно в этом отношении и фундаментальное «Собрание сочинений», вышедшее в 1907 г., уже после смерти Моммзена. В третий том, «Юридические сочинения», составленный Б. Кюблером из ранее публиковавшихся работ великого мэтра, вошли, с частности, статьи: «Вольноотпущенники на римской государственной службе», преимущественно в императорское время; «Latium maius», где трактуется вопрос об условиях перехода члена латинской городской общины в римское гражданство, в том числе занятие высшей магистратуры у себя на родине в республиканскую эпоху, а также о возможных изменениях статуса общин при Антонинах. В статье «Наследственный характер декурионата» на живом и конкретном материале констатируется фактическое наличие сенаторских семей в Риме в правление Августа и Тиберия, и тот же процесс прослеживается на местном уровне в отношении декурионов. Если в республиканское время принцип кооптации в этих органах власти был невозможен, то в период раннего Принципата проявились изменения, причем зачисление в местные советы происходило даже вне круга лиц, занимавших магистратуры. Статья «О правовом положении афинских профессоров в Риме императорской эпохи» представляет собой разбор афинского документа времени правления Адриана – эпитафии философа-эпикурейца, которая дает представление о реальных условиях жизни и деятельности греческого ученого, имевшего педагогическую практику.

В статье «Римские источники» анализируется текст надписи, содержащей эдикт Августа о водопроводе в Венафре. Моммзен говорит в ней о том, что Венафр в это время – не муниципий, а колония из числа тех 28, которые Август учредил в Италии. В тот же том включены статьи о правовых проблемах, связанных с личностью апостола Павла, и работа, озаглавленная «Защита свободы граждан и перегринов в римском государстве». Она построена на анализе трех кратких надписей – из эсквилинского погребения,

[22] *Bradford J.* Siticulosa Apulia // Antiquity. 1946; *idem.* The Apulia expedition // Antiquity. 1950.

из Южной Италии и, наконец, найденной близ Бовиана в Самнии. Текст надписей сохранился плохо. Попытка восстановления приводит Моммзена к заключению о том, что в них зафиксированы имена вольноотпущенников. Данный материал проливает свет на социальные процессы в древней Италии.

Обзор названных статей показывает Моммзена прежде всего как опытного эпиграфиста, как ученого, придающего большое значение в исследованиях разной тематики эпиграфическим источникам. Содержание статей убеждает в их полезности для историка, поскольку они касаются не только формально-юридического, но и социального положения италийских жителей на длительном протяжении существования Рима – и в период Республики, и в период Принципата. В них фигурирует живой конкретно-исторический, фактический материал.

Надо сказать, что своеобразие третьего тома «Собрания сочинений» было замечено учеником Моммзена О. Гиршфельдом, отметившим, что в «Юридических сочинениях» содержатся работы, которые трудно отделить от исторических, филологических или этнографических. Сомнения в их точной принадлежности кончаются только там, где Моммзен сам определил их как юридические, примером чего служит статья, помещенная в III томе, посвященная ростовщичеству М. Брута. Эта оценка Гиршфельда была поддержана сообщившим о ней составителем III тома Б. Кюблером[23].

В одной статье, конечно, невозможно хотя бы кратко разобрать и даже просто назвать все исторические работы Моммзена. Важно еще раз отметить *одновременность* его труда в разных научных направлениях[24] и фундаментальную аргументированность его заключений. Вместе с тем, хотелось бы напомнить, что главный исторический труд великого ученого увенчан Нобелевской премией по разделу литературы. Ведь «Римская история» была написана живо, в популярном стиле, без развернутой аргументации, без полных ссылок на источники и научную литературу, поэтому воспринималась как замечательное повествование. Думаю, этот наш краткий и в общем выборочный обзор научного творчества Моммзена показал на отдельных примерах создание той научно-исследовательской базы, на которой покоилась его «Римская история» от первого до последнего тома.

Из рассмотренных здесь штудий ясно видно не только исключительное знание источников, но и мастерское владение Моммзена *источниковедческими приемами*, включая комплексное использование сочинений античных авторов, археологических, нумизматических данных и особенно массы эпиграфического материала. На заслуги Моммзена в области собирания, публикации и интерпретации надписей неоднократно обращали специальное внимание[25]. Из наших отечественных ученых Юлиан Кулаковский особо подчеркнул в этой связи работу Моммзена в «Ephemeris Epigraphica», в том числе публикацию им таких важнейших источников, как Lex coloniae Iuliae Genetivae, Commentarii ludorum saeculorum quintorum et septimorum и т.п., а также конкретных исследований, целиком построенных на данных эпиграфики, таких, как «Nomina et gradus centurionum», «Militum provincialium patriae», «Das römische Militärwesen seit Diocletian» и т.п.

Недавним откликом на тему эпиграфических штудий Моммзена является материал, тщательно подготовленный профессором университета Сассари А. Мастино в сотрудничестве с Р. Мара и Э. Питтау[26]. Он содержит переписку Моммзена с коллегами из

---

[23] См. *Kübler B.* Vorwort // *Mommsen Th.* Gesammelte Schriften. Bd III. Juristische Schriften. B., 1907. S. V.

[24] *Ростовцев.* Ук. соч. С. 4–5; *Ковалев С.* Теодор Моммзен и его «История Рима» // *Моммзен Т.* История Рима. Т. I. До битвы при Пидне. М., 1936. С. VIII–X.

[25] *Кулаковский.* Ук. соч. С. 5–6; *Машкин Н.А.* Предисловие // *Моммзен Т.* История Рима. Т. V. М., 1949. С. 11; *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Ansprache gehalten am 30 November 1917 im Institut für Altertumskunde. B., 1917.

[26] *Mastino A.* (con collaborazione di *Rosanna Mara* e *Elena Pittau*). Il viaggio di Theodor Mommsen e dei suoi collaboratori in Sardegna per il *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Выражаю глубокую благодарность автору этого ценного труда, а также профессору университета Сассари Ф. Сини за неоценимую дружескую помощь в ознакомлении с рукописью этой работы, ныне доступной в электронной версии созданного по инициативе проф. Сини журнала «Diritto @ storia» (2004. № 3).

Италии, прежде всего из Сардинии, и с его немецкими соратниками и учениками, которых он направил на этот остров для собирания надписей. А. Мастино показал работу самого маэстро по собиранию надписей и обработке эпиграфических данных во время его сардинской поездки в октябре 1877 г. при подготовке X тома CIL, с выявлением их аутентичности и некоторых фальшивок.

Итак, необходимо еще раз сказать, что научное творчество Моммзена и его выдающаяся организаторская деятельность зиждились на его поразительной эрудиции, на владении источниками и удивительной аргументированности его выводов, но, разумеется, *в тех пределах, которые обеспечивала источниковая база его времени*. Именно это позволило ему создать монументальную историю Рима вплоть до эпохи Домината. Нельзя, конечно, полагать, что он был первопроходцем на этой стезе. Не углубляясь в эту проблему, отмечу лишь, что только в его родной Германии, передовой тогда стране гуманитарного знания, у него были замечательные предшественники, такие как Б.Г. Нибур и А. Швеглер, и современники, как Г. Ниссен, чьи труды помогали формированию его как ученого. Не подлежит сомнению то, что первое место в этом ряду принадлежит Нибуру, создателю научного источниковедения. Именно он заложил основы критического анализа текстов античных авторов с выявлением в них достоверных зерен. Ему также принадлежит идея использования этнографического материала в качестве исторического источника. Все перечисленные выше корифеи следовали за ним[27]. Моммзен, как явствует из его научных работ, в общем шел в фарватере Нибура[28], прибегая порой к этиологическому методу. Но читателя «Римской истории» он в свою исследовательскую лабораторию не вводил, не обременяя себя, в отличие от названных ученых, полемикой и доказательствами. Однако Моммзену, как никому другому, удалось охватить события и начального периода истории Рима, и императорской эпохи. Ширина полотна созданной им «Римской истории», уверенная логичность и вместе с тем живость и яркость ее изложения заслонили собой труды его предшественников, современников, да и большинства потомков. Многогранность деятельности Моммзена выдвинула его на особое место в историографии истории Рима. При этом интерес к нему и сейчас не носит оттенка антикварности. Его творчество замечательно не только как некая ступень прошлого нашей науки, оно остается ее живой частью, и самым зримым свидетельством этого является «Римская история».

Поскольку Моммзен очень рано заявил о себе как талантливый ученый, от него, молодого лейпцигского доцента, стали ждать книги о римской истории, ведь в то время этот жанр был очень популярным. В письме к Густаву Фрейтагу от 1877 г. Моммзен вспоминал, что в 1849 г., в период его бурной деятельности в качестве преподавателя, журналиста, собирателя италийских надписей он сделал публичный доклад о Гракхах. Сразу после этого двое издателей, Карл Реймер и Соломон Гурцель, обратились к нему с предложением о создании краткой истории Рима[29]. До реализации такого рода плана дело вскоре и дошло.

Научный поиск особенно явственно совмещался в творчестве Моммзена с эволюцией его политических воззрений, с мечтой об объединении Германии при создании сильной, просвещенной и демократической власти. Поэтому Моммзен расценивает

---

[27] Надо признать, что Ниссен более последовательно придерживался принципов Нибура, чем Швеглер, свернувший с пути разумной критики. В результате увлекательных поисков объяснения древнейших событий римской истории при отсутствии объективных показаний археологической и лингвистической науки Швеглер создал теорию этиологических мифов, объективно ведшую науку к скептицизму в отношении сообщений античных авторов. Разумеется, в отдельных случаях при изучении некоторых частностей этиологический метод в исторических исследованиях допустим, даже полезен, но он не может заменить подлинно научного анализа традиции, как только является возможность сопоставления ее с другими видами источников.

[28] *Fest J.* Wege zur Geschichte über Theodor Mommsen, Jakob Burkhardt, Jolo Mann, mit einem Vorwort von Christian Meyer. Zürich, 1992. S. 33–34.

[29] *Fest.* Op. cit. S. 31.

завоевание Римом Италии именно как ее объединение, а завершение этого процесса Суллой заставляет его простить диктатору кровавые деяния[30]. Примером идеального правителя для Моммзена становится не Сулла, а гениальный «демократический монарх», Цезарь. Моммзен находил предшественников этого гения в лице Гракхов, особенно Гая, а также в лице Сертория. Он отдавал должное честным патриотам, таким, как Сципион Эмилиан и Гай Лелий, но считал их неспособными к спасению Италии в силу присущих им консервативных воззрений[31].

Цезарь импонирует Моммзену блеском своих дарований, обаянием личности и мудрым расчетом, что сказалось, в том числе, в его отношении к покоренным германцам. Он предпочел побежденных врагов (Ариовист), будущих храбрых стражей границы, сомнительным друзьям, т.е. невоинственным и ненадежным кельтам[32]. Это мнение Моммзена следует рассматривать в контексте современной ему обстановки в Европе и напряженных отношений между Германией и Францией. В нем говорил германский патриот. Недаром в немецкой научной литературе подчеркивают его немецкую идентичность, отличавший его (наравне с Винкельманом) национализм[33].

Конечно, время делает свое дело, копилка источников постоянно пополняется новыми данными, и это приходится учитывать, приступая к знакомству с Моммзеновой «Римской историей». Первый том ее разбит на три книги, при этом первая охватывает время царской эпохи. Случилось так, что за последнюю четверть века больше всего новых материалов было получено как раз для освещения древнейшей истории Рима и Италии. Это важно отметить, потому что сам Моммзен в первой главе своего труда заявлял, что в его книге «будет изложена история Италии, а не история города Рима»[34]. Соответственно он начал с описания природы и населения древнейшей Италии. Не имея данных об автохтонах, он занялся вопросами *переселений* на Апеннинский полуостров. Пользуясь сложившейся в XIX в. среди германских языковедов терминологией, Моммзен называет первых индоевропейских переселенцев индогерманцами. Это япиги и италики. Этрусков, опять-таки в духе националистически настроенных немецких ученых, находя отдельные черты сходства в их культуре с «индогерманцами», он считает северными пришельцами из-за Альп. Весь этот очерк носит эскизный характер, что сам автор объясняет чрезвычайной бедностью памятников первобытной эпохи. В связи с этим, между прочим, стоит тот факт, что первые греческие поселения в Италии и Сицилии Моммзен датирует только началом Великой греческой колонизации, хотя с присущей ему гениальной интуицией допускает более ранние сношения италиков с греками на италийской почве[35].

Не меньшей значимостью обладают новые материалы, освещающие царскую эпоху в истории Рима, что особенно важно, ее начало, подвергавшееся сомнению, особенно в наше время. Любопытно, что Моммзен реконструирует общественные отношения, управление первоначальными общинами на территории Рима, правовые установления, религиозные представления, элементы культуры и строительства города в эпоху царей. Но это у него – безымянная история. Вплоть до Сервия Туллия в ней нет живых людей, имена царей почти не называются, потому что все события и люди этого времени, исключая этрусских владык, представляются Моммзену вымышленными. Теперь же наука располагает убедительными доказательствами *деятельности* ран-

---

[30] *Моммзен Т.* История Рима. Т. II. М., 1937. С. 351.

[31] Там же. С. 82–84.

[32] *Моммзен Т.* История Рима. Т. III. М., 1939. С. 208–209.

[33] *Wilamowitz-Moellendorff.* Op. cit. S. 3–4; *Demandt A.* Mommsen zum Niedergang Roms // Historische Zeitschrift. 1995. Bd 261. Ht 1. S. 27.

[34] *Моммзен.* История Рима. Т. I. С. 8.

[35] В настоящее время присутствие микенских греков в Италии на побережье Адриатического, Ионического и Тирренского морей вплоть до Этрурии и Лация, включая территорию будущего Рима, прочно доказано с помощью археологических и лингвистических свидетельств. См. *Peruzzi E.* Mycenaeans in Early Latium. Roma, 1980; *Маяк И.Л.* Рим первых царей. М. 1983; *Taylor W.* Mycenaean Pottery in Italy and Adjacent Areas [s. l.] 1958.

них царей, описанных в античной традиции, начиная с Ромула вплоть до Анка Марция, причем и во внутренней жизни общины и в ее внешних сношениях[36].

Внесены коррективы и в представления Моммзена об этрусках. Полностью отвергнута северная теория их происхождения, все более утверждается мнение о формировании этрусской народности в Италии из разнородных местных и пришлых, в том числе из Малой Азии, этнических элементов; установлено культурное влияние этрусков на ранний Рим[37].

До известной степени в зависимости от состояния источниковой базы находится и важная для исторической концепции Моммзена его периодизация римской истории. После рассмотрения царского Рима он выделяет в целом достоверные, с его точки зрения, эпохи: «От упразднения царской власти до объединения Италии» (т. I, кн. 2); «От объединения Италии до покорения Карфагена и греческих государства» (т. I, кн. 2); период «Революции» (т. II, кн. 4); «От смерти Суллы до битвы при Тапсе» (т. III, кн. 5); «Провинции от Цезаря до Диоклетиана» (т. V). Это – основательно продуманная схема. С одной стороны, римская история, по Моммзену, входит в цикл средиземноморской цивилизации, а с другой – это феномен ее органического развития от юности к зрелости и старости. Вместе с тем, это – развитие Рима как городской общины, как владыки Италии и, наконец, всего тогдашнего мира. В этом – стержень моммзеновской периодизации.

История городской общины у Моммзена – это история римского гражданства. Из такого понимания развития Рима становится понятным внимание Моммзена к государственно-правовой проблематике. Однако последнее обстоятельство не отрывает ученого от реалий римской, и не только римской, жизни в античности. Моммзен видит государственное устройство Рима аналогичным греческому и этрусскому. И своеобразие, к примеру, этрусских общин он связывает с их «склонностью» к торговле и мореплаванию, а фактически – с направленностью их хозяйственного развития. Моммзену принадлежит также утверждение о том, что земледелие и торговля тесно связаны с внутренним устройством и внешней историей государства[38].

Жизнь римской гражданской общины, по Моммзену, не статична. Она изначально проходила в борьбе противоречий – между народом и должностными лицами, включая царей, т.е. в политической области; между гражданами и негражданами; между богатыми и бедными[39]. Здесь нужно обратить внимание на то, что под первоначальным гражданством = народом Моммзен, следуя Нибуру, разумеет патрициат[40]. Уже в царское время ему противостояло неполноправное население из иноземцев, побежденных латинян, добровольных переселенцев, а также подвластных, т.е. клиентов, или плебеев, стоявших вне триб и курий, вне войска. Они составляли промежуточный класс между свободными и несвободными[41]. На эту растущую массу, по мысли Моммзена, и опирались цари. «Так рядом с гражданством образовалась вторая римская община – из клиентов возник плебс»[42]. Современные ученые, начиная с Ф. Де Мартино[43], от этого тезиса отказались. Вхождение состоятельной части плебеев в гражданство было результатом Сервиевой реформы.

Изгнание Тарквиниев и изменение формы правления в Риме оценивается Моммзеном как революция. Республика стала представлять собой новую гражданскую общину. Вскоре (когда – не уточняется!) плебеи были допущены в курии, стали признаваться их семьи и роды[44]. Отсюда, заметим, следует, что первоначально плебеи в курии не

---

[36] *Peruzzi E.* Money in early Rome. Firenze, 1985; *Carandini A.* Op. cit.; *Peruzzi E.* Civiltá greca...; Рим – эхо императорской славы. М., 1997. С. 13–16; Fidene. Una casa dell'età del ferro. Roma, 1998.

[37] *Georgiev V.* La lingua e l'origine degli etruschi. Roma, 1979. P. 13–16; *Немировский А.И.* Этруски. От мифа к истории. М., 1983. Особ. гл. V. С. 164–228.

[38] *Моммзен.* История Рима. Т. II. С. 174.

[39] Там же. Т. I. С. 231.

[40] Там же. С. 240.

[41] Там же. С. 83, 85, 86.

[42] Там же. С. 87.

[43] *De Martino F.* Storia economica di Roma antica. I. Firenze, 1980. P. 19 ss.

[44] *Моммзен.* История Рима. Т. I. С. 241–245.

входили. Новый вид гражданская община приобрела в 367 г. до н.э.: патриции перестали составлять все гражданство, его ряды расширились, перед законом все оказались равны[45]. Но Моммзен прекрасно видит формальный характер уравнения сословий – появление нобилитета было лишь видоизменением аристократии, так что новая оппозиция в обществе выступила как представительница мелкого люда, особенно мелких крестьян[46].

Очередное изменение гражданской общины увязано Моммзеном с победами римлян за пределами Италии. Именно тогда в ней утвердилось понимание общей пользы, верный здравый смысл. Территориально она расширилась, не составляя единого пространства, что затрудняло судебную и политическую, комициальную практику и сопровождалось имущественным расслоением и появлением требовательной черни[47]. Все вело к новой социальной оппозиции, находившей выход и выражение даже в художественном творчестве.

Однако во II в. до н.э., когда Рим перестал кого бы то ни было опасаться, начался, выражаясь современным языком, период застоя, или кризис, опять-таки чреватый революцией. Со страниц «Римской истории» уходит выражение «гражданская община», во втором томе на сцену выступают политики разного направления и калибра и демагоги, от Катона до Гракхов. Но на этом фоне трансформируется и демократизируется конституция, обостряется борьба, вплоть до войн с рабами, с италиками, соперничество лидеров, особенно усиливается борьба партий, наконец, устанавливается сулланская конституция. Фразеология Моммзена, при ярком и страстном описании римско-италийских событий, не случайна. Она позволяет увидеть, как гражданская община сходит на нет. Только касаясь реформ Суллы, ученый вспоминает о «гражданских правах» римлян, с которыми диктатор обошелся пренебрежительно, признав таковые за общинами новых граждан[48].

Из сказанного ясно, что Моммзен придавал феномену гражданской общины в Риме немалое значение. Обрыв ее истории в последний век Республики в труде Моммзена не остался незамеченным в науке. С полной определенностью «договорил» историю римской гражданской общины С.Л. Утченко[49], подчеркнувший, что в результате Союзнической войны она как бы растеклась по Италии, комиции превратились в юридическую фикцию, полисная демократия потерпела крах. В основе этих процессов Утченко усматривал великую крестьянскую революцию, начавшуюся с эпохи Гракхов и приведшую к тому, что узкая привилегированная община полноправных собственников-римлян была разбита. Думается все же, что этот вывод излишне радикален. Вернее, по нашему мнению, было бы говорить не о гибели, а о *трансформации* италийских полисных структур, включая Рим. Если понимать полис (= civitas) как гражданскую общину с античной формой собственности, то можно заметить, что эта его основа как в Риме, так и в италийских муниципиях сохранялась. Однако Рим потерял такую полисную черту, как *замкнутость*, а италийские муниципии – такую, как *самостоятельность*. Но и Рим, и Италия продолжали жить как измененные указанным образом полисные структуры[50].

В современной науке распространено справедливое мнение о том, что подлинным героем третьего тома «Римской истории» был Юлий Цезарь, что Моммзен видел в предшествующей ему истории как бы подготовку его деятельности. В самом деле, Моммзен создал панегирик этому беспримерному герою – в нем он прозревал того де-

---

[45] Там же. С. 288.
[46] Там же. С. 289, 739.
[47] Там же. С. 764–766.
[48] Там же. Т. II. С. 328.
[49] *Утченко С.Л.* Цицерон и его время. М., 1972. С. 88–89; 111; 114; 116.
[50] *Маяк И.Л.* Римляне Ранней республики. М., 1993. С. 142–143; *она же.* К вопросу о понимании civitas в современной науке // Феномены истории. М., 1996. С. 24–30.

мократического монарха, который был идеальной моделью для человечества, в том числе для современной историку Германии.

В III томе особенно ярко проявилась такая свойственная Моммзену черта, как модернизация, становящаяся все более заметной по мере приближения к описанию эпохи конца Республики. Если при изложении событий и описании деятелей ранней римской истории модернизирование еще служило оживлению представлений о древности, облегчало ее восприятие читателем нового времени, то в изложении гражданских войн в период Поздней республики оно, как представляется, перешло в публицистичность.

В отечественной науке советского времени отмечалось, что разочарование в возможности создания демократической монархии в объединенной Германии, о чем мечтал Моммзен, сначала затормозило его работу, а затем не позволило ему написать историю Римской империи, тем более что и сам исторический материал не вдохновлял его на создание картины римского благоденствия под эгидой далеко не идеальных императоров. Так четвертый том, предназначенный для истории периода Империи, остался ненаписанным. Сам Моммзен в предисловии к пятому тому объяснил это тем, что заключительный акт борьбы республиканцев с Цезарем и установление им монархии достаточно освещены в источниках, так что нет смысла их пересказывать. К вопросу о причинах пропуска четвертого тома в ряду книг, составляющих «Римскую историю», ученые продолжают возвращаться. На основе замечаний и наблюдений в других работах Моммзена, в его переписке и, главное, благодаря находке записей его лекций, сделанных студентами университета, оказалось возможным реконструировать его историю Рима императорской эпохи[51]. А. Демандт[52] напомнил о том, что Моммзен в свое время отозвался об «Истории упадка и разрушения Римской империи» Эд. Гиббона как о важнейшем труде и сам постоянно касался этой темы. Но великий ученый, по собственному признанию, не позволял себе ошибиться в столь сложном вопросе, к тому же вынужден был отвлекаться на работу над CIL. Тот же Демандт, приведя высказывания ряда ученых о том, что Моммзен не был в состоянии объяснить падение Римской империи, почему и не издал четвертого тома, предложил свое видение проблемы. По Моммзену, идеальным римским государством было бы государство в его естественных *национальных* границах, а экспансия за его пределы оказалась губительной. Власть проконсулов и императоров знаменовала собой закат свободы и воздаяние за грехи. Цезарь был идеальным монархом, но он появился слишком поздно, после истощения физических и духовных сил нации. В понимании Демандта Моммзен – националист и либерал. Как либерал, он прощал Цезарю военную диктатуру, а как националист – покорение Галлии. Новый цезаризм он отвергает. Что касается причин «заката» Рима, то Моммзен указывал на значение германского фактора (clades Variana, Маркоманнские войны). В этой концепции Моммзена, по мнению Демандта, проявилось национально-либеральное сознание великого ученого. Именно с него, как заметил С.И. Ковалев в упомянутом выше «Предисловии» к первому тому «Истории Рима», начинается и утверждается в исторической науке модернизирование прошлого. Хотелось бы отметить, что у Моммзена оно проявилось уже в видении им институтов гражданства и гражданской общины, существование которых он относит еще к догородской эпохе[53].

Появившийся много позднее, в 1885 г., пятый том «Римской истории» содержал обзор римских провинций, считающийся первым очерком такого рода, хотя, напомню, еще до этого, в 1866 г., вышел в свет труд С.В. Ешевского «Центр римского мира и его провинции», оставшийся, к сожалению, на Западе неизвестным. XX век чрезвычайно обогатил науку и обзорами римских провинций в общих изданиях, и специаль-

---

[51] См. *Моммзен Т.* История римских императоров. По конспектам Себастьяна и Пауля Хензелей 1882–1886 гг. / Изд. Барбарой и Александром Демандтами. Пер. с нем. Т.А. Орестовой. СПб., 2002.

[52] *Demandt*. Op. cit. S. 23–49.

[53] *Моммзен*. История Рима. Т. I. С. 37.

ными работами, посвященными отдельным провинциям Римской империи. Проявилась даже своего рода специализация: английские ученые концентрировали свое внимание на британских провинциях, французские – на галльских, румынские – на Дакии и т.п. Многое сделано и в нашей отечественной науке, прежде всего усилиями А.Б. Рановича, Е.М. Штаерман, И.Т. Кругликовой, О.В. Кудрявцева, Е.С. Голубцовой, Ю.К. Колосовской, Т.Д. Златковской и др. Однако такого свода, который дан Моммзеном в пятом томе «Римской истории», хотя он и содержит только сведения об эпохе Ранней империи, все-таки нет, и эта книга, несмотря на появление массы новых источников, остается до сих пор востребованной. Н.А. Машкин[54], характеризуя издание русского перевода этого тома в 1949 г., верно отметил недооценку Моммзеном археологического материала и традиционно успешное оперирование надписями; подчеркнул он и то, что частично картина, нарисованная в пятом томе, уже к середине XX столетия оказалась неполной и устаревшей, чтó, заметим, тем более имеет место в наши дни. Машкин указал, в частности, на недостаточное внимание ученого к производственной сфере, обусловленное, впрочем, нехваткой источников. Нельзя не присоединиться к его замечанию о нотке национализма при упоминании Моммзеном германцев, особенно Арминия. Вместе с тем, необходимо вслед за Машкиным подчеркнуть внимание Моммзена к такой важной проблеме истории античности, как эллинизация и романизация вошедших в империю стран. Следует также сказать, что, в отличие от первых томов «Римской истории», главы пятого тома, представляющие собой отдельные очерки, посвященные римским провинциям, представляют собой глубокие исследования, построенные на анализе источников. Однако и здесь ученый полемикой своих коллег почти не удостаивает.

Рассматривая все тома Моммзеновой «Римской истории» и другие его работы, приходишь к заключению о том, что множество сделанных им наблюдений и выводов остаются в силе, продолжают обогащать науку о древнем Риме. И даже то, что вызывает сомнения или отвергается вследствие появления новых источниковых данных, стимулирует современных ученых к углубленным поискам в достижении исторической истины. Чрезвычайно полезно и поучительно следовать за исследовательской мыслью Моммзена, изложенной с неизменной логикой и ясностью.

THEODOR MOMMSEN AS A HISTORIAN

I. L. Mayak

The article gives a survey of Th. Mommsen's main works and demonstrates the inseparablilty of his historical and legal studies based upon a profound knowledge of various types and kinds of sources and their critical (but never hypercritical) analysis. The author presents some new data on Mommsen's activities. They include Alexander Demandt's notes of Mommsen's readings, reflecting the contents of the missing 4th volume of his *Römische Geschichte*, as well as the recently published materials about Mommsen's visit to Sardinia, among them his correspondence with his colleagues and pupils connected with the preparation of the CIL. The author shows that in spite of the new sources, which have radically changed our idea of the earliest period of Roman history, *Römische Geschichte*, due to its logical structure, appealing and imaginative style, his articles on Roman history, his publications and studies of Roman inscriptions, as well as his research in the field of Roman law (especially his *Römisches Staatsrecht*), remain indispensable for the study of the history of Rome.

[54] *Машкин*. Предисловие. С. 5–14.

© 2005 г.

В. В. Дементьева

ТЕОДОР МОММЗЕН: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РИМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ[1]

В каждой науке есть великие имена, известные не только тем, кто ею непосредственно занимается, а любому, в той или иной степени образованному, человеку. Список таких блестящих, всемирно знаменитых имен исследователей античности открывает, безусловно, Теодор Моммзен (30.11.1817–01.11.1903). Даты бесстрастно говорят о том, что минуло уже столетие со дня его смерти. Однако антиковедение прошло этот вековой путь «после Моммзена» отнюдь не без него, поскольку постоянно опиралось на результаты его титанического труда, неизменно обращаясь к огромному наследию, оставленному им как ученым и организатором науки.

В своей неутомимой деятельности по созданию условий для развития научных изысканий Моммзен решил немало важнейших и масштабных задач. Он возглавил издание Corpus Inscriptionum Latinarum, до сих пор насущно необходимого специалистам. Попытки собрать воедино и опубликовать все найденные латинские надписи до Моммзена заканчивались безуспешно. Только энергия, жизнестойкость, потребность натуры доводить дело до конца, свойственные Моммзену, позволили под его руководством начать в 1863 г. осуществление этого проекта[2]. Моммзен был инициатором издания (с 1866 г.) журнала «Hermes», на страницах которого было опубликовано немало статей, и поныне не потерявших научной актуальности. С 1858 г. он стал действительным членом Королевской Прусской Академии наук в Берлине и одновременно членом ее многочисленных комиссий[3]. В 1858–1884 гг. Моммзен входил в состав Центральной дирекции Немецкого археологического института, которую он называл «смесью бюрократии и археологии»[4], отвоевывая у бюрократии жизненное пространство для науки. Плодотворна была его деятельность по налаживанию работы Римско-Германской комиссии, ее музеев и библиотек. Перечень этот можно легко продолжить (издание Thesaurus Linguae Latinae, Кодекса Феодосия, Дигест и т.д.). Трудно только понять, как все это мог успеть сделать один человек.

Значительную часть своей жизни Моммзен был университетским профессором – в Лейпциге, Цюрихе, Бреслау и Берлине (в трех первых из перечисленных городов в качестве профессора права, в Берлине – римской истории). В новой биографии Моммзена[5] Штефан Ребених отмечает, что преподавание было для ученого, сконцентриро-

---

[1] Статья подготовлена в рамках проектов: «Античная государственность: политическая теория и правовые механизмы реализации власти» (УР-10.01.015), выполняемого при финансовой поддержке программы «Университеты России»; «Римское государство в переломные эпохи: формирование политико-правовых основ Республики и Империи» (грант Минобразования по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук Г02-1.2-535).

[2] К моменту смерти ученого было подготовлено 15 томов, пять из которых – им лично. См. *Demandt A.* Geschichte der Geschichte. Wissenschaftshistorische Essays. Köln–Weimar–Wien, 1997. S. 139.

[3] С 1874 по 1895 г. Моммзен был также и секретарем Академии.

[4] См. *Demandt.* Op. cit. S. 141.

[5] Рецензируя новый биографический труд о Моммзене, Вильфрид Ниппель весьма высоко оценил книгу Шт. Ребениха, отметив, что она «является удачным примером того, как можно написать биографию ученого в качестве увлекательного и с удовольствием читаемого сочинения, вносящего вклад в историю культуры немецкого бюргерства» (*Nippel W.* «Ich wünschte, ein Bürger zu sein» // Literaturen. 2003. 03 (März). S. 71–72. В заголовок вынесены слова Т. Моммзена). Противопоставляя исследование Ребениха четырехтомной биографии Моммзена, написанной Лотаром Виккертом и выходившей в свет с 1959 по1980 г., автор рецензии, характеризуя это издание, само слово «биография» берет в кавычки и отмечает, что результат работы Виккерта разочаровал: сортируя письма и бумаги Моммзена, он только пересказывал in extenso публикуе-

ванного на исследовательских и организационных проблемах науки, бременем и обузой[6]. Судя по тому, что написано о Моммзене как преподавателе, он не снискал славы блестящего лектора, нередко студенты его просто не понимали. Да и его пессимистичное определение преподавательской деятельности – «Affentheater» («балаган», буквально – «обезьяний театр») – выдает далеко не вдохновенное отношение к ней. Однако абсолютно ясно, что интеллектуальных и физических сил этот труд требовал немалых.

На первый взгляд кажется, что Моммзену не слишком повезло с учениками, – всегда хочется найти в числе таковых фигуры, равные учителю. Но в данном случае масштаб ученого столь громаден, что не то что превзойти (не каждого учителя можно превзойти), а хотя бы в какой-то степени приблизиться к нему – неизмеримо трудно. Достойные специалисты в числе учеников Моммзена, конечно, были: можно назвать, например, известные имена Отто Гиршфельда, Германа Дессау, Альфреда фон Домашевского. Их исследовательская и публикаторская деятельность – это тоже «наследие Моммзена» в мировом антиковедении.

Названные сферы приложения сил Моммзена не помешали ему остаться выдающимся ученым, гениальным мастером своего дела. Оттачивать мастерство, несомненно, помогала феноменальная работоспособность: биографы указывают, что до приглашения в Берлин[7] в списке публикаций его «научной продукции» было 262 названия, а с 1858 по 1905 г. – свыше 1200 наименований[8]. Безусловно, Моммзен – ярчайший пример «трудоголика» в науке, смыслом жизни которого было творчество исследователя: он впадал в глубокую депрессию, когда заканчивал один большой труд и еще не начинал новую книгу[9].

По базовому университетскому образованию (Киль, 1838–1843 гг.) Моммзен был юристом; по юридическим наукам он защитил диссертацию, плодотворно трудясь «в пограничной области между правоведением и историей»[10], но, как отмечал Вольфганг Кункель, был при этом филологом и языковедом не менее, чем историком. Он «создал такую дисциплину, как латинская эпиграфика, и был первым, кто полностью охватил проблемы римской экономической и социальной истории»[11].

Вклад Моммзена в изучение античного Рима многогранен. Всемирную известность он приобрел как лауреат Нобелевской премии 1902 г. по литературе, заслужив такое признание своей «Римской историей» (1854–1856 гг.). Он писал ее ради заработка (потеряв профессуру в Лейпциге[12], став, по определению Арнальдо Момильяно, «жертвой реакции в немецких университетах после 1848 г.»[13]), и рассматривал свой труд именно как литературный. В письме Вильгельму Генцену от 31 июля 1851 г. Моммзен

мые источники. В своей рецензии Ниппель касается предыстории появления публикации Виккерта. Сам Моммзен в завещании, составленном в 1899 г., просил свою семью препятствовать, по возможности, появлению жизнеописаний и, в особенности, не предоставлять для этой цели никаких бумаг. Однако он не возражал против того, чтобы его бумаги стали доступными для изучения через 30 лет после его смерти. В 1933 г. Берлинская Академия приняла решение о подготовке биографии своего бывшего члена, а в 1934 г. дала поручение Лотару Виккерту разобрать рукописи Моммзена и создать подробный труд о его жизни и научном творчестве.

[6] *Rebenich S.* Theodor Mommsen. Eine Biographie. München, 2002. S. 132.

[7] Александр Демандт замечает, что на приглашении Моммзена в Берлинскую Академию, датированном 27 октября 1857 г., стоит подпись Фридриха Вильгельма IV – это одно из самых последних государственных дел, совершенных больным королем. См. *Demandt.* Op. cit. S. 138.

[8] *Rebenich.* Op. cit. S. 132.

[9] Ibid. S. 208.

[10] *Kunkel W.* Theodor Mommsen als Jurist // Chiron. 1984. 14. S. 370.

[11] Ibid. S. 369.

[12] *Demandt.* Op. cit. S. 138; *Nippel.* «Ich wünschte...». S. 71. В апреле 1851 г. Моммзен был уволен из университета в Лейпциге и только через год, в конце апреля 1852 г., начал преподавать в университете Цюриха. В Цюрихе он интенсифицировал работу над «Римской историей» – средства нужны были для содержания семьи: в сентябре 1854 г. Моммзен женился, а в 1855 г. у него родился первый ребенок (из шестнадцати), любимая дочь Мария, ставшая впоследствии женой известного филолога-классика Ульриха фон Виламовица-Меллендорфа (см. *Rebenich.* Op. cit. S. 71, 75, 86, 194–196, 205).

[13] *Momigliano A.* Wege in die Alte Geschichte. Frankfurt am Main, 1995. S. 181.

посетовал (это «работа вхолостую, за которую меня вряд ли кто-нибудь поблагодарит»)[14], приведя по памяти цитату из Горация о том, что юрист, даже не очень знающий и не очень красноречивый, уважаем, а поэту не прощают посредственности[15]. Критика, действительно, была беспощадной, а иногда просто уничижительной и явно несправедливой: «Позор столетия», – назвал «Римскую историю» Якоб Бахофен[16]. Однако «Римская история» оказалась далеко не посредственным сочинением. Одно перечисление имен тех, кто номинировался на Нобелевскую премию вместе с Моммзеном (и на чьем фоне ему оказали предпочтение), вызывает душевный трепет: Лев Толстой, Эмиль Золя, Анатоль Франс, Марк Твен, Генрик Ибсен, Август Стриндберг[17]. «Уникальным литературным произведением»[18] назвал Алексей Борисович Егоров «Римскую историю» в аналитическом обзоре ее содержания[19]. Но римская история стала для Моммзена не только объектом литературного творчества; как подчеркивает Демандт, в числе важнейших «смен позиций Т. Моммзена» было развитие от историка-литератора к историку-специалисту[20]. «Из великих представителей немецкой науки об античности XIX в. Теодор Моммзен достиг высшей славы», – написал Карл Христ[21].

Центральное место в обширном научном наследии Т. Моммзена занимает – как объект изучения – римское публичное право, представленное им в виде целостной системы в труде «Römisches Staatsrecht» (1871–1888 гг.)[22], обычным и точным (отнюдь не только из-за объема – свыше 3 тыс. страниц) эпитетом которого стало на всех языках слово «монументальный». Ханс Клофт отмечает, что «Моммзен сам рассматривал "Государственное право" как свое самое значительное достижение и, без сомнения, этим грандиозным трудом авторитетно определялись дальнейшие исследования вплоть до наших дней»[23]. Кроме этого фундаментального труда Моммзен написал (уже в возрасте 76 лет) сжатый «Очерк римского государственного права»[24], в котором «в компактной форме и строгой систематике еще раз резюмировал то, что изложил во всей широте и с исчерпывающими доказательствами по источникам»[25] в своем капитальном исследовании. Затем он дополнил картину римского публичного права изучением права уголовного, опубликовав посвященный последнему труд в 1899 г.[26]

---

[14] См. *Wickert L.* Theodor Mommsen. Eine Biographie. Bd III. Frankfurt am Main, 1969. S. 620.

[15] В письме Моммзена: «nec di nec homines nec rerum summa columnae...». У Горация (De arte poetica. 368–373):

«...certis medium et tolerabile rebus
Recte concedi: consultus iuris et actor
Causarum mediocris abest virtute diserti
Messallae nec scit quantum Cascellius Aulus,
Sed tamen in pretio est: mediocribus esse poetis
Non homines, non di, non concessere columnae».
«...Есть предметы, в которых
Даже посредственность всеми терпима и может быть сносной.
Так юрисконсульт иной, хотя красноречия силой
Не сравнится с Мессалой, ни знаньем с Касцеллием Авлом,
Но уважают его. А поэту ни люди, ни боги,
Ни столбы не прощают посредственность: всем нестерпима!»
(Пер. М. Дмитриева).

[16] См. *Demandt.* Op. cit. S. 276.

[17] Ibid.

[18] *Егоров А.Б.* Теодор Моммзен и «Римская история» // *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. СПб., 1994. С. 13.

[19] Там же. С. 5–17.

[20] *Demandt.* Op. cit. S. 277.

[21] *Christ K.* Von Gibbon zu Rostovtzeff. Leben und Werk führender Althistoriker der Neuzeit. 2. Aufl. Darmstadt, 1979. S. 84.

[22] *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. 3. Aufl. Bd I–III / 1. Lpz, 1887; Bd III / 2. Lpz, 1888.

[23] *Kloft H.* Verantwortung und Rechenschaftspflicht. Überlegung zu Mommsens Staatsrecht // Imperium Romanum. Studien zu Geschichte und Rezeption. Festschrift für Karl Christ zum 75. Geburtstag. Stuttgart, 1998. S. 420.

[24] *Mommsen Th.* Abriss des römischen Staatsrecht. Lpz, 1893.

[25] *Kunkel.* Theodor Mommsen... S. 372.

[26] *Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. Lpz, 1899.

Всякий, кто стремится мысленно охватить изучение римской государственности в историографии последнего столетия, задается вопросом: в чем состоит главное непреходящее значение моммзеновской «системы» римского государственного права для науки об античности? В поисках ответа на него следует обратиться к оценкам современников Моммзена, исследователей последующих поколений, романистов сегодняшнего дня, тем более, что на рубеже веков интерес к творческому наследию великого ученого неизбежно усилился (как, это, очевидно, произойдет и на следующем рубеже веков). Весьма интересный в данном отношении историографический пласт – работы, посвященные сопоставлению с концепцией Моммзена результатов других исследователей, также стремившихся написать обобщающие труды по римской государственности. Наконец, используя и собственный скромный опыт исторической реконструкции римских политических институтов, попытаюсь дать свой ответ на поставленный вопрос.

Моммзен создавал «систему» в противовес «римским государственным древностям», как антитезу господствовавшему тогда историко-антикварному пониманию государства. Благодаря его труду «государственные древности» стали рассматриваться в рамках истории права[27]. Из его современников, пожалуй, наибольший вклад в изучение римского государства с антикварных позиций внес Людвиг Ланге. Он откликнулся на первый том «Римского государственного права» Моммзена заметкой, в которой решительно защищал историко-антикварное отношение к источникам[28]. Следует, однако, подчеркнуть, что, отвергая антикварный метод работы, Моммзен, безусловно, воспринял накопленные сторонниками этого метода научные результаты и наблюдения над источниками. Используя метафору самого Моммзена, Карл-Йоахим Хёлькескамп отметил, что тот строил «целостное здание» своей системы государственного права из «отдельных бревен и кирпичей антикварных государственных древностей»[29].

Моммзен стремился разработать всеохватывающую, именно целостную концепцию римского публичного права. Исторической опорой ему служили источники, главным образом, классической и поздней Республики. Реконструировав основные государственно-правовые механизмы на источниковом материале, описывающем III–I вв. до н.э., он нередко экстраполировал их и на раннюю Республику, не выделяя ее специфики. В констатации этого факта нет упрека гениальному мастеру – объять необъятное одному человеку невозможно даже при той феноменальной интенсивности исследовательского труда, которую он демонстрировал на протяжении жизни и при том творческом долголетии, которое ему было суждено (просто не может не поражать его заинтересованное внимание в последние месяцы жизни к новым находкам фрагментов консульских фаст[30]).

Моммзен создавал свою «систему», поочередно характеризуя политические структуры и рассматривая явления государственной жизни сквозь призму юридических понятий, т.е. применяя институциональный подход и логически-правовой дедуктивный метод анализа (например, он рассматривал такой институт, как комиции, через преломление понятия «гражданство»). «Система» понималась им как действовавшая в римском государстве «в своих основных чертах от начала римской истории вплоть до перехода во времена Империи»[31].

Моммзен построил «систему» римского публичного права «на трех китах»: комиции – сенат – магистратуры, вычленив, тем самым, законодательную, распорядительную (контролирующую) и исполнительную власть. В его теории они составляли глав-

---

[27] *Heuß A.* Theodor Mommsen und das 19. Jahrhundert. Kiel, 1956. S. 54.

[28] См. *Kloft.* Op. cit. S. 415.

[29] *Hölkeskamp K.-J.* Zwischen «System» und «Geschichte». Theodor Mommsens Staatsrecht und die römische «Verfassung» in Frankreich und Deutschland // Die späte Römische Republik. La fin de la République Romaine. Un débat franco-allemand d'histoire et d'historiographie. P., 1997. S. 103.

[30] См. *Дементьева В.В.* Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000. С. 17–18.

[31] *Nippel W.* Рец.: *Frank Behne.* Heinrich Siber und das «Römische Staatsrecht» von Theodor Mommsen. Ein Beitrag zur Rezeptionsgeschichte Mommsens im 20. Jahrhundert. Hildesheim–Zürich–New York, 1999. 278 s. (Beitrag zur Altertumswissenschaft. 12) // Gnomon. 2002. Bd 74. Ht 5. S. 467.

ные опоры римской конституции. Собственно ядром, корнем, центральным элементом совокупного государственного устройства он считал магистратуры[32]. «Особенно смелая мысль, – подчеркивал В. Кункель, – состояла в том, чтобы в понятие магистратуры включить также царскую власть времен раннего Рима и принципат додиоклетиановой империи»[33].

Царская власть архаического Рима трактовалась Моммзеном как своеобразный прототип магистратуры; создание Республики означало ограничение «магистратской власти», какой обладал rex, посредством введения в действие принципов годичности и коллегиальности, а также специальных должностей для выполнения отдельных функций.

Моммзен исходил, как отмечает В. Ниппель, из постоянства правовой сущности государственных институтов и из единства понятийного аппарата, так что даже те сообщения традиции, которые он считал фиктивными, должны были служить доказательством его «системы»[34]. Используя «институциональный принцип» изучения государственного устройства, – рассмотрев, в частности, избирательные и судебные полномочия центуриатных комиций, – Моммзен создал так называемую «универсальную теорию провокации», признавая provocatio основным гражданским правом с самого начала Республики, законным средством для гражданина опротестовать приговор магистрата, как суда первой инстанции, в суде второй инстанции – народном собрании. Суд комиций выступал в качестве «инстанции помилования». Таким образом, Моммзен рассматривал республиканский уголовный процесс как комбинированный, магистратско-комициальный. После долгого отрицания этой концепции современное антиковедение опять возвращается к ней[35].

В политической организации Римской республики с самого начала ее существования Моммзен важнейшую, первостепенную роль отвел магистратской власти, основывавшейся на imperium. Это положение моммзеновской теории господствовало в науке целое столетие, и только в начале 1980-х годов соотечественник Моммзена Альфред Хойс и итальянский исследователь Адальберто Джованнини убедительно аргументировали иную точку зрения, показав, что в государственной жизни политическое влияние patres было выше магистратского[36]. Специальное изучение института interregnum привело и меня к выводу, что полномочия магистрата рассматривались как вторичные по отношению к политической власти patres, но оно же одновременно и убедило меня в том, что многие черты магистратского империя, вскрытые Моммзеном (в частности, например, генетические связи с империем рексов), действительно являются его сущностными характеристиками.

Не заостряя внимание на особенностях политического устройства первого века Республики, Моммзен полагал, что одновременно с ее установлением в 509 г. до н.э. высшими ординарными магистратами стали два консула (первоначально называвшиеся преторами) с одинаковыми полномочиями. В этом представлении о равной коллегиальности должностных лиц опять-таки можно усматривать «перенос» Т. Моммзеном политико-правового механизма классической Республики на ранний ее период. Я полагаю, что коллегиальность высших магистратов в значении par potestas, т.е. прежде всего в смысле ius intercessionis (а не в качестве синонима понятию «неодноместность»), впервые появляется в децемвирате, в ординарной же магистратуре – только с 449 г. до н.э.[37] Однако нельзя не отдать должное глубине наблюдений Моммзена и над термином praetor maximus (который затем, в первой половине XX в., станет главным

---

[32] См., например: *Hölkeskamp*. Op. cit. S. 101–102.

[33] *Kunkel*. Theodor Mommsen... S. 373.

[34] *Nippel W*. Schicksal schöner Frauen. Fakten und Fiktionen: Marie Theres Fögen untersuchte den Ursprung des einzigartigen Römischen Rechts // Süddeutsche Zeitung. 2002. № 63. Freitag, 15. März. S. 20.

[35] См. об этом: *Дементьева В.В*. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н.э. М., 2003. С. 116–118.

[36] См. об этом: *она же*. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 62–63.

[37] См. *Дементьева*. Децемвират.... С. 131–138.

объектом дискуссий в историографии вопроса о первой ординарной магистратуре), и над сутью римской коллегиальности. Именно Моммзен дал трактовку титула praetor maximus как обозначения приоритетности функций магистрата, а не как названия самостоятельной должности. Теория ординарной диктатуры, базировавшаяся на представлении о praetor maximus как особой должности, одно время была популярна в антиковедении[38], но к концу XX в. у нее находилось все меньше сторонников. Тем самым произошел возврат к моммзеновскому пониманию praetor maximus, при том, что представление о первой постоянной магистратуре Республики претерпело, по сравнению с его гипотезой, существенные изменения.

Целенаправленно занимаясь построением историко-правовой модели чрезвычайной власти ранней Римской республики, я отчетливо вижу, что по совокупности исследовательских замечаний и соображений относительно экстраординарных римских структур, по их объему, разнообразию и глубине вряд ли кто другой из авторов обобщающих трудов по римской государственности может сравниться с Моммзеном. Даже не принимая предложенную им классификацию раннереспубликанских чрезвычайных институтов[39], хотелось бы подчеркнуть, что специальный анализ магистратур диктатора, интеррекса, децемвиров, консульских военных трибунов дает основания считать правомерной их характеристику как экстраординарных органов власти – а именно так определял их Моммзен, в отличие от немалого числа своих современников и представителей последующих поколений романистов. При этом он определял их как экстраординарные скорее благодаря научной интуиции, чем в результате детального всестороннего рассмотрения, но интуиция эта была следствием теоретического осмысления публично-правовых и политических основ римского республиканского устройства и базировалась на исторической, филологической и иной эрудиции автора.

Рассматривая принципат в рамках развития конституционно-правовой традиции республики, исходя из теории континуитета, Моммзен предложил свою известную концепцию диархии для объяснения сути режима, созданного Октавианом Августом. Историческая мысль в разработке этой проблемы двинулась дальше, но представляется, что, не будь теории диархии, не было бы и распространенной сейчас теории принципата как сложной синтетической системы, как своеобразного сплава республиканских и монархических черт.

Изложенные теоретические построения – это «несущие элементы» грандиозной конструкции под названием «римское публичное право»: можно спорить о том, в каких своих составляющих она является реконструкцией (т.е. адекватно воссоздает его сложную архитектуру), а в каких – «новоделом»; на какой фундамент это здание опиралось; в какое время оно имело именно такой вид, а в какие периоды было недостроено или перестроено до неузнаваемости. Но это «здание» – результат напряженнейшей аналитической работы мысли «высокого полета», позволившей с этой высоты охватить его общую планировку, ускользающую при собирании из обломков отдельной колонны, антаблемента или даже целой стены.

При изучении общетеоретических построений Моммзена в историографических наблюдениях поднимался вопрос о влиянии предшественников на его обобщающую концепцию. Так, Эгон Флаиг включал «систему» Моммзена в политико-философскую традицию, идущую от французских мыслителей (Жан-Жака Руссо, Бенжамена Констана). Адальберто Джованнини стремился доказать, что теория Моммзена о самостоятельности магистратуры, с одной стороны, и народном суверенитете, с другой, была им заимствована у предшественников в науке, в первую очередь, у Йозефа Рубино, во вторую – у Вильгельма-Адольфа Беккера[40]. Перекликается с последним утверждением замечание Шт. Ребениха, что от Й. Рубино перенял Моммзен «примат магистра-

[38] *Она же.* Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль, 1996. С. 26–28.
[39] См. *она же.* Децемвират... С. 161–162, 170.
[40] См. *Kloft.* Op. cit. S. 425.

туры», и, как Б.Г. Нибур, усмотрел он в Риме политический образец государства в его внутреннем единстве[41]. Хотелось бы по поводу приведенных положений заметить, что теоретический багаж любого, в том числе и самого крупного, ученого формируется не на пустом месте, не только из «его собственной головы», и чем мощнее ум, тем более он в состоянии «переварить» научное наследие предшественников, но тем и сложнее вычленить «элементы заимствования», ибо они настолько «переплавляются» его интеллектом, что исходные посылки становятся неузнаваемыми. Не сомневаясь в том, что и Рубино, и Беккер, и Нибур своими научными сочинениями оставили след в «идейном багаже» Моммзена и допуская лепту в нем французских философов и историков, я полагаю, что в главном результате – в создании «системы» римского публичного права – Моммзен выступил, безусловно, как оригинальный мыслитель.

«Метаисторически-статичный», по определению Хёлькескампа[42], вид «целостного здания римского государственного права», его «вневременной» характер обусловили в дальнейшем попытки рассмотреть римскую конституцию в историческом развитии. Противоречие между «системным» и «историческим» измерением государственного права[43] вызывало стремление не только критиковать «систему», но и «демонтировать» ее.

Уже у Эрнста Херцога нетрудно заметить желание придать «системе» государственного права историчность, название его книги «Geschichte und System der römischen Staatsverfassung»[44] явно отражает такую цель. Она не осталась чисто декларативной: Херцог действительно рассматривал публичную власть в контексте законодательных изменений, уделяя пристальное внимание проблеме происхождения того или иного органа этой власти. Но он ни в коем случае не противопоставлял «историчное» и «системное» измерение римского государственного права, а пытался дополнить одно другим.

Попытки «демонтажа системы», переноса отдельных ее конструкций на «исторические рельсы», рассмотрения всей «римской конституции» и ее составных частей в развитии предприняты были не сразу: первая генерация исследователей, идущих вслед за Моммзеном, поколение его учеников, не рискнули это сделать, возможно, как считает Йохен Бляйкен, под давлением его научного авторитета[45]. «Работы, которые бы после Моммзена рассматривали суть римского, прежде всего республиканского государства, в охвате всех феноменов образующих государство форм, были вообще редкими, поскольку неизбежно должны были ассоциироваться с принципиальной полемикой с огромным трудом Моммзена, которой авторы долгое время стремились избегать»[46].

Первым, кто предпринял попытку «основательной ревизии учения Моммзена» с целью придания историчности римской конституции, был Генрих Зибер (причем, заметим, как это ни странно, не историк, а тоже юрист)[47]. Он подразделил развитие римского государственно-правового устройства на периоды: царский, ранняя Республика, патрицианско-плебейское государство и принципат. Кроме того, он стремился рассмотреть государственное право на социально-историческом фоне. Но в целом, как отмечал Бляйкен, Зибер ориентировался в своих построениях на «Römisches Staatsrecht», и его книга представляла собой, вследствие введения периодизации, «кусками нарезанного Моммзена»[48]. Заслугой Зибера Бляйкен считает то, что он указал на слабости интерпретации Моммзеном многих римских государственных явлений и подверг их серьезной критике. В частности, например, Зибер отрицал юридическую силу пле-

---

[41] *Rebenich*. Op. cit. S. 107.
[42] *Hölkeskamp*. Op. cit. S. 108.
[43] Ibid. S. 109.
[44] *Herzog E*. Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd I. Lpz, 1884 (переизд. 1965).
[45] См. об этом *Bleicken J*. Im Schatten Mommsens. Gedanken zu Wolfgang Kunkels Buch über die Magistratur in der römischen Republik // Rechtshistorisches Journal. Bd 15. Frankfurt am Main, 1996. S. 6–7.
[46] *Bleicken*. Im Schatten Mommsens... S. 7.
[47] *Siber H*. Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Lahr, 1952.
[48] *Bleicken*. Im Schatten Mommsens... S. 7–9.

бисцитов до закона Гортензия 287 г. до н.э., что является исторически аргументированным и чего Моммзен не сделал. Но в целом, по мнению Бляйкена, Зиберу, в отличие от Моммзена, недоставало надежности концепции и самостоятельности суждений[49].

Сопоставлению научных позиций Моммзена и Зибера посвятил свою диссертацию Франк Бене[50]. Он также подчеркнул, что, «расчленяя» материал хронологически, Зибер фиксировал его «государственно-правовыми пластами». Бене выбрал три проблемы для сравнения трактовок двух исследователей: плебейский трибунат, нобилитет республиканского времени и ранний принципат. Так, он утверждал, что если у Моммзена нобилитет – лишь расширение патрициата, от которого он никак не отличался, то Зибер изображал формирование нобилитета как процесс, протекавший диалектически, от противоборства сословий до их уравнения. Но при этом Зибер выяснял правовые отношения между сословиями, и нобилитет у него едва ли находил свое место, коль скоро он оказывался феноменом, который не может быть описан посредством юридических понятий[51]. Моммзен, отмечал Бене, низводил сословную борьбу до отдельных проявлений и ни в коем случае не осмысливал исторический процесс. Рассматривая сословия патрициев и плебеев параллельно, он также параллельно рассматривал консулат (как магистратуру патрициев) и плебейский трибунат (как высшую должность плебеев), причисляя его к магистратурам. Зибер же не только не относил плебейский трибунат к магистратурам, но и описал его собственное историческое развитие[52]. Но так же как и Моммзен, Зибер низводил сословную борьбу до принимавшихся в течение столетий законов, а плебейский трибунат был у него лишь юридической конструкцией. У Моммзена, – полагает Бене, сопоставляя трактовку двумя учеными формирования принципата, – отсутствует изображение социального напряжения и борьбы за власть внутри нобилитета, из которого вышел будущий принцепс Октавиан; так же и у Зибера император предстает только правовой структурой, вне социальных рамок. В итоге своего исследования Бене пришел к выводу, что Зибер находился под сильным влиянием «Римского государственного права» Моммзена, но его труд явился «определенным шагом в правильном направлении»[53], имея в виду то «историческое измерение», которое придал Зибер правовым институтам.

Другие попытки обобщающего анализа римской государственности были, в целом, немногочисленны, и влияние Моммзена в них, безусловно, проявилось. Так, останавливаясь на монографии Ойгена Тойблера[54], Бляйкен отмечал, что «так же, как и у Зибера, из каждого угла тойблеровской книги выглядывает Моммзен»[55].

Относя к числу исследователей, внесших существенный вклад в романистику, Андреаса Альфёльди, Карл Христ подчеркивал, что в его работах доминировали государственно-правовые и конституционно-правовые методы Теодора Моммзена[56].

Давая развернутую характеристику сочинению Вольфганга Кункеля[57] – последнему на настоящий момент в немецкой историографии капитальному труду по римскому государственному устройству – Бляйкен подчеркнул, что Кункель, как и Моммзен, излагал римский государственный порядок через отдельные институты и правовые нормы; и относящееся к Моммзену критическое замечание о том, что политические, соци-

---

[49] Ibid. S. 9–10.

[50] *Behne F.* Heinrich Siber und *das Römische Staatsrecht* von Theodor Mommsen. Ein Beitrag zur Rezeptionsgeschichte Mommsens im 20. Jahrhundert. Hildesheim–Zürich–New York, 1999; *idem.* Volkssouveränität und verfassungsrechtliche Systematik. Beobachtungen zur Struktur des Römischen Staatsrechtes von Theodor Mommsen // Res publica reperta. Stuttgart, 2002. S. 124–136.

[51] *Behne.* Heinrich Siber... S. 121, 124–125.

[52] Ibid. S. 155–160, 263.

[53] Ibid. S. 264.

[54] *Täubler E.* Der römische Staat. Stuttgart, 1985.

[55] *Bleicken.* Im Schatten Mommsens... S. 10–11.

[56] *Christ K.* Neue Profile der Alten Geschichte. Darmstadt, 1990. S. 60.

[57] *Kunkel W.* Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik. 2. Abschnitt: Die Magistratur. München, 1995.

альные и экономические предпосылки римского государственного устройства он должным образом не рассматривал, относится и к Кункелю[58]. Отмечая ряд важнейших отличий в подходах и установках Кункеля и Моммзена, Бляйкен указывает, что у Кункеля речь идет не о Республике в целом, а только о хронологическом отрезке начиная с середины III в. до н.э. и заканчивая сулланской реставрацией, лишь иногда автор обращается к V в. до н.э., но чаще и глубже – к концу Республики[59]. Хотя труд Кункеля называется «Государственный порядок и государственная практика Римской республики», Бляйкен заметил, что «практика» едва ли могла стать целью «институциональной истории», поэтому он бы изъял «государственную практику» из названия книги[60]. «Я вижу в книге Кункеля возврат к Моммзену, естественно, не к его категориальной системе, но к его пониманию истории конституции, как истории институтов»[61]. Поэтому Бляйкен, очевидно, и назвал свою рецензию на труд Кункеля «В тени Моммзена» – это выражение стало штампом в немецкой историографии последних лет.

Неудивительно, что в XX в. критиковали «систему» Моммзена преимущественно именно те, кто «находился в его тени», т.е. те, кто пытался предложить свое видение основополагающих устоев римской государственности. «Ряд критиков, между тем, длинен и показателен, – отмечает Ш т. Ребених, – охватывает юристов и историков. Тон задали Леопольд Венгер, Альфред Хойс, Вольфганг Кункель и Йохен Бляйкен»[62]. Одно из самых распространенных обвинений состоит в модернизации Моммзеном римских государственно-правовых устоев.

Разумеется, как юрист и политик своего времени Моммзен не был свободен от влияния современных ему общественных проблем. Он не стоял от них в стороне, а в отдельные периоды окунался в самую их гущу: например, во время революции 1848 г. был редактором «Schleswig-Holsteinische Zeitung», но, как замечает Момильяно, революционером Моммзен не был[63]. Он восхищался достижениями Бисмарка по объединению Германии, хотя позднее подвергал рейхсканцлера острой критике по вопросам внутренней политики[64]. Подчеркнем все же, что с течением времени академические, научные интересы (как об этом можно судить по подробному воссозданию фактов моммзеновской биографии) стали преобладать над желанием участвовать в политических дискуссиях, но до конца это желание не вытеснили. Проблемы современной ему политики, конечно, не могли не накладывать отпечаток на размышления Моммзена о политико-правовых реалиях античного Рима.

В частности, Клофт предлагает интересный анализ понятия «ответственность магистратов», содержащегося в заключительной части первого тома «Римского государственного права» Моммзена, обращая внимание на то, что категория «ответственность» была предметом дискуссий в конституционных дебатах и в проектах государственных преобразований XIX в.[65] Он также отмечает, что интерпретация Моммзеном эпохи первых царей сложилась под влиянием либерального учения о государстве XIX в., особенно взглядов В.Е. Альбрехта[66]. Ребених назвал Моммзеново «Римское государственное право» «памятником либерализма XIX в.», ибо автор находил в римской res publica историческую парадигму для либеральных требований к государству: «Для либерала Моммзена государство мыслилось только как правовое государство. Уже в 1845 г. он сформулировал, что "право есть сердцевина государства", "нерв всех отношений в его жизни"». Именно в Римской республике увидел Моммзен «модель государства, которое основано на разделении властей и суверенитете народа»[67].

---

[58] *Bleicken*. Im Schatten Mommsens... S. 5, 12.
[59] Ibid. S. 20.
[60] Ibid. S. 25.
[61] *Bleicken*. Im Schatten Mommsens.... S. 26.
[62] *Rebenich*. Op. cit. S. 116.
[63] *Momigliano*. Op. cit. S. 181.
[64] *Nippel*. «Ich wünschte...» S. 72.
[65] *Kloft*. Op. cit. S. 411, 420.
[66] Ibid. S. 429.
[67] *Rebenich*. Op. cit. S. 118–119.

Отмеченное воздействие политических теорий и настроений своего времени вполне естественно, от него не свободен ни один исследователь прошлого. «Созерцание истории всегда исходит из настоящего», – говорил Эдуард Мейер[68]. Собственно, главная функция историка – установление диалога между людьми его времени и людьми, жившими в изучаемую им эпоху. Этот диалог может быть осуществлен, только если историк характеризует условия жизни, действия, мысли и чувства людей отдаленного прошлого на языке, понятном своим современникам. В этом смысле историк – всегда «модернизатор», ибо он всегда переводчик на язык иной ментальности. Но только тогда будет установлен подлинный диалог, когда историк отразит прошлое, исходя из представлений людей изучаемого времени, через систему их понятий (переводя эти понятия на современный ему социокультурный, политический и иной язык). Моммзен всегда стремился отталкиваться от понятийного аппарата античных авторов.

Проявление модернизации иного свойства – оценка Моммзеном отдельных политических деятелей Римского государства под влиянием политических идеалов своего времени. Хорошо известно, например, что «либерал Моммзен прощает Цезарю основание абсолютной военной диктатуры, а националист Моммзен извиняет ему порабощение Галлии»[69].

Не забудем, однако, что имеющие оттенок модернизации характеристики, данные Моммзеном римлянам, событиям римской истории и элементам римской политической организации, нередко имели целью, по справедливому замечанию Егорова, «просто выразить менее известное через более знакомое и понятное»[70].

Соглашаясь с тем, что Моммзен не избежал модернизации, не могу, вместе с тем, признать справедливыми утверждения о том, что представления Моммзена о римской конституции проистекали из конституционализма XIX в. и мало были связаны с анализом источников[71]. Нельзя не считать позитивным явлением смягчение подобных оценок в публикациях последних лет. Так, Хёлькескамп, не отрицая, что современные Моммзену концепции государства и позитивистские теории повлияли на него, подчеркивает, вместе с тем, что правовые формы, правила, общие нормы, которые формулировались Моммзеном путем реконструкции политических институтов, имели опору в материале источников[72]. Тот же лейтмотив присутствует и в цитированной статье Клофта (см. прим. 23). Действительно, если мы возьмем, допустим, понимание Моммзеном комиций, плебейского трибуната и права провокации в качестве правовых гарантий гражданского статуса римлян, то обращение исследователей к источникам показывает, что именно так, в качестве «институционализированных гарантий» и «символов, выражающих свободу народа», понимал трибунат, народные собрания и право провокации Цицерон, о чем пишет Ниппель[73]. Не следует недооценивать работу Моммзена с источниками (вспомним, что он зарекомендовал себя как блестящий эпиграфист, получив еще в 1844–1847 гг. хорошую практику в Италии), хотя естественно, что его обращение с ними имело свои особенности, обусловленные профессиональной подготовкой. По замечанию Кункеля, «юрист подходит к источникам с иной постановкой вопросов и при помощи своей специальной выучки... может извлечь из них в определенном отношении несколько больше, чем историк»[74].

На протяжении долгого времени в историографии акцентировалось, что «система» Моммзена, будучи юридической схемой, оказалась лишенной важных историче-

---

[68] Цит по: *Demandt*. Op. cit. S. 174.

[69] *Demandt*. Op. cit. S. 232.

[70] *Егоров*. Ук. соч. С. 13.

[71] *Kunkel W*. Magistratische Gewalt und Senatsherrschaft // ANRW. I. 2. B.–N.Y., 1972. S. 16; *Bleicken J*. Lex Publica. Gesetz und Recht in der Römischen Republik. B.–N.Y., 1975. S. 516; *Behrends O*. Der römische Gesetzesbegriff und das Prinzip der Gewaltenteilung // Zum römischen und neuzeitlichen Gesetzesbegriff. Göttingen, 1987. S. 67.

[72] *Hölkeskamp*. Op. cit. S. 108.

[73] *Nippel W*. Mischverfassungstheorie und Verfassungsrealität in Antike und früher Neuzeit. Stuttgart, 1980. S. 155.

[74] Цит. по: *Kloft*. Op. cit. S. 415.

ских реалий, явилась вневременной. Бляйкен приводит бросавшиеся Моммзену упреки в том, что он через систематизацию тысячи лет существования римского государства «изнасиловал историю»[75]. Заметим, однако, что без масштабного обобщения, без систематизации, без сведения к определенной схеме глубокий анализ на уровне построения научной теории невозможен. Издержки здесь неизбежны, но без «огрубления до схемы» не выявить суть.

Выйти на очень высокий уровень научного обобщения (уровень масштабной научной теории), – который, собственно, и демонстрирует его «система», – Моммзену, на мой взгляд, помогло именно то, что он, по выражению Карла Нойманна, «был юристом в той же мере, что и историком, или историком в равной мере, как и юристом»[76]. Кункель, правда, отмечал, что «обе души – юриста и историка – жили в груди Моммзена на различных участках»: будучи профессором права в Лейпциге, Цюрихе и Бреслау, он писал рецензии на труды цивилистов, и по этим рецензиям никак нельзя подумать, что их автор – историк или исторически ориентированный юрист; когда он издавал свою «Римскую историю», по тексту ее нельзя было догадаться, что ее написал специалист по пандектному праву[77]. Мне же кажется, что при создании «системы» римского государственного права «раздвоение души» Моммзена-ученого было органичным и, если бы в ней не жил историк, вряд ли бы «система» могла быть создана, но «юридическое начало» его исследовательской натуры проявилось как доминирующее.

Моммзен отдавал себе отчет в том, что выполнение задачи построения глобальной схемы неизбежно приводит к появлению противоречия между историей римской конституции и ее теорией, между историческим развитием государственного устройства Рима и его изображением «в системе». Он пытался разрешить это противоречие, по мнению Ребениха, «путем решительного разделения "правовой формы" и "фактического содержания"»[78]. Мне представляется, что Моммзен вполне понимал, что противоречие это не может быть в принципе полностью устранено, ибо изучать общее приходится в статическом срезе: проследить динамику сразу всех частей сложной системы, не упуская из виду их функциональное единство, практически невозможно – при рассмотрении деталей теряется общий план. Отвечая своим критикам, Моммзен в предисловии к «Очерку римского государственного права» 1893 г. написал, что, проповедуя противоположный ему подход, они «за деревьями не видят леса». Если объектом изучения является лес, то пристальным вниманием к отдельным деревьям приходится пренебрегать.

Создавая обобщающую картину римского государственного устройства, Моммзен как юрист оставался на почве цивилистической науки своего времени – пандектного права[79], действовавшего в Германии вплоть до начала XX в. Юристы этого направления отодвигали на задний план экономические и социальные функции правовых норм и институтов, выдвигая на передний чисто юридическую, догматическую логику. Вместе с тем, в студенческие годы учителями Моммзена были ученики Ф.К. фон Савиньи, основателя «исторической школы права», в частности, Г.Х. Бурхарди, у которого Моммзен слушал в 1838 г. первые в своей жизни лекции по романистике[80]. Методам «исторической школы права» Моммзен в молодости доверял[81], что, вероятно, и в дальнейшем сказалось на его научных подходах к римскому публичному праву.

«Римское государственное право» Теодора Моммзена оказало влияние не только на немецкую историографию, но и на антиковедение других национальных школ, в том числе и на русскую науку (В.И. Герье, Э.Д. Гримм, Н.А. Машкин, С.И. Ковалев)[82].

---

[75] *Bleicken*. Im Schatten Mommsens... S. 27.
[76] *Neumann K.J.* Entwicklung und Aufgaben der alten Geschichte. Strassburg, 1910. S. 17.
[77] *Kunkel*. Theodor Mommsen... S. 370.
[78] *Rebenich*. Op. cit. S. 112.
[79] *Kunkel*. Theodor Mommsen... S. 370, 376.
[80] *Rebenich*. Op. cit. S. 28.
[81] *Kunkel*. Theodor Mommsen... S. 377.
[82] *Егоров*. Ук. соч. С. 8.

Анализу рецепции главного научного сочинения Моммзена во французской романистике посвятил свою статью Хёлькескамп, отметивший, что восприятие теории Моммзена во Франции началось сразу после выхода перевода книги в 1887–1891 гг.[83], хотя главное направление французской исследовательской традиции, заложенное Фюстель де Куланжем, было иным[84]. Влияние труда Моммзена Хёлькескамп усматривает в том, что по сей день во французской историографии существует направление, для которого характерен особый интерес к предыстории и ранней истории республиканских институтов, к догосударственным, гентильным истокам учреждений, сакральным корням властных полномочий, к жречеству и патрициату[85]. И это при том, что французской исследовательской традиции не свойственна фиксация на «системе», «государстве» и других абстрактных понятиях немецкого юриста Моммзена[86].

Моммзен остается самым цитируемым автором среди антиковедов, – нет другого романиста, на работы которого столь же часто ссылались бы в мировой науке[87]. «Труды Т. Моммзена, – отметил Кункель, – прежде всего "Римское государственное право", приобрели вскоре после своего появления чрезвычайный, можно сказать, принудительный и парализующий авторитет»[88], подчеркнув, что этому способствовало филологическое мастерство, овладение материалом, искусство интерпретации.

Однако, как глубоко заметил тот же Кункель, «система» государственного права Моммзена не служит фундаментом, на котором можно просто строить и дальше, ибо он сам завершил строительство во всех деталях[89]. Кункель оказался солидарен с Хойсом, писавшим, что «моммзеновскую систему можно или принять, или разрушить», в том смысле, что «достраивать» или «перестраивать» ее нельзя.

Стремившихся «демонтировать» систему Моммзена оказалось, пожалуй, не меньше, чем ее принимавших. Но и те, кто ее целенаправленно разрушал, использовали что-то из его конструкции, причем очень часто не просто «кирпичи и балки», а нечто более существенное, принципиальное. Так в чем же оно состоит, и почему уже многие поколения историков, даже целенаправленно стремясь «основательно ревизовать» «систему» римского государственного права, предложенную Т. Моммзеном, не порывают в каком-то отношении с ней? Историографические штудии многих антиковедов, да и мои собственные наблюдения показывают, что не порывали ни Г. Зибер, ни В. Кункель, ни А. Хойс, ни даже Й. Бляйкен, который предложил серьезно отличающиеся от трактовок Моммзена концепции плебейского трибуната, магистратур и империя и отрицал историчность моммзеновской «универсальной теории провокации», – все эти авторы в своих исследованиях опираются на некое общее «наследие Моммзена». В чем его суть и непреходящая актуальность, я и постараюсь теперь сформулировать.

Жизнеспособным, постоянно используемым в антиковедении оказался сам *метод теоретического моделирования исторических реалий на основе применения правовых категорий*. Именно его не могли сознательно или неосознанно отбросить последовавшие за Моммзеном поколения романистов, поскольку метод этот оказался научно плодотворным: он давал ключ к обобщению разрозненных фактов, предоставлял возможность концептуального осмысления источникового материала. Ведь Моммзена от историков и филологов антикварного направления отличало главное – те накапливали сведения источников и систематизировали их, описывая отдельные стороны римской жизни, пусть даже и в их разнообразии, но отнюдь не в единстве; он же построил логически выдержанную, внутренне непротиворечивую теоретическую модель

[83] *Hölkeskamp*. Op. cit. S. 99.
[84] Ibid. S. 110.
[85] Заметим, что та же проблематика входит в число приоритетных и в современном российском антиковедении, что, соответственно, также можно рассматривать как продолжающееся воздействие Моммзена на отечественную романистику.
[86] *Hölkeskamp*. Op. cit. S. 111.
[87] См. *Heuß A*. Theodor Mommsen als Geschichtsschreiber // *Heuß A*. Gesammelte Schriften in 3 Bänden. Bd 3. Stuttgart, 1995. S. 1744–1802.
[88] *Kunkel*. Theodor Mommsen... S. 380.
[89] Ibid.

римской государственности. Конечно, с позиций прожитого антиковедческой наукой века после Моммзена становится ясно, что его «система» оказалась слишком схематично-глобальной, слишком общей, чтобы «работать без сбоев» применительно к каждому сравнительно короткому историческому отрезку римской истории, – она не учитывает специфики государственности Рима на этих отдельных отрезках. Моммзен предложил свою систему тогда, когда в мировом антиковедении еще не было создано трудов по многим частным, конкретным вопросам и отдельным институтам римского политического устройства. Ему приходилось при этом нередко самому компенсировать недостающее, проводить анализ узкого вопроса (что он с блеском делал), но также нередко ему приходилось ограничиваться (при отсутствии возможности опереться на детальную проработку конкретной темы) рассмотрением ее только в некотором приближении, – иногда делая при этом гениальные догадки, а иногда и ошибаясь.

При специальном анализе оказывается, например, что многие правовые механизмы и государственные институты ранней Республики не подгоняются под «универсальную схему» Т. Моммзена, – вероятно, она наиболее адекватна римским реалиям классической и поздней Республики, ибо на информации источников, относящихся к этому времени, преимущественно и создавалась (хотя и научные представления о государственно-правовом порядке этой эпохи неизбежно будут корректироваться дальнейшими исследованиями). Но используя предложенный Моммзеном метод историко-правового моделирования, можно создать теорию государственно-правовых основ применительно и к ранней Республике, и к эпохе Принципата, и любому другому историческому периоду. Хочется надеяться, что в наступившем столетии ряд таких моделей будет предложен. Поэтому главное наследие «системы» Моммзена, на мой взгляд, заключается не собственно в ней самой (хотя и она себя, в целом, далеко не исчерпала), а в методе ее построения.

Есть вероятность, что на новом уровне можно будет когда-либо повторить попытку создания общей теории римского публичного права, охватывающей, как у Моммзена, эпоху от ранней монархии до принципата. Для этого нужно предварительно, во-первых, провести детальный анализ каждой выявленной части римского государственного механизма, рассмотренной в ее развитии (это будет, конечно же, результатом труда немалого числа исследователей) и, во-вторых, на базе этого изучения построить историко-правовые модели как отдельных сфер действия этого механизма, так и отдельных периодов его функционирования. А затем, создав историко-правовые модели римской государственности отдельных этапов ее развития (царский период, ранняя Республика, классическая Республика, принципат; может быть, потребуется отдельная модель и для государственности поздней Республики) попытаться «состыковать» их в единую модель, в общую теорию римского публичного права. Допускаю, конечно, что такая попытка, опирающаяся на иную, по сравнению с Моммзеном, базу конкретных исследований, окажется на этом новом уровне безуспешной. Нельзя априорно утверждать, что цементирующие эту новую обобщающую теорию основания непременно найдутся. Но если и не найдутся, наличие отдельных моделей будет качественно новым теоретическим осмыслением такого уникального объекта изучения, как римская государственность. Ибо, хотя эти модели будут более локальными, чем единая «система» Моммзена, они имеют шанс быть более адекватными историческим реалиям.

Не исключено, однако, что новая общая, столь же масштабная, как у Моммзена, теория может иметь основания для научной состоятельности: до времени принципата включительно Рим «сохранял качество» античной полисной цивилизации, и некий государственно-правовой каркас в каких-то главных частях окажется единым и поддающимся реконструкции для хронологического отрезка от первых царей до последних принцепсов. Весьма вероятно, что отдельные важные элементы моммзеновской конструкции будут при этом использованы, хотя в целом это будет уже иное теоретическое построение. Но для того, чтобы подобная обобщающая теория, новая «система» римского государственного права была создана, потребуется новый Моммзен. А Моммзены, как показывает путь развития науки, рождаются гораздо реже одного ра-

за в столетие. Поэтому остается только уповать на то, что в условиях специализации и интеграции научных исследований XXI в. можно будет обойтись «коллективным Моммзеном». Но в любом случае, создать такую новую «систему» можно, именно опираясь на метод, впервые гениально примененный Теодором Моммзеном, – историко-правовое моделирование римской государственности.

THEODOR MOMMSEN: LEGAL MODELLING OF THE ROMAN STATE SYSTEM

V. V. Dementyeva

Pointing out that the central subject of Th. Mommsen's research was Roman public law, presented by him as a system, the author puts forward a question: what makes Mommsen's «system» still important for the study of ancient history? To answer this question she considers the judgements of his contemporaries and scholars of later times up to our days, especially those who compare Mommsen's conception with other comprehensive studies of the Roman state system.

As the author shows, detractors of Mommsen's «system» were nearly as numerous as its supporters. But what proved to be lasting, she maintains, was the very method of theoretical modelling of historical reality by means of legal categories. This method could not be rejected, consciously or not, by the generations of scholars that followed, for it proved to be fruitful: it provided a key for summarising various facts and gave grounds for a conceptual understanding of sources. Th. Mommsen constructed a logically consistent (free of inner contradictions) model of the Roman state system. A century after Mommsen one can see that his «system» turned out to be too global, too general to «work» equally well for any comparatively short period of Roman history, because it does not take into consideration the specificity of the Roman state system of every particular period. Special analysis shows, e.g., that many legal mechanisms and state institutions of the Early Republic cannot be fitted into Mommsen's «universal scheme». Most probably, the scheme is adequate for the Classical and Late Republic, for it was drawn on the basis of sources referring mainly to that time. But using the method put forward by Mommsen one can construct a theory of public law valid for the Early Republic, for the Principate and for any other period. This is why the importance of Mommsen's «system» consists not so much in the system itself (which is still far from being completely obsolete), as in the method of its construction.

The author admits that in the years to come, when specific models of particular state mechanisms together with more general models of Roman state system have been built, one will be able to undertake an effort of constructing a new theory of Roman public law as comprehensive as Mommsen's and based upon a new corpus of special studies. But this will only be possible if one still resorts to the method which Theodor Mommsen was the first to apply, i.e. legal modelling of the Roman state system.

© 2005 г.

Е. В. Антонова

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖГУТОВИДНЫХ МОТИВОВ НА ВЕЩАХ БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

В настоящее время взгляд на создаваемые людьми вещи как знаки, при помощи которых их создатели строили свою картину мира, получает все больше подтверждений. Наибольших успехов достигли этнологи, имеющие своим объектом «живые» культуры. В то же время знаковое содержание, значение (смысл) вещей и составляющих их элементов для носителей археологических культур до сих пор все еще относительно мало интересует археологов, а специалисты других областей – культурологи, религиеведы – в незначительной мере обращаются к археологическим материалам в силу их источниковедческой специфики.

В этой статье речь пойдет об условных мотивах, облик которых дает меньше указаний на их семантику и смысл, чем мотивы фигуративные (хотя и при интерпретации последних легкость прочтения нередко оказыватся иллюзорной). Семантика их мало интересует исследователей изобразительных памятников, сосредоточивающих внимание на образах зоо- и антропоморфных существ, гораздо реже – геометрических фигурах.

Объект анализа в этой статье – жгутовидные мотивы – принадлежат памятникам и культуре, время существования которой остается не вполне определенным – начало формирования Бактрийско-маргианского археологического комплекса (далее – БМАК) датируют второй половиной III тыс. до н.э. или первой половиной II тыс. до н.э., а конец его доводят до последних веков I тыс. до н.э.[1] Это сложная проблема, но поскольку главные объекты анализа в этой работе – печати-амулеты, хотелось бы отметить, что такой чуткий исследователь, как П. Амье, относил время максимального подъема глиптики БМАК к I Вавилонской династии и аморитским царствам[2].

Этническая принадлежность его носителей также далека от ясности. Тем не менее этот яркий феномен древней культуры Центральной Азии представляет, скорее всего, несмотря на локальные особенности, целостное явление, генетически связанное с южнотуркменистанской и локально близкими ей культурными традициями энеолита и ранних этапов бронзового века[3]. Богатство материальной культуры этого комплекса позволяет в большей степени, чем это обычно позволяют археологические данные бесписьменных культур, проникнуть в духовный мир ее носителей.

---

[1] Публикации по этой теме весьма многочисленны, поэтому упомянем лишь некоторые: *Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990; *он же.* Древневосточное царство Маргуш в Туркменистане // Мировоззрение древнего населения Евразии. Сб. ст. М., 2001; *Salvatori S.* Bactria and Margiana Seals. A New Assessment of Their Chronological Position and a Typological Survey // East and West. V. 50. № 1–4.

[2] *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens. 3500–1700 avant J.-C. P., 1986. P. 198.

[3] *Антонова Е.В.* «Цивилизация Окса»: признаки преемственности развития и чужеземных влияний // Миф 7. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. София, 2001.

Проведенный анализ жгутовидных изображений на вещах БМАК показал, что они могли уподобляться очевидно фигуративным мотивам, в частности, изображениям змей, а также передавать вполне конкретные вещи – веревки, нити, т.е быть иконическими знаками. Вообще склонность к редуцированию деталей изображаемого объекта, даже вполне фигуративного, присуща созданиям носителей культур традиционного типа – орнаментализируются элементы фигур животных, растений, антропоморфных существ и целые композиции; «...модели, получаемые в результате воспроизведения всего лишь нескольких характерных черт объекта, почти всегда являются простыми, правильными и симметричными»[4]. Для создания орнаментальных мотивов используются изображения животных и человеческих фигур, их элементы, растения, части ландшафта. Примеры такого рода широко представлены в изобразительных памятниках БМАК.

С.В. Иванов, знаток орнаментального искусства, справедливо писал: «...в определенных исторических условиях орнамент не только мог, но и в действительности выполнял изобразительную роль, даже в тех случаях, когда состоял из одних лишь геометрических узоров»[5]. Из этого следует существенный вывод: один из путей исследования семантики орнамента – анализ вариантов мотивов одного типа; изменчивость орнаментальных форм не затемняет, а проясняет символическое значение каждой из них и всех их вместе.

Древние вещи и изображения на них при их анализе как носителей информации об образе мира своих создателей обладают разной «разрешающей способностью». Особенно высок был семиотический статус вещей, так или иначе принадлежащих сфере ритуала, теснейшим образом связанного с образом мира. В БМАК среди них – печати-амулеты с разнообразными изображениями. Они явились объектом многочисленных исследований, в том числе посвященных реконструкции значения и смысла этих изображений.

Хотя бактрийские древности объединены В.И. Сарианиди с маргианскими в один комплекс, между печатями-амулетами отмечаются некоторые различия. Найденные на территории Бактрии более разнообразны и многочисленны, чем маргианские, но они в основном происходят из грабительских раскопок. Число же маргианских возрастает от одного сезона раскопок к другому. Общность многих признаков позволяет предполагать, что за образами этих вещей, как и за другими ритуальными и бытовыми предметами, планировкой сооружений особого назначения и т.д. стояли очень близкие представления людей, обитавших на обширной территории, представления, составлявшие в конечном счете их картину мира.

Опубликованные В.И. Сарианиди материалы показывают, что печати-амулеты БМАК представляют весьма своеобразный комплекс. Здесь преобладают металлические печати-штампы, чего нет ни в каком другом более или менее отдаленном регионе эпохи бронзы. Это литые перегородчатые или ажурные предметы из сплавов меди, редко – драгоценных металлов. На территории Бактрии и Маргианы наиболее распространенной формой плоских печатей-амулетов был круг, как правило, имеющий ободок в виде одинарного или двойного гладкого бортика или жгута, в который вписаны геометрические или фигуративные мотивы[6]. Именно эти образцы с преобладанием геометрических мотивов, а не изображения антропо- и зооморфных (при том, что и последние нередко орнаментализируются) существ составляют абсолютное большинство в опубликованных материалах, что указывает на глубокие местные корни изобразительной традиции носителей культуры БМАК. Среди них сейчас очевиден

[4] *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М., 1974. С. 130.

[5] *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) // Народы Севера и Дальнего Востока. Тр. Ин-та антропологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. 81. Л., 1963. С. 6.

[6] *Клочков И.С.* Глиптика Маргианы (принципы описания и классификации) // ВДИ. 1997. № 1. С. 114; *Sarianidi V.* Myths of Ancient Baktria and Margiana on its Seals and Amulets. Moscow, 1998. P. 23.

один из возможных источников – орнаменты сосудов и украшений-амулетов анауской культуры юга Туркменистана эпох энеолита–ранней бронзы. В те времена жгутовидные мотивы не наносились на вещи, вероятно, потому, что уровень развития ремесла и использовавшиеся материалы (в основном глина и камень) делали их нанесение затруднительным. По-видимому, в изображении этих мотивов также еще не было потребности: лишь ограниченное количество знаков продолжало указывать на обряды и обрядово-мифологические тексты, функционирующие в малодифференцированных сообществах, где информация передавалась преимущественно по типу устной трансляции, непосредственно от адресанта к адресату.

Широта распространения жгутовидного орнамента и его разновидностей (среди них – спирально-ленточный орнамент, «бегущая волна», криволинейный меандр, восьмеркообразные и другие фигуры[7]) как в древности, так и в современном мире, позволяет предполагать, что в основе его лежат некие реальные вещи, игравшие немалую роль как в практической деятельности людей, так и в осмыслении ими мира, поскольку эти процессы выступали как взаимосвязанные и взаимозависимые. С вещами, изготовление которых вызывалось практическими потребностями жизни, неизбежно ассоциировались явления и формы природы. При этом, что естественно для архаичных культур, как создания человеческих рук, так и явления природы осмыслялись образно-мифологически. Плетение из прутьев, растительных волокон, изготовление кожаных вещей, а с переходом к производящему хозяйству – прядение шерсти животных и ткачество – одни из древнейших видов деятельности, позволявшие людям адаптироваться к разнообразному природному окружению. Не удивительно, что действия по созданию таких материалов и вещей воспринимались как чрезвычайно важные для существования человека и всего мира. Мотив нити, ткани фигурирует в создании сложного, пестрого, противоречивого, но по своему логичного и четко структурированного образа мира, по всей вероятности, у всех народов древних и традиционных обществ. Примеры такого рода будут приведены ниже.

Жгутовидное обрамление металлических печатей-амулетов БМАК представлено несколькими разновидностями, образцы которых в большей или меньшей степени имитируют витой шнур или веревку. Наряду с реально узнаваемой веревочкой известны «вырожденные» варианты – случаи, когда изображение не рельефно, а передается насечками или ободком из ажурной прямой или косой решетки. Как вырожденные варианты можно рассматривать волнистый или зубчатый край (рис. 1). Недокументированность преобладающего количества образцов не позволяет выяснить, имела ли место трансформация мотива во времени или различия объясняются разным качеством и значимостью синхронно бытовавших вещей.

Рассмотрение показывает, что близко имитирующий веревочку ободок или декоративно трансформированный – крупноплетеный или с дополнительным элементом в петлях – обрамляет изображения, наделявшиеся особым смыслом, в том числе престижные вещи, обладающие повышенным семиотическим статусом. В дальнейшем примеры такого рода будут приводиться в скобках по каталогу В.И. Сарианиди[8] без дополнительных ссылок на это издание.

Наиболее проработанный жгут обрамляет фигуры «крылатой женщины» (613), «женщины на драконе» (16, 18), мифического персонажа в волнах (46). С крупноплетеным обрамлением связаны изображения пирующих мужчины и женщины (48), «орла» (137, 56–158, 160, 165, 170, 206). С имитацией плетения в виде насечки связаны изображения «женщины со львами» (36), двуглавого орла (125). Зубчатый край, по-видимому, являющийся вариантом жгутовидного, обрамляет изображения антропоморфных, в том числе крылатых существ (4, 9, 15, 38, 62), а также фигуры «орлов», козоподобных животных у дерева, зайца (126, 132, 135, 162, 1561, 1564, 1567, 121).

---

[7] *Иванов.* Орнамент народов Сибири... С. 346–347.
[8] *Sarianidi.* Myths of Ancient Baktria...

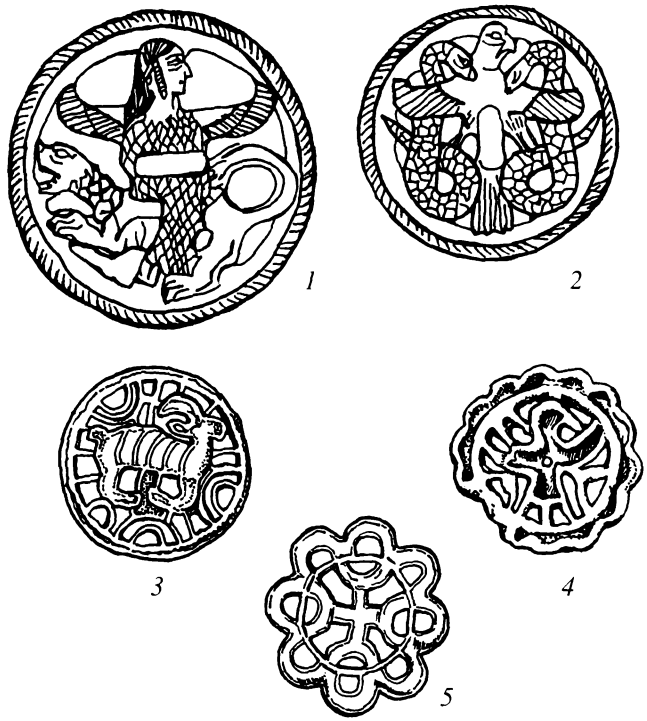


Рис. 1. Металлические печати из погребений некрополя Гонура (по В.И. Сарианиди)

Другие выявленные варианты оформления ободка дают более или менее близкий набор таких мотивов. Остается обратить внимание на интересную деталь: гладкие обрамления, как правило, имеют два бортика – внутренний и внешний, т.е. в них воплощается та же идея сочетания (в основном, хотя есть и более сложные варианты) двух полос, что и в жгутовидных вариантах, однако, она выражена иным, более простым в исполнении способом. Таковы обрамления фигур крылатых мужских и женских персонажей, иногда изображавшихся с животными (2, 3, 6–8, 10–14, 17, 19, 20, 37, 40). Примечательно, что на образцах из Бактрии таким образом оформлены довольно многочисленные изображения обезьян (68–73).

Многие данные показывают, что с мотивом веревки сближалась змея. Известны образцы, в которых две извитые змеи образуют круг (49, 50). Это столь популярное в изобразительных памятниках БМАК существо обычно предстает как извитое (232–249, 265–266, 1649, 1655). Извитость, способность переплетаться – одна из характерных признаков змей. На эту особенность носители традиционных культур, как и мастера всех времен и народов, обращали внимание. В материалах БМАК можно обнаружить множество изображений змей (250–257, 1570–1571), которые имеют аналогии в разных культурах, причем значительно отстоящих от него во времени и пространстве.

Именно распространенность сходных изображений змей заставляет с осторожностью относиться к сопоставлениям с месопотамо-иранскими материалами при датировке БМАК в сторону удревнения[9]. Так, две перевитые змеи образуют рукоять металлического кинжала (рис. 2, 2) из погребения на Гонур-депе и разительно напоминают костяную рукоять каменного кинжала из неолитического анатолийского Чатал Хююка[10]. Ра-

[9] *Winkelmann S.* Bemerkungen zum Grab 18 und den Silbernadeln von Gonur-depe // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd 30. B., 1998.
[10] *Mellaart J.* Catal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. L., 1967. P. 213. Fig. 54.

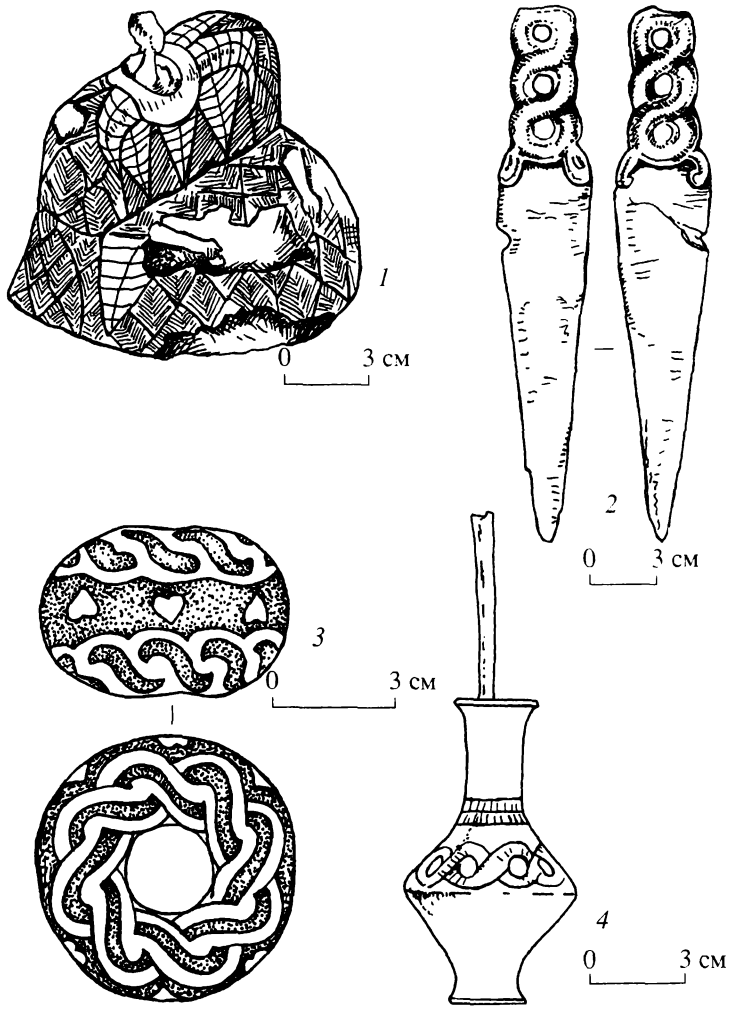


Рис. 2. Вещи из погребений некрополя Гонура (по В.И. Сарианиди)

зумеется, ни о какой генетической связи создателей этих вещей на таком основании не может быть речи. Способность змей в определенные сезоны образовывать клубки под организующим эти скопления взглядом мастера приводила к сложению плетенки – ее может образовывать змееподобный дракон (250–257). Такая плетенка может быть восьмеркообразной или четырехлепестковой (915, 1632, 1639). Подобная фигура, но без змеиных признаков, украшает прорезное металлическое навершие каменного ритуального скипетра (рис. 2, *3*)[11]. Характер плетения часто создает впечатление динамичной фигуры, вихревой розетки.

Со жгутовидным орнаментом образ мифологической змеи сближает и размещение ее рядом со стилизованно переданными горами. На Гонуре в Маргиане был найден каменный сосуд, имеющий форму низкого цилиндра на ножке. В нижней его части вырезаны стилизованные горы и цветущие растения, выше – два яруса жгутовидного орна-

[11] *Сарианиди В.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 55.

мента, разделенные зигзагами[12]. Из Афганистана происходит цилиндрический каменный сосуд с изображением змея с признаками дракона (форма пасти, рог, бородка), в извивах тела которого – условно переданные горы[13]. Известен случай, когда тело змеи снабжено насечками, напоминающими стилизованный жгут[14]. Орнаментализация изображений змей известна и в других традициях – так, у древних земледельцев Европы они приобретали вид спирали[15]. Образ змеи у носителей БМАК был явно связан с космогоническими представлениями, поэтому-то он и играет чрезвычайно важную роль, сочетаясь с образами антропо- и зооморфных существ, растениями, водой, определенными сезонами, в первую очередь весной[16]. Форма тел и «пестровидная» из-за чешуйчатости их поверхность, их способность «омолаживаться», меняя кожу, особенности поведения змей, их принадлежность к нижнему, хтоническому миру, способность окружать, обвивать, свиваться жгутовидно в определенные моменты их жизнедеятельности сделали змею одним из важных культурных знаков, среди которых – восприятие признаков змеи как близких «нити жизни». И это создание человеческих рук и порождение природы наделялись неким общим смыслом – они ассоциировались с мотивом возникновения и возрождения жизни, ее окружающей защитой.

В многочисленных исследованиях змея предстает как один из важнейших элементов космогенеза и космограмм. В космологических моделях змея нередко располагается на краю света и одновременно в его низу. Судя по всему, такие представления не были чужды и носителям БМАК. Как уже говорилось, змеевидные существа окружают поле изображения, но и располагаются в его нижней части. Из Маргианы происходит каменная цилиндрическая печать, на стенке которой изображены сверху птица, рыба, антропоморфная фигура (фрагментированная), крылатый дракон, а внизу волнистая змея (1771).

Ассоциация витого шнура и змеи прослеживается в разных культурах, но для нашей темы существенный интерес представляет традиционная культура Средней Азии. В некоторых регионах двуцветная веревка рассматривалась как охраняющая от змей. Змея символизировала плодородие – опоясывание змеей считалось способствующим деторождению[17]. Будучи элементом изобразительного поля, в образцах глиптики и на других вещах БМАК жгут не только окружает, заключает разнообразные фигуры, но и делит изобразительное поле на зоны (1634 – каменный штамп в виде фигуры верблюда, 1776 – цилиндрическая печать), и в этом случае играя роль границы. Подобное место жгут занимает на печатях других древневосточных культур (см. ниже).

Веревка, ремень, все, что способно окружать, – знак границы в культуре. С ним связаны такие обряды, как окружение некоего места от злых сил при помощи веревки, ношение украшений-амулетов в виде часто витых браслетов, поясов, нашейных и головных украшений (примеры приводятся ниже). На территории Маргианы обнаружены витые металлические браслеты[18], а облачение каменных женских фигур окружено у ворота орнаментированной полосой (рис. 2, *1*). Окружение, окольцовывание имеет цель защитить человека от внешних вредоносных сил и в то же время в процессе ритуала не допустить ухода вовне внутренней сакральной силы. В обрядах различной на-

---

[12] *Он же.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002. С. 131.

[13] *Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'âge du bronze. P. 1984. P. 164. Fig. 225.

[14] Ibid. P.165. Fig. 31, 231.

[15] *Балабина В.Й.* К прочтению змеиных изображений спиралевидного орнамента древних земледельцев Европы // ВДИ. 1998. № 2.

[16] *Francfort H.-P.* Dungeons and Dragons: Reflections on the System of Iconography in Prehistoric Bactria and Margiana // South Asian Archaeology Studies. V. 4 / Ed. G. Posshe. New Delhi–Bombay–Calcutta–Oxford, 1992; *Антонова Е.В.* «Змея» и «орел» в глиптике «цивилизации Окса» // ВДИ. 2000. № 2.

[17] *Чвырь Л.А.* Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 125, 130–131.

[18] *Сарианиди.* Древности страны Маргуш... Табл. XXXVI, *37–38*.

правленности веревка ограничивает сакральное пространство от профанного и обладает амбивалентными признаками – как защищающими, так и опасными[19].

Поиски генезиса жгутовидных мотивов БМАК и потребность интерпретации их смысла естественным образом заставляют обратиться к материалам Месопотамии – родины множества явлений культуры на Востоке, а также в Иран – соседний с территорией БМАК регион. Г. Фрэнкфорт в своей замечательной книге[20] уделил внимание и мотивам плетенок (guilloche) на древнем Ближнем Востоке. Он возражал против бытовавшего уже тогда мнения, что они имели сирийское происхождение, считая, что их знали в Месопотамии с раннединастического времени, а относительная редкость их в те времена может объясняться тем, что они помещались на вещах из нестойких материалов (шерсти, коже, изображались в стенописях)[21]. Но так или иначе, этот мотив становится весьма распространенным в начале II тыс. до н.э. и особенно популярен в митаннийской глиптике (и – добавим – на других вещах), где в связи с особенностями технического исполнения он мог упрощаться, а также сближаться со спиральным узором[22]. Примечательно использование этого мотива как разделяющего все поле изображения или его часть (такие образцы известны в глиптике БМАК). Нельзя исключать возможности того, что плетенка, разделяющая ярусы изображения во II тыс. до н.э., пришла на смену, в частности, волнистым линиям, разделяющим изобразительное поле, и на других вещах в Месопотамии начиная с конца IV тыс. до н.э.

Г. Фрэнкфорт обратил внимание на символ из двух перевитых змей и многорядную змеиную плетенку, известную в Месопотамии (и соседней Сузиане) еще с конца IV тыс. до н.э. Яркий образец такого рода – изображение на сосуде, посвященном Гудеа Нингишзиде, хтоническому божеству, связанному с плодородием. Центром композиции является пара перевитых змей (кадуцей). На связь змеи и бога в змеевидной форме с растениями, а значит с плодородием, указывают изображения на месопотамских печатях[23].

В культуре Сузианы, которая близка культуре Нижней Месопотамии, к концу IV тыс. до н.э. относятся изображения двух переплетенных змей[24]. На связь этих образов с растительной символикой указывают образцы, где внутри петель этих существ помещены многолучевые розетки цветочного облика[25]. К этой же эпохе относится сложная многорядная плетенка из одной змеи, рядом с которой располагается лев[26].

Эпохе царей Аншана и Суз (начало II тыс. до н.э.) принадлежит изображение плетенки из четырех петель, подобное известной с территории БМАК[27]. О том, что такая плетенка могла составляться из змей, свидетельствует рельеф из битума периода архаических династий (судя по стоящим по сторонам жрецам, змеиный символ был объектом поклонения)[28]. «Витые» и «зубчатые» обрамления, окружающие группы животных, встречаются на цилиндрических печатях Сузианы периода Сузы III[29]. Здесь такие обрамления, очевидно, изображают загоны или ловушки, т.е. нечто, ограничивающее пространство, сооружение, имеющее целью удержать животных внутри.

Конечно, в связи с интересующим нас мотивом интересны мифологические представления о прядении и ткачестве в Месопотамии. Здесь почитали ткачиху Утту, деятельность которой была связана с овцами, но также, что симптоматично, изображаемой с повязкой царственности. До появления в начале времен этой богини, но также и

---

[19] *Топорков А.Л.* Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 101. Прим. 33.

[20] *Frankfort H.* Cylinder Seals. A Documentary Essay on Art and Religion of the Ancient Near East. L., 1939.

[21] Ibid. P. 240.

[22] Ibid. P. 183–184.

[23] Ibid. P. 26, 119–120.

[24] *Amiet P.* Glyptique susienne. V. 2. P., 1972. № 474–482.

[25] Ibid. № 485, 488.

[26] Ibid. № 484.

[27] Ibid. № 1721.

[28] *Amiet.* L'âge des échanges inter-iraniens... Ill. 65.

[29] Ibid. Ill. 49, *3*.

овец, не существовала «повязка царственности». Судя по текстам, с нитью связывалось представление не только о царственности но и о жизни[30]. На это указывают функции Гулы, обрезающей пуповину, назначающей судьбу, и ее разновидности Нинтинугги, владычицы жизни и смерти, крепящей жилы жизни, видящей нутро[31]. Ассоциация пуповины и жил с нитью или веревкой вряд ли может вызывать сомнения. В семантическое поле этих вещей естественным образом входят представления о связывании и развязывании (ритуалы на мужскую силу и рождение ребенка)[32]. Сплетенность, связанность как условие жизни замечательно звучит в заклинании для роженицы: в водах потока сложились кости, зародыш. Руки младенца связаны во тьме. Асаллухи, сын Энки, разорвал узы, что его держали. Он и богиня-мать готовят пути[33].

Обитатели Месопотамии в обрядах использовали обвязки из шерсти, помещавшиеся на разные части тела; в этой связи очень ценны указания в текстах. По смыслу обращение с ними было то же, что с узлами, – завязывание и развязывание, освобождение от напасти. В одном из ассирийских ритуалов Иштар отдавала приказ иеродулам, которые должны были прясть пеструю нить из белой и черной шерсти, рассеивающую чары. Ею обвязывали голову, руки, ноги, затем срывали и отправляли в пустыню. Примечательны указания на пестроту нитей, в частности, при лечебных обрядах, с чем еще придется встретиться[34]. На круговое оплетение переходила напасть, которую затем удаляли. В различных заклинаниях говорится о создании магической границы, препятствующей злу[35].

Пестрота, многоцветность веревки, ткани и змеи – мотив, характерный для ритуалов и, разумеется, стоящих за ними мифологических представлений. Таким образом достигалась идентификация ритуала или носящего соответствующий знак человека со структурами, в конечном счете восходящими к образу мира в его полноте, завершенности. Нити, в частности, символизируют его элементы. Отчетливо этот мотив звучит в повествовании Иосифа Флавия о завесах скинии и священническом облачении: «Завесы, сотканные из четырех сортов материала, служат эмблемою стихий, при чем виссон очевидно напоминает землю, которая родит лен, пурпур – море, окрашивающееся в пурпурный цвет кровью рыб, фиолетовый гиакинф – лазоревый воздух, а багряный цвет служит символом огня. Льняной хитон первосвященника также напоминает о земле, фиолетовые нити его – небосклон ...наплечник также – изображение всей созданной Господом Богом природы, почему, мне кажется, он и создан из четырех родов материала, причем вотканые в него золотые нити, по моему мнению, должны напоминать о всюду проникающем свете»[36].

Множество указаний на ритуальные предметы и ритуальные действия содержится в анатолийских текстах. Они для нашей темы тем более интересны, что в анатолийской глиптике широко представлены жгутовидные мотивы.

Элементы сходства изображений на анатолийских и сирийских цилиндрах и штампах и в глиптике БМАК отмечались неоднократно, в том числе таким знатоком ближневосточных древностей, как П. Амье[37]. В.И. Сарианиди со ссылками на других исследователей писал, что витой жгут на печатях Бактрии и Маргианы генетически связан с мотивами сиро-хеттского искусства[38]. В связи с этим отметим, что С. Сальватори

---

[30] От начала начал. Антология шумерской поэзии / Вступ. статья, перевод, комментарии, словарь В.К. Афанасьевой. СПб., 1997. С. 74, 76.

[31] Там же. С. 331, 338.

[32] Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии. М., 2000. С. 218, 226.

[33] Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии / Пер. с аккадского. М., 1981. С. 200.

[34] *Фоссе Ш.* Ассирийская магия. СПб., 2001. С. 133–134, 217, 234.

[35] *Емельянов В.В.* Ритуал в древней Месопотамии. СПб., 2003. С. 202–203, 206, 217.

[36] *Иосиф Флавий.* Иудейские древности / Пер. с греч. Г.Г. Генкеля (СПб., 1900). Т. 1. Минск, 1994. С. 136–137.

[37] *Amiet.* Les échanges... P. 190, 198.

[38] *Сарианиди В.И.* Сиро-хеттские божества в бактрийско-маргианском пантеоне // СА. 1989. № 4. С. 20.

считает вопрос о связях сиро-анатолийских печатей-штампов XIX–XVIII вв. до н.э. и глиптики БМАК на основании сходства мотива плетенки (из чего следует поздняя датировка печатей БМАК, против которой он возражает) отнюдь не решенным, но открытым[39].

Примечательно бросающееся в глаза общее типологическое сходство форм анатолийских печатей и доминирующих на них изображений и комплекса глиптики БМАК. Для обоих характерно преобладание печатей-штампов, а не цилиндров, распространение которых связывают с влиянием со стороны Месопотамии лишь в период существования ассирийских колоний[40]. Н. Озгюч отмечает популярность на штампах геометрических мотивов, символов, не композиций, а отдельных фигур и распространенность на анатолийских печатях мотивов плетенок, а также занимавших их место спиралей, появившихся в результате связей с эгейским миром[41]. Среди опубликованных ею печатей несколько образцов круглых штампов со жгутовидным обрамлением обнаруживают поразительное сходство с происходящими из БМАК[42]. На значение жгутовидных и спиральных мотивов проливают свет ситуации, когда вместо них изображаются потоки воды[43], что позволяет предполагать тождество обоих мотивов.

Сближает анатолийскую глиптику с глиптикой БМАК и то обстоятельство, что на цилиндрических печатях часто изображаются круги с различными заполняющими мотивами, которые Н. Озгюч связывает в основном (но не исключительно) с астральной символикой, считая их происхождение местным[44]. Возникает вопрос, который мы (пока?) вынуждены оставить без ответа: только ли типологическое сходство лежит между этими мотивами и комплексом БМАК?

Среди находок в анатолийском Карахююке, в которых видят истоки хеттского искусства эпохи расцвета, много глиняных (!) штампов круглой формы с жгутовидными мотивами, при этом представлены многорядные жгуты[45]. И здесь наблюдается немалое сходство с глиптикой БМАК, но обращает на себя внимание специфика материала, отсутствие металлических образцов.

Хеттские печати-штампы с ручками представляют собой круглое поле, которое обрамляют жгутовидные мотивы, спирали, пряди, внутри помещены иероглифы и символы[46]. Жгутовидные плетенки, соседствуя со спиралями, обрамляют или окружают изображения на особенно замечательных хеттских цилиндрических печатях, в частности, на знаменитом цилиндре Тышкевича[47].

В связи с исследованиями переднеазиатской глиптики уже давно был поставлен вопрос, актуальный для темы настоящей работы: являются ли жгутовидные и близкие им спиральные мотивы чисто орнаментальными или в них можно видеть символы? Х. фон дер Остен, следуя исследовательской традиции своей эпохи, полагал, что первоначально эти мотивы играли символическую роль, а затем становились орнаментальными[48]. Он же обратил внимание на возможность символической связи между образом змеи и жгутовидным орнаментом[49].

Нередко, никак не аргументируя, такие мотивы интерпретируют на основаниях, которые, вероятно, у авторов существуют, но не приводятся ими. Так, о значении инте-

---

[39] *Salvatori*. Bactria and Margiana Seals... P. 124.

[40] *Özgüç N*. Kültepe Mühür Baskilarinda Anadolu Grubu. The Anatolian Group of Cylinder Seal Impression from Kültepe. Ankara, 1965. P. 47.

[41] *Idem*. Kaniş Karumu Ib Kati Mühürleri ve Mühür Baskilari. Seals and Steal Impressions of Level Ib from Karum Kanish. Ankara, 1968. P. 45–46.

[42] Ibid. Pl. III, 2;VIIc; XXXVIII.

[43] Ibid. Pl. XIc.

[44] *Özgüç*. Kültepe Mühür... P. 74.

[45] *Alp S*. Zylinder- und Stempelsiegel aus Karahöyük bei Konia. Ankara, 1968.

[46] *Contenau G*. La civilization des Hittites et des Hurrites du Mitanni. P., 1936. P. 151–153.

[47] Ibid. P. 151–152.

[48] *Osten H.H. von der*. Ancient Oriental Seals in the Collection of Mr. Edward T. Newel. Chicago, 1934. P. 143, 145.

[49] *Idem*. The Snake Symbol and the Hittite Twist // AJA. 1926. Ser. 2. № XXX.

ресующих нас мотивов на хурритских печатях Н.Б. Янковская говорит, что это «плетенка вечности»[50]; этот вывод предполагает, что она понимает семантику мотива в переднеазиатской культуре, но не считает необходимым в кратком очерке останавливаться на аргументации. Х. Фон дер Остен полагал, что символическим значением жгутовидный мотив обладал, когда располагался вертикально[51]. Это было в композициях, когда он играл роль центра. Но нельзя ли предположить, что и в иных ситуациях он не был простым орнаментальным мотивом?

При исследовании визуальных текстов мы имеем перед собой не конгломерат случайных элементов, а их систему. При этом внешняя форма этих элементов может представать в разных вариантах, но привязанность их к определенным контекстам показывает, что в диахронии, быть может, не для создателя, а для культурной традиции в целом они, даже преобразуясь, сохраняли свою семантику, а для носителей, осознавали они это или нет, – смысл. Так, А.Л. Топорков пришел к выводу: «При изучении символических структур, как и в случае с естественным языком, исследователь восстанавливает в результате достаточно сложных процедур глубинную структуру, которой бессознательно владеет носитель традиции; последнему же доступна, как правило, лишь поверхностная семантика»[52]. Сам факт устойчивой распространенности жгутовидных мотивов на анатолийских печатях позволяет предположить их знаковый характер. Подтверждением этому служат тексты ритуального и мифологического характера.

Веревка, нить – постоянный элемент в текстах анатолийских ритуалов. Упоминаются пояса из красной и белой шерсти и шнуры, привязывавшиеся к рожку царского головного убора[53]. Нити и ленты служили ритуальными дорогами (примечательно, что их использовали при перемещении в повозке статуй богов) при обрядах перенесения недугов и магической нечистоты и ритуала освобождения, излечения[54] и при вызывании божеств. В молитве Кантуцилиса говорится: «Дал мне веревку, чтобы я сбиться с пути не посмел»[55]. В.Н. Топоров писал, что в анатолийских языках с веревкой этимологически связаны хеттские понятие «семья», «потомство», лувийские «семя», «зародыш»[56].

Из разноцветных нитей делали венки для статуй богов, ими обматывали ритуальные сосуды[57]. На то, что разноцветие нитей было знаком полноты, завершенности, указывает ритуал, в котором царь и царица сплетали нить соответственно белого и красного цвета[58]. В.Г. Ардзинба отмечает также, что в некоторых ритуалах применялись нити трех и пяти цветов. Из витых нитей делали венки, предметы, призванные окружать. Ритуальное хождение царя по кругу было мерой создания границы, барьера, актом, подтверждающим его права и защищающим от зла[59]. Нить окружала, защищая и снимая при ее снятии опасность, и, будучи прямой, служила ритуальной дорогой. С прядением нити жизни связывались, как и во многих других традициях, образы женских божеств. Важно при этом, что в хеттской культуре, столь многим обязанной более ранним анатолийским традициям, богини судьбы – хаттского происхождения[60]. Это еще раз указывает на то обстоятельство, что, если считать жгутовидные мотивы

---

[50] *Янковская Н.Б.* Предисловие // *Вильхельм Г.* Древний народ хурриты. М., 1992. С. 14, 16.
[51] *Osten.* Ancient Oriental Seals... P. 148.
[52] *Топорков.* Символика ... С. 92.
[53] *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 88.
[54] Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии / Пер. с древнемалоазийских языков Вяч.Вс. Иванова. М., 1977. С. 63, 213–214, 218, 220–222.
[55] Там же. С. 11, 211, 226. О ритуале освобождения связанной заклятием природы см. *Топоров В.Н.* Хеттско-лувийская Kamrušepa: мифологический образ // Древняя Анатолия. М., 1985.
[56] *Он же.* Праславянское vьrvь и его продолжение // Структурно-типологические исследования в области славянских языков. М., 1973. С. 119.
[57] *Ардзинба.* Ритуалы и мифы... С. 211–213.
[58] Там же. С. 212.
[59] Там же. С. 88.
[60] Там же. С. 12, 212 и др.

по крайней мере отчасти связанными с нитью или веревкой, их происхождение нет оснований ассоциировать исключительно с хеттской, индоевропейской традицией.

В архаических индоевропейских традициях мотив прядения шерсти обладает широкими смысловыми перспективами. Шерсть и веретено связаны с нижним миром, при этом на шерсти сидит змей. Прядение шерсти – источник богатства, символ судьбы.

Предметы, создававшиеся в процессе производства (когда нужно плести, лепить, связывать), служили одновременно метафорами поэтической речи. Примеры из разных традиций превратили бы эту статью в монографию. Ограничимся лишь одной цитатой, относящейся к богатой такими мотивами славянской культуры: «Женское рукомесло – прядение, ткачество, вязание, вышивание да и просто шитье – это тоже, по сути, плетение и сплетение нитей. И вот параллельно этому плетению плели языком, рассказывая сказку в виде словесной плетенки или речевой пряжи... Тут связь устанавливается не на бытовом, а на более древнем, праисторическом уровне... Сказочная пряжа это одновременно и плетение судьбы, и плетение речи (некогда священной речи)»[61]. Можно упомянуть, что в традициях германцев и кельтов, словесным текстам которых присущи сложные конструкции типа кеннингов, были распространены и сложные плетеные орнаменты[62].

В анатолийском обряде избавления от колдовства сплетают виноградные ветви и говорят: «То, что сказал колдун,/То, что связал колдун,/То, что колдун запутал.../Колдун, как столб огромный,/Сплел колдовство, как нить...»[63]. По-видимому, неслучайно на анатолийских печатях с мотивом жгута соседствует изображение орла. В тексте об освобождающей связанную природу богине Камрусепе говорится, что наряду с элементами природы связаны крылья орла. Эта богиня – чесальщица шерсти – материала, служившего для изготовления нитей[64]. В то же время шкура барана служила символом всеплодия[65].

В этой традиции весьма наглядно проявляется принадлежность образов пряжи, мохнатой шкуры и нити к одному семантическому полю, в котором преобладают мотивы жизни, безопасности, изобилия[66]. На изделиях из овечьих шкур в контексте реалий БМАК еще придется остановиться.

Очевидно, что анатолийские ритуалы с нитями, лентами, веревками предполагали сильные ощущения у отправителей обрядов, ощущения установления их связей с божествами. Вряд ли можно сомневаться в принадлежности их к экстатическим хотя бы потому, что обряды такого рода можно считать общечеловеческими. Выразительные данные на этот счет содержатся в других традициях.

О месте нити и веревки в ритуалах, о том, что нить опоясывает и соединяет, связывает, большой материал был собран М. Элиаде. Он писал о постоянном использовании образа нити в индийской традиции, в ритуалах перехода и экстатических обрядах. Космические нити-струны поддерживают вселенную, и их разрубание ведет к концу света. Деятельность космических сил – Солнца, Ночи и Зари, Атмана или Брахмана, бога Кришны, Варуны, Вритры, божеств смерти определяется тем, что они – «хозяева нитей». Наиболее адекватный образ существования – нить, паук, уток, ткачество[67]. Рассмотрев данные разных традиций, М. Элиаде пришел к заключению, что веревка – ключевой образ в представлениях людей о жизни космоса, человеческого существования, тайного знания. В архаических культурах он всегда предполагает подъем на небо и умение летать. Вывод его вполне правомерен: «...образы нити, веревки постоянно будоражат воображение человека и его мысль. Значит, образы эти соответствуют чрез-

---

[61] *Синявский А.* Иван-дурак. М., 2001. С.109–110.
[62] *Стеблин-Каменский М.И.* Труды по филологии. СПб., 2003. С. 306–308.
[63] Луна, упавшая с неба... С. 220–221.
[64] Там же. С. 63–64.
[65] Там же. С. 61.
[66] *Топоров В.Н.* Пряжа // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 343.
[67] *Элиаде М.* Мефистофель и андрогин. М., 1998. С. 287, 291–303.

вычайно глубинному опыту и, в конечном счете, выявляют ситуацию положения человека в мире, которое невозможно выразить другими символами и образами»[68].

Круговое и вертикальное расположение веревки отмечает разные стороны ее значения в ритуалах – замыкать и связывать (вспомним вертикально расположенные жгуты, упомянутые Х. Фон дер Остеном, по сторонам которых стоят адоранты). Б.А. Литвинский, исследуя «веревочное» оформление устья медных котелков железного века из Индостана и Памира, интерпретировал их как обладающих сакральным значением магического круга. Он предположил, что этот мотив можно интерпретировать в контексте шаманских ритуалов: «По-видимому, древние верили, что в процессе ритуального действа круг "веревочного" орнамента размыкается и, меняя направленность, устремляется вверх, соединяя полюс жертвоприношения с небесами, с небесным полюсом»[69].

Немаловажно, что у хеттов, как и в месопотамских обрядах, веревка была священным символом правосудия[70]. Таким образом, жгутовидные мотивы на печатях социально выдвинутых людей приобретают еще один смысловой оттенок, указывая на их особый статус в картине мира.

О том, что ритуалы носителей БМАК могли носить экстатический характер, говорилось неоднократно, в первую очередь из-за использования напитков на основе особых растений[71], но также исходя из более общих соображений о следовании носителей этой культуры шаманистским доземледельческим представлениям[72]. Вероятно, предположение о бытовании у носителей БМАК ритуалов экстатического характера вполне правомерно не только на этом основании, но и потому, что такие обряды характерны для древних и архаичных традиций народов всего мира. Такие обряды до недавнего времени практиковались в традиционной культуре народов Средней Азии; исследователи рассматривают их как шаманские. В настоящее время возвращение к таким ритуалам происходит в Сибири.

У народов Средней Азии и Казахстана в шаманских ритуалах использовали веревку или полосы материи, которые располагались вертикально[73]. В обрядах такого рода веревка выступает как символический заменитель «мирового дерева», как связывающий миры путь[74]. У сибирских народов с их хорошо сохранившейся традицией шаманизма мотивы веревки, вышивки и ремня выступают как знак границы, пути, соединения, а ленты-змеи – как духи-помощники шамана и пути жертвы[75].

Исследователи материальной культуры, по крайней мере профессионалы, насколько известно автору этой статьи, обращали мало внимания на семантику жгутовидного, или веревочного, орнамента. Они рассматривали его как имитацию результатов других видов производства – плетения корзин и подобных вместилищ, ткачества и т.д. Между тем сейчас совершенно очевидно, что любые действия людей осмысляются, что они являются не только утилитарными актами, но знаками, определяющими их место в картине мира. В огромных количествввх культур, особенно эпохи неолита и раннего металла от Японии до Западной Европы, использовался этот мотив, наносили его различным образом (в частности, прибегая к зубчатым штампам) для орнаментации наиболее известных археологам вещей – керамических сосудов. Судя по всему, утилитарно-сакральный образ оплетения служил знаком сохранения обилия, гарантией неиссякаемости находящегося в нем, магическим знаком того, что вместилище не останется пустым.

---

[68] Там же. С. 325.

[69] *Литвинский Б.А.* Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкономика и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 86 сл.

[70] Луна, упавшая с неба... С. 282.

[71] *Сарианиди В.И.* Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989. № 1. С. 158; *Мейер-Меликян Н.Р.* Определение растительных остатков из Тоголок 21 // *Сарианиди.* Древности страны Маргуш... С. 203–205.

[72] *Аруз Д.* Образы сверхчувственного мира: бактрийско-маргианские печати в их связи с Ближним Востоком и долиной Инда // ВДИ. 1998. № 2. С. 82.

[73] *Басилов В.Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992. С. 87–88.

[74] Там же. С. 202.

[75] *Новик Е.С.* Обряды и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984. С. 125, 128, 141–142, 204.

Образ нити неразрывно связан с образом пряхи, а значит и ее создания – ткани, одежды, но также с исходным материалом – шкурой животного. С глубочайшей древности, как показывают данные изобразительной традиции Месопотамии, высокопоставленные люди носили одежды из овечьих шкур или тканей, имитировавших мохнатую поверхность шкур. Это не могло быть случайным. Известно, что овца считалась символом обилия[76]. Традиция ношения подобных одежд распространилась далеко на восток и северо-восток, в Иран и на территорию БМАК. Из погребений происходят многочисленные каменные фигурки женщин в таких облачениях. Эти же облачения носят, вероятно, богини на металлических печатях (рис.1, *1*; 2, *1*). Носили их и знатные люди в Сузиане и других регионах, включая Восточный и Северный Иран, в III – первой половине II тыс. до н.э.[77] Их принадлежность людям высокого социального ранга, носителям всякого рода благодати и изобилия, очень показательна.

Может возникнуть вопрос: есть ли смысл исследовать семантику знака, если он является практически универсальным по крайней мере в пределах обширного региона? Но ведь культура человечества обладает массой общих признаков и в конечном счете едина, однако формы проявления ее элементов в разных сообществах имеют различия, в конечном счете придающие культурам их неповторимый облик. Когда речь идет о письменной древности, о времени существования государств, специфика акцентировки оттенков общих черт у разных народов, как и изучение их специфических судеб, естественно становится объектом исследований. Но почему не попытаться определить хотя бы некоторые оттенки мировосприятия и носителей бесписьменных культур в тех случаях, когда они обладали богатой изобразительной традицией?

Актуальность для носителей БМАК мотива круга и сочетающихся с ним крестообразных и многолучевых мотивов, как и мотива жгута, веревки, не вызывает сомнений. Доминирующая форма круга-штампа и преобладание геометрических или геометризованных мотивов резко отличают их печати-амулеты от цилиндрических печатей Месопотамии и тяготевших к ней в культурном отношении стран, в первую очередь Юго-Западного Ирана. При том, что все печати связаны с представлениями о магической защите, охране обладателя, цилиндры типа месопотамских по крайней мере с конца IV тыс. до н.э. принадлежат к типологически более сложноструктурированной культуре, в которой образ мира не только вербально, но и визуально выступает как весьма дифференцированный и антропоморфизированный. Перед обладателем печати, когда он общается со сверхъестественным, предстает его бог-покровитель, который, как и владелец печати, – частица столь же антропоморфизированного и дифференцированного социума. Очень рано акцент делается на индивидуализированные отношения, присущие государственной системе, где между просителем и подателем благ стоит немало посредников.

П. Амье, определивший круг культур на территории Ирана за пределами существования государственных образований III–II тыс. до н.э. как «трансэламские», писал об этих различиях, основываясь на немногочисленных, но все же информативных находках. «Иранский пантеон, изображенный на трансэламских печатях, предстает менее богатым и менее разнообразным, а значит, – менее разработанным, чем месопотамский пантеон, где боги персонифицировали взаимодополняющие друг друга космические элементы. Этот более простой пантеон скорее всего соответствует слабой политической системе, включающей в себя разные этнические образования и племена»[78].

В печатях БМАК, по крайней мере в определяющих их облик комплексе с мотивами круга, крестообразных и многолучевых фигур, представляется вероятным усматривать максимально обобщенный образ космоса, воплощенный в геометризованные мотивы типа мандалы. Доминирование этих мотивов позволяет полагать, что в их об-

---

[76] *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. С. 110.

[77] *Amiet.* L'âge des échanges inter-iraniens... I 11. 61, 83, 110, 113–114, 149, 201–203.

[78] *Амье П.* Богини и царицы Элама // ВДИ. 1997. № 1. С. 100.

рядах именно условные структуры такого рода играли чрезвычайно важную роль, что указывает на специфику обрядово-мифологической системы носителей этой культуры. В то же время по целому ряду признаков можно предположить, что в образах глиптики БМАК, как и в образах наиболее развитой и изученной глиптики Месопотамии, а также хараппской цивилизации[79] находили отражение ритуалы, имевшие сезонную привязку. Собственно, это положение для всех исследователей первобытного, древнего и традиционного искусства очевидно. Вопрос в том, как мы можем выявить ритуалы, которые отразились в определенных изобразительных мотивах.

Для носителей БМАК, насколько можно судить по известным данным, определение себя в сакральном пространстве и его защита через ограничение, ограждение, в частности, при помощи конструкций из веревки или шнура, имели чрезвычайно важное значение. То обстоятельство, что форму круга, в том числе со жгутообразным обрамлением имело подавляющее большинство печатей-амулетов, очень показательно. Таким образом все, помещавшееся внутри изобразительного поля, приобщаясь к сакральному пространству, само сакрализовалось, наделялось особыми свойствами.

Примечательно стремление носителей этой культуры (или культур ее круга), по крайней мере на определенном этапе, сооружать общественно значимые постройки со стенами строго геометрического плана, тяготеющие к квадрату или кругу. В некоторых случаях (Сапаллитепа, Дашлы 3) они имели дополнительные элементы, придававшие им причудливую форму. Сложные оборонительные, в каких-то случаях не столько с практической, сколько с магической точки зрения сооружения такого типа, при том, что им не предшествуют более ранние постройки, демонстрируют стремления первопоселенцев преодолевать дискомфорт на новом месте, воссоздать в непривычных условиях образ своего мира, его модель, обеспечивающую безопасность. «*Чтобы жить в этом мире*, его нужно *основать*...»[80].

В контексте предлагаемой работы возникает вопрос, имеющий самое непосредственное отношение к ее цели: есть ли у нас основания определять символику круга и крестообразных фигур в БМАК? Нельзя исключать тенденции связывать символику круга с небом (если не с пространством мира в его целостности), а четырехсторонних (и более) фигур – с образами сторон света, а значит, земли. Вряд ли можно согласиться с Т.Ш. Шириновым, считающим крестообразные фигуры лишь астральными символами[81]. Нам уже приходилось писать о близости крестообразных фигур и дерева в анауской культуре, сыгравшей, по всей видимости, важнейшую роль в генезисе БМАК[82]. В настоящее время кажется целесообразным полагать, что круг был знаком, обозначающим сакральное окружение, защиту, изобилие, противодействие злу во всех его проявлениях. Крестообразные и подобные им фигуры могли соотноситься с миром, с его сторонами и различными проявлениями (деревья – опоры мира, животные, маркирующие его стороны, растения, символизирующие его обновление, и т.д.). В различных ситуациях эти фигуры могли выступать как альтернативные или дополняющие друг друга (примеры этого см. у М. Элиаде[83]).

В этом контексте и с учетом предполагаемых аналогий из других традиций образ жгута на вещах приобретает особый смысл. Он указывает на представления о связанности человека с элементами мира, на возможность воздействия на мир через ритуал, в котором могли использовать как всякого рода шнуровидные изображения, так и настоящие вещи – веревки, полосы ткани. Этот мотив бытовал в культуре, которой были присущи экстатические ритуалы. На это указывают не только находки остатков вызывающих возбуждение растений, но и изображения животных в возбужденном состоянии.

---

[79] *Антонова*. Очерки культуры древних земледельцев... С. 180–186; *Francfort*. Dungeons and Dragons...; *Волчок Б.Я*. Протоиндийские божества // Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Ч. II. PROTOINDICA. М., 1972. С. 289, 292–298.

[80] *Элиаде М*. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. Киев–Москва, 2002. С. 43.

[81] *Ширинов Т.Ш*. Средняя Азия во II тысячелетии до нашей эры и протозороастризм // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 39.

[82] *Антонова*. Очерки культуры... С. 75.

[83] *Элиаде*. Оккультизм... С. 44–47.

Жгутовидные мотивы на вещах БМАК указывают на существование ритуалов и мифологических текстов, в которых реализовались образы окружающей мир змеи и обтекающих его вод, края, предела, связи между зонами по вертикали. В поле их значений – и образы обновляющейся природы, изобилия, процветания, жизни и долголетия, безопасности и судьбы, власти. В ритуалах этой культуры универсальный знак круга сочетался с образом жгута, пряденой из шерсти нити или веревки и изделий из нее, в частности одеждой[84]. Другие знаки «притягивались» на различных основаниях – внешнего сходства (змея, вода, вьющееся растение), функции (покрывать, окружать, защищать – стены архитектурных комплексов, браслеты, шейные украшения, пояса), принадлежности к периодам хозяйственной деятельности (периоды ухода за скотом, женские домашние работы – прядение, ткачество).

Как и в других случаях интерпретации семантики и смысла ритуальных вещей или вербальных мотивов, присущих культурам традиционного типа, внимание к одному влечет за собой обращение к цепочкам вещественных воплощений значений и смыслов, которые в конечном счете предполагают реконструкцию образа мира. Разумеется, особенно когда объект – свидетельства бесписьменной культуры, результаты реконструкции более, чем в более благоприятных исследовательских ситуациях, носят гипотетический характер.

ON INTERPRETATION OF TWIST MOTIFS ON THE OBJECTS OF THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF BACTRIA AND MARGIANA

Ye. V. Antonova

The author analyzes the semantics of various twist motifs framing the images on amulet seals of the archaeological complex of Bactria and Margiana (the greater part of the objects in question are round in form). This motif is considered to be a symbol of sacral border keeping out the evil and retaining the good. The analyzed material of this complex and some analogies in other traditions make it possible to maintain that for its creators the motif was connected with real things bearing a mythological meaning, such as ropes and threads, but also with snakes, water and the ideas of reviving nature, abundance, life and power. As it is usually the case with signs used within a traditional culture, the semantics of twist must be referred to the image of the world relevant for its creators. It is highly probable that ropes, stripes etc. were used in ecstatic rituals reflected in the evidence of other types (the use of plants causing ecstatic states and the character of the images on the seals).

© 2005 г.

О. М. Городецкая

ЛИКИ ШАН/ИНЬ (КИТАЙ, II тыс. до н.э.)

Китай – цивилизация множественного числа. В исходных понятиях китайского языка присутствует не человек, а люди, не Небо, а троичные, пятеричные, девятеричные, восьмидесятиодноричные небеса, не Земля, а земли, не Бог, а сонмы духов и божеств. Тому же закону множественности подчинена и китайская история. В течение тысячелетий на территории Поднебесной сменялись разноименные большие и малые государства, мировые и локальные культуры. Но при этом одной из важнейших особенностей большинства китайских культур последних трех с лишним тысячелетий является исто-

[84] Напомним, что во многих традициях прядение и ткачество осуществляются одним мифологическим персонажем (*Топоров*. Пряжа...).

ричность. Исторические документы на бронзе, камнях и бамбуковых планках II–I тыс. до н.э., детальные хроники, составленные по записям придворных звездочетов-историков I–II тыс. н.э., ежедневные отчеты о событиях в Поднебесной, хронологические подборки и биографические материалы летописного фонда империи Цин (XVII–XX вв.), а также страсть китайцев последнего столетия к фотографическому запечатлению себя во всех событиях – все это явления одного порядка.

Начиная с эпохи Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.) широкое распространение получили и ретроспективные историописания, первыми из них стали «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня (145–? гг. до н.э.). В течение веков этот и другие подобные тексты были каноном понимания китайской истории. Однако археологические открытия последнего столетия заставили иными глазами взглянуть на священные исторические каноны и увидеть, что в этих текстах скрупулезно собранная информация сочетается с интерпретациями более поздних культур. Стремясь к традиционализму и связи с древностью, Китай сберегал древние формы. Однако при этом в сменах эпох, династийных правлений и этнического состава населения нередко забывался исходный смысл явлений. Повторяя старые образцы, новые эпохи наделяли их новым содержанием. Оно было и близким, и далеким. Трансформациям подвергалось все, начиная с основы культуры – иероглифики. Знаки теряли и исходное звучание, и исходную семантику, приспосабливаясь к реалиям жизни. Это ставит вопрос адекватности понимания многих древних текстов.

Археологические открытия последнего столетия позволяют сопоставить реальные находки с ретроспективными историописаниями, частично подтвердить и частично опровергнуть знаменитые тексты. Одним из величайших открытий начала XX в. стали города II тыс. до н.э., величественные погребения и гадательные письмена на панцирях-костях. Эти открытия подтвердили существование государства Шан/Инь, имена и деяния правителей, описанные в «Исторических записках». Перед историками воочию предстал описанный Сыма Цянем шан-иньский погребальный ритуал с усекновением голов человеческим жертвам. Согласно пояснениям Кун Ин-да (574–648) к «Запискам о благопристойности» («Ли цзи»), в Инь использовали вещи живых людей и самих живых людей, преподнося их покойному в качестве жертвенной пищи, вскармливая ими великий дух царственного предка[1].

Однако далеко не все нарративные источники находят археологическое подтверждение. Один из подобных вопросов касается персонифицированных человеческих изображений. В единственной крупной монографии, посвященной истории китайского портрета[2], утверждается, что зарождение портрета в Китае произошло в эпоху Шан. В качестве аргумента приводятся бронзовые сосуды с более-менее реалистически исполненными человеческими лицами, а также знаменитый эпизод о пророческом сне иньского царя У-дина (традиционно считается, что он правил 21 год в промежутке 1324–1266 или 1238–1179 гг. до н.э.) из «Записей о поколениях императоров и царей» («Ди ван ши цзи») историка Хуанфу Ми (215–282)[3]. В «Ди ван ши цзи» говорится, что У-дин увидел во сне мудреца, которого звали Юэ. Осмотрев всех приближенных, он не нашел никого, кто бы на него походил. Тогда царь приказал *бай-гунам* нарисовать с царских слов портрет и по этому портрету всюду искать мудреца. Его нашли среди каторжников и привели к правителю, который признал в колодочнике героя своего сна, а побеседовав, убедился, что тот действительно мудрый человек. Так явившийся во сне У-дину и запечатленный на написанном с царских слов портрете мудрец Юэ стал

[1] «Записки о благопристойности» («Ли цзи») – канонический конфуцианский памятник, созданный в IV–III вв. до н.э., дополненный и откомментированный во II–I вв. до н.э. См. Ли цзи чжэн и («Правильный смысл "Записок о благопристойности"»). Т. 2/1–8; Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатиканоние» с комментариями и толкованиями). Т. 20. Шанхай, 1957. С. 406–407.

[2] *Lancman E.* Chinese portraiture. Tokyo, 1966.

[3] Ди ван ши цзи цзи цунь (Собрание сохранившихся отрывков из «Записей о поколениях императоров и царей»). Пекин, 1964.

первым советником, и с тех пор иньское государство управлялось хорошо[4]. Аналогичный эпизод приводится и в гл. 3 «Исторических записок» Сыма Цяня, однако без указания на создание портрета[5]. Что касается термина *бай-гун*, то обычно, и в частности в комментарии к «Ши цзи», он трактуется как аналог *бай-гуань* (сто чиновников), однако, по мнению Фань Вэнь-ланя, *бай-гуны* возглавляли ремесленных рабов и владели специальными навыками, которые передавали из поколения в поколение[6]. Такая трактовка более соответствует и самому термину *гун* – ремесленник. Возможно, имеется в виду некая специальная художническая артель, не исключено, что реально существовавшая при дворе иньских правителей. Однако знакомство с синхронными археологическими памятниками исключает вероятность создания шанскими художественными ремесленниками персонифицированных изображений.

Археологические раскопки на территории Ань-яна (XIV–XI вв. до н.э., провинция Хэнань)[7], где некогда находилась иньская столица, позволяют конкретно увидеть искусство периода правления У-дина. Знаменитая гробница № 5 – единственная на сегодняшний день царская могила Шан/Инь, найденная в неразграбленном виде, оказалась захоронением супруги У-дина, Фу Хао, которая к тому же была великим полководцем и военным стратегом. Могила расположена вне главного комплекса царского кладбища и состоит из верхнего помещения размером 5.6 × 4 м, где размещены останки Фу Хао, бóльшая часть посуды и предметов. Ниже устроено небольшое углубление, где найдены останки шести собак, и по периметру разложены скелеты 16 человеческих жертв. В яме была деревянная палата 5 м длиной, 3.5 м шириной и 1.3 м высотой. В пределах палаты был помещен лаковый гроб царицы, который, к сожалению, истлел. В надписях гадательных костей говорится, что супруга У-дина была военачальником, участвовала в нескольких военных кампаниях и осуществляла контроль над важными жертвенными церемониями. Примечателен тот факт, что имя великой царицы не было известно ни Сыма Цяню, ни его последователям. Великие завоевательные походы У-дина описываются в ретроспективных хрониках без упоминания об этой женщине.

Всего в гробнице Фу Хао было найдено 468 бронзовых предметов, 755 нефритовых изделий, 63 изделия из камней недрагоценных пород, 5 предметов из слоновой кости, среди которых большой (высотой 30.5 см) кубок из цельного куска слоновьего бивня, инкрустированного бирюзой с изображениями масок и прочих узоров, дополненный костяной ручкой в форме головы хищной птицы[8], 564 предмета из кости рогатого скота (среди которых было 500 резных шпилек для волос) (рис. 1–8) 11 керамических изделий и 6900 раковин каури[9].

Среди бронзовой утвари здесь был найден топор (39.3 × 38.5 см), которым были отрублены головы жертв, погребенных с воинственной царицей (рис. 1). В центре этого топора изображена человеческая голова в окружении двух драконов с нацеленными на нее распахнутыми пастями[10].

Рельеф другого бронзового топора из соседней Ань-янской гробницы (рис. 2) выглядит как устрашающая маска с прорезанными насквозь контурами глаз со зрачками, оскаленного рта, ушей и бровей (устрашающий лик божества смерти или первопредок, принимающий в себя дух умершего?).

Нефритовые изделия из гробницы Фу Хао аналогичны шанским нефритам из других захоронений. Это резные и покрытые тонкой абстрактной гравировкой фигурки

---

[4] Там же. С. 72.

[5] Эр ши у ши. Т. 1. С. 12; *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 1. М., 1972. С. 173.

[6] *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая. М., 1958. С. 53.

[7] См. *Li Chi*. Anyang. Seattle, 1977.

[8] Чжунго чжун-да као-гу фа-сянь («Великие археологические открытия Китая»). Пекин, 1990. С. 100; Men and Gods. New Discoveries from Ancient China. Louisiana. Museum of Modern Art, 1997. P. 50–51.

[9] Инь сюй Фу-хао му («Иньские развалины гробницы Фу Хао»). Пекин, 1980.

[10] Чжунго чжун-да као-гу фа-сянь (»Великие археологические открытия Китая»). С. 94; Men and Gods... P. 49.

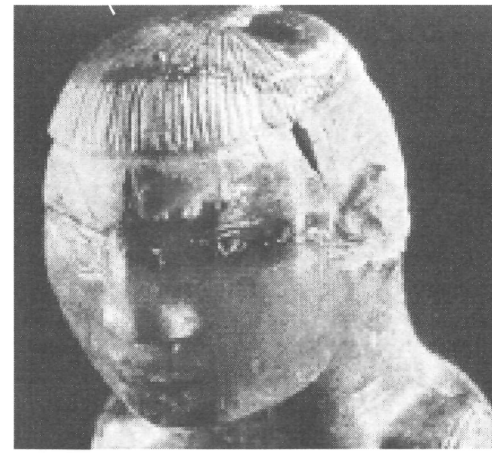
1

3

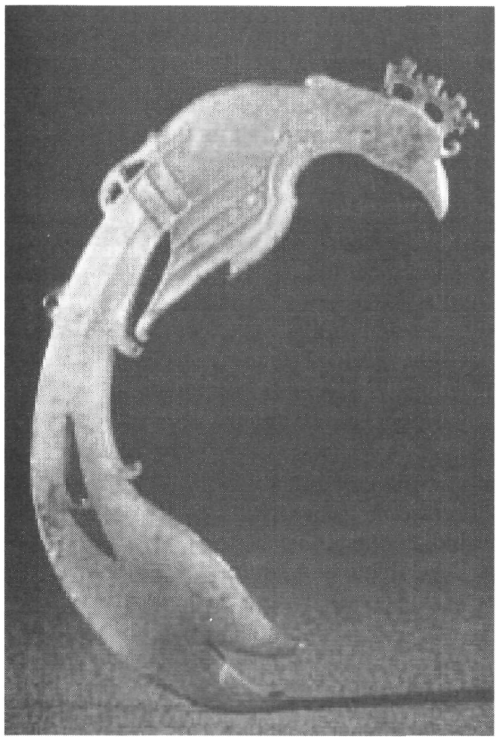
2

Рис. 1–3. Предметы из погребений Ань-яна: *1* – бронзовый топор из гробницы Фу Хао; *2* – бронзовый топор с прорезанной маской; *3* – кубок из гробницы Фу Хао. Слоновая кость, бирюза

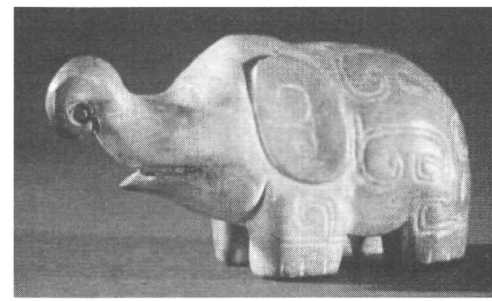
4



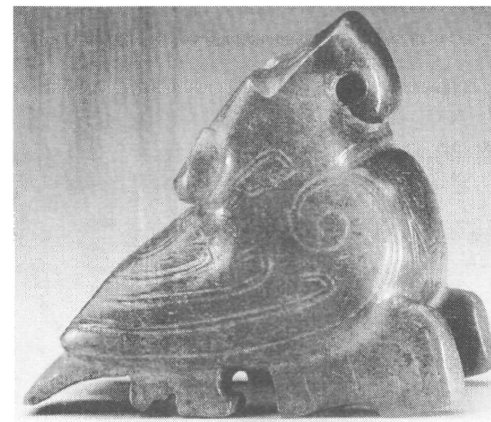
6



5



7



8

Рис. 4–8. Нефриты Фу Хао: *4* – чиновник, «пронзенный стрелой»; *5* – феникс; *6* – лицо нефритового человечка; *7* – нефритовые тигр и слон; *8* – птица

медведей, слонов, драконов, фениксов и людей, выполненные на высоком техническом и художественном уровне (рис. 4–8). Назначение этих предметов неизвестно, а созданные ими образы весьма выразительны. Среди нефритовой пластики Фу Хао обращает на себя внимание небольшая (7 см высотой) фигурка коленопреклоненного человека в головном уборе, похожего на чиновника (рис. 4). Из спины у него выступает, видимо, крепеж, что создает впечатление, будто он пронзен стрелой[11].

В настоящее культура Шан-Инь является самой древней из более или менее изученных эпох. Хотя в вопросе ее генезиса мнения ученых в целом едины, по ее датировке существуют разногласия: начало определяется в границах XIX–XVI вв. до н.э., а конец – XII–XI вв. до н.э. Это колебание связано с вопросом о якобы предшествовавшей Шан первой династии Ся, от названия которой произошел термин *хуа-ся*, означающий основной древнекитайский этнос периода Чжоу (XII–III вв. до н.э.). Династия Ся, согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня, была основана императором Юем, усмирившим мировой потоп. Китайские археологи упорно ищут Ся в бассейне реки Хуан-хэ и термином «Ся» называют разные типы протошанской (или раннешанской?) культуры.

Однако изучение письменных памятников Чжоу, где идеализируют время Ся и приписывают ему реалии Чжоу, противопоставляя их испорченности нравов Шан/Инь, позволяет предположить, что Ся – не что иное, как ранняя культура проточжоуских племен. К тому же в иньских надписях на костях нет упоминания Ся. Хотя это лишь рабочая гипотеза, пока почти не имеющая конкретной доказательной базы, однако из письменных памятников Чжоу отчасти видно, что чжоусцы апеллировали к временам Ся как к соответствующим их пониманию «гуманности» (~«подобающего человеку») и благопристойности и отрицали «гуманность» ритуалов государства Инь. Понятие Ся, образ Юя впервые появились в чжоуских текстах «Ши» и «Шу». Не исключено, что проточжоусцы-сясцы жили и в иньские, и в доиньские времена. После усиления Инь и иньских завоевательных походов они были отчасти порабощены Инь, но затем, когда царство Чжоу возвысилось, оно стало утверждать своих прародителей как первую династию всей Поднебесной. В отечественной исторической науке сходное мнение уже высказывалось Л.С. Васильевым: «Следует заметить, что аутентичные иньские источники, надписи на гадательных костях и черепашьих панцирях ничего не говорят о подобного рода преданиях. Более того, вообще не упоминают о Ся, не используют этого знака для обозначения государства либо династии и не содержат никаких данных о том, что такого рода государство (или династия) когда-либо существовало в Китае до Шан-Инь, даже под иным именем. При всем том, что иньские надписи содержат весьма много сведений о соседних народах и взаимоотношениях с ними на протяжении ряда веков, такое умолчание красноречиво. Конечно, не исключено, что иньцы до оседания их в бассейне Хуанхэ и тем более в районе Аньяна, где они оказались не сразу, имели столкновения с иными обитавшими в этом регионе народами, может быть, даже и протогосударствами. Возможно, эти столкновения привели к гибели какие-то более или менее известные и даже достаточно долго существовавшие протополитические и политические структуры, воспоминания о которых впоследствии легли в предание о Ся... Известно, что в начале Чжоу, когда предания записывались, термином Ся обозначалась совокупность китайских земель и населения. Не исключено, что вторжение иньцев в бассейн Хуанхэ и приход их в район Аньяна со временем и были осмыслены как замена одних (Ся) другими (иньцами)»[12]. Вопрос о племени или государстве Ся так и остается открытым, и, видимо, для понимания этого явления необходимо ответить на другой столь же открытый вопрос – о происхождении Чжоу. Исследование истории I тыс. до н.э. все больше приводит к мысли об уникальности этого явления для Китая и недостаточной его объяснимости с точки зрения будь то его иньской предыстории или дальнейшего развития.

---

[11] The great Treasure of Chinese Fine Arts. Sculpture 1. Beijing, 1988. P. 26.
[12] *Васильев Л.С.* История Востока. Т. 1. М., 2001. С. 112.

Впрочем, полтора столетия назад и Шан представлялась легендой, поэтому не исключено, что со временем археология сможет доказать и реальность Ся. Однако на сегодняшний день ранняя бронзовая культура Эр-ли-тоу (XVIII–XVI вв., провинция Хэнань), которую часто называют сяской[13], укладывается также во временные границы Шан, по варианту ранней датировки[14]. К.В. Васильев также склонен считать Эр-ли-тоу культурой раннего Шан, возросшей на основе энеолитической культуры Хэнаньского Лун-шаня, который в свою очередь вышел из Лун-шаня Хубэй[15]. Эта территория интересна тем, что в дальнейшем здесь возникло государство Чу (XI–III вв.), согласно представлениям многих современных китайских исследователей ставшее колыбелью великой империи Хань (III в. до н.э.–III в. н.э.). Согласно материалам, обнаруженным в могилах Эр-ли-тоу[16], погребальный ритуал здесь сопровождался принесением человеческих жертв, что также наблюдалось в некоторых погребениях Лун-шань (2500–1700 гг. до н.э.) и повсеместно присутствует в Шан. Кроме того, культура Эр-ли-тоу демонстрирует образцы нефритов, близких к шанской стилистике, а также выплавляет первые бронзовые треножники, которые, однако, еще лишены каких-либо рельефных узоров (рис. 9). Но самое важное из местных находок – письменность, близкая к шанскому письму на панцирях и костях (рис. 10).

Расшифровка надписей на древних костях из захоронений XVI–XI вв. до н.э. позволила установить, что Верховным божеством в эпоху Шан-Инь почитался Первопредок Шан-ди, в чьем образе сливались зооморфные, антропоморфные и сверхъестественные черты. Сообразно этим представлениям, в самых ранних захоронениях Шан (XIV–XIII вв. до н.э., провинция Хэнань) уже встречаются зооантропоморфные нефриты[17]. Например, плоская удлиненная фигурка (9.3 см) «оперенного» человека, с двух сторон имеющего по лицу (рис. 11). Подобные птице-люди обычны для шанских захоронениях и среднего, и позднего времени. Другой пример совмещения звериного и человеческого облика – фигурка из горного хрусталя «стоящего на четвереньках» получеловека, полуобезьяны из раскопок Ань-яна (рис. 12), ныне хранящаяся в Музее археологии в Пекине (6.3 см). Начиная с периода раннего Шан также встречаются и зооморфные, и зооантропоморфные маски. В более ранних экземплярах звериные черты преобладают. Изящна и тонко проработана маска льва (?) (рис. 13).

Пластически насыщенна и синкретична шанская ритуальная бронза. Ей присуща избыточная энергия. Многообразные формы, обладая самоценной выразительностью, перетекают друг в друга, сплетаются в тугие, причудливые композиции. Часто реалистические формы покрывают рельефы абстрактных орнаментов, среди которых присутствует мотив маски. Такова курильница высотой 17.5 см в форме слона со слоненком (XII в. до н.э.), найденная в Ань-яне и хранящаяся во Фрирской галерее (рис. 14)[18].

Антропоморфные образы шанского искусства довольно многочисленны, но в основном представлены в виде выразительных бронзовых масок, в которых общая форма человеческого лица сочетается с зооморфными и фантастическими деталями. Маски иногда существовали отдельно, иногда включались в орнаментальные мотивы, а иногда являлись крышками для сосудов. Такова Ань-янская курильница XII в. 18.5 см высотой из Фрирской галереи[19]. Крышкой ее является полуобезьянья маска (рис. 15), а по боками тулова присутствуют два разных изображения одноногого дракона *куя*. Маски, выступающие горельефом на тулове квадратного жертвенного сосуда XII в. до н.э. высотой 38.5 см (рис. 16), наиболее антропоморфны. Происходит сосуд из захоро-

---

[13] *Childs-Johnson E.* Symbolic jades of the Erlitou period: a Xia royal tradition // Archives of Asian Art. 1995. 48. P. 64–90; *Thorp R.L.* Erlitou and the search for the Xia // Early China. 1991. 16. P. 1–38.

[14] См. *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 1. С. 378–379.

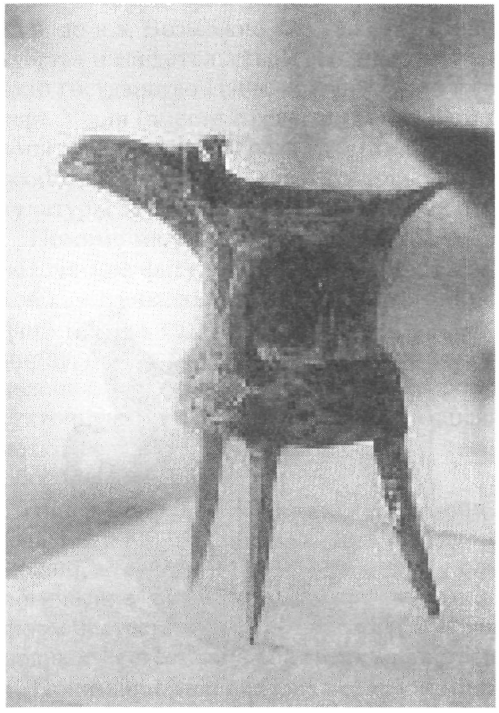
[15] *Васильев К.В.* Истоки китайской цивилизации. М., 1998. С. 69–79.

[16] История Востока. Т. 1. Восток в древности. М., 1997. С. 198.

[17] Чжэнчжоу Шан чэн 1953–1985 нянь као-гу фа-цзюэ бао-гао («Отчет об археологических находках периода 1953–1985 шанского городища в Чжэнчжоу»). Т. 1–3. Шанхай, 2001.

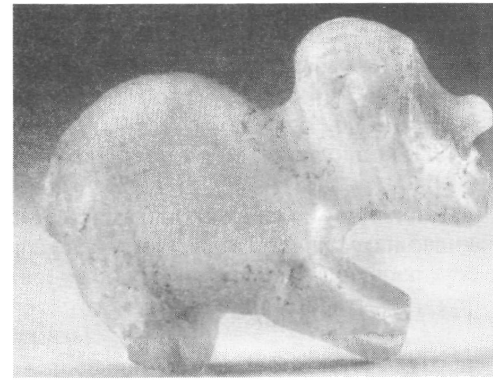
[18] The Freer Chinese Bronzes. Catalog. V. 1. Washington, 1967. P. 228–231.

[19] Хранится во Фрирской галерее: The Freer Chinese Bronzes. Catalog. V. 1. P. 222–227.



9

10

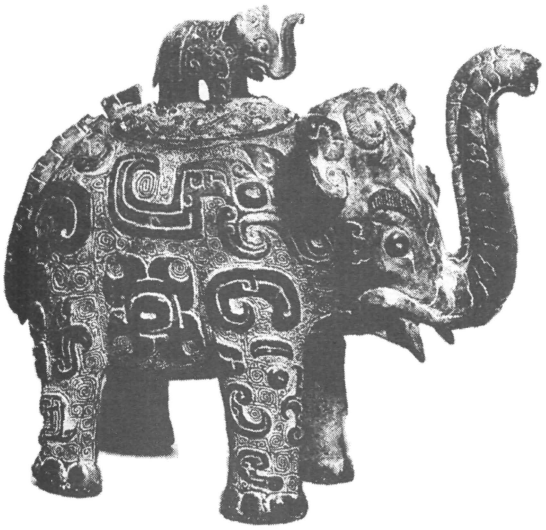


12

11

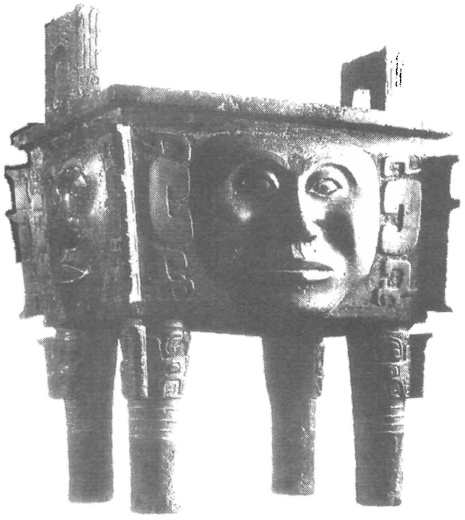
13

Рис. 9–13. Бронзовые культуры Эр-ли-тоу и Эр-ли-ган (ранняя Шан-Инь); *9* – бронзовый треножник (Эр-ли-тоу); *10* – письменные знаки (Эр-ли-тоу). Зооантропоморфные образы Шан; *11* – нефритовая фигурка (Эр-ли-ган); *12* – хрустальная обезьяна (Ань-ян); *13* – нефритовая маска льва (Эр-ли-ган)

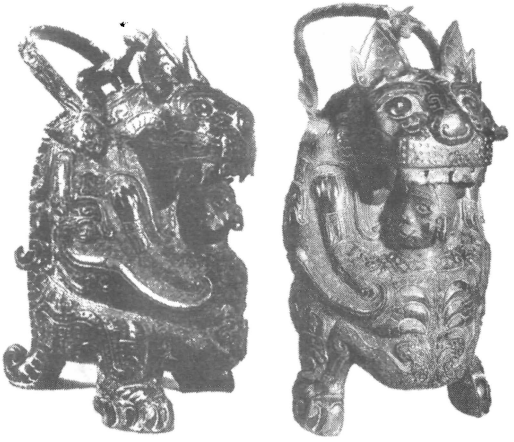


14

15



16



17

Рис. 14–17. Зооантропоморфные образы в шанской бронзе: *14* – курильница в форме слона со слоненком на спине; *15* – маска как крышка бронзового сосуда; *16* – маски на тулове сосуда из раскопок Чу периода Шан-Ин; *17* – чудовище, пожирающее мальчика

нения с территории царства Чу, которое, согласно Сыма Цяню, сформировалось в XI в. до н.э. Возможно, эту находку следует считать произведением проточуского искусства и свидетельством его иньских корней[20]. До Чу на этих территориях существовало государство Цзин, которое было в союзе с юго-западным царством Шу. Иньский царь У-дин (вместе с генералом Фу Хао) покорил южные земли Цзин и Шу, о чем говорится в последнем разделе «Ши цзина» – «Шанские гимны» («Шан сун»). Этот факт особо важен для анализа южношанского ареала и, в частности, недавних находок культуры древнего Шу – Сань-син-дуй (ок. XII в. до н.э., провинция Сычуань).

Помимо масок в китайских изображениях шан-иньского времени встречаются и человеческие фигуры. Правда, в бронзе до настоящего времени известен лишь один такой памятник: сосуд в виде чудовища, пожирающего мальчика (рис. 17). Человеческие формы здесь еще не выделены из единых форм естественного и сверхъестественного миров, и поэтому создается образ первоструктуры исходного живого комка, когда все явления, еще держась вместе, уже начинают формировать и выделять свою самодостаточную плоть. Единые силуэты древних бронзовых сосудов с их архитектурной четкостью воспринимаются мощной твердыней, сдерживающей центробежные силы обособляющихся форм.

Нефритовые «люди» иньских гробниц порой выглядят очень «по-человечески», но бывают и весьма причудливы и больше похожи на зверей с человечьим лицом. Возможно, это действительно какие-то полузооморфные, полуантропоморфные мифологические персонажи. Такие находки подтверждают наличие антропоморфных форм искусства в Шан-Инь и то, что человек здесь предстает в качестве одной из природных – естественных и сверхъестественных форм.

Понимание явлений в их исходном множестве свойственно китайскому менталитету и языку. В связи с этим и образ Шан-ди в настоящее время также получил толкование не как уникального верховного (*шан*) существа, но как совокупности предшествующих (*шан*) поколений правителей (*ди*)[21], что представляется вполне вероятным и корреспондируется с образным строем шанской бронзы.

Таким образом, в изображениях II тыс. до н.э. превалируют идеи божественного лика и природного синкретизма. Говорить о каких-либо зачатках в Шан-Инь конкретизации человеческих изображений, концентрирующих внимание на одном индивидуальном объекте, безусловно, не приходится.

Легенда, зафиксированная в «Ди ван ши цзи», больше свидетельствует о значимости конкретных личностей, не облеченных небесной властью, и их портретных изображений в III в. н.э., нежели в XIII в. до н.э. Источник помещает их во времена седой древности, показывая при этом, насколько они могут быть государственно необходимы, в то время как этого в полной мере не было еще даже во времена Сыма Цяня, в тексте которого не упоминается о создании портрета. Безусловно, это легенду, к тому же зафиксированную лишь в III в., трудно считать исторически достоверной. Она скорее служит иллюстрацией китайского менталитета, когда все достижения культуры, в том числе уже вполне развившееся к III в. портретное искусство, считаются существовавшими с незапамятных времен[22].

В свою очередь культ человеческого лица (масок) и наиболее частый изобразительный мотив антропоморфного или зооморфного лица-маски в культуре Шан/Инь, вероятно, непосредственно связан с ритуалом умерщвления жертв именно посредством отрубания голов (лица). Связь бронзовых и нефритовых ликов с погребальным ритуалом явствует из их обязательного присутствия на топорах для отрубания голов жертвам. Изображение маски всегда связано с идеями потустороннего божественного лика, в то время как человеческая фигура, даже если она призвана воплотить божест-

[20] Men and Gods... P. 55, 107.

[21] *Васильев Л.В.* О Шанди (Шан-ди) // XXII научная конф. «Общество и государство в Китае». Тез. докл. Ч. 1. М., 1991.

[22] Ди ван ши цзи цзи цунь. С. 72.

во или имеет иное сакральное назначение – это всегда человек. Если божество имеет форму человека, то и сам человек божественен. Поэтому в древности именно полнофигурные изображения, а не лица говорят о понимании культурной значимости человека. Однако полнофигурные изображения, в отличие от личинных, в эпоху Шан/Инь встречаются достаточно редко.

Явление маски как «сверхъестественного лица», почти что «лика божьего», свидетельствует об особом почтительном отношении к лицу, в том числе и человеческому. Однако в I тыс. до н.э. образ «божественного лица» исчезнет из культурной парадигмы, а на рубеже эр начнет формироваться концепция государственного «лица». Древние же лики так и остаются загадкой, рождающей множество гипотез.

THE FACES OF SHANG/YIN (CHINA, THE II MILLENIUM BC)

O. M. Gorodetskaya

The famous tomb from the excavations of An'yang, discovered during the recent years of great archaeological finds in China, is the only known intact royal sepulchre of the Shang/Yin period. It was attributed to Fu-hao, the militant spouse of Wu-ding. The type of entombment and the unearthed artefacts partly confirm and partly contradict and augment the data to be found in «The Historical Records» («Shi ji») by Sima Qian (145–? BC) and in «The Records of Imperial and Royal Genealogy» («Di wang shi ji») by Huangfu Mi (215–282). The article juxtaposes currently available literary and archaeological data of the time of Wu-ding's rule.

The article also touches upon the role of anthropomorphic masks in the Shang culture. The most frequent pictorial motif of anthropomorphic and zoomorphic face-masks can be explained by the ancient custom of ritual killing by decapitation for the purposes of co-interring. The connection of these bronze or jade face-masks with funeral rites can be inferred from the presence of identical images on the sacred axes used for ritual decapitation.

© 2005 г.

К 70-ЛЕТИЮ ГЕННАДИЯ АНДРЕЕВИЧА КОШЕЛЕНКО

21 января 2005 г. исполнилось 70 лет выдающемуся российскому ученому, одному из крупнейших специалистов в области античной истории и археологии, профессору Геннадию Андреевичу Кошеленко.

Геннадий Андреевич представляет собою тот редкий тип ученого, которому его предназначение стало ясным еще в школьные годы. После окончания в 1953 г. школы в городе Омске он поступил на исторический факультет Московского государственного университета, где специализировался по кафедре истории древнего мира. Окончив в 1957 г. университет, Г.А. Кошеленко добровольно выбрал распределение в Нижне-Пронгскую среднюю школу (Хабаровский край), где преподавал сразу несколько предметов, выполняя одновременно обязанности заву-

ча. Отработав год (за два) в школе, он возвращается в Москву и в течение двух лет работает сначала библиотекарем в ГБЛ им. В.И. Ленина, а затем лаборантом в Институте археологии АН СССР. В 1960 г. Г.А. Кошеленко поступил здесь в аспирантуру, где работал над кандидатской диссертацией под руководством своего учителя еще со студенческой скамьи профессора В.Д. Блаватского. Профессор Блаватский оказал решающее влияние на молодого ученого: ведь именно по совету своего учителя Г.А. Кошеленко обратил особое внимание на эллинистический Восток – с 1962 г. на протяжении многих лет он принимал участие в работах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции под руководством проф. М.Е. Масона, осуществлявшей раскопки и разведки многих памятников на территории Туркменистана. Именно с Туркменистаном, в основном, и связана вся активная археологическая деятельность Геннадия Андреевича. Однако, как и у подавляющего большинства студентов МГУ, археологическая деятельность юбиляра началась в Северном Причерноморье, на раскопках таких крупнейших греческих городов, как Пантикапей – на европейском Боспоре и Фанагории – на азиатском. При этом в раскопках Фанагории молодой ученый принимал участие как один из первых в стране гражданских водолазов-аквалангистов: именно благодаря его усилиям в 1957 г. группе ученых удалось «выбить» на военном заводе небольшую партию акваланго, производство которых только налаживалось в СССР. Удостоверение легкого водолаза за номером шесть хранится в домашнем архиве Геннадия Андреевича.

После защиты в 1963 г. кандидатской диссертации «Культура городов Парфии» Г.А. Кошеленко получает распределение в сектор античной истории Института археологии АН СССР, где работает до 1966 г., сначала старшим лаборантом, а затем младшим научным сотрудником. Однако масштабность творческой натуры молодого ученого, стремление досконально изучить не только историю, но и искусство эллинистического Востока, приводит его на новое поприще: с 1966 по 1974 г. (с небольшими перерывами) он работает на различных должностях (с.н.с., ученый секретарь, зав. отделом) во Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей Министерства культуры СССР, а также в НИИ теории, истории перспективных проблем советской архитектуры (где стал одним из основных авторов монументального издания «Всеобщая история архитектуры») и в ИНИОН АН СССР. Однако в 1974 г. Геннадий Андреевич возвращается «к родным пенатам» – в Институт археологии АН СССР, с которым он, собственно, и не порывал, все эти годы ведя активную полевую археологическую деятельность. С этого года и по сей день Г.А. Кошеленко является одним из ведущих сотрудников института, с 1979 г. – бессменный руководитель сначала сектора, а затем отдела античной (классической) археологии.

1979 год стал ключевым в научной биографии ученого еще и потому, что именно в этом году он защитил докторскую диссертацию «Греческий полис на эллинистическом Востоке». В том же году выходит из печати одноименная монография автора. Оригинальная концепция, научная фундированность в решении этой основополагающей проблемы в истории эллинизма и восточноэллинистического общества заставляют обращаться к данной работе всех ученых, занимающихся сходными вопросами.

Особенно плодотворными в научной деятельности Г.А. Кошеленко стали 80–90-е годы, когда помимо создания целого ряда важных с методологической, теоретической и практической точек зрения работ, среди них в первую очередь следует назвать три тома «Археологии СССР»: «Античные государства Северного Причерноморья» (1984 г.), где он участвовал не только в качестве автора, но и одного из ответственных редакторов тома, «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии» (1985 г.) и «Средняя Азия в раннем средневековье» (1999 г.), а также «The Archaeological Map of the Murghab Delta» (Roma, 1998). Геннадий Андреевич руководил подготовкой молодых научных кадров. Несть числа студентам-историкам, подпавшим под влияние лекций, семинаров и спецкурсов доцента МГУ и профессора МГПИ Г.А. Кошеленко. В эти годы им было подготовлено столь большое число кандидатов и докторов наук, что с полным правом можно говорить о появлении собственной научной школы, представители которой достойно продолжают дело своего Учителя в различных вузах, музеях и научных учреждениях России и многих стран СНГ.

В 2005 г. Геннадий Андреевич может отмечать сразу два юбилея, ибо на этот год приходится еще одна «весомая» дата: полвека каждый полевой сезон археолог Кошеленко выезжал в экспедицию. После Причерноморья, пришедшегося на молодые годы, были Туркмения, Узбекистан, Афганистан, Йемен, Алжир, Индия, Сирия. Однако где бы ни вел раскопки Г.А. Кошеленко, Туркмения всегда оставалась для него на первом месте. Здесь он провел более 40 полевых сезонов: Гяур-кала, Эрк-кала, Старая Ниса, Чильбурдж, Мансур-депе, Гебеклы-депе – это далеко не полный список памятников, на которых работал Геннадий Андреевич, сначала как рядовой археолог, а вскоре как начальник Среднеазиатской археологической экспедиции ИА РАН.

Научная, педагогическая деятельность Геннадия Андреевича Кошеленко была высоко оценена государством. В 1999 г. Указом Президента РФ ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Мировое научное сообщество также прекрасно знает имя российского ученого. Г.А. Кошеленко избран членом-корреспондентом Германского Археологического Института (Берлин) и Итальянского института Среднего и Дальнего Востока (Рим). Он много раз принимал участие в представительных международных форумах в Европе, Азии и Америке. Ведущие научные и учебные заведения Франции (École Normal Supérieur, Sorbonne), Англии (Oxford University) и других стран регулярно приглашают ученого для чтения лекций по античной археологии Причерноморья и Центральной Азии.

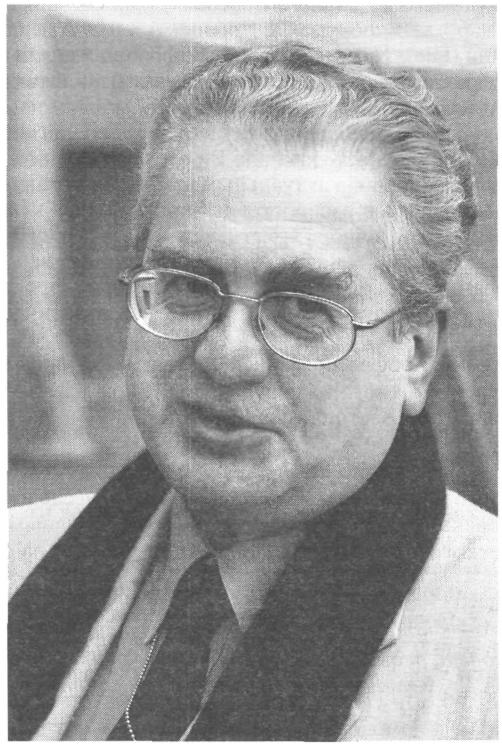
Геннадию Андреевичу тесно в рамках одной научной темы, одного направления, он постоянно стремится расширить круг своих исследований. В результате из-под его пера появляются совершенно разные работы, посвященные актуальным проблемам становления греческого полиса, греческой колонизации Боспора и распространении различных культов на его территории, зарождения и распространения восточного христианства и т.п[1] Не ограничиваясь исследованием самых разных научных проблем, Геннадий Андреевич одним из немногих историков вступил в борьбу с фальсификаторами мировой и отечественной истории, представителями так называемой «новой хронологии», обратив всю свою эрудицию на развенчание этих псевдонаучных «методик».

На протяжении многих лет профессор Кошеленко является вице-президентом Всероссийской ассоциации антиковедов. С самого начала своей научной деятельности Геннадий Андреевич плодотворно сотрудничает с «Вестником древней истории» и как постоянный его автор, и как член редколлегии.

Коллеги, ученики и друзья сердечно поздравляют Геннадия Андреевича Кошеленко – выдающегося ученого, доброго и отзывчивого коллегу и друга, исследователя с необыкновенно широкой эрудицией, человека тонкого и изящного юмора со славным юбилеем и желают ему доброго здоровья, творческого долголетия и дальнейших успехов на благо отечественной исторической науки.

Отдел классической археологии Института археологии РАН
Редсовет, редколлегия и редакция журнала «Вестник древней истории»
Отдел древней истории Института всеобщей истории РАН

[1] Список трудов Г.А. Кошеленко опубликован, см.: Боспорский сборник. 6. В честь 60-летия профессора Г.А. Кошеленко. М., 1995. С. I–XII; Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. В честь 65-летия профессора Г.А. Кошеленко. Москва–Магнитогорск, 2000. С. 4–15. За последние годы этот список значительно пополнился новыми ценными публикациями.



© 2005 г.

МИХАИЛУ БОРИСОВИЧУ ПИОТРОВСКОМУ – 60 ЛЕТ

Выдающемуся российскому историку-востоковеду Михаилу Борисовичу Пиотровскому, директору Государственного Эрмитажа, профессору Санкт-Петербургского университета, члену-корреспонденту РАН и действительному члену Российской Академии художеств 9 декабря 2004 г. исполнилось 60 лет.

Михаил Борисович родился в семье крупнейшего российского археолога и историка Бориса Борисовича Пиотровского (1908–1990). После школы Восточный факультет был им выбран сразу, хотя существовали некоторые колебания между индологией, иранистикой и арабистикой. Арабский язык привлек его своей особой трудностью, и выбор этот оказался счастливым. Еще в студенческие годы Михаил Борисович решил, что будет заниматься Йеменом. В студенческие же годы он уезжает на стажировку в Каирский университет, где приобретает тот неиссякаемый капитал знаний и ощущений, который тратится всю последующую жизнь.

После окончания Восточного факультета М.Б. Пиотровский был принят старшим лаборантом в Институт востоковедения (Ленинградское отделение). Он участвовал в издании рукописи знаменитой анонимной «Истории халифов», а позднее в составлении Каталога арабских рукописей. Увлекшись проблемой соотношения правды и вымысла в средневековых писаниях о древности, Михаил Борисович исследует политические амбиции йеменцев в Халифате и пишет кандидатскую диссертацию о древнем химйаритском царе, возвеличенном легендами и Кораном, прославленном древними надписями – Асаде Совершенном. В эти годы Михаил Борисович в качестве переводчика часто ездит с делегациями в арабские страны – Сирию, Ирак, Египет,

Судан, а затем на два года уезжает в Йемен, где преподает историю в Высшей школе общественных наук.

В годы работы в Институте Михаилом Борисовичем была написана серия статей о пророке Мухаммеде и проанализирован механизм его религиозно-политической власти в свете соотношения политики и религии в теории и практике ислама. Тогда же были написаны статьи по мусульманской мифологии в известный двухтомник «Мифы народов мира», впоследствии многократно переиздававшийся и переводившийся на другие языки. Статьи эти стали основой книги «Коранические сказания», в которой Михаил Борисович попытался воссоздать ту картину реальной и священной истории, существовавшей в умах тех, кому проповедовал Мухаммед.

В годы работы в Арабском кабинете Института Михаилу Борисовичу посчастливилось многократно побывать в Кувейте, Ираке, в европейских востоковедных центрах и освоить новый ценный материал. На основе многолетних исследований и первых полевых материалов, собранных в Йемене, им была написана и успешно защищена докторская диссертация в 1985 г. и издана книга «Южная Аравия в раннее средневековье» (1985 г.), в которых Михаил Борисович проследил зарождение исламского общества как результат развития древних этапов аравийской истории, ускоренных новыми преобразованиями в духе ислама. Книга эта стала одной из первых публикаций материалов и выводов Советско-Йеменской экспедиции, которой руководил сначала Б.Б. Пиотровский, потом П.А. Грязневич, а Михаил Борисович, много лет возглавлявший отряд историко-культурных исследований, стал начальником экспедиции в 1988 г.

В 1991 г. Михаила Борисовича пригласили работать в Государственном Эрмитаже, а в июле 1992 г. постановлением Правительства Российской Федерации он был назначен его директором. В начале 90-х годов Михаил Борисович для восполнения резкого сокращения государственных субсидий организовал системный поиск внебюджетных средств и стал организатором проекта «Эрмитаж – ЮНЕСКО», который обеспечил привлечение серии грантов государств, входящих в ЮНЕСКО, на реставрационные работы. Он инициировал создание Общества друзей Эрмитажа в США, Канаде, Нидерландах, Франции, Японии. Разработанная М.Б. Пиотровским концепция «Большого Эрмитажа» предполагает динамичное развитие музея как сложного и синтетического организма, совмещающего в себе научные и реставрационные центры, научные хранилища, постоянные и временные экспозиции, выставочные организации. К основным зданиям Эрмитажа были добавлены Восточное крыло и арка Главного штаба, Музей фарфора на Фарфоровом заводе, выставочные залы Константиновского дворца, огромный реставрационно-хранительский центр, открыты выставочные залы Эрмитажа в Лондоне, Амстердаме, Лас-Вегасе.

В безденежные годы перестройки Эрмитаж сохранил свои археологические экспедиции и даже прибавил к ним несколько новых. Оперативно выходят в свет годовые отчеты экспедиций и научные каталоги. При активном участии Эрмитажа и лично Михаила Борисовича возрождено одно из лучших периодических изданий российского востоковедения – журнал «Христианский Восток».

Особое направление – традиционный для Эрмитажа как универсального энциклопедического музея «диалог культур». Михаил Борисович придумал и организовал несколько международных выставок, посвященных актуальнейшему аспекту этой проблемы – мусульманской культуре. Совместно с сотрудниками Отдела Востока Эрмитажа были организованы выставки исламского искусства в Амстердаме, Петербурге, Казани и Лондоне. Вышел большой, богато иллюстрированный каталог, в котором особое место занимают знаменитые Кораны из Йемена – «Земное искусство – небесная красота», издана книга «О мусульманском искусстве» (СПб., 2001).

В Санкт-Петербургском университете на родном Восточном факультете профессор М.Б. Пиотровский читает спецкурсы по мусульманскому искусству. Он один из организаторов и авторов коллективных трудов Йеменской экспедиции. Михаил Борисович по праву считается одним из лучших в мире знатоков истории арабского мира и исламского искусства.

Михаил Борисович – ученый яркого таланта, глубоко преданный науке и Эрмитажу, человек душевной щедрости, острого и доброго юмора. Как член редсовета ВДИ в течение многих лет и в качестве директора Государственного Эрмитажа он оказывает журналу большую помощь. М.Б. Пиотровский награжден рядом высоких наград России и зарубежных стран.

Мы желаем Михаилу Борисовичу долгих лет плодотворной научной, преподавательской и общественной деятельности на благо культуры, науки и образования нашей страны и гордимся дружбой и научным сотрудничеством с этим выдающимся и обаятельным человеком.

Редсовет, редколлегия и редакция журнала
«Вестник древней истории» РАН
Отдел древней истории Института всеобщей
истории РАН

© 2005 г.

Памятники и люди. ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.: Восточная литература, 2003. 454 с. Илл.

Выход в свет рецензируемой книги – событие, которого ее авторы и многие востоковеды ждали очень долго. Хотя формально ее появление оказалось приурочено к исполнившемуся в 2003 г. 90-летию поступления в Музей изящных искусств коллекции В.С. Голенищева – крупнейшего массива его восточного собрания, работа над ней была начата еще в середине 1990-х годов и, насколько нам известно, завершена в рукописи несколько лет назад[1]. Можно сказать, что уже на протяжении рукописного «бытия» этой книги сама жизнь корректировала ее содержание, заставив прибавить к ней некоторые сюжеты, – прежде всего очерк о скончавшемся в 2000 г. О.Д. Берлеве. Теперь, когда эта книга наконец опубликована, она становится важным источником сведений об истории восточной коллекции ГМИИ и о людях, которые были связаны с ней на протяжении всего XX в., источником тем более ценным, что в значительной мере книга основана на документальных архивных материалах[2].

Появление сборника «Памятники и люди» кажется симптоматичным в свете нескольких тенденций, проявившихся в отечественном востоковедении в 1990-е годы и в настоящее время. Прежде всего, мы имеем в виду появление двух крупных мемуарных публикаций Б.Б. Пиотровского и И.М. Дьяконова, в определенной мере повысивших интерес к обстановке, в которой происходило развитие отечественного востоковедения в 1920–1950-е годы[3]; заметим,

[1] Достаточно сказать, что публикации, основанные на материалах, которые были собраны в ходе работы над этим изданием одним из его авторов, О.В. Томашевич, регулярно появляются в течение уже нескольких лет в различных изданиях; см. *Томашевич О.В.* Слово о Владимире Викентьеве (по материалам Архива ГМИИ им. А.С. Пушкина) // Древний Египет: язык – культура – сознание. По материалам египтологической конференции 12–13 марта 1998 г. М., 1999 (далее – Древний Египет). С. 255–285; *она же.* Объяснение в любви: вместо послесловия // *Тураев Б.А.* Бог Тот. Опыт исследования в области древнеегипетской культуры. СПб., 2002. С. 315–388 (биографический очерк о Б.А. Тураеве); *Томашевич О.В., Флоренский П.В.* Накануне... // Культурное наследие Египта и христианский Восток. Материалы международных научных конференций. М., 2002. С. 281–292 (о переписке В.М. Викентьева и о. Павла Флоренского в 1916–1919 гг.); ср. также *Соловьева С.С.* Загадка монограммы «W» // Древний Египет. С. 247–254 (о спорадической переписке В.М. Викентьева и В.И. Авдиева в 1920–1930-е годы – сюжете, который также нашел отражение в очерке того же автора, помещенном в рецензируемой работе).

[2] Самому начальному этапу истории голенищевской коллекции в стенах ГМИИ – ее приобретению государством и передаче в Музей на этапе его основания И.В. Цветаевым и при больших усилиях Б.А. Тураева – посвящена известная публикация документальных материалов, в подготовке которой принял участие О.Д. Берлев: «Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912)». М., 1987 (из архива ГМИИ, 3). Материалы этого издания учитывались авторами рецензируемой книги, которую отчасти можно считать его продолжением. См. также *Демская А.А., Смирнова Л.М.* Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина: история создания музея в переписке профессора И.В. Цветаева с архитектором Р.И. Клейном и других документах (1896–1913). М., 1977.

[3] *Пиотровский Б.Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995; *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. Некоторые фрагменты бесед с Ю.Я. Перепелкиным, имеющие, по сути дела, мемуарное значение, включены в очерк А.Л. Вассоевича об этом выдающемся египтологе (здесь, впрочем, мы вынуждены полагаться на добросовестность автора очерка, к которому соответствующие сообщения Ю.Я. Перепелкина были в свое время обращены): *Вассоевич А.Л.* О Юрии Яковлевиче Перепелкине и его научных открытиях // *Перепелкин Ю.Я.* История Древнего Египта / Общ. ред., вступ. ст. и комментарии А.Л. Вассоевича. СПб., 2000. С. 5–54. Интересным, хотя и не имеющим, по нашему мнению, прямого отношения к мемуаристике опытом публикации ненаучного наследия одного из лидеров отечественного востоковедения середины XX в. стало издание в 1998 г. лирики В.И. Авдиева: *Авдиев В.И.* Лирика. К столетию со дня рождения. М., 1998.

что именно этому периоду посвящено большинство очерков рецензируемого сборника, подробно обоснованных архивными материалами. Далее, анализу этой обстановки был посвящен целый ряд публикаций по историографии и истории науки, причем некоторые из них так или иначе коснулись сюжетов и персоналий, фигурирующих в рецензируемой книге[4]. Наконец – и этот аспект представляется особенно любопытным – постсоветский период стал временем настоящего бума изданий, связанных с русским «серебряным веком», в том числе с самым его излетом, пришедшимся на первые годы советской власти и отмеченным поляризацией среди деятелей культуры в связи с отношением к новому режиму. Мы имеем в виду не только обширный раздел рецензируемой книги, посвященный В.К. Шилейко (с. 62–108) и его участию в цехе поэтов-акмеистов[5], но и то, что, как мы постараемся показать ниже, некоторые события и повороты человеческих судеб конца 1910–1920-х годов, отразившиеся в сборнике «Памятники и люди», вряд ли могут быть правильно поняты без учета духовной обстановки этого времени в целом. Нельзя сказать, что все перечисленные аспекты, которые, по нашему мнению, образуют контекст рецензируемой книги, были в полной мере учтены ее авторами, однако ее содержание предоставляет материал для наблюдений именно в связи с ними.

Структурно сборник «Памятники и люди» состоит из трех частей. Первая часть – это обширный очерк истории восточной коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина и занятого ее хранением отдела (затем – сектора) Востока, охватывающий период с основания Музея по сегодняшний день (с. 3–61). Вторая и наиболее обширная часть – это разделы, посвященные персоналиям тех, кто работал с восточной коллекцией Музея в течение всей ее истории (от исследователей уровня Тураева и Шилейко до некоторых рядовых технических работников) (с. 62–321). Третья часть – это подборка документов из архива ГМИИ, относящихся к работе отдела (сектора) Востока на протяжении всего рассмотренного времени (с. 322–427) (в нескольких случаях – № 3–4 и 59–61 – их подлинники находятся соответственно в архиве Государственного Эрмитажа и Государственном архиве Российской Федерации). Наконец, в конце сборника помещены материалы по библиографии восточной коллекции ГМИИ (с. 428–452). Около половины очерков, вошедших в сборник, написаны нынешним заведующим сектором Востока ГМИИ С.И. Ходжаш; остальные очерки – ее коллегами по сектору Востока (О.П. Дюжевой, В.В. Смоленковой), сотрудниками исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Н.М. Никулиной, О.В. Томашевич, С.С. Соловьевой) и другими исследователями (в том числе Вяч. Вс. Ивановым и Б.Я. Стависким).

Переходя к анализу отдельных разделов сборника, следует отметить, что в общем очерке истории Отдела Востока ГМИИ живые воспоминания и впечатления С.И. Ходжаш (о директоре Музея в послевоенный период С.Д. Меркурове – с. 24–27, о раскопках урартских археологических комплексов в Армении – с. 28–37 и др.) сочетаются с тщательной фиксацией основных этапов комплектования восточной коллекции Музея в «послеголенищевский» период: ее пополнение за счет восточных коллекций бывших Румянцевского музея и Музея при Строгановском училище, на некоторое время оказавшихся в распоряжении Музея-института классического Востока; собраний Н.П. Лихачева и А.В. Живаго и менее известных частных коллекций, приобретенных уже в 1980-е годы (см. с. 47); памятников, обнаруженных в ходе раскопок ГМИИ в Армении и Советской археологической экспедиции во главе с Б.Б. Пиотровским в ОАР; приобретения единичных памятников у частных лиц и др. Может быть, стоило бы несколько подробнее сказать о самом начальном периоде ее формирования – о собрании музея при Московском

[4] *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991; Актуальные проблемы изучения истории советского востоковедения. Сб. ст. / Отв. ред. В.М. Алпатов. М., 1997; Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Сб. ст. / Сост. В.В. Наумкин. М., 1997; *Шаститко П.М., Скворцова Н.И.* Отечественное востоковедение после второй мировой войны // Восток. 2000. № 5. С. 92–108 (среди прочего в данной публикации подробно освещена роль В.И. Авдиева в реорганизации Института востоковедения АН СССР в 1950 г.); *Томазишвили А.О.* Ссылаясь на Сталина... (К мифологизации роли политического руководства СССР в развитии отечественного востоковедения) // Восток. 2000. № 6. С. 88–100. Естественно, данный перечень публикаций не является исчерпывающим; в непосредственной связи с историей египтологии в советское время необходимо отметить очерки, включенные в недавние переиздания работ М.А. Коростовцева и В.В. Струве издательством «Летний сад»: *Четверухин А.С.* Секрет привлекательности древнеегипетской культуры // *Коростовцев М.А.* Писцы древнего Египта. СПб., 2001. С. 339–366; *Вассоевич А.Л.* В.В. Струве и «Египетская история» Манефона // *Струве В.В.* Манефон и его время. СПб., 2003. С. 5–54. Подробный очерк истории ленинградского востоковедения в советское время можно найти в издании: Азиатский музей–Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.

[5] См. также *Шилейко В.* Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы. М., 2003 (публикация материалов, существенная в том числе и в связи с историей ГМИИ).

университете, который существовал еще с 1890-х годов (см. прим. 2). Особое (и вполне оправданное) внимание уделено подготовке научных изданий памятников египетской и коптской коллекций (которых не было бы без участия О.Д. Берлева и А.И. Еланской), а также выставки древнеегипетских памятников из местных музейных собраний СССР (1991 г.) и выставки из собрания ГМИИ «Путь к бессмертию» (2002 г.), предшествовавших двум из этих изданий (с. 48–55)[6]. Интересны – в первую очередь для музейных работников, но, по сути дела, и для всех желающих узнать об их чисто профессиональных «секретах» – страницы очерка С.И. Ходжаш, обращается к некоторым чисто «производственным» вопросам подготовки новой экспозиции восточных залов ГМИИ в 1960-е годы (с. 42–47). В целом можно сказать, что ни один сколько-нибудь существенный эпизод в истории восточной коллекции ГМИИ не был в данном очерке упущен.

Вторая часть сборника, посвященная персоналиям тех, кто был связан с восточной коллекцией ГМИИ на протяжении XX в., открывается подготовленным Вяч.Вс. Ивановым обширным материалом о В.К. Шилейко. Чрезвычайно удачен «Очерк творчества В.К. Шилейко», в котором анализ его шумеро- и ассириологического наследия проводится в тесной связи с его творчеством поэта-акмеиста (с. 62–81). Вяч.Вс. Иванов обратил внимание на такие малоизвестные аспекты исследований Шилейко, как его вклад в изучение текстов Протописьменного периода (с. 65), его суждения о древнеегипетской религии (с. 75), работа с малоазиатскими, в том числе хеттскими, памятниками (с. 75–76). Проанализирован вклад Шилейко в разработку принципов просодии переводов месопотамских стихотворных произведений (с. 69; см. также публикацию перевода Шилейко VI таблицы «Эпоса о Гильгамеше – с. 102–108 и ср. с более поздними разработками И.М. Дьяконова, также не чуждого поэтическому творчеству и учитывавшего опыт своего предшественника[7]) и, вместе с тем, влияние формы и общего настроя этих произведений на авторскую лирику самого В.К. Шилейко и на творчество А. Ахматовой (с. 70–73). В целом очерк Вяч.Вс. Иванова позволяет сделать вывод о влиянии В.К. Шилейко на последующее развитие исследований по древней Месопотамии, причем не только в нашей стране, но и за ее пределами (см. с. 67: о вероятном влиянии перевода «Гильгамеша» Н.С. Гумилева, изданного в 1918 г. с «Введением» Шилейко – с. 85–89, на работы английского исследователя героического эпоса Боура)[8]. За вводным очерком следует публикация нескольких статей В.К. Шилейко, увидевших свет в научной периодике 1920-х годов, но дополненных Вяч.Вс. Ивановым по материалам архива ГМИИ (одна из них – «Текст предсказания Саргона Аккадского и его отголоски у римских поэтов» – была переведена для рецензируемого издания с немецкого языка: с. 95–101[9]). Анализируя такого рода публикации, порой рискуешь попасть в трудное положение ввиду того, что пиетет перед заслугами того или иного исследователя прошлого не компенсирует жестокого морального старения его работ. С этой точки зрения отбор работ Шилейко для публикации в сборнике «Памятники и люди» нельзя не признать удачным: общая для них постановка проблемы – выявление отдаленных параллелей к зафиксированным в письменной традиции месопотамским ритуалам в инокультурной традиции (в античных текстах: см. уже названную работу о предсказании Саргона и статью «Мес и Солнце» – с. 90–94; в славянской ритуальной практике, известной по данным фольклора: «Родная старина» – с. 82–84) – может считаться вполне актуальной и сегодня. Принципиально важен вывод В.К. Шилейко о том, что данные параллели не могут быть случайными и должны объясняться единством

[6] *Hodjash S.I., Berlev O.* The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow–Leningrad, 1982 (рец.: *Большаков А.О.* // ВДИ. 1986. № 1. С. 159–162); *Elanskaya A.I.* Coptic Literary Texts of the Pushkin State Fine Arts Museum in Moscow. Budapest, 1991 (Studia Aegyptiaca, 13); *eadem.* The Literary Coptic Manuscripts in the A.S. Pushkin Fine Arts Museum in Moscow. Leiden–New York–Köln, 1994; *Berlev O., Hodjash S.* Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt. From the Musems of the Russian Federation, Ukraine, Bielorussia, Caucasus, Middle Asia and Baltic States. Fribourg, 1998 (OBO, Series Archaeologica, 17) (рец.: *Malek J.* // DE. 1999. № 44. P. 109–114; *Томашевич О.В.* // ВДИ. 2003. №. 1. С. 91–101); Путь к бессмертию. Каталог выставки / Сост. О.Д. Берлев и др. М., 2002.

[7] Эпос о Гильгамеше («О все видевшем»). Пер. с аккадского И.М. Дьяконова. М.; Л., 1961 («Литературные памятники»). С. 133–143 (раздел о просодии эпоса и его русского перевода: согласно указанию И.М. Дьяконова, от подготовленного В.К. Шилейко перевода эпоса сохранился только текст VI таблицы, который и опубликован в рецензируемом сборнике).

[8] Вполне доказательное и не менее интересное предположение о зависимости работы П. Бойлана о боге Тоте (*Boylan P.* Thoth, the Hermes of Egypt. Oxf., 1922) от хорошо известного отечественным египтологам исследования Б.А. Тураева было сделано О.В. Томашевич (Объяснение в любви... С. 337–338).

[9] Ср.: *Шилейко.* Последняя любовь... С. 62–63 (публикация протокола публичного выступления В.К. Шилейко с докладом по материалу, оформившемуся в эту статью).

происхождения соответствующих ритуалов от практики народов глубочайшей древности (см. особенно с. 84): по сути дела, лишь открытия второй половины XX в., постулировавшие существование в эпоху мезолита праобщностей в ранге языковых макросемей и на более высоком уровне, позволяют подвести под объяснение Шилейко реальную основу.

Очень тесно взаимосвязаны друг с другом и с опубликованными в третьей части сборника документами материалы о египтологах – Б.А. Тураеве (с. 109–121 – с публикацией посвященного ему некролога в «Известиях» и резкого ответа на него его вдовы; автор А.В. Шаров), Т.Н. Бороздиной-Козьминой (с. 122–140, автор – О.В. Томашевич), В.М. Викентьеве (с. 141–172, автор – О.В. Томашевич) и египтологе-самоучке А.В. Живаго (с. 173–197, автор – В.Я. Гельман)[10]. Нет смысла пересказывать содержание этих очерков, которые построены на обширной документальной основе и содержат целый ряд малоизвестных подробностей (например, об обстоятельствах гибели первого отечественного переводчика и исследователя «Текстов пирамид» А.Л. Коцейовского – с. 115; о замыслах В.М. Викентьева относительно пополнения клинописного собрания Исторического музея в Москве в 1915–1916 годах, когда русская армия оккупировала восточную часть Малой Азии, – с. 147–148; о формировании коллекции египетских древностей А.В. Живаго – с. 177–179; и др.). Заметим, однако, что авторы этих очерков, стремясь по возможности смягчить «личный фактор» в отношениях между «восточниками», связанными с Музеем, и упоминания о конфликтах в их среде (см., в частности, специальное замечание, предваряющее публикацию отрывков из дневников Живаго, – с. 173), проходят мимо довольно важных выводов о ситуации в отечественном востоковедении начала советского периода. На наш взгляд, Б.А. Тураев и его близкое окружение, включая Т.Н. Бороздину-Козьмину и А.В. Живаго, с одной стороны, и В.М. Викентьев, – с другой, олицетворяли противоположные тенденции в среде отечественной интеллигенции рубежа 1910–1920-х годов. Первая группа востоковедов представляла собой подчеркнуто академическую традицию: для них (хотя, конечно, не для всех) были характерны тяготение к церковной жизни и, в частности, внимание к египетскому и эфиопскому христианству (здесь, к примеру, должны были смыкаться интересы Тураева и Живаго – см. соответственно с. 114–115, 186–187, 194–195); они стояли в стороне от модернистских тенденций русского «серебряного века»[11], а подлинное отношение многих из них к новому режиму в тех, судя по всему, нечастых случаях, когда оно получало выход, может быть проиллюстрировано словами Е.Ф. Тураевой-Церетели по поводу публикации в «Известиях» некролога о ее муже: «Чем глубже забудет современность Б.А. Тураева, тем приятнее это будет для его бессмертного духа и тем лучший создаст она ему памятник» (с. 120). Напротив, биография В.М. Викентьева показывает, на наш взгляд, не только его увлеченность русским модернизмом и сопутствовавшими ему мистическим исканиями (с. 144–146 и далее), но и стремление вписать свою египтологическую деятельность в послеоктябрьские годы в тот общий духовный подъем, который ожидали от этой эпохи (и в том числе от сотрудничества с руководителями нового режима, «делавшими» эту эпоху) многие представители русской интеллигенции (в связи с этим достаточно вспомнить такую «знаковую» фигуру, как А. Блок)[12]. Свою роль в этом должно было сыграть и то, что Викентьев, в строгом смысле слова, не принадлежал к числу учеников Тураева[13]: находясь в университетские годы под руководством И.В. Цветаева (см. с. 142–143), которое, учитывая научные интересы В.М. Викентьева, не могло не быть формальным, он, по сути дела, не был профессиональным египтологом и, по-видимому, с самого начала не вполне вписался в академическую традицию в России. Еще до революции, в декабре 1916 г., В.М. Викентьев выражает сомнение, способен ли такой ученый, как В.В. Струве, «...сочувствовать идее общества (имеется в виду затевавшееся тогда Викентьевым "Общество любителей древностей". – *И.Л.*), идущего в

[10] О А.В. Живаго и истории его египетской коллекции см. также: А.В. Живаго – врач, коллекционер, египтолог / Сост. Н. Живаго, П. Горшунов. Автор вступ. статьи, публикации текстов и ред. В. Гельман. М., 1998.

[11] Интересная в связи с этим иллюстрация – отзыв В.В. Струве, безусловно, принадлежавшего именно к этой первой группе, на пьесу по древнеегипетским мотивам, написанную А. Блоком, где фамилия последнего выглядит как «Брок», – указана недавно Г.М. Бонгард-Левиным: *Бонгард-Левин Г.М.* А.А. Блок и В.В. Струве // У времени в плену. Памяти С.С. Целеникера. Сб. ст. М., 2000. С. 215–229.

[12] Заметим, что упадок этого направления послеоктябрьской культурной жизни России (с которым характерным образом совпадает и финал научно-организационной деятельности В.М. Викентьева в Москве) наступает в 1921–1922 гг. – вследствие не только «закручивания гаек» со стороны советской власти, но и такого ее «компромисса с прошлым», неприемлемого для многих представителей данного направления, как нэп.

[13] См., в частности, определенное суждение об этом О.Д. Берлева: История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997. С. 458.

курсе современной русской культурной и общественной жизни, т.е. борьбы с немецким влиянием в нашей науке». Учитывая, что под «немецким влиянием» в то время объективно находилась практически вся русская школа изучения древности, эту фразу приходится понять, с одной стороны, как симптоматичную дань ура-патриотической фразеологии времени Первой мировой войны, а с другой стороны, по-видимому, как призыв к противостоянию чисто академической традиции в науке. В 1920 г. «Общество по изучению древних культур», созданное В.М. Викентьевым ранее, становится «Историко-археологическим отделением» в составе «Дворца искусств» – одного из послеоктябрьских учреждений, стремившихся поставить культурную жизнь на новую основу в России и, в частности, вести широкую популяризаторскую деятельность. Крайне показателен состав присутствующих на заседаниях этого «Отделения»: среди них мы видим Андрея Белого (притом в качестве его председателя! – с. 130[14]), В.И. Немировича-Данченко и М.И. Калинина, в то время как видные представители собственно академической науки оказались чуть ранее в составе созданного Викентьевым «Общества», похоже, чисто формально и без их прямого согласия (об этом, на наш взгляд, говорит заочное избрание в июне 1920 г. его председателем Б.А. Тураева и почетным членом – М.И. Ростовцева, находившегося с 1918 г. за пределами России, – с. 148–149). Параллельно с организацией названных научных обществ В.М. Викентьев с 1918 г. работает над созданием Музея-института классического Востока (МИКВ, с. 150 слл.; см. также док. № 30–45): здесь новаторство Викентьева проявилось в провозглашении в числе четырех «устоев, или отправных точек», которые будут определять направления работы этого учреждения (по выражению самого его создателя, «музея нового типа») с восточными древностями, помимо науки, также искусства, истории религий и философии. В содержащем эту установку документе Викентьев специально поясняет для несведущих, что «к постижению духа культуры, в точном и высоком значении слова» ведут не «археологические методы», – очевидно, в широком понимании этого термина как совокупности всего инструментария академической гуманитарной науки, – а «более утонченные, умозрительные пути» (док. № 39, с. 348–349).

Мне представляется, что авторы рецензируемого сборника не в полной оценили тот факт, что конфликт между «академиками» – прямыми продолжателями дела Б.А. Тураева и «модернистом» в науке В.М. Викентьевым был, по сути дела, задан уже самой разницей в их мировоззрении и представлениях о научной деятельности. Когда же этот конфликт разгорелся с особенной силой по конкретному и очень значительному поводу – в связи с борьбой за голенищевскую коллекцию между МИКВ и Музеем изящных искусств (с. 157 и док. № 50–52), стало ясно, что перевес сил, несмотря на определенную поддержку Викентьева «сверху» (например, при получении ранее для МИКВ ряда египетских коллекций – с. 156, 162, 183), сложился не в его пользу. Публикуемые в рецензируемом сборнике материалы (док. № 47, 49, 52 – с. 353–355, 357) позволяют заключить, что Музею изящных искусств удалось заручиться поддержкой Главмузея и – что, по-видимому, в той ситуации было немаловажным – большинства российских египтологов, собравшихся летом 1922 г. на их первый (и единственный) съезд, и переломить ситуацию в борьбе с МИКВ за голенищевскую коллекцию в свою пользу. Парадоксальным образом событие, которое можно было бы счесть большой победой В.М. Викентьева, – его назначение в 1924 г. заведующим Восточным отделом Музея изящных искусств, куда теперь переводилась коллекция МИКВ (с. 161–164; см. особенно его письмо в Главнауку от 17 марта 1924 г., в котором звучат глубокое недовольство и горечь в связи с принятым решением, – с. 163–164), оказалось, похоже, одним из существенных факторов в решении Викентьева навсегда остаться в Египте (где его жизнь, по крайней мере на первых порах, была не столь уж легкой: см. то же письмо, а также одну из открыток к В.И. Авдиеву[15]): по-видимому, он слишком отчетливо представлял себе нереальность своей совместной работы с Т.Н. Бороздиной-Козьминой и ее сотрудниками, в числе которых теперь был и его прежний заместитель по МИКВ В.И. Авдиев[16]. Разу-

[14] Ср. с указаниями переписки Андрея Белого с В.М. Викентьевым об их достаточно близком знакомстве (с. 170, прим. 30) и мемуарными свидетельствами о всплывавших в 1920 г. в беседах Андрея Белого с Н. Гумилевым и Г. Ивановым сюжетах египетской мифологии, которые едва ли могли быть ему известны иначе как через посредство В.М. Викентьева: *Одоевцева И.* Избранное. М., 1998. С. 287–288, 294.

[15] *Соловьева.* Загадка монограммы «W» // Древний Египет. С. 252.

[16] Симптоматично, что первая заметная египтологическая работа В.И. Авдиева «Древнеегипетская реформация» (М., 1924) появилась уже после его перехода в Музей изящных искусств при участии брата Т.Н. Бороздиной-Козьминой – И.Н. Бороздина, бывшего ее редактором и автором предисловия: *Архипова С.В.* Всеволод Игоревич Авдиев и его время: начало научной деятельности // Древний Египет. С. 241–242.

меется, трудно настаивать на предложенной нами интерпретации этих событий конца 1910-х – начала 1920-х годов без знакомства со всем массивом относящихся к ним документов, которые были доступны авторам рецензируемого сборника; тем не менее недооценивать при их приведении в систему отмеченные нами моменты также представляется неверным.

Среди частных упущений в очерках о египтологах, связанных с Музеем в 1910–1930-е годы, укажем на отсутствие сведений о судьбе Т.Н. Бороздиной-Козьминой в течение почти трех десятилетий ее жизни после ухода из Музея, в 1931–1959 годах (см. с. 137): место этой ученицы Б.А. Тураева в жизни Музея в 1920-е годы было столь велико, что этот заключительный этап ее биографии, несомненно, заслуживает хотя бы краткого упоминания, сколь малодоступными ни были бы сведения о нем. Особняком от биографий исследователей-египтологов стоит очерк Б.Я. Ставиского об А.С. Стрелкове – работавшем в Музее изящных искусств в 1920-е – начале 30-х годов специалисте по Средней Азии, жизнь которого трагически оборвалась в 1938 г. (с. 198–215).

Среди персоналий сотрудников восточной коллекции Музея в период с 1940-х годов и до конца XX в. наибольшее внимание уделено возглавлявшему с 1934 г. Отдел Востока (в первые два года – Отдел древнего мира) В.В. Павлову. Очерк, написанный Н.М. Никулиной (с. 216–245), удачно совместил в себе рассказ о нем как ученом и преподавателе, о его широких интересах и ее личные воспоминания. Анализу вклада В.В. Павлова в изучение древнеегипетского искусства посвящена статья О.П. Дюжевой (с. 246–255); фрагменты личных воспоминаний о В.В. Павлове принадлежат В.В. Леоновичу и В.В. Шлееву (с. 256–264). Очерк С.С. Соловьевой о В.И. Авдиеве (с. 270–278) дает представление не только о его работе в ГМИИ в 1920–1930-х годах, но и о других сторонах его научной биографии на протяжении всей жизни ученого (в частности, о работе на кафедре истории древнего мира исторического ф-та МГУ) и о его художественных увлечениях, включая принадлежащую его перу лирику (к сожалению, в этом очерке сказано совсем немного о работе Авдиева в МИКВ, предшествующей и напрямую связанной с его работой в ГМИИ[17]). Удачным можно назвать очерк В.В. Смоленковой о Р.И. Рубинштейн – представительнице ленинградской египтологической школы, связавшей свою жизнь и работу с Москвой и египетской коллекцией ГМИИ: ее научная деятельность (исследования о I Переходном периоде, древнеегипетской религии и связанных с нею памятниках) оценена в этом очерке в неразрывной связи со специфически музейной работой (изданием памятников, работой над каталогом египетской коллекции[18], популяризаторской деятельностью). О.Д. Берлев был еще одним ленинградцем, тесно связанным с ГМИИ своими трудами по публикации памятников его египетской коллекции буквально до последних дней жизни (и в свое время он крайне неравнодушно отнесся к упразднению Отдела Востока как самостоятельной структурной единицы в составе Музея: см. док. № 129 – с. 423–424) (автор очерка – С.И. Ходжаш, с. 265–269).

Ряд вошедших в рецензируемый сборник очерков содержит малоизвестные сведения о советских египтологах «второго плана», по тем или иным причинам не успевших или не сумевших занять сколько-нибудь заметное место в историографии (а иногда и пройти такие формальные этапы научной карьеры, как защита диссертации и даже дипломной работы): это хранитель и реставратор Отдела Востока Л.В. Крылова (1890–1954) (автор очерка – В.В. Смоленкова, с. 286–292); Н.А. Шолпо, погибший под Ленинградом в 1941 г. (о нем говорится в очерке о его жене Р.И. Рубинштейн – с. 297); получившая египтологическую подготовку в МИКВ и работавшая в ГМИИ с 1934 г. до своей смерти в 1944 г. Е.Н. Краснушкина (с. 292–294, автор – С.И. Ходжаш); Н.Е. Семпер-Соколова (1911–1995), которую египтологи знают по продолжавшимся на протяжении многих лет публикациям в «Вестнике древней истории» аннотаций на новую научную литературу и в меньшей степени – по ее высокопрофессиональным прорисовкам в публикациях памятников египетской коллекции ГМИИ (ее судьба сложилась тяжело из-за ареста в 1949 г.; автор очерка – Э.А. Усина, с. 309–313). Легко заметить, что большинство очерков по персоналиям сотрудников восточной коллекции ГМИИ в середине – второй половине XX в. посвящено египтологам (учитывая центральное положение в этой коллекции голенищевского собрания, такое соотношение можно счесть оправданным); единственное исключение – это очерк о специалисте по искусству Месопотамии И.М. Лосевой (1908–1959) (автор – С.И. Ход-

[17] *Соловьева.* Загадка монограммы «W» // Древний Египет. С. 247–254; *Архипова.* Всеволод Игоревич Авдиев... // Там же. С. 238–241.

[18] Стоило бы обратить внимание, что фактически последней посмертной публикацией Р.И. Рубинштейн стал вышедший в свет в 2002 г. каталог выставки «Путь к бессмертию»: в нем раздел «Ушебти» воспроизводит составленный ею каталог соответствующей части египетской коллекции ГМИИ, с незначительными коррективами О.Д. Берлева (Путь к бессмертию... С. 103–152).

жаш, с. 281–285), которая в 1950-е годы начала работу в археологической экспедиции Музея на холме Арин-берд близ Еревана (урартская крепость Эребуни). Очерк о А.А. Демской фактически посвящен двум направлениям ее работы в Музее – участию в раскопках Эребуни на рубеже 1950–1960-х годов и исследованиям истории коллекций ГМИИ (автор – С.И. Ходжаш, с. 304–308). Наконец, в нескольких очерках, написанных С.И. Ходжаш, внимание уделено, как уже упоминалось, людям, вовсе не имевшим востоковедческой подготовки, но долгое время связанным с Музеем и его восточной коллекцией, – Б.Я. Стрельцову, В.Я. Симонову и М.Д. Дорфману (с. 314–321). Мы уже отмечали, что по сравнению с материалами о 1910–1930-х годах очерки, относящиеся к середине – второй половине XX в., «проработаны» авторами сборника на архивном материале в меньшей степени (как правило, они написаны с использованием публикаций в научных изданиях и периодике и лишь единичных документов из архивов ГМИИ); в то же время их авторы (особенно С.И. Ходжаш) очень часто опираются на личные впечатления от общения с героями этих очерков, что придает им самостоятельное мемуарное значение. На фоне большинства материалов, вошедших в эту часть рецензируемого сборника, проигрывает очерк, посвященный Б.П. Деннике (1985–1941) (автор – С.И. Ходжаш, с. 279–280): он настолько краток, что, по сути дела, не дает адекватного представления о научной деятельности ученого и его работе в Музее.

Характеризуя третью часть рецензируемого сборника – подборку архивных материалов, нужно отметить, что в отличие от сборника 1987 г. (см. наше прим. 2), в который вошли не только деловая, но и практически неотделимая от нее научная переписка между основателями Музея и его восточной коллекции, данная подборка включает в основном рабочие документы, явно или неявно сгруппированные по значимым этапам истории восточной коллекции в XX в. (Музей и Первая мировая война – № 7–11, Музей и октябрь 1917 г. – № 12–14, взаимоотношения с МИКВ в начале 1920-х годов – № 30–45, Отдел Востока в годы Великой Отечественной войны – № 82–90, реконструкция экспозиции восточной коллекции в середине 1960-х годов – № 114–119, ликвидация Отдела Востока в 1986–1987 годах – № 127–130 и др.). Эти документы тесно пересекаются с содержанием вошедших в сборник очерков, отчасти повторяя их (многие из них цитируются авторами этих очерков); однако такое дублирование кажется не только неизбежным, но и достаточно оправданным. Стоит обратить внимание на некоторые документы, связанные с историей изучения отдельных памятников восточной коллекции ГМИИ, например, знаменитого Московского математического папируса (док. № 49 – с. 355: этот документ особенно ценен тем, что выявляет вклад Б.А. Тураева в научную работу над изданием этого текста, как известно, завершенную В.В. Струве, и определенный импульс к его публикации в Германии со стороны Л. Борхардта[19]; ср. с. 160), иератического папируса ГМИИ № 120 с текстом «Путешествия Уну-Амона» (док. № 103 – с. 402: письмо И.М. Лурье, привлекающее внимание к выполненному им переводу данного текста[20], который остается в тени по сравнению с его нормативной публикацией М.А. Коростовцевым[21]), фрагментов папирусов с литературными текстами, еще в начале XX в. переданных В.С. Голенищевым А. Гардинеру и возвращенных из Англии частично лишь в середине 1950-х годов (док. № 106–108 – с. 404–405)[22], и клинописной таблички ГМИИ № I.2.б.1725, опубликованной С.Н. Крамером с предисловием В.В. Струве (док. № 109 – с. 406)[23].

Завершающие сборник «Материалы по библиографии» оказываются весьма ценным приложением, позволяющим сориентироваться в значительной (скорее всего, бóльшей) части имеющейся на сегодняшний день литературе по восточной коллекции ГМИИ. На наш взгляд,

---

[19] Mathemathischer Papyrus des Staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau / Hrsg. und Komment. von W.W. Struwe. B., 1930 (Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik / Hrsg. von O. Neugebauer, J. Stenzel und O. Toeplitz. Abt. A. I). Об участии в этой публикации также и Ю.Я. Перепелкина см. *Вассоевич*. О Юрии Яковлевиче Перепелкине... // *Перепелкин*. История Древнего Египта. С. 14–15.

[20] См. его публикацию с кратким комментарием: Хрестоматия по истории древнего мира / Под. ред. В.В. Струве. Т. 1. Древний Восток. М., 1950. С. 115–121.

[21] Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве / Изд. текста и иссл. М.А. Коростовцева. М., 1960 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. IV).

[22] См. *Caminos R.A.* Literary Fragments in the Hieratic Script. Oxf., 1956; *idem*. A Tale of Woe: From a Hieratic Papyrus in the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts in Moscow. Oxf., 1977; *idem*. The Moscow Literary Letter // Fragen an die altägyptische Literatur: Studien zum Gedenken an Eberhard Otto. Wiesbaden, 1977. S. 147–153.

[23] *Крамер С.Н.* Две элегии на табличке музея им. А.С. Пушкина. Новый шумерский литературный жанр. М., 1960 (предисловие В.В. Струве, с. 5–9).

этот библиографический компендиум выиграл бы, если бы в его рамках были собраны в особый раздел нормативные научные публикации памятников (сейчас они не отделены от исследований с более общими задачами: с. 430–449). Нельзя не отметить и некоторые бросившиеся в глаза некоторые упущения его составителей: так, в него не вошло «знаковое» для работы ГМИИ в 1990-е годы издание свода древнеегипетских памятников из местных собраний бывшего СССР (см. прим. 6), а также указанные выше публикации В.В. Струве (прим. 22), Р. Каминоса (прим. 25) и С.Н. Крамера (прим. 26). В то же время составители данных «Материалов...» специально оговорили их предварительный характер на пути к созданию полной библиографии восточной коллекции ГМИИ; надо думать, что в ней эти и, возможно, иные, не замеченные нами несовершенства будут устранены.

Понятно, что сборник «Памятники и люди» не свободен от отдельных ошибок, небесспорных суждений его авторов. Не вполне корректно утверждение, что брошюра Т.Н. Бороздиной-Козьминой о древнеегипетском танце (1919 г.) была «первым обращением к этой теме» в мировой историографии (с. 129): еще за 7 лет до этого появилась небольшая работа Х. Кееса, хотя и посвященная более узкому, ритуальному аспекту древнеегипетского танца, но, скорее всего, известная ученице Б.А. Тураева и использованная ею[24]. Вряд ли можно согласиться с присутствующим в очерке о В.И. Авдиеве определением его достаточно описательной работы «Древнеегипетская реформация» и тем более цикла его статей 1960–1970-х годов о внешних связях древнего Египта как «монографий» (с. 273, 276), особенно на фоне его действительно фундаментального двухтомного труда «Военная история древнего Египта» (1948 и 1959 гг.). Из замеченных нами опечаток самым вопиющим огрехом оказывается повторяющаяся в сборнике неоднократно транскрипция имени владельца хорошо известной заупокойной стелы I.1.a.5603 как «Хунену» вместо «Хенену» (на с. 10 она, кроме того, отнесена к правлению XII династии, в то время как О.Д. Берлев датировал ее с наибольшей вероятностью царствованием Ментухотепа I или II, т.е. временем XI династии[25]).

В то же время эти и другие, уже упоминавшиеся выше неточности рецензируемого сборника не меняют, безусловно, очень положительного суждения о нем в целом. Некоторые из помещенных в нем материалов (прежде всего публикации Вяч. Вс. Иванова о В.К. Шилейко и О.В. Томашевич – о Т.Н. Бороздиной-Козьминой и В.М. Викентьеве) можно по их значению в исследовании истории отечественного востоковедения назвать, без преувеличения, уникальными. Сборник дает много новой информации и пищи для размышлений не только специалистам, но, по сути дела, всем интересующимся отечественной культурой XX в. и вкладом в нее ГМИИ им. А.С. Пушкина. Надо надеяться, что Музей и в будущем продолжит изучение своей истории на материале архивных фондов – в том числе и при участии нынешних авторов сборника «Памятники и люди».

И.А. Ладынин

© 2005 г.

P.J. RHODES. Ancient Democracy and Modern Ideology. London: Duckworth, 2003 (Duckworth Classical Essays). 142 p.

Книга П.Дж. Родса формально посвящена истории изучения афинской демократии, причем в контексте современных идеологических концепций и представлений. В действительности ее предмет – методология истории, причем важно то, что автор не штатный «методолог», а ведущий английский историк-антиковед, составитель комментариев к «Афинской политии» и «Афинского буле», издатель сборников греческих надписей и декретов.

В I главе «История» П.Дж. Родс высказывает свои взгляды на историческое исследование. «История – это много больше, чем список имен и событий, однако она в самом фундаментальном смысле связана с жизнями, которые прожили реальные люди в определенных местах в определенное время» (с. 9). История создается людьми, причем это положение приложимо и к реальным историческим событиям, и к интерпретации этих событий историками (с. 10). Однако реконструкция историка ограничивается тем, что реально произошло в прошлом (речь

[24] *Kees H.* Der Opfertanz des ägyptischen Königs. Lpz, 1912.
[25] *Hodjash, Berlev.* The Egyptian Reliefs and Stelae... P. 67.

идет о самом широком смысле произошедшего), причем на некоторые вопросы в практическом смысле ответ уже есть: Юлий Цезарь погиб 15 марта 44 г. до н.э.

Другая важная проблема – это проблема сравнительной объективности (субъективности) историка. Влияние марксизма в западном антиковедении сказалось в том, что необъективность стала восприниматься как нормальное явление, а интерес к рабам трансформировался на рубеже XX–XXI вв. в интерес к «другим» (не гражданам, не мужчинам, не грекам и т.п.). По мнению П. Родса, хотя точка зрения и перспективы исследователя и подвержены изменению, мы не можем (и не должны пытаться) изменить то, что произошло в прошлом.

II глава «Демократия» посвящена обзору античных представлений о демократии. Первые употребления слова «демократия» зафиксированы у Геродота и «старого олигарха», а ко второй половине V в. до н.э. тема демократии стала в древней Греции дискуссионной. Исследования по истории древнегреческой демократии неизбежно концентрируют свое внимание на классических Афинах. Это обусловлено как нашими источниками, так и ролью Афин в истории древней Греции.

В III главе «Демократия: добро или зло?» дается краткий обзор взглядов на демократию в Средневековье и в Новое время. Демократия рассматривалась в основном как власть черни; европейские мыслители Средневековья и Возрождения в целом симпатизировали монархии. Творцы парламентской системы представительства сословий не искали классических прецедентов, и даже в американской конституции 1787 г. очень мало аллюзий на Рим и совсем нет на Афины.

Впрочем, английский юрист Уильям Блэкстоун в XVIII в. выдвинул концепцию «представительной демократии», специально упомянув об опыте прямой демократии «маленьких республик» древней Греции, а Вольтер осмелился прямо восхвалять Афины в статье о демократии в «Философском словаре». И только в XIX век дает первые образцы научного подхода к древнегреческой демократии. Алексис де Токвиль не без оснований рассматривал Афины как «аристократическую республику, в которой все знатные люди имели равный доступ к управлению государством» (с. 31). Однако после знаменитой «Истории Греции» Джорджа Грота феномен афинской демократии уже не мог оставаться незамеченным.

В IV главе «Демократия: мода в научных исследованиях» автор дает краткий обзор точек зрения ученых XIX–XX вв. на древнегреческую демократию. Если немецкая историография конца XIX – начала XX в. была в основном враждебна Афинам (труды У. фон Виламовиц-Мёллендорфа и Эд. Мейера – лучший тому пример), то французская историография (работы А. Круазе, Г. Глотц) была настроена более благосклонно к демократическим режимам и, как правило, оправдывала афинскую экспансию. После окончания Второй мировой войны наибольшее число работ по указанной тематике публикуется уже по-английски. В 1980-е годы прошлого века у ученых наибольший интерес стали вызывать механизмы функционирования афинской демократии (труды Р. Осборна, Д. Уайтхеда, М. Хансена).

Автор также специально рассматривает эволюцию взглядов современных историков на политику и политиков демократических полисов, а также на проблемы эксплуатации. При этом он призывает не умалять достижения древнегреческой цивилизации и с симпатией цитирует мнение современного американского автора В.Д. Хансона: «По большому счету, грехи греков – рабство, сексизм, экономическая эксплуатация, этнический шовинизм – по большей части человеческие грехи, общие для всех культур во все времена. "Иные" в греческом мире – иностранцы, рабы, женщины – были "иными" во всех современных им обществах» (с. 51—52).

V глава «Афинская демократия и мы» имеет подзаголовок «Америка и европейская традиция» и посвящена классическим традициям и истории изучения древней Греции в США. Хотя отцы-основатели и не возводили свои взгляды к классической древности, очень скоро античность стала привлекать и американских мыслителей, и американских ученых начиная с Э. Эверетта, который был назначен первым профессором греческой литературы в Гарварде в 1815 г. Особое значение приобрело в США празднование 2500-летнего юбилея демократии (в 1993/1994 г. отмечалась годовщина начала клисфеновских реформ 508/507 г. до н.э.). Ряд американских исследователей активно стремится каким-то образом связать афинскую демократию с современностью[1].

---

[1] См. *Ober J.* The Athenian Revolution: Essays of Ancient Greek Democracy and Political Theory. 2nd ed. Princeton, 1999; *idem.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998; Democracy 2500? Questions and Challenges / Ed. I. Morris, K. Raaflaub. Dubuque, Iowa, 1997 (Archaeological Institute of America. Colloquia and Conference Papers. 1997. № 2).

Автор также привлекает внимание к процессу, который затронул как американское, так и мировое антиковедение, – процессу вульгаризации науки: даже университетские издательства предпочитают – из чисто коммерческих соображений – печатать книги, по уровню аргументации доступные и первокурсникам и фактически заставляют авторов-исследователей, как выражается П.Дж. Родс, «писать для Винни-Пуха»[2].

VI глава «Как изучать афинскую демократию» начинается с утверждения автора о том, что нет ничего нового во влиянии политических взглядов исследователей афинской демократии на их труды: подобное влияние заметно в трудах Маколея и Грота, а с середины XX в. совершенно очевидно воздействие марксизма (с. 70). В параграфе «Афинский театр как демократическое представление» автор предостерегает от попыток рассматривать афинский театр исключительно с точки зрения идеологии афинской демократии[3].

П.Дж. Родс соглашается с Дж. Обером в его противостоянии «крайнему наивному позитивизму», адепты которого полагают, что необходимо открывать в прошлом «объективную истину», основываясь исключительно на «источниках, которые говорят сами за себя», однако полагает, что задача историка – расширить наши знания о прошлом, попытаться понять, как действовали люди в ситуациях, схожих с современными, при этом в целом больше симпатизирует точке зрения М. Хансена о необходимости подходить к древним грекам с их мерками. П.Дж. Родс завершает свою книгу словами: «В действительности, если мы сделаем усилие понять людей, отличных от нас, на их условиях, а не втискивать их контекст в наши обстоятельства, которые имеют особое значение для нас, эффект от подобного изучения истории для нашего мышления может быть более ясным и по этой причине более полезным для нас в нашем собственном мире. Парадоксальным образом я полагаю, что история более полезна тогда, когда она не слишком стремится быть полезной» (с. 89–90).

Книга П.Дж. Родса может быть полезна и студентам (как вводный курс в проблематику изучения афинской демократии), и специалистам-историкам (как размышление о перспективах развития антиковедения и проблемах, характерных для современного этапа развития науки). Подкупают неравнодушие автора, его искреннее стремление к поддержанию высоких стандартов антиковедческих штудий. Традиционализм автора отнюдь не выглядит старомодным, скорее, это – стремление крупного ученого противостоять «новомодным» течениям и остаться на твердой почве наших источников.

С.Г. Карпюк

© 2005 г.

TAL ILAN. Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity. Part I. Palestine 330 BCE – 200 CE (Texts and Studies in Ancient Judaism 9). Mohr Siebeck. Tübingen, 2002. XXVI + 484 p.

Первый том лексикона Тал Илан хронологически ограничен 330 г. до н.э.–200 г. н.э., т.е. эллинистической и римской эпохами до завершения мишнаитского периода (с. 1; исследователю классической древности обозначение «Late Antiquity», включающее период эллинизма, едва ли покажется удачным). В планах исследовательницы – два следующих тома лексикона, где будут собраны еврейские имена соответственно из Палестины с 200 до 650 г. (начало исламской эпохи) и имена греко-римской диаспоры. Работа над I томом лексикона длилась целых 20 лет; Т. Илан не без оптимизма заверяет читателя: «...если я проживу еще сорок лет, то смогу завершить и эти оба проекта» (с. VIII).

«Lexicon» Т. Илан является одновременно и ономастиконом, и просопографией. Это выгодно отличает его от большинства прочих справочников по семитским именам, авторов ко-

[2] Характерно, например, то, что даже новое издание греческих исторических надписей IV в. до н.э., выполненное для «Оксфорд юниверсити пресс», снабжено английскими переводами (Greek Historical Inscriptions 404–323 BC / Ed. P.J. Rhodes, R. Osborne. N.Y., 2003).

[3] См. *Родс П.Дж.* Афинский театр в политическом контексте // ВДИ. 2004. № 2. С. 33–56.

торых просопографический аспект, как правило, не интересовал[1]. К сожалению, по большому счету к этому только и сводятся достоинства рецензируемого труда.

Уже на первых страницах книги читатель встречается с несомненными приметами дилетантизма. Выберем наугад несколько высказываний. С. 15: «...египетские имена... строго говоря, не являются семитскими...»; на предыдущей странице египетский назван в числе семитских языков. С. 25: «Буква ה использовалась в качестве суффикса...». С. 29: «Фонологически буквы מ и נ взаимозаменяемы (interchangeable)». С. 31: «...некоторые латинские историки (в первую очередь Тацит)... сохранились только на латыни». С. 27: в числе примеров для деминутивного семитского суффикса יון- названы שלמציון и даже само ציון. С. 26: «Суффикс арамейского происхождения א также повлиял на способ написания греческих имен в Палестине»; для примеров автор приводит распространенные (не только на Востоке) имена 'Αλεξᾶς, Δωρᾶς, Θευδᾶς и т.д. с популярным во всем эллинистическом мире гипокористическим суффиксом -ᾶς, а также paroxytonon 'Αντίπᾶς. (Лишь недоумение вызывают слова Т. Илан, что в словаре греческих имен Pape–Benseler для таких имен «имеются только еврейские или восточные (арамейские) представители».) Более того: «В некоторых случаях суффикс становится в греческой передаче еще короче и более сродственным (more akin) арамейскому»; формы, на которые она ссылается ('Αλεξᾶ, Γαλασα, Ζηνᾶ, Θαδδᾶ, Πτολμᾶ), на самом деле являются генетивами, Πανθήρα – аккузативом, а не номинативами. Т. Илан регулярно комментирует формы casus obliqui (иногда по ошибке и номинатива) в источнике стандартной фразой: «This *declension is recorded in the document*» (*иногда так: «This is one declension recorded in the document»*); лишь в особых случаях она уточняет, о каком собственно падеже идет речь, как бы не придавая этому большого значения. Дело в том, что в эллинизированной Палестине, по ее мнению, «склонять имена правильно было, очевидно, проблемой для говоривших и писавших на чужом греческом языке»[2]. Косвенные падежи некоторых имен будто бы обнаруживают непонимание «самой системы склонения» (с. 22 сл.). На самом деле обвинения эллинизированных палестинских евреев в плохом знании (если не пиджинизации) греческого языка следует переадресовать самой Т. Илан, которая всерьез верит собственной выдумке, что в их среде выработалось некое «продленное склонение» (extended declension)[3]: Γάιος (Gaius) – Γαίωνος (на самом деле gen. от Γαίων), Doles (латинский когномен) – Δολεσος (на самом деле это nom.), Τιμήσιος – Τειμεισίωνος (конечно, gen. от Τειμεισίων). «'Ιούδατος» (так и в CIJ 1383!) является генетивом от 'Ιουδᾶς, а не от 'Ιοῦδας (gen. 'Ιουδᾶτος см. также CIJ 12; dat. 'Ιουδᾶτι – многократно в P. Babatha 18, в обоих изданиях с ошибочной акцентуацией). Вопреки Т. Илан, Ιασσουου и Ιησουου – нормальные генетивы от *Ια/ησ(σ)ουας или -ος[4] эта форма существовала параллельно с 'Ιησοῦς, gen. 'Ιησοῦ обычной передачей יהשועה; ср. совершенно аналогичные пары номинативов: Σαμμοῦς LXX (שמוע BH) и Σαμμουος (ср. прим. 2), Σαμμωυος; indecl. 'Ιαδού LXX с сигматическим вариантом 'Ιαδοῦς у Иосифа (A.J. XIII. 256) и 'Ιαδουά LXX (ידוע BH); ср. далее Αναιουος (s.v. חוני № 20[5]), Τεφφοου (nom. Τεφφοας?; с. 440b, прим. 2: «extended declension»)[6], Ληουίας и Λειουου (вместо Λεουιου?), Ληουειου от לויא (ср. с. 184 f., № 62). Формой Λιουιᾶδος (nom. Λιουιᾶς) реализована другая возможность

[1] Редкое исключение: *Zadok R.* The Pre-Hellenistic Israelite Anthroponymy and Prosopography. Leuven, 1988. Т. Илан лишь один раз и мимоходом упоминает этот труд (с. 4, прим. 1).

[2] Такие проблемы, действительно, существовали, но разрешались в рамках греческой морфологии; собственно ошибок не столь уж много и неизмеримо меньше по сравнению с теми, что допускает Т. Илан (см. ниже). Проблемы возникали прежде всего в сложных случаях вроде женского имени שלמציון. В P. Babatha 18 находим аккузатив Σελαμψιωνην (у Т. Илан приведена только эта форма – с. 427b. № 23), т.е. номинатив должен быть Σελαμψιωνη (так в стк. 55), но в стк. 11 стоит gen. Σελαμψιους, как бы от грецизированной формы Σελαμψιώ (ср. *Jos.* A.J. XVIII. 130: Σαλαμψιώ, 131, 138: gen. Σαλαμψιοῦς); в P. Babatha 19 и 20 Σελαμψιους (о той же женщине) превращается в indeclinabile; один раз в роли датива в № 19 выступает Σελαμψιου, но это скорее описка, хотя аналогии известны в Македонии и Фессалии (IG. X. 2/1. 357. 1; SEG. XXXVIII. 707). Сходным образом Σαμμουος P. Babatha 14. 37 – номинатив, а в 21. 17/18 – генетив (к Σαμμοῦς).

[3] Имена, приведенные без ссылок (кроме банальных), зарегистрированы в книге Т. Илан.

[4] Ср. Ιεσουα/ישועה, билингвическая надпись на оссуарии (с. 128): генетив или indeclinabile.

[5] Греческая форма скорее указывает на אנין*, ср. אני – с. 361 сл.

[6] *Ṭpw? Ср. с. 440b, прим. 1: арабское имя Ṭp.

грецизации этого לויא (а не לוי, как у Т. Илан): она усвоила иной, нежели 'Ιουδᾶς, вариант дентального склонения. Вполне нормальна и адаптация (מ)מריא как Μαριάς, gen. -άδος. Σαλαμηζινω, очевидно, написано вместо Σαλαμηζιων; к перестановкам букв такого рода ср. замечания самой Т. Илан (с. 30); к анаптиксе ср. Σελαμασιων. Даже после всего этого обескураживает трактовка женского (!) имени Φιλοντάριν[7] как генетива от Φίλων. Ιωανηου (по мысли Т. Илан – вместо Ιωανου), несомненно, ошибочно написано (или прочитано издателем) вместо ΙΩΑΝΝΟΥ. Этот последний пример исследовательнице следовало бы отнести к специальной разновидности «extended declension», о которой она толкует на с. 23. Если я правильно понял ее невразумительное рассуждение («One distinct form of declension is an additional ι or ε which makes the impression that the name refers to a sort of affiliation»), имя, состоящее с другим в генетивном отношении (X, сын Y и т.п.), иногда приобретает нечто вроде nota genetivi в виде инфигированных ι или ε. Так, 'Αλεξανδρέως Т. Илан принимает за генетив от 'Αλέξανδρος, тогда как это, конечно, генетив от 'Αλεξανδρεύς – «александриец» (текст такой: Νεικάνορος 'Αλεξανδρέως)[8]. Βερνίκεος – тоже этникон (= Βερνίκειος), а не генетив от Βερ(ε)νίκη. 'Αλεξαῖας и Μιδδαιος – нормальные номинативы, а не генетивы от 'Αλεξᾶς и Μίδας. 'Αριστίωνος – генетив от 'Αριστίων, а не от 'Αρίστων. Θεοδοτίωνος – генетив от Θεοδοτίων, а не от Θεόδοτος. Λαγανίωνος – генетив от Λαγανίων, а не от «Λαγανιας»[9]. Ιησιου соответствует не יהשוע, а ישעיה, ср. 'Ιησίας, Ιαεσαιου, Ιουδιου, Ιοδιου (nom. *Ιο(υ)διας, -ος) отражает יהודי, а не יהודה[10]. Ιωσιου, как пишет в другом месте сама Т. Илан (с. 24; 158. № 45), передает не יוסף, а его краткую форму יוסי, יסה (ср. Ιοσε, Ιωσε, Ιωσης и 'Ιωσίας). О Σαριης (gen. f.) Т. Илан пишет: «Это может быть вариантная форма שרי» (с. 255, s.v. שרה, прим. 22; не исключено и סרי, ср. с. 398, s.v. סרו). Той же теорией, по-видимому, руководствуется Т. Илан, когда восстанавливает номинативы Μανουν для Μανουν[α]ι[ου] или Μανουν[ε]ι[ου], а для Ριωνιω – Ριων, вместо *Ριωνιας или -ος[11]. Как видим, и это открытие проистекает из незнания исследовательницей греческого языка.

Каталог имен открывается разделом «Библейские имена». К ним относятся «только те имена, которые прямо упоминаются в еврейской Библии или формы, которые несомненно произведены от этих имен», т.е. «разные сокращенные формы библейских имен» (с. 4). К сожалению, правильно отмечает исследовательница, «не всегда легко распознать, является имя библейским или нет» (там же). Так, имя שמלה упоминается в Библии (Gen 36:36, 37), однако: 1) его носит эдомитский царь; 2) его масоретская огласовка (Śamlā, Σαμαλα LXX) отличается от греческой формы в билингве P. Babatha 18: שמלא/Σωμαλα (ср. прим. 12). Казалось бы, вывод лежит на поверхности: все три свидетельства для этого имени I–III вв. представляют собой независимую от библейской традицию (или традиции)[12]. Однако Т. Илан заявляет: «Мои принципы отбора материала заставляют меня включить имя в число библейских» (там же). В то же время она отказывается признать «библейским» имя Δαρεῖος (B.J. II. 421: полководец царя Агриппы II): «Это имя упоминается в еврейской Библии для персидского монарха и, несомненно, является персидским. Таким образом, оно помещается среди персидских имен» (с. 4). С другой стороны, в число «библейских имен» Т. Илан записывает ונה из P. Babatha 18, ссылаясь на וניה (Ezra 10:36); как уже предполагалось (см. с. 89, прим. 1), оба имени, по-видимому, являются иранскими (во всяком случае не семитскими, ввиду начального -ו), причем словообразовательно друг с другом не связаны, это самостоятельные краткие имена от компози-

---

[7] = Φιλοντάριον, ср. Λεωντάριον (Preisigke s.vv.) etc.

[8] О еврейской части этой надписи (CIJ 1256) см. *Lidzbarski M.* Ephemeris für semitische Epigraphik. I. Giessen, 1902. S. 197 f.; *Dittenberger W.* ad OGIS 599.

[9] Имя Λαγανιας придумано Т. Илан ad hoc с опорой на название города Λαγανία в Галатии (!); Λαγανίων, по-видимому, неизвестно, упомянутое Т. Илан арам. לגינא, לגין «bottle, vessel» не может быть производящей основой (< греч. λάγυνος).

[10] Имя-этникон вроде בבלי/Βαβελις, Μεσραιας, Μασαραιος (מצרי) и Ναβαταῖος, נביות; ср. с. 122, прим. 187; с. 123, прим. 234.

[11] К нередкому в поздней койне написанию ω вместо ου в окончании генетива ср. Ανθολω, Γαζω (у Т. Илан в качестве номинатива), Κυρτω, Μαθαιω, Μηειρω.

[12] Ср. с. 218а, прим. 5, к Σωμαλα (генетив, принятый Т. Илан за номинатив): «This... is perhaps independent of the biblical name».

тов с *van- 'superare etc.' (*Vana-, *Vaniya(h)-?). פרנך в Kallah Rabbati 3. 1 не имеет какого-либо отношения к упоминанию этого имени в Num 34:25, ведь *Farnaka- – одно из самых популярных иранских имен. К «библейским» Т. Илан относит женское שלום, хотя в ВН это имя исключительно мужское[13], и наоборот, – мужское נועדיה при женском в ВН. Тем не менее, существование женского «библейского имени» עגלה не помешало Т. Илан поместить мужское עגל, עגלא/Εγλα, Αγλα (генетивы, которые Т. Илан зачисляет в номинативы) в раздел «Другие (большей частью семитские) имена». Совершенно неубедительны и рассуждения Т. Илан о שפירה/א как «варианте» библейского שפרה, которое лишь единожды и предположительно засвидетельствовано в постбиблейское время: [.]שפר (CIJ. 1393; scriptio defectiva вместо שפירה?).

Выделение «библейских имен» особым списком вызывает сомнения еще и потому, что некоторые имена евреев, засвидетельствованные в ВН, не были исключительно еврейскими, но бытовали и у других семитских народов, не всегда даже отличаясь написанием, огласовкой и/или суффиксацией; таковы, например, בני (s.v. בניה № 8, 10, 12, ср. Βανις, CPJ. 501, пропущено Т. Илан; известно и в Пальмире[14]; имя сына в № 8 – Nbwm' – вообще не еврейское, см. с. 392 сл.), בסי (ср. к № 2: בסא – «засвидетельствовано в Пальмире»), זבדיה (прим. 1: «не распознается как специфически еврейское»; встречается в Пальмире, Хатре и др.[15]); זבי и זמרי также известны в Пальмире; עקוב: 9 примеров из 11 дают עקביה, Ακαβας, опять же засвидетельствованное и в Пальмире. ברוך, ברוכה известно и у других западносемитских народов[16]. См. далее комментарии самой Т. Илан s.vv. אחי, בבי, חדד, חזיר, טוביה, יתרא, כלב, מתניה, עבדי, עקש, פליה, שבי, שראצר. Некоторые имена, которые Т. Илан квалифицирует как сокращения библейских, могли быть независимо образованы от имен того же корня, а кроме того не обязательно являются именно еврейскими. Так, גמלא, Γαμάλας, Γάμαλος (к евр., арам., араб. Gml, Gml') не всегда является сокращением именно от גמליאל; «библейское» שמי (также שמאי, ср. Σαμαιος, -ας у Иосифа?) известно в Пальмире и, таким образом, не обязательно является сокращением שמואל; этот гипокористик мог быть образован едва ли не от всякого имени с -שמ[17].

В то же время к семитским именам в разделе «Другие (большей частью семитские) имена» причислены такие, которые являются или вполне могут рассматриваться в качестве суффиксальных или словообразовательных вариантов «библейских имен», например, אחמי (ср. библ.-евр. אחימאם, אחומי), בלעה (ср. библ.-евр. בלע), Βακερου (ср. Βακχείρ, Βακκείρ LXX на месте בקי ВН), חני и נחוניא (см. с. 378, прим. 1 и с. 394b, прим. 1!), מנסיא (ср. библ.-евр. מנשה и для аналогии עקשיה наряду с «библейским» עקש), מלכו (מלכה № 8; ср. библ.-евр., идумейск., набат. Mlykw), נדבאי («נדב – библейское имя (например, I Reg 11:20)», с. 393. прим. 1; ср. также נדבה, р. 196, библейское נדביה), עדיי (ср. библейское עדיה и аналогичные семитские имена, с. 399, прим. 1), עכנאי («עכן засвидетельствовано как библейское имя, например, Jos 7:1... и у арабов»); имя פישון – от названия реки в Эдеме (Gen 2:11), пожалуй, больше заслуживает быть названным библейским, чем Ναβαταῖος, נביות (Gen 25:13: сын Измаила); Ιρακου (ср. ירקון ВН, 'Ιεραχών LXX и пальмир. Yrq). Невозможно пре-

---

[13] A propos: Σαλωνα, с. 250. № 33; с. 252. прим. 73 – nom. f., а не «declension».

[14] Βάννους (*Jos.* Vita 11: leg. -οῦς) передает не בני, а בנו, масор. Ban(n)ū (Neh 11:15).

[15] См. *Maraqten M.* Die semitischen Personennamen in den alt- und reichsaramäischen Inschriften aus Vorderasien. Hildesheim usw., 1988. S. 157; *Abbadi S.* Die Personennamen der Inschriften aus Hatra. Hildesheim usw., 1983. S. 103 f.

[16] *Lipiśńki E.* Western Semites in Persepolis // Acta Antiqua Academiae Scientarum Hungaricae. 1977. XXV/1–2. P. 104 f.

[17] Ср. *Stark J.K.* Personal Names in Palmyrene Inscriptions. Oxf., 1971. P. 115 (для талмуд. שמי он предполагает сокращение именно שמעיה; но ожидалось бы, скорее, Šm'y, действительно, засвидетельствованное и в Библии, и эпиграфически: *Maraqten.* Op. cit. S. 103, 221).

одолеть искушение привести комментарий Т. Илан к последнему имени (с. 435, прим. 1): «Это греческая транслитерация семитского имени, начинающегося на букву י».

Некоторые частные замечания: Βησας передает не בסי, а בסא. Σαβαθεον – вульгарное написание вместо Σαββαθίων. Σολειμας вместе с Миликом следует относить к арабским (набатейским). שימי (ср. Σειμαιου, Σουμαιος) – краткая форма от שמעון, Σίμων, а не от שמואל; ср. סימאי, סימי s.v. שמעון № 69, 70, 168 (-ס под влиянием греческих форм? ср., однако, סימו – с. 222. № 110; 223. № 150 и особенно סימי, сын שמעון, с. 224. № 168 сл.; s.v. Σοαιμος, с. 440a, прим. 1); огласовка Σουμαιος сближает его с Συμων, Σωμαων (с. 219, 221) и Συμεών, еще одной транскрипцией שמעון (LXX, NT etc.). Ἄκις и Μηνᾶς – греческие имена.

Раздел «Другие (большей частью семитские) имена» почему-то помещен Т. Илан отдельно от «Библейских имен» в конец книги после «Персидских имен». Как признает сама Т. Илан, специальная задача этого раздела – «определить, какое из имен этой группы является арамейским, арабским, пальмирским, египетским[18] и. т.д.» (с. 14) – оказалась ей не по силам: «По каждому случаю я справлялась во множестве ономастических лексиконов, но в итоге так и не пришла ни к каким заключениям (I have come to no conclusions), предоставив разбираться читателю». Поэтому анализ материала подменяется в комментарии некритическим перечнем ономастических параллелей и ссылками на апеллативную лексику. Нередко даже тогда, когда имя убедительно интерпретируется как семитское, Т. Илан как бы на всякий случай приводит бездумные сопоставления вроде: Κατανα и Κατάνη, город в Сицилии; Mkwt'/Μαχουθας и македонское Μαχάτας; Νεελα (gen.?) и гидроним Νεῖλος; Εαραμαλλας и греко-египетское Σαραμμων; Σαουγαλ и греческое (беот.!) Σαυγένης. Полную бессмыслицу обнаруживаем s.v. כידור (PT); к объяснению имени из כדור «ball, globe» (с аналогией в виде идеофона גלגולא) Т. Илан добавляет: «Имя может быть также греческого происхождения, содержащим элемент δῶρα (элемент, присутствующий также [?!] в библейских именах מתת; מתן)».

«Я работала в лучших библиотеках мира», утверждает исследовательница (с. VIII), но в число того «множества ономастических лексиконов», которым она пользовалась, не вошли, например, следующие книги: *Wuthnow N.* Die semitischen Menschennamen in griechischen Inschriften und Papyrus des Vorderen Orients. Lpz, 1930; *Coogan M.D.* West Semitic Personal Names in Murašû Documents. Missoula, 1976; *Kornfeld W.* Onomastica Aramaica aus Ägypten. Wien, 1978; *Maraqten M.* Die semitischen Personennamen in den alt- und reichsaramäischen Inschriften (см. наше прим. 15; ср. review-article Цадока в BiOr. XLVIII. 1/2. 1991. Col. 25–40); *Abbadi S.* Die Personennamen der Inschriften aus Hatra (см. наше прим. 15); о капитальном труде Рана Цадока см. наше прим. 1; ссылки на лексикографические труды ограничиваются словарем М. Ястрова (Jastrow) «Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi and the Midrashic Literature» (N.Y., 1903, repr. 1966), который включает в себя и ономастический материал; вне поля зрения автора остался даже совершенно необходимый словарь: *Jean Ch.-F., Hoftijzer J.* Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest (Leiden, 1965; или: *Hoftijzer J., Jongeling K.* Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions. Leiden, 1995), а также «Словарь языка семитских надписей» И.Н. Винникова. Во всей книге нет никаких признаков знакомства с классическим трудом Самуэля Крауса «Griechische und lateinische Lehnwörter im Talmud, Midrasch und Targum» (I–II. Lpz, 1899, repr. 1964).

У Т. Илан пропущены имена из P. Babatha Αβδερῆς Ϛ̣ουμα̣[ι]ο̣ῦ (12. 11) и Αβδοοβδας Ελλουθα (14. 28; 15. 4 etc.); 'Ασκαλᾶς[19], Τρωξαλλίς, Ψελλός следует переместить в раздел «Греческие имена».

«Греческие имена». Источниками сведений Т. Илан о греческой ономастике являются «Wörterbuch der griechischen Eigennamen» Папе–Бензелера и британский «Lexicon of Greek Personal Names» (Oxford, 1987-; далее – LGPN). «Namenbuch» Ф. Прайзигке (Heidelberg, 1922) и «Onomasticon alterum papyrologicum» Д. Форабоски (Milano, 1970–1971) привлекаются преимущественно для поиска аналогий семитским именам[20]. Но и этими книгами она пользуется не-

[18] Напомню, что Т. Илан считает египетский одним из семитских языков.

[19] = 'Ασκλᾶς (с эпентетическим -α-) от 'Ασκληπιός, как правильно определил уже Лидзбарски (*Lidzbarski M.* Ephemeris für semitische Epigraphik. II. Giessen, 1908. S. 7), мнение которого упоминает Т. Илан (с. 431, прим. 1).

[20] Задачу можно было бы облегчить, использовав хотя бы следующие работы: *Delling G.* Biblisch-judische Namen im hellenistisch-römischen Ägypten // Bull. Soc. d'archéologie copte. XXII. 1974–1975; *Ruozzi Sala S.M.* Lexicon nominum semiticorum quae in papyris Graecis in Aegypto repertis ab a. 323 a. Ch. n. usque ad a. 70 p. Ch. n. laudata reperiuntur. Milano, 1974.

умело, часто подбирая аналогии просто по внешнему сходству; например, Κοραινου и Κορίαννος (последнее имя придумано Феофилактом Симокаттой, Epist. 59, 68); Κομαιση и Κομαῖος; приведенное у Папе–Бензелера в качестве мужского имени Ἐρωτάριον (AP. XI. 174, Лукиллий) – поэтический деминутив от теонима (!) Ἔρως (μικρὸν Ἐρωτάριον – «малютка Эротичек»; в I. Délos. 1429. B. I. 78 и др., – судя по всему, статуэтка Эрота), а вообще это женское имя (причем Ἐρωτάρειν < -ιον, а не «declension» от Ἐρωτάριον, как думает Т. Илан; ср. IG. XII/3/9. Suppl. 69: Ἐρωτάριν, и Φιλοντάριν, выше). Даже при самых скромных познаниях в греческом языке с помощью этих книг можно было бы уяснить, например, что Ἀφροδισιάς – не мужское имя, а женское и что Ἑλένη никак не связано с Ἑλληνίς («It may be modeled after the transliteration [!?] of the male name, Ἑλλήνιος [!?]» – с. 318а, прим. 9) или что Γύγης – лидийское, а вовсе не «обычное греческое имя». Эти же пособия, а также известный Т. Илан словарь Лиддела–Скотта–Джонса вместе с учебником Б. Эткинсона «The Greek Language»[21] должны были бы помочь ей хотя бы правильно расставлять диакритические знаки (ср. Ἀβασκάντος, Ἀγγαιᾶς, Αὐγῆ, Δώρατος (gen.), Ἡρῶδιάς, Ἡρῳδίας, Λεσβώνας, Μέγιστη, Νικάνδρος etc., etc.) и различать падежные формы. Поскольку даже это нечасто удается Т. Илан, как-то неловко упрекать ее в незнакомстве с фундаментальным трудом Фридриха Бехтеля «Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit» (Halle a.d.S., 1917), без которого серьезные занятия греческой антропонимией невозможны.

Даже беглый просмотр этого раздела заставит приуныть самого снисходительного читателя, пусть даже подготовленного предшествующим анализом сочинения Т. Илан. Количество всякого рода ошибок таково, что я ограничиваюсь только наиболее наглядными примерами. Генетив Ἀμφικάλλει (B.J. 4, 225) Т. Илан принимает за арамеизированный номинатив (она ссылается на арам. суффикс י-). На самом деле номинатив должен быть Ἀμφίκαλλεις[22]. Ἀνδροῦς – не генетив от Ἀνδρέας, а nom. masc./fem. или gen. fem. от Ἀνδρώ. Διονυτᾶς – гипокористик от Διονύσιος или другого теофорного имени от Διόνυσος, а не «от греческого верховного бога – Зевса» (с. 273, ср. с. 11). Δωρᾶς может быть краткой формой любого имени с δῶρον, а не одного Δωρόθεος. Аналогично обстоит дело с Θευδίων (не только от Θεόδοτος, как полагает Т. Илан, но и от Θεόδωρος или от Θεοδόσιος); Θευδᾶς, которое она производит исключительно от Θεόδωρος; Σωσᾶς (не только к Σωσίπατρος; а Σώπατρος – не его «вариант», а самостоятельное образование). Δωσοῦς – не «declension» от незасвидетельствованного (как пишет сама Т. Илан!) Δωσίς, а nom. masc./fem. (или генетив от Δωσώ). אפשיון передает Εὐξίων, а не «Εὐξᾶ». Ζηναροῦτος – генетив от Ζηναροῦς, а не номинатив. Ζωηλοῦς – не генетив от Ζωΐλος, а номинатив. Номинатив Ἐρώτας (правильно – Ἐρωτᾶς) автор считает генетивом от Ἔρως («this name probably [!] refers to the mythical [!] Greek god of love», с. 277); засвидетельствовано и Ἐρωτᾶς, которое, как пишет Т. Илан с дезориентирующей ссылкой на LGPN I. P. 167, якобы «может быть генетивом мужского [имени]». Ἡρᾶς – мужское, а не женское имя; Ἡροῦς, gen. -οῦτος (masc.?) – не «идиосинкратическая орфография» для Ἡρᾶς, а параллельное образование с другим суффиксом. Θε[ο]μν[ᾶ]τος – это генетив от Θεομνᾶς, а не «ошибка писца» вместо Θεόμναστος. איסטמכוס (Т. Илан отождествляет с ghost-name у Папе–Бензелера «Ἰστόμαχος») следует читать (или исправлять) ארסטמכוס, Ἀριστόμαχος. Κλεόβιος не имеет отношения к Κλεοπᾶς; беспочвенно заявление, что «Κλεοπᾶς является специально семитским вариантом Κλεοπάτρος [sic], подобно Ἀντίπας для Ἀντίπατρος»; об этих именах и о новозаветном Κλωπᾶς см. O. Masson. BCH. 1981. 105. P. 375–202. [Λ]εοντις (т.е. [Λ]εόντις < Λεόντιος или женское Λεοντίς) Т. Илан выдает за «declension» имени «Λέον»

[21] Т. Илан ссылается на него как на авторитет, говоря об итацизме в койне (с. 21, прим. 43).

[22] Эти вульгарные формы греческих имен (вместо -ις, gen. -ιος etc.) в литературных источниках не встречаются (даже Иосиф использует их только для негреческих имен); Ἀμφίκαλλεις выглядит странно и само по себе, так что гипотеза Т. Илан об искажении первоначального Ἄμφικλος (пожалуй, вероятнее, Ἀμφικλῆς) Иосифом или позднейшими переписчиками выглядит привлекательно. Два других примера Т. Илан для таких номинативов тоже ошибочны: Σειλωνει является генетивом (правдоподобнее связывать с др.-араб. Sylwn, чем с лат. Silonius); Φαλωνει, которое на с. 309 она уже признает генетивом, во всяком случае не имеет отношения к греч. Φάλων. Другие примеры таких же генетивов: Ανουνει, Ιαθουρει, Ααβαι, Ααβαει (Т. Илан считает оба последних номинативами; Αα- ясно говорит в пользу сопоставления Милика с пальмир. ''by [ср. *Stark*. Op. cit. P. 6, 71; ср. пальмир. Ααβει, CIS. II/III. 3964] и против идеи Т. Илан: якобы אבא или אבי, אבאי; ср. Ααζαηλος, едва ли к библейскому עזיאל); важно отметить, что все перечисленные свидетельства концентрируются в документах II в. н.э., обнаруженных в пещере Мурабба'т.

(т.е. Λέων). Λογάς – это женское имя. Μάνδρωνος (а не Μανδρῶνος) – не номинатив, а генетив от Μάνδρων. Якобы женское «Μόσχας», почему-то помещенное в s.v. Μόσχις (fem. Μοσχίς!), не может быть ни чем иным, кроме номинатива мужского имени Μοσχᾶς, ср. Ὀρνιθᾶς, Χηνᾶς etc. (от названий профессий). נקיי и נקאי – едва ли «Aramicized abbreviation» имени Νικάνωρ (с. 297 сл.) или, добавим, какого-то другого с Νικ°, а скорее адаптированные в арамейской словообразовательной системе гипокористики Νίκαιος и/или Νίκαιο; впрочем, в пользу гипотезы Т. Илан могут говорить семитские деминутивы того же типа от Ἀλέξανδρος – אלכס, и от Δοσίθεος – דוסא (если не к Δοσᾶς), דוסי, דשטין, נסן, если это вообще греческое имя[23], передает не семитизированное Νῖσος, а Νίσων (ср. это имя на оссуарии: Νίσον, с о вместо ω; Т. Илан: «declension» от Νῖσος, но предполагать здесь аккузатив невозможно). Πτολεμες – это номинатив, орфографический вариант Πτολεμαις (Preisigke, Foraboschi) < < Πτολεμαῖος, а не «declension»). Целое нагромождение ошибок и путаницы находим s.v. Πανθήρας: на самом деле в Палестине засвидетельствована только его производящая основа Πανθήρ; его аккузатив – Πανθήρα Т. Илан, конечно, принимает за номинатив, оформленный так под влиянием семитского суффикса א- (см. выше). πενθεροῦ в надписи на оссуарии CIJ 1211 ([Ἰ]ωσήπου πενθεροῦ) она считает тем же антропонимом в «необычном написании»; в то же время она толкует «о терминах родства в качестве личных имен»; но ведь апеллатив, от которого образованы Πανθήρ и Πανθήρας означает «пантера», а вовсе не «тесть» (и даже не «теща», πενθερά). У Папе–Бензелера (S. 1312) на самом деле не Ῥοδοκῆς, а конечно Ῥοδοκλῆς, не имеющее отношения к Ροδοκος в II Macc 13:21, если только не исправлять на Ῥόδοκ⟨λ⟩ος. Ὠρήα – итацистическое написание для Ὠρεία; Т. Илан дает поразительный комментарий: «It is not clear which of the two names mentioned above, prim. 1 [Ὤρα, Ὤρη], is intended. Both are recorded but this (combined form [!]) is not» (с. 324, прим. 2).

Многим именам Т. Илан ошибочно приписывает греческое происхождение, например: Καιρας (якобы «вариантная форма» «Καῖρος»), Μαμεις («declension» от Μαμεύς). Μανναῖος, как уже определил С. Клейн, очевидно, семитское имя (מנאי, ср. Μαναης s.v. מנחם № 37–38). Σαββίων – имя бесспорно семитского происхождения[24], Т. Илан определяет как греческое просто ссылкой на LGPN. I. P. 400 (из IG. XII/5. 164), где, как и у Папе–Бензелера, можно найти любые имена в греческом написании; аналогично обходится она с Σαβατίς, но при этом со ссылкой на שבתית в арамейском папирусе V в. до н.э. из Египта! Σαει.ου, конечно, не имеет никакого отношения к найденному Т. Илан в LGPN. IIIA. P. 387 греч. диал. Σαέας (< Σᾱϝέας); скорее всего, следует восстанавливать Σαει[δ]ου (сама Т. Илан упоминает Σαειδ у Preisigke). Σελυκ – простая транслитерация семитского Sylwq < Σέλευκος[25], Σελακος, очевидно, не может быть его «вариантом», ср. שלקית (к שלק 'dissect, cook, overheat')? Βαρτιμαῖος (NT), возможно, является частичной грецизацией (ср. Τιμαῖος) בר תימא (ср. תימא – с. 238, арам. Tym', пальмир. Θαιμης etc.). Непонятное Κραιτο (явно аббревиатура!) не может быть «вариацией» имени Κράτων. Семит. Οκαιμος не имеет отношения к Ὠκίμων. Φελειου, несомненно, транскрипция פליה (с. 205).

Не лучше обстоит дело в разделе «Латинские имена». גביני, גבנים предполагает Gabinius, а не Gabinus. Ληοπεις не может передавать ни Lepios, ни Lupius (leg. Ληουεις?), а Μαρωης (nom.! явно семитское имя!) не может являться «declension» Μάρων, греческого написания для Maro. Κοδρᾶτον – аккузатив к Κοδρᾶτος, а не номинатив с семитским суффиксом ון-. Κυρηναῖος, разумеется, этникон («киренеец»), а не транскрипция лат. Quirinius (так – с. 337;

---

[23] Т. Илан упоминает мнение Й. Наве, что это имя идентично названию месяца נסן, но отвергает его безо всякой аргументации; ср., однако, антропоним שבט, если связывать его не с евр. שבט 'прут, палка', а с омонимичным названием месяца арамейского календаря.

[24] Ср. библ.-евр. שבי (но также в Пальмире); или, скорее, сокращение имен от שבת; см. *Levinskaya I., Tokhtas'ev S.* Jews and Jewish Names in the Bosporan Kingdom // Te'uda XII. Studies on the Jewish Diaspora in the Hellenistic and Roman Periods. Tel-Aviv, 1996. P. 57.

[25] Ср. пальмир. Slwq', Slwk из Хатры и др. (*Stark.* Op. cit. P. 41; *Abbadi.* Op. cit. S. 1132 f.). Того же типа Παυλουν, явно транскрипция семит. адаптации Paulus – Pwl(w)n (Т. Илан: «declension», с. 336), Αρταφαν (*Lüderitz G., Reynolds J.M.* Corpus jüdischer Zeugnisse aus der Cyrenaika. Wiesbaden, 1983. № 69), персидское имя, прошедшее семитское посредство: *Ṛtapāna-, со спирантизацией интервокального [p].

правильно – с. 311, прим. 6; обе интерпретации вместе – с. 88, s.v. הלל № 8: «... Quirinius (2)'s son... [of] Cyrene»). В источнике стоит не Νερω, а Νέρων[ος], отчество Симона[26]. Ζενέκας не может передавать Seneca. Не исключено, что Βερουτος – генетив от Βεροῦς, но это последнее едва ли передает Verus. Как свидетельствует еврейский текст билингвы (אפיהס), 'Απφίας – мужское, а не женское имя в генетиве, которое не имеет отношения к латинскому Appia (Appius). Ποπελι естественнее понимать как мужское имя Ποπελις (-ιος, ср. Κλῶδις, Τιβέρις[27], а также 'Ερωτάρειν, Φιλοντάριν[28]) в генетиве, нежели сокращение Ποπελι(α), ср. такое же Οὐαλ[έρι] (Т. Илан, по-видимому, думает о дативе).

Если о греческом и латинском Т. Илан все же имеет смутные представления, то об иранском она, похоже, знает лишь понаслышке. Иранские имена Т. Илан называет «Persian», не дифференцируя их ни хронологически, ни по принадлежности к отдельным языкам. Например, некоторые «персидские» имена в греческой транскрипции, на которые в качестве параллелей ссылается Т. Илан, на самом деле являются скифскими и сарматскими (Καρσας, Κασαις, Κασακος, Μαδακος, Πάλακος); в качестве этимонов она нередко указывает новоперсидские имена и формы. Выявление и интерпретация иранских имен в семитской, греческой и латинской традициях ставит перед исследователем специфические трудности, так как фактически всегда работа представляет собой многоуровневую реконструкцию. Между тем, помимо очевидных случаев вроде Βαγαδάτης или Δαρεῖος и интерпретаций, содержащихся в «Iranisches Namenbuch» Ф. Юсти (Strassburg, 1895), все усилия Т. Илан свелись к чисто механическому поиску созвучных имен в этом старом заслуженном труде. Он же является ее единственным источником знаний об иранской антропонимии; автору неизвестны такие важные и совершенно необходимые для ее темы исследования, как: W. Hinz. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975 и издающийся в Вене с 1979 г. отдельными выпусками «Iranisches Personennamenbuch» под редакцией М. Майрхофера и Р. Шмитта; Т. Илан игнорирует также «Onomastica Aramaica» В. Корнфельда (см. выше) и исследования Р. Цадока об иранских именах в аккадских и других семитских источниках. В результате этот раздел лексикона лишь частично поддается рациональной критике. Exempla potiora: очевидно семитское Γαδαaθα (gen.!)[29] сопоставляется с перс. Γαδάτας < *Gadāta- (?; этимология имени не выяснена); פזי, кроме первых двух букв, не имеет ничего общего с Παζάτας (D.L. I. 2: персидский маг); уже одно то, что פזי, засвидетельствованное трижды, является также женским именем, говорит о его семитском происхождении (к евр. פז 'золото', приведенному Т. Илан). На мой взгляд, действительно иранскими является не более трети имен, собранных Т. Илан в этой рубрике ('Αρσαμος, Βαγαδάτης, Βαγώας, Γωβαρ, Δαρεῖος, Χωβαρεῖς, возможно, 'Ιζατης и Ιζατων, מדך (*Mādaka-), מחפי, Μονόβαζος, 'Ρωξάνη[30], Τιγράνης, תרדיון, 'Υρκανός, אישטנו). Пожалуй, удачное толкование Т. Илан предложила для תרדיון: семитский гипокористик с суффиксом יון- от *Tīridāta- (ср. Ιζατων и выше, прим. 25); для аналогии она приводит תרדה (Esther Rabba 1. 18), которое, однако, запросто может оказаться искажением תרדת; семитской краткой формой от *Māhapāna-, по-видимому, является מהפי; правда, такое же сокращение могло иметь место уже в иранском: *Māhapāya-. Δαθαῖος, Δαθάης можно поставить в связь с Δᾶτις < *Þāti- (или, ближе к греческим формам, *Dātaya-), разве что допустив семитское посредство (*Dāṯaya с [þ] < [t] между гласными).

Довершает картину курьезнейший «Орфографический указатель». Весь он состоит из таких пар: имя в форме, которая засвидетельствована в источнике – его же нормализованная (оригинальная) форма; например, יהקים (надпись на оссуарии) – יקים (BT), הלנא – 'Ελένη.

---

[26] Discoveries in the Judean Desert. II. Les grottes de Murabba'ât, par P. Benoit, J.T. Milik, et R. de Vaux. Oxf., 1961. № 92. II. 2.

[27] Т. Илан: «... it could also be an indication of the place of origin... – the city of Tiberias» (с. 339, прим. 3).

[28] Впрочем, переход -ius > -is известен и в позднем латинском. Само склонение -ις, -ι, по-видимому, имеет латинское происхождение (в отличие от -εις, -ει, см. прим. 22).

[29] Судя по фотографии в издании текста (Discoveries in the Judean Desert. II. Les grottes de Murabba'ât. Planches. Pl. LXXX, *103a*), не исключено чтение Γαδδαθα.

[30] Эта 'Ρωξάνη, дочь Герода I, как и все прочие в античное время, названа в честь жены Александра Великого; в честь самого Александра Герод назвал одного из сыновей.

Однако этот принцип подачи материала доведен до абсурда: добрая половина греческого индекса составлена из пар Αλεξανδρος – 'Αλέξανδρος, или Αλεξανδρον – 'Αλέξανδρος формы, стоящие слева, – всегда без диакритики: Θωμας – תומה. Все имена, включенные в раздел «Другие (большей частью семитские) имена», за исключением некоторых, записанных еврейским алфавитом, просто дублируются: Αθρογγαιος – Αθρογγαιος, אבא – אבא; так же представлены формы, идентичные библейским: יקים – יקים. Еще одно speciality этого индекса – такие пары, как δδα – Θαδδαῖος, ηπος – יוסף, μσι – שלמציון, audia – Claudia, יהודה – דה: так Т. Илан подает чтения фрагментированных, но надежно восстанавливаемых надписей: [Θα]δδᾶ, ['Ιωσ]ήπος, [Σαλα]μσι[ων] etc.

Я бы охотно допустил мысль, что перед нами черновой продукт компъютерной обработки ономастического материала, по нелепой случайности попавший в типографию. Однако книга Т. Илан и в остальном производит впечатление черновика, который опубликован лишь потому, что исследовательница просто утомилась от двадцатилетних заведомо тщетных попыток довести его до приемлемого научного уровня. Недоумеваю, как эта откровенно дилетантская книга могла быть опубликована в солиднейшей тюбингенской серии «Texts and Studies in Ancient Judaism».

С.Р. Тохтасьев

© 2005 г.

The Royal Palace Institution in the First Millennium BC. Regional Development and Cultural Interchange between East and West. Ed. by I. Nielsen (Monographs of the Danish Institute at Athens. V. 4). Athens, 2001. 317 p.

Рецензируемая книга представляет собой сборник докладов, прочитанных на конференции «The Royal Palace Institution in the First Millennium BC.», организованной Датским институтом в Афинах (ноябрь 1999 г.). Задачей конференции, как и сборника ее трудов, являлось исследование царского дворца одновременно и как архитектурного сооружения, и как и общественного института, в котором отражаются существенные черты общества.

Во «Введении», написанном И. Нильсен, определены темы, которые организаторы конференции считали наиболее существенными для понимания характера и роли в обществе дворца в I тыс. до н.э. и в их числе – взаимоотношения между завоевателями и покоренными, развитие концепции монархической власти, проблема культурного взаимодействия Запада и Востока, роль дворца как центра власти и создателя культурных стандартов и т.д. Объектом исследования должны быть как государства с древними традициями монархической власти и царского дворца, так и эллинистические государства, которые характеризуются привнесением греческих общественных институтов в среду, где монархия и дворец были давно уже устоявшимися институтами. В связи с рассмотрением проблемы «делегирования власти», характерной для государств имперского типа, должно быть уделено внимание также и резиденциям сатрапов и других представителей высших властей в отдельных регионах.

Доклады, прочитанные на конференции и опубликованные в данном сборнике, могут быть сгруппированы в несколько разделов, а именно: переднеазиатские царские дворцы первой половины I тыс. до н.э. (Ассирия, Нововавилонское царство, Урарту, государство Ахеменидов); дворцы северной периферии Ахеменидской империи; отношение греков к царскому дворцу; дворцы эллинистической эпохи (с тремя подразделами: дворцы в Македонии, дворцы на эллинистическом Востоке, дворцы на территории северной периферии эллинистического мира).

В первом разделе представлены пять статей. С. Лумсден в статье «Власть и идентичность в Новоассирийском мире» указал, что создание Ассирийской империи привело к весьма значительным изменениям на всем Переднем Востоке. Политика империи способствовала разрушению старых этнических и политических границ, завоеванное население переселялось и часто оказывалось внутри территории расселения собственно ассирийцев, где его «учили» как нужно жить по-ассирийски и как почитать царя Ассирии и его богов. В результате этого слияния собственно ассирийского правящего слоя и переселенных местных элит возник многоэтничный и космополитичный класс администраторов и воинов. В Израиле идеологическое сопротивление

«имперской тирании» находило свое выражение в осуждении «уничтожения народов, разрушения национальных границ и изгнания населения». Арамейское сопротивление выражалось в отказе от использования аккадского языка и клинописи. Сопротивление этнической нивелировке наблюдалось и среди старой ассирийской знати, хотя его заметить труднее.

Основание новых царских городов играло самую важную роль в создании многоэтничного милитаристского правящего класса, который управлял Передним Востоком в новоассирийский период. Интересы этого класса, жившего во вновь основанных городах, были тесно переплетены с интересами представителей административной и военной элиты по всей территории империи. Их связывало чувство определенной общности, и эта связь была для них важнее, чем связь с местным населением на тех территориях, которыми они управляли. В конечном счете это привело к отчуждению между элитой и рядовым населением.

Большой интерес представляет статья А. Курт «Дворец (дворцы) Вавилона», в которой на основании результатов раскопок Немецкой археологической экспедиции (конец XIX – начало XX в.) и относительно небольшого количества письменных документов сделана попытка воссоздать характер дворца в Вавилоне нововавилонского времени (правда, раскопан он был только частично, что затрудняет реконструкции). Дворец был создан в самом начале этой эпохи, а дворцы более раннего времени остаются нам неизвестными. Царский дворец был построен на высокой платформе и имел собственную систему фортификации. Выше его в городе были только зиккураты. Заказчик и строитель дворца хотели подчеркнуть ясно видимыми средствами основную идею – господство дворца над городом. Местоположение дворца рядом с основными святилищами Вавилона, в частности с храмом покровителя города Мардука, должно было подчеркнуть тесную связь дворца и сакрального пространства и тем самым сакрализировать само жилище царя.

Дворец делился на две части: собственно жилую и парадную, предназначенную для общественных церемоний и ритуалов. Письменные документы говорят о дворцовом персонале, который включал как высокопоставленных чиновников, так и обслугу. Здесь же находились библиотека и своего рода музей, куда помещались трофеи, привезенные из завоеванных стран. Вполне возможно, что был и зверинец с редкими зверями. Не совсем ясен вопрос о дворцовых садах, но вполне вероятно, что они располагались на другом берегу реки Евфрат.

Дворец играл важную роль в сакральной жизни государства. Вероятно, часть ритуалов праздника Нового года, самого важного из вавилонских праздников, происходила во дворце. Вавилонский дворец продолжал использоваться и в персидское время. В нем были произведены некоторые переделки в соответствии со вкусами новых владык. Очень важно, что при раскопках во дворце были найдены фрагменты Бихистунской надписи Дария I (на вавилонском языке). Дворец служил и Александру Македонскому, а позднее и Селевкидам. В это время здесь также были осуществлены некоторые переделки, в частности, построен перистильный дворик.

В статье А. Курт представлена очень полная и ясная картина устройства, жизни и роли дворца в вавилонском обществе рассматриваемого времени. Удивляет только одно обстоятельство: в статье нет ни слова о царских канцеляриях. Дворец ведь был предназначен не только для повседневной жизни царя и его семьи и религиозных и политических ритуалов. Он был и центром управления государством, огромной повседневной деятельности бюрократического аппарата. Однако эта сторона жизни дворца автором не освещена.

Урартская тематика представлена в статье А. Канецян «Урартские и раннеахеменидские дворцы в Армении». Главная идея статьи состоит в утверждении, что основные принципы ахеменидской дворцовой архитектуры сложились под влиянием урартов. Это влияние сказывалось в принятии основной композиционной идеи (многоколонные, гипостильные залы), характере внешнего оформления стен (например наличие «слепых окон»), технике обработки камня. Основой концепции А. Канецян является сравнение гипостильных дворцовых конструкций Пасаргад, Персеполя и Суз с многоколонными залами крупных городских центров Урарту – Эребуни и Аргиштихинили.

Вопрос о генезисе ахеменидской архитектуры, естественно, один из основных внутри того поля исследований, которое обозначено тематикой конференции. Поэтому этот вопрос затрагивается еще в нескольких статьях, опубликованных в сборнике. Д. Стронах в статье «От Кира до Дария: заметки по проблеме искусства и архитектуры ранних ахеменидских дворцов» указывает, что многоколонные залы были достаточно широко распространены по всей территории Ирана уже во второй половине II тыс. до н.э. (например Хасанлу, слой IV)[1] и, соответственно, не

[1] Со ссылкой на статью: *Dyson R.H.* The Iron Age Architecture at Hasanlu: an Essay // Expedition. 1989. 31. 2–3. P. 107–127.

было необходимости в урартском посредничестве для того, чтобы использовать эту концепцию при строительстве дворца в Пасаргадах. Что касается других аспектов, в частности скульптурного декора, то, по мнению Д. Стронаха, в нем явно чувствуется ассирийское влияние, но скорее всего не прямое, а через посредство Элама.

В связи с этим необходимо отметить, что критика концепции «урартского посредничества» со стороны Д. Стронаха кажется вполне обоснованной. Все исследователи, касавшиеся вопроса о многоколонном зале в Эребуни, относили его к ахеменидскому, а не позднеурартскому времени[2]. Если в статье Д. Стронаха критика представлена в несколько общей форме, то в статье Ф. Тер-Мартиросова «Типология колонных структур Армении ахеменидского периода» (подробнее о ней см. ниже) приведены более конкретные материалы, полученные им в результате его собственных раскопок в данном секторе городища Эребуни, которые показывают, что, с точки зрения стратиграфии, отнесение данного зала к урартской эпохе совершенно невозможно. Он же доказывает неправомерность привлечения и материалов Аргиштихинили для решения данного вопроса. В статье Д. Стронаха вопрос о генезисе ахеменидской дворцовой архитектуры – только один из целого ряда достаточно подробно обсуждаемых им. Автор указывает, что основное внимание его в данном исследовании привлекает проблема различий в «строительных программах» трех первых царей династии Ахеменидов (Кира, Камбиза и Дария I) и выявляет эти различия, обращая внимание на следующие параметры: выбор места, используемые строительные материалы и техника, планировка, характер конструкций, декор. Рассматриваемый период охватывает время от 546 г. (начало строительства в Пасаргадах) до 486 г. до н.э. (год смерти Дария).

Кир выбрал для строительства своего дворца место на полпути из сердца Персиды в Мидию, указав тем самым, что самым важным в своей деятельности считает покорение Мидии. Очень характерно, что Пасаргады практически не имели фортификации. Уже в архитектуре Кира важное место заняли здания с многочисленными колонными залами и портиками.

Камбиз не стал завершать дворец в Пасаргадах, а организовал новое строительство – в Дашт-и Гохаре. Поскольку в архитектуре и декоре дворца нет явных заимствований из египетского архитектурного репертуара, можно полагать, что строительство началось еще до начала египетского похода царя. Хотя основные принципы планировки (при всех изменениях) повторяли то, что было характерно для дворца Кира, в архитектурных деталях ясно чувствуется преобладание месопотамских и сирийских традиций.

Особое место в развитии дворцовой архитектуры ахеменидского Ирана занимала деятельность Дария. Его строительная программа включала в себя строительство дворцов в Сузах и Персеполе. Для обоих дворцов характерно то, что они возводились на искусственных или естественных платформах, которые возвышали их над остальной застройкой. Важно, что дворцы имели собственную систему фортификации. Характерно также соединение в едином массиве официальных и собственно жилых частей. При создании дворцовых комплексов (особенно в Персеполе) широко использовали труд мастеров ионийско-лидийской школы и соответственно их приемы строительства. В Персеполе огромную роль играл скульптурный декор. Главной задачей было создание комплекса, который бы прославлял царя, демонстрировал его мощь и безоговорочную преданность ему его подданных.

Собственно ахеменидской дворцовой архитектуре посвящена и статья Р. Бушерля «Дворец и ахеменидский царский город: исследование двух примеров – Пасаргады и Сузы». Основная задача автора – выявить соотношение дворца и города, в котором расположен этот дворец. В качестве объектов исследования автор избрал два центра: Пасаргады и Сузы. Р. Бушерля указывает в самом начале на два важнейших обстоятельства: наличие нескольких столиц в государстве Ахеменидов и «путешествующий» характер царского двора. Хотя сейчас ясно, что сообщения античных авторов о том, что путешествия двора носили сезонный характер, не очень точны, тем не менее, по мнению Р. Бушерля, двор действительно перемещался время от времени из одной столицы в другую, но время этих перемещений не было строго определенным.

Р. Бушерля отмечает, что в современных концепциях относительно соотношения ахеменидского дворца и города имеется несколько устоявшихся представлений, хотя эту проблему никогда специально не исследовали. Одним из таких представлений является тезис об отсутствии собственно города вокруг дворца, но, однако, с точки зрения автора, этот тезис заслуживает

[2] См. *Тирацян Г.А.* Колонный зал на Арин-берде и вопрос о сатрапских центрах на Армянском нагорье // Изв. АН Арм. ССР. Общественные науки. 1960. № 7–8. С. 99–115; *он же.* Армения VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии (Археология СССР). М., 1985. С. 38; *Forbes T.B.* Urartian Architecture. L., 1983. P. 59, 71; *Summers G.D.* Archaeological Evidence for the Achaemenid Period in Eastern Turkey // Anatolian Studies. 1993. 43. P. 85–108.

специального исследования. В отношении Пасаргад он, в частности, ставит такой вопрос: где располагался двор, когда дворец еще не был построен? Опираясь на результаты геофизического исследования территории вокруг дворца в Пасаргадах и небольшие разведочные раскопки, проведенные ранее, Р. Бушерля пришел к выводу, что вокруг дворца были разбиты огромные сады и для них осуществлены большие работы, в частности, проведены каналы, а также другие необходимые мероприятия. Эти же исследования показали в ряде мест наличие очень простых конструкций, что позволяет сделать вывод о том, что в значительной мере город вокруг дворца состоял из палаток и иных временных сооружений.

Сузы отличались от Пасаргад. Этот город к моменту начала строительства уже насчитывал 2500 лет жизни и продолжал существовать (хотя и в скромных размерах). Однако в то же время отличия только кажущиеся, поскольку при начале строительства дворца прежнее население было выселено, а архитектурные остатки предшествующего времени были погребены при создании мощных платформ под фундаментами дворца (примерно 1000000 кубических метров грунта). Новые монументальные постройки были возведены на том искусственном холме, который современные исследователи называют «Ападаной», и на другом – «Акрополе». На сравнительно небольшом расстоянии от Суз находилась еще одна постройка дворцового типа – Шаур, а к северу – крепость. Значительная часть не занятого постройками пространства предназначалась для военных учений и парадов. Р. Бушерля полагает, что на остальной территории основное место принадлежало, как и в Пасаргадах, временным постройкам типа палаток, шатров и т.п.

Несмотря на все остроумие данной конструкции, она не может вызвать убежденности в ее справедливости, особенно в отношении Суз. Огромный и сложный бюрократический аппарат ахеменидского государства, управлявший всей империей, очень трудно вообразить расположившимся чуть ли не под открытым небом. Явно нужно искать какое-то другое решение.

Следующая тема, представленная в сборнике, – это дворцы северной периферии Ахеменидской империи. Эта тема рассматривается в статье Ф. Кнаусса «Персидская власть на севере. Ахеменидские дворцы на периферии империи» и в упомянутой выше статье Ф. Тер-Мартиросова.

Ф. Кнаусс замечает, что проблема северных границ Ахеменидского государства в современной литературе не имеет однозначного решения в силу крайней недостаточности источников. Лично он убежден в том, что вся территория Закавказья в той или иной степени находилась под персидским контролем, и подтверждением этого являются, как он считает, результаты раскопок памятника Гумбаши (Восточная Грузия) Немецко-грузинской археологической экспедицией. Его планировка и фрагменты колонн «персеполитанского типа» позволяют считать, что прообразом для него послужил дворец Дария I в Персеполе. Никаких предшественников у данного типа сооружения на местной почве неизвестно. Памятники подобного типа зафиксированы также в Азербайджане (Сары-тепе) и Армении. С точки зрения автора, они представляют собой официальные резиденции персидских чиновников, но более низкого уровня, чем сатрап. Ксенофонт называл таких чиновников комархами. Ф. Кнаусс указывает, что в Малой Азии персидские сатрапы или местные правители ахеменидского времени строили свои резиденции согласно местным строительным и архитектурным традициям или даже занимали ранее существовавшие дворцы. В Закавказье же, где подобных традиций не было, образцом послужила персидская официальная дворцовая архитектура.

Как мы уже отметили, Ф. Тер-Мартиросов в своей статье решительно и доказательно опровергает тезис о существовании гипостильных зданий на территории Армении урартского времени. Он создал исчерпывающий «каталог» всех сооружений, в которых использовались колонны, на этой территории и в это время. Только небольшая часть среди них может быть определена как гипостильные. Все они датируются ахеменидским временем. Подтверждением этому служат и базы колонн, использовавшиеся при их создании («персепольского» типа и торовидные). Ф. Тер-Мартиросов считает, что в Эребуни и Драсхтакерте, где были найдены подобные сооружения, располагались резиденции сатрапов. Однако кажется более вероятным, что здесь мы имеем дело не с сатрапами, а с чиновниками более низкого ранга – комархами, как это предполагал Ф. Кнаусс. Думается также, что стремление автора напрямую связать ранг чиновника с количеством колонн в гипостильном зале его резиденции, несколько прямолинейно.

Собственно греческая проблематика нашла свое отражение в статьях Д. Браунда «Дворец и полис: Дионис, Скифия и Александр Плутарха» и Т. Пети «Первый дворец в Амафии и полеогенезис на Кипре». Первая посвящена восприятию дворца в древнегреческом менталитете. На примере дворцов, как они представлены в гомеровском эпосе (дворец Алкиноя и дворец Одиссея), в трагедии, у Ксенофонта и Геродота (в особенности дворец скифского царя Скила в Ольвии) и описания поведения Александра Македонского в Персеполе автор выстра-

ивает свое понимание этой проблемы. У греков не существовало (как это иногда предполагается) абсолютного отвержения дворца как института, полностью враждебного полису. Все определялось личной позицией царя. Если он вел себя как «добрый царь», тогда ни ему самому, ни дворцу, в котором он жил, ничто не угрожало. Если же его поведение не отвечало этим стандартам, особенно если он не проявлял должного почтения к Дионису, то расплата была неминуема. Дворец как средоточение царской власти погибал от «гнева Диониса». В сущности, дворец всегда был под угрозой, но его судьба в конечном счете зависела от «природы» царя, обитавшего в нем.

В статье Т. Пети рассматривается проблема становления городов-царств на Кипре. Автор указывает, что в настоящее время существуют две основные концепции. Согласно одной из них, известные нам и существовавшие в историческое время города-государства на Кипре возникли еще в конце бронзовой эпохи (XII–XI вв. до н.э.) и создали их ахейцы, переселившиеся в это время на остров и принесшие с собой свой тип политического устройства. При этом возможно также наличие хананейского влияния. Согласно второй точке зрения, греческие города-государства возникли под финикийским влиянием позднее – в IX в. до н.э. Борьба этих двух концепций – своего рода перенесение на почву Кипра борьбы мнений относительно периода, переходного от бронзового века к позднегеометрическому периоду в собственно Греции, – борьбы между сторонниками континуитета и разрыва в развитии. Необходимо при этом подчеркнуть, что ранняя дата присутствует в античной традиции. Однако исторические источники (ассирийские) говорят о греческих городах-государствах только начиная с конца VIII или начала VII в. до н.э. Затем следует снова период – примерно в три века молчания источников.

Т. Пети является активным сторонником той точки зрения, которая предполагает разрыв развития примерно в три века, и основывается он на результатах раскопок, проводимых Французской школой в Афинах и Департаментом древностей Кипра на территории акрополя в Амафе. Здесь обнаружены некоторые находки XI в. до н.э., после чего следует период запустения. Дворец, возведенный здесь, может быть датирован или самым концом IX или самым началом VIII в. до н.э. Отталкиваясь от этого наблюдения, Т. Пети строит большую и сложную картину возникновения ранних греческих государств на Кипре.

Эта монументальная схема могла бы выглядеть очень убедительно (поскольку автор скрупулезно использует весь имеющийся материал), если бы не два обстоятельства. Прежде всего, строительные остатки раннего дворца вскрыты на чрезвычайно ограниченной площади. Точные размеры шурфа, в котором они обнаружены, не указаны в статье, но на рисунке 3 ясно видно, что эта площадь очень мала. Думается, надо подождать дальнейших результатов раскопок и получить полную уверенность в том, что дворец действительно был возведен в то время, о котором говорит автор. Второе соображение состоит в том, что Т. Пети широко использует современные разработки авторов, посвященные проблеме становления различных государств, и старается учесть наличие или отсутствие всех тех признаков, которые ими считаются свидетельствами существования государства: создание столицы, строительство дворцов и храмов, появление письменности, наличие широких экономических связей и т.д. Однако подобная «неразборчивость» кажется несколько подозрительной. Использование сравнительного материала из Южной Америки, Полинезии и т.д. не может служить достаточной доказательной базой. Все эти общества существовали в иных экологических условиях, соответственно экономическая база каждого из таких обществ была весьма отлична от кипрской, и поэтому вряд ли их пути к государственности были теми же, что и на Кипре.

Македонским дворцам посвящены статьи М. Хатцопулоса «Македонские дворцы: место, где встречались царь и город» и Х. Саатсоглу-Палиадели «Дворец в Эгах-Вергине и его окружение». Первая часть статьи М. Хатцопулоса посвящена опровержению широко распространенного мнения относительно характера городов Македонии. Автор считает, что на протяжении достаточно длительного времени эти города обладали определенной степенью автономии. Их самоуправление было расширено в период Филиппа II, и в дальнейшем эта ситуация сохранялась вплоть до утраты страной независимости. Свидетельством этого являются надписи (количество их в последнее время очень увеличилось), в которых упоминаются народное собрание, совет, высшие и низшие магистратуры ряда городов. Соответственно, в настоящее время есть основания считать, что македонские города обладали полисным статусом. Поэтому царские дворцы в городе должны рассматриваться в контексте соотношения βασιλεύς – πόλις.

В Вергине и Пелле царские дворцы были включены в городскую застройку, а не отделены от основной территории города. Автор считает это свидетельством особого типа взаимоотношений между городом и царем. На Востоке начиная с первого из мидийских царей и все время власти Ахеменидов существовало жесткое правило отчленения всего того, что связано с царем,

от рядового населения. В эллинском мире этот принцип попытался ввести только Дионисий I. Свободное общение с царем (по крайней мере верхних слоев общества) было типичным для греческого мира. Спартанские, македонские, эпирские цари вели себя именно так. Попытка Александра Македонского изменить ситуацию вызвала резкое недовольство как греков, так и македонян.

В эллинистическом мире мы видим две тенденции: отделение царя от подданных и достаточно свободное общение их. Первая традиция находила свое выражение в строительстве дворцов, отделенных от основной застройки города и снабженных самостоятельной оборонительной системой. Ей следовали Селевкиды, Птолемеи и даже Атталиды. Вторая традиция нашла свое выражение во дворце, который органично входил в городскую застройку, не отделяясь стенами от нее. Такие дворцы существовали только в Македонии. Эта разница определялась разницей между «персональной» и «национальной» монархиями (со ссылкой на мнение И. Нильсен).

Подобное объяснение могло бы быть достаточно убедительным, если бы М. Хатцопулосом и И. Нильсен, на которую тот ссылается, было бы показано, в чем же в данном случае состоит разница между двумя типами монархии, которая остается, несмотря на все попытки ее объяснить, только разницей в словах, но не в содержании.

Статья Х. Саатсоглу-Палиадели имеет более конкретный характер и ее основное содержание состоит в анализе результатов старых и новых раскопок в Вергине – памятнике, который только сравнительно недавно был надежно определен как Эги – старая столица Македонии. Основные выводы автора кажутся достаточно убедительными. Город пережил подъем в середине IV в. до н.э., на протяжении всего времени существования независимой Македонии он в той или иной степени сохранял свой столичный статус. Точно так же сохранял свое значение и дворец. Недавно открытый раскопками театр сохранял свой древний многофункциональный характер, будучи не только местом театральных представлений, но и местом проведения различных гражданских и политических мероприятий. В Македонии, склонной, согласно мнению автора, к поддержанию очень старых установлений, это было вполне естественно. Важное значение имеет и исследование агоры. Особое внимание Х. Саатсоглу-Палиадели привлекает так называемый толос, в котором она склонна видеть (на основании найденных там фрагментированных надписей) святилище Геракла Патрооса, считавшегося предком македонской династии.

Проблеме дворцов на эллинистическом Востоке в рецензируемом сборнике также уделено определенное внимание. Этой теме посвящены работы: И. Нильсен «Сады эллинистических дворцов», Г. Кларка «Дворец правителя на акрополе Джебель Халида» и А. Инверницци «Аршакидские дворцы».

И. Нильсен в большой и доказательной статье указывает, что сады всегда составляли очень важную часть царских дворцовых комплексов (в отличие от дворцов местных правителей). В последние годы к старым источникам по этому вопросу (данным письменных источников и изобразительным материалам) добавились новые: результаты палеоботанических и новых по методам археологических исследований. Использование старых и новых методов показало, что во всех дворцах эллинистических царей, в первую очередь Селевкидов и Птолемеев, но также и Антигонидов (когда они перестраивали старые царские резиденции), всегда имелись достаточно большие сады. Существовало три различных типа таких садов. Каждый из них имел свой прообраз в садах предшествующего времени: парадиз Ахеменидов, египетский сад во дворе и греческий сад при гимнасии. В дальнейшем эта практика нашла свое продолжение в садах римских богатых вилл эпохи поздней Республики, парфянских дворцов и, наконец, римских и византийских императорских дворцов.

Статья Г. Кларка представляет собой отчет о раскопках на территории акрополя Джебель Халида – памятника, расположенного на западном берегу Среднего Евфрата (Сирия). Важнейшее место в отчете занимает описание результатов исследования дворца правителя, находившегося в центре акрополя. Здание было возведено в конце III и погибло в I в. до н.э. Основная особенность его – строгое следование эллинистическим схемам, использование приемов греческой ордерной архитектуры (наличие перистильного двора в центре, колоннада дорического ордера в перистиле и ионийского – в пропилеях), типичная греческая строительная техника и т.д. С точки зрения Г. Кларка, самые близкие аналогии данному сооружению дает Дура-Европос, в частности, дворец в цитадели и особенно так называемый редут (т.е. дворец стратега). Здание было многофункциональным: оно включало жилище правителя города, место, где осуществлялись им функции управления, склад припасов, оружейную комнату, архив, канцелярию, наконец, помещение религиозного назначения (о чем свидетельствует постоянный алтарь в одной из комнат). Статья Г. Кларка, конечно, представляет несомненный интерес, поскольку вводит в науку новый памятник, который, кажется, достаточно точно интерпретирован. Не совсем ясно,

однако, почему автор говорит о наличии каких-то восточных черт в архитектуре, не совсем уточняя, что имеется в виду.

Очень большой интерес вызывает статья А. Инверницци, состоящая из двух частей. В первой автор рассматривает вопрос о дворцах парфянских Аршакидов в общей форме. Он отмечает, что упоминания в античных источниках царского дворца в Ктесифоне довольно часты, что связано с описанием событий в ходе достаточно многочисленных римско-парфянских войн. Однако в них ничего не сообщается об устройстве дворца или о дворцовых ритуалах. Сложность усугубляется тем, что до сего времени даже точное место расположения парфянского Ктесифона не определено и, соответственно, никаких археологических материалов в распоряжении исследователей нет. Автор достаточно скептически относится к возможностям использовать дворцы парфянского времени в Ашуре и Ниппуре для выявления характерных особенностей собственно царского дворца.

Основное внимание в статье уделено Старой Нисе, которую А. Инверницци считает первой столицей Аршакидов. Анализируя результаты старых раскопок и новые материалы, полученные в последние годы в ходе работ В.Н. Пилипко и итальянской экспедиции, которой руководит сам А. Инверницци, он предлагает новые решения относительно функций тех монументальных памятников, которые были открыты на Нисе. Не входя в детальное рассмотрение всех предложенных им решений, отмечу только то, что мне представляется наиболее важным. Так называемый «Квадратный дом» автор статьи предлагает считать не сокровищницей, как это обычно предполагается, а помещением, где в раннепарфянское время проходили ритуальные пиры, являвшиеся своего рода актами единения парфянской знати и правящего царя. Сокровищницей это здание стало в более позднее время, когда исчезла необходимость в подобного рода ритуальных встречах. «Квадратный зал» он связывает с функционированием институтов и обрядов в честь предков династии (реальных или легендарных). Наконец, «Круглый храм» А. Инверницци определяет как своего рода героон в честь основателя города и собственно создателя Аршакидской империи – Митридата I.

Статья безусловно вызовет большой интерес и, как я думаю, дискуссии. Значение ее трудно переоценить, так как автор предложил в некоторых отношениях очень оригинальные решения давно дискутировавшихся проблем. Отмечу только одно, с моей точки зрения, упущение автора. Мне кажется, что особого упоминания заслуживает информация Филострата в «Жизни Аполлония Тианского» (I. 25) относительно парфянского дворца в Вавилоне, в которой особое внимание уделено использованию архитектурных форм дворца для выявления его сакральной функции. Большего обоснования требует и тезис о сакральной роли большинства сооружений Нисы. Насколько мы знаем, македонские дворцы не обладали такой функцией, то же самое можно сказать и об ахеменидских. Таким образом, Ниса является примером принципиально нового явления. Но где его истоки?

Три статьи посвящены проблемам архитектуры Закавказского региона эллинистической эпохи: В. Личели – «Кавказская Иберия в постахеменидский период. Хронология важнейших памятников», Ю. Гагошидзе – «Царский дворец в Иберии I века согласно археологическим материалам из Дедоплис Гора», И. Бабаева – «Раскопки общественного здания (IV в. до н.э. – I в. н.э.) в Кабале, столице Кавказской Албании».

В статье В. Личели сделана попытка распределить по хронологическим фазам все известные памятники Иберии послеахеменидского времени. Не совсем понятно, каким образом эта статья, имеющая очень отдаленное отношение к проблематике конференции, оказалась опубликованной в данном сборнике.

Статья Ю. Гагошидзе представляет собой издание материалов раскопок в Дедоплис Миндори (храм) и Дидоплис Гора (дворец), уже достаточно хорошо известных по его предшествующим публикациям[3]. Вряд ли стоит оспаривать выводы автора, хотя некоторые из его утверждений определенно вызывают удивление. Так, Ю. Гагошидзе считает, что в то время, когда царская семья совершала паломничество в храм, он превращался в царскую резиденцию[4]. Ничего подобного в

[3] *Гагошидзе Ю.М.* Раскопки храма I в. до н.э. Дедоплис Миндори // КСИА. 1977. 151. С. 102–108; *он же.* К истории грузино-иранских взаимоотношений (храм II–I вв. до н.э. Дедоплис Миндори) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981. С. 102–115; *Gagoshidse I.M.* The Temple at Dedoplis Mindori // East and West. 1992. P. 27–48.

[4] Тезис о царской семье кажется особенно удивительным, так как автор в одной из статей (в соавторстве с М. Цоцелия) писал о «местном магнате, обладавшем определенными административными функциями». Подробнее см. *Braund D.* Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia. 550 DC – AD 562. Oxf., 1994. P. 227.

истории древнего Переднего Востока, кажется, зафиксировано не было. Кроме того, крайне странным выглядит тезис о паломничестве – оба памятника расположены, в сущности, рядом.

Статья И. Бабаева посвящена анализу двух зданий явно общественного назначения, открытых раскопками автора на территории Кабалы – столицы древней Кавказской Албании. Отсутствие сравнительного материала не позволяет точно определить функциональное назначение зданий.

Какова может быть общая оценка данного сборника? Как известно, проблема царских дворцов, особенно дворцов эллинистического времени, вызывает в последние годы повышенное внимание исследователей и достаточно горячие дискуссии[5]. Бесспорно, определенный вклад в дискуссию внесет и этот сборник, хотя и не столь значительный, как можно было бы ожидать, если судить по его названию. Удивляет отсутствие анализа ряда ключевых памятников. К сожалению, нет анализа царского дворца на городище Ай-Ханум – самого важного из подобных памятников на территории к востоку от Евфрата, так же как и памятников Хорезма, которые могут помочь выявить характер ахеменидских традиций на территории Средней Азии. Очень жаль, что не привлек внимания организатора конференции и составителя сборника такой интереснейший памятник, как пантикапейский дворец, который дает ярчайшее представление о периферийной греческой дворцовой архитектуре. Необходимо также указать, что ряд статей сборника имеет весьма отдаленное отношение к теме конференции, что, естественно, повлияло и на состав сборника.

Г.А. Кошеленко

[5] См., например: *Nielsen I.* Hellenistic Palaces Tradition and Renewal. Aarhus, 1996 (ср. рец.: *Кошеленко Г.А.* // ВДИ. 1998. № 4. С. 195–203); Basileia. Die Paläste der hellenistischen Könige. Internationales Symposion in Berlin, 1992. B., 1996 (ср. рец.: *Étienne R.* // Topoi. 1998. 8/1. P. 347–355).

© 2005 г.

«LATE ANTIQUITY»: ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СЕМИНАР «EMPIRES UNLIMITED» (Central European University)*

Редки академические проекты, которые сочетали бы столь высокий научный уровень с широтой хронологического и тематического диапазона исследования. Широта замысла не всегда находит адекватное и точное исполнение, но бывают и счастливые исключения. Такое исключение из правил представляют собой семинары Центрально-Европейского университета с общим несколько провокационным названием «Empires Unlimited», организованные в Будапеште при участии многих зарубежных гостей и партнеров. Лекции и дискуссии, предложенные участникам университетского семинара, посвящены как изучению имперской идеи в целом, так и отдельным аспектам истории древних империй, теме культурного и идеологического наследия империй в истории цивилизаций.

Дискуссии, осуществляемые в рамках проекта «Empires Unlimited», к сожалению, мало известны российским историкам, особенно историкам античности, и сам Центрально-Европейский университет (ЦЕУ) не ассоциируется с академической традицией антиковедения, что не совсем справедливо, принимая во внимание активность последних лет в области изучения Поздней античности. Университет в целом стал влиятельной научной корпорацией, но особенно активной является деятельность новых и чисто исследовательских центров, созданных при университете, Center for Humanities и Center for Historical Studies. Показательно стремление привлекать значимые фигуры современной историографии к участию в проектах и семинарах.

В ходе проекта проводятся научные мероприятия различного плана: серии семинаров, дискуссии и симпозиумы в ЦЕУ, на которых выступали (или приглашены выступить в ближайшем будущем) специалисты по проблемам истории древнего Востока и античности, а также медиевисты. Гостями ЦЕУ часто становятся историки Поздней античности и Раннего средневековья, в том числе авторы недавней и, пожалуй, наиболее известной монументальной публикации по проблеме Поздней античности[1].

Программа прошлого зимнего семестра на факультете медиевистики включала семинар Патрика Гири. Весной состоялись две лекции по теме римской истории, связанные с трактовками Поздней империи. На июль 2004 г. был запланирован двухнедельный курс по теме изменений интеллектуальной среды в период Поздней античности (Changing Intellectual Landscapes in Late Antiquity)[2].

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (код проекта 02-06-80226а).

[1] Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambr. (Mass.), 1999.

[2] Летний университет ЦЕУ опубликовал программу курса Changing Intellectual Landscapes in Late Antiquity July 19–30, 2004 на сайте: ceu.hu/sun/ Changing Intellectual Landscapes in Late Antiquity.html. Мы отметим для себя лишь основные заявленные темы, указанные в программе курса: идея трансляции империи, культ святых в поликультурном пространстве христианского и исламского мира Европы, Азии и Африки, ранний монастицизм, идея платонизма в период Поздней империи и Раннего средневековья, политеизм и монотеизм в поздний период античности. Весьма показателен и интересен список основных работ, предназначенных к обсуждению на семинарах: *Bowersock G.W, Warren G.* Hellenism in Late Antiquity. Ann Arbor, 1990; *Brock S.P.* Syriac Perspectives on Late Antiquity. L., 1984; *idem.* From Ephrem to Romanos: Interactions Between Syriac and Greek in Late Antiquity. Aldershot, 1999); *Brown P.R.L.* Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison, 1992; *idem.* The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. N.Y., 1988; Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600 / Ed. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambr., 2000; *Fowden G.* Empire to Commonwealth: Consequences of Monotheism in Late Antiquity. Princeton, 1993. Каждая из этих рекомендованных работ привлекла внимание специалистов и уже стала обязательным элементом современных университетских программ.

В качестве профессоров данного «летнего университета» были приглашены Глен Бауэрсок, Питер Браун, Аверил Камерон. Итак, можно с уверенностью сказать, что с ЦЕУ сотрудничают многие известные ученые, которые анализируют проблемы истории и историографии сложного переходного периода Поздней античности. Видимо, нет нужды излагать концепцию Поздней античности как сумму постулатов. Во-первых, представления об эпохе средиземноморской Поздней античности уже стали достаточно популярными[3], в том числе и в нашей стране. Но главная причина заключается в том, что идея Поздней античности появилась в исследовательской работе, даже в ряде работ нескольких одаренных авторов, а не в некоем декларативном виде. Поэтому и любая попытка тезисно пересказать ее вряд ли будет удачной, особенно учитывая, что объем упрощенного изложения данных идей уже сравнялся с объемом авторских текстов.

Отметим лишь, что тема упадка или перехода в новое качество всегда являлась наиболее интересной для исторического анализа, но проблема упадка великой империи и именно упадка Римского государства стала излюбленной в европейском историографическом дискурсе. Таким образом, у любого специалиста-гуманитария есть множество причин интереса к данной эпохе и ее историографической картине.

Весьма трудно сказать, кто стал первым последовательным сторонником отрицания «упадка Римской империи» и кто является единственным изобретателем термина «Поздняя античность», но именно емкая работа Питера Брауна «The world of late antiquity, A.D. 150–750», бесспорно, получила особенно широкий резонанс.

Создается представление, что концепция оформилась и весьма быстро стала признанной историографической идеей (как в американской, так и в европейской исторической науке) во многом благодаря трудам одного ученого, историка, который получил образование как медиевист и выдвинул тезис, казалось бы, наименее приемлемый для медиевистов[4].

Обратим внимание лишь на некоторые аспекты концепции Поздней античности: естественно, что именно такая особенность, как выделение в качестве особого периода – 150–750 годы, в первую очередь обращает на себя внимание и вызывает вопросы[5]. Но следует подчеркнуть, что данная трактовка периодизации истории является лишь следствием принципиально нового подхода к выбору приоритетных сфер исследования и арсенала источников.

Изучение античности в русле исследования институциональной истории на основе письменных источников (в первую очередь правовых документов) являлось традиционным для британской науки. Эта тенденция сменилась интересом к истории религиозности и ментальности в целом по визуальным источникам. Причем стали активно интерпретироваться не только особенности нарождающегося мира христианского Запада, но и восточнохристианской культуры и народов нехристианского Востока.

Естественно, в связи с представлениями о хронологии и периодизации следует выделить вопрос о том, как в европейской историографии осмысливались и описывались проблемы континуитета и становления нового. Концепция глобального упадка античного мира, выраженная в классическом труде Гиббона, безусловно, отражала общий строй историографических воззре-

---

[3] По этой теме существуют университетские курсы (описание которых можно найти на сайте почти любого крупного университета).

[4] Мне представляется достаточно важным обратить внимание на особенности профессионального образования и становления приверженцев концепции «Поздней античности». Упомянем тот простой факт, что Питер Браун студенческие годы провел в Оксфорде, где и начал свою исследовательскую и преподавательскую карьеру. Тогда же и была подготовлена увидевшая в свет в 1971 г. его работа «Мир Поздней античности», задуманная явно как вызов инертности мышления академических кругов и как поиск новой перспективы развития британской историографии. Уже приобретя известность, ученый связал свою карьеру после 1976 г. с американскими университетами и, работая в США, опубликовал и издал (в том числе в качестве соредактора) монументальные труды, развивающие концепцию Поздней античности: Interpreting late antiquity : essays on the postclassical world / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambr. Mass., 2001; Authority and the sacred: aspects of the Christianisation of the Roman world / Ed. P. Brown. Cambr.–N.Y., 1995; Governanti e intellettuali: popolo di Roma e popolo di dio, I–VI secolo / Ed. P. Brown, L.C. Ruggini, M. Mazza. Torino, 1982; L'antiquité tardive // Histoire de la vie privée. Vol. 1. De l'Empire romain à l'an mil / Ed. du Seuil. 1985. Выделим среди опубликованных в периодических изданиях работу Питера Брауна «The study of elites in Late Antiquity» (Arethusa. 2000. 33.3. P. 321–346). Причем электронная версия текста доступна через интернет: http://muse.jhu.edu/journals/arethusa/v033/33.3brown.html

[5] В последующих публикациях под редакцией Питера Брауна по теме Поздней античности даты сдвигаются по крайней мере на полстолетия – 250–800 гг.

ний европейской исторической науки в том, что касается проблемы внутренних причин коренных изменений.

Стереотип описания кризиса и упадка античного общества периода Поздней империи существовал на протяжении большого периода, и, естественно, именно в британской науке инерция влияния идей Гиббона продолжалась особенно долго.

Одним из самых распространенных тезисов также было представление о роли внешних факторов: варварских переселений, нашествий новых иноязычных племен. Для Питера Брауна, как и для других авторов концепции Поздней античности, варварское вторжение на территорию запада империи сами по себе не прерывают традиции античной культуры. В то же время, по мысли автора «Мира Поздней античности», в ареале культуры Сасанидского Востока изменения наступают до арабского мусульманского натиска.

Не менее интересным кажется проанализировать сроки и масштабы изменений самих историографических представлений, быстроты восприятия новых идей среди историков, в университетской среде в целом. Концепция Late Antiquity (Поздней античности) стала известной в нашей стране в самое последнее время, хотя время ее европейского признания приходится на 1970-е годы.

Мы прекрасно помним, что в России смена исторических парадигм происходила в конце XX в. весьма быстро, как бы в противовес нескольким консервативным десятилетиям развития исторической науки. Точно так же и в пределах англоязычной академической среды разрыв с долгой традицией классической работы Гиббона случился пусть и несколькими десятилетиями раньше, но на памяти и в научной практике всего одного поколения историков. Следует принять во внимание, что значительная обобщающая работа А.Х.М. Джонса, последователя М.И. Ростовцева, во многом продолжающая традиционную линию исследования институциональной истории, вышла в свет в 1964 г., а своеобразный «манифест» идеи Поздней античности – блистательный скетч Питера Брауна «Мир Поздней античности» – был опубликован спустя всего семь лет, т.е. в 1971 г.[6]

Не берусь судить, к какому образу истории и исторического изложения отнес бы концепцию Поздней античности Хейден Вайт, чья концепция «Метаистория: историческое воображение в Европе» появилась почти одновременно с первой заметной работой Питера Брауна. Но мне кажется безусловным сходство романтического видения истории Хейзинги, его концепции «Осени средневековья» и концепции «Поздней античности» Брауна. У Хейзинги вызывала протест трактовка Позднего средневековья как преддверия Ренессанса, Браун не желает представлять себе пост-классический мир как сырье и основу для формирования средневековых исторических реалий: этот мир самоценен.

Классическое понятие о континуитете не соответствует тем представлениям, которые имеет в виду Питер Браун, употребляя термины revival применительно к культуре народов запада Империи 350–450 годов и survival применительно к обществу 450–600-х годов. В работе «Homo Ludens» у Хейзинги дана яркая картина исторического феномена игры, но нет самого определения игры, точно так же и у Брауна отсутствует стремление к выверенным дефинициям, не определяется термин «античность» или «Поздняя античность». Но в работах Питера Брауна по истории поздней античности в прямом смысле слова есть игра: и игра красок в иллюстративном материале, и игра привычными смыслами культуры в пассажах исследования.

Мы проанализировали работы одного из самых ярких историков Поздней античности, так как подход Питера Брауна не стал частным случаем исследования, но создал определенную историографическую позицию. Однако мы так и не попытались еще задать вопрос о том, насколько востребованной была концепция Поздней античности. Чем был вызван резкий всплеск интереса к новой идее описания античной истории, в чем ее привлекательность? И как соотносится парадигма Поздней античности с историографической традицией? Ответ может быть очень пространным, так как историографическая ситуация 70-х годов в Западной Европе и Северной Америке была весьма сложной и интересной. Но мне бы хотелось объединить интерес к англоязычной историографии древнеримской истории и к теме проекта «Империи» Центрально-Европейского университета.

Мне кажется, что на многие вопросы, связанные с созданием представлений об эпохе Поздней античности, как нельзя лучше помогают ответить прозвучавшие недавно в Будапеште выступления британских ученых – участников проекта «Империи». Как было подчеркнуто, проект проводится университетскими кафедрами совместно с недавно созданными исследовательскими центрами. Можно предположить, что именно сплав педагогической и исследовательской

[6] The World of Late Antiquity, A.D. 150–750. L.,1971.

практики и знакомство с традицией различных академических центров помогают участникам университетского семинара рассмотреть природу нового историографического тезиса, раскрыть проблему популярной, но неоднозначной концепции адекватным образом.

Две лекции профессоров Оксфордского университета Аверил Камерон[7] и Питера Хизера[8], прозвучавшие в Центрально-Европейском университете в конце февраля – начале марта 2004 г., продолжили серию встреч-семинаров по проекту Empires unlimited. Обе лекции были посвящены сюжету Поздней античности, как историческим реалиям, так и историографическим инновациям. Отметим, что оба лектора использовали в названии лекций термин «Later Roman Empire» (Поздняя Римская империя) а не «Поздняя античность». При сходстве названий и тематики выступлений можно отметить значительное различие задач и ракурсов презентаций.

Выступление П. Хизера было в большей степени ассоциировано с частными трактовками проблем позднеантичной истории, а не с попыткой представить картину современной историографии вопроса, например, критику концепции «упадка» общества Поздней античности. Исследовательские интересы данного ученого связаны с изучением Римской империи, как на Западе, так и на Востоке, роли и особенности политических элит Поздней империи, инструмент идеологического воздействия и средств пропаганды. Также в работах исследователя рассматриваются сюжеты, связанные с миграцией и этничностью в период 250–600-х годов, в основном история варварских народов, пришедших на территории Западно-Римской империи[9]. Эти аспекты и были подчеркнуты в лекции, в частности, уделялось особое внимание оценкам эффективности военной и политической организации Поздней империи: созданию системы тетрархии, ситуации в армии. Лекция А. Камерон «Можем ли мы говорить об упадке Римской империи?» была посвящена вопросам развития историографии и истории идей: традиции британской медиевистики и истокам концепции Поздней античности. Ценно, что исследовательница стремится рассмотреть проблему в широком контексте историографической интерпретации «упадка империй», а это, возможно, в свою очередь, объясняется ее интересами в области изучения и преподавания истории Римской империи и Восточно-Римской (Византийской) империи. А. Камерон не только на протяжении двух десятилетий преподает и изучает одновременно проблемы поздней римской истории и истории Византии, но играет также активную роль в деятельности научных обществ и комитетов[10]. Аверил Камерон как представительнице оксфордской университетской культуры известны многие особенности той среды и традиции, реакцией на которую и стало создание парадигмы Поздней античности. Работы самой А. Камерон (как и ее выступление на семинаре в ЦЕУ) отличаются сбалансированностью и взвешенностью суждений. Можно было бы назвать ее подход «позицией третейского судьи», тщательно прорабатывающего проблему психологической мотивации сторонников и противников концепции: от усталости от инерции изучения институциональной истории до поисков «политической корректности». Подчеркнув некоторые факты развития британской историографии прошлого века, исследовательница упомянула, что воззрения А.Х.М. Джонса и его интерес к институциональной истории представляли собой определенную реакцию на развитие марксистской концепции и стремление оградить университетскую науку от вульгаризации истории.

Точно так же и позиция Питера Брауна может быть рассмотрена как реакция на использование достаточно узкого круга письменных источников в британской школе исторических исследований, а также преимущественного изучения институционального материала. В ответ и в противовес данной тенденции возникла тяга к иным аспектам и свидетельствам истории: ре-

---

[7] Британская исследовательница А. Камерон (Oxford, Keble College, External: Vice-President: Society for the Promotion of Roman Studies, Chair: Institute of Classical Studies Advisory Council) предложила тему лекции «The Later Roman Empire and the Concept of Decline». Камерон является автором и соиздателем фундаментальных трудов по историографии и источниковедению, истории культуры: *Cameron A.* The Mediterranean World in Late Antiquity, A.D. 395–600. L., 1993; Changing Cultures in Early Byzantium / Ed. with P. Garnsey. Ashgate, 1996; Cambridge Ancient History. XIII: The Late Empire. AD 337–425 / Ed. with S.G. Hall. Cambr., 1998; Eusebius, Life of Constantine, Clarendon Ancient Writers. Oxf., 1999.

[8] Peter Heather – профессор, Lecturer (CUF) in Modern History Worcester College University of Oxford. Выступление на тему «The Evolution of the Later Roman Empire» зарегистрировано на сайте ЦЕУ в рубрике активности Center for Humanities, CEU.

[9] Среди основных публикаций автора выделим: Goths and Romans 332–489. Oxf., 1991; State, lordship and community in the West (AD 400–600) // CAH. Vol. 14. 2001. P. 437–468; Politics, Propaganda, and Empire in the Fourth Century. Liverpool, 2001 (with D. Moncur); The Goths (The peoples of Europe series). Blackwell–Oxford, 1997.

[10] В частности: Society for the Promotion of Roman Studies, The Chair: Institute of Classical Studies Advisory Council. Society of Antiquaries; Ecclesiastical History Society.

лигиозной и идеологической культуре с их специфическим образным и символическим богатством выражения. Отсюда проистекает новый интерес к данным археологии, интенсивное использование визуального ряда, причем не с точки зрения истории искусства, но и позиций культурно-антропологического исследования. Не удивительно, что два принципиально различных круга источников и смена приоритетов в тематике исследований обусловливают ту ситуацию, что в науке появляются взаимоисключающие концепции и хронологии.

Подмеченные штрихи картины интеллектуальной обстановки, в которой возникла концепция Поздней античности, помогают осознать тот факт, что это была составляющая развития рафинированной оксфордской университетской культуры и в то же время реакция на консерватизм ее традиций. Но на данном этапе популярность концепции Поздней античности связана в основном с американской университетской практикой и начинает восприниматься как гораздо более радикальная и к тому же «политически корректная» идея, учитывающая полицентризм и поликонфессиональность мира Поздней античности.

Важно, что проблема Поздней Римской империи рассматривается в контексте общих вопросов изучения истории: историографии проблемы «эпохи упадка», проблемы сакрализации власти и социальных связей. Напомню, что в семинаре участвуют также и медиевисты, усматривающие многие черты континуитета в развитии средневековой империи Запада и Востока, например, проф. Дж. Нельсон[11]. В ЦЕУ проводились недели исследований по средневековой тематике, посвященные истории падения Восточно-Римской империи (Византии)[12]. Центр исторических исследований и университетский семинар подходят к новому этапу работы над проектом: готовится конференция под названием «Теология империи», которая состоится весной 2005 г., причем достаточное внимание в дискуссии, как планируется, будет уделено древним империям, хотя целью ставится обращение к общим проблемам сакрализации власти, имперской риторики и идеологии. Возможно, концепция Поздней античности также будет обсуждаться на этом научном форуме.

Интересно, что новаторская теория, которая пользуется мировым признанием и, прежде всего, распространением на американском континенте, по сути своей является внутрисемейным делом одного из старейших университетских центров Старого Света, плодом развития оксфордской школы исторических исследований.

Естественно, концепция Поздней античности – это не только реакция на консервативные тенденции британской историографии, но и результат обострения противоречий между приверженцами правовой и институциональной истории и сторонниками изучения более общих вопросов культуры общества: от материальной до конфессиональной составляющей, расширения спектра исторических источников.

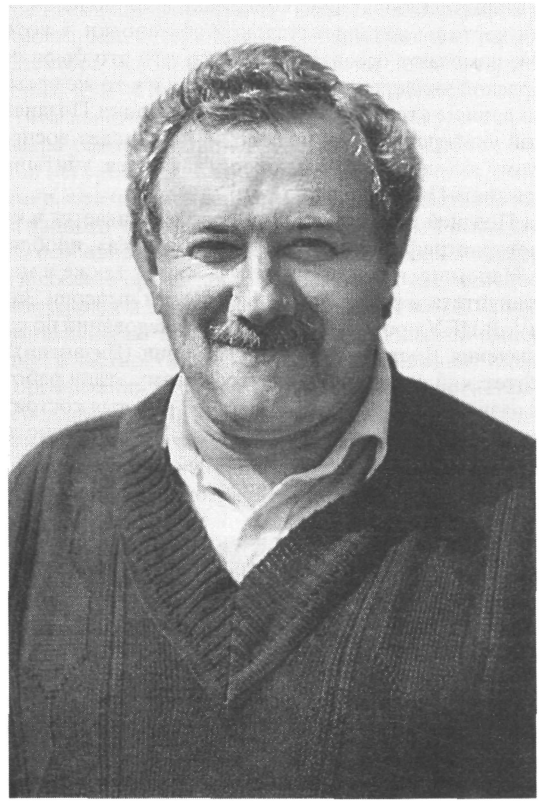
В любом случае данная концепция является значимой, причем не только для развития антиковедения. Однако намеренное упрощение историографической ситуации, безоговорочно принятие исключительно данной идеи и отрицание всех иных, в том числе традиционных позиций описания истории Поздней империи было бы неоправданным. Анализ опыта работы семинара Empires Unlimited в ЦЕУ позволяет сделать любопытные наблюдения и выводы по поводу развития историографической идеи Поздней античности и ее применения в современной исследовательской и педагогической практике.

Н.А. Селунская

---

[11] Janet Nelson (King's College London). «Tenax conglutinatio voluntatum ('a gluing-together of wills that holds fast'): what made the Carolingian Empire hold together?» В лекции Джанет Нельсон анализировались те же вопросы, что и в лекции Питера Хизера: проблемы внутренних взаимосвязей, существующих в рамках сообществ раннесредневекового мира, роль таких традиционных (и узнаваемых для специалиста в области древней истории) инструментов поддержания духа единства, как совместная трапеза, организованная правителем или совместное купание воинов с их полководцем и повелителем.

[12] Constantinople 1453: The Fall of an Empire, the Rise of an Empire. Workshop in co-operation with the Medieval Studies Department at CEU and in the framework of the «Empires Unlimited» University Seminar. 28–29 November, 2003. Central European University, Budapest.



© 2005 г.

МИРОН ИЛЬИЧ ЗОЛОТАРЕВ

(29 декабря 1945 г. – 6 июля 2004 г.)

6 июля 2004 г. после тяжелой болезни скончался один из известнейших археологов Крыма, многолетний автор нашего журнала, кандидат исторических наук, заведующий отделом античной археологии Крымского филиала Института археологии Национальной Академии наук Украины, ведущий научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический» Мирон Ильич Золотарев. Мирон Ильич родился и прожил всю жизнь в Севастополе, городе, который он горячо любил и прекрасно знал. Чтобы убедиться, насколько он был известен и любим в Севастополе, достаточно было пройтись с ним по улице – даже во время самой короткой прогулки несколько случайно встреченных людей непременно здоровались с Мироном Ильичом и останавливались спросить о новостях.

Вся жизнь Мирона Ильича, и не только научная, была связана с Херсонесом Таврическим. Он вырос в доме, находившемся на берегу Карантинной бухты, и еще мальчишкой бегал на развалины расположенного рядом Херсонеса. Повзрослев, Мирон Ильич решил посвятить свою жизнь археологии. Еще во время учебы в Симферопольском университете он начал работать в Херсонесском историко-археологическом музее-заповеднике, с которым впоследствии была связана вся его жизнь. За 34 года работы в заповеднике он прошел путь от научного сотрудника до заместителя директора. С 1974 г. и до последнего года жизни, в течение 30 лет, он руководил

археологической экспедицией, исследовавшей в основном северо-восточный район Херсонесского городища. Результаты этих раскопок по сути дела перевернули наши представления об истории Херсонесского государства и без имени М.И. Золотарева уже давно невозможно представить себе историю изучения Херсонеса.

К числу наиболее важных результатов его раскопок относится выделение М.И. Золотаревым в Херсонесе слоя позднеархаической–раннеклассической эпохи. Кроме других ярких находок, из этого слоя происходит достаточно большая коллекция остраконов (черепков с процарапанными на них именами, использовавшихся для голосования) – находка уникальная не только для Северного Причерноморья, но и для всего античного мира. Данные своих раскопок М.И. Золотарев проанализировал вместе с ведущим российским эпиграфистом Ю.Г. Виноградовым, с которым его связывало не только многолетнее научное сотрудничество, но и тесная дружба, продолжавшаяся вплоть до кончины Юрия Германовича. В результате этого было обосновано предположение, что греки основали Херсонес на век раньше, чем считалось в течение ста последних лет, – вероятно, в 528 г. до н.э., что, разумеется, не могло не повлиять самым существенным образом на нашу оценку всей истории греческой колонизации Северного Причерноморья. Кроме того, выяснилось, что Херсонес первоначально не был чисто дорийской колонией, а это раньше считалось бесспорным, и среди его жителей в раннюю эпоху немалую роль играли ионийцы. Наконец, анализ самих остраконов позволил сделать ряд выводов о политическом устройстве древнейшего Херсонеса. Значение всех этих открытий трудно переоценить.

Другой важный результат исследований М.И. Золотарева был достигнут им в ходе раскопок, проведенных во второй половине 90-х годов совместно с коллегами из США (Мекэлистер колледж, университет Пьюджет Саунд). Им стало всестороннее исследование остатков синагоги, существовавшей в Херсонесе в первые века нашей эры и впоследствии перекрытой ранневизантийской церковью. Остатки синагоги были открыты еще в 30-е годы, но результаты раскопок тогда не получили должной интерпретации, а затем долгое время попросту замалчивались. Проведенное М.И. Золотаревым совместно с американскими коллегами доследование позволило довести до конца изучение этого уникального для Северного Причерноморья памятника и дать ему надежную интерпретацию. В последние годы Мирон Ильич готовил к публикации результаты этого важного исследования и, надо надеяться, они скоро увидят свет.

Много лет М.И. Золотарев занимался исследованием градостроительства в Херсонесе. В результате появилось несколько статей, подготовленных совместно с А.В. Буйских, в которых дан всесторонний план города, представлен вариант реконструкции священного участка – теменоса, предложены новая типология и периодизация жилой застройки городской территории.

Несмотря на то что Херсонес всегда оставался в центре внимания М.И. Золотарева, его научные интересы были много шире. Он участвовал в ряде археологических экспедиций на других памятниках, например, на Березани, в Ольвии, Пичвинари (Грузия), Дебелте (Болгария). Им опубликованы работы по археологии и нумизматике Березани, Ольвии, Феодосии.

М.И. Золотарев был превосходным организатором науки и преподавателем. В 1998 г. в Севастополе был создан Черноморский филиал Московского Государственного университета. После его основания именно на плечи М.И. Золотарева легла трудная задача создать на новом месте систему преподавания истории на уровне, достойном МГУ, в первую очередь, конечно, древней истории, и организации археологической студенческой практики. С этой трудной задачей, отнимавшей много сил и творческой энергии, М.И. Золотарев блестяще справился. До самого конца своей жизни он оставался душой исторического отделения Черноморского филиала МГУ, пользовался не только заслуженным уважением коллег по университету, но и искренней любовью студентов.

Невозможно не сказать и еще об одной заслуге М.И. Золотарева. В 1996 г. ему удалось возродить «Херсонесский сборник» – периодическое издание, пользовавшееся большим научным авторитетом (к сожалению, прекратившееся в 1961 г. на шестом выпуске). Благодаря невероятной энергии М.И. Золотарева сборник стал практически ежегодным – до 2004 г. ему удалось собрать и издать семь выпусков (VII–XIII). Это высокопрофессиональное издание прекрасно зарекомендовало себя и стало своеобразным центром притяжения для всех специалистов по древней и средневековой истории и археологии Крыма. Хотелось бы надеяться, что Херсонесский заповедник и Крымский филиал Института археологии НАН Украины найдут возможность продолжить прекрасное начинание М.И. Золотарева, и «Херсонесский сборник» будет выходить и дальше, теперь уже, увы, с новым ответственным редактором.

Мирон Ильич был не только прекрасным ученым и самоотверженным педагогом. Все, кто знал его, навсегда запомнят его как преданного друга, как человека жизнелюбивого и остроумного, открытого и щедрого. Для многих археологов и историков Москвы, Петербурга, Киева

и других городов, даже не принадлежавших к кругу друзей М.И. Золотарева и связанных с ним лишь деловыми контактами, на протяжении долгих лет он был главной опорой в Крыму. Он делал все возможное для того, чтобы богатые научные материалы Херсонесского заповедника и других крымских собраний стали максимально доступными для специалистов, щедро и бескорыстно делился материалами собственных раскопок, в том числе и неопубликованными – качество в наши дни, увы, не такое уж частое.

Смерть остановила М.И. Золотарева на творческом подъеме. Он не успел осуществить много важных и интересных проектов, над которыми начинал работать; на его рабочем столе остались незаконченные рукописи.

Уйдя от нас, Мирон Ильич оставил пустоту, которую нечем заполнить. Для всех, кто знал его, обаяние Севастополя, Херсонеса и всего Крыма уже никогда не будет прежним.

Редсовет, редколлегия и редакция журнала
«Вестник древней истории» РАН.
Отдел древней истории Института всеобщей истории РАН

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ М.И. ЗОЛОТАРЕВА

1. Раскопки средневекового жилого дома в Херсонесе // Археологические открытия 1971 г. М., 1972.

2. Раскопки у Храма с ковчегом в Херсонесе // Археологические открытия 1972 г. М., 1973 (в соавторстве с О.И. Домбровским).

3. Средневековый набор разновесов из Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. 5. Киев, 1974.

4. Раскопки античного театра в Херсонесе // Археологические открытия 1972 г. М., 1973 (в соавторстве с О.И. Домбровским).

5. Раскопки античного театра в Херсонесе // Археологические открытия 1973 г. М., 1974 (в соавторстве с О.И. Домбровским).

6. Раскопки в Херсонесе // Археологические открытия 1974 г. М., 1975.

7. Подводные археологические работы у западного берега Стрелецкой бухты близ Херсонеса // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев, 1975.

8. Раскопки в Херсонесе // Археологические открытия 1975 г. М., 1976.

9. Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе // Античная древность и средние века. 14. Свердловск, 1977.

10. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // Археологические открытия 1976 г. М., 1977.

11. Исследования в северо-восточном районе Херсонеса // Археологические открытия 1977 г. М., 1978.

12. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.

13. Геоаккустические работы в портовой части Херсонеса // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979.

14. Керамические клейма из раскопок северо-восточного района Херсонеса в 1975–1976 гг. // КСИА. 1979. 159.

15. Некоторые вопросы греко-варварских взаимоотношений в Западном Крыму в V–IV вв. до н.э. // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979.

16. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // Археологические открытия 1978 г. М., 1979.

17. Караимы // Украинская советская энциклопедия. Т. IV. Киев, 1980.

18. О роли ветровых факторов при организации хоры некоторых греческих полисов // ВДИ. 1981. № 1.

19. Керамические клейма из раскопок в портовом районе Херсонеса // Античный и средневековый город. Свердловск, 1981.

20. Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому из округи Херсонеса // КСИА. 1981. 168.

21. Херсонесский гончарный комплекс VIII–IX вв. // Античная древность и средние века. Свердловск, 1982.

22. Chersonesos // Lexikon des Mittelalters. Bd II. München, 1983 (в соавторстве с И.С. Чичуровым).

23. Два типа редких монет Феодосии IV в. до н.э. // ВДИ. 1984. № 1.

24. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // Археологические открытия 1982 г. М., 1984.

25. Новый склеп западного некрополя Херсонеса // Археологія. 1984. 48 (в соавторстве с С.Г. Рыжовым).

26. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV–II вв. до н.э. (по материалам херсонесских клейм из Ольвии) // Проблемы исследования Ольвии. Парутино, 1985.

27. Эллинистическое домашнее святилище в Херсонесе // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси. 1985.

28. Раскопки в Херсонесе // Археологические открытия 1983 г. М., 1985.

29. Новые материалы о взаимоотношениях Ольвии и Западного Крыма в VI–V вв. до н.э. // ВДИ. 1986. № 2.

30. Херсонес и Ольвия в VI–II вв. до н.э. (Проблемы взаимоотношений). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

31. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // Археологические открытия 1984 г. М., 1986.

32. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // Археологические открытия 1985 г. М., 1987.

33. Северо-восточный район Херсонеса в античное время (по материалам раскопок 1976–1986 гг.) // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988.

34. О политической ситуации в Крыму в III в. до н.э. // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989.

35. Об этапах жилой застройки Северо-восточного района Херсонеса в конце V–IV вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989.

36. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в V–II вв. до н.э. по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Одесса, 1989.

37. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990 (в соавторстве с Е.Я. Туровским).

38. Про початковий етап будівництва в античному Херсонесі // Археологія. 1990. № 3.

39. Торговые коммуникации Херсонеса в Скифию в конце IV – первой трети III в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 1990.

40. Формирование архитектурно-планировочной структуры Северо-восточного района Херсонеса в античное время // Древнее Причерноморье. Одесса, 1991.

41. Міжполісні відносини в Північному Причорномор'і в кінці IV ст. до н.э. Херсонес, Боспор та Ольвія // Археологія. 1991. № 4.

42. Сосуд с зооморфным изображением из Херсонеса (К вопросу о связях средневекового Херсонеса с Востоком) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 1992.

43. Древнейший Херсонес // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990 (в соавторстве с Ю.Г. Виноградовым).

44. Межполисные отношения в Северном Причерноморье в конце V–первой половине IV в. до н.э. Херсонес, Боспор и Ольвия // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура. Севастополь, 1992.

45. Раскопки в Северо-восточном районе Херсонеса в 1991 году // Археологічні дослідження в Украіні в 1992 р. Киев, 1993 (в соавторстве с С.В. Ушаковым).

46. Раскопки в Портовом районе Херсонеса в 1992 году // Археологічні дослідження на Украіні 1992 року. Киев, 1993 (в соавторстве с С.В. Дьячковым).

47. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993.

48. La Chersonèse de la fin de l'archaisme // Le Pont-Euxin vu par les Grecs. Paris, 1990 (в соавторстве с Ю.Г. Виноградовым).

49. Moulds for castings of matrices for Roman relief mirrors from Chersonesus // Actas del XI congreso international de bronces antiguos. Madrid, 1993 (в соавторстве с М.Ю. Трейстером).

50. Формы для відливки римських дзеркал із Херсонеса // Археологія. 1993. № 2 (в соавторстве с М.Ю. Трейстером).

51. Теменос античного Херсонеса (Опыт архитектурной реконструкции) // ВДИ. 1994. № 3 (в соавторстве с А.В. Буйских).

52. Херсонес и птолемеевский Египет в III в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности в средние века. Ростов-на-Дону, 1994 (в соавторстве с Ю.Г. Виноградовым).

53. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV–II вв. до н.э. (по материалам херсонесских керамических клейм из Ольвии) // Северо-западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994.

54. Раскопки общественного здания в портовом районе Херсонеса // Археологические исследования в Крыму в 1993 году. Симферополь, 1994 (в соавторстве с С.В. Дьячковым).

55. Исследования в северо-восточном районе Херсонеса // Археологические исследования в Крыму в 1993 году. Симферополь, 1994 (в соавторстве с С.В. Ушаковым).

56. Раскопки в портовом районе Херсонеса // Крымский музей. 1994. № 1 (в соавторстве с С.В. Дьячковым).

57. A Boeotian Lekanis from Chersonesus // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1994. 1.

58. Chersonesus Museum // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1994. 1.

59. К хронологии Юго-восточной линии обороны Херсонеса Таврического // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995.

60. К хронологии древнейшего Херсонеса // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.

61. The Temenos of ancient Chersonesos. An attempt of an architectural reconstruction // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. 1995. 2 (with A.V. Buiskikh).

62. Херсонесская архаика // ВДИ. 1995. № 3.

63. О двух этапах строительства в северо-восточном районе Херсонеса в IV в. до н.э. // ХСб. Вып. VII. Севастополь, 1996.

64. Об одном типе полусферических чаш эллинистического времени // Древнее Причерноморье. III чтения памяти профессора П.О. Карышковского. Одесса, 1996.

65. Новый клад ольвийских дельфиновидных монет из раскопок на острове Березань // Мир Ольвии. Чтения памяти профессора Л.М. Славина. Киев, 1996.

66. Торговые коммуникации между Херсонесом и Скифией в конце IV–первой трети III в. до н.э. // Археологія. 1996. № 2.

67. Sur la Chronologie de Chersonesos à l'époque archaïque // Sur les Traces des Argonautes. Paris, 1996.

68. Древнегрецькі мореплавці у Північному Причорномор'і // Сторінки історіі флоту України. Севастополь, 1996.

69. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археологія. 1997. № 1 (в соавторстве с Э. Оверманом, Р. Макленнаном).

70. Неизвестный план Ольвии П.И. Кеппена // РА. 1997. № 2 (в соавторстве с С.Б. Буйских).

71. О хронологии античных слоев т.н. «Казармы» в Херсонесе Таврическом // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997 (в соавторстве с Д.Ю. Коробковым и С.В. Ушаковым).

72. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса // ХСб. Вып. VIII. Севастополь, 1997 (в соавторстве с С.В. Ушаковым).

73. Информационная система Национального заповедника Херсонес «Таврический». Принципы построения // ХСб. Вып. VIII. Севастополь, 1997 (в соавторстве с И.М. Гуревичем).

74. К пониманию сюжета нескольких позднеантичных светильников // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Севастополь, 1997 (в соавторстве с Д.Ю. Коробковым).

75. О принципах изучения античных водосборных цистерн. По материалам раскопок в Херсонесе. Севастополь, 1997 (в соавторстве с Д.Ю. Коробковым и С.В. Ушаковым).

76. Исследования в Херсонесе // Археологические исследования в Крыму 1994 г. Симферополь, 1997 (в соавторстве с Д.Ю. Коробковым и С.В. Ушаковым).

77. Новий скарб ольвійських дельфіноподібних монет з розкопок на о. Березань // Археологія. 1997. № 4.

78. Находки поливной посуды как датировочный термин в изучении построек византийского Херсона (по материалам раскопок XCVI городского квартала) // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998 (в соавторстве с Д.Ю. Коробковым и С.В. Ушаковым).

79. О культе божественной триады в эллинистическом Херсонесе // Боговите на Понта. Варна, 1998.

80. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Боговите на Понта. Варна, 1998 (в соавторстве с Э. Оверманом).

81. Древнейший этап жилого строительства в дорийском Херсонесе // Древнее Причерноморье. IV чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса, 1998.

82. Новое о епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV веке по Р.Х. // Церковная археология. Вып. 4. Материалы II Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.В. Покровского (1848—1917). СПб., 1998 (в соавторстве с Д.Ю. Коробковым).

83. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. Вып. IX. Севастополь, 1998.

84. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. Вып. IX. Севастополь, 1998 (в соавторстве с Ю.Г. Виноградовым).

85. Кладовая дома XIII века в северо-восточном районе Херсонеса // ХСб. Вып. IX. Севастополь, 1998 (в соавторстве с Д.Ю. Коробковым и С.В. Ушаковым).

86. Worship of the Sacred Egyptian Triad in Chersonesus (Crimea) // Ancient Civilizations from Scytia to Siberia. 1999. 5 (with Yu.G. Vinogradov).

87. L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica. Analisi comparata con gli ostraka dal kerameikos di Atene // Minima epigraphica et papirologica. 1999. № 2 (with Yu.G. Vinogradov).

88. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. Москва, 1999 (в соавторстве с Ю.Г. Виноградовым).

89. Монеты Херсонеса Таврического IV в. до н.э. – XIII в. н.э. Севастополь, 1999 (в соавторстве с Е.М. Кочетковой).

90. Иудейская диаспора в Северном Причерноморье в первые века н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999.

91. Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000 (в соавторстве с Ю.Г. Виноградовым).

92. О крещении жителей Херсонеса Таврического в IV веке // Nomos (Krakow). 1999/2000. 28/29 (в соавторстве с Д.Ю. Коробковым).

93. Торговые коммуникации между Херсонесом и Скифией в конце IV – первой половине III в. до н.э. // Донская археология. 2000. № 1.

94. Judaic diaspora in the North coast of the Black Sea in the initial centuries A.D. // Proceedings of the Twelfth World Congress of Jewish Studies. Jerusalem, 2000.

95. О сакральной функции каменных якорных штоков с о. Березань // Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. Київ, 2001.

96. К истории исследования так называемой «Базилики Крузе» (Базилика № 7) // Проблемы религии стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь–Краков, 2001.

97. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1 (в соавторстве с А.В. Буйских).

98. О государственных границах Херсонеса Таврического в IV веке до н.э. // ХСб. Вып. XI. Севастополь, 2001.

99. О епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV веке по Р.Х. // Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002 (в соавторстве с Д.Ю. Коробковым).

100. Новые находки монет Западного Понта из раскопок Херсонеса Таврического // Известия на народния музей Бургас. 4. Studia in Honorem Ivani Karayotov. Бургас, 2002.

101. Классическая археология и метеорология // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Материалы X международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2002.

102. Была ли херсонесско-ольвийская война в сер. IV века до н.э.? // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Ч. II. СПб., 2002.

103. The System of City Planning in Chersonesos Tauricos // Archälogischer Anzeiger. 2002. 1 (with A.V. Bujskikh).

104. О сакральной функции каменных якорных штоков с о. Березань // Северное Причерноморье в античное время. Сборник научных трудов к 70-летию С.Д. Крыжицкого. Киев, 2002.

105. Раскопки т.н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (украинско-австрийский проект) // ХСб. Вып. XII. Севастополь, 2003 (в соавторстве с Д.Ю. Коробковым, С.В. Ушаковым, Р. Пиленгер, А. Пюльцем).

106. Chersonesus Tauricus // Ancient Creek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003.

107. Портовые сооружения Херсонеса Таврического в Карантинной бухте // Херсонесский сборник. Вып. XIII. Севастополь, 2004.

108. Организация виноделия в позднеантичном Херсонесе // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.

Научно-популярные издания

109. Владимирский собор в Херсонесе. Историко-публицистический очерк. Севастополь, 2002 (в соавторстве с В.С. Виноградовым, В.Б. Ивановым, В.В. Хапаевым).

110. Херсонесские святыни. Популярный исторический очерк. Севастополь, 2002 (в соавторстве с В.В. Хапаевым).

111. Легендарный Севастополь. Увлекательный путеводитель. Севастополь, 2002 (в соавторстве с В.В. Хапаевым).

112. Древний город Херсонес Таврический. Путеводитель. Симферополь, 2002 (в соавторстве с В.В. Хапаевым).

113. По землям древней Балаклавы. Севастополь, 2003 (в соавторстве с В.Г. Шавшиным, В.В. Хапаевым).

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2005 г.

Τοῦ Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου
Κατηχήσεις πρὸς τοὺς μέλλοντας φωτίζεσθαι

Иоанн Златоуст

ОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ К ТЕМ, КТО НАМЕРЕВАЕТСЯ КРЕСТИТЬСЯ

(Серия А. Пападопулоса-Керамевса)

Вступительная статья, перевод с греческого и комментарии *И.В. Пролыгиной*

Цикл огласительных гомилий, впервые предлагаемый русскому читателю, представляет собой собрание из четырех гомилий, произнесенных Иоанном Златоустом в Антиохии предположительно в 388 г. Текст этих гомилий был обнаружен в начале XX в. ученым-византологом А. Пападопулосом-Керамевсом в московской синодальной библиотеке и издан им в Санкт-Петербурге в 1909 г. Они образуют стройный и логичный цикл бесед, три из которых были произнесены перед Крещением, а последняя на Пасху, сразу после Крещения. Эти гомилии значительно дополняют наши знания о том, как совершалась крещальная литургия в Антиохии в IV в. и раскрывают еще одну сторону дарования знаменитого проповедника.

Огласительные гомилии Иоанна Златоуста

Иоанн Златоуст произносил свои проповеди 11 лет своего священства в Антиохии, с 386 по 397 г., и затем в течение пяти лет, с 398 по 403 г., в Константинополе, будучи епископом. Во время Великого поста он обращался с наставлением к тем, кто готовился к принятию крещения в пасхальную ночь.

В раннехристианскую эпоху крещение совершалось почти всегда в зрелом возрасте, и человек, желавший креститься в пасхальную ночь, «оглашаемый» (κατηχούμενος) или «непосвященный» (ἀμύητος) посещал специальные группы «намеревающихся

креститься» (οἱ μέλλοντες φωτίζεσθαι). Запись кандидатов на крещение происходила в начале Великого поста, продолжалась несколько дней и заканчивалась за 30 дней до Пасхи. Будущие крещаемые должны были соблюдать пост, присутствовать на ежедневных беседах, а также на огласительных беседах, которые произносились специально для них. Эти беседы были посвящены, главным образом, объяснению символа веры, церковных таинств, обрядов и символики, а также христианской этике. В христианской литературе такие проповеди называются «огласительными беседами» (ὁμιλίαι κατηχητικαί) или «мистагогическими» или «тайноводственными оглашениями»[1] (μυσταγωγοὶ κατηχήσεις). Само слово «оглашение», κατήχησις, не раз засвидетельствовано у Златоуста[2]. Он обыгрывает значение корня этого слова «отдаваться эхом», «отражаться», говоря, что в отсутствие проповедника его речь должна всегда отражаться в сердцах слушателей.

В Антиохии в самом конце IV в. число таких оглашений, видимо, было меньше по сравнению с другими церквями или с более ранним периодом. В Иерусалиме, например, во второй половине IV в., св. Кирилл Иерусалимский произнес 19 огласительных гомилий. Несколько лет спустя, в 381 г., в Антиохии Феодор Мопсуестийский произнес 16 гомилий.

Из огласительных гомилий св. Иоанна Златоуста в настоящее время известны только12[3], хотя, видимо, их было гораздо больше, причем принадлежность одной из них именно к огласительным гомилиям в настоящее подвергается сомнению (см. ниже о гомилии Τῶν πρώην εἰρημένων). Среди них выделяют обычно две серии:

1. I, II, III, IV огласительные гомилии, так называемая серия А. Пападопулоса-Керамевса[4], названная по имени ученого, впервые опубликовавшего эти гомилии в 1909 г.

2. I, II, III (=IV из серии Пападопулоса), IV, V, VI, VII, VIII огласительные гомилии, серия из афонского монастыря Ставроникита[5], изданная аббатом А. Венгером в 1957 г.

Четыре огласительные гомилии из серии А. Пападопулоса-Керамевса (1909)

В 1909 г. ученый-византолог А. Пападопулос-Керамевс обнаружил в Синодальной библиотеке в Москве рукопись с серией огласительных гомилий Иоанна Златоуста и опубликовал свою находку[6]. Они представляли собой цикл из четырех гомилий, произнесенных в Антиохии. Первая гомилия этой серии (incipit: Ὡς ποθεινὸς καὶ ἐπέραστος) была известна во всех изданиях Златоуста начиная с издания Фронтона Дюка[7]. Вторая, третья и четвертая гомилии были опубликованы впервые. Чет-

---

[1] Сохранились огласительные и тайноводственные гомилии Кирилла Иерусалимского (середина IV в.), Феодора Мопсуестийского, известен трактат «О крещении» Тертулиана, «О таинствах» Амвросия Медиоланского.

[2] PG 49.231–240.

[3] Под именем Златоуста сохранились также две подложных огласительных беседы неизвестного автора в латинском переводе, засвидетельствованные в ранних латинских изданиях Златоуста: 1) Universalis ecclesia gaudet и 2) Super fabricam totius ecclesiae. Кроме того, ему принадлежат две речи, которые также принято называть «огласительными». Это «Огласительная речь на Мф. 20, 1» (PG 59. 577–589) и «Огласительное слово на святой день Пасхи» (PG 59. 721–724).

[4] Издание: первая гомилия – PG 49. 223–232, вторая, третья и четвертая гомилии – *Пападопулос-Керамевс А.* Varia Graeca Sacra. Сборник греческих неизданных богословских текстов IV–XV веков. СПб., 1909.

[5] *Jean Chrysostome.* Huit catéchèses baptismales / Introduction, texte critique, traduction et notes de Antoine Wenger. (Sources chrétiennes. 50 bis). P., 1970.

[6] *Пападопулос-Керамевс.* Varia Graeca Sacra. С. 154–183. Он опирался на кодекс Mosquensis 129 (X в.), а для II гом. также на рукопись императорской Публичной библиотеки, в настоящее время Leningr. Graecus 76 (X в.). Первые три гомилии этой серии были переизданы с французским переводом, вступительной статьей и примечаниями в Sources Chrétiennes: *Jean Chrysostome.* Trois catéchèses baptismales / Introduction, texte critique, traduction et notes par Auguste Piédagnel (Sources chrétiennes. 366). P., 1990.

[7] Opera J. Chrysostomi. T. I / Ed. Fronton du Duc. P., 1609; J. Chrysostomi opera. T. VI / Ed. Savile. Eton, 1612; S.J. Chrysostomi opera. T. II / Ed. Montfaucon. P., 1718 (переиздано в PG 49. 223–232).

вертая гомилия из этой серии (incipit: Benedictus Deus, ecce stellae) сохранилась в латинском переводе, сделанном около 415 г. Анианом Келедским, и была не раз опубликована на латинском. Греческий текст этой гомилии был известен бл. Августину, (Contra Julianum, PL 44. 658) и, видимо, всем крупным издателям начиная с XVI века, поскольку ее incipit не раз упоминается в алфавитном списке творений Златоуста, но, как выяснил А. Венгер, исследуя, в частности, рукописи Бернара де Монфокона, «ему был хорошо известен греческий текст этой гомилии, но он счел ее просто за "безделицу", "quisquilia"»[8]. Источник текста, известный Монфокону, А. Венгер обнаружил позднее в Национальной библиотеке Парижа. Эти четыре огласительные гомилии составляют последовательный и гармоничный цикл бесед, где каждая беседа произнесена в отдельный день: I, II, III гомилии были обращены во время Поста к тем, кто собирался принять крещение, а IV представляет собой торжественное заключение и была произнесена скорее всего на Пасхальной заутрени перед теми, кто только что крестился. Эта четвертая гомилия идентична третьей гомилии из серии восьми огласительных гомилий, обнаруженных в монастыре Ставроникита (см. ниже).

Место и время произнесения IV огласительных гомилий

Эти гомилии были произнесены скорее всего в Антиохии. В конце гом. III (§ 5) Златоуст скорбит о своих грехах, совершенных после крещения, что подходит скорее антиохийскому священнику, чем константинопольскому епископу. С другой стороны, постоянное обращение к теме клятв схоже с гомилиями «О Статуях», произнесенными в Антиохии, в которых он также постоянно обращается к этой теме. В гом. III (§ 9) проповедник говорит о себе как об одном из священников, которые сопровождали епископа при совершении крещения. Такая ситуация соответствует только периоду пресвитерского служения в Антиохии.

Что касается времени произнесения этих гомилий, они скорее всего были произнесены в 388 г. Из гом. II на «Начало Деяний» (PG 51.77) известно, что в этом году Златоуст оставался в Антиохии. Тема клятв, близкая к гомилиям «О статуях», произнесенным в 387 г., и с другой стороны, сходство нескольких пассажей этих гомилий с гомилиями на Бытие (Hom. XII, XXXIII, PG 53. 98, 305), произнесенными в 388 г. позволяют датировать эту серию именно этим годом.

Восемь огласительных бесед из серии А. Венгера (1957)

Восемь огласительных бесед св. Иоанна Златоуста, прежде неизвестных научному миру, были случайно обнаружены в 1955 г. французским византологом А. Венгером в библиотеке афонского монастыря Ставроникита (рукопись Stavronikita 6) во время его путешествия по афонским монастырям. «Беглое прочтение первой гомилии быстро убедило меня, что это подлинный Златоуст», – замечает Венгер, и далее: «Странно, что этот кодекс не привлек внимания выдающихся ученых, таких как дом Баур, путешествовавших по афонским монастырям в поисках неизданных текстов Златоуста и оставивших записи. Вероятно, они просто не видели этого текста»[9]. В 1957 г. он опубликовал текст гомилий с примечаниями, вступительной статьей и французским переводом[10].

Первая и вторая гомилии этой серии были произнесены для тех, кто готовился к крещению, а остальные уже после принятия крещения: III – очевидно, на Пасхальной заутрени (но скорее всего эта гомилия относится к циклу Пападопулоса), IV – в течение пасхального дня или в понедельник, а V–VIII на Светлой седмице.

---

[8] *Jean Chrysostome*. Huit catéchèses baptismales... P. 34.
[9] Ibid. P. 25.
[10] *Jean Chrysostome*. Huit catéchèses baptismales...

В тексте нет прямых указаний на место и время произнесения, этот вопрос был подробно исследован А. Венгером[11]. Он предполагает, что они были произнесены в Антиохии несколько лет спустя после гомилий на Бытие, написанных в 388 г. Его аргументация: Златоуст произнес эти гомилии, когда был еще антиохийским священником, так как в столице епископ из-за большого числа дел не мог посвятить себя проповедническому служению так, как в Антиохии. В 401 г. Златоуст отсутствовал в столице во время пасхальных праздников, и многие оглашенные этого года сетовали на то, что они не могут принять крещение от рук епископа[12]. В 404 г. епископ оставался в своей резиденции, и пасхальные праздники были омрачены кровавыми событиями, о которых сообщает Палладий[13]. Если гомилии были произнесены в Константинополе, то только в промежутке 398–400, 402 или 403 годах. Однако данные внутренней критики, по мнению А. Венгера, не подтверждают это предположение. В этих восьми гомилиях речь Златоуста мало похожа на речь епископа. Во многих местах проповедник говорит о грехах, совершенных после крещения и просит своих слушателей не подражать его примеру, чтобы не следовать путями слез и раскаяния[14]. Такое уничижение и дружеская интонация скорее подходят для священника Антиохии, чем для константинопольского епископа. Но есть и другие, более веские доказательства в пользу того, что эти гомилии были произнесены в Антиохии. В восьмой гомилии (§ 1–6), произнесенной в субботу пасхальной седмицы, Златоуст упоминает о присутствии на празднике людей, пришедших из округи (ἀπὸ τῆς περιοικίδος), которые говорят на другом языке. Трудно предположить, что в непосредственной близости от Константинополя жили какие-то люди, не говорящие по-гречески. Такая лингвистическая ситуация скорее подходила для Антиохии. В городе говорили на греческом, тогда как в округе на сирийском. Златоуст изображает их простую, трудовую жизнь как образец христианской жизни, называя их жизнь «ангельской». Это выражение обычно означает монашескую жизнь. Таким образом можно сказать даже, что речь идет о сирийских монахах-крестьянах, живших в окрестностях Антиохии. «Поэтому с большой долей вероятности, – отмечает А. Венгер, – можно утверждать, что восемь огласительных гомилий относятся к периоду антиохийского служения Златоуста». Основываясь на сходстве языка настоящих гомилий и комментария на Бытие, написанного в 388 г.[15], он считает, что эти гомилии произнесены несколько лет спустя, возможно, в 389 или 390 г.

Гомилия Τῶν πρώην εἰρημένων

Эта гомилия известна с editio princeps гомилий «О статуях»[16] (№ 22). И Ф. Дюк и Савилий относили эту гомилию к циклу гомилий «О статуях». Впервые эта гомилия появляется под названием огласительной в издании Бернара де Монфокона. Он исключил эту гомилию из числа гомилий «О статуях», посчитав, что это отдельная гомилия, обращенная непосредственно к готовящимся к крещению. Монфокон предположил, что эта гомилия могла быть продолжением первой огласительной гомилии Ὡς ποθεινὸς καὶ ἐπέραστος и была произнесена десять дней спустя. Поэтому он поместил ее сразу после первой огласительной гомилии, добавив к ней номер B′[17] (Κατήχησις B′ πρὸς τοὺς μέλλοντας φωτίζεσθαι). В этом же виде она попадает в из-

[11] Ibid. Introduction. P. 59–65.
[12] Эта гомилия известна только в древней латинской версии, PG 52. 421–424.
[13] *Palladius*. Диалог IX. PG 47. 34; *Baur P.Chr.* Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit. Münich, 1929–1930. S. 244–248; *Архиепископ Филарет (Гумилевский)*. Историческое учение об отцах Церкви. Т. 2. СПб., 1882. С. 222–223.
[14] Гом. II, 29; гом. V, 26.
[15] *Jean Chrysostome*. Huit catéchèses baptismales... P. 65.
[16] De Statuis / Ed. J. Harmar. Londres, 1590.
[17] J. Chrysostomi opera. T. II / Ed. Montfaucon. P., 1718.

дание PG[18], которое повторяет издание Монфокона. В настоящее время эту гомилию относят, как и прежде, к серии гомилий «О статуях» и не рассматривают как огласительную гомилию, обращенную только к «намеревающимся креститься»[19].

Огласительные гомилии в русском переводе

На русском языке до сих пор нет полного перевода и издания всех огласительных гомилий Иоанна Златоуста. Полный перевод всех творений Златоуста, предпринятый в конце XIX в. Санкт-Петербургской академией, опирался на издание в PG, которое содержало только две огласительные гомилии: первая – Ὡς ποθεινὸς καὶ ἐπέραστος, и вторая, неверно относимая к огласительным, начиная с издания Бернара де Монфокона – Τῶν πρώην εἰρημένων[20] (см. выше). В 1972 г. в «Журнале Московской Патриархии» появился перевод восьми огласительных гомилий серии Венгера, подготовленный Московской духовной академией. Однако в отличие от блестящего, на наш субъективный взгляд, перевода Санкт-Петербургской академии, перевод МДА выполнен недостаточно аккуратно и требует значительной редактуры. Настоящий перевод впервые, насколько нам известно, представляет русскому читателю четыре огласительные гомилии из серии Пападопулоса.

Перевод выполнен по изданию: *Jean Chrysostome*. Trois catéchèses baptismales / Introduction, texte critique, traduction et notes par Auguste Piédagnel (Sources chrétiennes. 366). P., 1990.

Библейские цитаты приведены по синодальному переводу. В тех случаях, когда перевод ветхозаветной цитаты, приводимой Златоустом, у автора и текст синодального перевода не совпадают, цитата автора дана по русифицированному переводчиком славянскому переводу, а текст синодального перевода указан в примечании. Расхождения с синодальным переводом новозаветного текста также указываются в примечании.

ОГЛАШЕНИЕ ПЕРВОЕ

<Ожидание крещения>

1. Сколь желанен и дорог нам сонм наших новых братьев[21]! Ибо я называю вас братьями еще прежде родов, и прежде рождения приветствую вас как родных. Ведь я знаю, достоверно знаю, какой чести предстоит вам удостоиться и какой власти. А тем, кому предстоит принять власть, обычно все оказывают почести еще прежде [получения] этой власти, услужливостью заблаговременно приобретая их благосклонность на будущее. Так поступаю и я ныне. Ведь вам предстоит удостоиться не обычной власти, но самого царства, и более того не просто царства, но самого царства Небесного[22].

2. Поэтому я прошу и умоляю вас, чтобы вы вспомнили обо мне, когда придете в то царство[23], и как Иосиф говорил главному виночерпию: *Вспомни меня, когда хорошо тебе будет*[24], так и я говорю вам теперь: «Вспомните меня, когда хорошо вам

---

[18] PG 49. 232–240.

[19] О дискуссии по этому вопросу см. введение в издании: *Van de Paverd F*. The Homilies of the Statues of John Chrysostom. Rome, 1970; а также Trois catéchèses baptismales... P. 20–32.

[20] Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. II. Кн. I. СПб., 1898. С. 251–272.

[21] Ср. аналогичное выражение в гом. IV, § 7.

[22] Крещение дарует христианину духовное и небесное царство, ср. Откр. 1:6. Златоуст в своих огласительных гомилиях часто обращается к этому духовному царству, которое дарует ся в крещении Святым Духом: оглашаемому «предстоит принять великого Царя» (гом. II, § 1), «стать царским дворцом» (гом. II, § 7), христианская душа «становится царицей и стоит подле Царя» (гом. III, § 2), оглашаемые «облекаются в царское одеяние» (гом. III из серии Венгера, § 3), и им предстоит вкусить царской трапезы (гом. III, § 6).

[23] Ср. Лк 23:42.

[24] Быт 40:14.

будет». Не за [толкование] снов я прошу этого воздаяния, как Иосиф, ибо не сны я пришел толковать вам, но рассказать о небесных вещах и доставить добрую весть о тех благах[25], которых «*не видел глаз, не слышало ухо*, и которые *не приходили на сердце человеку*. Ибо такие блага *приготовил Бог любящим Его*»[26]. Итак, Иосиф говорил тому виночерпию: *Еще три дня, и фараон возвратит тебя на твое место главного виночерпия*[27]. Я же не говорю: «Еще три дня, и вы будете возливать вино властелину», но «еще тридцать дней[28], и возвратит вас не фараон, а Царь небесный в горнее отечество, в свободный Иерусалим, в небесный город». И тот говорил, что «*Ты подашь чашу в руки Фараону*»[29], я же не говорю, что «Вы подадите чашу в руки царя», но «сам Царь подаст вам в руки эту страшную чашу[30], преисполненную великой силы и драгоценнее всякого творения». Посвященные знают силу этой чаши, узнаете и вы в скором времени. Итак, вспомните меня, когда придете в то царство, когда получите царскую одежду, когда облачитесь в порфиру, обагренную Владычней кровью, когда увенчаетесь диадемой, излучающей во все стороны сияние ярче солнечных лучей[31]. Таковы брачные дары жениха, превышающие наше достоинство, но достойные Его человеколюбия.

<Бедственное положение тех, кого крестят при смерти>

3. Вот почему я ублажаю вас уже теперь, еще прежде [вступления] в те священные брачные чертоги[32]. И не только ублажаю, но и хвалю за благоразумие, потому что вы обратились к просвещению не как нерадивейшие из людей, при последнем издыхании, но как благоразумные слуги, приготовившись с великим благоволением повиноваться Владыке, вы уже сейчас с великой кротостью и усердием подставили выю души вашей под иго Христово, приняли благое иго и обрели легкое бремя[33]. Ибо хоть и равна благодать для вас и для тех, кто посвящается в это таинство[34] при смерти, но не равно произволение и приготовление к этому событию. Ведь те принимают [таинство] на одре, вы же в лоне Церкви, общей всем нам матери[35]: те скорбят и плачут, вы же радуетесь и веселитесь, те стонут, вы же благодарите, те объя-

---

[25] О богатстве даров крещения см. гом. I, § 10–12, 13; гом. II, § 4–5; гом. III, § 2; гом. IV, § 5. В других гомилиях: гом. XIV на Мф. (PG 61. 219), гом. XXI «О статуях» (PG 49. 213) и др.

[26] 1 Кор 2:9.

[27] Быт 40:13; в синод. пер: *Через три дня фараон вознесет главу твою.*

[28] Эта огласительная гомилия была произнесена во время Великого поста за тридцать дней до Пасхальной заутрени, когда совершалось Крещение.

[29] Быт 40:13.

[30] Слово φρικτός – «приводящий в трепет», «страшный» и однокоренные с ним слова часто относятся к таинству Евхаристии. Ср. гом. X на Ин (PG 59. 76), гом. XVIII на 1 Кор (PG 61. 148).

[31] Златоуст говорит о «царстве небесном», которое дарует в крещении Христос. «Царскую одежду» символизирует белая одежда, которую надевали крещаемые после выхода из купели перед тем, как войти в храм для участия в евхаристической трапезе. «Порфира» означает, видимо, первое причастие новокрещенных. Сверкающая «диадема» напоминает о духовной царской власти крещенного. Также известно, что в некоторых церквях существовал обычай возлагать на голову крещенных льняной венок в знак их свободного состояния. Самое раннее упоминание этого обычая встречается как раз в Антиохийской Церкви, в конце IV в. у Феодора Мопсуестийского, который называет этот обряд возложением «орариума», ὠράριον (Hom. Cat. 2, 19).

[32] Слово παστάς, одно из значений которого «брачный чертог», часто встречается у Златоуста как метафора, изображающая духовный союз Жениха-Христа и невесты-души христианина в Евхаристическом общении, см. гом. III, § 2; в серии Венгера – гом. I, § 3; VI, § 24.

[33] Ср. Мф 11:30.

[34] Глагол μυσταγωγῶ – «посвящать в таинство» – означает посвящение оглашаемых в три святых таинства – крещения, миропомазания, которое следовало за крещением, и евхаристии.

[35] Образ Церкви-Матери, появляющийся уже в Гал 4:26, активно развивал Тертуллиан, см. Adv. Marc. V, 4, 8. Эта тема встречается у Иринея, Климента Александрийского, Василия Великого, Кирилла Иерусалимского. Златоуст постоянно подчеркивает значение Церкви как духовной матери всех верующих (см. Против иудеев, гом. I (PG 48. 856); из серии Венгера гом. VI, § 20). В гом. III, § 19 (серия Венгера) он говорит, что нас рождает Христос, см. также гом. L на Мф. (PG 58. 507). Таким образом в крещении Отцом возрожденного человека становится Бог, а матерью Церковь.

ты сильным жаром, вы же преисполнены великой духовной радостью. Поэтому здесь все соответствует дару, а там все противоположно дару: великая скорбь и горе у тех крещаемых, вокруг них стоят рыдающие дети, жена, раздирающая ланиты, печальные друзья, обливающиеся слезами слуги, и весь их дом напоминает своим видом ненастный зимний день[36].

4. И если ты проникнешь в само сердце лежащего, ты обнаружишь, что оно еще мрачнее, чем у них. Ибо как порывы ветра, с силой устремляясь друг на друга, рассекают море на многие части, так и помыслы об обступающих тогда несчастьях, овладевая душой страждущего, разрывают его разум множеством забот. Когда он смотрит на детей, он представляет их сиротство, когда взирает на жену, помышляет о ее вдовстве, когда видит слуг, думает о запустении всего дома, когда обращается к самому себе, вспоминает свою настоящую жизнь и [сознавая, что ему] суждено быть исторгнутым из нее, погружается во мрак отчаяния. Такова душа того, кому предстоит принять крещение. Затем среди этого шума и смятения входит священник, страшнее самой лихорадки и ужаснее смерти для родственников страждущего. Ибо приход пресвитера вызывает у них большее отчаяние, чем слово врача, отчаившегося в его выздоровлении, и основа вечной жизни кажется им символом смерти.

5. Но я еще не дошел до вершины этих бед. Часто среди шума и приготовлений близких душа покидает тело, оставив его в одиночестве, а многим и от ее присутствия уже нет никакого прока. Ведь когда тот, кому предстоит просветиться, уже не узнает близких, не слышит голоса, не может ответить на те слова, которыми заключается этот блаженный договор с общим всем нам Владыкой[37], но лежит, словно никчемное бревно или камень, ничем не отличаясь от мертвеца, какая польза будет от принятия таинства в таком бесчувственном состоянии?

<Нравственное приготовление ко крещению>

6. В самом деле тот, кому предстоит приступить к этим священным и страшным таинствам, должен быть трезвенным и бодрым, освободиться от всякого житейского попечения, преисполниться великого целомудрия, великой ревности, исторгнуть из ума всякий помысел, чуждый этим таинствам, и сохранять дом свой в полной чистоте, поскольку ему предстоит принять самого Царя. Таково должно быть расположение вашего духа, таковы должны быть у вас помыслы, таково произволение души. Ведь за это великое благоразумие вы ожидаете поистине достойную награду от Бога, который превосходит воздаяниями тех, кто проявил послушание Ему. А так как и сослужителям подобает принести то, чем они располагают, то и мы принесем то, чем располагаем, к тому же это не наше, но и это от Владыки. Ибо сказано: *Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил*[38]?

7. Прежде всего я хотел сказать, почему же наши отцы, оставив остальное время года, постановили, чтобы чада Церкви принимали таинство в это время, и зачем после нашего наставления они препровождают вас, разутых и раздетых, нагих и босых, в одном коротком хитоне, к заклинающим [вас] своими возгласами[39]. Ибо не просто

---

[36] § 3. 11–5. 10 – яркий пример экфрасиса, одного из любимых приемов ораторов Второй софистики. Об экфрасисе у Златоуста см. *Ameringer T.E.* The Stylistic Influence of the Second Sophistic on the Panegyrical Sermons of St. John Chrysostom. Washington, 1921. P. 70.

[37] Речь идет о двойной клятве, которую давали оглашаемые перед крещением. В Антиохии это происходило в Великую Пятницу, в три часа по полудни: отречение от сатаны и исповедание своей преданности Христу. Златоуст говорит, что это брачный договор, который мы заключаем со Христом еще до духовного брака (гом. III, § 6) и который необходим для нас перед погружением в «купель возрождения» (гом. III, § 5–6, из серии Венгера: гом. II, § 17, 20, 21).

[38] 1 Кор 4:7.

[39] Под «нагими», видимо, следует понимать «в легкой одежде», на что указывает и слово χιτωνίσκος, «короткий хитон». Слово φωναί означает «громкие голоса», «крики». Златоуст три раза повторяет в этой гомилии, что эти крики были страшными и приводящими в ужас, видимо, желая подчеркнуть тяжесть борьбы с демоном, см. также гом. II, § 12–14.

так и не случайно они придали нам такой вид и определили это время, но то и другое имеет некий таинственный и неизреченный смысл. И об этом я хотел вам сказать, но теперь вижу, что наша беседа призывает нас к другой, более важной теме.

<Названия крещения>

8. Ибо необходимо сказать, что такое крещение, зачем оно вошло в нашу жизнь и какие доставляет нам блага. Но сначала, пожалуй, давайте поговорим о наименовании этого таинственного очищения. Ведь у него не одно, но много разных названий. Этот обряд очищения называется омовением возрождения, ибо сказано: *Он спас нас банею возрождения и обновления Святым Духом*[40]. Он называется и просвещением, как сам Павел опять-таки назвал его: *Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий*[41], и в другом месте: *Ибо невозможно – однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и отпадших опять обновлять покаянием*[42]. Он называется и крещением: *Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись*[43]. Называется и погребением, ибо сказано: *Вы погреблись с Ним крещением в смерть*[44]. Называется и обрезанием: *В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворным, совлечением греховного тела плоти*[45]. Называется и крестом: *Ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное*[46]. Можно указать много и других названий, но чтобы не истратить все время на [перечисление] названий этого дара, давайте обратимся к первому названию, и объяснив его значение, остановимся на этом. А пока дадим истолкование того, о чем сказали чуть выше.

<Крещение – купель очищения>

9. Есть общее у всех людей омовение в купальнях, которое очищает тело от грязи. Есть и иудейское омовение[47], которое хоть и возвышеннее первого, но ниже благодатного. Ибо и оно очищает телесную грязь, но не только телесную, но также зависящую от немощного сознания. Ведь есть множество вещей, которые по природе своей не являются нечистыми, но становятся нечистыми по немощи сознания. И как в случае с детьми маски и прочие пугала, которые по своей природе не страшны, кажутся детям страшными по немощи их естества, так и в этом случае, о котором я сказал. Например, прикосновение к мертвому телу не может быть нечистым по своей природе, но когда оно затрагивает немощное сознание, то делает прикоснувшегося нечистым. Ведь то, что вещь не может быть нечистой по природе, показал сам учредитель этого закона Моисей, который невредимо нес с собой тело Иосифа и оставался чистым[48]. Поэтому и Павел, рассуждая об этой нечистоте, которая происходит не от природы, а от немощи сознания, так говорит: *Нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, [тому нечисто]*[49]. Ты видишь, что нечистота возникает не от природы вещи, а от немощи разума. И еще: *Все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн*[50]. Вот причина нечистоты.

---

[40] Тит 3:5.
[41] Евр 10:32.
[42] Евр 6:4, 6.
[43] Гал 3:27.
[44] Рим 6:4; в синод. пер.: *Мы погреблись...*
[45] Кол 2:11.
[46] Рим 6:6.
[47] О ритуальных омовениях иудеев см. Лев 22:6, Числ 19:9, 13, а также Мк 7:1–5.
[48] Ср. Исх 13:19. Предписание Моисея, запрещающее прикасаться к трупам, чтобы не осквернуться, касается священников (Лев 21:1, 4; 22:4), первосвященника (Лев 21:11), назореев (Числ 6:6–11) и иудеев вообще (Числ 5:2, 9:6–10, 19:11–20).
[49] Рим 14:14.
[50] Рим 14:20.

10. Итак, вот от какой скверны очищало иудейское омовение. Омовение же благодати очищает не от такой, но от настоящей нечистоты, которая вместе с телом производит великое осквернение и в душе. Ибо оно делает чистыми не тех, кто прикоснулся к мертвым телам, но тех, кто коснулся мертвых дел[51]. Развратник ли кто, или блудник, или идолопоклонник, или совершил какое-либо другое зло, или носит в себе все человеческие пороки, погрузившись в воды этой купели, он выходит из этих божественных потоков светлее солнечных лучей. И чтобы ты не подумал, что это пустые слова, послушай, что говорит Павел о силе этого омовения: *Не обманывайтесь: ни идолослужители, ни блудники, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют*[52].

11. Но как это соотносится со сказанным, спросит кто-нибудь? Покажи нам то, что мы хотим знать: все ли это стирается силой этого омовения? Итак, послушай же далее: *И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего*[53]. Мы обещаем показать вам, что приступающие к этому омовению становятся чистыми от всякого порока, и слова [апостола] доказали больше: не только чистыми, но святыми и праведными. Ибо он не сказал: «Только *омылись*», но и *освятились и оправдались*. Что может быть удивительнее того, когда без усилий, труда и добрых дел ты видишь рождающуюся праведность? Ибо таково человеколюбие этого божественного дара, что оно делает праведными без усилий. Если послание царя, состоящее из нескольких букв, отпускает на свободу повинных во множестве преступлений, а других возводит к величайшим почестям, то тем более святой и всемогущий Дух Божий может избавить нас от всякого зла, даровать нам великую праведность и исполнить нас великого дерзновения. И как маленькая искра, упав в бескрайнее море, тотчас гаснет и исчезает, поглощенная обилием вод, так и вся человеческая порочность, когда погружается в купель божественных вод, поглощается и исчезает быстрее и легче той искры.

<Омовение возрождения>

12. Почему же, – спросит кто-нибудь, – если омовение отпускает нам все грехи, оно не называется «омовением отпущения», или «омовением очищения», но «*омовением возрождения*»[54]? Потому что оно не просто отпускает нам грехи, и не просто очищает нас от прегрешений, но так, словно бы мы родились свыше[55]. Оно действительно творит и устраивает нас свыше, созидая не из земли, как прежде[56], но творя из другой стихии, из водного естества. Оно не просто очищает сосуд, но полностью выплавляет его заново. Ибо даже если мы тщательно вычистим посуду, на ней все равно сохранятся следы жира и останутся пятна, а попав в горнило и обновившись в пламени, она очищается от всякой грязи, и выйдя из печи, излучает такое же сияние, как вновь изготовленная.

13. Итак, как кто-нибудь, взяв золотую статую, загрязнившуюся от долгого времени, дыма, пыли и ржавчины, и переплавив ее, возвращает нам чистейшей и сияющей, так и Бог, взяв нашу природу, заржавевшую ржавчиной греха, впитавшую в себя дым прегрешений и утратившую первозданную красоту, переплавил ее свыше и затем, погрузив ее в воды, словно в горнило, и коснувшись благодатью Духа вместо пламени, величественно возводит ее оттуда первозданной, обновленной и сияющей отныне самими солнечными лучами, ибо Он сокрушил ветхого человека и сотворил нового, светлее прежнего[57].

---

[51] Ср. Евр 9:14.
[52] 1 Кор 6:9–10.
[53] 1 Кор 6:11.
[54] Ср. Тит 3:5.
[55] Ср. Ин 3:3, 7.
[56] Ср. Быт 2:7.
[57] Ср. Рим 6:6.

14. И указывая нам на это сокрушение и таинственное очищение, пророк некогда говорил: *Сокрушишь их, как сосуд горшечника*[58]. А что это [говорится] о верных, ясно показывают нам предшествующие слова, ибо сказано: *Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя; проси у Меня, и дам народы*[59] *в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе*[60]. Ты заметил, что он упомянул о Церкви из язычников и указал на распространившееся повсюду Царство Божие? Затем говорит еще: *Ты поразишь их жезлом железным* – не тяжелым, но грозным; *сокрушишь их, как сосуд горшечника*[61]. Вот и представляется это таинственное омовение, ибо он не просто сказал «керамические сосуды», но «сосуды горшечника».

15. Но обратите внимание: разбитые керамические сосуды уже нельзя исправить, поскольку они раз и навсегда затвердели в огне, а сосуды горшечника глиняные и еще не стали керамическими, поэтому если их повредить, им легко можно вернуть прежний вид умением ремесленника. Поэтому, когда [Бог] повествует о непоправимой беде, он говорит не «сосуды горшечника», а «керамический сосуд». Так, когда Он хотел сообщить пророку и иудеям, что ввергнул город в непоправимое бедствие, Он приказал взять керамический кувшин, разбить его пред всем народом и сказать, что «так погибнет город и сокрушится»[62]. Когда же Он хочет внушить им добрую надежду, Он приводит пророка в гончарную мастерскую и показывает ему не керамический сосуд, а показывает ему глиняный сосуд, который был в руках горшечника, а затем упал, и добавляет, говоря: «Если этот горшечник снова складно восстановил упавший сосуд, не тем ли более Я смогу исправить вас падших?»[63]. Поистине Бог может не только исправить нас, глиняных, *омовением возрождения*[64], но и по принятии силы Духа споткнувшихся, через строгое покаяние[65] привести в первоначальное состояние. Впрочем, не время теперь слушать вам слова о покаянии, а лучше пусть никогда не наступит время, когда вам потребуются те лекарства, но навсегда вы сохраните неповрежденными красоту и сияние, которые предстоит вам принять ныне.

<Состояние крещенного – борьба>

16. А чтобы вам навсегда сохранить их, давайте немного побеседуем с вами об образе жизни.

В палестре падения неопасны для борцов, ибо они борются с друзьями и упражняются на телах наставников. Когда же наступит время состязаний, когда откроется стадион, когда наверху сядут зрители, когда появится судья, тогда уже неизбежно предстоит [нам] или упасть по нерадению и удалиться с великим позором или, проявив усердие, получить венцы и награды. Тоже самое предстоит и вам. Эти тридцать дней[66] подобны некой палестре, гимнасиям и упражнениям. Давайте же уже теперь научимся одолевать того злого демона, потому что к борьбе с ним предстоит нам приготовиться после крещения, с ним драться и состязаться. Итак, давайте же уже теперь узнаем его уловки, в чем его сила, и где он легко может повредить нам, чтобы, когда начнутся состязания, нам не смутиться и не прийти в замешательство пе-

[58] Пс 2:9.
[59] Греч. ἔθνη означает и «народы» и «язычники». Объясняя этот стих, Златоуст имеет в виду язычников.
[60] Пс 2:7–8.
[61] Пс 2:9.
[62] Ср. Иер 19:10–11.
[63] Ср. Иер 18:1–6.
[64] Ср. Тит 3:5.
[65] Строгое покаяние способно вернуть верующих в первоначальное состояние, дарованное им после крещения. В De diabolo tentatore (PG 49. 263) Златоуст называет пять способов покаяния: осуждение своих прегрешений, прощение обид, горячая молитва, милостыня и смирение.
[66] Тридцать дней, которые оставались до крещения в пасхальную ночь.

ред лицом необычной битвы, но поупражнявшись уже друг с другом и узнав все его уловки, смело приступить к битве с ним.

<Необходимо сдерживать свой язык>

17. И действительно обычно он вредит нам всеми возможными способами, но особенно через язык и уста. Ибо никакой орган не подходит ему столь [хорошо] для нашего обольщения и погибели, как невоздержный язык и необузданные уста. Поэтому у нас много падений, поэтому у нас тяжкие преступления. И показывая, как легко пасть через язык, некто говорил: *Многие пали от меча, но не столько, сколько павших от языка*[67]. И опять-таки, показывая тяжесть этого падения, он сказал: *Преткновение от земли [лучше], нежели преткновение от языка*[68]. И смысл его слов таков: «Лучше упасть и разбить тело, чем произнести такое слово, которое губит нашу душу». И он говорит не только о падениях, но увещает проявлять великую предусмотрительность, чтобы не споткнутся, сказав так: *Сделай для уст твоих – дверь и запор*[69], и не ради того, чтобы мы соорудили двери и запоры, но чтобы с великой заботой мы удерживали язык от непристойных слов. И еще в другом месте пророк, показывая, что при нашем рвении и прежде него мы имеем нужду в помощи свыше, чтобы удержать внутри этого зверя, простерши руки к Богу[70], говорил: *Воздеяние рук моих – как жертва вечерняя. Положи, Господи, охрану устам моим, и огради двери уст моих*[71]. Также и тот, чьи увещания приведены выше, говорит: *Кто даст мне стражу к устам моим и печать благоразумия на уста мои*[72]. Ты видишь, что и тот и другой боится падений такого рода, скорбит, дает советы и молится, чтобы язык был бдительно охраняем?

18. Но почему, спросит кто-нибудь, если это орган приносит нам столько вреда, Бог дал нам его в самом начале? Потому, что он приносит и великую пользу, и если мы прилагаем старание, он приносит только пользу и никакого вреда. И в самом деле, послушай, что говорит тот, чьи слова мы привели выше: *Смерть и жизнь – во власти языка*[73]. И Христос выражает ту же самую [мысль], говоря: *От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься*[74]. Ибо язык занимает промежуточное положение, и ты властен пользоваться им к пользе или ко вреду. Также и меч лежит посередине: если ты будешь использовать его против неприятеля, он станет орудием твоего спасения, если же ты нанесешь удар самому себе, то не естество железа, но твое беззаконие станет причиной этой раны. Так будем рассуждать и о языке: это меч, лежащий посередине. Итак, заостри[75] его, чтобы обличать свои грехи, а не наносить удар брату. Поэтому Бог окружил его двойной стеной: преградой зубов и покровом губ, чтобы он не произносил легко и необдуманно непристойные слова. Обуздай его, пока он внутри. А если он не сдерживается? Тогда вразуми его с помощью зубов, отдав его плоть этим палачам и повелев кусать его, потому что лучше, чтобы его теперь кусали зубы за грехи, чем тогда жаждать капли воды и жариться, не находя успокоения[76].

---

[67] Сир 28:21.
[68] Сир 20:18.
[69] Сир 28:29.
[70] У иудеев был обычай молиться, воздев руки к небу (см. Пс 63:5, 134:2). Такой совет дает ап. Павел (1 Тим 2:8). Этот обычай перешел в православную и католическую литургию. У Златоуста эта молитва уподоблена псалмопевцем вечерней жертве, часто упоминаемой в В.З.
[71] Пс 140:2–3.
[72] Сир 22:31.
[73] Притч 18:22. Несколько предшествующих цитат заимствованы из книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Во времена Златоуста эту книгу приписывали Соломону. Поэтому неудивительно, что Златоуст отождествляет здесь автора Притч и автора Премудрости Иисуса, сына Сирахова.
[74] Мф 12:37.
[75] Ср. Пс 139:4.
[76] Ср. Лк 16:24.

19. И действительно, язык обычно становится причиной множества других грехов: злословия, богохульства, сквернословия, клеветы, клятв, клятвопреступлений. Но чтобы не загружать вашу голову, говоря сегодня обо всем сразу, мы пока предлагаем вам один закон о воздержании от клятв. Я предупреждаю вас и объявляю, что если вы не будете избегать клятв, – я говорю не только о клятвопреступлениях, но и о клятвах, произносимых в честном деле, – если вы не будете их избегать, мы не будем больше беседовать с вами на другую тему. Ибо если учителя грамматики не преподают детям второй урок, пока не увидят, что они хорошо запомнили первый, нелепо нам, не имея возможности обстоятельно изложить вам первые уроки, добавлять еще и другие. Это ничто иное, как черпать воду решетом[77]. Итак, чтобы вам не заградить наших уст, проявите великую ревность в этом деле. Ведь действительно тяжек этот грех, даже весьма тяжек, и потому он весьма тяжек, что не кажется тяжким, и потому я боюсь его, что никто его не боится; и потому это болезнь неисцелима, что она не кажется болезнью. Но так же как простой разговор не есть преступление, так и это не кажется преступлением, но с большой дерзостью совершается это беззаконие. И если кто-то станет порицать, то сразу поднимется смех и многие насмешки, и даже не над теми, кого обвиняют в клятвах, а над теми, кто хочет исправить эту болезнь. Поэтому я уделил столько времени этому вопросу, ибо я хочу вырвать глубокий корень и стереть давнее зло. Я не говорю только о клятвопреступлениях, но и о верности этим клятвам.

20. Но кто-нибудь скажет: «Вот такой-то – человек добродетельный, имеет сан священства, живет целомудренно и благочестиво, однако клянется». Не говори мне об этом добродетельном, благоразумном, благочестивом и имеющем сан священства, но если угодно, представь на его месте хоть Петра или Павла или ангела, сошедшего с неба, я и тогда не посмотрю на достоинство лиц. Ибо я читаю не рабский, а царский закон о клятвах; когда же читаются царские указы, да умолкнет всякое рабское звание. Если же ты действительно хочешь сказать, что Христос повелел приносить клятвы, или что Христос не возбраняет это, докажи это и я поверю. Но если Он столь ревностно предостерегает от этого, и уделяет столько внимания этому вопросу, так что поставил клянущегося наравне с лукавым, говоря: «А что сверх этого, то есть “да” и “нет”, то от лукавого»[78], – что ты приводишь мне в судьи того или иного? И конечно, Бог произнесет приговор над тобой, не основываясь на нерадивости подобных тебе рабов, но по велению Своих законов. «Я повелел, – скажет Он, – и нужно было повиноваться, а не ссылаться на кого-то и не заниматься чужими грехами». И если великий Давид совершил тяжкий грех, разве безопасно поэтому грешить, скажи мне? Именно поэтому следует остерегаться этого и подражать только подвигам святых. Если же когда-то они проявили беспечность и преступили закон, следует с великим тщанием избегать этого. Ибо не перед подобными нам рабами, но перед Владыкой держать нам ответ, и Ему мы дадим отчет за все дела нашей жизни. Итак, будем готовиться к тому суду, ведь сколь бы ни был удивителен и велик тот, кто преступает этот закон, он все равно непременно понесет наказание, назначенное за это преступление, ибо *Бог нелицеприятен*[79].

---

[77] Поговорка, известная с древних времен, которая буквально означает «наполнять дырявую бочку». См. у Ксенофонта (Oeconomicus. 7. 40) и Василия Великого (De jejunio. PG 31. 184). Златоуст не переставал всеми возможными способами и со всем своим ораторским дарованием внушать слушателям, чтобы они перестали клясться. Он множество раз возвращался к этой теме во время своего Антиохийского служения. Далее, в этой и следующей гомилии, он наглядно изображает бедствия, приносимые клятвами и дает советы, как предупредить и излечить эту болезнь.

[78] Ср. Мф 5:37.

[79] Деян 10:34.

21. Так как же и каким образом можно избежать этого греха? Ибо, конечно, нужно не только показать тяжесть преступления, но и дать совет, как нам избавиться от него. У тебя есть жена, у тебя есть слуга, у тебя есть дети, друг, родственник и сосед. Прикажи всем им бдительно следить за этим. Опасна привычка, она коварно подстерегает нас и трудно уберечься от нее: часто она сбивает нас против нашей воли и сознания. Итак, чем больше ты знаешь силу привычки, тем более старайся избавиться от дурной привычки, и замени ее другой, полезнейшей. И как теперь, несмотря на твое усердие, бдительность, заботу и попечение, она часто может увлечь тебя, так, если ты заменишь ее доброй привычкой не клясться, ты никогда не сможет впасть против воли или по беспечности в бедствия этих клятв. Ибо привычка обладает действительно великой силой, равной силе природы. Итак, чтобы мы не страдали бесконечно, давайте приобретем другую привычку, и попроси каждого из твоих родственников и близких об услуге, чтобы они советовали и увещали тебя избегать клятв, и посрамляли, если уличат тебя в этом. И внимательность к тебе будет и для них советом и увещанием к такой же добродетели. Ибо тот, кто порицает другого за клятвы, не так-то легко сам ввергнется в эту пропасть.

22. Ведь не случайно эту клятвоманию [можно назвать] пропастью, и не только тогда, когда речь идет о пустяках, но и о важных вещах. Мы же, покупая овощи, споря из-за двух оболов, гневаясь на слуг и угрожая им, всюду призываем в свидетели Бога, хотя ты не посмел бы в таком деле призвать в свидетели на площади свободного человека, облеченного каким-нибудь [самым] скромным саном, если же посмел бы, то понес бы наказание за дерзость. А Царя небес и Владыку ангелов ты привлекаешь в свидетели в разговоре о покупках, деньгах и всякой ерунде. Как это можно терпеть? Как нам избавиться от этой дурной привычки? Поставим вокруг себя стражей, о которых я сказал, назначим самим себе определенный срок для исправления и наложим наказание, если по прошествии этого срока мы не исправимся.

23. Сколько же времени потребуется нам на это? Я не думаю, что тем, кто проявляет великую трезвость, бдительность и неусыпную заботу о своем спасении[80], потребуется более десяти дней, чтобы полностью избавиться от дурной привычки клясться. Если же и по истечении десяти дней мы будем замечены в клятве, то наложим на себя наказание и назначим величайшую кару и штраф за преступление. Какое же будет наказание? Уже не я определяю его, но отдаю это право в ваше распоряжение. Если мы так будем поступать с собой, не только в отношении клятв, но и в отношении других прегрешений, назначая срок и осуждая себя на суровые наказания, когда впадем в эти прегрешения, то отойдем чистыми к нашему Владыке, избавимся от геены огненной и с дерзновением предстанем перед судом Христовым[81]. Да достигнем все мы этого дерзновения, милостью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Ним же Отцу слава со святым Духом во веки веков. Аминь.

ОГЛАШЕНИЕ ВТОРОЕ

<Избавились ли вы от привычки клясться?>

1. Итак, изгнали ли вы со своих уст дурную привычку клясться? Ведь я не забыл ни то, что сам сказал вам, ни то, что вы пообещали мне по этому поводу[82]. И действительно, я сказал, и вы дали обещание, хоть и не словами, а восхвалением сказанного.

---

[80] Ср. 1 Фесс 5:6, 1 Петр 1:13, 2 Петр 1:13.

[81] Ср. Рим 14:10.

[82] Златоуст обращается к тем же оглашаемым, с которыми он беседовал в предыдущей гомилии, и продолжает разговор о клятвах, начатый десять дней назад (см. I, 19–24). Это подтверждает тот факт, что обе эти гомилии составляют единую серию и были произнесены во время одного Великого Поста.

А такое обещание надежнее словесного. Ведь часто тот, кто обещает на словах, соглашается языком, но не соглашается мыслью, а тот, кто восхваляет сказанное, одобряет всей душой.

Итак, омыли ли вы язык от этой ужасной скверны? Избавились ли от поругания своей святой души? Надеюсь, что омыли. Ведь вам предстоит принять великого Царя и вкусить великого духовного учения более мудрых Отцов[83]. Прошло достаточно времени, и истек, наконец, срок, отведенный вам на исправление[84], и вот вы кротки и послушны: «*Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны*[85], – говорит апостол, – и во всяком деле слушайтесь их». Полагаясь на все это, я думаю, что вы полностью исправились.

<Я хотел открыть вам тайны крещения>

Но я бы не хотел полагать и думать, но знать точно. Ибо я приступил бы более ревностно к более таинственным[86] словам, не беспокоясь о клятвах, и с большей уверенностью посвятил бы вас в это страшное тайноводство, ввел в это святилище и показал святая святых и все, что там находится: не золотой сосуд с манной[87], но Владычнее тело, небесный хлеб. Я показал бы вам не деревянный ковчег со скрижалями и законом, а непорочную и святую плоть самого Законодателя. Я показал бы там не непорочного закланного овна[88], но принесенного в жертву Агнца Божия, тайную жертву, при виде которой трепещут сами ангелы. Я показал бы вам не Аарона, вступающего в золотой одежде[89], но вступающего [Сына] Единородного, имеющего начатки нашей природы и показывающего самому Отцу величие Своего деяния. Ибо сказано: *Христос вошел не в рукотворное святилище, по образу истинного устроенное, но на самое небо, чтобы предстать ныне за нас*[90]. Там есть завеса, не такая, какая была в иудейском храме[91], но более страшная. Послушай же, что эта за завеса, чтобы узнать, что означает та святая святых, а что эта. *Имея*, – сказано, – *дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам через завесу, то есть плоть Свою*[92]. Ты увидел, что эта завеса страшнее той? Во все это я хотел вас посвятить сегодня[93].

---

[83] Речь идет о духовном понимании таинства крещения и евхаристии через образы Ветхого и Нового заветов, о чем будет сказано далее. Это учение освящено традицией и приписывается предыдущим поколениям, «более мудрым отцам» (συνετωτέρων), которые упоминаются здесь и далее, в конце § 3.

[84] Эти слова отсылают нас к концу гом. I (§ 23), где Златоуст говорит: «Я не думаю, что тем, кто проявляет великую трезвость... потребуется более десяти дней, чтобы... избавиться от дурной привычки клясться». Из гом. I (§ 2) мы знаем, что она была произнесена за 30 дней до Пасхи. Однако нельзя утверждать, что гом. II была произнесена ровно десять дней спустя, то есть за двадцать дней до Пасхи. В § 8 Златоуст говорит, что он оставляет «на завтра» объяснение имени «верные», даваемого крещаемым, а из следующей гом. III (§ 4) известно, что она была произнесена в Великую Среду.

[85] Евр 13:17.

[86] Подразумевается объяснение таинств крещения и евхаристии: видимо, Златоуст намеревался объяснить все обряды крещения, включая самые священные: погружения крещаемых в купель и причастия. Однако его беспокойство о клятвах помешает ему осуществить свой первоначальный замысел.

[87] Ср. Исх 16:33–34.

[88] Ср. Исх 12:1–11.

[89] Ср. Исх 28:6.

[90] Евр 10:19–20.

[91] Ср. Исх 26:31.

[92] Евр 10:19–20.

[93] На первый взгляд эта фраза кажется странной, потому что «посвящение в таинство», μυσταγωγία, закончится только в гом. III, произнесенной в Великую Среду. Однако известно, что число огласительных гомилий в разные годы было разным. Так например, в параллельной серии Венгера, произнесенной, видимо, год спустя, Златоуст произнес только две гомилии, посвященные непосредственно «тайноводству» (см. Huit catéchèses baptismales... Introduction. P. 41), и вторая заканчивалась объяснением смысла погружения в купель. Таким образом, Златоуст говорит, что сначала он хотел посвятить эту гомилию объяснению всех обрядов крещения, но более важная тема вынудила его отложить их объяснение на следующий раз.

2. Но что со мной? Меня не покидает мысль о клятвах, терзая мою душу. Однако я знаю, что многие упрекнут меня в преувеличении, услышав, что она терзает мою душу. Ибо они считают этот грех незначительным, и поэтому я сокрушаюсь еще сильнее. Ведь другие грехи и тяжки, и считаются тяжкими: например, убийство и прелюбодеяние и есть тяжкие грехи, и считаются тяжкими, клятва же – тяжкий грех, однако не считается тяжким. Поэтому я сокрушаюсь и боюсь этого греха. Вот, поистине, вот коварство дьявола – вовлечь нас в скрытый грех, и словно подмешивая яд к обычной пище, он коварно замышляет окутать клятву[94] подобным людским предубеждением.

Что же? Посвятим все наше наставление клятвам? Конечно же, нет, ибо я надеюсь, что хоть кто-то исправился. Ведь когда вышел сеятель, не всякое зерно упало в терние, и не всякое на камни, но многие попали в добрую землю[95], так и ныне не может быть, чтобы после такого наставления, [произнесенного] при стечении столького народа[96], не было никого, кто бы мог представить плод. Итак, поскольку многие исправились, хоть еще и не все, разделим и мы нашу речь. В самом деле, тем, кто не исправился, не следовало бы вообще слушать слова о таинствах, но дабы не навредить другим, мы окажем милость нерадивым ради ревностных, ибо гораздо лучше оказать милость этим ради тех, чем повредить ревностным из-за нерадивых.

<Пасха – время крещения>

3. Я хочу напомнить вам о долге, который взял на себя на прошлой беседе, но еще не вернул, так как мы были вынуждены поговорить о более важном. Что же это за долг?

Я спрашивал, почему наши отцы, оставив остальное время года, законоположили посвящать наши души в таинство в это время[97], и говорил, что не просто так и не случайно было выбрано это время. Ведь если благодать всегда одна и та же, и время года ей не помеха, поскольку она божественная, значит выбор времени имеет какой-то тайный смысл. Итак, почему ныне отцы установили этот праздник? Ныне наш Царь одержал победу в войне с варварами. Ибо все бесы и есть варвары и даже свирепее варваров. Ныне он сокрушил грех, ныне он уничтожил смерть, покорил дьявола и взял пленных[98]. Итак, в воспоминание того победного триумфа мы празднуем этот день.

Поэтому отцы законоположили раздавать царские дары, ибо таков закон триумфа. Так поступают и цари мира сего[99]: дни триумфа они чествуют многими почестями. Только род этих почестей полон бесчестия, ибо какая честь в театральных зре-

---

[94] Предполагая изначально объяснить обряды крещения, Златоуст постоянно возвращается, за исключением § 3–7 к теме клятв. Основные причины, по которым он осуждает произнесение клятв: 1. Постоянное произнесение клятв – наследие язычества, от которого необходимо избавиться как можно скорее. 2. Евангельская заповедь (Мф 5:33 и далее) важнее ветхозаветных установлений (ср. гом. I, § 20, гом. XVII на Мф, PG 57. 259–262). 3. Клянущийся именем Божиим во всяких пустяках, оскорбляет Бога (ср. гом. I, § 23; гом. VII «О статуях», PG 49. 96). 4. Бывают клятвы, которые невозможно выполнить, не нарушив закон – пример Ирода и Иродиады (гом. II, § 9; гом. XIV о статуях, PG 49. 143). 5. Клятва кажется мелким прегрешением, и в этом кроется ее опасность (гом. I, § 19). Искоренение этого порока среди антиохийских христиан, видимо, особенно беспокоило Златоуста. Почти во всех гомилиях «О статуях» также сохранились замечания по этому поводу.

[95] Ср. Мф 13:5–8.

[96] Число принимающих крещение в Антиохии могло доходить до тысячи человек. Палладий в своем «Диалоге о жизни Златоуста» упоминает, что, например, в 404 г. в столице число крещаемых доходило до трех тысяч. В гом. LXXXV на Мф. (PG 57. 763–764), произнесенной приблизительно в 390/391 г. в Антиохии, Златоуст говорит, что в Антиохии было приблизительно сто тысяч христиан.

[97] Ср. гом. I, § 7. Под словами «в это время» и «ныне» чуть далее имеется в виду время Пасхи.

[98] Ср. Эф 4:8, Пс 67:19.

[99] Οἱ ἔξωθεν βασιλεῖς – букв. «внешние цари», т.е. те, которые вне Церкви, языческие цари.

лищах, в том, что совершается и произносится в театрах? Не преисполнено ли все это срама, не великое ли посмешище? А эта честь достойна великого дара Того, Кто почтил нас таким достоинством.

Поэтому они законоположили ныне самим этим временем напомнить тебе о победе Владыки, дабы на этом триумфе были облеченные в светлые платья и приходящие почтить Царя, и не только поэтому, но и затем, чтобы заодно ты приобщился Владыке. Сказано: «Он был распят на древе»[100], распнись и ты через крещение, ибо крещение – это крест и смерть, но смерть греха, а крест ветхого человека[101].

<Крещение – крест и смерть>

4. Итак, послушай, что говорит Павел, как он называет крещение тем и другим словом, [объясняя], что это смерть греха и крест: *Неужели не знаете, что все вы, крестившиеся во Христа, в смерть Его крестились*[102]? – и далее: *Ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное*[103]. А чтобы ты не испугался, услышав про смерть и крест, добавил, что крест – это смерть греха. Ты увидел, каким образом крещение есть крест[104]? Узнай, что и Христос назвал крест крещением, предлагая тебе на выбор и заменяя эти слова. Твое крещение Он назвал крестом: «Мой крест, – говорит, – Я называю крещением».

Где Он говорит об этом? «*Крещением должен Я креститься*[105], которое вы не знаете». Откуда же ясно, что Он говорит о крещении? Пришли к Нему сыновья Зеведеевы[106], а вернее, *мать сыновей Зеведеевых*[107], говоря: *Скажи, чтобы сии сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем*[108]. Просьба матери, хоть и безрассудна! Что же Христос? *Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, и креститься крещением, которым Я крестился*[109]? Ты видишь, что Он назвал крест крещением. Откуда это ясно? *Можете ли*, – говорит, – *пить чашу, которую Я буду пить*? Чашей Он называет свое Страдание и поэтому говорит: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия*[110]. Ты увидел, как Он назвал крест и Страдание крещением? Он назвал их так не потому, что Сам очистился – ибо как [это возможно для] *Того, кто не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его*[111]? – но потому, что Сам очистил кровью, истекшей оттуда, всю вселенную. Поэтому и Павел говорит: *Если мы крещением*[112] *соединены с Ним подобием смерти Его*[113]. Не сказал: «смертью», но «*подобием смерти Его*». И в том, и в другом случае говорится о смерти, но имеется в виду разное: в одном случае смерть тела, а в другом греха, поэтому [сказано]: «*подобие смерти*»[114].

<Крещение – погребение и воскресение>

5. Так что же? Только ли умираем мы с Владыкой, и приобщаемся Ему только в печали? Поистине нет ничего печального в том, чтобы приобщиться Владычней смерти.

---

[100] Ср. 1 Кор 1:23, Гал 3:13, Кол 2:12.
[101] Ср. Рим 6:6.
[102] Рим 6:3.
[103] Рим 6:6.
[104] Невольная игра слов «крещение есть крест» в русском переводе отсутствует в оригинале. Слова βάπτισμα – букв. «омовение», «крещение» и σταυρός, «крест» – этимологически никак не связаны.
[105] Лк 12:50.
[106] Ср. Мк 10:35.
[107] Мф 20:20.
[108] Мф 20:21.
[109] Мф 20:22; Мк 10:38.
[110] Мф 26:39.
[111] 1 Петр 2:22.
[112] Рим 6:4.
[113] Рим 6:5.
[114] Подобная мысль встречается у Кирилла Иерусалимского (Тайноводст. поучения II, 7).

Впрочем, подожди немного и ты увидишь, как ты сам приобщаешься Ему в радости, ибо сказано: *Если мы умерли с Ним, то веруем, что и жить будем с Ним*[115]. Ведь сразу и гроб и воскресение присутствуют в крещении одновременно: [крещаемый] отвергает ветхого человека, принимает нового и воскресает, как *Христос воскрес славою Отца*[116]. Ты видишь, что Он снова говорит о воскресении? Но почему у нас воскресение, гроб и смерть одновременно, ибо мы сразу и погребаемся и воскресаем, а воскресение Владыки имело промедление? Ведь Он воскрес на третий день. Итак, почему наше воскресение сразу, а Владычнее позднее?

Чтобы ты знал, что промедление не от бессилия: действительно, Тот, кто мог воскресить раба[117] в краткий миг времени, тем более мог воскресить Себя Самого. Так ради чего это промедление? Ради чего три дня? Дабы по прошествии некоторого времени после смерти и благодаря этому времени стало неоспоримым доказательство Воскресения. Ведь даже и теперь после такого доказательства есть люди, утверждающие, что Он пострадал лишь призрачно[118]. Если бы не было такого промедления, что бы наговорили они тогда? Ибо дьявол хотел поставить под сомнение не только рассказ о Воскресении, но и веру в смерть Христа, поскольку он знал, хорошо знал, что смерть Спасителя была лекарством для всей вселенной, и старался истребить человеческую веру в нее, чтобы упразднить спасение.

Поэтому Владыка медлит с Воскресением, и приходят иудеи, говоря: «Дай нам воинов, чтобы охранять гроб»[119]. Какое бесстыдство! Когда ты видел, о иудей, охраняемого мертвеца? Ведь если распятый был обычным мертвецом и простым человеком, зачем ты совершаешь такие странные и нелепые поступки? Чего ты боишься, трепещешь и созываешь стражу? Впрочем, Бог не воспрепятствовал этому, но позволил [поставить] стражу, чтобы *нечестивый уловлен был делами рук своих*[120]. Ведь они говорили: «Дай нам воинов, чтобы ученики Его не украли Его и не сказали, что Он воскрес»[121]. Случилось же все наоборот: они взяли воинов, чтобы уже нельзя было сказать, когда Христос воскрес, что Его ученики украли Его, и Он не воскрес[122]. И то, что замышлялось против Воскресения, оказалось в пользу Воскресения, и самих злоумышленников Христос сделал свидетелями Воскресения, чтобы лишить их всякого оправдания в тот день[123].

<Символика заклинаний>

6. Итак, мы достаточно сказали, – по крайней мере, мне так кажется, – чтобы показать, почему отцы повелели принимать посвящение в таинство в это время. И, если вы не утомились слушать, я хочу отдать вам еще один долг и сказать, зачем мы

[115] Рим 6:8.
[116] Рим 6:4.
[117] Ср. Ин 11:43–44. Видимо, имеется в виду воскрешение Лазаря, хотя в Евангелии он не назван рабом.
[118] Следы докетизма еще оставались в конце IV в. Возникнув в первом веке в некоторых направлениях гностицизма, докетизм ярко проявился к середине II в., особенно в Риме, в учениях Валентина и Маркиона. С этой ересью активно боролись Ириней и Тертуллиан; см. Ириней (Adv. haer. III. 16. 18); Тертуллиан (Adv. Marc. IV. 19. 40); Августин (Contra Faustum Manichaeum. II. 4). В IV–V вв. см. Епифаний (Adv. haer. I. 26. 31); Афанасий Великий (De incarn. Verbi. III. 14–15; IV. 20); Кирилл Иерусалимский (Cat. Mystag. II. 5. 7; III. 2).
[119] Ср. Мф 27:64. В евангелии упоминается только о том, что первосвященники и фарисеи просили стражу у Пилата, но самих слов этой просьбы нет. Слова этой просьбы, схожие с теми, что приводит Златоуст, встречаются в апокрифическом евангелии Петра, 30: «Дай нам воинов, чтобы мы могли сторожить его могилу три дня» (см. Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 95. Пер. И.С. Свенцицкой).
[120] Пс 9:17.
[121] Ср. Мф 27:64.
[122] Ср. Мф 28:13.
[123] Ср. Мф 28:4, 11–15.

провожаем вас потом, нагими и босыми к тем, кто заклинает вас возгласами[124]. И здесь опять будет та же самая причина – потому что Царь, одержав победу в войне, взял пленных[125]. И таков вид пленных. Послушай же, что говорит Бог иудеям: «*Как раб Мой Исайя ходил нагой и босой*[126], так и сыны Израилевы пойдут в плен нагие и босые». Итак, желая напомнить тебе видом прежнюю тиранию дьявола, Он ведет тебя к воспоминанию древнего рабского положения. Поэтому вы стоите не только нагие и босые, но и с воздетыми вверх руками, чтобы после этого вы исповедовали владычество Бога, к Которому приступаете ныне.

Все вы доспехи и добыча, и об этих доспехах упоминает Исайя, издавна прежде исхода событий предвозвещая так: *Он будет делить доспехи сильного*[127], и еще: *Он пришел проповедовать пленным освобождение*[128]. А Давид, пророчествуя вместе с тем и об этом плене, говорил: *Ты восшел на высоту, пленил плен*[129]. Но не смущайся, слыша о плене, ибо нет ничего блаженнее этого плена. Человеческий плен ведет от свободы к рабству, а этот плен выводит из рабства к свободе, человеческий лишает отечества и ведет на чужбину, а этот плен прогоняет с чужбины и ведет в отечество[130], вышний Иерусалим. Человеческий плен лишает матери, а этот ведет тебя ко всеобщей нашей матери[131]. Тот разлучает родных и граждан, а этот ведет к вышним гражданам, ибо *вы*, – говорит апостол, – *сограждане святым*[132]. Итак, вот какой смысл имеет этот вид.

<Польза заклинаний>

7. Для чего же те страшные и ужасающие возгласы заклинателей, напоминающие о всеобщем Владыке, каре, наказании, геене? Из-за бесстыдства бесов.

И действительно, оглашаемый, это не помеченный[133] овен, пустая гостиница, проходной двор, прибежище разбойников, пристанище диких зверей, жилище бесов. Когда же Царь решил по своему великому человеколюбию превратить эту пустую, проходную гостиницу, пристанище разбойников в царский дворец, Он для этого послал нас, наставников, и тех заклинателей, чтобы заблаговременно привести в порядок этот постоялый двор.

И мы, наставники своим наставлением делаем прогнившие стены прочными, ибо *всякого*, – говорит Христос, – *кто слушает слова Мои и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне*[134]. Итак, заложим надежное основание, пока не пришел Царь.

И если мы заметим какую грязь и скверну, уничтожим их, ибо таково свойство греха: зловонье и нечистота. Послушай же, что говорит о природе греха Давид: *Как тяжелое бремя отяготели на мне, воссмердели и загноились раны мои*[135]. Мы уничтожаем зловонье и полагаем духовное миро[136], а те, кто заклинают теми страшными возгласами, наблюдают, дабы не появился где дикий зверь, змей, ехидна или скорпион, ибо сколь бы ни был свиреп зверь, услышав тот страшный возглас, он уже не мо-

---

[124] Ср. гом. I, 7.
[125] Ср. Еф 4:8, Кол 2:15, Пс 67:19.
[126] Ис 20:3.
[127] Ис 53:12; в синод. переводе: *И с сильными будет делить добычу.*
[128] Ис 61:1.
[129] Пс 67:19.
[130] Ср. Евр 11:14.
[131] Ср. Гал 4:26.
[132] Еф 2:19.
[133] Слово ἀσφράγιστος, «не отмеченный печатью», подразумевает оглашаемого, который еще не получил печать крещения, которая уподобит его распятому и воскресшему Христу.
[134] Мф 7:24.
[135] Пс 37:5–6.
[136] Ср. 2 Кор 2:15.

жет зарыться или скрыться в норе, но выходит наружу и убегает, хоть и вопреки желанию[137].

<Еще раз о том, что нужно бороться с клятвами >

8. Я хотел сказать и о другом, о чем не обещал. Следовало бы сказать, почему мы верные, а непосвященные оглашаемые[138]. Ибо поистине стыдно и смешно получать честь, даже не зная ее имени.

Но что со мной? Меня опять тревожит мысль о клятвах, призывает не спешить и вернуться к этой теме. Поэтому, отложив тот разговор на завтра, обратимся теперь к наставлению относительно клятв. Клятва страшна, возлюбленный, страшна и опасна: пагубный яд, ужасная отрава, закрытая рана, незримая язва, скрытая тенью трава, яд которой проникает в душу; сатанинское жало, огненное копье, обоюдоострая сабля, отточенный меч, непрощаемый грех, беззаконие, не имеющее оправдания, глубокая пропасть, обрывистая круча, грозная западня, раскинутая сеть, нерушимые оковы, неминуемые тенета. Итак, достаточно ли этого, верите ли вы, что клятва страшнее и ужаснее всех грехов? Послушайтесь меня, послушайтесь, прошу вас.

А если у кого-то есть сомнения, я сейчас же предоставлю доказательство.

Ибо этот грех имеет то, чем не обладает никакой грех. Ведь, не нарушая прочие заповеди, мы избавляемся от наказания, но что касается клятвы, зачастую сдерживаем мы ее или нарушаем, мы все равно подвергаемся наказанию.

Видимо, вы не поняли, что я сказал? Стало быть, нужно выразить это яснее.

Зачастую кто-то клянется совершить противозаконное дело и попадает в нерасторжимые сети: ведь тогда следует или преступить закон, сдержав клятву, или, не сдержав, быть уличенным к клятвопреступлении, но в обоих случаях глубока пропасть, в обоих случаях неминуема смерть и для сохранивших заповедь и для не сохранивших. Так неужели есть что-нибудь пагубнее этого согрешения, соблюдается клятва или не соблюдается?

<История Ирода>

9. И чтобы вы знали, что все это так, и часто многие, не только не нарушившие клятву, но и соблюдшие клятву, подвергали сами себя наказанию[139], я вам поведаю такой рассказ.

<Танец Иродиады>

Однажды Ирод праздновал свое рождение и отмечал день, в который появился на свет[140]. И желая придать ему блеск, пригласил плясать дочь царицы, не зная, что тем самым не мало ее[141] обесчестил. Ибо ему следовало возблагодарить человеколюбивого Бога за то, что Он сотворил его из небытия, дал душу, ввел его в этот честной театр творения, сделал зрителем этого прекраснейшего и чудесного творения, следовало в песнях и благодарениях Владыки почтить этот день, а он почтил его бесчестием. Ибо какое бесчестие превзойдет пляску[142]? В этот день плясала дочь Иродиады!

---

[137] Златоуст старается живо и наглядно изобразить реальность и силу беса, его жестокость и нападки на человека. Такие же яркие сравнения мы видели в гом. I, § 16.

[138] Объяснение слова πιστοί, «верные», относящегося к крещенным, и κατηχούμενοι, «оглашаемые» встретится только в гом. III, § 3, произнесенной на следующий день, где Златоуст будет говорить о вере, необходимой для того, чтобы принять Христа.

[139] Вариант: «становились повинны в наказании».

[140] Ср. Мф 14:6–12, Мк 6:21–29.

[141] Вариант: «обесчестил этот день».

[142] У Златоуста часто встречается резкое осуждение танцев. Он осуждал обычай приглашать танцовщиц, многие из которых были гетерами, на брачный пир. См. гом. XII на Кол. (PG 62. 387). В гом. XLVIII на Мф. (PG 58. 491) он прямо говорит: «Где пляска, там дьявол».

Послушайте все вы, мужи и жены, которые украшаете ваше лучшее время подобными плясками и песнями. Это не малое зло, хоть и кажется безобидным, и потому это и есть великое зло, что кажется безобидным, ибо ему не придают большого значения. Об опасной болезни мы проявляем заботу, и она угасает, а та, болезнь, которая кажется неопасной, из-за самого этого пренебрежения становится опасной. Что ты говоришь? Кто-то дерзает устраивать пляски в доме верного и не боится ли он, что низвергнется с неба молния и спалит все[143]? Я обращаюсь и к женам, чтобы они вразумляли мужей и отвращали их от такого рода удовольствия.

В этот день вошла и плясала дочь царицы[144].

Благословен Бог! К какому целомудрию Он обратил нашу жизнь! Послушайте, верные, к какому Жениху[145] вы приступаете: нашу жизнь, непристойную дотоле, Он украсил стыдливостью, целомудрием и благочестием, ибо то, что не постыдилась совершить тогда царевна, ныне не согласилась бы снести даже простая служанка.

<Клятва Ирода>

Итак, она плясала и после пляски совершила другой более тяжкий грех: она убедила того безумца принести ей клятвенное обещание дать то, что она попросит. Ты видишь, как клятва лишает даже ума? Он легко поклялся дать, что она попросит[146]. А что, если бы она попросила твою голову? А что, если бы все царство[147]? Но этот человек не заметил ничего этого. Ибо рядом стоял дьявол, расставив грозную западню, а после того, как закончил с клятвой, он снял западню и раскинул во все стороны сеть; и тогда внушает ту просьбу, чтобы нельзя уже было вырваться из его силков. *Дай мне*, – говорит она, – *на блюде голову Иоанна Крестителя*[148]. Постыдная просьба, безумный и пагубный дар. Виной тому и другому клятва. Итак, как же следовало поступить? Помните, я говорил, что соблюдая заповедь и нарушая, мы все равно подвергаемся наказанию. Следовало ли отдать главу пророка? Кара невыносима. А если не отдать? Будет повинен в клятвопреступлении. Ты увидел, что со всех сторон пропасть?

Дай мне, говорит, *здесь на блюде голову Иоанна Крестителя*. О прóклятая просьба! Однако он внял, полагая, что заставит умолкнуть тот святой язык, который взывает и ныне, поскольку каждый день, более того, во всех церквях вы слышите в евангелии, как вопиет Иоанн[149] и говорит: *Не должно тебе иметь жену* Филиппа *брата твоего*[150]. [Царь] отсек голову[151], но не отсек голос, он заставил умолкнуть язык, но не заставил умолкнуть обличение.

<Заключение. Призыв к бодрствованию. Святость в крещении>

10. Видите, до чего доводит клятва? Она отсекает головы пророков. Ты увидел приманку? Страшись погибели. Ты увидел сеть? Смотри, не попадись. Отныне следует избегать ее, чтобы рана не стала еще глубже, отныне следует сдерживать руку и окровавленный меч, и после ран, нанесенных клятвопреступлением, сохранять молчание.

---

[143] Златоуст считает, что внезапное несчастье может быть карой Божией за нечестивый поступок или поведение. Известно, что от удара молнии сгорел храм Аполлона в Антиохии в ночь на 22 октября 362 г.
[144] Ср. Мк 6:22.
[145] Ср. 2 Кор 11:2.
[146] Ср. Мф 14:7.
[147] Ср. Мк 6:23.
[148] Мф 14:8.
[149] Ср. Ин 1:23.
[150] Мк 6:18; ср. Мф 14:4.
[151] Ср. Мф 14:10.

Помните об этом – и никогда больше не согрешите, потому что, соблюдая клятву и не соблюдая, вы все равно понесете наказание. Где теперь говорящие: «А если я поклянусь правдиво?». Где тут правда, когда ты преступаешь закон[152]? Где правда, когда Бог запрещает, а ты делаешь? Но терпите теперь, когда мы перевязываем раны, ибо и перевязка имеет нечто мучительное.

Ужасно наказание и за клятвопреступление и за верность клятве еще до нашего наставления, но еще ужаснее оно после нашего наставления. Ибо [Христос] говорит: *Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения в грехе*[153]. Это можно сказать и о вас: что отныне нет никакого оправдания вашим преступлениям.

А теперь [вернемся] к крещению: если оно обнаружит хоть клятвопреступление, хоть верность клятве, хоть блуд, хоть прелюбодеяние, хоть любой другой порок, оно все смывает и очищает с великой тщательностью.

Да сохраните вы и впоследствии эту чистоту, избавившись от всякой скверны, чтобы и мы смогли вашими молитвами разделить в какой-то мере ваше дерзновение. Ибо отныне вам можно молиться за наставников, ведь через некоторое время вам предстоит сиять нам с небес, сверкая ярче самих звезд[154].

Итак, да стяжаем все мы вашими молитвами дерзновение перед судом Христовым[155], через Которого и с Которым слава Отцу вместе со святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

(Продолжение следует)

[152] Ср. Мф 5:37.
[153] Ин 15:22.
[154] Подобное упоминание о сиянии крещенных служит замечательным вступлением к гом. IV, §1 этой серии, произнесенной Пасхальным утром: «Благословен Бог! Вот и на земле появились звезды, звезды ярче небесных. Звезды на земле благодаря Явившемуся с неба на землю. И не только на земле звезды, но даже днем звезды. Днем звезды ярче, чем ночью».
[155] Ср. Рим 14:10.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	– Записки Русского археологического общества
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры АН СССР
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НиС	– Нумизматика и сфрагистика
НС	– Нумизматический сборник
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика
ПИДО	– Проблемы истории докапиталистических обществ
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
AEspA	– Archivo Español de Arqueología
AISCOM	– Associazione Italiana per lo Studio e la Conservazione del Mosaico
AJA	– American Journal of Archaeology. New York
AJPh	– American Journal of Philology. Baltimore
ANRW	– Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Berlin–New York, 1972
BAR	– British Archaeological Reports
BCH	– Bulletin de correspondance hellénique
BiOr	– Bibliotheca orientalis
BMC	– British Museum Catalogues
BRAH	– Boletín de la Real Academia de la Historia
CIG	– Corpus inscriptionum graecarum
CIMA	– Coloquio Internacional sobre Mosaico Antiguo
CIS	– Corpus inscriptionum semiticarum
CMGR	– Colloque Internacional. La Mosaique Gréco-Romaine
CMRE	– Corpus de Mosaicos Romanos de España
CPh	– Classical Philology
CPJ	– Corpus papyrorum Judaicarum. I–III / Ed. *V. Tcherikover, A. Fuchs, M. Stern*. Cambridge (Mass.), 1957–1964
CQ	– Classical Quarterly. Oxford
CRAI	– Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année
DE	– Discussions in Egyptology. Oxford
I.Délos	– Inscriptions de Délos / Ed. *F. Durrbach*. Paris, 1926–1937
IG	– Inscriptiones graecae. Berolini, 1873–...
IGBR	– Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. *G. Mihailov*. Sofia, 1958–1970
IOSPE	– Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini / Ed. *B. Latyschev*. Petropoli, 1885–1916
JAC	– Jahrbuch für Antike und Christentum. Münster
JdI	– Jahrbuch der Indogermanistik. Wien
JHS	– Journal of Hellenic Studies. London
JRA	– Journal of Roman Archaeology. Portsmouth
JRS	– Journal of Roman Studies. London
LIMC	– Lexicon Ikonographicum Mithologie Classicae
MAAE	– Memoirs of the American Academy in Rome
MB	– Madrider Beiträge
MEFR	– Mélanges de l'Ecole Francaise á Rome
MM	– Madrider Mitteilungen. Berlin
NC	– Numismatic Chronicle. London
OBO	– Orbis biblicus et orientalis. Fribourg–Göttingen

OGIS	– Orientis Graecae inscriptiones selectae. I–II / Ed. Gu. Dittenberger. Lipsiae, 1903–1905
PCPS	– Proceedings of the Cambridge Philological Society
PSI	– Papiri greci e latini. Firenze, 1912 –
RE	– *Pauly A., Wissowa G., Kroll W.* Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
REG	– Revue des études grecques. Paris
RhM	– Rheinisches Museum für Philologie. Bonn
RN	– Revue numismatique. Paris
SA	– Studia Archaeologica
SEG	– Supplementum epigraphicum graecum. Amsterdam, 1923–...
SNR	– Schweizerische Numismatische Rundschau. Bern
Syll.	– *Dittenberger W.* Sylloge inscriptionum Graecarum. 3 ed. V. I–IV. Leipzig, 1915–1924
TAPA	– Transactions of the American Philological Association. Atlanta
TZ	– Trierer Zeitschrift für Geschichte und Kunst des Trierer Landes und seiner Nachbargebiete
ZPE	– Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

СОДЕРЖАНИЕ

Немировский А.А. (Москва) – «Пространные анналы» Мурсилиса II – текстологическая условность? ... 3
Суриков И.Е. (Москва) – ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (*К постановке проблемы*) ... 15
Рюпке Йорг (Эрфурт) – Дивинация и принятие политических решений в эпоху Республики ... 34

ПУБЛИКАЦИИ

Коваленко С.А., Молчанов А.А. (Москва) – О монетной чеканке Феодосии в V–IV вв. до н.э. ... 49
Абрамзон М.Г. (Магнитогорск) – Клад гемидрахм Ахейского союза из Диоскуриады ... 63
Крапивина В.В. (Киев), *Диатроптов П.Д.* (Москва) – Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии ... 67

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный «круглый стол» «Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»

Лопес Монтеагудо Г. (Мадрид) – Испано-римские мозаики на мифологические сюжеты в контексте средиземноморской культуры эпохи античности ... 74

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. (Москва) – Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского (*Данные письменных источников*) ... 103
Ефремов Н.В. (Грайфсвальд, Германия) – Родосско-византийская война 220 г. до н.э. ... 128
Степанцов С.А. (Москва) – Антидонатистская тенденция как экзегетический фактор в «Рассуждениях на Послание Иоанна к парфянам» Аврелия Августина ... 153

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Маяк И.Л. (Москва) – Теодор Моммзен как историк ... 168
Дементьева В.В. (Ярославль) – Теодор Моммзен: историко-правовое моделирование римской государственности ... 180

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Антонова Е.В. (Москва) – К интерпретации жгутовидных мотивов на вещах Бактрийско-маргианского археологического комплекса ... 194
Городецкая О.М. (Москва) – Лики Шан/Инь (Китай, II тыс. до н.э.) ... 208

PERSONALIA

К 70-летию Геннадия Андреевича Кошеленко ... 219
Михаилу Борисовичу Пиотровскому – 60 лет ... 222

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ладынин И.А. (Москва) – Памятники и люди. ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 2003 ... 224
Карпюк С.Г. (Москва) – P.J. Rhodes. Ancient Democracy and Modern Ideology. L., 2003 .. 231

Тохтасьев С.Р. (Санкт-Петербург) – T a l I l a n. Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity. Part I. Palestine 330 BCE – 200 CE (Texts and Studies in Ancient Judaism 9). Tübingen, 2002 233

Кошеленко Г.А. (Москва) – The Royal Palace Institution in the First Millennium BC. Regional Development and Cultural Interchange between East and West / Ed. by I. Nielsen (Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 4). Athens, 2001 241

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Селунская Н.А. (Москва) – «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» (Central European University) 249

Мирон Ильич Золотарев (29 декабря 1945 г. – 6 июля 2004 г.) 254

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иоанн Златоуст. Огласительные беседы к тем, кто намеревается креститься (*Серия А. Пападопулоса-Керамевса*). Вступительная статья, перевод с греческого и комментарии *И.В. Пролыгиной* (Москва) 261

CONTENTS

A.A. Nemirovsky (Moscow) – Mursilis II's «Comprehensive Annals»: Just a Textological Conventionality? 3
I.E. Surikov (Moscow) – ΔHMOTEΥTAI: Political Elite of Attic Demes in Early Classical Period (*Statement of the Problem*) 15
Jörg Rüpke (Erfurt) – Divination and Political Decisions in Roman Republic 34

PUBLICATIONS

S.A. Kovalenko, A.A. Molchanov (Moscow) – On Coinage of Theodosia in the 5th–4th c. BC 49
M.G. Abramzon (Magnitogorsk) – A Hoard of Hemidrachms of the Achaean League from Dioscurias 63
V.V. Krapivina (Kiev), *P.D. Diatroptov* (Moscow) – An Inscription of a Governor of Mithradates VI Eupator from Olbia 67

DISCUSSION

International «Round Table» «Hispania in the System of Ancient Mediterranean Civilizations»

G. López Monteagudo (Madrid) – Hispano-Roman Mosaics on Mythological Subjects in the Context of Ancient Mediterranean Culture 74

REPORTS AND COMMUNICATIONS

V.A. Gaibov, G.A. Koshelenko (Moscow) – Nomads of Central Asia in the Time of Alexander the Great (*According to the Written Sources*) 103
N.V. Jefremow (Greifswald) – The War of 220 BC between Rhodes and Byzantion 128
S.A. Stepantsov (Moscow) – Anti-Donatist Tendency as an Exegetical Factor in St. Augustine's «Tractates on the First Epistle of John» 153

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

I.L. Mayak (Moscow) – Theodor Mommsen as a Historian 168
V.V. Dementyeva (Yaroslavl) – Theodor Mommsen: Legal Modelling of the Roman State System 180

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

Ye.V. Antonova (Moscow) – On Interpretation of Twist Motifs on the Objects of the Archaeological Complex of Bactria and Margiana 194
O.M. Gorodetskaya (Moscow) – The Faces of Shang/Yin (China, the II Millenium BC) 208

PERSONALIA

To the 70th Anniversary of Gennadij Andreevich Koshelenko 219
To the 60th Anniversary of Mikhail Borisovich Piotrovsky 222

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

I.A. Ladynin (Moscow) – Pamyatniki i lyudi. GMII im. A.S. Pushkina. M., 2003 224
S.G. Karpyuk (Moscow) – P.J. R h o d e s. Ancient Democracy and Modern Ideology. L., 2003... 231

S.R. Tokhtasiev (St.-Petersburg) – T a l I l a n. Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity. Part I. Palestine 330 BCE – 200 CE (Texts and Studies in Ancient Judaism 9). Tübingen, 2002 233
G.A. Koshelenko (Moscow) – The Royal Palace Institution in the First Millennium BC. Regional Development and Cultural Interchange between East and West / Ed. by I. Nielsen (Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 4). Athens, 2001 241

SCIENTIFIC EVENTS

N.A. Selounskaya (Moscow) – «Late Antiquity»: The Concept, the Context of Historiography and «Empires Unlimited» Seminar (Central European University) 249

Miron Ilyich Zolotarev (29 December 1945 – 6 July 2004) 254

SUPPLEMENT

Τοῦ Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου Κατηχήσεις πρὸς τοὺς μέλλοντας φωτίζεσθαι. Introduction, Translation and Commentary by *I.V. Prolygina* (Moscow) 261

Сдано в набор 12.11.2004 Подписано к печати 12.01.2005 Формат бумаги 70×100 1/16
Печать офсетная Усл. печ. л. 23,4 + 2 вкл. Усл.кр.-отт. 23,5 тыс. Уч.изд.л. 27,5 Бум.л. 9,0
Тираж 996 экз. Зак. 9091

Свидетельство о регистрации № 01101070 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А
Институт всеобщей истории РАН. Тел. 938-56-28; 938-19-12
Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6

АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ «ВЕСТНИКА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»

Готовится к печати первый выпуск нового ежегодного альманаха ***"Вестник истории, литературы и искусства"***. В составе редакционного совета известные российские историки, филологи, искусствоведы: академики – В.Л Янин, Г.М. Бонгард-Левин, М.Л. Гаспаров, Д.В. Сарабьянов, Н.Н. Покровский, А.Б. Куделин, член-корреспондент М.Б. Пиотровский и другие. Свою задачу авторы этого междисциплинарного издания видят в попытке преодолеть «цеховые» барьеры между гуманитарными науками. Новый альманах будет отличаться комплексным подходом к изучению общественной жизни и культуры, соединяя воедино статьи по социальной и политической истории, истории философии и общественной мысли, литературоведению, истории искусств: живописи, архитектуры, театра, кино и др. На страницах альманаха будут публиковаться архивные и музейные материалы.

В *первый выпуск* войдут статьи об уникальных археологических открытиях на Тамани, роли рукописных книг в истории русской культуры, особенностях китайской поэзии и взаимовлиянии русского и японского искусства. Предполагается публикация дневников российских императриц Елизаветы Петровны и Марии Федоровны, новых материалов о творчестве Бодлера, Гоголя, Пастернака, Мандельштама, Стравинского, по истории русского и зарубежного театра, живописи и литературы.

Альманах рассчитан на специалистов, знатоков и любителей русской и зарубежной культуры.

По всем вопросам просим обращаться по адресу: Москва, 119334, Ленинский проспект, 32А. Телефон (095) 938-52-28, факс 938-19-12, электронный адрес vdi@igh.ru